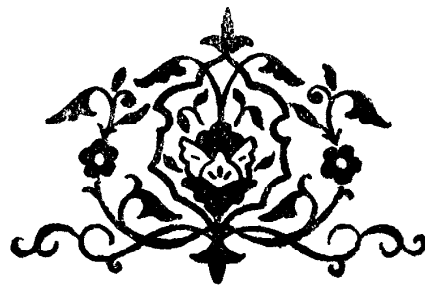

ИСТОРИЯ
НАРОДОВ
УЗБЕКИСТАНА

I

ЎЗБЕКИСТОН ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
ТАРИХ ВА АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИ

Проф. К. В. ТРЕВЕР, проф. А. Ю. ЯКУБОВСКИЙ
ва фан. канд. М. Э. ВОРОНЕЦ

ЎЗБЕКИСТОН ХАЛҚЛАРИНИНГ ТАРИХИ

1
ТОМ

ҚАДИМГИ ЗАМОНДАН XVI АСР БОШИГАЧА

Проф. С. П. Толстов, проф. В. Й. Зоҳидов
ва тарих фанлари кандидатлари Я. Ғ. Ғуломов
Р. Н. Набиевларнинг

ТАҲРИРИ ОСТИДА

ЎзССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ НАШРИЁТИ
ТОШКЕНТ—1950

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

Проф. К. В. ТРЕВЕР, проф. А. Ю. ЯКУБОВСКИЙ
и канд. наук М. Э. ВОРОНЕЦ

ИСТОРИЯ НАРОДОВ УЗБЕКИСТАНА

ТОМ

1

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XVI ВЕКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ.

проф. С. П. Толстова, проф. В. Ю. Захидова
и кандидатов исторических наук Я. Г. Гулямова
и Р. Н. Набиева

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН УзССР
ТАШКЕНТ—1963

ОТ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

Великая Октябрьская социалистическая революция совершила коренной переворот во всех областях жизни нашей страны. Она открыла величайшие просторы для бурного развития науки, культуры и искусства всех народов СССР.

Вместе с небывалым расцветом передовой советской науки росла и развивалась советская историческая наука, перед которой коммунистическая партия, Ленин и Сталин поставили почетную и ответственную задачу марксистско-ленинского освещения далекого прошлого всех народов нашей Родины.

Многие республики и области Советского Союза уже приступили к созданию трудов по истории своих народов. Значительные успехи в этом отношении достигнуты, в частности, в Грузии и на Украине. За решение этой задачи взялись и историографы Узбекистана. В годы советской власти в республике выросли многочисленные кадры историков, которые изучили и разработали множество материалов, хранящихся в архивах Узбекистана, Москвы и Ленинграда. Значительные успехи достигнуты в археологическом изучении памятников материальной культуры Узбекистана.

Рост идейно-теоретического уровня кадров историков, овладение ими марксистско-ленинской методологией, глубокое изучение гениальных произведений классиков марксизма-ленинизма открыли широкие возможности для осуществления новых трудов, с марксистско-ленинских позиций освещающих историю народов Узбекистана.

В годы Великой Отечественной войны было начато составление трехтомной „Истории народов Узбекистана“. В создании первого и второго томов этого капитального труда огромную помощь местным историкам оказали ученые Москвы и Ленинграда. Вместе с ними историографы республики энергично принялись за разработку еще неисследованных проблем прошлого Узбекистана и добились значительных результатов, создав ряд трудов, написанных на основе новейших достижений советской исторической науки.

Осенью 1947 г. вышел в свет второй том „Истории народов Узбекистана“, освещающий период с XVI в. до Великой Октябрьской социалистической революции. Сейчас выходит в свет первый том „Истории народов Узбекистана“, охватывающий период с древнейших времен до XVI в. Большая группа советских историков Узбекистана работает над третьим — последним — томом „Истории народов Узбекистана“, посвященным важнейшему и замечательнейшему периоду в истории узбекского народа — периоду становления советской власти и строительства коммунистического общества в Узбекской ССР.

Работа над трехтомной „Историей народов Узбекистана“ является первым опытом создания такого капитального труда и потому сопря-

жена с большими трудностями. Это не могло не отразиться на его качестве: как показало, в частности, широкое общественное обсуждение второго тома „Истории народов Узбекистана“, он не лишен ряда серьезных недостатков. Дальнейшее углубленное изучение исторического прошлого Узбекистана, коллективность в работе, смелая, открытая большевистская критика и самокритика, высокая требовательность и непримиримость к малейшим отступлениям от принципов марксизма-ленинизма в науке дадут возможность историографам республики успешно решить стоящую перед ними большую задачу по созданию подлинно марксистско-ленинской истории народов Узбекистана.

Институт истории и археологии Академии Наук Узбекской ССР и коллектив авторов и редакторов первого и второго томов „Истории народов Узбекистана“ обращается к широкой советской общественности с просьбой помочь им критикой недостатков уже изданных томов и тем самым содействовать дальнейшей разработке проблем истории Узбекистана. Институт истории и археологии Академии Наук Узбекской ССР выражает искреннюю благодарность ученым Москвы и Ленинграда, деятельно участвовавшим в создании первых сводных работ по истории народов Узбекистана и оказавшим этим неоценимую помощь: академику Б. Д. Грекову, академику В. В. Струве, членам-корреспондентам Академии Наук СССР С. В. Бахрушину, А. Ю. Якубовскому, К. В. Тревер, М. В. Нечкиной, Н. М. Дружинину, проф. С. П. Толстову, члену-корреспонденту Академии Наук Узбекской ССР А. К. Боровкову и проф. Е. В. Бунакову.

* * *

Первый том „Истории народов Узбекистана“ написан членами-корреспондентами АН СССР проф. К. В. Тревер и проф. А. Ю. Якубовским, а также кандидатом исторических наук М. Э. Воронцом.

Часть первая—Первобытно-общинный строй—составлена М. Э. Воронцом (стр. 17—38).

Раздел, посвященный периоду возникновения и развития рабовладельческого строя до его распада и глава «Народы Средней Азии при тюркском каганате (VI—VII вв.)», написаны К. В. Тревер (стр. 41—152).

Раздел, освещающий переход к феодальному строю, от главы II части V—«Завоевание арабами Средней Азии» и главы, освещающие историю феодализма до начала XVI в., написаны А. Ю. Якубовским (стр. 153—407).

Обработка и подготовка к печати материалов первого тома, составление указателей осуществлены и. о. старшего научного сотрудника Института истории и археологии Н. Б. Байковой.

В составлении библиографии к первому тому, наряду с авторами, принимал участие коллектив научных сотрудников Института истории и археологии АН УзССР.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопрос о написании истории отдельных народов Средней Азии перестал быть предметом дискуссии. Сама жизнь решила его. В настоящее время уже вышли в свет истории казахского народа, таджикского народа, второй том «Истории народов Узбекистана» и др.

Сколько бы ни было недочетов в этих работах, в самом факте их появления нельзя не признать большого успеха советской исторической науки. Уже этот сравнительно небольшой опыт показывает, что можно писать историю не только Средней Азии в целом, но и ее отдельных народов.

Характерно, что сама возможность написания истории отдельных народов Средней Азии появилась лишь в обстановке нашей великой советской эпохи. Еще тридцать с небольшим лет назад никто из специалистов не ставил, да и не мог поставить перед собой подобного вопроса. Ведь только при советской власти народы Средней Азии, до той поры угнетавшиеся царизмом и местными эксплуататорами и не успевшие стать нациями, получили возможность политически оформиться в самостоятельные республики, стать социалистическими нациями и войти в качестве равноправных членов в братскую семью великого СССР.

Было бы, однако, неверным утверждать, что написание отдельных историй народов Средней Азии не встречает никаких трудностей.

Все народы, живущие на территории Средней Азии, связаны между собой не только политически, экономически и культурно, но в какой-то мере и этногенетически. Тем не менее опыт показывает, что в одних случаях выделение из общей истории Средней Азии частной истории какого-нибудь народа происходит сравнительно легко, а в других сопровождается значительными затруднениями.

Известно, что историю казахского, киргизского, туркменского народов написать, выделив ее из общей истории Средней Азии, легче, чем написать историю узбеков и таджиков. Объясняется это прежде всего тем, что узбеки и таджики в своей истории так тесно переплетены (территориально, экономически, политически и культурно), что на первый взгляд может показаться почти невозможным отделить историю одних от истории других. В связи с этим нельзя не поставить вопросов: 1) чем объясняется такое переплетение и 2) как можно размежевать написание самостоятельных историй?

Остановимся сначала на первом вопросе. Он прежде всего упирается в проблему этногенеза узбекского и таджикского народов. Если учесть достижения советской историографии по вопросам этногенеза народов Средней Азии за последние, по крайней мере, двадцать лет, то картина может представиться в следующем виде. Таджики и узбеки—

наиболее древние из культурных народов Средней Азии, их история связана с Согдом, Хорезмом, Бактрией, Ферганой, Шашем, на территории которых находились очаги богатой в древности цивилизации.

В советской исторической науке стало уже общепризнанной истиной, что история народа нередко старше истории его имени. Хорошо известно, что таджики существовали и имели свою культуру значительно раньше того времени, когда они получили свое имя. То же можно сказать и об узбеках, которые свое имя получили значительно позже, чем таджики, хотя живут в самом сердце Средней Азии с глубокой древности. История сложения таджикского и узбекского народов обнимает десятки веков и захватывает в свой процесс немало племен, народностей, которые входят в народообразование в качестве существенных исторических слагаемых, образуя то, что в исторической науке называется этногенезом того или иного народа.

Еще совсем недавно в историографии Средней Азии господствовал, как наследие буржуазной науки, наивный и примитивный взгляд, что узбеки—пришлый народ, что в Мавераннахре, т. е. на территории современного Узбекистана, они появились только с конца XV в., а до того времени жили в степях на север от Мавераннахра и занимали обширные степные пространства до Иртыша, и что историю узбеков на территории Узбекистана можно начинать только с XV в. Теперь эта наивная, ничего общего с наукой не имеющая и политически вредная точка зрения оставлена совершенно. Узбеки, о которых мы только что упоминали, действительно пришли на землю Узбекистана в XV—XVI вв., однако это были узбеки-кочевники, которые в составе узбекского народа представляют лишь одно из слагаемых.

Узбекский народ формировался как тюркоязычный народ на территории Узбекистана за много веков до появления в оседлых районах Средней Азии кочевников-узбеков, хотя и не носил их имени. Имя свое народ этот действительно получил от узбеков-кочевников, но высокую оседлую культуру выработал задолго до их прихода, на базе древней согдийско-хорезмийской цивилизации, совместно с таджиками, раньше узбеков ставшими народом оседлым и земледельческим в основных оазисах юга Средней Азии. Таким образом, вся история тюркского населения Мавераннахра, а в древности Согда, Хорезма, Ферганы, Шаша (Ташкентской области), есть история узбекского народа. Не все вопросы его этногенеза решены, они только выдвинуты советской наукой, многое еще неясно, однако путь решения намечен правильно. Для полноты картины не хватает еще некоторых звеньев, приходящихся главным образом на периоды древней истории.

Советская историография вдребезги разбила миф об единстве тюркского мира. Пантюркизм—реакционное политическое направление, которое преследует лишь захватнические цели и ничего общего с исторической наукой не имеет. Народы Средней Азии, говорящие на языке тюркской системы, имеющие свою конкретную историю, свой конкретный этногенез, представляют собой каждый в отдельности самостоятельное историческое образование с целым рядом своеобразных черт.

Самостоятельным историческим образованием является и узбекский народ, этногенез которого очень своеобразен и, надо сказать, достаточно сложен. Стоит только мысленно пробежать хотя бы средневековую историю Средней Азии, чтобы представилась весьма характерная картина этногенеза узбекского народа. Едва ли кто-нибудь из специалистов-историков может сейчас оспаривать, что в VII в., накануне арабского нашествия на Среднюю Азию, в Шаше, Фергане, Хорезме, Тохаристане и

Согде, понимая под последним не только долину Зарафшана, но и Кашка-дарью, наряду с согдийским, тохаро-бактрийским, хорезмийским населением, говорившим на языках иранской системы, жили народности, говорившие на языках тюркской системы. Вся дальнейшая история обширных культурных областей между Аму-дарьей и Сыр-дарьей есть история формирования двух крупных культурных народов Средней Азии—сначала таджиков, а затем узбеков, причем последние в течение долгих веков упоминались в источниках под именем «тюрков». Хорошо известно, что тюркское население Мавераннахра особенно увеличилось, начиная с конца X—XI вв., когда вместе с завоевателями-караханидами пришло в Мавераннахр в виде военных отрядов с их семьями со стороны Семиречья и Кашгара некоторое количество тюркоязычных племен: карлуков, чигилей, ягма и др. Нельзя отрицать ни самого этого факта, ни его важности в истории Средней Азии, однако было бы глубоким историческим заблуждением, а это до сих пор имеет место в работах о Средней Азии, считать, что тюркоязычное население, как значительная часть всех обитателей Междуречья (между Аму-дарьей и Сыр-дарьей), появилось лишь со времени караханидского завоевания. В руках археологов и историков—огромное количество фактов, указывающих на проживание в пределах Междуречья не только кочевых тюркоязычных племен,—карлуков Тохаристана VI—VIII вв., карлуков Ферганы VII—VIII вв.—но и оседлых. Вспомним только обстановку восстания Абурия в долине Зарафшана в районе Бухары (конец VI в. н. э.), где, наряду с кочевыми, жили и перешедшие на оседлый земледельческий труд тюркоязычные племена. Все это—бесспорные факты истории среднеазиатского Междуречья.

А что же сказать о такой древней культурной области, как Шаш, где тюркоязычное население в VI и последующих веках занимало значительное место! Самый термин «тюрки», как политический, а потом и собирательный в отношении к отдельной группе племен, известен в истории Средней и Центральной Азии лишь с VI в. со времени образования первого тюркского каганата и разгрома эфталитов. Однако теперь едва ли найдется кто-нибудь из серьезных историков, кто усомнился бы в том, что тюркоязычное население существовало до VI в. Достаточно напомнить только один факт: уйгуры—народ, говорящий на языке этой системы,—известны в истории Центральной Азии за несколько веков до появления термина «тюрк».

Таким образом и здесь мы должны помнить приведенную выше историческую истину, что народ и его язык зачастую старше его имени. Не может быть опровергнуто положение, что племена, говорящие на языках тюркской системы, существовали на территории Средней Азии и, в частности, в Междуречье, задолго до VI в. Это приводит нас к сложной проблеме этногенеза народов Средней Азии в древности, проблеме, в разрешении которой наибольшее участие из современных историков принимает С. П. Толстов.

Историкография Средней Азии (история, археология, этнография с учетом лингвистических данных) установила, что в древности основным населением Хорезма, Тохаристана, Ферганы и Бактрии были ираноязычные и тюркоязычные народности Междуречья, из которых первые раньше, а вторые позже, перешли на оседлое состояние.

Археологи уже обратили внимание на то, что в погребениях и первых веках н. э., и конца первого тысячелетия до н. э., наряду с антропологическим и археологическим материалом, имеющим прямое отношение к так называемому иранскому населению, встречается материал, яв-

но к нему не относящийся. Работы ближайших лет, особенно в области археологии, дадут много фактов для решения вопроса о древности тюркоязычного населения.

Значительно легче обстоит дело в отношении этногенеза узбекского народа в эпоху дофеодальную и феодальную, т. е. в VI—XIII вв. Как указывалось выше, узбекский народ слагался параллельно с таджикским. Было бы очень большим упрощением и искажением исторической действительности представлять процесс сложения таджиков как прямолинейное продолжение развития древних согдийцев, а узбеков—как прямолинейное развитие тюрков среднеазиатского Междуречья. В конкретной исторической обстановке все протекало значительно сложнее. Только таджики, обитающие в горных районах верхнего Зарафшана, в какой-то мере могут считаться прямолинейными потомками древних согдийцев, живших там. Но уже таджики Южного Таджикистана представляют собой сложный этногенетический продукт, в состав которого входят древние бактрийцы, тохары и лишь частично согдийцы; там издревле существовал и значительный слой тюркоязычного населения. Можно ли с уверенностью сказать, что этот слой остался совершенно в стороне от процесса сложения таджиков и этнически никак не вошел в качестве слагаемого в их состав? Думаем, что сказать этого нельзя. Еще более сложен вопрос об этногенезе таджиков Кара-тегина, Дарваза, Шугнана и других горных областей Таджикской ССР. Не был прямолинейным и процесс сложения таджиков на территории Согда; здесь они вобрали в себя не только согдийцев, но и остатки народов, одно время властвовавших над Согдом, например тохаров.

Тюркоязычные обитатели Узбекистана жили в древности и в раннем средневековье среди массива согдийско-хорезмийского населения ранее, чем тюрки, перешедшего на оседлое состояние и земледельческую культуру, составляя в нем хотя и не малую, но все же меньшую часть.

По мере усиления тюркоязычного населения, особенно после караханидского завоевания и падения государства саманидов, удельный вес тюркского сектора значительно увеличился. Установленная еще К. Марксом закономерность отношений между оседлыми и кочевыми областями Востока выражалась в Средней Азии в том, что кочевники—саки и тохары древности, раннесредневековые тюрки и т. д.—все время частично переходили на оседлое состояние и земледельческую культуру.

Особенно значителен этот переход был при караханидах в XI—XII вв. Переход тюрков-кочевников на земледельческий оседлый труд означал полное их включение в обстановку всей земледельческой культуры издревле жившего здесь населения—согдийского, тохарского и тюркского. Усиление перехода на оседлое состояние карлуков, гузов, чигилей, ягма и других означало для них подъем на более высокую ступень культурной жизни, делало их преемниками опыта и традиций древней цивилизации ираноязычных и тюркоязычных оседлых народов. Это был многовековой процесс переформирования огромных массивов населения, который коснулся не только пришлых тюркских племен и родов, но и древнего коренного населения как ираноязычного, так и тюркоязычного. Между теми и другими происходили браки, в ряде районов и областей (в долине верхнего и нижнего Зарафшана, Кашка-дарьи, Сурхан-дарьи и нижнего течения Аму-дарьи) намечалось отюречение согдийского и хорезмийского населения в языковом смысле, т. е. стало слагаться тюркоязычное население, в составе которого были не только карлуки, чигили, ягма, гузы и кипчаки, но также значительная часть ираноязычного

населения Согда и Хорезма, потерявшего свой прежний язык. Это тюркоязычное оседлое население и вошло в качестве весьма важного слагаемого в состав современного узбекского народа. Отюречение в языковом смысле сначала согдийцев и хорезмийцев, а затем таджиков шло веками вплоть до самого последнего периода, так как процесс перехода на оседлое состояние не прекращался в течение всего средневековья и нового времени. Процесс тюркизации в языковом смысле захватывал не только сельские местности, но, как известно, и города. Вспомним хотя бы Маргелан, где еще в XV в. господствующей речью была таджикская.

Таким образом, в состав современного узбекского народа входят не только древнейшее тюркское население среднеазиатского Междуречья, не только тюркские племена, пришедшие в конце X и XI вв. вместе с караханидской династией, но и отюреченные согдийцы и хорезмийцы, а потом и таджики, причем в ряде районов (долины Зарафшана, Кашкадарьи, Чирчика и Ферганы) этот слой довольно значителен. Вошли в состав узбекского народа и некоторые отюреченные монгольские племена, например джалаиры в долине Ангrena и барласы в долине Кашкадарьи*. Характерно, что барласы, частью отюреченные в XIII в. в Семиречье, окончательно потеряли свой монгольский язык в конце XIII и начале XIV вв. в долине Кашкадарьи. Это могло произойти только вследствие того, что к тому времени местное ираноязычное население было уже вполне отюречено в языковом отношении. Нельзя, однако, преувеличивать значение монгольского слоя в составе узбекского народа; особенного влияния на него он не оказал.

Подводя итог всему сказанному, мы должны со всей категоричностью подчеркнуть, что основа современного узбекского народа выработалась еще задолго до появления узбеков-кочевников конца XV—начала XVI вв. Последние были лишь новым слагаемым в этногенезе узбекского народа, слагаемым, которое постепенно, в процессе перехода на оседлый быт, приняло все культурное наследие от тюркоязычного земледельческого населения среднеазиатского Междуречья. Принимая все это во внимание, мы можем сказать с полной убежденностью, что узбеки, говорящие на языке тюркской системы, во много раз ближе стоят к таджикам, хотя и говорящим на языке иранской системы, чем к другим тюркоязычным народам Средней Азии, связанным с турками-османами лишь принадлежностью к одной языковой системе. Высказанные выше исторические соображения по поводу этногенеза таджиков и узбеков помогут нам разобраться в вопросе о том, как размежевать историю таджиков и узбеков.

Хотя древняя история согдийцев, бактрийцев, парфян, хорезмийцев и других народностей значительно яснее, чем древняя история народностей тюркоязычных, однако нельзя отрицать, что уже очень давно, не только в середине века, но и в древности, те и другие творили богатую своими достижениями культуру совместно, причем каждый из них вносил в нее свои своеобразные черты, которые обогащали одна другую.

Таджики и узбеки на протяжении долгих веков создавали во многом общую материальную культуру, единую архитектуру, близкое друг другу изобразительное искусство, и только там, где более всего сказывалось различие, а именно в языке, создавали разную литературу, одинаково богатую, а по сюжетам и идеологии часто весьма друг другу близкую.

* Вопрос о монгольском происхождении джалаири и барласов еще является спорным и в науке не разрешен. Прим. ред.

Ныне таджики и узбеки живут в Средней Азии как два народа, две социалистические нации, образуя две республики, входящие в великий Советский Союз—Таджикскую ССР и Узбекскую ССР. Эти республики, естественно, имеют свои территории, но в прошлом, в своей истории каждая из них не может обойтись без исторических экскурсов на территорию другой, так как в прошлом они были теснейшим образом связаны между собой, как это мы и видели выше. Нельзя писать историю России без Киевской Руси, хотя последняя и находилась на территории нынешней Украинской ССР. Киевская Русь, как культурное наследие и основа исторического развития, входит в состав трех братских республик: РСФСР, Украинской ССР и Белорусской ССР. Эта общность Киевской Руси только содействует братству трех народов—русского, украинского и белорусского. В такой же мере и территории Согда, понимая последний в широком смысле, входят в историю как узбекского, так и таджикского народов, ибо именно здесь зарождался, наряду с Хорезмом, Парфией и Бактрией, замечательный очаг крупнейшей в древности среднеазиатской цивилизации, одинаково общей и для таджиков и для узбеков.

За последнее время в нашей прессе и востоковедческой литературе немало внимания было уделено вопросам борьбы с пантюркизмом и паниранизмом. Об отражении пантюркизма в исторической науке о Средней Азии мы уже сказали несколько слов выше.

Народы тюркской системы не представляют, как учат реакционеры пантюркисты, единого целого мира, а каждый из них являет собой сложное своеобразное историческое образование, отличное от другого в этносе, языке и культуре. Насколько сильно бывает иногда отличие одного тюркоязычного народа от другого, мы уже видели на примере изучения этногенеза узбеков.

Узбеки ближе к таджикам, чем к туркам, хотя у узбеков с турками имеется общая принадлежность к одной языковой системе. Реакционеры паниранисты считают исторически реальным единый культурный иранский мир, причем одни проповедуют, что центром, откуда распространялась «иранская» культура, является Иран (Персия), а другие—Афганистан. Это грубейшее извращение истории. Нет единого иранского мира, а есть разные ираноязычные народы: персы, таджики, курды, белуджи, афганцы и т. д.; каждый из них имеет свои конкретные историю и этногенез, свою исторически сложившуюся своеобразную культуру.

Возьмем два ираноязычных народа, очень близких по языку—персов и таджиков. Исторически они складывались на разных территориях, часто в разной исторической обстановке, причем из разных этнических слагаемых. В состав таджикского народа, как мы выше видели, вошли согдийцы, бактрийцы, тохары. Характерно, что ни одна из этих народностей не вошла в состав персидского народа.

Большая заслуга советской археологии заключается в том, что она установила ныне неоспоримый тезис о богатстве и своеобразии среднеазиатского очага древнейшей цивилизации человечества.

Буржуазная наука Западной Европы и Америки из корыстных, захватнических целей империалистической политики всячески отстаивает исторически уже изжившую себя концепцию об европеоцентризме человеческой культуры. Долго считалось, что цивилизация шла из единого центра—Египет, Месопотамия, Греция, Рим—откуда она распространилась в Европу и дальше по всему передне- и среднеазиатскому миру. За последнее десятилетие буржуазная наука к этому центру прибавила еще и Иран. Персидские и афганские реакционеры горячо подхватили это

«открытие» и стали доказывать, что в Средней Азии нет ничего, созданного ее народами, что все это продукт завоза и культурных влияний персидского народа. Мы нисколько не желаем умалить значение культурных достижений персидского народа, однако и не хотим извращать историю и отказываться от оригинальности и самостоятельности истории народов Средней Азии.

Опубликованные недавно работы С. П. Толстова «Древний Хорезм» и «По следам древнехорезмийской цивилизации», являющиеся обобщением одиннадцатилетних археологических изысканий в Хорезме, рисуют на территории последнего очаг оригинальной цивилизации в древности и раннем средневековье. Богатейший опыт ирригационных сооружений и связанного с ними интенсивно ведущегося сельского хозяйства; оригинальные формы рабовладельческого общества, обусловившие своеобразные черты перехода от античности к феодализму (отсутствие поселений типа деревень, полное господство отдельно стоящих укрепленных домов земледельцев и замков крупных землевладельцев); богатство и самобытность архитектуры, скульптуры, живописи дворцов и храмов античного хорезмийского города (вспомним открытия последних лет на Топраккала), богатства научной мысли, создавшей специально хорезмийскую научную традицию и нашедшую свое высшее выражение в трудах гения мирового масштаба хорезмийца Бируни, и многое другое — все это возвышается как богатейшее и оригинальное историческое создание, как драгоценное сокровище культурного наследия древней хорезмийской народности, вошедшей, как выше сказано, также в качестве слагаемого в состав современного узбекского народа.

Хорезм не был в Средней Азии единственным очагом цивилизации. Прославленная в древности Бактрия, большая часть которой приходится на территорию Южного Таджикистана и Узбекистана, являлась вторым таким очагом. Стоит только вспомнить знаменитый амударьинский клад, найденный в конце XIX в., а также ставшие уже знаменитыми айртамские фризы с изображением музыкантов, — богатые результаты археологических изысканий экспедиций в 1936—1938 гг. в Термезе М. Е. Массона, находки Согдийско-таджикской археологической экспедиции из погребений на Туп-хане в Хисаре, многочисленные греко-бактрийские монеты, наконец, свидетельства письменных источников — стоит вспомнить это, чтобы утвердиться в мнении, что и здесь имели место крупнейшие культурные достижения, пронизанные чертами оригинальности, созданные предками современных таджиков и узбеков, их богатое культурное наследие.

Очагом древнебактрийской цивилизации является территория, которая частично выходит за пределы Таджикской ССР и Узбекской ССР и включает области, населенные зарубежными таджиками и узбеками; археологически этот очаг пока очень мало изучен. Здесь еще таятся возможности больших археологических открытий.

Третьим очагом цивилизации с чертами оригинальной культуры была в древности территория Парфии с центром в Нисе, привлекавшая к себе за последние три года широкое внимание замечательными открытиями экспедиций ЮТАКЭ под руководством М. Е. Массона.

Наконец, четвертый очаг среднеазиатской цивилизации — это Согдиана, связанная с ним Бухара. Достаточно напомнить хотя бы о культурных богатствах древнего Самарканда, открытиях в замке на горе Муг, об изобразительном искусстве (живописи, скульптуре и резьбе по ганчу) в Варахше, об открытой в 1948 г. в Пенджикенте стеной живописи со сценами погребального культа в храме предков. И здесь та же картина, что и в Хорезме, в Бактрии и Парфии — богатство куль-

туры, проникнутой чертами оригинального, самобытного творчества. Четыре этих более или менее изученных среднеазиатских очага, при общности ряда культурных черт, сами отличаются ярко выраженной индивидуальностью.

В связи со вздорными утверждениями паниранистов стоит и вопрос о Хорасане. Уже у передовых представителей русской буржуазной науки, например у В. В. Бартольда, в результате его длительных исследований по истории Средней Азии и Ирана, создалось прочное убеждение, что Хорасан в древности и в средние века экономически, политически и культурно больше был связан со Средней Азией, чем с Персией.

Работы советских историков и археологов дали много новых фактов для подтверждения этого положения и тем самым сделали его неопровержимой исторической истиной. Советская историческая наука вместе с тем не просто констатирует этот факт, но и показывает, что не в Персии, а в Средней Азии надо искать ответ на вопрос о происхождении таких крупнейших явлений как Авеста и эпос Шах-намэ.

В виду того, что редактор книги С. П. Толстов и автор настоящих строк поместили в «Кратких сообщениях ИИМК АН СССР» (вып. XXVIII, 1949 г.) статьи по вопросам периодизации древней и средневековой истории народов Средней Азии*, авторы настоящей книги сочли нецелесообразным вновь ставить этот вопрос в настоящем предисловии, хотя периодизация древнего периода несколько расходится с периодизацией, данной С. П. Толстовым, ибо текст настоящего тома был написан и подготовлен к печати значительно ранее появления в свет указанной статьи. Вопрос о деталях периодизации древней истории Средней Азии, конечно, потребует еще дальнейшего обсуждения и уточнения. Трудность этой периодизации усугубляется слабой изученностью истории классовой борьбы в Средней Азии в древний период, что является результатом почти полного отсутствия фактического материала в письменных первоисточниках, в противоположность тому, что мы имеем для истории средних веков.

А. Ю. ЯКУБОВСКИЙ

* С. П. Толстов, «Периодизация древней истории Средней Азии»; А. Ю. Якубовский, «Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.)».

ЧАСТЬ I

Первобытно-общинный строй

ГЛАВА I

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ СТРОЙ

§ 1. ПРИРОДА УЗБЕКИСТАНА В РАННИЕ ПЕРИОДЫ ИСТОРИИ

Древнейшая история народов Узбекистана, изучение которой резко подвинулось вперед только в советское время, охватывает огромный период, исчисляемый сотнями тысяч лет.

На протяжении этого периода в природе Средней Азии происходили существенные изменения, которые оказали влияние и на хозяйство, и на расселение, и на общественный строй первобытного человека. Самые ранние следы его деятельности, обнаруженные в Узбекистане, относятся, по общепринятой археологической периодизации, к «среднему палеолиту», или к низшей ступени дикости.

В это время на территории земного шара были широко распространены ледники. Северная окраина Западной Сибири, так же как и северная половина Европы, представляла зону сплошного оледенения. Горные области Средней Азии — Памир, Тянь-шань и другие — были покрыты мощными ледниками, значительно превосходившими современные ледники этих областей. Так, ледник Федченко, имеющий сейчас около 77 км длины при максимальной толщине до полукилометра, простирался в древности на 180 км и имел мощность до 1 км. Нижняя граница древних ледников Средней Азии опускалась до 1800 м над уровнем моря, тогда как современные ледники не спускаются ниже 3200 м.

Такие явления были возможны только при несравненно большей влажности климата и более низкой средней годовой температуре, чем в настоящее время. Принято считать, что средняя годовая температура Узбекистана в период максимального развития ледников была градуса на три ниже современной.

Предположение о значительно большей влажности климата находит подтверждение при изучении Кара-кумов, Голодной степи и других пустынных областей, современный рельеф которых в большей своей части образован мощными речными наносами. В них мы наблюдаем глубоко врезуемые древние русла кочующих рек — Келифский Узбой, Устьуртский Узбой и др., а также большие, в древности обводненные пространства, как например Унгуз или Сарыкамышская впадина. Геологические исследования устанавливают, что такие реки, как Чу, Сары-су, Зарафшан и др., теряющиеся сейчас в песках, несли несравненно большие массы воды и в виде притоков впадали: первые две в Сыр-дарью, а последняя — в Аму-дарью.

Исследователи среднеазиатских ледников устанавливают неоднократное увеличение и сокращение их площади на протяжении четвертичного

периода. Известны две основные стадии оледенения. Вторая стадия отступления ледников имела, в свою очередь, одну или две довольно продолжительные остановки.

Данные о нескольких фазах оледенения, сопровождавшихся сильными колебаниями уровня рек и ручьев, интересно сопоставить с материалами, полученными при раскопках пещеры Тешик-таш в горах Байсунтау. Эти материалы датируются временем среднего палеолита. Раскопками обнаружено пять культурных слоев, между которыми залегают четыре прослойки глины и ила. Повидимому, в период усиленного таяния ледников вода высоко поднималась в ущелье Заутолош-сая и неоднократно заливала расположенную на значительной высоте пещеру Тешик-таш. Водные потоки каждый раз заставляли человека покидать пещеру и отлагали в это время над культурным слоем наносы глины и ила толщиной в 18—30 см.

Ярким показателем влияния ледников на климатический режим Средней Азии могут служить находки вымершей четвертичной фауны. На территории Ташкентской области, в Хорезме, в Туркмении и в Южном Казахстане, в ныне пустынных и полупустынных местностях, обнаружены кости мамонта, первобытного быка, первобытной лошади, бобра, торфяного оленя и других животных, которые не могли бы существовать в этих местах при современных природных условиях. Очевидно, в четвертичный период климат Узбекистана, как и всей Средней Азии, отличался менее резкими колебаниями, чем в настоящее время, а значительное количество атмосферных осадков способствовало развитию богатого животного и растительного мира даже в ныне засушливых районах.

Такая природная обстановка благоприятствовала широкому расселению первобытного человека по всей территории Средней Азии, что подтверждается остатками его деятельности, обнаруженными в пустынях Кызыл-кум и Кара-кум.

§ 2. ГЛАВНЕЙШИЕ ЭТАПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Остатки древней высокоразвитой культуры в Анау, находки отдельных орудий эпохи бронзы на территории Казахстана и другие археологические материалы давно уже давали основание предполагать, что Средняя Азия является одним из древнейших центров человеческой культуры. Несмотря на это, среднеазиатские памятники первобытно-общинного строя в досоветское время оставались почти не обследованными. Расположенные в песках, вдалеке от всякого жилья, скрытые под лесовыми наносами или в отложениях малодоступных пещер, они до Октябрьской революции почти не привлекали внимания исследователей.

В основном их изучение в досоветское время ограничивается раскопками Помпелли в Анау, произведенными в 1904 г.

В свете современной научной критики некоторые выводы Помпелли претерпели большие изменения. Так например, Помпелли относит культуру Анау ко времени за 9000 лет до н. э. После же исследования Триполья — на Украине, Суз — в Иране, Мохенджодаро — в Индии, Яньшао — в Китае и других подобных памятников, как советские, так и западноевропейские ученые датируют нижние слои Анау концом IV—началом III тысячелетия до н. э.

В советское время, и особенно в последние годы, значительно повысился интерес научно-исследовательских учреждений к памятникам пе-

риода камня и эпохи бронзы. Проведен целый ряд специальных археологических исследований. Стационарным раскопкам обычно предшествовали рекогносцировочные обследования более или менее широких территорий, которые позволили не только взять на учет многочисленные археологические памятники, но и выбрать из их числа наиболее интересные. Раскопки некоторых объектов, продолжавшиеся иногда несколько полевых сезонов, дали весьма ценные материалы о культуре и датировке исследуемых памятников. При полевых работах и в последующей камеральной обработке полученных материалов применялся принцип комплексного изучения. В экспедициях, исследовавших памятники первобытно-общинного строя, принимали участие многочисленные местные и центральные научно-исследовательские учреждения, возникшие большей частью при советской власти: Академия Наук УзССР, Узкомстарис, Музей искусств, Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР, Московское отделение этого же института и др.

Туркменскими научно-исследовательскими учреждениями в течение ряда лет, начиная с первой половины двадцатых годов XX столетия, производятся систематические, главным образом рекогносцировочные обследования южной части Туркменской ССР. Обследовано большое пространство от р. Мургаб на востоке до Балханского горного массива и до р. Атрек—на западе.

В результате этих работ в песках, вдали от современных оазисов, были обнаружены следы неолита и бронзы в виде дюнных стоянок. На орошенных землях и на границе их обнаружены многослойные высокие холмы—остатки поселений анауского типа, устанавливающие длительное существование этой культуры на очень широкой территории.

В 1931—1948 гг. проводились исследования горных районов Сурхандарьинской области при участии Г. В. Парфенова, А. П. Окладникова и других лиц. Эти работы сопровождались стационарными раскопками пещерных жилищ древних обитателей юга Узбекистана. Особо ценным научным результатом их является открытие в пещере Тешикташ остатков существования человека низшей ступени дикости и скелета человека того времени—типичного представителя ископаемого вида человека—т. наз. «неандертальца».

На северозападной окраине Кызыл-кумов, в пределах Кара-Калпакской АССР, в песках, экспедициями С. П. Толстова, Я. Г. Гулямова и др. были обнаружены в 1937—1947 гг. стоянки, относящиеся к неолиту и к эпохе бронзы. Найденные на этих стоянках предметы по типу имеют много общего с культурами Юговосточной Европы и Западной Сибири; имеют они некоторое сходство и с материалами стоянок Северных Каракумов, отчасти Анау, что указывает на известные культурные связи древнейших обитателей Узбекистана с народами Юговосточной Европы Западной Сибири и южными районами Средней Азии.

В г. Самарканде в 1939 г. была обнаружена и частично раскопана стоянка, исследованная затем М. В. Воеводским и В. В. Шумовым. Эта стоянка дала материалы, характерные для становищ первобытных охотников высшей ступени дикости.

Наконец, некоторое количество памятников первобытно-общинного строя было обнаружено при грандиозных народных стройках в Фергане на Большом Ферганском канале им. Сталина и в Ташкентской области на канале им. Молотова.

Полученные в результате этих исследований материалы позволяют наметить вехи древнейшей исторической периодизации Узбекистана. Однако не все этапы первобытно-общинного строя получают освещение в

добытых материалах. Как на территории Узбекистана, так и на территории Средней Азии в целом, пока не обнаружено остатков культуры человека «нижнего палеолита» (ранние этапы низшей ступени дикости). Однако уже в 1947 г. на научной конференции Узбекистанского университета в Самарканде доцент Д. Н. Лев демонстрировал добытые им кости человека и каменные орудия из пещеры в горах Аман-китан. По своим формам эти орудия относятся к атипическим, характерным для древнейших этапов развития человеческого общества. Материалы эти пока не опубликованы, но вполне возможно, что эта находка относится к нижнему палеолиту. Памятники верхнего палеолита и мезолита выявлены еще не настолько полно, чтобы их можно было приурочить к определенным археологическим эпохам.

§ 3. НИЗШАЯ СТУПЕНЬ ДИКОСТИ

Древнейший этап в развитии человеческого общества в Узбекистане — заключительный этап низшей ступени дикости или мустьерское время. Он хорошо представлен пещерными жилищами, обнаруженными на юге Узбекистана в горах Байсун-тау (пещеры Тешик-таш, Амир-темир, нижние слои Мачайской пещеры и др.), и случайной находкой каменных орудий в г. Самарканде. Эти материалы дают яркую картину жизни человека того времени.

Многочисленные кости животных, расколотые для добывания мозга и часто обожженные, которыми насыщены культурные слои пещерных жилищ, при полном отсутствии остатков домашних животных и предметов земледелия, доказывают, что основой хозяйства древних обитателей Узбекистана являлась охота. Главную добычу ее составлял горный козел, наряду с костями которого в пещерных жилищах встречаются кости леопарда, дикого кабана и других животных.

Но одна охота не могла обеспечить полностью первобытного человека. Он обладал самыми примитивными охотничьими орудиями, вследствие чего охотничья добыча была совершенно случайна. Несомненно, что, наряду с охотой, некоторую роль в хозяйстве первобытного человека играл сбор съедобных растений, кореньев, диких плодов, насекомых, а также ловля мелких животных, например, сурков, обожженные кости которых найдены в культурных наслоениях.

Внутри пещеры Тешик-таш, ближе к выходу, расположен очаг диаметром от 1 до 1,5 м, сложенный в виде круга из крупных камней. Такое местоположение очага, как основного местопребывания обитателей пещеры, обеспечивало наилучшее проветривание и обогревание солнечными лучами этого примитивного жилища. Исследованиями установлено, что, независимо от колебаний наружной температуры, в пещерах, на расстоянии 25—30 м от входа, круглый год держится ровная, относительно высокая температура: 11—12° С, но отсутствие солнца, света и притока свежего воздуха, а также сырость в глубине пещер вызывают тяжелые, в первую очередь костные заболевания. Первобытный человек, видимо, хорошо понимал это и свою жилую площадку располагал ближе к выходу из пещеры, как это обнаружено в Тешик-таше, в Мачайской и других пещерах.

Очаг был центром жизни первобытных обитателей. Возле него обнаружено особенно много костей — отбросов питания. Здесь же попадают орудия, обломки и многочисленные осколки камня, свидетельствующие, что изготовление орудий происходило в пещере, возле очага. Значительные прослойки золы и угля и само устройство очага из кру-

га камней, который ограничивал огонь костра на определенном пространстве и дольше сохранял тепло, говорят о том, что человек умел целесообразно пользоваться огнем.

Орудия труда, обнаруженные в пещерных жилищах Байсун-тау, относятся к концу низшей ступени дикости и сделаны из камня. Материалом для них служили кремнистый известняк, кварцит, яшма и кварц. Эти горные породы плохо поддаются обработке. Орудия из них отличаются значительно большей массивностью, грубостью форм и более крупной ретушью, чем орудия той же техники из лучших материалов — кремня и роговика. Характерно, что все эти породы — ближайшего местного происхождения: человек того времени использовал то сырье, которое имелось у него под руками.

Находки дисковидных нуклеусов и типичных отщепов в пещерах Тешик-таш, Амир-темир и в Мачайской, а также формы самих орудий свидетельствуют о том, что при изготовлении их применялась примитивная техника скола. Она состояла в том, что с гальки путем оббивки прежде всего удалялась валунная корка, а от полученного таким образом ядрища, называемого нуклеусом и имеющего обычно широкопирамидальную или дисковидную форму, скалывались треугольные пластинки. Из них путем дополнительной обработки изготовлялось то или иное орудие: остроконечник, скребок и т. п.

Количество типов каменных орудий, обнаруженных в культурных слоях Байсунских пещер, очень невелико — это грубые ножевидные пластины, остроконечники треугольной формы, скрепки, ручные рубила и дисковидные нуклеусы. Столь небольшое число типов орудий говорит, прежде всего, о слабой дифференциации трудовых процессов в каждой отдельной отрасли хозяйства, а также о малочисленности самих отраслей хозяйства, сводившихся к охоте и собирательству.

Изучение формы каждого орудия и его рабочего края, при сопоставлении с этнографическими материалами тасманийцев, североамериканских эскимосов и других отсталых народностей, устанавливает, что остроконечники, ножевидные пластины и скребла использовались для разделки охотничьей добычи, для обработки шкур, служивших одеждой, и для выделки орудий из дерева. Ни одно из встретившихся орудий, судя по их форме, не могло быть использовано как наконечник копья или дротика. Не встречались и такие предметы, которые могли бы применяться в качестве метательных орудий — пращей или боласов. Но так как охота играла основную роль в хозяйстве первобытного человека, то естественно предположить, что для метания употреблялись деревянная палица или деревянное с обожженным концом копье, которым и сейчас еще пользуются отсталые народности.

Обработка дерева безусловно имела место в описываемых условиях, что подтверждается находкой в пещере Тешик-таш обуглившегося и поэтому сохранившегося фрагмента неопределенного деревянного изделия.

Кроме каменных орудий, при раскопках пещер найдены единичные обломки трубчатых костей животных, покрытые многочисленными поперечными нарезками, служившие для подправки рабочего края каменного орудия (в археологической литературе они известны под названием «наковаленок» или «ретушеров»), и примитивные шилообразные костяные орудия. Эти редко встречающиеся предметы говорят о первых попытках человека освоить новый материал для изготовления своих орудий — кость, которая на средней ступени дикости получает широкое распространение.

Для установления физического типа человека исключительно ценную находку дала Тешикташская пещера, в которой на глубине 25 см был обнаружен скелет ребенка 8—9 лет с черепом удовлетворительной сохранности. Скелет найден в неглубокой яме, вырытой в прослойке между первым и вторым культурными слоями. Вокруг костяка — повидимому, преднамеренно — разложено несколько пар рогов горного козла. Обстановка не оставляет сомнений в том, что эта находка является древнейшим погребением человека на территории СССР.

Тщательное изучение костяка дает полное основание отнести его к неандертальскому типу, свойственному низшей ступени дикости и сохраняющему еще многие черты, которые сближают его с высшими обезьянами.

При большой вместимости (около 1490 см³), череп тешикташского ребенка отличается сильной уплощенностью: высота черепной крышки больше, чем у человекообразных обезьян, но значительно меньше, чем у современных детей. Это указывает на отставание в развитии именно той части мозга, увеличение которой характерно для современного человека. Другим показателем эволюции человеческого мозга является разветвленность системы кровообращения, особенно в верхней теменной доле, которая, судя по следам с внутренней полости черепа, у тешикташского ребенка была развита значительно слабее, чем у современных детей.

Характерным является положение затылочного отверстия черепа. Задний край его, как и у других ископаемых черепов этой эпохи, лежит выше переднего, что говорит о не вполне закончившемся приспособлении черепа к вертикальному положению, связанному с прямохождением и полным освобождением передних конечностей для трудовых процессов. Так же типичны и другие данные исследования черепа: лоб низкий, убегающий назад, затылок значительно выступает и как бы сплюснут в вертикальном направлении, надбровные дуги резко выдаются вперед, имея форму надглазничного валика; кости черепа отличаются массивностью — толщина их, в среднем, раза в два больше, чем у современных детей; зубы крупного размера, подбородочный выступ отсутствует и подбородок скошен назад, а потому весь жевательный аппарат сильно выдается вперед.

Остатки человека неандертальского типа были обнаружены во многих местах Западной Европы, Африки и Передней Азии. На территории СССР первая до тешикташской находка костей неандертальца была сделана в Крыму, в пещере Киик-коба.

Таким образом, открытие типичного неандертальца на территории Узбекистана, прежде всего, значительно расширяет территорию расселения человека этой стадии развития. Тешикташская находка имеет большое значение и для антропогенеза. Советские ученые признают единый корень и единый диалектический процесс развития физического типа человека. На основании многочисленных палеоантропологических находок советские ученые устанавливают, что человек в своем развитии повсеместно прошел неандертальскую стадию. Другое течение, представленное, в частности, «учеными» фашистского направления, пытается доказать, что человечество произошло от различных предков. От одного из них — неандертальца — происходят «низшие» расы, тогда как «высшая» раса — «арийцы» — произошла от иной, еще не открытой формы. Как на место происхождения ее, они указывают на Среднюю и Центральную Азию, где до последнего времени совершенно не было обнаружено палеоантрополо-

гических остатков соответствующего времени. Подобные «гипотезы» строились лишь за счет неизученности этой территории. Открытие в Тешик-таше скелета первобытного человека доказывает, что и на территории Средней Азии человек прошел неандертальскую стадию развития, опровергая, таким образом, бредовые фашистско-расистские теории.

Образ жизни первобытных людей Узбекистана характеризуется некоторыми данными раскопок.

Площадь четко выраженных культурных наслоений в изученных пещерных жилищах достигает обычно 50—70 кв. м. Ею до некоторой степени определяются размеры группы первобытных охотников, проживавших в каждой пещере—ориентировочно, несколько десятков человек.

Отсутствие индивидуальных промыслово-охотничьих орудий, отличающихся меткостью и дальностью полета, как лук со стрелами или праща, дает основание предполагать, что охота являлась делом всего тесно сплоченного коллектива. Она осуществлялась загонами или облавами. Вероятно, одним из способов охоты был такой, какой применяется в замкнутых районах современного Таджикистана, например, в горах, окружающих р. Хингоу. Здесь охота на горных козлов зимой или ранней весной производится по глубокому снегу, когда вследствие таяния он приобретает особую рыхлость. Охота является делом всего селения. Выследив место, где держатся козлы, вооруженные ружьями охотники с собаками ночью окружают это пространство и с рассветом сужают свой круг. Обнаружив стадо животных, они спускают для травли собак. Настигнув затравленных козлов, охотники прирезают их или пристреливают. Мясо убитых животных поступает для коллективного угощения всех мужчин селения в алоу-хана (в общественном доме). Остальные части добычи—шкуры, рога и т. д.—распределяются между непосредственными участниками облавы—чьим выстрелом убит козел, кто первый настиг и прирезал его, чья собака первая схватила его и т. д.

Культурные слои пещер имеют значительную толщину—18—25 см, что, учитывая сильную уплотненность их, свидетельствует о длительном проживании в них первобытного человека. К области идеологических проявлений древних обитателей Узбекистана относится обряд погребения ребенка, найденного в пещере Тешик-таш. Труп его был положен в специально вырытую яму, а все погребение обложено рогами горного козла.

Хотя длительный период, отделяющий низшую ступень дикости от исторических периодов, и отсутствие данных, которые могли бы осветить описанный ритуал на промежуточных этапах, и не позволяют связывать его с подобными явлениями позднейшего времени, все же небезынтересно отметить широкое распространение на Востоке сакрального значения рогов диких козлов и баранов. На головных уборах сасанидских царей изображаются рога горных баранов; рога диких козлов и баранов являются в Иране, Афганистане и Средней Азии обычным приношением охотников на мазары шейхов и особо почитаемых ишанов. Изображения горных козлов, сделанные красной или желтой краской, нередко встречаются на стенах домов в горных областях Таджикистана, как символ благополучия, и т. д.

Умение добывать и использовать для своих нужд огонь, намеренное погребение покойника, сопровождаемое определенными обрядами: могильная яма, полускорченное положение костяка, окружение его рогами диких козлов—все это свидетельствует о значительном прогрессе в раз-

витии мышления первобытного человека, который далеко ушел вперед от своих обезьянообразных предков.

В сурхандарьинских пещерах не встречается остатков животных, свойственных приамударьинским низменным местностям, расположенным в 100—120 км от исследованных пещер. К тому же, все каменные орудия, найденные в них, сделаны из местного камня. Повидимому, отдельные охотничьи группы вели весьма замкнутое, оседлое существование, а животный и растительный мир окрестных гор был единственной основой их хозяйства.

Расселение человека, находившегося на низшей ступени дикости, не ограничивается южными областями Узбекистана, о которых имеются ценные материалы для характеристики этой эпохи. Следы его расселения обнаружены также и в других областях.

В Самарканде археологическими раскопками на глубине 2,5 м были обнаружены каменные орудия мустьерского времени, в том числе типичный остроконечник. Несмотря на случайный характер находки, она представляет большой интерес и прежде всего показывает, что первобытный человек проживал не только на юге Узбекистана, но и к северу от горных массивов Зарафшанского и Туркестанского хребтов; в то же время она дает основание утверждать, что первобытный человек обитал не только в естественных убежищах—пещерах, как в Сурхандарьинской области, но и устраивал для себя какие-то иные жилища в виде землянок, шалашей и тому подобных примитивных построек.

На территории Узбекистана памятники средней ступени дикости еще не изучены.

§ 4. ВЫСШАЯ СТУПЕНЬ ДИКОСТИ

Высшая ступень дикости охватывает мезолит и ранний неолит. Характерными памятниками этой стадии являются: стоянка, открытая в г. Самарканде, верхние слои Мачайской пещеры Байсунского района, наскальные изображения в Ширабадском районе и ряд других научно-исследованных объектов. Наряду с ними обнаружены случайные находки, как на территории культурных земель, так и в пустынных районах Узбекистана. Вещественные материалы, полученные таким образом и представленные, в основном, орудиями труда, отражают в известной мере новый этап в развитии производительных сил.

С этого времени для изготовления каменных орудий, наряду со сколотой техникой, свойственной предшествующему периоду, человек начинает применять более совершенный способ обработки камня, носящий название отжимной техники. Этот способ, как пережиточное явление, красочно описан испанским писателем начала XVII в. Торквемадой, наблюдавшим его в Мексике. «Индийский рабочий,—пишет Торквемада,—садится на землю, берет кусок черного камня (повидимому, обсидиана, М. В.) длиной приблизительно в 8 дюймов или более и толщиной в человеческую ногу или немного тоньше, формой похожий на цилиндр; вооружается палкой толщиной в рукоятку копья и длиной в три локтя, на конце которой для большей тяжести привязан кусок дерева в 8 дюймов длиной; затем, сжимая камень голыми ступнями ног, держа его так же крепко, как в тисках или клещах, и аккуратно приложив палку с гладко срезанными концами к верхней грани камня, также гладко срезанного в этом месте, изо всех сил надавливает на него обеими руками и грудью. В результате от камня отлетает осколок, похожий на обоюдоострый нож и настолько правильной формы, что кажется будто бы его вырезали

острым ножом из репы или сковали из раскаленного железа... таким путем рабочий может приготовить в самое короткое время более двадцати ножей».

О применении отжимной техники североамериканскими эскимосами в середине XIX в. сообщает писатель Бельчер: «Они берут оуброк дерева с поперечным нарезом, в который вкладывают предназначенный для обработки камень и, осторожно надавливая его вертикально вдоль края то с одной, то с другой стороны, вроде того, как это делают при натачивании пилы, отбивают небольшие чешуйки до тех пор, пока камень не получит формы копья или стрелы с острыми зубчатыми краями».

Свидетельством применения именно такого рода техники на высшей ступени дикости в Узбекистане являются находки в соответствующих культурных слоях тонких ножевидных пластинок из камня и призматических нуклеусов. Они обычно представляют собою продолговатые многогранные ядрища, с которых сбита известковая корка и от которых путем резкого, сильного нажима отделялись, как описано выше, ножевидные пластинки. Ножевидные пластинки употреблялись как самостоятельные режущие орудия или служили заготовками для выделки орудий иного назначения — скребков, наконечников стрел. Для обработки рабочего края их применялась отжимная техника, вроде описанной Бельчером.

Наряду с усовершенствованием обработки камня увеличивается число устойчивых форм орудий. К таким новым видам орудий относятся концевые скребки, буравчики, резцы, наконечники стрел, долотовидные орудия и другие формы, появление которых обусловлено развитием хозяйства. Например, каменные резцы служили для возникшей и широко развившейся в эту пору обработки кости и рога. Появление наконечников стрел свидетельствует о том, что было сделано крупнейшее изобретение человека, находившегося на высшей ступени дикости. «Лук, тетива и стрелы — пишет Ф. Энгельс, — составляют уже очень сложный инструмент, изобретение которого предполагает долго накапливаемый опыт и изощренные умственные силы, следовательно и одновременное знакомство со многими другими изобретениями... Для эпохи дикости лук и стрелы были таким же решающим оружием, каким железный меч был для варварства и огнестрельное оружие для цивилизации».¹

По сравнению с копьем, дротиком и тому подобными орудиями охоты предшествующего времени лук является исключительно сложным орудием, в котором механическим взаимодействием связаны между собой дуга лука, тетива и стрела, причем в этом взаимодействии используются скрытые силы сопротивления материалов. По своим качествам лук несравненно выше предшествующих орудий охоты и дает более постоянную добычу. Однако продуктивность охоты с луком, как очень сложным инструментом, в большей степени зависит от индивидуальных качеств лучника, чем охота с более примитивными орудиями.

Из кости и рога, хорошо поддающихся обработке при помощи резцов, буравчиков и шлифовальных плит, выделялись находимые в большом количестве в культурных слоях пещер костяные шилья, проколки, лошила и даже иглы с ушком. Вся эта группа орудий служила для изготовления одежды из шкур диких животных; вероятно, эти шкуры уже кроились и сшивались, что подтверждается самим характером орудий.

Среди костяных изделий встречаются наконечники стрел и костяные рыболовные крючки. Находка последних свидетельствует о появлении

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, соч. т. XVI, ч. I, стр. 10—11.

новой отрасли хозяйства—рыболовства. Не вызывает сомнения, что и в предшествующем периоде, наряду с охотой и собирательством, существовала и рыбная ловля, но без особых приспособлений. И только с появлением специальных орудий, вроде крючков или гарпунов, рыболовство могло приобрести некоторый вес в первобытном хозяйстве.

Судя по остаткам костей диких животных, которые служили пищей человеку, главной охотничьей добычей продолжал оставаться горный козел, типичный представитель горного ландшафта, где расположены исследованные пещеры юга Узбекистана.

Условия существования в равнинной части Узбекистана, отличавшиеся от жизни горных районов, получили некоторое отражение в стоянке на территории Самарканда. Расположенная на склоне Ивановской балки, являющейся руслом древнего ручья, эта стоянка оказалась покрытой позднейшими отложениями, достигающими 1,3 м толщины и состоящими из почвенно-растительной, глинистой и галечно-гравийной прослоек.

Под ними залегал четвертый слой, достигающий 1,6 м. В нем обнаружено несколько прослоек с культурными остатками, которые дали этому глинисто-песчанистому слою темную окраску. Такая стратиграфия говорит о том, что первобытный человек, остатки деятельности которого обнаружены в четвертом слое, возвращался неоднократно для проживания на это место. Судя по толщине этого слоя, время обитания его здесь определяется очень значительным сроком. После окончательного оставления первобытным человеком этой стоянки прошел длительный период, во время которого культурные слои были покрыты отложениями водных потоков, то более бурных, наносивших гальку и гравий, то более спокойных, отлагавших суглинисто-песчанистые наносы. Ориентировочно площадь стоянки, которая полностью не раскопана, определяется в 150 м длины вдоль балки и в 10 — 20 м ширины.

Как первобытный обитатель пещер юга Узбекистана, так и древние жители Самаркандской стоянки основой своего хозяйства имели охоту. Но здесь главным видом добычи являлись дикие лошади, наряду с которыми встречались в диком состоянии быки, ослы и другие животные. В культурных слоях обнаружены очаги из камней, следы кострищ и остатки небольшой землянки. Все найденные орудия сделаны из камня. Отсутствие костяных и роговых изделий можно, скорее всего, объяснить неблагоприятными условиями для их сохранения на открытом пространстве, занесенном первоначально галечно-гравийными наносами, через которые легко проникала вода. Подтверждением этого служат исключительно плохая сохранность даже наиболее крупных костей диких животных в отбросах питания, а также находки в культурных слоях кремневых резцов, этого типичного орудия, которое возникает одновременно с возникновением обработки кости.

Типы каменных орудий Самаркандской стоянки значительно разнообразнее, чем в мустьерских пещерах Сурхандарьинской области. На стоянке найдены ножевидные пластинки, скребки, проколки, долотообразные орудия и упоминавшиеся уже резцы. Вместе с перечисленными орудиями встречаются круглые гранитные гальки, которые, скорее всего, использовались как метательные камни для пращи или для изготовления боласов. Большая часть орудий сделана из кремня коричневого, желтого и молочного цвета, но встречаются и орудия из полупрозрачного опала и зеленоватого рога. Все эти горные породы добывались обитателями стоянки в 5—6 км от нее, на возвышенности Чупан-ата. Судя по разнообразию типов орудий, по их устойчивым, определившимся формам,

по технике их изготовления, Самаркандскую стоянку, как и другие подобные памятники, нужно отнести к периоду высшей ступени дикости.

К характерным чертам Самаркандской стоянки, объясняемым физико-географическими факторами, нужно отнести искусственно созданные человеком жилища в виде землянок, а также своеобразный состав охотничьей добычи, среди которой степные и луговые виды животных стоят на первом месте.

К числу случайных находок, относящихся к этому времени, принадлежат обработанные кремни с городища Айртам, Сурхандарьинской области, находки на строительстве Ташкентского канала им. Молотова и на трассе Северного Ташкентского канала. В последнем случае на глубине свыше 4 м были обнаружены: обломок ножевидной пластинки, отделенной от ядрища путем отжимной техники, отщеп, представляющий собою как бы заготовку для овального скребка, и обломок довольно массивной пластины. Поверхность этих кремневых орудий покрыта ровной патиной сероватого цвета. Вместе с ними найден зуб первобытного быка. Хотя в месте этой находки культурный слой и не был обнаружен, но по фрагментам орудий, технике их изготовления и наличию остатков первобытного быка она датируется временем позднего палеолита или началом мезолита.

Повидимому, к периоду высшей ступени дикости относятся наскальные красочные рисунки, открытые в Ширабадском районе Сурхандарьинской области. Не вызывает сомнений, что древние памятники изобразительного искусства являются ценнейшими историческими документами, дающими возможность понять процесс мышления человека той отдаленной от нас эпохи, которая их породила, и вскрыть ту материальную базу, на которой возникла рассматриваемая идеологическая надстройка.

Описываемые рисунки расположены по обеим сторонам ущелья Зараут-сай. Наиболее сохранившиеся из них находятся на стенах и потолке неглубокого грота, носящего название Зараут-камар. Рисунки нанесены оранжевой краской на естественных поверхностях грота. Часть из них уничтожена известковыми натеками и действием атмосферных явлений, другие испорчены позднейшими арабскими надписями, сделанными поверх древних изображений. Из двух хорошо сохранившихся композиций одна расположена в верхней части северозападной стены грота. Вторая композиция, расположенная на той же стене, ниже первой, воспроизводит другой сюжет, хотя обе композиции объединены и стилистическими чертами и общей тематикой.

В обеих композициях изображены человеческие фигуры, сильно различающиеся по своему внешнему виду. Одни из них одеты в широкие колоколообразные плащи, из-под которых видны только ноги, но скрыты очертания тела; шея, голова и руки этих фигур изображены жирными черточками. Другие фигуры нарисованы без плащей с воспроизведением очертаний тела и округлости головы; в руках у них луки и какие-то метательные орудия; сзади изображены длинные хвосты.

Различие во внешнем виде изображенных человеческих фигур можно объяснить тем, что фигуры, имеющие хвосты, повидимому, замаскированы животными. Такая маскировка нередко встречается в изобразительном искусстве каменного века; бывает она и у современных отсталых народностей, причем и в том и в другом случае она связывается с производственной охотничьей магией.

В верхней группе имеется одно, а в нижней—три изображения быков с торчащими вперед большими рогами, с ушами и длинными хвоста-

ми. Кроме того, в нижней композиции нарисованы три собаки. Быки и собаки на нижней части стены изображены в стремительном движении.

Наскальные изображения различных эпох широко распространены на территории Советского Союза, в том числе и в Узбекистане. Большая часть их не нарисована красками, а выбита в камне. Датируются они временем от периода неолита до наших дней. Так, например в Фергане встречаются многочисленные изображения арбы, запряженной лошадью, на которой верхом сидит арбакеш, охотников с ружьями на сошках, всадников с копьями и т. п. Эти изображения не имеют четко установившейся техники, стиля и композиции и очень далеки от своеобразного реализма, свойственного искусству палеолита. Встречаются и выбитые в камне изображения, преимущественно, горных козлов, оленей, лошадей и других животных. Для них типичны более или менее выработанная техника, определенный стиль и некоторые черты реализма. Эти изображения обычно покрыты сильным «пустынным загаром», который свидетельствует об их древности.

На территории СССР встречаются и написанные краской изображения, но количество их очень незначительно. Кроме хорошо известных енисейских писаниц, которые по характеру воспроизведения не могут быть сопоставлены с зарауткамарскими, живописные изображения имеются в нескольких пунктах Приуралья и Зауралья, на скалах «Каменной могилы» в Мелитопольском районе и в гроте Iаш-аир в Крыму. Изображения эти, за исключением енисейских, пока не опубликованы, а появившиеся в печати описания их настолько кратки, что использовать их при изучении зарауткамарских рисунков крайне затруднительно.

В зарауткамарских сценах прежде всего обращает на себя внимание сложность, многотемность композиций, чуждая искусству палеолита. В нижней сцене, которую можно объяснить как охоту на диких быков, воспроизведены несущиеся вперед быки, мчащиеся собаки и охотники, из которых одни стреляют из луков, а другие, одетые в плащи, бросают, повидимому, из пращей метательные камни, изображенные на рисунке в виде крупных округлых пятен. Другую сцену можно толковать, как окружение дикого быка двумя группами охотников.

Луки в руках охотников, домашние собаки, бегущие вместе с охотниками, изображение диких быков, широких плащей, как бы сделанных из целых шкур,—все это является характерной особенностью зарауткамарских рисунков. Как особенности их стиля, характер композиции и сюжетность, так и надежно датированные европейские и африканские рисунки, привлеченные в качестве сравнительного стадийного показателя, позволяют зарауткамарские изображения отнести к периоду высшей ступени дикости.

Отдельные находки типичных орудий того времени: трапециевидные наконечники стрел с поперечным лезвием, микролитические скребочки, ножевидные пластинки и т. п. микролитические кремневые изделия, встречающиеся в случайно обнаруженных стоянках, значительно расширяют наши представления о территории распространения остатков периода высшей ступени дикости. Орудия и стоянки, типичные для общества высшей ступени дикости, встречаются в центральной части Кызыл-кумов, на соседних территориях Туркмении (в северной части Кара-кумов), в Казахстане (в Кара-тау) и в других пустынных и полупустынных районах.

§ 5. НИЗШАЯ СТУПЕНЬ ВАРВАРСТВА

«Переход от грубых каменных орудий к луку и стрелам и в связи с этим переход от охотничьего образа жизни к приручению животных и первобытному скотоводству»¹ характеризуют переход от периода дикости к низшей ступени варварства, которая охватывает отчасти ранний, но главным образом развитый неолит. Для неолита типичны такие явления, как пиление камня, шлифование и сверление каменных орудий, а также первые попытки возделывания растений.

Об этом историческом этапе дают представление стоянки правобережья Аму-дарьи, расположенные на западной окраине пустыни Кызылкум, стоянки по Унгузу в северной части Кара-кумов, пещерные убежища Сурхандарьинской области, а также отдельные находки на территории Ташкентской, Самаркандской, Ферганской и Сурхандарьинской областей.

Приамударьинские стоянки в большинстве относятся к числу дюнных. Некоторые из них за длительный период, истекший с момента оставления их человеком, покрылись песком, а сверху — наносной глинистой коркой (такыром). Так, стоянка Джанбас-кала № 4, имеющая ярко выраженный культурный слой толщиной до 20 см, перекрыта сверху песком и такыром, общая мощность которых достигает 45 см. Каменные орудия этой и ей подобных стоянок сделаны путем отжимной техники, которая, как было отмечено выше, возникла еще в предшествующем периоде. Но формы этих орудий и их малая величина придают им своеобразный характер. Это — маленькие, тонкие, с очень острыми краями, преимущественно кремневые пластинки треугольной, ромбовидной или трапецевидной формы, которым в археологии присвоено наименование микролитов. Можно с уверенностью сказать, что некоторые из них, например, миниатюрные ножевидные пластиночки, служили вкладышами и, будучи вставляемы в паз костяного или деревянного стержня, образовывали, таким образом, составное лезвие орудия. Кроме ножевидных пластинок, концевых скребков, нуклеовидных долотьев, проколов и призматических нуклеусов, которые свойственны в одинаковой степени периодам средней и высшей ступени дикости, получают распространение кремневые наконечники стрел, приближающиеся к ромбовидной форме, с черенком для закрепления их в стержне стрелы.

Также типичными являются часто встречающиеся на стоянках этого времени так называемые выемчатые орудия. Рабочая часть их сделана на длинной стороне ножевидной пластинки в виде полукруглой выемки или, как на стоянках Унгуза в Северных Кара-кумах, на более толстой стороне отщепе треугольной формы. В таких орудиях эта выемка имела высокий профиль и диаметр от 6 до 15 см, причем остальная часть отщепе оставалась без обработки, сохраняя нередко валунную корку. Среди других типов процент выемчатых орудий очень значителен и достигает, например, в стоянках Северных Кара-кумов 40. Очевидно, в производственной деятельности человека низшей ступени варварства на этой территории они играли большую роль. Скорее всего они служили для выделки круглых в сечении изделий из дерева и кости: стержней для стрел и дротиков, костяных наконечников стрел, шильев и тому подобных орудий. Среди костяных орудий типичны круглые с коническим концом наконечники стрел. Редкие украшения состоят из цилиндрических костяных и раковинных бус. Следует отметить, что количество костяных

поделок, дошедших до нас, очень невелико. Это можно объяснить крайне неблагоприятными условиями сохранения кости на открытых стоянках.

Судя по обилию черепков, встречающихся в культурном слое, гончарный промысел как характерная отрасль производства, свойственная преимущественно оседлому образу жизни, был широко распространен на низшей ступени варварства. Вся глиняная посуда — хорошего обжига, хотя и обладает примитивными чертами: выделялась она от руки без гончарного круга и имела круглые днища. Весьма своеобразны тонкостенные глубокие сосуды овальной формы, иногда окрашенные красной краской и покрытые штриховым орнаментом. Глина, из которой сделаны сосуды, не имеет искусственных примесей, но различается по составу. Иногда в ней наблюдается естественная примесь песка, что придает сосудам рыхлость, в других случаях это отмученная глина, из которой вырабатывались тонкостенные сосуды. Наружная поверхность их почти всегда покрыта орнаментацией, располагаемой обычно на верхней части сосуда. Чаще всего встречаются круглоямочный, штампованный и зубчатый орнаменты. По технике изготовления, по формам сосудов и по характеру орнамента эта керамика стоит ближе всего к гончарным изделиям ранней бронзы степной полосы Юговосточной Европы, получившей наименование «ямной культуры», и к керамике «афанасьевской культуры» Западной Сибири. Но весь уровень хозяйства в целом дает основание отнести эту культуру к позднему неолиту, к низшей, а не к средней ступени варварства, к которой относятся ямная и афанасьевская культуры, знающие уже обработку меди.

Встречающиеся вместе с грубой керамикой круглодонные сосуды из тонко отмученной глины желтого цвета, со следами красной краски, напоминают некоторые образцы посуды из нижних слоев Анау.

Эти факты имеют существенное историческое значение, так как указывают на связи Хорезма низшей ступени варварства со степными культурами Казахстана и юго-востока Европы, а также и с южными культурами типа Анау. Необходимо, однако, подчеркнуть, что культуры типа Анау отличаются значительно более высоким уровнем развития. Даже в низших слоях Анау встречаются остатки домашних животных — овец и коров — и культурных растений — пшеницы и ячменя, а в жилищном строительстве того времени характерно применение сырцового кирпича. Между тем, стоянки описываемого периода дают в культурных слоях, прежде всего, большое количество рыбных костей и раковин пресноводных моллюсков; встречаются также кости диких животных — оленя, дикого кабана, косули, а кроме того, остатки черепахи, кости и скорлупа яиц диких птиц.

Состав фаунистических остатков в отбросах питания, а также расположение самих стоянок по берегам древних водоемов, указывают на значительную обводненность теперь пустынных районов и на своеобразие хозяйственного уклада, который складывается из рыболовства, собирательства и охоты при оседлом образе жизни. Существование оседлого образа жизни находит подтверждение в очень ценном открытии остатков древнего наземного жилища на стоянке Джанбас-кала. Жилище это представляло в плане эллипс или многоугольник с большой осью около 24 м и с меньшей около 17 м. Судя по остаткам строительных материалов, оно было построено из дерева и перекрыто камышом. По середине жилища помещался большой очаг, повидимому, культового характера, вокруг которого были расположены очаги небольшой величины бытового назначения. Размеры жилья и наличие многочисленных малых очагов говорят о значительной величине рыболовско-охотничьего коллектива, заселявшего одно жилье, и о некотором дроблении этого коллектива в хозяйственном

отношении на более мелкие ячейки. Число обитателей большого джанбаскалинского жилища С. П. Толстов определяет в 100—125 человек.

На основании анализа материалов, полученных с приамударьинских стоянок Джанбас-кала №№ 4 и 5, С. П. Толстов датирует их культуру, которой он дал наименование кельтеминарской, концом IV—началом III тысячелетия до н. э.

К этому же времени следует отнести и вышеупомянутые стоянки на Унгузе в Северных Кара-кумах.

Памятники материальной культуры низшей ступени варварства, обнаруженные в горном Узбекистане, имеют некоторые особенности, которые отчасти объясняются характером природной среды, окружавшей человека. В пещерных жилищах Амир-темир, Искандер-хана и других обнаружены вместе с кострищами расколотые и обожженные кости диких животных, типичных представителей горной фауны. Судя по многочисленности костей диких животных, охота занимала еще существенное место в хозяйстве. Вместе с костями диких животных встречаются кости и домашних главным образом козы.

Среди каменных орудий, типичных для этого периода и по своим формам и по обработке, выделяется находка каменного, грубо шлифованного пестика от зернотерки. Эта единственная находка, которую можно рассматривать как земледельческое орудие, не дает нам основания утверждать с полной уверенностью, что в горных районах Узбекистана на этой ступени развития человека существовало земледелие, хотя можно предположить, что другие земледельческие орудия, сделанные из дерева, кости или рога, как например примитивная мотыга или серп, просто не сохранились до наших дней или же не были обнаружены ввиду недостаточного объема раскопок.

В горных, наиболее замкнутых районах Афганистана и Таджикистана до недавнего прошлого можно было наблюдать, что там в качестве серпа употреблялся рог горного козла, которым трава и злаки не срезались, а срывались.

Костяные орудия периода низшей ступени варварства в горном Узбекистане представлены шлифованными шильями, проколками, желобчатыми и плоскими долотьями.

Керамика упомянутых пещерных жилищ грубо вылеплена от руки и отличается толстостенностью и слабым обжигом. На внутренних стенках некоторых сосудов обнаружены отпечатки грубой ткани, что позволяет установить способ формовки сосудов, производившейся, повидимому, на шаблонах, обернутых тканью. Описанные находки, несмотря на их малочисленность, дают некоторое представление о степени развития хозяйства древних обитателей Южного Узбекистана. Наряду с охотой на диких животных, существуют уже скотоводство, повидимому, горно-пастушеского типа, земледелие и ткачество.

Отдельные находки того времени представляют интерес, поскольку включают в известную нам территорию распространения этой культуры и те области Узбекистана, в которых пока не выявлены комплексные памятники низшей ступени варварства. Из числа таких находок следует упомянуть, во-первых, многочисленные обработанные кремни и типичные кремневые орудия, сделанные путем отжимной техники, с городища Старого Термеза. Затем имеются находки в безымянных пещерах с культурными слоями, насыщенными углем, зольными прослойками, костями животных, кремневыми орудиями и фрагментами грубо вылепленной посуды. Эти пещеры расположены возле г. Ширабада и пока еще не раскопаны. Наконец, имеются отдельные находки нуклеусов, ножевид-

ных пластинок, каменных наконечников стрел, сделанных отжимной техникой, фрагментов груболепной посуды, каменных шлифованных и сверленных орудий в районах Самарканда, Ташкента и Чуста.

Эти находки, помимо того, что свидетельствуют о территории распространения культуры низшей ступени варварства, представляют интерес и потому, что они говорят о новом, очень сложном и более совершенном способе обработки камня—о его шлифовании и сверлении.

§ 6. СРЕДНЯЯ СТУПЕНЬ ВАРВАРСТВА

Памятники материальной культуры средней ступени варварства на территории Узбекистана также выявлены в недостаточной степени. Они состоят из единичных находок орудий, а также отдельных и групповых стоянок и нескольких погребений. Эти находки относятся к бронзовой эпохе, которую для Узбекистана в целом ориентировочно можно отнести к III тысячелетию—первым векам I тысячелетия до н. э. Целый ряд таких стоянок выявлен в Хорезме за последние десять лет.

Микролитическая и микролитовидная индустрия этих стоянок, в большинстве развешанных, названная тазабагыбской культурой, сопровождается различными типами плоскодонной грубой керамики степной бронзы. Эта культура характерна для стоянок скотоводов степной зоны в районах сезонных водоемов в степях и пустынях Приуралья, Казахстана и Южной Сибири.

Наряду со стоянками тазабагыбской культуры, в районе Джанбаскала обнаружена и раскопана в 1945 и 1946 гг. Я. Г. Гвлямовым стоянка № 6 периода поздней бронзы, названная суярганской культурой. Там выявлено большое временное жилище с шалашным перекрытием на столбах, найдены фрагменты каменной зернотерки, изделия из меди и посуда, состоящая главным образом из краснолощенной керамики, характерной для Анау и андроновской земледельческой культуры в Казахстане.

Материалы из стоянок тазабагыбской и суярганской культуры прежде всего указывают на стадильное развитие так называемой кельтеминарской культуры от позднего неолита к ранней и поздней бронзе, на общественное разделение труда на скотоводов и земледельцев в эпоху бронзы.

Дать характеристику этого исторического периода возможно только путем анализа его остатков и сравнения их с хорошо изученными памятниками других областей СССР, к которым они близки стадильно, а отчасти и хронологически. Слабая изученность эпохи не позволяет точно датировать возникновение обработки меди в Узбекистане; древние авторы дают нам интересные сведения о позднем внедрении обработки железа в северо-восточной части Средней Азии и о позднем изжитии в связи с этим культуры бронзы.

Геродот (V в. до н. э.) при описании массагетов, заселявших приуральские степи, сообщает, что оружие у них изготавливается из меди, а украшения и убранства делаются из золота, но что железа и серебра у них в стране нет. Страбон (I в. н. э.) отмечает, что у массагетов серебра нет, железа мало, но медь и золото в изобилии. Наконец в китайской «Истории старшего дома Хань» упоминается, что жители Давани (Ферганы) не умели обрабатывать железа; таким образом, знакомство даваньцев с обработкой железа относится ко времени не ранее II в. до н. э.

Данные китайской летописи о таком исключительно позднем открытии плавки железа в Фергане вызывают сомнение. Сведения Геродота и других древних авторов отражают, повидимому, действительное положение в том смысле, что в более отсталых областях Средней Азии, где существовали степные культуры, местная добыча и обработка железа начинаются значительно позже, чем на южных оседло-земледельческих территориях—в Согдиане, Бактрии и др.

Этому не противоречат сообщения Плутарха о маргианском железе, употреблявшемся парфянами, а также упоминания Плиния Старшего о прекрасных качествах китайского железа, поскольку они относятся к другим областям Азии и к более поздним периодам. Повидимому, население северо-восточных, преимущественно степных территорий Средней Азии,—отстоявших одинаково далеко от центров древних цивилизаций, Месопотамии и внутреннего Китая, где железо осваивалось на грани II и I тысячелетий до н. э.,—пережило эпоху бронзы и начало добывать и обрабатывать железо позже южных областей Средней Азии.

Средняя ступень варварства—эпоха, когда зарождается классовое общество,—представляет исключительный интерес. В это время развиваются скотоводство и земледелие, с чем связано первое крупное общественное разделение труда. Появляется имущественная дифференциация, особенно у скотоводческих племен. Увеличивается значение мужского труда, изживаются матриархальные отношения в распадающихся родовых группах. Усиливается влияние мужчин. Возникает, наконец, рабство. А в наиболее развитых странах появляются первые государственные организмы.

В области техники изготовления орудий труда, украшений и бытовых вещей крупнейшим открытием является обработка меди и бронзы, хотя необходимо подчеркнуть, что мягкость этих металлов вынуждает человека до момента освоения железа пользоваться также и каменными орудиями, такими, как наконечники стрел, ножевидные пластинки, скребки и т. п. Характерно, что в эту эпоху каменные орудия встречаются в большем числе, чем бронзовые, причем в своих формах и обработке они не имеют следов той упадочности, которая обычно свойственна технике вытесняемого производства.

Все эти явления вполне четко выявлены на основе детального изучения археологических комплексных памятников степной полосы юго-востока европейской части СССР и Западной Сибири.

Сравнивая узбекистанские находки с соответствующими материалами этих территорий, можно дать ориентировочную характеристику средней ступени варварства в Узбекистане.

Типичными бронзовыми орудиями этой эпохи являются: листовидные ножи с четырехгранным или округлым в сечении черенком, достигающие 12—18 см длины, бронзовые круглые или четырехгранные шилья 10—12 см длины, вислообушные топоры, очень характерные по своей форме, имевшие широкое распространение в степной полосе Юго-восточной Европы и встречающиеся также среди случайных находок в Казахстане. Один из таких топоров был найден возле с. Чимбайлык в верховьях р. Чирчик в составе клада бронзовых предметов, среди которых находился слиток бронзы весом около 600 г, дающий основание утверждать, что обработка бронзы производилась на месте ее добычи. Типичны также крупные наконечники копий с длинной втулкой и отверстием в ней для скрепления наконечника с древком при помощи гвоздя; затем почти прямые серпы типа серпов из Сосновой мазы (б. Саратовской губернии) и другие орудия.

Наряду с бронзовыми, бытуют каменные орудия, как изготовленные путем отжимной техники (наконечники стрел, тонкие ножевидные пластинки, скребки и т. п.), так и шлифованные и сверленные. Среди последних обращает на себя внимание своеобразный двухсторонний топор-мотыга с поперечными лезвиями.

Шлифованные орудия, как это следует отметить, встречаются редко и отличаются грубой обработкой.

Керамика этой эпохи сделана без гончарного круга. Обжиг ее, по большей части, неравномерный, почему поверхность сосудов имеет в некоторых местах более темный, серый, в других — красноватый оттенок.

В глиняной массе нередко имеется примесь толченых раковин. Форма сосудов довольно одна — это, преимущественно, широкогорлые горшки, иногда с выуклым корпусом, иногда приближающиеся к банкообразной форме. Орнамент обычно нанесен на верхней части сосуда, ближе к его шейке, в виде широких полос, окружающих корпус сосуда. Орнаментация сделана или прямым штампом в виде нескольких параллельных зигзагообразных линий, или же зубчатым штампом в виде городков; изредка встречается ямочный орнамент. Общий облик этой груболепной глиняной посуды говорит о низкой технике керамического производства.

По технике изготовления, по формам и орнаментировке перечисленные выше вещевые материалы очень близки к памятникам андроновской, срубно-хвалынской и катакомбной культуры эпохи бронзы в СССР. К этой же эпохе относится курганное скорченное погребение, вскрытое на территории Ташкентской области, около Янги-юля. По ритуалу захоронения и по сопровождающему его глиняному сосуду оно ближе всего к погребениям срубно-хвалынской культуры Южного Поволжья.

Все перечисленные памятники, основными районами распространения которых являются правобережье Аму-дарьи в пределах Кара-Калпакии, Ташкентская и Ферганская области, могут быть ориентировочно датированы от начала II до начала I тысячелетия до н. э.

Разительное сходство их с памятниками перечисленных выше бронзовых культур Поволжья, Украины и Западной Сибири и отсутствие сходства с памятниками эпохи бронзы анауской культуры позволяют сделать некоторые важные для истории Узбекистана выводы.

Повидимому, именно к этому времени, к периоду варварства, следует отнести возникновение и развитие этногенетических процессов у народов Узбекистана. Это — крупнейшая историческая проблема. Она особенно актуальна в настоящее время.

В своих «археологических исследованиях» фашистские лжеученые пытались найти обоснование культа «чистой расы», превосходства «арийской крови». Путем прямой фальсификации памятников материальной культуры они пытались начисто отрицать положительное значение роли смещения и взаимодействия различных племен, народов. Несмотря на разгром фашистской Германии и ясное для всех банкротство идеологии расизма, современные англо-американские реакционеры продолжают проповедывать расистские бредни, мало отличающиеся от писаний их немецких предшественников.

Выяснение этногенетических процессов на различных ступенях развития народов Узбекистана помогает разоблачению фашистских расовых «теорий».

Изучение вещественных памятников и пережиточных явлений дает основание утверждать, что в периоде дикости ход физического развития типа человека (антропогенез) и ход развития культуры были всеобщими

независимо от природных условий, как всеобщими были и способы добывания средств существования—охота и отчасти собирательство. Период варварства, напротив, характеризуется наличием многих вновь возникших отраслей хозяйства, которые постепенно занимают ведущее место в обеспечении человека материальными благами и развитие которых оказывалось возможным только в определенной физико-географической обстановке. К таким видам хозяйства нужно отнести земледелие, скотоводство, рыболовство, а также некоторые подсобные занятия, появление которых тесно связано с главнейшими отраслями: ткачеством, гончарным делом, металлургическим производством и пр.

Низкий уровень развития производительных сил не допускал возможности повсеместного и одинакового развития всех этих видов хозяйства.

В соответствии с природной средой и разнообразным сочетанием различных отраслей хозяйства, на определенных территориях возникли разнохарактерные культурные комплексы, получившие свое отражение в вещественных материалах, в лингвистических пережитках и в антропологических особенностях костных остатков.

Таков, например, комплекс, роднящий древне-ямную, афанасьевскую и другие близкие им культуры, которые существовали на обширной степной территории от Днепра на западе до Минусинского края на востоке. Другой, одновременный первому, комплекс получил наименование «трипольской культуры»; он широко распространен к западу от Днепра до Дунайской низменности.

При наличии многих общих черт в характере и уровне развития хозяйства, в ассортименте и технике обработки орудий труда, в развитии производства и т. п., каждый такой комплекс разбивался, в свою очередь, на локальные, повидимому, родо-племенные группы.

Несмотря на слабую изученность первобытно-общинного строя Средней Азии и, в частности, Узбекистана, и на этой территории тоже намечаются определенные разнохарактерные культурные комплексы: во-первых, степные культуры неолита и бронзы, основой хозяйства которых являлись охота, рыболовство, собирательство и, вероятно, пастушеское скотоводство; во-вторых, близкие им по времени и стадияльно земледельческие культуры, развивавшиеся в оазисах и предгорьях на основе примитивного искусственного орошения. Эти два комплекса имеют свои особенности в формах и технике изготовления орудий и оружия, в производстве предметов быта, особенно в гончарном деле, и в явлениях мышления первобытного человека, например, в погребальном ритуале.

Остатки первого из этих характерных для Средней Азии комплексов обнаружены на севере Узбекистана, в Кара-Калпакии, в степях Казахстана и Киргизии. Второй комплекс, получивший по месту первого открытия его памятников наименование «культуры крашеной керамики типа Анау», был распространен главным образом в южной части Средней Азии, а также в Фергане и Хорезме.

Однако по этим вопросам мы имеем пока недостаточное количество материалов, в первую очередь этнолингвистических. Кроме того, весь комплекс этих вопросов пока еще слабо изучен.

Время зарождения этих этнических явлений относится к позднему неолиту, а наиболее яркое развитие — к эпохе бронзы, что для Средней Азии ориентировочно можно датировать IV — I тысячелетиями до н. э. Можно высказать предположение, что на базе этих этнических единств стали складываться в позднее время исторически известные племенные союзы полукочевых массагетов, саков и др., а также оседло-земледель-

ческие племена и государственные объединения согдийцев, хорезмийцев, бактрийцев и др.

Вторым весьма существенным историческим выводом является установление, на основе отмеченных выше археологических комплексов, стойких культурных и, повидимому, этнических связей между населением Восточной Европы и Западной Сибири, с одной стороны, и северной степной частью Узбекистана — с другой, установление связей между населением южных областей Узбекистана, с их земледельческими культурами типа Анау, с Северным Афганистаном, Ираном и Месопотамией.

Далее, отмеченное сходство в орудиях труда и в предметах быта говорит не только о культурных связях, но и о стадийно-близком уровне развития хозяйства, которое характеризуется наличием земледелия (что подтверждается такими находками, как серп или мотыга) и скотоводства, наряду с которыми должны были играть в хозяйстве значительную роль охота, рыболовство и собирательство.

Наконец, это свидетельствует о том, что средняя степень варварства существовала как определенная, в достаточной мере выраженная, эпоха в истории Узбекистана.

К этому же историческому периоду должны быть отнесены три категории археологических памятников, которые совсем не были исследованы научно, с точки зрения принадлежности их к бронзовой эпохе. Это — древние горные выработки меди, места случайных находок раскрашенной керамики, близкой к анавской, и наскальные изображения.

Письменные свидетельства древних авторов о широком распространении медно-бронзовых изделий, приведенные выше, и такие случайные находки, как бронзовое кайло и другие бронзовые орудия, которые, естественно, должны исчезать с внедрением железа, говорят о глубокой древности добычи и обработки меди. Количество древних горных выработок в Узбекистане очень велико, иногда оно достигает нескольких десятков на одном только месторождении. По своему устройству они весьма разнообразны, начиная от обыкновенных ям и щелеобразных открытых выработок и кончая сложными подземными лабиринтами. Встречаются они почти во всех горных массивах Узбекистана — в Чаткальском, Кураминском и Нуратинском хребтах, в Букан-тау, Байсун-тау, в Кух-и-танге и в других местах.

Некоторая часть их приурочивается к феодальному времени, громадное же большинство остается до сих пор не датированным. Но не вызывает сомнения, что тщательное научное обследование следов горных выработок выделит из числа последних древнейшие, относящиеся к эпохе бронзы, к средней ступени варварства.

Даже без проведения специального полевого обследования можно условно наметить в качестве более древних те простейшие пещерообразные открытые выработки меди, которые встречаются в горах Букан-тау, на территории Кара-Калпакской АССР, в Нуратинских горах, затем близ колодцев Кара-кыз, в песках Кузбай-хум (Кызыл-кум). Возле них имеются и древние плавильные печи. Древность этих выработок подтверждается, до некоторой степени, не только их примитивным устройством, но также и местонахождением в безводных, малообитаемых в историческое время районах, а кроме того, тем, что вблизи этих выработок обнаружены стоянки с кремневыми орудиями и фрагменты керамики, относящиеся, скорее всего, к эпохе бронзы.

Вторая категория археологических памятников — это находки раскрашенной керамики, часто встречающейся в Средней Азии. По выделке, по основным формам и по орнаментации среди этих находок намечаются

два основных комплекса: один—очень близкий к анауской керамике, относящийся к эпохе бронзы, и другой—тяготеющий к расписной керамике афрасиабского типа, несравненно более позднего времени.

Керамика первого типа имеет значительное распространение в Средней Азии и, в частности, в Узбекистане; остатки поселения с находками такой керамики тянутся вдоль северных предгорий Копет-дага, затем переходят в низовья Геджена и Мургаба. Далее они отмечены на правом берегу р. Аму-дарья, в районе Керкичей и Келифа Туркменской ССР. На территории Узбекистана расписная керамика того же типа обнаружена в Ферганской долине, во многих местах Сурхандарьинской области, например на городище Старого Термеза, на Ханджабском городище Ширабадского района, возле кишлака Шураб Байсунского района и т. д.

Раскопки Анау и рекогносцировочное обследование подобных памятников в предгорьях Копет-дага, в низовьях Геджена и Мургаба дали богатый материал для характеристики этой культуры, относящейся к средней ступени варварства. Здесь уже существует вполне прочная оседлость. Жилье и хозяйственные постройки сооружаются из сырцового кирпича. На основе лиманного орошения широко развито земледелие; в хозяйстве имеются все основные виды домашних животных: лошадь, корова, свинья, верблюды, овца и коза. Существовали некоторые изделия, в том числе расписная керамика, в большинстве сходные с вещественными материалами из Элама и прежде всего с Сузами № 1. В то же время эта своеобразная культура имеет немало общих черт с вышеописанными культурами северо-восточной части Средней Азии.

Наскальные изображения, которые можно отнести к этому периоду, часто встречаются в горах Узбекистана. Однако они не были специально изучены. Сведения о них, встречающиеся в литературе, носят совершенно случайный характер, хотя именно эти археологические памятники, наряду с культовыми, погребальными, которые тоже почти не затронуты исследованием, могли бы дать очень ценные материалы для описания процесса восприятия древним человеком Узбекистана окружающей среды и развития его мышления.

В своей массе узбекистанские наскальные изображения, кроме описанных уже зарауткамарских, выполнены так называемой точечной техникой, заключающейся в нанесении мелких углублений сплошь по всему фону изображения. Такой способ воспроизведения существовал до самого последнего времени—им нередко пользовались пастухи, выгонявшие свои стада на летние горные пастбища.

Однако среди наскальных изображений, исполненных точечной техникой, выделяется по своему содержанию, по стилистическим особенностям и по наличию «пустынного загара» определенная группа их, где в реалистической трактовке изображаются дикие животные (олени, горные козлы) и домашние (лошади и верблюды); иногда воспроизводятся сцены охоты на диких животных, причем охотники вооружены луками и стрелами. Возможно, что именно такие изображения относятся к средней ступени варварства, когда охота с луком на диких животных являлась в горных условиях одной из основных отраслей хозяйства.

Первая половина I тысячелетия до н. э. является временем перехода от средней ступени варварства к высшей, когда на смену бронзе, основному материалу для изготовления орудий, внедряется железо. Этот период в истории народов Узбекистана получает освещение не только на основании изучения вещественных памятников, но и благодаря тем сведениям о Средней Азии, которые появляются в древних письменных источниках Китая, Ирана, Греции и др.

Комплексные памятники этого времени мало исследованы, за исключением ряда стоянок правобережного Хорезма, обследованных С. П. Толстовым. Но имеется значительное количество случайных находок, которые возможно отнести к этому переходному периоду: втульчатые кельты (топорики), крупные наконечники стрел, однолезвийные ножи, лезвие которых составляет одно целое с бронзовой рукояткой, бронзовые кинжалы, рыболовные крючки, орнаментированные пряжки от конского убора и т. п.

В результате этих, правда, еще недостаточных археологических исследований можно все же прийти к выводу, что народы Средней Азии и, в частности, Узбекистана, на заре истории имели оживленные культурные и экономические связи с народами Юговосточной Европы, Южной Сибири, Ирана и Передней Азии.

ЧАСТЬ II

Переход от первобытно-общинного строя
к рабовладельческому
(VI—IV вв. до н. э.)

ГЛАВА I

СОГД, ХОРЕЗМ, БАКТРИЯ, ЧАЧ И ПАРКАН (ФЕРГАНА) В АРХАИЧЕСКИЙ ПЕРИОД (VI—IV вв. до н. э.)

§ 1. ВВЕДЕНИЕ

Исторически прослеживаемый этап жизни народов Средней Азии начинается с половины VI в. до н. э., т. е. с того времени, как письменные источники, документальные и повествовательные памятники культуры и искусства не только начинают раскрывать нам названия этих народов, их нравы и быт, но дают и самые изображения представителей ряда среднеазиатских народов (саков, согдийцев, хорезмийцев и бактрийцев) на рельефах, украшавших дворцы Дария и Ксеркса в Персеполе (Фарс в Иране), наглядно дополняющие повествования Геродота.

§ 2. ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Мы имеем возможность судить о жизни народов, населявших территорию Узбекистана в отдаленнейший период его исторической жизни, по письменным источникам, памятникам материальной культуры, а также по данным языка, топонимики (отрасль знания, исследующая вопросы, связанные с историко-географическим осмыслением наименований местности), фольклора и этнографии.

К письменным источникам относятся: документальные надписи ахеменидов, высеченные на камне, вырезанные на глиняных табличках, и обрывки текстов того же времени на коже или на папирусе; повествования греческих историков: Геродота (V в. до н. э.), Ксенофонта (V—IV вв. до н. э.), Полибия (II в. до н. э.), Страбона (I в. н. э.) и Птолемея (II в. н. э.); священная книга зороастрийцев «Авеста» — сборник гимнов, молитв и ритуальных предписаний, разновременно составленных, в древнейшей части сложившихся в первой половине I тысячелетия до н. э.

К вещественным памятникам принадлежат: открытые археологическими раскопками древние города, крепости, замки и поселения, памятники искусства и быта, обнаруженные при раскопках и случайно найденные.

К лингвистическим данным относятся результаты анализа имен собственных, географических, этнических, а также иных терминов, дошедших до нас в античных и восточных текстах.

Целый ряд явлений древней истории и ее культуры может быть понят только при сопоставлении их с дошедшими до нас пережитками в современном быту, в фольклоре и в современной топонимике.

Трудов, специально посвященных истории народов Средней Азии в начальный период их исторической жизни, пока не имеется; но отдельные вопросы нашли и находят себе освещение в трудах как дореволюционных и советских, так и западноевропейских исследователей.

Вопросу о саках посвящена устаревшая, но все же очень полезная, книга В. В. Григорьева «О скифском народе саках» (СПб, 1871); в труде Б. А. Тураева «История древнего Востока», т. II, имеются отдельные высказывания о народах Средней Азии в VI—IV вв. до н. э. Несколько детальнее остановился на этом вопросе В. В. Бартольд в статье «Восточно-иранский вопрос» (Известия Российской академии истории материальной культуры, т. II, 1922). За последнее десятилетие этим вопросам посвящены многие труды С. П. Толстова: ряд глав в «Истории СССР», т. I (1939), многочисленные статьи в «Вестнике древней истории» и других журналах, монография «Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования», М., 1948, «По следам древнехорезмийской цивилизации», М.-Л., 1948, а также ряд опубликованных за последние годы академиком В. В. Струве статей по вопросу о происхождении зороастризма и об истории взаимоотношений народов Средней Азии с ахеменидами.

Из трудов зарубежных ученых следует назвать устаревший труд Шпигеля (1878), тт. I—III и имеющий некоторое значение—Гейгера (1882). Большой материал содержит посвященный специально Согду труд Томашека «Согдиана» (1877), далеко еще не использованный исследователями Средней Азии. Много данных собрано, но не всегда правильно освещено в работах Маркварта, статьях и заметках Херманна, Томашека и др., в «Энциклопедии классической древности» Паули-Виссова-Кроль. В последние десятилетия вопросов древней истории Средней Азии в ряде статей касаются Херцфельд, Ниберг и др., однако работы зарубежных исследователей, выводы которых построены на неправильных общеисторических концепциях, требуют осторожного подхода.

§ 3. РЕКИ И ИСКУССТВЕННОЕ ОРОШЕНИЕ

Система орошения, основанная на использовании вод таких рек, как Аму-дарья и Сыр-дарья (подобно тому, как в Египте использовались воды Нила, в Месопотамии—Тигра и Евфрата), определяла в Средней Азии не только характер и размеры земледелия, но и особый тип развившейся здесь древней культуры, характер тех или иных религиозных представлений и культов.

Аму-дарья носила в древности несколько названий. В Авесте она воспевается под именами Ардвисуры-Анахиты, «Раха», «Ранха» или «Аранха». Греческие историки, начиная с Геродота, называют Аму-дарью Араксом; это может объясняться тем, что на малоизвестное местное название «Аранха» древние географы перенесли хорошо им знакомое и созвучное название реки Аракс на Кавказе.

Геродот сообщает, что Аракс (Аму-дарья) разделяется на 360 каналов и 40 устьями теряется в болотах и что только один из рукавов Аракса протекает по открытой местности и впадает в Каспийское море. Исходя из этого, исследователи пытались доказать, что сухое русло Узбоя и является этим каспийским протоком. Новейшие археологические (С. П. Толстов) и геологические исследования показывают, однако, что западная ветвь Аму-дарьи в средние века доходила только до озера Сары-камыш, что во времена Геродота течения по Узбою уже не существовало и его надлежит приурочивать к предисторическому периоду, а сведения Геродота об Узбое основаны на древних устных преданиях.

Существовало еще одно местное название Аму-дарьи, с которым греки познакомились во время походов Александра Македонского, в греческой передаче звучавшее «Оксос». Учитывая, что на группе кушанских монет рядом с изображением водного божества имеется надпись «Окшо» (иногда «Охшо»), мы имеем все основания полагать, что местное название Аму-дарьи звучало именно так (встречающийся в восточных словах и именах звук «ш» греки передавали через «кс»). У средневековых хорезмийских авторов Аму-дарья часто носит это древнее местное название в форме «Окуз».

Многоименность Аму-дарьи следует, видимо, объяснять тем, что отдельные части ее по-разному назывались народами, обитавшими по берегам этой мощной реки. В низовьях, протекая через страну массагетов, хорезмийцев, она носила название Ранха, Аранха; этому соответствует «Аракс» у Геродота и его рассказ о ее каналах и устьях. Среднее течение могло носить название «Окшо», засвидетельствованное на кушанских монетах, чему соответствует «Оксос» историков Александра, знакомых именно со средним течением Аму-дарьи. Название же «Ардвисура-Анахита» — термин не столько географический, сколько культовый: оно одинаково применялось и к верховному местному божеству — богине воды, и к обожествленной реке, подательнице плодородия.

О Сыр-дарье в древности мы знаем еще меньше, чем об Аму-дарье. Греческие историки называли среднее течение ее Танаисом, перенося известное им название Дона — Танаиса, протекавшего по стране европейских скифов, на какое-то созвучное древнее местное название Сыр-дарьи. Наличие двух Танаисов, среднеазиатского и европейского, было отмечено во II в. н. э. греческим писателем Аррианом. И в этом случае мы имеем дело с таким же смешением двух рек, как и в случае с Араксом.

По словам того же Арриана, Сыр-дарья звалась также «Яксартом». Это — древнее местное название, которое было, вероятно, распространено среди местных сакских племен.

Из названий других рек, кроме Аму-дарьи и Сыр-дарьи, Авеста сохранила нам древнейшее местное название Зарафшана — Дайтья. Другое, более позднее название Зарафшана, греческое «Политимет» (у римского писателя I в. н. э. Курция Руфа) вызывало много споров. Название «Политимет», по гречески означающее «многочтимый», было дано реке македонцами, как это помнил еще Страбон. Так как греки едва ли занимались почитанием среднеазиатских рек, то естественнее всего предположить, что название это не что иное, как перевод местного названия реки. Писмогло разобраться в этом вопросе название этой реки у китайских историков, а именно «Нами», повторяющее пехлевийское название «Намик», т. е. «знатное», «почитаемое» (древнеперсидск. «Немахья»), соответствующее «Политимету» — греческому названию священной авестийской реки Дайтья, ныне «золотоносного» Зарафшана. Одно из сообщений Страбона дает основание говорить о возможно существовавшей сети каналов, отходивших от Зарафшана, который, будучи разбираем на орошение, войдя «в пустынную, песчаную страну..., поглощается песками...».

Как везде на Востоке, так и в Средней Азии, в основу всей экономики должно было быть положено искусственное орошение, которое являлось, по словам Энгельса, делом общины, области или центральной власти. Письменные источники и археологические данные говорят о применении в древности нескольких видов орошения, в зависимости от тех или иных природных условий. В горных районах применялось орошение

ручьевое, при котором использовались горные речки, собиравшие воду тающих снегов. В равнинах существовало орошение речное, т. е. использование больших рек, их притоков и протоков с отводом каналов от них, как и от ручьев, применительно к рельефу местности; иногда каналы располагались веерообразно. В пустынных районах и открытых долинах было устроено кяризное орошение, т. е. отвод грунтовых вод при помощи водосборных галлерей, имеющих смотровые колодцы на некотором расстоянии друг от друга. По сообщению Полибия, подземные каналы (т. е. кяризы) при персах сооружались на средства частных лиц, за что орошаемые земли передавались им в пользование на пять поколений.

В дельтах больших рек и крупных протоков применялся, вероятно, также и лиманный способ орошения: системой водосборных канавок дождевая или снеговая вода направлялась в лиман, на котором производились посевы.

Письменные источники сохранили нам упоминание только об одном ирригационном сооружении в Средней Азии. Геродот сообщает о постройке шлюзов ахеменидскими царями на равнине, которая некогда принадлежала «хоразмиям» и со всех сторон была замкнута горным хребтом. Из гор, замыкающих равнину, текла река Акес, первоначально делившаяся на пять рукавов, орошавших земли и протекавших каждый через отдельное ущелье. Но «горные ущелья царь велел закрыть и перед каждым из них поставить «ворота» (шлюз), вследствие чего вода лишилась выхода, а замкнутая в горах равнина превратилась в озеро... Те самые народы, которые обыкновенно пользовались этой водой, теперь постоянно испытывают большие лишения» и зимой «с женами отправляются в Персию и рыдают у дверей царского замка... Тогда царь... велит открыть шлюзы, ведущие в их равнину. Когда земля их насытится водою, шлюзы запираются снова; вместе с сим царь велит открыть другие шлюзы для других жителей, испытывающих крайнюю нужду в воде. Я знаю по рассказам, что царь, сверх обычной дани, взимает большие деньги за открытие шлюза». Персидское правительство воздвигало сложные технические сооружения, несомненно, силами местного населения, а затем передавало их этому же населению в пользование за особую плату.

Собранные С. П. Толстовым материалы позволили ему установить, что ирригационные сооружения Хорезма были созданы еще до ахеменидов (в VIII—VII вв. до н. э.) и что древняя оросительная сеть Хорезма по своим размерам превосходила средневековую ирригационную сеть. Так, длина древнего канала Чермен-яб устанавливается в 200 км (соответствующий ему ныне арык Газават—вдвое короче); а длина канала Гавхорэ на правом берегу Аму-дарьи равнялась 70 км.

Эти грандиозные оросительные работы могли быть выполнены только силами сельских общин, направляемых центральной государственной властью, которая применяла, несомненно, и труд рабов—военнопленных. Такими мощными государствами в доахеменидский период являлись Хорезм—Хвайризем (на территории Узбекистана, Северной Туркмении и Югозападного Казахстана) и Бактрия (на территории большей части Таджикистана, Южного Узбекистана и Северного Афганистана).

К заключению о большой древности ирригационной сети и в Бухарском оазисе пришел в результате своих исследований В. А. Шишкин; он полагает, что Гау-хитфар (в районе Бухары) и другие крупные каналы были сооружены до Александра Македонского.

§ 4. ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ И ЕГО РАССЕЛЕНИЕ

Вопрос об этническом составе населения Средней Азии и его расселении в древности еще мало разработан. Деление населения на кочевое и оседлое при рассмотрении древнего периода истории Средней Азии имеет гораздо большее значение, чем деление его на различные племена, из которых образовались те или иные союзы. Противопоставление оседлой части населения Средней Азии кочевой его части нашло яркое отражение в Авесте, главным образом в ее древнейших частях. В этом же противопоставлении оазиса и пустыни, земледельца и кочевника некоторые исследователи пытаются, не очень удачно, найти объяснение тому явлению, что дуалистическое восприятие первобытным человеком окружающих его сил природы (в виде борьбы доброго и злого начала) сохранилось у народов Средней Азии вплоть до исторического периода их существования.

О расселении на территории Средней Азии народов¹, засвидетельствованных источниками, высказано много самых разнообразных и зачастую самых разноречивых мнений. Не останавливаясь на их рассмотрении (некоторых из них все же придется коснуться при разборе этнических вопросов, связанных с историей последующих периодов), перейдем к тому, какие именно народности жили на территории Узбекистана в древний период его истории, причем, в зависимости от степени изученности того или иного вопроса, об одних из них придется говорить больше, о других—меньше.

Вопрос этот теснейшим образом связан с так называемой скифской проблемой, которая, по мнению ряда исследователей, в равной мере затрагивает и Восточную Европу, и Среднюю Азию, и Сибирь. Как известно, «скифами» греки называли кочевые народы, обитавшие где-то в «глубинной Азии», и тех из них, с которыми им пришлось столкнуться в Европе. И Страбон (начало I в. н. э.), и Арриан (II в. н. э.) говорят «об общем имени скифов, хотя каждый из тех народов имеет свое собственное имя», причем, по словам Помпея Трога (I в. до н. э.), их «всегда считали древнейшим племенем, и о древности они спорили с египтянами». Основными скифскими племенами являлись, по Страбону, даи (дахи), которые жили за Каспийским морем (Южный Туркменистан), а затем «те, которые жили дальше от них на восток,—массагеты и саки». О принадлежности саков и массагетов к скифам имеются указания и у Диодора Сицилийского.

В ахеменидских клинописных надписях термин «скиф» не применяется: персы называли обитавшие в Средней Азии народы «саками» (что было отмечено Плинием в I в. н. э.) и различали три сакских народа. Греческие историки называют среднеазиатские народы «скифами» и выделяют среди них массагетов, саков и даев. Этнический характер термина «скиф» подвергнут сомнению: еще в XIX в. высказывалось предположение, что «скиф»—термин социально-экономический (Гейгер, 1881), а Н. Я. Марр усматривает в этом слове термин стадильный.

Что же представлял собой каждый из перечисленных выше народов, обитавших в изучаемый период на территории нынешнего Узбекистана?

Начнем с народа, который у Страбона называется «даи». Нет никакого сомнения в том, что имя этого народа звучало несколько иначе, чем

¹ В виду того, что автору приходится оперировать на основании первоисточников середины I-го тысячелетия до н. э.—середины I-го тысячелетия н. э., не допускающих точных формулировок, определение «Народ» употребляется здесь в смысле политического союза племен, объединенного общим именем.—Прим. ред.

это дает греческая транскрипция, вероятно — «даха» (Авеста). Судя по словам Страбона и Арриана, дахи жили преимущественно к востоку от Каспийского моря, в Южном Туркменистане.

Народы, обитавшие к востоку от «даха», Страбоном названы массагетами и саками. Массагеты, по словам Геродота, занимали «значительную часть обширной равнины» в Северных Кара-кумах и низовьях Амударьи, возможно, до низовьев Сыр-дарьи. Уже Страбон затруднялся сказать что-нибудь определенное о массагетах, ссылаясь на то, что писавшие до него не могли сообщить о них ничего достоверного: «вообще ничего положительного не добыто исследованиями об этих народах... вследствие легкомыслия историков и их страсти к сказкам». Массагеты едва ли представляли собой какой-то единый народ: как и в ряде случаев, мы опять имеем дело с общим именем для ряда племен, объединенных в один большой союз, причем племена эти не только в этническом, но и в социально-экономическом отношении представляли собою нечто разнородное.

Существуют две точки зрения на самое название «массагеты». Одна из них была высказана еще в 1826 г. И. Клапротом, развита в 1871 г. В. В. Григорьевым, а в настоящее время углублена С. П. Толстовым. По этой гипотезе «массагеты» — название местного населения и означает «великие геты», в китайской транскрипции — «да юе-чжи» — «великие юе-чжи».

Другая точка зрения выдвинута была Марквартом, предложившим вместе с Томашеком, расчленить слово «массагеты» на «масья» (авест. «масьо» — рыба, перс. «махи») + ка + тай (скифский суффикс множественного числа «та»), что в переводе означало бы «рыбоеды». Но теория эта, повидимому, правильна относительно только одной части массагетов, тех, «что занимают болота, образуемые реками, и острова на этих берегах».

В настоящее время высказана еще одна точка зрения, приближающаяся частично к толкованию Клапрота, а именно, что слово это состоит из «мас» + «сака» + «та», т.-е. «большая сакская орда». Толкование «великая орда саков» подтвердило бы высказывания Страбона, в которых он эти два этнических термина — массагеты и саки — всегда ставит рядом.

После Страбона и Арриана массагеты больше не упоминаются: большой племенной союз, в состав которого, по преданию, входило пять народов, в том числе и хорезмийцы, распался на части. Что касается дальнейших судеб массагетов, то западным племенам их, в лице аорсов и аланов, было суждено сыграть в истории немалую роль, а восточным — стать одними из дальних предков современных туркмен.

Много точек зрения высказано в науке по поводу саков, много сделано попыток отождествить упоминаемых в ахеменидских надписях саков с теми или иными исторически засвидетельствованными племенами. Еще в 1871 г. В. В. Григорьев отметил, что в индийском эпосе «Махабхарата», в китайской «Истории старшего дома Хань» (I в. до н. э.) и у греческого писателя Птолемея сообщается о саках, что они первоначально якобы занимали территорию в западной части Восточного Туркестана, жили на Памире и по Тянь-шаню. Отсюда они распространились до Балхаша и низовьев р. Чу, заняв часть Ферганы и древнего Чача (В. В. Григорьев). Сообщения эти не вызывают сомнения, поскольку засвидетельствованное ими положение подтверждается и лингвистическими, и археологическими данными. Исходя из этого

положения, и надлежит рассматривать вопрос о расселении тех или иных племен саков на территории Азии, помня, что некоторые из них оставались еще в западной части Восточного Туркестана и лишь во II в. до н. э., под натиском гуннов, также двинулись на запад.

Три сакских народа упоминаются в надписи на гробнице Дария, высеченной в ущелье Накш-и-Рустем, около Персеполя:

1. «Сака-тиграхауда» обитали, по всей вероятности, за Сыр-дарьей, на территории Чача, а также в степях Киргизии и прилегающего Южного Казахстана; к ним должны относиться слова Дария, вырезанные на золотых и серебряных таблицах, найденных заложенными в фундаментах его дворцов в Персеполе и Экбатане, о стране «саков, живущих за Согдом». И Страбон говорил, что «саки отделены от согдийцев Яксартом» (Сыр-дарьей).

Название «тиграхауда» означает: «носящие остроконечную шапку». Слово «тигра» — вероятно, «стрела» — в составном слове («хауда» — шапка) могло, конечно, служить и для обозначения понятия «остроконечный». Изображенный на Бисутунском¹ рельефе «сак Скунха», носящий высокую остроконечную шапку, является, по всей видимости, представителем «саков-тиграхауда», которых Дарий подчинил себе в 494—493 гг. и к которым относятся слова Геродота: «саки... имели на голове остроконечные шапки из плотного войлока, стоявшие прямо».

В перечне народов, платящих дань ахеменидам, у Геродота «сака-тиграхауда» не значатся, но называется народ «ортокорибантий» (греческ. «с прямыми шапками»), то-есть те же саки-тиграхауда. На рельефах скальной гробницы Дария в Накш-и-Рустемском ущелье изображены различные представители подчиненных ему народов в виде фигур, поддерживающих тронное возвышение, на котором сидит царь. Пояснительная надпись с перечнем народов дает наименования этих народов в последовательном порядке, причем фигура воина в остроконечной шапке именуется «сака-тиграхауда». Такие высокие остроконечные шапки из белого войлока до сих пор встречаются в Узбекистане.

2. «Сака-хаумаварка», также изображенные на гробнице Дария, отличаются от саков-тиграхауда только своим головным убором, имеющим вид башлыка.

Существует несколько гипотез по вопросу об их локализации. Согласно одной из них, саки-хаумаварка жили по р. Мургаб (на территории Туркменистана) и тождественны с амюргиями Геланика (V в. до н. э.) и амюргийскими скифами Геродота. С. П. Толстов отождествляет их с массагетами и этим объясняет странное отсутствие в надписях Дария какого бы то ни было упоминания этого последнего народа. Возможна также гипотеза о расселении саков-хаумаварка на территории Ферганы (древнего Паркана) и частично — Памира и о тождестве их с народом «париканий» (Геродот, Плиний), упоминаемым в перечне народов у Геродота рядом с ортокорибантиями, т.-е. саками-тиграхауда.

Что касается названия народа — «хаумаварка», то существуют два объяснения его: согласно одному, это слово означает — «варящие хому» (т. е. зороастрийцы), а согласно другому — оно восходит к имени сакского царя Омарга. Окончательное истолкование его пока еще не найдено.

3. «Сака-тай-тар-дарайя» обычно переводят — «саки за морем» и отождествляют их с европейскими скифами. Но «дарайя» обозначает и «море» и «большую реку», из чего следует, что речь может идти

¹ В литературе он носит название также Бехистунского и Багастанского.

и о племенах саков, живущих «за рекою». Изображение их на рельефе в Накш-и-Рустеме ничем не отличается от изображения саков-тиграхауда, а столь высокий остроконечный головной убор для европейских скифов не засвидетельствован. Не исключена возможность, что «сака-тиай-тара-дарайя» — саки заречные — являются теми «заречными варварами», которые в IV в. до н. э. обитали по ту сторону Сыр-дарьи и с которыми Александру Македонскому пришлось вести упорную борьбу. Из повествования Арриана об этих событиях явствует, что за Танаисом (Сыр-дарья) жили два народа: «заречные варвары» и «азиатские скифы». Это обстоятельство дает основание полагать, что и в первой половине V в. до н. э. за Сыр-дарьей обитали два родственных народа, один — непосредственно за рекою (сака-тиай-тара-дарайя), начавший, вероятно, переходить к оседлым формам жизни, и другой народ — к северу от него. Тогда становится понятной общность головного убора (высокая остроконечная шапка) у обоих этих народов, что может указывать на какую-то связь этих племен между собою. Курций Руф (I в. н. э.), описывая борьбу Александра Македонского с саками на Танаисе, отмечает, что скифы живут севернее, там, где начинаются дремучие леса и обширные пустыни, и что области, «обращенные к Танаису и к Бактрии», не лишены культуры. Это замечание Курция Руфа позволяет предположить, что в V в. до н. э. «обращенными к Танаису» племенами (во второй половине IV в. до н. э. «не лишенными культуры») были саки заречные (тиай-тара-дарайя)¹ и что за ними, дальше к северу, кочевали саки-тиграхауда.

Существует предположение, что зависимость сакских народов от Персии выражалась только в уплате ими ежегодной дани и поставке военных отрядов, из чего можно заключить, что они занимали среди других народов Средней Азии довольно независимое положение. Греческий писатель Арриан (II в.), говоря о событиях 331 г. до н. э. (битва Дария III с Александром Македонским при Гавгамеле), называет саков «союзниками Дария», которые не были подчинены сатрапу.

Согдийцы в надписях Дария упоминаются обычно рядом с хорезмийцами и бактрийцами, двумя самыми древними и культурными народами Средней Азии. Не исключена возможность, что в лице согдийцев мы имеем дело с одним из сакских народов. Согдийцы, по установившейся исторической традиции, должны были перейти к оседлым формам жизни в очень ранний период, что и подтверждается новейшими археологическими данными, выявленными при изучении пустынных низовьев Зарафшана. Об их связи с саками-кочевниками было забыто уже при Дарии, который в своих надписях различает эти два народа, указывая, что страна его простиралась до области саков, обитающих по ту сторону Согда.

Одна часть согдийцев (вместе с бактрийцами) входит в число основных предков современных таджиков, другая часть, в ассимиляции с тюрками, вошла в состав народа, впоследствии получившего название узбеков.

§ 5. ОСНОВНЫЕ ФАКТЫ ВНЕШНЕЙ ИСТОРИИ

О том, как складывались исторические судьбы народов Средней Азии в период до VI в. до н. э., известно очень мало. Отрывочные данные позволяют наметить только несколько событий и то полулегендарного характера.

Памятники археологические, а именно находки определенного вида лазурита, месторождением которого является только район Бадахшана в Средней Азии, позволяют говорить о торговых связях среднеазиатских

народов с Северной Индией в III тысячелетии до н. э., а также о связях, но вряд ли непосредственных, с Месопотамией (предметы из бадахшанского лазурита в инвентаре погребения царицы Шубат, жившей в конце IV тысячелетия до н. э.), и во II тысячелетии — с Египтом.

Письменные источники (античные авторы I — II вв.) сохранили сведения о вхождении областей Средней Азии в состав Ассирии при царице Шамурамат (Семирамида) в VIII в. до н. э. Легенда связывает Среднюю Азию с Ассирией и в VII в. до н. э., так как Диодор рассказывает, что Ашурбанипал (668—626) вызвал к себе вспомогательное войско из Бактрии. У Ктесия имеется аналогичное сообщение относительно Согдианы, входившей, по его словам, в состав ассирийского государства.

На несколько менее зыбкую почву мы вступаем в период, когда историческая традиция связывает судьбы народов Средней Азии с Мидией. Связь скифов с Мидией устанавливается на основании письменных свидетельств Геродота и Эфора. В истории взаимоотношений Мидии и народов Средней Азии можно проследить несколько этапов, начавшихся с военной помощи саков и бактрийцев мидянам в VIII в. до н. э., в период образования их государства. В середине VII в. до н. э. среднеазиатские народы боролись уже против Мидии на стороне Ассирии и были, несомненно, также вовлечены в события, связанные с завоевательным движением скифов, направленным против царств и народов Передней Азии и Закавказья. В конце VII в. до н. э. какие-то группы скифов бежали от своих междоусобиц в Мидию, где были радушно приняты царем Киаксаром, который якобы поручил им обучение мидийских мальчиков стрельбе из лука и скифскому языку. Закончились сношения с Мидией ожесточенной с ней борьбой в период, когда после падения Ассирии она заняла ведущее место в Азии. В процессе этой борьбы мидяне переселяли пленных саков на окраины государства — мера, впоследствии неоднократно применявшаяся ахеменидскими царями по отношению к тому или иному народу.

Все эти данные относятся к предисторическому периоду в жизни народов Средней Азии. Они носят, как уже отмечалось, полуполегендарный характер и почерпнуты античными историками, в том числе и Ктесием, вероятно, из мидийской исторической традиции, которая в свою очередь была связана с традицией ассирийской.

Когда персы, во главе с ахеменидами, в 550 г. до н. э. положили конец владычеству мидян, а затем подчинили себе и ряд среднеазиатских областей, наступает этап, знаменующий собою начало исторического периода в их жизни, уже засвидетельствованного письменными и вещественными данными.

Немногим больше двух веков продолжалось владычество ахеменидов над рядом областей Средней Азии. В этот период произошло столкновение Ирана с Грецией, в борьбу которых оказались вовлеченными и народы Средней Азии, в частности саки, бактрийцы, хорезмийцы и согдийцы. Фактическая история этого периода нам известна лишь по отрывочным данным, на основании которых могут быть восстановлены только главные события, и то не всегда в достаточной мере достоверные.

Впервые хорезмийцы, согдийцы и саки упоминаются в 519 г. до н. э. в тексте ахеменидской надписи в числе народов, подчиненных Дарию. Эта надпись высечена на скале Бисутун — древний Багастан («становище бога»), мимо которой проходила древняя дорога, соединявшая Вавилон с Экбатаной. Из других народов, перечисленных в тексте надписи, с территорией Узбекистана связаны бактрийцы, поскольку в науке принято

считать, что примыкающее к Бактрии правобережье Аму-дарьи (до Хисарского хребта) тоже входило в состав древней Бактрии.

Ктесий и Ксенофонт сообщают, что Киrom, создателем персидской державы, были подчинены сначала бактрийцы, а затем и саки. Независимо от того, следует ли относить этих саков к Мургабской равнине или к Ферганской долине, в обоих случаях Киру пришлось попутно подчинить себе и Согд, упоминаемый в надписи Дария и пропущенный у греческих историков. Ктесий сохранил нам имя сакского царя Аморга, которого Кир захватил в плен, и имя его жены—Спаретры. Последняя, по словам Ктесия, собрала войско из мужчин и женщин, разбила в бою Кира и освободила Аморга. После этого саки, видимо, вступили в союз с Киrom, поскольку Аморг впоследствии помогал Киру в его борьбе с народом даха и с Мидией.

Геродот сообщает, что Кир, подчинив Мидию и Вавилон, направил свои устремления на равнины к востоку от Каспийского моря, где обитали массагеты. По преданию, массагетами правила царица Томирис. В борьбе с нею Кир, углубившийся в степи за Аму-дарьей и оторванный от своего тыла, потерпел поражение и погиб в бою. Геродот сохранил нам детали этого похода, почерпнув описание его из эпического сакского сказания, в котором говорилось и о том, как Томирис велела окунуть голову павшего в бою Кира в мех, наполненный человеческой кровью, чтобы «напоить кровью ненасытного». Ктесий относит гибель Кира ко времени похода его против дербиков, которые, по одной версии, входили в массагетский племенной союз, а по другой—были одним из народов Индии.

Следует отметить, что массагеты в надписи Дария не упоминаются, зато в ней встречается упоминание о хорезмийцах—одном из основных народов, входивших в массагетский племенной союз.

О времени подчинения хорезмийцев источники нам ничего не сообщают. Покорение их, поскольку они названы в надписи Дария на Бисутунской скале, произошло, вероятно, в царствование завоевателя Египта—Камбиса, сына Кира.

Саки при Кире пользовались большим почетом. Известно об участии их в торжественном выходе Кира в Вавилоне (как сообщает Ксенофонт) и в конских бегах, где победителем вышел сак. Это дает основание предполагать, что саки были объединены с Персией на правах не данников, а союзников, оказывавших ей военную помощь.

После Камбиса к власти приходит некий Гаумата, видимо, мидянин, который использовал свое сходство с братом Камбиса—Бардией (Смердисом), убитым по приказу Камбиса, провозгласил себя царем и в течение двух лет правил страной. Он завоевал себе симпатии определенных слоев населения покоренных Персией областей тем, что освободил народы их от взноса податей. Низложивший Гаумату Дарий, из младшей линии рода ахеменидов, воцарился в 521 г. до н. э. и привел в повиновение все восставшие против него народы, в том числе и среднеазиатские. В своей надписи 519 г. до н. э. на скале Бисутун, посвященной этим победам, он перечисляет подвластные ему народы, в том числе и хорезмийцев, бактрийцев, согдийцев и саков. Из этой надписи мы узнаем, что во время пребывания Дария в Вавилоне от него отложился ряд народов, и среди них «партава, маргуш, сатагуш, сака», но только в одном случае дается описание хода борьбы—с народом маргуш (Марг, Мерв), жившим на территории современного Туркменистана, а в административном отношении обычно объединенным с Бактрией. Восстание в Марге представляет особый интерес. Здесь мы имеем дело, прежде всего, с народным движением. Вождем этого восстания называется не царь, как во всех других

случаях, а «мапишта» — «вождь», выдвинутый народными массами, по имени Фрада. Громадное число убитых при подавлении восстания, а именно более 55 тысяч человек, говорит о массовом участии в восстании широких кругов населения.

Та же надпись в последней своей части сообщает о походе Дария против саков-тиграхауда. Надпись, довольно сильно попорченная, гласит так: «Пошел я против саков-тиграхауда... к большой реке (или «морю»)... перешел... убил, другого схватили и связанного привели ко мне. Я судил его... Скунху по имени, его схватили. Там я другого главою поставил, согласно воле моей. После этого страна моею стала».

Здесь, видимо, имеется в виду Сыр-дарья, поскольку переход через Аму-дарью, протекавшую уже по владениям Дария, не мог представлять ни особого интереса, ни особой опасности. Речь может идти о походе против саков, обитавших за Сыр-дарьей, на территории Чача, а может быть и Семиречья. Впрочем, академик В. В. Струве считает возможным помещать саков-тиграхауда, упоминаемых в надписи Дария, между низовьями Аму-дарьи и Сыр-дарьи.

Бисутунская надпись Дария, помещенная на отвесной скале (на высоте 500 м), украшена рельефом, на котором изображен Дарий в час триумфа над своими врагами. Имена их даются в пояснительных надписях у каждой фигуры. Дарий стоит, попирая ногами Гаумату, за ним стоят два сподвижника царя, а перед ним — восемь царей и вождей, связанных на спине руками и соединенные между собою веревкой, надетой на их шеи. Седьмым из них является Фрада, народный вождь маргуш, а восьмым, в высокой остроконечной шапке — сак Скунха. В отличие от других пояснительных надписей, здесь сказано только: «это — Скунха, сак», так как, повидимому, имеется в виду вождь саков-тиграхауда, не восстававших против Дария, а покоренных в 494—493 гг. до н. э.; этим и объясняется, что изображение сака Скунха (как показало обследование рельефа) добавлено впоследствии; первоначально, в 519 г. до н. э., было только семь фигур. Геродот ничего не сообщает о походе против саков-тиграхауда; о нем рассказывает Полиэн (II в. н. э.), причем отдельные детали — применение Дарием военной хитрости (он одел персов в сакские одежды) и повесть о подвиге сака Ширика (который завел персов в пустыню) — заимствованы, вероятно, из эпической поэмы саков.

Среднеазиатские народы при Дарии еще более были втянуты в мировые события, потрясшие и Персию, и Грецию. Они участвовали в походе, предпринятом Дарием в 490 г. против Афинского греческого государства. Официально этот поход был начат в наказание за помощь восставшим против Дария городам Малой Азии, по существу же — ради завоевания мирового господства и овладения торговыми путями и рынками Малой Азии и островов Архипелага, то есть против Афин, как государства, имевшего колонии и захватившего мировую (в масштабах того времени) торговлю. Во время знаменитого Марафонского сражения, в котором персы в 490 г. до н. э. понесли поражение, частичный успех по ходу боя выпал на долю сражавшихся в центре саков.

Когда Ксеркс, продолжая политику своего отца, выступил против Греции, то и в пехоте и в коннице опять участвовали народы Средней Азии, а среди них — саки, хорезмийцы, согдийцы и бактрийцы. «Где тот азиатский народ», говорит Геродот, «который не был бы выведен в поход Ксерксом? Где та река, за исключением больших рек, воды которой доставало бы для войска Ксеркса? Одни народы поставляли корабли, другие — пехоту, третьи обязаны были поставить конницу, четвертые, кроме всинов, должны были поставить суда для перевозки лошадей, пятые —

длинные корабли для сооружения мостов, шестые — провиант и корабли». Воинами на этих кораблях, говорит Геродот, были персы, мидяне и саки. Здесь мы впервые встречаем саков в качестве моряков; возможно, что они занимались морским делом у себя на родине, но более вероятно, что это были просто воины, посаженные на корабли.

В предпринятом вторично походе персы снова потерпели поражение, но греческие историки, т. е. враги персов, опять сообщают, что в битве при Фермопилах в 480 г. до н. э. особо отличилась пехота саков, а в битве при Платеях в 479 г. до н. э. «из варваров храбростью отличались пехота персов и конница саков». В походах Дария и Ксеркса, как мы видели, участвовали не только саки, но и бактрийцы, согдийцы и хорезмийцы. Солдаты-хорезмийцы находились, между прочим, и в персидском гарнизоне на нильском острове Элефантине, в Южном Египте; об этом сообщают найденные там папирусы, относимые к концу V в. до н. э.

Нам ничего не известно о событиях и жизни народов Средней Азии при последних ахеменидах, кроме того обстоятельства, что восставшие против царя члены царского дома опирались обычно на среднеазиатские области, которые и сами неоднократно поднимали восстания против ахеменидов; так было, когда происходили восстания против Дария, о которых он сам сообщает в Бисутунской надписи, и когда против Ксеркса брат его Масиста поднимал саков и бактрийцев, как говорит Геродот, и когда от Артаксеркса I, по словам Ктесия, отпала временно Бактрия.

В битве при Гавгамеле, когда последний ахеменид Дарий III был разбит Александром, в составе его войска находились бактрийцы, согдийцы, саки («союзники Дария»), дахи и какие-то «скифские всадники». Эта битва положила конец владычеству ахеменидов над народами Средней Азии.

О целях, преследовавшихся завоевательной политикой ахеменидов, говорится у Геродота, который влагает в уста полководцу Ксеркса, Мардонию, следующие слова: «Мы покорили и поработили саков, индийцев, эфиопов, ассириян и многие другие могущественные народы, — не потому, что они причинили персам какую-нибудь обиду, а из желания приумножить наше могущество». Это откровенное признание, хотя и почерпнуто из литературной традиции, а не из документов, все же правдиво отражает действительное положение вещей.

§ 6. ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ПРИРОДНЫЕ БОГАТСТВА

При рассмотрении вопроса о социально-экономическом и культурном уровне тех или иных народов Средней Азии обращает на себя внимание кажущаяся неувязка в рассказе Геродота о массагетах: с одной стороны — медные конские панцыри и золотые фалары, а с другой — питающиеся плодами жители островов и болот с их шаманским ритуалом.

Ясность в этот вопрос вносит Страбон, сохранивший нам важнейшее сообщение о том, что массагеты живут в различных условиях: имеются жители островов, питающиеся кореньями и дикими плодами, не сеющие, не владеющие скотом; имеются жители болот, питающиеся рыбой и одевающиеся в тюленьи шкуры; имеются жители гор, пасущие овец и получающие от них шерсть и молоко, и, наконец, имеются жители равнин, тоже не обрабатывающие землю, питающиеся мясом овец и рыбой и ведущие кочевой образ жизни.

В этом перечне Страбона указываются четыре группы населения, находившиеся на разном уровне хозяйственного и культурного развития, в зависимости от общественных и природных условий. Жители равнин —

кочевники — были теми массагетами, которые поразили Геродота обильным применением золота и меди и которых Дарий в своих надписях, видимо, называет хорезмийцами (у Страбона сказано: «в состав массагетов и саков входят также атасии и хоразмий»).

Кроме скотоводства и рыболовства, равнинные массагеты занимались также ремеслами, о чем можно заключить на основании описания их вооружения и украшений из золота и меди, тогда как горные жители ткали шерстяные ткани и раскрашивали их яркими растительными соками.

По сведениям, полученным из клинописных надписей ахеменидских царей, по рассказам Геродота и данным археологических исследований, народы, населявшие в древности территорию Средней Азии, применяли различные формы земледелия, в зависимости от тех или иных природных условий. Сеть бесчисленных каналов, отводивших воду из больших и малых рек, и остатки мощных ирригационных сооружений, сохранившихся на территории Узбекистана, говорят о том, что ведущей формой земледелия являлась обработка земли, основанная на искусственном орошении. У Геродота имеется указание и на неполивное земледелие, когда просо и сезам (кунжут) сеяли «под дождь». Каирное земледелие (болотная форма земледелия) было распространено главным образом в Хорезме.

Оседлая и кочевая часть населения занималась скотоводством, разводя (судя по костным остаткам) крупный рогатый скот, овец, лошадей, свиней, верблюдов, собак, домашнюю птицу (найденны кости петуха). Земледельцы возделывали пшеницу, ячмень, просо, виноград, абрикосы, персики и др.

Как археологические, так и письменные данные говорят и о других видах занятий населения: о горных разработках и выплавке меди и железа, об изготовлении предметов вооружения и обихода из металлов, о гончарном производстве (без круга и с применением его), о ткацком искусстве, ювелирном деле, строительном мастерстве (постройка домов, мостов, дорог), кораблестроении и, наконец, о торговле, которая велась как морским путем, так и сухопутными дорогами по древней магистрали Балх—Мерв—Экбатана (Хамадан) на запад, а через Паркан (Фергану) и Иссык-куль—на север, в Сибирь и на Алтай.

Территория Узбекистана и в древности отличалась своими природными богатствами. Письменные источники, археологические находки и анализ терминов дают возможность установить следующую, далеко неполную, картину нахождения полезных ископаемых в изучаемый период.

На территории массагетов были широко распространены предметы из золота и меди и в небольшом количестве — из серебра. Разработка этих металлов, возможно, происходила (по М. Е. Массону) в горах Каратау на Мангышлаке (древние медные рудники), в районе гор Нурата и в горах Кызылкумской пустыни (золото и медь). Судя по дошедшим до нас золотым предметам, деталям вооружения и украшениям VI—IV вв. до н. э., найденным на территории Средней Азии, нет никаких сомнений в том, что разработка и обработка золота (о чем имеется много сведений для более позднего периода) производились и в период владычества ахеменидов. Можно полагать, что золото (рассыпное и речное) разрабатывалось на Зарафшане в Согде, в Усрушане и в Паркане. Речное золото добывалось, видимо, таким же способом, как и в древности на Кавказе — с помощью бараньих шкур, спускаемых в воду; крупинки золота при этом задерживались в мохнатой шкуре. Что касается территории саков и того большого количества золота, которое потреблялось ими для изготовления украшений (по свидетельству Геродота о массагетах и по археоло-

гическим находкам в европейской Скифии), принято обычно считать, что добывалось это золото главным образом на Алтае. О роли золота в жизни скифов-саков можно судить хотя бы по тому, что ряд восточных терминов для обозначения этого металла является не чем иным, как скифскими племенными названиями.

О серебряных разработках в VI—IV вв. до н. э. у нас сведений нет. О меди в быту массагетов имеются сведения и у Геродота, и у Страбона. Археологические изыскания показали, что старые выплавки меди обычно находятся рядом со скоплениями медных шлаков в Кара-Калпакии, в южной части гор Букан-тау, вдоль хребта Кериге-тау и в Наукатском районе Ферганы (по М. Е. Массону). Медные предметы VI—IV вв. до н. э. почти неизвестны, но они, несомненно, существовали, судя по тому, что нам хорошо известна большая группа бронзовых предметов местного изготовления, относящихся как к предшествующему периоду истории Узбекистана, так и к последующему времени, и что довольно много сведений об этом сохранилось у китайских историков.

О железе сведений в источниках не имеется, но возможно, что оно разрабатывалось в Карамазарском районе и в долине р. Ангрен, где известна добыча его в более поздний период, а также в районе Ходжента и в Алмалыке (М. Е. Массон).

В Авесте упоминается также об олове и свинце, но места их разработок пока не установлены.

Существовала, видимо, добыча и жидкого горючего в виде какого-то «чистого светлого масла», источник которого забил ключом около палатки Александра Македонского, где-то на Аму-дарье. Страбон сообщает о масляных источниках на р. Ох (Теджен). Более поздние писатели сохранили нам сведения о выходе нефти в Фергане.

О бирюзе, встречающейся среди древнейших археологических находок и являющейся любимейшим камнем у многих народов Передней и Средней Азии, которому приписывались различные магические свойства, Плиний сообщает, что, кроме Индии и Гиркании, бирюза разрабатывалась и в стране саков и в стране дахов. Исследования М. Е. Массона показали, что на территории Узбекистана месторождением бирюзы могли являться Кызылкумские и Нуратинские горы, а также Ак-тау (к югу от Самарканда и Бухары). В горах Ходжента и в Исфаринских горах Ферганы мог также добываться этот голубой камень, цвет которого впоследствии старались воспроизвести мастера, изготавливая поливу для декоративных изразцов.

О других полудрагоценных и иных камнях, доставлявшихся из Средней Азии в Иран, сообщается в клинописном тексте одной из интереснейших надписей Дария, вырезанной на глиняной табличке и повествующей о постройке им дворца в Сузах. Эта надпись сохранила нам некоторые данные о происхождении тех или иных материалов, поставлявшихся в Сузы из разных концов ахеменидской империи, в том числе и из Средней Азии. Как говорится в надписи, золото привозили не только из Сард (в Лидии), но также из Бактрии. Из Согда доставляли лазурит («касака каупатака», то есть «синий камень») и киноварь («синкабруш»), а из Хорезма—какой-то камень—«ахшайна». Лазурит добывался в знаменитых разработках в Бадахшане, находившихся на территории Бактрийской сатрапии, в состав которой временами входил и Согд. Не исключена возможность, что имелись и другие разработки лазурита, местонахождение которых пока не установлено. Что же касается золота, привозимого якобы из Бактрии, то речь может идти о золоте, которое

ахеменидские цари получали с далекого Алтая транзитом через Бактрию.

Золото, лазурит, бирюза безусловно были найдены давно, еще в доисторические периоды, ими широко пользовались в качестве любимого украшения. Народы Средней Азии жили в широком общении со странами Ближнего Востока, и поэтому мы не связываем эти торговые и культурные общения исключительно с установлением власти ахеменидов в Средней Азии.

§ 7. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ

Государство ахеменидов включало в себя области разного социально-экономического уровня, от древних культурных стран Западной Азии и Северной Африки с развитым классовым обществом до отдаленных областей восточного Ирана, а также Средней Азии, частью находившихся еще в стадии родового строя. И если в западных областях в этот период уже начинало крепнуть товарное и денежное хозяйство, то в среднеазиатских областях, экономически объединенных теперь со странами Передней Азии, происходило разложение родового строя и установление классового общества.

По мнению академика В. В. Струве, в собственно Иране в то время существовало рабовладельческое общество, в котором родовая организация была еще чрезвычайно сильна; это подтверждается и Бисутунской надписью, признававшей для народа одну лишь клановую собственность. В собственно Иране еще не была изжита родовая организация общества—тем более, полагает В. В. Струве, она имела место в восточных областях Средней Азии. Если мы обратимся к письменным источникам, то из Авесты, отражающей характер общества Средней Азии, как оно сложилось к первой половине I тысячелетия до н. э., мы узнаем, что состоящая из отдельных семей («нмана») родовая община («вис») сообща владела землей; несколько родов составляли племя («занту»), а наиболее крупным объединением была область («дахью»); союзы племен на определенной территории возглавлялись царем («кави»). Существовал, видимо, и совет племенных вождей. Следовательно, Авеста свидетельствует о существовании социальной организации, в основе которой лежали те «самодовлеющие первобытные общины», о которых говорит Энгельс в «Анти-Дюринге» и уничтожить которые не удалось ни восточному деспотизму, ни сменявшемуся господству кочующих завоевателей в течение целых тысячелетий, как указывают К. Маркс и Ф. Энгельс.

Натуральное хозяйство, судя по Авесте, почти не знало обмена и, во всяком случае, не знало денежного хозяйства. Позднее, судя по Младшей Авесте, применялась уже уплата скотом, что, в сопоставлении с другими данными, позволяет установить постепенное развитие хозяйственных отношений, которое и должно было привести к разложению родовой организации и к постепенному формированию классового общества. Несмотря на то, что в быту у массагетов сохранялись черты, говорящие о неизжитых еще формах матриархального строя, у них наблюдается уже ряд признаков, например разделение общества в военном отношении на конницу и на пехоту, указывающих на начало классового расслоения. Засвидетельствованное в Авесте разделение населения на три касты (жрецов, воинов и земледельцев) говорит о падении военной демократии (у греческих историков эти касты не упоминаются). В более поздней части Авесты упоминаются также ремесленники.

Основываясь на данных письменных источников и на результатах археологических исследований на территории Хорезма, Согда, Ферганы и других районов Средней Азии, для VI—IV вв. до н. э. можно установить три типа укрепленных поселений и городов:

1) Крупные, хорошо укрепленные города с внешними и внутренними стенами и цитаделью (Мараканда, Кирополь, Эрши—древняя столица Ферганы и др.), являвшиеся политическими и культурными центрами земледельческих оазисов.

2) Так называемые городища с жилыми стенами, а именно, огромные площади, обнесенные тремя—четырьмя рядами мощных стен, причем проходы между параллельными стенами являлись основной жилой площадью населения. Внутренняя часть этого городища, т. е. середина его, обычно ничем не была застроена и предназначалась, очевидно, для обитания скота. Такие городища являлись надежным убежищем для скотоводов и земледельцев, защищавшим и население и скот от опустошительных набегов соседей-кочевников.

3) Большие жилые массивы, обнесенные мощной стеною, сплошь внутри укрепления застроенные однотипными жилыми помещениями.

Еще в IV в. до н. э., во время походов Александра Македонского, в одном из городов на Сыр-дарье, в Кирешате или Кирополе, как говорится у Курция Руфа, сидел храбрый род мамакенов. Родовая структура поселений или городов подтверждается и археологическими данными, главным образом результатами тех раскопок, которые велись в последние годы на территории древнего Хорезма и которым суждено пролить яркий свет на ряд ответственных вопросов истории Средней Азии. Так, во время раскопок в 1940 г. на Чермен-ябе был установлен древнейший тип поселений—городища Кюзели-гыр и Калалы-гыр, расположенные, в отличие от более поздних поселений, на вершине больших холмов. Обе крепости (крыша была защищена парапетом с бойницами) отличаются тем, что окружающая их стена не двойная, как обычно, а в четыре ряда, с трехметровыми проходами между каждым двумя рядами стеной кладки. Мощный культурный слой в этих проходах позволил С. П. Толстову, говоря об их жилом назначении, назвать этот тип поселения «городищами с жилыми стенами» (судя по характеру керамики и скифскому типу стрел, V в. до н. э.) и говорить о родовой организации его общества. Внутри городища следов построек не имеется; возможно, что тут помещался общинный скот. Во главе такого города стоял один из тех вождей, о которых Геродот, говоря о военных отрядах саков в войске Ксеркса, замечает, что «у каждого племени вождями были достойнейшие» и что «каждая народность имела такое же число вождей, как и городов». Эти слова Геродота становятся понятными только теперь, когда данные о крепостях Кюзели-гыр и Калалы-гыр вошли в наш научный обиход.

Судя по древнейшей части Авесты (гимны «Гаты»), институт рабов в Средней Азии существовал уже в доакхеменидский период, но в незначительных размерах, носил домашний характер и комплектовался, видимо, из числа военнопленных. В источниках не имеется данных, которые позволили бы охарактеризовать формы рабства на территории Средней Азии в VI—IV вв. до н. э.

Источники сохранили нам некоторые сведения о положении женщин у массагетов и у саков, свидетельствующие о наличии пережитков матриархата у ряда среднеазиатских народов. Страбон сообщает о массагетах, что, «хотя каждый имеет одну жену, но пользуются они и чужими женами и вовсе не тайно: сообщаясь с чужою женщиной вешает

свой лук на повозке». Эти немногие строки проливают свет на определенный этап общественного развития массагетов, находившихся в VI—V вв. до н. э. в стадии перехода от матриархата к патриархальному строю. С этим согласуется и рассказ Геродота о царице Томирис, стоявшей во главе массагетского войска, разбившего Кира.

На этом же этапе развития находились, видимо, и саки, о которых Элиан сообщает, что у них существует обычай, по которому тот, кто хочет жениться, должен вступить в борьбу с девушкой, находясь с ней в подземном помещении; если ему не удастся побороть ее, он становится ее пленником. О сакских женщинах, деливших с мужьями опасности войны, сообщается, что когда они были в бою, то обращались притворно в бегство и стреляли с коней, оборачиваясь назад, как это делали и мужчины. Аналогичные рассказы о царице Спаретре, о воинственной царице Зарине, построившей якобы много городов, были, должно быть, заимствованы греческими историками из сакского эпоса. Так и рассказ о сакском обычае, по которому невеста доставалась жениху только в том случае, если он мог одолеть ее в единоборстве, Элианом был, несомненно, заимствован из сакского эпоса, отдельные эпизоды которого сохранились в «Огуз-намэ». В этом дошедшем до нас эпическом сказании описывается единоборство Бейрека с Бану-Кечек, дочерью Бай-Биджана; герой должен был обогнать девушку на коне, расщепить на лету пущенную ею стрелу и, наконец, осилить ее в борьбе. Отклики этого же эпизода сохранились и в «Алпамыше», где соответственное условие жениху ставит Барчин.

Высокое положение женщины у всех народов Средней Азии (вплоть до прихода арабов) являлось ярким пережитком первобытно-общинного строя; другим пережитком представляются первобытно-демократические традиции, которые тоже прослеживаются на всем протяжении древней истории Средней Азии, и «в этих традициях — ключ к пониманию той сплоченности народов Средней Азии перед лицом иноземных завоевателей и того героизма, самоотверженности, организованности, с которыми они отражали агрессию персов и греков, китайцев и арабов» (С. П. Толстов).

§ 8. САТРАПИИ, ВОЙСКО, ДОРОГИ, ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА

Территория обширного ахеменидского государства в административном отношении была разделена на области (персидское «хшатра»), которые Геродот называет сатрапиями. Границы отдельных сатрапий совпадают в большинстве случаев с пределами исторически сложившихся стран и государств, объединенных в составе ахеменидской державы.

Сатрапия возглавлялась сатрапом (греческое произношение персидского «хшатрапа»), правителем области, который назначался из персов, часто из числа членов царской семьи. На обязанности сатрапа лежало административное управление областью, сбор дани, производившийся главным образом на началах откупа, а в пограничных областях — командование военными силами. Для каждой области была установлена определенная податная сумма в серебре или в золоте, поступавшая через сатрапа в установленные сроки в государственную казну. Общая сумма податных поступлений в сокровищницу Дария составляла, по Геродоту, 14 500 греческих («эвбейских») талантов.

Народы Средней Азии были распределены по трем податным округам и в списке Геродота значатся в следующем порядке: XII округ — «земли от бактрийцев до эглов» (по мнению В. В. Струве, одно из согдийских племен к югу от Сыр-дарьи — «аугалы» Птолемея) вносили 360

талантов (около 860 тысяч рублей); XV округ—саки и каспии (может быть, даи) вносили 250 талантов (около 600 тысяч рублей); XVI округ—парфяне, хорезмийцы, согды и арии—платили 300 талантов (около 700 тысяч рублей).

Первенствующее место в составе военных сил ахеменидского государства занимали персы и мидяне, из которых набиралась знаменитая персидская конница, а также отряды «бессмертных» — гвардия царя. Но хотя персы и мидяне и составляли надежную и привилегированную часть армии, все же большинство ее комплектовалось из отрядов многочисленных народов и племен, входивших в состав ахеменидского государства. Здесь были согдийцы, бактрийцы, хорезмийцы и саки. Эти четыре народа пользовались, вероятно, более привилегированным положением. Были здесь и понтийские греки, ассирийцы, египтяне, вавилоняне, малоазийские народы, арабы, арамейцы и евреи. Все эти народы выступали в поход, будучи одеты и вооружены по обычаю своей страны, что должно было придавать войску чрезвычайно пестрый вид и характер.

Во главе ахеменидского войска стоял сам царь. Во главе каждого из пяти военных округов, на которые распадалась вся территория государства, стоял особый военачальник, подчиненный непосредственно царю. Этим военачальникам округов были подчинены военные силы сатрапий, входивших в данный округ. Войска каждой сатрапии формировались таким образом, чтобы уроженцы данной области не попадали в местные гарнизоны. Военные силы, на случай войны или восстаний, были распределены по всему государству равномерно, причем могли быть очень быстро переброшены из одной области в другую.

Эта быстрота переброски обеспечивалась наличием сети благоустроенных дорог, которыми славилось ахеменидское государство, как это засвидетельствовано у Геродота, лично путешествовавшего по ахеменидским дорогам. Он дал описание направления «царской дороги», ведущей от Эфеса, с берегов Эгейского моря, к столице Лидии Сардам, а оттуда к Сузам, столице древнего Элама, т. е. от Эгейского моря к Персидскому заливу. Этот путь протяжением в 14.000 стадий (свыше 2000 км), проходил «от начала до конца по стране населенной и безопасной», причем был оборудован «царскими гостиницами и прекрасными жилыми помещениями». Гостиницы, возведенные через каждые 25—30 км., служили, по словам Ксенофонта, местом отдыха и ночлега для тех, кто ездил с поручениями, состоя на государственной службе, и для частных путешественников. Безопасность движения по этим дорогам обеспечивалась особыми дорожными военными отрядами. Кроме этого главного «царского пути», очевидно, должны были существовать местные оборудованные дороги и в Средней Азии, поскольку во II в. до н. э. они привлекли к себе внимание Чжан Цяна, когда он проезжал через Фергану. По дорогам двигались войска, шли караваны, скакали царские гонцы. Сменяя друг друга эстафетным порядком, они доставляли указы царя или донесения сатрапов с предельной скоростью лошадиного бега на коротких расстояниях. По этим же дорогам разъезжали специальные должностные лица, носившие название «очей и ушей царя», которым вменялось в обязанность наблюдать за деятельностью сатрапов и различных должностных лиц.

Мероприятия Дария являлись продолжением того, что существовало уже во времена Кира и Камбиса, но только со времени Дария административная организация государства становится относительно более прочной и централизованной, насколько это было возможно в условиях случайных и мало связанных конгломератов групп, распадавшихся и объеди-

нявшихся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя, как охарактеризовал великое государство Кира И. В. Сталин¹

Широко поставленная международная торговля, о которой сообщают не только историки, но свидетельствуют и прекрасно оборудованные дороги и наличие узловых городов, где происходили международные ярмарки, требовала хорошо налаженного денежного обращения. Указание Ксенофонта, в сопоставлении с недавней находкой золотых монет времен Кира и Камбиса в Персеполе, позволяет утверждать, что денежная система существовала в Иране уже при Кире, который прекратил, видимо, выпуск лидийских монет и, используя денежную систему ионийских и лидийских городов, стал чеканить на монетных дворах в Сардах, Сузах и Вавилоне золотые монеты, называвшиеся дариками (видимо, от древнеперсидского слова «дари» — «золото»).

Золотой дарик весил 8,416 г, равнялся 20 серебряным сиклам («сикл» от арамейского «шекел» — мера веса), а сикл равнялся определенному количеству медных монет. Золотую монету имел право чеканить только царь (этот обычай существовал в Иране и в сасанидский период). Серебряные монеты, кроме царя, чеканили местные династы и сатрапы.

Монеты, повидимому, были в обращении главным образом в западных частях ахеменидского государства. В восточных же частях, т. е. в Средней Азии, в ходу было золото весовое, что не исключало возможности хождения здесь и некоторого количества дариков.

О покупательной способности дарика можно судить на основании следующего: персидский солдат-пехотинец (наемник) получал в месяц один дарик, всадник — два дарика, военачальник — четыре дарика; Ксенофонт продал своего коня за 50 дариков.

Несмотря на то, что дарики имели большое международное хождение и значение, как единственная в свое время золотая монета; несмотря на то, что их чеканили, видимо, в довольно большом количестве, — в Средней Азии известны только единичные находки дариков, что объясняется мало развитым здесь денежным обращением. Единичные дарики были найдены на Афрасиабе и в приамударьинской группе развалин старого Термеза. Не исключена, конечно, возможность, что археологические изыскания позволят в будущем пересмотреть и этот вопрос.

§ 9. ОДЕЖДА, ВООРУЖЕНИЕ, ОБЫЧАИ

Отряды, которые саки и другие народы обязаны были выставять по требованию сатрапа, состояли из конницы, пехоты, воинов на колесницах (серпоносные колесницы бактрийцев) и моряков, которые, видимо, очень ценились персами.

Памятник скульптуры ахеменидов (рельефы, украшающие гробницу Дария в ущелье Накш-и Рустем) сохранил нам изображения представителей всех подчиненных ему народов, причем точнейшим образом переданы их разнообразные этнические типы, прическа, одежда, вооружение. Клинописная пояснительная надпись дает перечень изображенных 28 фигур, среди которых имеются согдиец, бактриец, хорезмиец, сак-тиграхауда, сак-хаумаварка и сак-тиай-тара-дарайя, т. е. заречный. Изображения этих среднеазиатских народов повторяются также на гробницах других ахеменидов и на дворцах в Персеполе (в процессии данников).

Согдийцы и бактрийцы одеты почти одинаково: облегающая рубашка с поясом, от которого спереди свисают концы ремня или металлические наконечники; на голове — маленькие, облегающие голову полусфери-

¹ И. Сталин, Марксизм и национальный вопрос, Госполитиздат, 1941, стр. 5.

рические шапочки (типа современной тибетейки). У согдийцев—длинные узкие штаны, у бактрийцев—шаровары, ниже колен запущенные в высокие сапоги, носки которых загибаются вверх.

Почти одинакова одежда хорезмийцев и всех сакских народов: длинный кафтан без ворота, закругленные полы которого вверху и внизу расходятся и чем-то оторочены (мехом или каймой); длинные узкие штаны. На голове у хорезмийцев и саков хаумаварка—облегающие всю голову шапки в виде башлыка, застегнутого под подбородком; саки-тиграхауда и саки заречные — в шапках с наушниками и с длинным остроконечным верхом, который скульптору пришлось изобразить не вытянутым вверх, как у сака Скунхи на Бисутунском рельефе, а опущенным вниз и назад, чтобы фигура могла уместиться вместе с другими в отведенной им полосе.

У всех шести фигур с пояса свисает длинный кинжал в ножнах скифского типа («акинак»). У всех шести фигур—бороды, причем у бактрийца и согдийца они более длинные. Общий для этих трех сакских народов и хорезмийцев своеобразный покрой кафтана подтверждает принадлежность хорезмийцев к сакским народам, входившим в массагетский союз.

О женской одежде можно судить на основании терракотовых фигурок, найденных в Хорезме, Тали-барзу и на Афрасиабе,— это длинная рубашка и наброшенная на плечи верхняя одежда с длинными рукавами и узкими каймами, мягкая обувь, ожерелье, браслеты и головной убор в виде шапочки или повязки.

Что касается головного убора мужчин, то Скунха, сак-тиграхауда, носил высокую остроконечную шапку, какую и в наши дни носят в Ташкентской области. На саках-хаумаварка одет особый убор типа башлыка. Золотая пластина с изображением сака, из состава знаменитого Амударьинского клада, найденного на территории Таджикистана (Кобадиян), дает изображение длинного кинжала, скифского акинака, прикрепленного верхним концом к поясу, а нижним концом ножен— к бедру выше колена, чтобы не мешал при езде верхом и при ходьбе. На одном из рельефов, украшавших дворцы в Персеполе, изображены два воина-сака в остроконечных шапках (тип башлыка), вооруженные двумя копьями каждый и выпуклым круглым щитом, покрытым нашивными, сплетенными, вероятно, из тростника, полосами.

Все эти изображения полностью совпадают с геродотовским описанием воинов-саков. Они «имели на голове остроконечные шапки из плотного войлока, стоявшие прямо», одеты были в штаны, имели туземные луки, короткие мечи (акинаки), секиры (сагари). Саки славились своим всенным искусством, главным же образом — стрельбой из лука; во время бегства они стреляли на скаку, оборачиваясь назад, и стяжали себе славу «изо всех стрелков в мире самых искусных, наудачу стрелы не пускающих». Этим же приемом пользовались против римлян парфяне.

Греческие историки сохранили нам еще некоторые детали, характеризующие военную технику и боевые приемы среднеазиатских народов, как, например, обычай дахов сидеть вдвоем на коне и обычай бактрийцев применять в бою серпоносные колесницы.

Упоминаемые Геродотом медные грудные панцыри для лошадей, золотые уздечки, удила и фалары массагетов следует считать, по всей вероятности, принадлежавшими хорезмийцам,—наиболее культурному из входивших в массагетский союз народов. Из того факта, что копыя, стрелы и секиры изготовлялись из меди, а железо вовсе не употреблялось, можно заключить, что массагеты находились в стадии перехода от бронзы к пользованию железом, что и совпадает с архаичными формами их жизни и быта, сохранившими пережитки матриархата.

§ 10. ЯЗЫК И ПИСЬМЕННОСТЬ

О языке среднеазиатских народов в изучаемый период мы знаем очень мало. Греческие историки сохранили нам ряд собственных имен, но внесли в них изменения, применительно к своей фонетике, заменив, например, шипящие согласные, за неимением таковых в греческом, буквой «S». Как в действительности звучали имена Томирис, Аморг, Спаретра, Зариадра и Зарина — сказать трудно. Более или менее достоверно одно: самое слово «сак», вероятно, звучало «шака»; так, по крайней мере, звучало это слово в санскритском языке (в поэмах «Махабхарата» и «Рамаяна», относящихся к первой половине I тысячелетия до н. э.).

Хорезмийцы, бактрийцы и согдийцы говорили на различных языках, которые принято относить к северо-иранской группе восточной ветви индоевропейских языков, родственных таджикскому, персидскому, а еще больше осетинскому (на Кавказе) и ягнобскому (в Таджикистане).

Кроме вышеназванных собственных имен массагетов и саков и немногих других слов, у нас нет определенных данных, чтобы утверждать принадлежность сакского языка к северо-иранской группе, хотя эта гипотеза многим из исследователей кажется наиболее вероятной. Только греческий писатель Элиан (II в.) сохранил нам сведения о том, что у саков был свой язык, отличный по звукам от языка скифов. Это дает очень мало, поскольку мы не знаем, понимал ли Элиан под термином «скиф» заморских (европейских) скифов или определенную группу племен Средней и Центральной Азии.

Академик Н. Я. Марр считает скифские языки, в том числе и языки саков, принадлежащими к языкам яфетической системы, и видит в них значительный пласт, общий с языками Северного Кавказа и Абхазии.

Судя по данным гораздо более поздних (раннесредневековых) документов, найденных в Восточном Туркестане, тохары, являвшиеся, видимо, потомками древних дахов, говорили на языке, резко отличном от северо-иранских и обнаруживающем известные черты сходства с греческим, армянским и славянскими. Ряд исследователей, в том числе С. П. Толстов, считает, что язык дахов-тохаров был близок к языку древнейших обитателей Северного Причерноморья — киммерийцев.

Наравне с местными языками, в это время был в ходу и древнеперсидский в качестве языка административного.

Для официального письма на территории Средней Азии, как и в Иране, применялась, очевидно, клинопись. И в западных и в восточных областях ахеменидского государства международным культурным и дипломатическим языком являлся язык арамейский, имевший письменность, которая происходила от финикийского алфавита, состоявшего лишь из 22 фонетических знаков, т. е. значительно более простого, чем персидская клинопись. Арамейская письменность, как увидим дальше, на территории Средней Азии легла в основу и согдийской и хорезмийской письменности.

В Бисутунской надписи Дарий сообщает, что копии с нее он разослал по всем своим странам, начертав их на глиняных табличках и на выделанной коже с помощью пурпуровой краски и скрепив своей печатью. Действительно, фрагменты копии текста Бисутунской надписи на папирусе арамейским письмом сохранились среди документов архива на нильском острове Элефантина в Египте, а дублет этой надписи, на вавилонском языке, найден был в Вавилоне. Копии с царских надписей и другие указы доставлялись, вероятно, и в среднеазиатские сатрапии.

Существовал еще один местный язык, представлявший смешение языка согдийского с языком греческим, на котором говорили в Средней Азии, например, переселенные Ксерксом из Милета (в Малой Азии) на территорию Согда представители греческого рода бранхидов, передавшие Ксерксу храмовую сокровищницу. Из опасения мести со стороны своих сограждан они ушли вслед за Ксерксом в глубь Средней Азии. Здесь их потомков застал Александр и, в наказание за вину предков, предал уничтожению и самый город и его жителей. Курций Руф сообщает, что жители этого города говорили уже на местном языке, переплетая родной греческий язык с языком местного населения.

§ 11. ВОПРОС О НАРОДНОМ САКСКОМ ЭПОСЕ

В. В. Бартольд в ряде работ показал ошибочность утверждений некоторых западноевропейских ученых, что восточные области Ирана до сложения греко-бактрийского царства представляли собою в культурном отношении девственную почву. Не касаясь других сторон культуры, достаточно указать, что первенство в создании прославленного эпоса Шах-намэ принадлежит именно восточным областям ахеменидской державы; здесь же сложилась некогда и Авеста, герои которой тоже совершают свои подвиги на территории Бактрии, Согда, Маргианы и Хорезма. В яштах Авесты воспеваются герои дахов, а также мифический богатырь Керешасп, палицей поражающий дракона, и легендарный Афрасиаб, боровшийся против мощного царя Ирана.

Эпические сказания массагетов использовал Геродот, передавая историю борьбы с Киrom благородной и мужественной Томирис. В ее образе отразились черты матриархального строя, отклики которого сохранились в каракалпакском эпосе «Кырк-кыз» — о Гулаим и ее 40 «амазонках».

Отдельные эпизоды эпоса саков можно усмотреть в рассказе Полиэна (II в.) о царице Спаретре, нанесшей поражение Киру и освободившей из плена своего мужа Аморга, а также в рассказе о саксе Шираке, жизнью своей поплатившемся за то, что завел в пустыню и тем загубил отряд персов.

Высказанное В. В. Бартольдом положение, что именно в ахеменидский период и именно в восточных областях ахеменидского государства начинается литературная обработка эпических мотивов и приурочение их к историческим лицам, иллюстрируется им ссылкой на роман о сакской царице Зарине и мидийском царевиче Стриангии (этот же роман дал Маркварту основание утверждать, что отрывки из древнеиранского героического эпоса сохранены были Ктесием и что свои эпические мотивы персы получили с Востока). Особенно ярко это положение В. В. Бартольда обосновывается сообщением современника Александра Македонского, Хареса Митиленского, который зафиксировал первоначальную сакскую версию одного из легендарных мотивов иранского эпоса, а также имена некоторых героев, тринадцать веков спустя воспетых Фердоуси. Это — рассказ о двух братьях, Гуштаспе и Зариадре. Первый из них правил Мидией, а второй — странюю от Каспийского моря до Танаиса (Сыр-дарьи). Зариадра и Одатидра, дочь скифского царя Омарга, обитавшего за Танаисом, увидели один другого во сне и влюбились друг в друга. Несмотря на противодействие отца, Зариадра сумел, с помощью одного только возницы, переправиться через Танаис и увести невесту в тот момент, когда ее выдавали замуж за другого.

Этот же эпизод рассказан и в *Шах-намэ*, но окрашен западной тенденцией, поскольку героем является мидийский царь Гуштасп, и идет он за невестой не на восток, а на запад, к римскому императору — ее отцу. Харес Митиленский (IV в. до н. э.) указывал, что рассказ о любви Зариадра и Одатиды был в его время очень популярен «среди живших в Азии варваров», что в храмах, дворцах и частных домах часто встречались изображения на сюжеты из этого романа и что по той же причине князья любили давать своим дочерям имя Одатиды. В. В. Бартольд усматривает в лице Гуштаспа, брата Зариадра, связь с одним из исторических Гистаспов, правивших восточными областями при ахеменидах. Некоторые сказания, вошедшие впоследствии в эпос *Шах-намэ*, в этот период были, видимо, достоянием всего сакского народа.

С территорией Средней Азии связан и воспетый в *Шах-намэ* герой Рустам, боровшийся с врагами и чудовищами, трагический поединок которого с неузнанным им сыном своим, Сохрабом, сюжетно перекликается с русским былинным эпосом о богатырях Илье Муромце и Сокольнике и с армянским — о Давиде и его сыне Мхере.

Таким же эпическим героем является Сиявуш, бежавший от преследований мачехи и после ряда совершенных им подвигов погибший на чужбине от предательства.

§ 12. РЕЛИГИЯ И КУЛЬТЫ

Ни по одному научному вопросу не было высказано такого количества самых разноречивых гипотез, как по вопросу о зороастризме, его родине и о том, были ли первые ахемениды зороастрийцами.

По вопросу о родине Заратуштры существует «западная» теория, считающая Мидию страной, откуда началось распространение зороастризма, и теория «восточная», по которой колыбелью этого учения является одна из трех стран: Бактрия, Согд или Паркан. Наибольшее количество приверженцев в научной литературе имеет теория, связывающая первые шаги Заратуштры с Хорезмом, поскольку историческая традиция говорит о Хорезме, как о стране, где был впервые зажжен священный огонь зороастризма «адар-хурра», и как об обетованной стране «Эран-ведж» (в авестийской передаче — Айриана-ваэджа), где Ахурамазда явился Заратуштре. Описание Эран-веджа, соответствующее географическим и климатическим условиям Хорезма, дается в *Авесте* — священной книге зороастрийцев, состоящей из разновремененно сложившихся частей: из гимнов, носящих название «Гаты» (древнейшей части), и «Яштов», в которых отложились народные эпические сказания о богах и героях, и затем из «Вендидада» — сборника ритуальных предписаний (позднейшая часть).

В *Авесте* дан перечень сотворенных Ахурамаздой стран («обителей благословения и изобилия»), в которые Ахриман внес свое зло. На первом месте — Эран-ведж, с которым «ничто в мире не равняется по красоте», затем — Согд, «богатый людьми и стадами», Муру (Мерв) — «могучий и священный», Бахди (Бактрия) — «страна с высоко поднятыми знаменами».

В *Авесте* дается также описание страны, где родился и где начал свою деятельность Заратуштра. Это — «страна, где управляют и предводительствуют многочисленными войсками мужественные вожди, где высокие горы, изобилующие пастбищами и водами, производят все необходимое для скотоводства, где глубокие озера с обширными водами, где судоходные реки с широкими руслами стремят свои бурные волны по

странам Иската (ассирийского «Ишкузаи» — Скифия), Поурута, Моуру (Мерв), Харева (Ария), Гава (область в Согде), Сугда (Согд), Хвай-ризема (Хорезм)».

Нет никакого сомнения в том, что «судоходными реками с широкими руслами» являются Аму-дарья и Сыр-дарья, и это обстоятельство, вместе с перечнем стран, через которые они протекают, прочно обосновывает среднеазиатскую теорию происхождения Авесты, а значит и зороастризма. На данном этапе наших знаний едва ли имело бы значение приурочивать родину Заратуштры обязательно к Хорезму, Согду, Паркану или Бактрии.

В основу Авесты положена дуалистическая концепция всего мироздания и человеческой жизни: два брата, Ахурамазда — «благий господин», и Ангримайню — «враг человечества» — властвуют над миром, причем извечная борьба между ними должна привести к победе добра.

Как известно, все народы на первобытной стадии своего мышления проходят через этап дуалистического восприятия ими мира, со сменой дня и ночи, лета и зимы, жизни и смерти, полезных и вредных животных. Но на историческом этапе развития общества добрые и злые космические силы превращаются в мифические и сказочные образы. У народов Средней Азии этот процесс, в силу ряда причин, затянулся, в результате чего отголоски дуалистического мировосприятия у них можно проследить вплоть до времен Мани (III в.), Маздака (конец V в.) и Мукань (VIII в.).

Надписи Дария ни разу не упоминают ни Заратуштры, ни его учения: терминология ахеменидов в вопросах культа резко расходится с данными Авесты; на помощь царю призываются его специальный покровитель, Ахурамазда вместе с богами царского рода («виса-бага»), т. е. предками. Это сочетание в религии ахеменидов культа Ахурамазды, покровителя главы государства, с богами его рода, подтверждает, между прочим, высказываемое выше положение о том, что в этот период Иран, как и Средняя Азия, находился в стадии перехода от родового общества к новым формам общественного развития.

В. В. Струве весьма убедительно объясняет отсутствие упоминания Заратуштры и Авесты в надписях первых ахеменидов тем обстоятельством, что Дарий и Ксеркс, как бы отстраняя Заратуштру, себя самих, личность царя провозгласили посредником между Ахурамаздой и людьми. Это явствует из того, что Ксеркс называет себя «саошиант» — спаситель человечества, то есть к себе применяет эпитет Заратуштры. В ответ на это и Авеста, в свою очередь, ни разу не упоминает ахеменидских царей. Этому странному, казалось бы, отношению ахеменидов к почитаемому народом пророку никаких объяснений пока не дается. Какое-то значение могло иметь то обстоятельство, что первые ахемениды, начинатели новой династии, которым неоднократно приходилось подавлять восстания в разных концах своего государства, прокламированием своей непосредственной связи с верховным богом рассчитывали укрепить свое положение в глазах народа. Но отрицательное отношение Ксеркса к учению Авесты не помешало ему ввести в Иране авестийский календарь, в котором каждый месяц и каждый день в месяце посвящены определенному божеству из круга Ахурамазды.

Приверженцы Заратуштры верили в конечную победу Ахурамазды, и это учение своего пророка они наслоили на издревле существовавшее у них поклонение стихиям — огню, воде, земле и воздуху, культ которых предписывал им не хоронить, не сжигать, не бросать в воду покойников — добычу Ахримана, а выносить трупы на каменистые холмы.

Вопрос о религиозных верованиях различных народов Средней Азии в древности еще ждет своего исследования объединенными усилиями историков, археологов, лингвистов и этнографов. Пока же мы можем установить, на основании письменных источников и археологических данных, что у сакских народов, включая и массагетов, существовал культ двух начал, от которых зависит жизнь на земле — культ солнца и воды, или огня и воды. О массагетах Страбон говорит, что «богом они почитают только солнце», в жертву ему приносят лошадей. Страна хорезмийцев, входивших в состав массагетского союза, носила, как известно, название Хвайризем, что означает «солнечная земля», или «страна солнца» («хвар» — солнце, «зем» — земля). Вечным огнем и священной водой клялся перед Дарием вышеупомянутый сак Ширак. У среднеазиатских народов богиня земли, воды, плодородия, любви носила, как и у персов и армян, имя Анахит. Первоначально она, должно быть, носила название «Табит», о котором упоминает вскользь Геродот, не расшифровывая, что имя это, заключающее в себе корень «таб», означающий «свет», «сияние», «солнце», дает возможность судить о сущности этого божества.

Культ солнца — начала мужского, и земли-воды — начала женского в образах Митры и Анахит, древнейших местных богов — продолжал существовать в Средней Азии не только вплоть до арабского завоевания, но и дальше, вплоть до последнего времени, как это устанавливается данными этнографии и фольклора. При Артаксерксе II, как известно, Митра и Анахит были приняты в пантеон иранских божеств; в надписях они упоминаются наравне с Ахурамаздой.

Одновременно с этим существовал и культ первородного человека, Гавомарда, т. е. быко-человека, олицетворявшего первоначально космическую силу, давшую начало и животному, и растительному миру, и металлам, а затем ставшего своего рода титаном, научившим людей строить дома и города и пользоваться металлами. Образ этого быко-человека не является спецификой только Средней Азии; Гильгамеш и Энкиду — расщепление того же образа на территории Месопотамии. В классовом обществе титан Гавомард стал Гопатшахом — царем, правителем области Гава в Согде. Раскопки в Тали-барзу на территории Согда обнаружили, между прочим, нацарапанное на хуме изображение Гавомарда, образ которого нам известен по памятникам Ассирии и Ирана. Мы не ставим себе задачей перечисление всех существовавших на территории Средней Азии культов и религиозных верований. Однако нельзя не упомянуть о древнем, еще до-зороастрийском, до-маздеитском культе Зрвана (впоследствии — бога времени), который считался отцом Ахурамазды и Ахримана и с которым Ахурамазда потом вел борьбу, подобно тому, как это сделал Зевс, также боровшийся со своим отцом, тоже богом времени — Хроносом (Кроносом). Зрванизм, по словам Евдема Родосского (IV в. до н. э.), ученика Аристотеля, был распространенным среди народов Ирана и Средней Азии учением.

В изучаемый период на территории Средней Азии существовал, таким образом, ряд религиозных систем: 1) культ Табит — Анахит, слившийся с культом Митры; 2) зороастризм; 3) зрванизм и 4) политически окрашенная религия ахеменидов, знавшая только Ахурамазду и обожествленных предков.

Наряду с этими развитыми религиозными системами, у некоторых народов Средней Азии продолжали существовать пережитки более древних первобытных культов, носившие в это время формы шаманизма. Геродот рассказывает о массагетах, что они «плоды определенных деревьев

собирают кучами в одном месте, потом зажигают костер, садятся вокруг него и бросают плоды в огонь; нюхая брошенные в огонь горящие плоды, они пьянеют от их запаха так, как эллины от вина, пьянеют все сильнее по мере того, как подбрасывают больше и больше плодов. Наконец пускаются в пляску и начинают петь». Этими словами Геродот дал нам описание древнейшей формы дервишского радения.

На территории Хорезма и Согда большим распространением пользовался культ Сиявуша, обожествленного местного героя, которого С. П. Толстов сопоставляет с малоазийским Сабадзием, с культом умирающего и воскресающего бога. Сакский эпос донес образ героя Сиявуша до наших дней, так как связанные с ним эпизоды вошли, как известно, в *Шах-намэ* Фердоуси.

§ 13. ПАМЯТНИКИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Высказать общее суждение о характере памятников материальной культуры и искусства рассматриваемой эпохи весьма трудно, так как нам известны только единичные, иногда случайные памятники. К числу древнейших из них относятся некоторые бронзовые предметы: стрелы, ножи, кинжалы и глиняные сосуды из обихода саков VI в. до н. э., найденные во время работ на Южном Ташкентском канале, а также так называемая амирабадская керамика, относящаяся как к этому, так и к более раннему времени, что установлено С. П. Толстовым в результате его работ в Хорезме. С. П. Толстов относит эти памятники к культуре массагетов, устанавливая близость их к северокавказским «доскифским» культурам.

В Хорезме и Согде были найдены глиняные фигурки, изображающие богиню Анахит в длинной одежде и наброшенной на плечи накидке, иногда с гранатом, иногда с сосудом в руках; эти глиняные фигурки являются древнейшими памятниками искусства на территории Узбекистана. Самыми архаическими, отличающимися своеобразием стиля, являются фигурки Анахит, найденные среди подъемного материала на Беркут-кала и в самом нижнем слое Джанбас-кала в Хорезме. Фигурки Анахит были найдены и на Афрасиабе, и в древнейшем слое городища Тали-барзу, на территории древнего Согда. В Тали-барзу и на Афрасиабе были найдены также архаические мужские фигурки в кафтане, высоких сапогах, остроконечной шапочке и с гривной на шее (может быть, сакское изображение Митры).

Хотя вопрос о культовых постройках, о храмах принадлежит к вопросам, еще недостаточно изученным, раскопки в Хорезме дают уже возможность говорить об определенном типе храма огня или «дома огня» (Бируни), если по памятникам Джанбас-кала можно судить об архитектурных формах более раннего периода.

Недавно найденная на Афрасиабе каменная печать с изображением воина (царя) представляет собою местное подражание аналогичным ахеменидским печатям.

К изучаемому периоду можно отнести и большие жаровни-алтари на четырех ножках, с ручками и с крылатыми львами по борту и те малые жаровни на высокой ножке, украшенные по тому же принципу, которые были найдены на территории Семиречья, а также громадный бронзовый котел на трех ножках, с четырьмя ручками и четырьмя фигурами горных козлов по борту, недавно обнаруженный во время работ на Большом Ферганском канале.

§ 14. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При разрешении вопроса о месте и значении, которое в истории СССР и в истории всеобщей занимает древний период истории народов Средней Азии, следует обратить внимание на вклад народов Узбекистана и Средней Азии в целом в культуру народов СССР и в мировую культуру. Этот этап развития народов Средней Азии характеризуется следующими данными.

К середине I тысячелетия до н. э. имеет место массовый переход народов Средней Азии на оседлую земледельческую культуру.

В оазисах создается широкая сеть искусственного орошения, процветают такие построенные местным населением города, как Хорезм, Мараканда, Кирешата (Кирополь), Мерв и т. д., которые вместе с окружающими их земледельческими оазисами стали очагами патриархально-рабовладельческого строя. Это новое социальное явление имело своим последствием создание политических конфедераций племен, которые вели борьбу с мидийским и ахеменидским царствами.

Используя в своей армии народы Средней Азии — Бактрии, Хорезма, Парфии, Согдианы и заречных саков, ахемениды смогли одержать победу над Мидией и образовать большую империю.

Несмотря на все усилия, ахеменидским царям, покорившим народы Средней Азии, не удалось помешать им в их борьбе за свое объединение и освобождение. Эта борьба народов Средней Азии особенно усилилась во время владычества македонян и привела к победе над иноземными завоевателями.

Земледельческие оазисы и кочевая степь создали каждые свои культурные традиции; эти традиции, однако, в результате усиливавшейся связи между оазисом и степью, а также в ходе совместной борьбы их против персов, все теснее переплетались друг с другом.

Активное вмешательство народов Средней Азии в политические и военные дела ахеменидской Персии облегчило проникновение этих народов вплоть до пределов Греции и Египта и усилило культурные взаимовлияния; так, народы Средней Азии, наряду с персами, заимствовали арамейскую письменность. Вместе с тем созданное народами Средней Азии учение Заратуштры, а также крупнейший литературный памятник — Авеста получили широкое распространение в государстве ахеменидов.

На территории Средней Азии, в том числе Узбекистана, в VI—V вв. до н. э. сложились эпические сказания, отраженные в исторических трудах Геродота, Ктесия, Страбона и Полиена, а затем легшие в основу великого эпоса Шах-намэ. А это творение Фердоуси в X в., собравшего существовавшие в народе предания, войдя в мировую сокровищницу эпической литературы, и поныне живет в среде народов Востока, в том числе и узбеков.

ГЛАВА II

БОРЬБА СОГДА ЗА СВОЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ. ПОХОДЫ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО (329—327 гг. до н. э.)

§ 1. ВВЕДЕНИЕ

Походы Александра Македонского на Восток, приведшие к завоеванию Ирана, Средней Азии и Индии, являлись продолжением и завершением той борьбы, которая началась еще при Дарии, на рубеже VI и V вв. до н. э., когда ахеменидский Иран и Греция оспаривали друг у друга экономическое и политическое первенство в Малой Азии.

Греко-персидские войны закончились после битвы при Платеях в 479 г. до н. э., но спорные вопросы не были разрешены. Это обстоятельство должно было в определенных кругах Греции, удачно боровшейся за свою свободу с напавшим на нее восточным колоссом — ахеменидской державой, поддерживать намерение расширить со временем свои границы в Азии. Помимо соображений международной политики и экономики, стремления эти, вероятно, объяснялись и внутривнутриполитическими расчетами правящих кругов, надеявшихся в завоевательных походах найти клапан, который предохранит бы социальный строй Греции от взрыва назревавших в нем внутренних противоречий. Являясь выразителем идеологии этих кругов, греческий ритор Исократ произнес в 380 г. до н. э. известные слова о том, что надо перенести «войну в Азию, а счастье Азии — к себе».

Еще отец Александра, Филипп, при котором Македония стала мощным и передовым в военном отношении государством, ставил себе задачей завоевание Азии.

В 336 г. до н. э. авангард македонской армии перешел Геллеспонт (Дарданеллы), но не успел еще начать военных действий на территории Азии, как в результате заговора, поддержанного, видимо, персами, Филипп был убит. Начатый Филиппом поход в Азию продолжил его сын Александр, выступив в 334 г. до н. э. с пехотой в 30000 человек и с конницей в 5000 человек; 150 кораблей сопровождали армию вдоль побережья Малой Азии. С этой армией Александр в течение десяти лет подчинил себе Малую Азию, Сирию, Финикию, Египет, ахеменидский Иран, страны Средней Азии и Индию.

Перейдя в труднейших условиях горный хребет Гиндукуш, Александр весной 329 г. появился на территории Средней Азии.

§ 2. ИСТОЧНИКИ И ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Эти походы, по замыслу самого Александра, были описаны для потомства теми писателями и историками, которые сопровождали его в походе. Записывали события и некоторые участники похода — полководцы Аристовул и Птолемей Лаг, сведения которых отразились в дошедших до нас текстах более поздних историков (Страбон, Арриан и др.). Описание

отдельных эпизодов оставили участники похода—знаменитый мореплаватель Неарх и другие. Двое придворных вели подробную запись всех происходивших при дворе событий; путевой дневник составляли два лица из штаба Александра. Но все это до нас не дошло.

То, что мы знаем о походах Александра на Восток, почерпнуто из трудов пяти историков, живших 300—400 лет спустя, но имевших еще возможность пользоваться вышеперечисленными трудами и записями современников Александра. История же похода в Среднюю Азию сохранилась только у греческого историка Арриана (II в. н. э.) и у римского писателя Квинта Курция Руфа (I в. н. э.). Плутарх (I—II вв. н. э.) и Юстин (II в. н. э.), сохранившие много интересных данных о деяниях Александра на Востоке, почти не упоминают о среднеазиатских походах. В «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского (I в. до н. э.), к сожалению, утрачены из XVII книги те главы, где описывался поход Александра за Аму-дарью, сохранилось только их оглавление.

В историографической традиции принято считать, что труд Квинта Курция Руфа не заслуживает полного доверия; автор обычно характеризуется, как философствующий ритор, заботящийся более всего о красоте произносимых героями речей, с удовольствием записывающий всякого рода анекдоты и восполняющий своей фантазией те или иные пробелы повествования. Оценка эта не вполне заслужена, так как достоверность многих сведений Курция Руфа может быть установлена. Труд же Арриана, писателя-воина, служившего в Азии, автора трактата о военном искусстве, заслуженно считается весьма достоверным отображением событий, имевших место в Средней Азии. Арриан пользовался записками современников Александра—полководцев Аристовула и Птолемея Лага, которые он порою просто переписывал. Пропуски, имеющиеся в труде Арриана, только в небольшой мере восполняются рассказами Курция Руфа и объясняются тем, что в использованных Аррианом трудах Аристовула и Птолемея Лага имелись записи лишь тех событий, участниками или свидетелями которых они сами были на территории Средней Азии.

Александру Македонскому и его времени посвящена богатая литература, но на вопросе о походе его в Среднюю Азию остановились более подробно лишь В. В. Григорьев в своей не утратившей значения статье «Поход Александра Македонского в Западный Туркестан» (1881) и И. Г. Дройзен в своем труде «История эллинизма», тт. I—III.

§ 3. АЛЕКСАНДР В БАКТРИИ

Разбив в трех решающих сражениях персидского царя Дария III, Александр тем самым включил в состав своей империи основные области мощной ахеменидской державы. После перехода через Гиндукуш он присоединил к своей империи также и Бактрию, одну из самых цветущих ахеменидских сатрапий, славившуюся своей древней культурой.

Бактрия была завоевана Александром, видимо, без особого труда. Сатрап Бактрии и Согда Бесс, перс из рода ахеменидов, участвовал в убийстве бежавшего на восток царя Дария III, своего родственника, и принял затем сам царский титул и имя Артаксеркса. Узнав о приближении Александра, Бесс поспешил уйти от него, перейдя через Аму-дарью на территорию Согда. Первое время его поддерживала согдийская конница во главе с согдийцем Спитаменом (греческая передача имени «Спитама»), а затем и «пришедшие к нему кочевые дахи, по эту сторону Танаиса (Сыр-дарьи) живущие».

Вместе с Бессом бежал от Александра ряд местных князей, в том числе бактриец Оксиарт (греческая передача имени «Вахшун-варта»),

перс Датафарн и некто Катен. Перейдя Аму-дарью, Бесс сжег суда и ушел в область Наутаку—долину Кашка-дарьи, некоторыми исследователями отождествляемую с районом Шахрисябза.

После того, как ему сдались главнейшие города Бактрии, Александр поспешил к Аму-дарье, намереваясь, очевидно, быстро обезвредить Бесса, который, будучи из рода ахеменидов, легко мог возглавить сопротивление среднеазиатских сатрапий. Дойдя до Аму-дарьи, Александр убедился в полном отсутствии мостов, судов, а также и деревьев, из которых можно было бы соорудить плоты для переправы через реку. Когда Александр попытался переправиться через Окс,—говорит Арриан,—«то это оказалось совершенно невозможным, так как ширина реки была около 6 стадий, а глубина непропорциональна ширине; река была очень глубока и песчана, а течение ее столь быстро, что она легко одним течением выворачивала из земли все, что укрепляли в ней; кроме того, в песке нельзя было ничего прочно утвердить». Существует несколько точек зрения по вопросу о месте, где Александр собирался переправиться через Аму-дарью. Среди других возможных пунктов называют Термез и Келиф; от обоих этих пунктов вели пути на Мараканду, столицу Согда.

Отпустив домой больных и ослабевших воинов, Александр в течение пяти дней перебросил свою армию на правый берег Аму-дарьи, используя в качестве плотов превращенные в мешки наметы палаток, крепко сшитые и набитые соломой.

Бесс не мог помешать переправе Александра, так как в это время он был лишен свободы своими недавними друзьями — Спитаменом и Датафарном, приславшими к Александру гонцов с предложением выслать отряд для захвата Бесса. Что произошло в Наутаке между недавними союзниками — неизвестно, но, повидимому, разрыв между ними был вызван тем, что Бесс, сначала возглавивший борьбу против ахеменидов, после убийства Дария надел тиару, принял имя Артаксеркса и объявил себя царем (основываясь на своем родстве с ахеменидами). Спитамен, Оксиарт, Датафарн и другие представители местной знати, бежавшие с Бессом через Аму-дарью, видимо, решили избавиться от последнего, выдав его Александру, в котором они пока еще видели борца против ненавистного персидского ига.

Александр послал к Спитамену своего полководца Птсемея Лага, который рассчитывал, вероятно, на торжественную выдачу ему Бесса, но в указанном месте лагеря Спитамена не оказалось, так как Спитамен еще накануне ушел в глубь страны. Бесса Спитамен оставил под охраной в одном из укрепленных селений, жители которого и выдали его Птолемею. Интересы родины, потребовавшие от Спитамена выдачи врага, столкнулись в нем, вероятно, с нежеланием непосредственно участвовать в выдаче Александру своего недавнего союзника.

Историки Александра по-разному расценивали этот поступок Спитамена: Арриан считал, что стыд помешал Спитамену собственными руками выдать Бесса; Курций Руф оценивал этот факт, как предательство Спитамена. Возможно, что Спитамен просто опасался коварства Птолемея и потому скрылся до его прихода.

§ 4. СОПРОТИВЛЕНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СОГДА

Александр с армией продвигался более медленными темпами, чем Птолемей, прошедший в четыре дня десять дневных переходов. Оставив гарнизон в Мараканде, об условиях занятия которой источники ничего не сообщают, Александр сразу же направился дальше к Сыр-дарье. Какими

именно путями он шел от Аму-дарьи до Мараканды — нам неизвестно. Арриан и Курций сообщают о двух эпизодах, имевших место на территории Согды приблизительно в это же время и ярко характеризующих личность 27-летнего полководца, еще не знавшего поражений.

Когда Птолемей привел к Александру закованного в цепи Бесса, то царь грозно спросил его, как он посмел поднять руку на Дария, на государя, своего «родственника и благодетеля», а затем велел отрезать ему, как преступнику, уши и нос и отправить в Экбатану, одну из столиц ахеменидского Ирана, для предания его казни. Таким образом, Александр покарал Бесса за измену царю, хотя царь этот и был его врагом. Прежде всего, мы здесь имеем дело с древней идеологией — царя может убить только равный ему, то-есть царь; в то же время уничтожение своего опаснейшего на данном этапе врага, Бесса, Александр пытался прикрыть видимость каких-то высоких принципов.

Другой эпизод — опять кара за измену, но за измену предков — связан с упомянутым у Курция, Страбона и Диодора маленьким городком в Согде. Этот городок был населен потомками переселенного из Милета (Малая Азия) жреческого рода бранхидов, которые в свое время выдали Ксерксу сокровищницу вверенного им храма Аполлона Дидимейского и затем были вынуждены уйти вместе с Ксерксом в Азию, чтобы избежать мести со стороны своих сограждан. За это преступление предков Александр, войдя в город, население которого радостно встретило его, велел разрушить город, как гнездо предателей, и истребить жителей всех до одного: ни общность языка, ни мольбы не могли смягчить его жестокости. Город был разрушен до основания, от него не осталось и следа, священные рощи были вырваны с корнем, остались пустыня и бесплодная земля. «Так искупили грех предков потомки, которые сами и не видели Милета», — говорит Курций Руф. Жестокость Александра едва ли была вызвана только желанием угодить находившемуся в его войске милетянам. Эта месть за измену предков была, видимо, своего рода реакцией на испытанное Александром перед этим потрясение, связанное с раскрытием заговора против него, в котором участвовал Филота, один из самых близких ему друзей.

Как говорилось выше, Александр, оставив гарнизон в Мараканде, направился к Сыр-дарье, к берегам которой он, вероятно, вышел в районе нынешнего Ленинабада. По дороге ему пришлось впервые встретить сильное сопротивление со стороны местного населения — горцев Усрушаны (область между Самаркандом, Ленинабадом и Джизаком), перебивших нескольких заблудившихся македонских фуражиров и затем пытавшихся остановить Александра в скалистых горах, через которые шел его путь. Несмотря на временную неудачу (Александр был при этом тяжело ранен), он все же взял возвышенность, где укрепились горцы; часть их была изрублена на месте, а многие сами бросились со скал и разбились: из 30 000 «варваров» спаслось, как говорит Арриан, не более 8000 человек.

§ 5. БОРЬБА НА СЫР-ДАРЬЕ С „ПРИРЕЧНЫМИ ВАРВАРАМИ“ И „АЗИАТСКИМИ СКИФАМИ“

На берегу Сыр-дарьи к Александру явились с дружественными целями послы от скифов-абиев (греческая передача названия «апасака» — «водные саки», т. е. у воды живущие) и от скифов, живших за Танаисом. Александр отправил с последними одного из своих приближенных, поручив ему ознакомиться со страной и обычаями скифов и не допускать

перехода их через Танаис. Упоминание реки Танаис заставило Арриана (хотя он знал, что имеются две реки с этим названием) усмотреть в этих послых скифов заморских, европейских, принимая Сыр-дарью — Танаис за Дон — Танаис. Явились же к Александру послы от скифов, живших за Сыр-дарьей (то-есть саки-тиграхауда), и их то Александр пытался удерживать от перехода через Танаис — Сыр-дарью, опасаясь, что в случае восстания согдийцев, скифы им окажут поддержку. У Александра были основания опасаться восстания в Согде, население которого отличалось своим независимым нравом и большим мужеством. Этим можно объяснить и бегство Бесса именно на территорию Согда, население которого он рассчитывал поднять против македонцев. Александр учитывал, вероятно, и то обстоятельство, что кочевники, в случае угрозы со стороны внешнего иноземного врага, могли явиться на помощь земледельческим поселениям. Поэтому он принял решение построить на берегу Сыр-дарьи крепость, чтобы иметь возможность отражать набеги «заречных варваров» (саки-тиай-тара-дарайя) и «азиатских скифов» (саки-тиграхауда). Но в это время до него дошла весть о начавшемся в тылу восстании: «приречные варвары» перебили македонские гарнизоны в приречных городах и начали их укреплять. Одновременно и, видимо, не случайно, восстали и согдийцы, побуждаемые к этому, как говорит Арриан, теми, кто схватил Бесса, то-есть Спитаменом и его друзьями. К согдийцам примкнули и бактрийцы.

Чтобы понять эти события, надо допустить, что Александр занял на левом берегу Сыр-дарьи какие-то города «приречных варваров» и оставил в них гарнизоны. Городами здесь, надо думать, названы укрепленные земледельческие поселения, а «приречными варварами» были, по всей вероятности, родственные согдийцам по крови и языку жители горной Усрушаны.

Здесь впервые упоминается имя Спитамена, как вдохновителя восстания среди оседлого населения Согда. Курций Руф рассказывает, что Александр рассчитывал с помощью Спитамена и Катена (как в случае с Бессом) остановить вспыхнувшее восстание, но ошибся — на этот раз Спитамен открыто выступил против Александра, призывая население к оружию. Повидимому, ни население, ни местная знать, в лице Спитамена, Оксиарта и других, еще не представляли себе в то время, когда Александр переходил через Аму-дарью, что готовил для них Македонец: освобождение ли от ненавистного персидского ига или новые формы угнетения.

Только после занятия Александром Мараканды Спитамен правильно оценил создавшуюся обстановку. То обстоятельство, что Мараканда, видимо, сама раскрыла перед Александром ворота, может явиться лишь подтверждением того, что согдийцы вначале смотрели на Александра, как на своего избавителя. Жестокая расправа с горцами Усрушаны открыла глаза не только населению, но и Спитамену и его сподвижникам на то, что готовил им молодой македонский царь, которого Энгельс назвал «одним из лучших кавалерийских начальников всех времен».¹ В 329 г., вступая на территорию Бактрии и Согда, Александр был твердо уверен в том, что в Азии он имеет дело только с рабами. Согдийцы теперь это поняли. «Спитамен и его друзья, будучи сами возбудителями того, что им предлагали остановить,— говорит Курций Руф,—распустили слух, что царь потребует к себе всех бактрийских

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, соч. т. XI, ч. 2, стр. 440.

всадников, чтобы их убить». Дело в том, что восстанию предшествовало приказание Александра собрать на съезд в город Зариаспу (в Бактрии) эпархов, т. е. правителей отдельных областей или городов Бактрии. Каковы были действительные цели Александра и состоялся ли тогда этот съезд, — нам неизвестно, но он послужил сигналом к восстанию, так как эпархи, вероятно, предвидели, что съезд этот должен был содействовать укреплению македонской власти.

Анализ отдельных событий в ходе борьбы народов Средней Азии за свою независимость дает основание различать три этапа в ходе этой борьбы; каждый из этих этапов носит свой особый характер и имеет свою специфику, в основе которой лежат те или иные движущие силы.

Действительно, при первом беглом знакомстве с походами Александра получается впечатление какого-то нагромождения осад, засад, сражений, бегств, тогда как внимательный анализ вскрывает несколько четко разграниченных периодов в развитии событий. Факт этот, между прочим, был усмотрен одним из древних историков Александра — Диодором (I в. до н. э.), но не был учтен ни одним из ученых историков нового времени, внимание которых должен был бы остановить на себе перечень событий в оглавлении не сохранившейся (частично) XVII книги Диодора, где он лаконично перечисляет: «Как Александр покоряет восставших согдийцев и умерщвляет более 120 тысяч человек. Он наказывает бактрийцев и вторично подчиняет себе согдийцев и строит в нужных местах города, чтобы держать восставших в повиновении. Третье восстание согдийцев и пленение тех, кто бежал в горный замок». Эти скупые строки следует расшифровать.

«Приречные варвары» (свободное оседлое местное население) укрепились в семи крепостях на Сыр-дарье, и Александр немедленно вступил с ними в борьбу. Пять поселений (сохранилось название только одного из них — Газа), обнесенных высокими глиняными стенами, Александр занял в течение двух дней с помощью приставляемых к стенам штурмовых лестниц и в результате согласованных действий пращников, стрелков и метателей стрел из машин. В одном из пяти случаев Александр приказал окопать город (повидимому, более значительный) ровом, насыпать вал и соорудить потребные осадные машины. Большое сопротивление оказали две крепости: город Кирешат, или Кирополь, по преданию основанный Киром, и город, в котором сидел сильный род мамакенов. Эти города были взяты Александром после более продолжительной осады при помощи некоторых приемов военной хитрости и осадной техники: в первом случае Александр с группой воинов проник в город по высохшему руслу дождевого потока, уходившему под стену, во втором случае — с помощью подкопа под стеною.

Восстали против Александра и широкие массы оседлого земледельческого населения, которым он нес разорение и смерть, если они заранее не соглашались признать в нем преемника ахеменидов и своего государя; восстала против него и местная знать в лице Спитамена и его друзей. Следует напомнить, что большинство народов, с которыми столкнулся Александр на территории Согды, находилось еще, как и при ахеменидах, на разных ступенях общественного развития, но преимущественно на стадии разложения родового строя и становления классового общества; родовая структура поселений или городов подтверждается и археологическими и письменными данными. С ярко выраженным родовым поселением Александр встретился при осаде на Сыр-дарье вышеуказанной крепости сильного рода мамакенов.

Военная обстановка становилась для Александра все более сложной. На высоком скалистом правом берегу Сыр-дарьи собрались скифы; гонцы принесли весть, что Спитамен открыто восстал и осадил македонский гарнизон Мараканды. Александр был тяжело ранен, армия его с двух сторон была сжата врагом; кроме того, по сообщению Курция Руфа, — «бактрийцы отпали, скифы совершали набеги».

Александр принимает быстрое решение: против Спитамена он посылает отряд под командованием некоего Фарнуха, знавшего язык местного населения, а с заречными скифами он решает справиться сам. Предварительно он строит задуманную оборонительную крепость на Сыр-дарье, в районе между современным Ленинабадом (Ходжент) и Беговатом (Фархадская ГЭС). Постройка идет чрезвычайно ускоренными темпами; солдаты обносят стеною лагерь Александра на берегу; одновременно строятся здания.

На семнадцатый день работы все дома в крепости были уже подведены под крыши. Это укрепление Александр заселил греческими наемниками, а также непригодными больше к войне македонянами и местными жителями — пленниками. Город этот был прозван «Александрия Эсхата», т. е. «Крайняя, Дальняя», с чем, наверное, находится в связи характеристика страны саков в надписи Дария на Суэцком перешейке, как «достигающей пределов земли». «Скифский царь, владевший землями за Танаисом», — говорит Курций Руф, — «понимал, что город, который македоняне строили на противоположном берегу, будет (ярмом) на его шее»; поэтому он «отправил брата своего с большим отрядом конницы разрушить крепость и отеснить от реки македонские войска».

§ 6. ПОХОД ЗА СЫР-ДАРЬЮ И ОТСТУПЛЕНИЕ АЛЕКСАНДРА

Несмотря на рану, Александр решил первым напасть на саков. Конницу, машины с прислугой и фаланги он посадил на плоты, а легко вооруженных — на кожаные меха. Выбрасывая тучи стрел из метательных машин, войско во главе с Александром, под звуки труб, переплыло Сыр-дарью. Происходило это, по всей вероятности, в самом узком месте реки, около селения Беговат (ныне Фархадская ГЭС).

Используя все виды своего войска, Александр напал на скифов, которые сначала выдержали удар, но затем все же бежали, оставив тысячу убитых и полтораста пленных. Потери Александра тоже были немалыми; к тому же, преследуя неприятеля, он слишком углубился в безводную степь. Начавшиеся желудочные заболевания среди воинов побудили его спешно повернуть назад — впервые за всё время своих походов.

Послы от заречных саков, явившиеся вскоре к Александру с извинениями, указывали, что в нападении на него участвовали самовольно отряды, собравшиеся произвести грабеж, и что действия их не являются выражением воли всего народа. Послы были приняты благосклонно и с ними без выкупа были возвращены сто пятьдесят пленников. Проявлением великодушия Александр надеялся наладить мирные отношения с саками. К этому его побуждали поступавшие из Согды тревожные вести о происходивших там событиях.

В Согде к Спитамену и его коннице примкнула мирная часть населения, что и заставило Александра перебросить часть войска из-под Киропсы к осажденной Мараканде. Тогда Спитамен снял осаду и ушел на запад, в Басилею, т. е. «царский город» (возможно, в районе Бухары). Македоняне, с Фарнухом во главе, преследовали Спитамена до самой

границы степи, чтобы покарать скифов, примкнувших к отряду Спитамена.

Некоторое время Спитамен всячески беспокоил силы македонян, то обстреливал их с флангов, то, притворяясь бегущим, завлекал их в степь. Среди македонского командования тем временем начались разногласия; Фарнух требовал, чтобы его освободили от командования, ссылаясь на то, что он не является воином и не может руководить в столь сложной обстановке. Во время этих споров один из начальников, Каран, перешел с конницей реку Зарафшан, не согласовав своих действий с пехотой, которая последовала за конницей в поисках тени и отдыха в лес, на другом берегу, где и натолкнулась на засаду. Спитамен, воспользовавшись создавшимся положением, загнал македонян на островок и здесь большинство их перебил. Развивая успех и не теряя времени, Спитамен вернулся вместе с дахами и, опираясь попрежнему на помощь местного населения, подошел к Мараканде и снова осадил македонский гарнизон.

§ 7. ПОКОРЕНИЕ СОГДА И ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРЕННЕГО УПРАВЛЕНИЯ

Все эти обстоятельства заставили Александра спешно закончить переговоры со скифами. Он оставил гарнизон в «Дальней Александрии» и, быстро продвигаясь двойными дневными переходами, на четвертый день появился под Маракандой. Спитамен немедленно снял осаду и скрылся— сначала, вероятно, в район Бухары, а затем — на запад, в пустыню. Александр преследовал Спитамена и по дороге похоронил с воинскими почестями трупы своих воинов, павших на берегах Зарафшана. Преследуя согдийцев, Александр, по словам Арриана, «прошел всю область, орошаемую рекой Политиметом (Зарафшан); где вода теряется, там начинается уже пустыня в этой стране, а исчезает река в песке, хотя и очень обильна водой». В пески за Спитаменом Александр не последовал, а, повернув назад, начал жечь поселения, в которых укрывалось восставшее местное население, опустошать поля и сады и предал огню и мечу 120 тысяч местных жителей.

Александр, оставив в Согде отряд в три тысячи человек пехоты под командованием Певколая, отправился зимовать, по данным Курция, в Бактру, по данным Арриана,— в Зариаспу. Является ли Зариаспа вторым названием города Бактры или это самостоятельный смежный город — вопрос пока остается открытым.

Этим закончился первый этап борьбы народов Согда за свою независимость, причем все эти многочисленные события произошли, начиная со времени переправы Александра через Аму-дарью и кончая карательным походом его по долине Зарафшана, т. е. с весны по осень 329 г. до н. э.

События эти ярко охарактеризованы в следующих словах В. В. Григорьева: «Если Дарий не умел отстоять от Александра своего царства, если презренным трусом оказался Бесс, зато здесь, в Туране, нашлись сердца, которые не могли примириться с чувством покорности чужеземцам, нашлись руки, которые взялись за дело народной мести незванным пришельцам. Историки Александра не называют вспыхнувшего в Согдиане восстания иначе, как «бунтом», «изменою», но это чересчур прусский взгляд на дело. Нахлынула волна на человека—он нагнулся, волна перекатилась—он не захлебнулся и опять поднял голову; значит — бунтовщик, он обязан был утонуть».

События, относимые нами к первому периоду, заканчиваются, как говорится у Диодора, тем, что «Александр покоряет восставших согдийцев и умерщвляет более 120 000 человек».

В этот период инициатива восстания исходит главным образом от оседлого местного населения, независимо от своей принадлежности к той или иной народности: это и согдийцы, и бактрийцы, и жители Усрушаны, которым стараются помочь и заречные саки. Возглавляет движение главным образом Спитамен, на помощь которому приходят отдельные отряды кочевников, как, например, дахи.

Несколько иначе сложились обстоятельства во время второго этапа этой борьбы. Зима 329—328 гг. до н. э., проведенная Александром в Зариаспе, была полна событиями; здесь состоялся съезд бактрийских эпархов, на котором судили Бесса. Здесь же, на съезде в Зариаспе, был принят, видимо, ряд решений, связанных с организацией управления вновь завоеванными областями. Обстановка благоприятствовала этому. Сюда прибыли подкрепления с запада—греческие наемники во главе с Неархом, прибыли послы от европейских скифов, привезшие драгоценные дары и предлагавшие Александру дружбу, военный союз и руку скифской царевны. Прибыли послы от хорезмийского царя Фарасмана, а возможно и он сам, во главе отряда в 1500 всадников, также с предложениями дружбы, союза и помощи в случае похода Александра против колхов и амазонок — соседей хорезмийцев.

Александр, богато одарив послов, тем и другим ответил, что готовится к походу в Индию и воспользуется их предложениями, вернувшись владыкой всей Азии. По словам Арриана, Александр «Фарасмана отдал на попечение персу Артабазу, которому поручил управление Бактрией», из чего можно заключить, что встреча Александра с Фарасманом произошла на территории Бактрии.

В организации внутреннего управления Александр сохранил институт сатрапов. На эту должность сначала назначались персы, а потом главным образом македоняне. В отличие от ахеменидских сатрапов, они не имели права чеканить монету и иметь наемников в войске. При сатрапах находился «эпископ» (надзирающий) из македонян, который командовал войском; иногда военная власть бывала разделена между несколькими лицами. Финансовое управление было тоже выделено в ведение особого лица.

§ 8. СОПРОТИВЛЕНИЕ КОЧЕВНИКОВ ВО ГЛАВЕ СО СПИТАМЕНОМ

Весною 328 г. Александр опять направился в Согд, где, несмотря на произведенное им в 329 г. повальное истребление населения, ему не удалось подавить восстания. Арриан сообщает, что «многие из согдийцев укрылись в замках, отказываясь повиноваться поставленному над ними Александром сатрапу».

Говоря об укrywшихся в укрепленных местах согдийцах, Арриан имеет в виду тех уцелевших оседлых земледельцев, которые сыграли столь активную роль в 329 г., в первый период борьбы Согда за свою независимость. Теперь же они, сильно обескровленные, перешли, видимо, к форме пассивного сопротивления, что, тем не менее, крайне встревожило Александра.

Разделив свое войско на пять отрядов, действовавших одновременно в разных районах Согда, он, во главе одного из них, принял участие в карательном походе против согдийцев, причем одних,—говорит Арриан,—укrywшихся в замках, захватывали силой, других уговорами склоняли к добровольной сдаче. По окончании этой карательной экспедиции колонны сошлись в Мараканде, где Александр дал Гефестиону (начальнику одного из отрядов и своему другу) поручение заселять города Согда.

Имелось ли в виду основание новых поселений на месте разрушенных или же только заселение опустевших деревень и городов,— неизвестно, но возможно, что в связи с этими фактами находятся сведения Страбона об основании Александром восьми городов в Согде и Бактрии и сведения Юстина об основании им двенадцати городов. Во всяком случае, эти справки говорят о том, что некогда густо населенный Согд должен был сильно обезлюдеть в результате военных мероприятий Александра.

Получив известие, что Спитамен скрывается на севере у массагетов (по Курцию,— у дахов), Александр направил против кочевников двух полководцев, но Спитамену удалось во главе отряда в 600 всадников неожиданно появиться в Бактрии и начать нападения на гарнизоны крепостей, между прочим, и на Зариаспу. Узнав о приближении македонян во главе с Кратером, Спитамен бежал в пустыню. Преследуемый Кратером, он должен был принять бой, в котором, кроме его отряда, участвовал еще один отряд массагетских всадников в 1000 человек. Разбитые македонянами кочевники опять укрылись в пустыне, куда за ними враг никогда не решался следовать.

Собравшись с силами, Спитамен вскоре вышел из пустыни к согдийскому укреплению Бага, на границе с владениями массагетов, и, как говорит Арриан, «с легкостью уговорил около трех тысяч скифских всадников сделать вместе с ним набег на Согдиану». Арриан поясняет: «Эти скифы живут в большой бедности и, так как они не имеют ни городов, ни определенных жилищ, чтобы бояться за самое дорогое для них, то их вообще легко склонить к тому или другому походу». Вскоре состоялось сражение с поджидавшими Спитамена македонянами, в котором Спитамен был опять разбит и потерял 800 всадников. Немногие согдийцы и бактрийцы, еще находившиеся при Спитамене, покинули его после этого боя и сдались врагу, а массагеты, разграбив обозы этих недавних своих союзников, «убежали со Спитаменом в пустыню». Ушел ли он сам с ними и на этот раз в качестве их предводителя или же массагеты увели его в качестве своего пленника — неизвестно, но когда дошла до них весть, что в пустыню намеревается проникнуть сам Александр, они «отрубили Спитамену голову и послали ее Александру, чтобы этим отвлечь его от себя»... Существует и другая версия рассказа о смерти Спитамена, передаваемая Курцием Руфом, а именно, что он погиб от руки своей любимой жены, лично отнесшей голову мужа в лагерь Александра.

Обобщающей характеристики Спитамена как человека, воина и политика в дошедших до нас трудах Арриана, Курция Руфа, Страбона, Диодора и др.— не имеется. Но самое изложение его деяний, у одних сухое и отрывочное, у других красочное и более пространное, дает возможность воссоздать яркий образ народного героя, неустанно ведущего борьбу с иноземными завоевателями за независимость и свободу своей страны. Оценка его общественно-политической деятельности у древних авторов (как и в новое время) вызывала противоречивые суждения. Если у Арриана замечается скорее положительная оценка Спитамена, то обратное мы видим у Курция Руфа, видевшего в нем перебежчика и предателя,— характеристика, идущая вразрез с тем, что известно о его деятельности.

Такую же разноречивую оценку Спитамена мы наблюдаем и в наше время в двух монографиях, посвященных походам Александра: в труде Дройзена и в обширной статье В. В. Григорьева. Говоря о смерти Спитамена, Дройзен отмечает, что «смерть этого смелого и вероломного противника положила конец последним опасениям».

Писавший приблизительно в те же годы В. В. Григорьев справедливо называет Спитамена «неутомимым борцом за свободу родины», а

относительно смерти его высказывает диаметрально противоположное Дройзену суждение, восклицая: «Так вот как окончил жизнь великий, но не признанный за такового врагами, потому только, что не успел достигнуть благородной цели своей, патриот согдийский».

Гибелью Спитамена заканчивается второй этап борьбы Согда за свою независимость, носивший, как мы видим, совсем иной характер, чем события 329 г. Местное оседлое население, хотя и обескровленное и разоренное, все же отказывается от подчинения сатрапу, поставленному Александром, но в активных действиях Спитамена оно участия не принимает. Попытка отсидеться в своих укрепленных поселениях согдийским земледельцам не удается: карательные отряды Александра еще раз вдоль и поперек проходят по Согду, отмечая свой путь пожарищами и потоками крови. Спитамен, лишившись поддержки оседлых поселений, борьбы не прекращает: он продолжает ее с помощью вербуемых им в пустыне кочевников, большинство которых приходит под знамена Спитамена для совместной борьбы с чужеземцами; какую-то часть их влекла, возможно, и надежда на легкую богатую добычу в стане македонян.

У Диодора этот второй период охарактеризован так: «Он (Александр) наказывает бактрийцев и вторично подчиняет согдийцев, и строит в нужных местах города, чтобы держать восставших в повиновении». В 328 г. одной из основных мер Александра в борьбе с непокорными согдийцами и бактрийцами являлось, видимо, уничтожение тех укрепленных мест, в которых пыталось спастись от него местное население, а также постройка новых городов в стратегически наиболее подходящих местах. Их он заселял как непригодными для дальнейшего участия в войне греками и македонянами, так и теми местными жителями, которые выражали свою покорность завоевателю. Так, летом 328 г. Александр основывает (по Курцию Руфу) шесть новых городов в долине Мургаба, на территории Маргианы, входившей в бактрийскую сатрапию. Он руководствовался при этом главным образом стратегическими соображениями. «Александр пришел к городу Маргиана и выбрал вокруг него места для основания шести городов—двух обращенных на юг, четырех на восток—на небольшом расстоянии друг от друга, для оказания взаимной помощи».

В оставленном им завещании Александр предписывал основывать в Азии города и производить массовые переселения из Азии в Европу и из Европы в Азию, чтобы переплавить население в единую массу; основанием новых городов Александр, помимо военных, преследовал и цели увековечения своих завоеваний в странах Азии.

§ 9. ЗАХВАТ АЛЕКСАНДРОМ СОГДИЙСКИХ ЗАМКОВ

Третий этап борьбы Александра с Согдом носит уже иной характер: широкие круги земледельческого населения в массе своей сейчас активно не выступают; о выступлении кочевников против македонян после смерти Спитамена сведений не имеется, но противодействие Александру не ликвидировано.

328 г. знаменателен еще тем, что он явился переломным в отношении Александра к народам Азии: он начинает вводить ряд местных обычаев при своем дворе, включает «варваров» в армию, приближает их к себе и ко двору и в какой-то мере усваивает местные восточные нравы. Плутарх отмечает, что Александр все более старался приблизиться к образу жизни местного населения, а также познакомить согдийцев с обычаями македонян, так как полагал, что дружественное общение с высшими

кругами покоренных народов будет способствовать сохранению власти над ними.

Когда в 328 г. в Мараканде Александр во время пира собственноручно убил Клита, своего ближайшего и вернейшего друга и молочного брата, спасшего ему жизнь в битве при Гранике, то этот припадок гнева был отчасти вызван тем, что Клит «давно уже проявлял раздражение по поводу все большей склонности Александра к варварским обычаям» (Арриан). Против принятого в ставке Александра восточного обычая — поклонения царю, т. е. преклонения перед ним колен, выражал протест и Каллисфен, придворный историк Александра.

Показателем настроения местной знати к концу 328 г. может служить изложенный у Курция Руфа рассказ о жене Спитамена, всюду его сопровождавшей. Озлобленная постоянным бегством, изгнанием, утомленная несчастьями, она стремилась убедить мужа, чтобы он попытался сдаться на милость Александра, но это вызывало только гнев и возмущение Спитамена. В конце концов, она убила спящего мужа, головою которого она либо пыталась купить у Александра расположение к себе, либо думала положить конец кровопролитной борьбе. Тогда с его мощным противником.

Такие настроения существовали, видимо, и среди местной знати, которая частично начала активно или пассивно переходить на сторону Александра; но часть знати продолжала оставаться враждебной. Против нее, против особо сильных и влиятельных представителей оппозиции, против владетелей, засевших в своих неприступных горных твердынях с запасом продовольствия на много лет, со своими родичами, войском, общей численностью иногда до 15 тысяч человек, — и была направлена в третий период грозная рука Александра.

Диодор охарактеризовал этот период как «третье восстание согдийцев и пленение тех, кто бежал в горный замок».

Зиму 328—27 гг. Александр провел в Наутаке, а весной «подступил к согдийской скале, куда, по полученному известию, бежало много жителей Согдианы». Скалою (греч. «петра») античные историки называли крепости и замки на вершинах гор, защищенные самой природой. На этой «скале согдийской» спасались жена и дочь Оксиарта со времени его отпадения от Александра, т. е. с 329 г.

Источники (Арриан, Курций и Страбон) упоминают четыре «скалы»: скалу согдийскую, скалу Сизимитра, скалу Аримаза и скалу Хориена, но при ближайшем анализе и сопоставлении описаний и деталей выясняется, что речь идет всего лишь о двух замках.

Первый замок — «согдийская скала», — расположенный где-то в Наутаке, на крутой скале, которую глубокий снег (вероятно, в горах Хисарского хребта) делал еще более неприступной, был взят Александром в короткий срок. Будучи раздражен насмешливым предложением осажденных поискать крылатых воинов, которые заняли бы для него скалу, Александр за ночь отправил на вершину возвышавшейся над замком горы триста солдат, привыкших к горным кручам своей родины. С помощью гвоздей, которыми обычно крепили палатки и которые в данном случае втыкались в снег, и привязанных к ним льняных веревок 300 человек, подсаживая друг друга (погибло при этом 30 человек), поднялись к утру на гору. Таким образом, чтобы занять этот очаг упорного сопротивления, Александру пришлось пустить в ход все средства, вплоть до военной хитрости.

В этом замке, как указывалось, находилась и жена Оксиарта с детьми и среди них — красавица Роксана (греческая передача местного

имени «Рохшанак», т. е. сияющая, светлая), о которой воины Александра говорили, что она после супруги Дария показалась им «самой красивой женщиной в Азии». Арриан рассказывает далее, что Александр при первом же взгляде полюбил ее и, хотя она была его пленницей, счел достойной того, чтобы жениться на ней—поступок, за который Арриан хвалит, а Курций порицает Александра. Независимо от того, что перевесило—романтика или дипломатия, но эта встреча в замке и последовавший затем брак Александра с Роксаной привели к тому, что самый сильный из врагов Александра, отец Роксаны, Оксиарт, пользовавшийся в Согде, повидимому, большим авторитетом и влиянием, «ободрился», как сообщает Арриан, «явился к Александру и был у него в почете».

Вторая скала — «скала Хориена» — в Паретаке (горная местность, поросшая лесом, которую точно установить пока не удастся) была отлогая со всех сторон; вверх вела, видимо, искусно замаскированная узкая тропинка. Со скалы низвергался быстрый горный поток; замок был окружен глубоким рвом. Здесь скрывалось от Александра «немалое число князей» (эпархов), среди них Хориен, по имени которого названа была «скала». И здесь, неожиданно для осажденных, македоняне в короткий срок из срубленных сосен (арча), скрепленных гвоздями, перекрыли ров настилом, что и привело Хориена к сдаче, причем его якобы побудил к этому перешедший на сторону Александра Оксиарт. Александр милостиво принял сдавшегося ему Хориена и оставил в его ведении замок; он «пользовался уважением Александра, тем более», говорит Арриан, «что передал ему свой замок не по принуждению, а по доброй воле».

Поставив царем Согда некоего Оропия (может быть одного из представителей перешедшей на его сторону согдийской знати), Александр закончил покорение Средней Азии и, перейдя обратно через Амударью тем же летом 327 г., перевалив через Гиндукуш, начал свой знаменитый индийский поход.

Итак, мы видим, что третий период в истории подчинения Согда носит отличный от двух первых характер: острие направлено против остатков оппозиции среди местной знати, которая постепенно и, видимо, в большинстве случаев мирным путем, начала переходить на сторону Александра. Выше было отмечено, что по сравнению с общественной структурой Ирана Средняя Азия отличалась тем, что в ней во взаимоотношениях различных слоев населения наблюдалось больше остатков первобытной демократии и меньший разрыв между верхушкой общества и широкими массами народа.

Трехлетнее сопротивление Согда, сопровождавшееся жестокой расправой над мирным населением и разрушением плодородных оазисов, неоднократные восстания населения, наличие талантливого предводителя и горячего патриота Спитамена не дали положительных результатов потому, что все эти действия носили разрозненный и местный характер: в одном случае активную роль играли земледельческие круги населения, в другом — кочевые орды под водительством Спитамена, в третьем — князья, сидевшие в своих горных орлиных гнездах. Порог над каждой из этих групп Александр и одерживал свои нелегко ему дававшиеся победы. Но успеха в борьбе Александр добился лишь тогда, когда пошел на значительные уступки, чтобы склонить на свою сторону местную знать.

§ 10. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поход Александра в Бактрию и Согдиану и его кровавая расправа со свободолюбивыми народами этих стран, покоренными лишь после тяжелой трехлетней кампании, да и то в основном в результате предательства местной знати, явился огромной катастрофой для бактрийского и согдийского населения. Место ахеменидского ига заняло гораздо более тяжелое иго греко-македонских завоевателей. Потребовалось около полтора века лет, а для Бактрии — свыше ста восьмидесяти, чтобы народы вошедших в Македонскую империю областей Средней Азии собрались с силами и свергли ненавистную власть новых завоевателей.

Буржуазная историография склонна чрезмерно переоценивать культурные последствия завоеваний Александра. Нет спора — Греция в IV в. в культурном отношении стояла выше среднеазиатских областей. Но «распространение культуры» путем истребления десятков и даже сотен тысяч трудового населения вряд ли может быть признано прогрессивным явлением. Не надо при этом забывать, что в окружении Александра ведущую роль играли полуварвары-македонцы, сами только в ничтожной мере приобщившиеся к греческой цивилизации. Если сам Александр умел обуздывать полудикую македонскую военщину, заставляя ее следовать своим политическим планам, то после его смерти эта военщина получила полную свободу действий.

Греческая культура начала проникать в Среднюю Азию еще до Александра (см. выше эпизод истребления им в Согде греческих переселенцев из Милета). Полтора века лет господства греко-македонской военщины в Бактрии и Согде очень мало способствовали обогащению культуры местного населения. Характерно, что от этого периода до нас дошло ничтожно-малое количество памятников, которые позволили бы говорить о сколько-нибудь широком распространении греческого влияния в Средней Азии. Лишь позднее, когда греко-македонское иго было свергнуто и открылись возможности для свободного культурного обмена между эллинским миром и Востоком, мы видим в памятниках материальной культуры ощутимые признаки творческого освоения народами Средней Азии греческого культурного наследства.

ЧАСТЬ III

Формирование рабовладельческого общества
(III — I вв. до н. э.)

ГЛАВА I

СОГД И БАКТРИЯ ПРИ СЕЛЕВКИДАХ

§ 1. ВВЕДЕНИЕ

После смерти Александра Македонского управление восточной половиной его государства осуществлялось в течение первых двенадцати лет его полководцами, сначала Пердиккой, а затем Антипатром — регентами при малолетнем сыне Александра и Роксаны, погибшем вскоре вместе с матерью в период придворных интриг, заговоров и борьбы за власть между полководцами Александра.

Четкими и определенными данными, которые позволили бы судить о том, как это десятилетие отразилось на судьбах народов Средней Азии,—мы не располагаем. По сравнению с историей Передней Азии этот период освещен источниками скупо и случайно.

§ 2. ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

История диадохов, т. е. «преемников» Александра—его полководцев, поделивших между собою его державу,—в какой-то мере восстанавливается исследователями с помощью письменных источников, среди которых в первую очередь должны быть названы: Аполлодор (II в. до н.э.), в извлечениях, сохранившихся у Страбона (нач. I в. н.э.), Диодор Сицилийский (I в. до н.э.), Трог Помпей (I в. до н.э.) в извлечениях, сохранившихся у Юстина (II в. н.э.), Курций Руф (I в. н.э.); биографии Евмена и Деметрия в «Жизнеописаниях» Плутарха (I—II вв. н.э.), а также Арриан (II в. н.э.).

В исторической литературе событиям времени селевкидов посвящен целый ряд исследований, но судьбы народов Средней Азии отражения в них не находят. В полном расхождении с фактами некоторые исследователи усматривают в общественном строе народов Передней и Средней Азии наличие в этот период развитого феодализма. Мы имеем в виду М. И. Ростовцева (1928) и В. Тарна (1930), труды которых насыщены богатым материалом и остроумными гипотезами по частным вопросам, но в методологическом отношении несостоятельны.

§ 3. ОСНОВНЫЕ ФАКТЫ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРИИ

Диодор и Курций Руф сообщают, что смерть Александра Македонского вызвала на территории Согда немедленную реакцию. В более широких размерах и в несколько ином плане повторились события, которыми греческие поселенцы и главным образом гарнизоны городов Бактрии и Согда реагировали на разнесшийся в 325 г. ложный слух о смерти Александра в Индии. Тогда трем тысячам повстанцев удалось

захватить город Бактры, привлечь на свою сторону местное население и избрать из своей среды царя (некоего Афинодора), под водительством которого они решили вернуться в Грецию. Но движение это было пресечено. Интересно отметить, что с донесением об этом событии к Александру в Индию явился его тесть, согдиец Оксиарт.

В 323 г., когда до Средней Азии дошла весть о действительной смерти Александра, из греческих городов и поселений Согды и Бактрии опять собрался отряд из 20 тысяч пехотинцев и трех тысяч всадников, который намеревался вернуться на родину. Рассматривая это движение, как восстание, ставившее под удар самое существование греко-македонской власти в Средней Азии, Пердикка послал наперерез этому отряду одного из своих полководцев с отборным войском, которому удалось разоружить, а затем перебить беглецов, а имущество их поделить между своими воинами. В связи с этими событиями был смещен сатрап Согды, один из местных вельмож, и вместо него назначен македонянин, некий Филипп, совмещавший управление двумя сатрапиями — Согдом и Бактрией.

Эти события, а также нарастание противоречий, ослабевших в последние годы жизни Александра, — между греками и македонянами, с одной стороны, и местной знатью — с другой, побудили диадохов ввести некоторые изменения в формы управления страной. На первых порах, при Пердикке, гражданская и военная власть были объединены в руках сатрапа, но затем они были вновь разъединены. В этой же связи следует рассматривать и многократное перекраивание самих сатрапий. В целях ослабления силы сопротивления каждой отдельной сатрапии, из установленных при первых дележах наследства Александра 21 азиатской сатрапии впоследствии было образовано 72 более мелких. При первом перераспределении (в Вавилоне в 323 г.) среди так называемых «верхних» сатрапий фигурировали Бактрия и Согдиана, тогда как после второго дележа (в Трипарадесе в 321 г.) и третьего (в Персеполе в 315 г.) Согдиана была объединена с Бактрией в одну сатрапию. После этого в 315 г. все назначенные Александром сатрапы из местной знати были удалены и заменены греками и македонянами. Исключение было сделано только для согдийца Оксиарта и для иранца Атропата: первый был тестем Александра, второй — тестем Пердикки. Такой же отказ от политики сближения с местной знатью наблюдается и в действиях Птолемея в Египте, где туземная аристократия, при Александре возглавлявшая местное управление, за единичными исключениями была отстранена и заменена греками и македонянами.

Когда в 312 г. одному из талантливейших полководцев Александра, Селевку, досталась Вавилония, он сумел вскоре расширить границы своих владений до Сыр-дарьи и до Инда и тем самым полжизни начал селевкидской державе, просуществовавшей с 312 г. до 64 г. до н. э. и непосредственно связанной с историей народов Средней Азии до 250 г. до н. э. Сын Селевка, Антиох I Сотер, владел уже большей частью азиатских территорий Александра, за исключением Индии, а также Египта.

Расширение государственных границ и на Востоке и на Западе, перенесение столицы из Вавилона в Сирию — в Антиохию на Оронте и удаление ее, таким образом, от территории Средней Азии, недавние восстания греческих гарнизонов в Бактрии и Согде — все это заставило Селевка искать путей упрочения своей власти для предотвращения отпадения той или иной области. Мерами к этому являлись, с одной стороны, замена сатрапов из местной знати греками и македонянами (занимавшими привилегированное положение) и, с другой, — такое распре-

деление народов по сатрапиям, при котором в одну административную и податную единицу соединялись географически далеко друг от друга отстоящие области.

Сатрапии при селевкидах делились на эпархии, эпархии — на гиппархии, а последние — на статмосы — греческое название для тех остановочных станций на благоустроенных почтовых, караванных и военных дорогах, которые были построены при ахеменидах и описаны Геродотом. Несколько поселений, группировавшихся вокруг такой станции, и являлись первичной административной единицей. Персидское название «сатрап» в этот период было заменено греческим «стратег» — полководец.

Слишком большое количество сатрапий не могло не осложнять всей системы управления, и потому число их впоследствии было сокращено. И весьма вероятно, что те 72 сатрапии Селевка, о которых сообщает Аппиан (II в. н. э.), являлись не чем иным, как эпархиями, которые к концу селевкидского периода становятся основными административными единицами.

При Селевке и его сыне Антиохе I на территории Средней Азии имелась только одна сатрапия, в состав которой входили Согдиана и Бактриана с Маргианой (их греческое наименование); Хорезм не был подчинен диадохам и селевкидам, так как еще при Александре он представлял собою независимое государство. Хорезмийцы, таким образом, первыми из числа народов Средней Азии освободились от иноземного владычества, но когда и каким образом произошло их освобождение от власти ахеменидов, — мы не знаем.

§ 4. НОВЫЕ ГОРОДА. ВОЕННЫЕ КОЛОНИИ

Как Селевк I, так и сын его Антиох I, которому отец при перенесении своей столицы на запад передал в 293 г. до н. э. «верхние» сатрапии, в том числе и Согд с Бактрией, уделяли странам Средней Азии много внимания. Стремясь обеспечить сохранность своих северо-восточных областей, они основывали укрепленные колонии, заселяли их преимущественно греками и называли города своими именами (Селевкия, Антиохия и др.). Историческая традиция приписывает Селевку основание 75 новых городов.

К числу самых отдаленных новых городов, основанных селевкидами, относится и город «Антиохия за Яксартом», построенный, вероятно, во время пребывания за Сыр-дарьей полководца Селевка I и Антиоха I — стратега Демодама, как об этом сообщает Плиний (I в. н. э.). Возможно, что эта «Антиохия» есть не что иное, как «Антиохия в Скифии» западных источников, и «Ю-чен» — китайских источников, т. е. один из городов Давани (Узген).

На средневековой географической карте, известной под названием «карты Пейтингера» и основанной на римской карте Агриппы (I в. до н. э.), северо-восточная дорога из города Рага в Мидии (позднее Рея, близ нынешнего Тегерана) заканчивается на востоке двумя станциями: Александрией и Антиохией, причем возле Александрии показаны два алтаря и имеется пометка: «Место, до которого доходил Александр» (вероятно, имелась в виду Александрия Эсхата, около Ленинабада). Плиний поясняет, что алтари эти были посвящены Аполлону Дидимейскому, покровителю возводивших к нему свой род селевкидов: соорудил эти алтари, вероятно, Демодам во время своего пребывания с войском за Сыр-дарьей, на территории Чача (а может быть и Паркана). А станция Антиохия — это, вероятно, только что упомянутая «Антиохия за Яксартом» или «Антиохия в Скифии».

О другой Антиохии, построенной Антиохом на р. Мургаб в Маргиане, некоторые данные сохранились у Страбона. Эта Антиохия была основана на месте города Александрии, построенного еще Александром и разрушенного кочевниками. Для защиты впредь Мервского оазиса от кочевников Антиох, «изумленный его плодородием», обнес его стеною в 1500 стадий, т. е. более 235 км в окружности (развалины этой Антиохии находятся около г. Мары—Мерв в Туркменистане).

§ 5. ТОРГОВЫЕ ПУТИ

В интересах широкой международной торговли Селевком было задумано судоходное сообщение между Каспийским и Черным морями в системе торгового пути, который должен был соединить северную Индию и «Каменную башню» с Черным морем, с использованием вод Амударьи. «Каменная башня» была, видимо, местом международных ярмарок на скрещении больших торговых путей. Одними исследователями она локализуется в Кашгаре, другими—в Хотане или где-то выше истоков Сыр-дарьи, третьими—в Таш-кургане и, наконец,—в районе современного Ташкента, тоже носящего название «Каменного города». С Ташкентом отождествлял «Каменную башню» и Бируни, что придает этой гипотезе большую обоснованность. В. В. Бартольд относил «Каменную башню» к выходу из гор в долину Алая (у Дараут-кургана).

При Селевке I и Антиохе I во время их совместного правления (между 290—281 гг. до н. э.) специальное обследование Каспийского моря проводил по их поручению флотоводец Патрокл, продолжавший, таким образом, дело, начатое Гераклидом по поручению Александра. Предполагая, что в северо-восточном углу Каспия имеется проезд морским путем в Индию, Патрокл дошел, должно быть, до конца полуострова Мангишлак и убедился в отсутствии связи между Каспийским морем и Индией, а также в отсутствии прохода из Каспийского моря в Черное.

Установление этого факта и привело к замыслу прорыть канал через «перешеек», разделяющий Каспийское море и Босфор Киммерийский. О плавании по Каспийскому морю, по поручению первых двух селевкидов, сообщают Страбон и Плиний. Однако попытка Селевка I и Антиоха I соединить Каспийское море—в тот период носившее название Селевкидова и Антиохова моря—с Черным морем и ввести судоходное сообщение между ними встретила сопротивление со стороны Атропатены (северо-восточная часть Мидии).

§ 6. РЕЛИГИЯ, БЫТ, КАЛЕНДАРЬ

О внутренней жизни селевкидского государства в целом мы знаем сравнительно мало. Еще меньше мы знаем о внутренней жизни Средней Азии в этот период. Население Согда и Бактрии состояло из оседлых народов и кочевников, причем, если верить Онесикриту—одному из флотоводцев Александра, деяния которого он описал (сохранились отрывки), то при Александре Македонском согдийцы и бактрийцы мало отличались в своих нравах от кочевников. Здесь, видимо, имеется в виду не противопоставление оседлых жителей Бактрии и Согда кочевой их части, а скорее сравнение этих двух народов с другими соседними народами, по преимуществу кочевыми.

В отношении религиозных верований согдийцы и бактрийцы оставались последователями своих древних культов, так как селевкиды проявляли к местным религиям значительную терпимость.

В городах Средней Азии в этот период воздвигались храмы эллинским богам, причем образ Афродиты в представлении местного населения сливался с образом Ардвисуры-Анахиты, образ Геракла—с Веретрагной, Зевса—с Ормуздом, Аполлона—с Митрой, а Диоскуров—с Ашвинами.

Как известно, Александром был усвоен от персидских царей обычай вести счет событиям по годам правления; на этой же основе возникло новое летосчисление—эра селевкидов—с 1 октября 312 г. до н. э., т. е. с первого года после завоевания Вавилонии Селевком.

Вразрез с политикой Александра, ставившего себе целью слияние греческой и местной культур, селевкиды всячески стремились к сохранению чистоты эллинской культуры на Востоке, но цели этой не достигли, так как именно в годы правления Селевка I и Антиоха I в среде народов Передней и Средней Азии сложились основы для того мощного движения в истории культуры, которое носит название восточного эллинизма.

§ 7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На всем протяжении владычества греко-македонян в лице селевкидского государства наблюдаются непосредственные политические и культурно-экономические связи, установившиеся между пришлыми властителями и местными руководящими общественными кругами. Селевкиды в своих междоусобицах вынуждены были опираться на поддержку парфянских и бактрийских военных союзов и их вождей и прибегать к их вмешательству. Это, естественно, привело к усилению местных династий. Оправившимся и окрепшим населением власть македонян была затем сброшена—сперва в Парфии, а потом и в Бактрии.

ГЛАВА II

ГРЕКО-БАКТРИЙСКОЕ ЦАРСТВО

§ 1. ВВЕДЕНИЕ

К половине III в. до н. э. стало намечаться некоторое ослабление мощи селевкидского царства, расшатанного неудачными войнами с Египтом, в результате которых от Сирии отпал ряд городов на финикийском и малоазийском побережьях. Ослабление это происходило вследствие непрестанной и не всегда удачной борьбы с кочевыми народами Средней Азии, а также в результате постоянных восстаний, имевших место в Передней и Средней Азии в этот период.

Нападения кочевников на оазисы (например, на Мургаб) являлись по существу не чем иным, как партизанской формой борьбы, начатой населением среднеазиатских степей (о восстаниях в городах мы сведений не имеем) против иноземных поработителей в лице греков и македонян. Эти настроения местного населения и учитывались селевкидами, когда они, вразрез с политикой Александра, начали ограничивать количество и функции местного населения в войске, предоставляя ему только право входить в отряды лучников и в отряды пращников.

Говоря о причинах упадка селевкидского государства, исследователи указывают и на то обстоятельство, что средства селевкидской державы, достаточные для завоеваний и колонизации, оказались недостаточными для поддержания его внутренней охраны; сказался также разрыв между территориальным протяжением государства и его финансами, сказалось и отсутствие объединяющей силы, которая могла бы сплотить различные народы, входившие в его состав.

В середине III в. до н. э. в селевкидском государстве произошли следующие события. В разгар борьбы двух царевичей, сыновей Антиоха II (будущего Селевка II) и его брата Антиоха-Хиеракса, оспаривавших друг у друга царство, около 250 г. до н. э. безнаказанно произошло отпадение Бактрии, эпарх которой Диодот провозгласил себя царем. В связи с этим стоит восстание кочевых племен дахов, подчинивших себе Парфию; следуя этому примеру, говорит Юстин, «от Македонии отделились народы всего Востока», знаменуя этим наступление местных сил против греко-македонского владычества. Попытки селевкидов вернуть себе отпавшие области, хотя и сопровождались временным успехом, все же к намеченной цели не привели: число переживаемых ими поражений и восстаний во II в. все возрастает, что в конце концов приводит в 60 г. до н. э. к падению селевкидской державы под мощными ударами Рима.

§ 2. ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Письменные источники сохранили о греко-бактрийском царстве, к сожалению, только скудные и отрывочные сведения, которые хотя и

восполняются данными, извлекаемыми из изучения монет, но все же не дают представления об отдельных этапах или деталях внешней и внутренней истории этого периода.

Основными источниками являются извлечения из сочинений Аполлодора (II в. н. э.) у Страбона (нач. I в. н. э.) и извлечения из труда Трога Помпея (I в. до н. э.), сохранившиеся у Юстина (II в. н. э.). Отдельные события нашли отражение у Полибия (II в. до н. э.) и в биографиях Красса и Антония («Жизнеописания» Плутарха, I в. н. э.). Отдельные, очень ценные сведения о внутренней жизни этого периода могут быть извлечены из написанного во II в. до н. э. на санскритском языке сочинения «Милинда паньха», приписываемого одному из греко-индийских царей—Менандру. Китайские источники также сохранили ряд сведений: отчет Чжан Цяня (о посещении им Бактрии и Давани), вошедший в «Исторические записки» Сы-ма Цяня (II—I вв. до н. э.) и «История первой Ханьской династии» Бань Гу (I в. до н. э.).

Первая «История Греко-бактрийского царства» была написана два столетия назад (1738 г.) в Петербурге академиком Байером на латинском языке. За ней, сто лет спустя, последовал труд Лассена «К истории греческих и индо-скифских царей в Бактре, Кабуле и Индии» (Бонн, 1838). В 1867 г. вышла не утратившая своего значения и сейчас, хотя и устаревшая, работа В. В. Григорьева «Греко-бактрийское царство» (ЖМНП, ч. 136, 1867). Вопросам истории культуры и искусства греко-бактрийского периода посвящены две работы К. В. Тревер: «Проблема греко-бактрийского искусства» (Труды III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии, Москва, 1938) и «Памятники греко-бактрийского искусства» (М.-Л., 1940).

В 1938 г. вышел труд английского ученого В. Тарна «Греки в Бактрии и Индии» (Кембридж, 1938), где собрано много фактического материала по истории Греко-бактрийского царства и с помощью гипотез делается попытка осветить ряд темных вопросов; но толкование автором вопросов, связанных с социально-экономическим строем Бактрии и Согды, уже вызвало резкие возражения. В рецензии С. П. Толстова на этот труд Тарна (Подъем и крушение империи эллинистического «Дальнего Востока», «Вестник древней истории», 1940, № 3—4) отмечаются как все достоинства, так и методологические недостатки книги, а также излагается ряд ценных мыслей самого рецензента, дополняющих его главу о Греко-бактрийском царстве в «Истории СССР», ч. III—IV (1939).

§ 3. ОТЛОЖЕНИЕ ПАРФИИ И БАКТРИИ

Страбон сообщает, что «Аршак, родом скиф, вождь одного из народов даха, называвшихся парнами и кочевавших по берегам Оха (Теджена), вторгся в Парфию и подчинил ее себе». Дахи являлись одним из древнейших местных народов Средней Азии и кочевали как в степях к востоку от Каспия, так и в других областях Средней Азии. «Парны»—термин не этнический, а социальный, и обозначал первоначально определенную возрастную группу молодых неженатых воинов. Этих парнов и возглавил Аршак, в имени которого заключено указание на его сакское происхождение («шак»—сак) и на его привилегированное среди саков положение («ар» восходит к «хвар»—солнце, сияние). Страбон говорит, что Аршака некоторые считали бактрийцем, который, «желая избежать возраставшего могущества Диодота, побудил Парфию отло-

житься». По Арриану, против сатрапа Парфии восстали два брата, парфяне Аршак и Тиридат, в связи с насилием, учиненным над одним из них. Был ли Аршак сыном Парфии или Бактрии, или саком, значения не имеет; он был, во всяком случае, представителем одного из среднеазиатских народов. Какие бы мотивы ни приписывались античными историками этому далеко на Востоке происшедшему событию,—весь ход его и конечные цели говорят о начале того великого освободительного движения, которым народы Средней Азии, собравшись с силами, ответили на свое порабощение.

Когда в Парфии восставшими был низложен сатрап Андрагор, и Селевк II двинул против них большое войско, Аршак бежал к апасиакам. Этот факт вызвал у Страбона сопоставление с бегством Бесса, а также Спитамена, бежавшего от Александра тоже к народу апасиаков или апасака (водные саки)—одному из хорезмийских племен. Селевк не смог все же остановить закономерного развития процесса освобождения народов Средней Азии от иноземцев. Отложившаяся Парфия образовала мощную парфянскую державу, неоднократно наносившую впоследствии тяжелые удары даже самому Риму.

Существует несколько точек зрения на характер отложения Бактрийской эпархии, включавшей в себя при селевкидах и Согдиану, и Маргиану, а может быть, и часть Паркана и Чача. По одной версии, это было открытое восстание, сопровождавшееся боевыми столкновениями, по другой,—отпадение носило мирный характер и не вызвало реакции со стороны ослабленных к этому времени селевкидов. Диодот, во всяком случае, соблюдал на первых порах видимость подчинения и продолжал чеканить имя Антиоха на своих монетах.

Восстания в Парфии и в Бактрии должны были носить различный характер, так как первое из них возглавлялось вождем парнов из местной военной аристократии, а второе—восставшим греческим эпархом, едва ли являвшимся выразителем воли и свободолюбия среднеазиатских народов. Но широкие слои населения Бактрии и Согды, очевидно, его поддерживали, так как это отложение несло с собою освобождение населения от тягот, налагавшихся на них сидевшими в далекой Сирии и ничем с Бактрией не связанными селевкидами.

Так, в процессе распада государства селевкидов, на месте Бактрийской сатрапии возникло так называемое Греко-бактрийское царство, просуществовавшее немногим более ста лет; в это время культура народов Средней Азии и соседних стран достигла значительных успехов.

После Диодота I и его сына Диодота II на престоле появляется сильная фигура грека, родом из малоазиатского города Магнезии, Евтидема I, положившего начало династии евтидемидов. Первоначально он владел только Бактрией и Согдом. Селевкид Антиох III предпринял еще одну попытку вернуть себе «верхние», то есть среднеазиатские, сатрапии и выступил против Евтидема. В низовьях р. Ох (Теджен), на территории Маргианы, ему удалось в 208 г. до н. э. разбить конницу Евтидема, а затем осадить город Зариаспу, выдержавшую двухлетнюю осаду,—«историческую осаду»,—как говорит Полибий, воспетую поэтами. Упорство Антиоха III было сломлено угрозой Евтидема призвать на помощь кочевников, появление которых «погрузит страну в варварство». В 206 г. был заключен мир: Антиох признал за Евтидемом царский титул, но потребовал выдачи всех его боевых слонов. Переговоры с Антиохом от лица Евтидема вел его сын, юноша Деметрий, явившийся, как рассказывает Полибий, в лагерь врага. Антиох III, убедившись, что юноша и по внешности и по разговору достоин царской власти, обещал

дать ему в жены одну из своих дочерей и предоставил отцу его титул царя.

Одним из преемников Евтидема был царь Антимак (Тарн считает его сыном Евтидема), которому некоторые исследователи приписывают победу на Аму-дарье над апасаками—хорезмийцами. Эта гипотеза так же недостаточно обоснована, как и другая, согласно которой Антимак считается эпархом Согда, отложившимся от бактрийского царя при одном из преемников Евтидема. Во всяком случае, он носил титул царя и называл себя на монетах «богом». История Согда в этот период еще не изучена, и мы не знаем, являлся ли Согд одной из бактрийских эпархий или существовали другие формы связи, а также были ли эпархии греками или согдийцами. Не знаем мы также даты и обстановки, при которой около 160 г. до н. э. произошло отпадение Согда от Бактрии и вхождение его в состав царства Кангха—Хорезма.

При сыне Евтидема, Деметрии, Бактрийское царство достигло наибольшей экспансии. В 190—180 гг. до н. э. в состав его были включены Ария и Арахосия (то-есть Гератская и Кандахарская области Афганистана), Дрангиана (область у озера Хамун в восточном Иране), Паропамисады (южные склоны Гиндукуша, часть Афганистана), а также северозападная Индия, включая Синд. По Страбону, бактрийцы расширили свои границы до стран серов (китайцев) и фаунов (гуннов). Эти слова Страбона рассматриваются исследователями как указание на то, что греко-бактрийские цари налаживали политические и экономические связи с городами Восточного Туркестана, где сталкивались в то время интересы китайцев и гуннов.

Тарн отмечает, что походы и политика Деметрия дают основание предполагать, что он пытался продолжать деятельность Александра Македонского на Востоке и, подражая последнему, изображал себя на монетах в шлеме в виде головы слона, снабжая свои монеты двуязычными надписями—греческими и письмом карошти, чтобы приблизить к себе население Пенджаба.

Во время пребывания Деметрия в Индии власть в Бактрии (где до этого имело место какое-то восстание, подавленное Деметрием) захватил военачальник Евкратид. Ему пришлось вести «много войн с большой доблестью», говорит Юстин, причем самым сильным его противником был парфянский царь Митридат I, отнявший у него Маргиану и другие области. В это приблизительно время отпал от Бактрии и Согд, вошедший в состав мощного объединения—царства Кангха. Вторгшись около 162 г. до н. э. в Паропамисады, Евкратид сумел завоевать у преемников Деметрия и Пенджаб, но удачное наступление его было приостановлено греко-индийским царем Менандром (предполагаемым автором диалога «Милинда-паньха») где-то в районе Инда. В это время начал наступление против Бактрии парфянский царь Митридат I и отнял у него ряд смежных областей. По возвращении из Индии Евкратид, около 155 г. до н. э., был убит своим сыном и соправителем Гелиоклом, при котором Греко-бактрийское царство прекратило свое существование.

По словам Трога Помпея, нет никакого сомнения в том, «что бактрийцы, гонимые по разным войнам, потеряли не только царство, но и свободу, ибо утомленные войнами с согдийцами, арахосцами, дрангианцами, арийцами и индусами, они затем, будучи как бы обескровлены, были подчинены более слабыми, чем они,—парфянами». В этих скупых словах рассказано и про борьбу с отложившимся Согдом, и про завоевание Арахосии, Дрангианы, Арии и Индии, и про неудачную борьбу с Митридатом парфянским.

Однако основной причиной падения Греко-бактрийского царства являлось освободительное движение, начатое народами Средней Азии еще в середине III в. до н. э. и поддерживавшееся постоянными вспышками восстаний то в одной, то в другой области.

§ 4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ

Во время владычества греков в Бактрии и в смежных странах, социально-экономический строй народов Бактрии и Согда должен был представлять собою приблизительно то же, что и в предыдущее столетие (при селевкидах). Разложение первобытно-общинных отношений должно было теперь пойти более быстрыми темпами, так как рабовладельческие отношения принимали более четкие формы. Этому способствовал продолжавшийся рост числа городов, основанных и частично заселенных греками; этому способствовал и приток военнопленных—результат многочисленных войн, которые вели Евтидем, Деметрий и Евкратид.

Те скудные фактические данные, которыми мы располагаем, позволяют, однако, говорить о том, что наряду со свободным земледельческим населением имелись в довольно большом количестве и рабы. Ремесла в городах были сильно развиты и дифференцированы. Основная масса ремесленников была, видимо, свободной, а военнопленные ремесленники находились на положении рабов.

В тексте «Милинда-паньха» имеются отдельные беглые указания, которые иллюстрируют высказанные выше соображения о социально-экономическом строе, если допустить, что в Бактрии и в смежном Пенджабе существовали схожие общественные взаимоотношения вследствие большого сходства всей исторической обстановки. Надо принять также во внимание, что временами северозападная Индия входила в состав бактрийских владений. Если учесть все эти обстоятельства, то большой интерес представят те строки «Милинда-паньха», где говорится, с одной стороны, о «высокородных воинах, для которых война—удовольствие», и, с другой,—о «воинах, рожденных от рабов в знатных домах». Там же упоминается «владыка деревни», который созывает сельчан через глашатаев; на зов его приходит только глава дома или семьи, но не являются «рабыни, рабы, слуги, землепашцы, больные, быки, буйволы, овцы, козы и собаки, которые все в счет не идут». «Владыка деревни» и «рабы и рабыни» свидетельствуют о наличии патриархально-рабовладельческих, в данном случае вернее будет сказать—общинно-рабовладельческих отношений, правда, не очень еще далеко ушедших от родового, первобытно-общинного строя.

О процессе классового расслоения говорит и состав войска греко-бактрийских царей: с одной стороны—конница из представителей знати, а с другой—отряды лучников, составлявших пехоту. Третью часть войска составляли боевые серпоносные колесницы, применявшиеся против вражеской конницы, и четвертую—отряды боевых слонов, несших на спине башенки с воинами. Уже в войске Евтидема находились слоны, которых ему по мирному договору пришлось отдать Антиоху. Слоны располагались обычно в арьергарде войска и в решительный момент наступали на врага, наводя ужас и на пехоту и на конницу. Этот военный обычай был заимствован у индусов.

О вооружении воина можно судить по вещественным памятникам и по тому же тексту «Милинда-паньха», где излагаются размышления

воина: «Если враг будет далеко, я могу сразить его стрелой; если он приблизится—могу поразить его дротиком; при большем приближении—могу сразить его копьем; если же он еще ближе подойдет, то мечом могу разрубить его; если же он вплотную будет, то смогу пронзить его кинжалом».

§ 5. ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Территория входивших в состав Греко-бактрийского царства Бактрии, Согдианы, Маргианы, а может быть и Паркана (Ферганы), состояла, как и в наше время, из пустынных степей и плодородных оазисов. Курций Руф, говоря о Бактрии, отмечал разнообразие ее почвы: «В одних местах она производит различные деревья и виноградные лозы с крупными сочными плодами; жирную землю орошают многие источники; плодородные земли засеваются пшеницей, другие предоставляются в качестве пастбища стадам. Но большую часть этой земли составляют безлюдные пески: вследствие своей безводности, унылые области не заселены человеком и не приносят плодов».

Плодородие зависело от искусственного орошения, от системы арыков и кяризов. Древние следы их прослеживаются во многих районах. Следы крупных оросительных каналов были установлены: на территории древнего Согда—археологическими работами В. А. Шишкина в 1937 г.; на территории Хорезма—многолетними работами С. П. Толстова, а в системе Сурхан-дарьи—Термезской экспедицией под руководством М. Е. Массона в 1937 г.

Но, несмотря на свои пустынные и засушливые районы, древняя Бактрия, включавшая в себя Согд и Марг, славилась своим плодородием. Судя по словам Феофраста (начало III в. до н. э.), в Бактрии делались попытки сеять пшеницу и в безводных районах, причем произрастание пшеницы на сухой почве зависело от росы, и местами зерна ее достигали якобы величины косточки маслины (?!). Китайские источники сообщают нам о культуре риса, пшеницы, винограда и люцерны на территории Давани (Фергана), что должно в равной мере относиться и к Согду и к Бактрии. Те же источники говорят, что в Давани и в «соседних странах» (т. е. в Согде и Бактрии) население употребляло вино, причем богатые выдерживали вино в погребах до десяти лет. «Они любят свое вино, как кони их любят люцерну». Греческие источники сообщают о виноградарстве и виноделии в Маргиане.

Мы имеем все основания полагать, что коневодство имело большое распространение и значение как в Согде, так и в Бактрии. Об этом можно судить хотя бы по тому, что слово конь («асп») играло большую роль и в именах героев Авесты (Виштаспа, Аурватаспа), и в изображениях на памятниках искусства.

Золото разрабатывалось в какой-то мере, вероятно, в Бактрии и, во всяком случае, в Согде (в долине Зарафшана). Кроме того, золото и серебро в этот период ввозились из Китая так же, как это было полвека спустя. Вызывалось это тем обстоятельством, что передвижения кочевых народов на севере затрудняли получение золота с Алтая. Из Китая доставлялся также металл (если он не был местного происхождения), из которого чеканились «никелевые» (вернее, с наличием никеля) монеты греко-бактрийских царей.

§ 6. ГОРОДА, ТОРГОВЛЯ, МОНЕТЫ

Историческая традиция сохранила за Бактрией славу страны 1000 городов (Страбон и Юстин). Цифра эта слагалась, видимо, из городов не только на территории Бактрии, но и входивших в ее состав Согда, Маргианы, может быть—Паркана, а также сезерной Индии. В число этой «тысячи городов», вероятно, входили различного характера поселения—древние местные города типа Бактры и Мараканды, а также крепости и военные колонии, основанные Александром и его преемниками и самими греко-бактрийскими царями. Основную же массу городов составляли, должно быть, укрепленные поселения, с которыми Александр встретился и в Согде и на Сыр-дарье. Большое количество развалин таких поселений было установлено исследованиями С. П. Толстова в Хорезме.

Страбон и Птолемей приводят перечень основных городов на территории Бактрии. Страбон, кроме Бактры, отождествляемой им с Зариспой, называет еще Дарапсу или Адрапсу (она же Драпсака), которую некоторые исследователи сопоставляют с современным Андерабом или Кундузом, а С. П. Толстов—с районом Карши. Страбон и Птолемей называют на территории Бактрии также город Евкратидею. На территории Согда продолжала существовать Мараканда, а в правобережной Бактрии большую роль, очевидно, играл город Деметриас (Таро-маэта Авесты, ныне—Термез). Продолжали, видимо, существовать и «Александрия Эсхата» (в районе Ходжента—Ленинабада), и «Александрия на Оксе», упоминаемая у Птолемея, и «Антиохия за Яксартом» (Антиохия в Скифии). Византийский писатель Стефан (начало VII в.) приводит названия некоторых военных колоний. Среди местных наименований имеются и получившие свое название по городам и местностям греческой метрополии: в Согде был город «Фера» (один из Кикладских островов в Эгейском море), в Бактрии—город «Рэтея» (местность у Дарданелл), а в «Скифии» (может быть, так называли в то время Чач или Фергану)—город «Аргос» (город и государство в Греции).

Трудно себе представить колонизационную деятельность и основание большого количества новых городов без того, чтобы одновременно не производилась прокладка новых дорог, соединяющих эти города с другими поселениями, а также не поддерживались старые пути, в особенности караванные.

Относительно Согда (или Согдианы) и Бактрии таких прямых указаний в письменных источниках не имеется, но о Давани (Фергана) Чжан Цянь говорил, что она была соединена с Согдом почтовыми дорогами. Дороги эти были проложены либо еще при ахеменидах, когда создавались знаменитая «царская дорога» и, по всей вероятности, дороги, соединявшие Иран с его восточными сатрапиями, либо они сооружались при селевкидах или в период Греко-бактрийского царства. Первое предположение кажется более вероятным, так как вопрос о вхождении Ферганы в состав Греко-бактрийского царства пока остается под сомнением.

В этот период продолжалось развитие торговых сношений Согда и Бактрии как с Ираном и Индией, так и с Китаем (еще до установления великого «шелкового пути»).

Путь в Китай шел вверх по долине Вахша, через Каратегин и Алайскую долину на Кашгар. Пути на запад шли в двух направлениях: один—караванный—через Парфию на Экбатану и оттуда в Сирию;

другой, описанный у Страбона,—вниз по Аму-дарье, по которой перевозилось «большое количество» индийских товаров. Товары эти из долины Кабула доставлялись в Бактру и к Аму-дарье за семь дней, говорится у Плиния с ссылкой на Варрона (I в. до н. э.). «Золотой путь» в Сибирь шел, вероятно, через Фергану, мимо Иссык-куля. Из Индии в Среднюю Азию вывозили пряности, благовония и ткани в обмен на ряд товаров среднеазиатского происхождения; из Китая—шелк, железо, никель и меха.

Монеты греко-бактрийских царей являются одним из основных вещественных источников при изучении истории Бактрии и связанных с нею стран. В Узбекистане греко-бактрийские монеты зарегистрированы в различных местах: на территории древнего Согда—в Шахрисабзе и близ Китаба; в Бухарском районе и по всей Зарафшанской долине на руках у жителей имеется много греко-бактрийских монет. Это главным образом монеты Евтидема I, Евтидема II, Евкратиды и др. и в очень большом количестве подражания монетам Евтидема—видимо, монеты местной чеканки. На территории Хорезма монеты Евтидема I были найдены около Хивы. В районе Термеза найдены монеты Диодота I, Евтидема I, Евтидема II, Деметрия, Евкратиды и Гелиокла. В Фергане земляные работы на канале позволили впервые обнаружить здесь наличие греко-бактрийских медных монет Гелиокла. О греко-бактрийских монетах на территории Чача пока ничего не известно.

Что касается территории Таджикистана, то раскопки под руководством А. Ю. Якубовского выявили наличие греко-бактрийских монет в Хисарском районе — в урочище Туп-хана (Бактрия).

Среди греко-бактрийских монет основную массу составляют монеты из серебра. Золотые же известны только в нескольких экземплярах, найденных на территории Согда, а именно: золотая монета Евкратиды в 20 статеров, золотые статоры Евтидема I и Диодота I. Особый интерес представляют монеты из никеля, введенные впервые в употребление Евтидемом I в период нехватки серебра. Никель, если он не добывался на месте, получался, вероятно, из Китая, где он был в употреблении задолго до того, как о нем узнал Запад, хотя открытие этого металла приписывается европейской наукой технике XIX века.

На лицевой стороне греко-бактрийских монет обычно изображена голова царя, часто в каком-либо характерном головном уборе, на обороте помещено изображение бога-покровителя данного царя, причем воспроизводится обычно один из известных античных статуарных типов, чаще всего работы Лисиппа (IV в. до н. э.). Изображения на обороте можно разделить на 3 группы: 1) боги античного пантеона — Зевс, Посейдон, Геракл, Аполлон, Афина и др.; 2) местные божества — Анахит и священные животные; 3) синкретический образ Митры с атрибутами Геракла.

Надписи на греческом языке дают титулатуру царя и его имя. Со времени Деметрия появляются и двуязычные надписи, главным образом на квадратных медных монетах: греческая надпись и индийская (пракритская) надпись письмом карошти.

Диодот I и Евтидем I применяли греческую аттическую систему драхмы весом в 4,36 г; после них начала применяться и местная система веса.

§ 7. ЯЗЫК. ПИСЬМО. БЫТ

Население Согда (Согдианы) и Бактрии продолжало и в этот период говорить на различных скифских и иранских наречиях. От Давани до Парфии люди друг друга понимали, говорится у Сы-ма Цяня; Страбон также отмечает сходство в языке жителей Бактрии, Согда, Персии и Мидии. Эти сведения, впрочем могут свидетельствовать скорее о наличии и межплеменных языков (для более позднего времени такая роль подтверждена в отношении согдийского языка), чем о единообразии языка самого населения. Придворным языком бактрийских царей был греческий язык. Существовал также язык, получившийся из смешения греческого и местного, на котором уже в IV в. до н. э. говорили потомки бранхидов в своем согдийском городке и который к III—II вв. должен был, в результате колонизации, получить большое распространение.

Наряду с арамейским письмом в это время довольно широко применялось греческое письмо (надписи на монетах и на предметах), а также письмо карошти, сложившееся в Пенджабе и восходящее к арамейскому. Не исключена возможность, что уже в это время вырабатывалось письмо согдийское.

Исследование греческих надписей на двух греко-бактрийских (золотой и серебряной) тарелках дало нам возможность установить, что в Согде и в Бактрии, наряду со счетом десятками, применялся и счет двадцатками.

В этот период местными астрономами были уточнены все названия главных планет и, судя по названиям созвездий, система зодиака. Астрономы (астрологи) при царском дворе играли большую роль, составляя гороскопы и указывая по звездам на благоприятные дни для принятия тех или иных решений; одновременно они были физиками своего времени, математиками и философами.

Летосчисление продолжало вестись по селевкидской эре.

Судя по памятникам искусства и письменным источникам, музыка в Согде и Бактрии, как и вообще на Востоке, играла большую роль и в культе, и в придворном церемониале, и в быту. Из музыкальных инструментов в употреблении в это время были: флейта, лютня, барабан, арфа, смычковый инструмент и труба в виде изогнутого рога. В «Милинда-паньха» неоднократно упоминаются профессионалы певцы, танцовщики, актеры и акробаты.

§ 8. РЕЛИГИЯ И КУЛЬТЫ

Памятники искусства и монеты, наряду с данными Авесты, выявляют картину существования в это время на территории Согда и Бактрии различных религиозных систем и культов. Местные культы (богиня Анахит, бог Митра и др.), эллинские боги (Зевс, Афина, Посейдон, Аполлон, Артемида, Геракл и др.), воспетые в гимнах Ригведы индийские божества и, наконец, учение Будды (судя по миниатюрным изображениям буддийских ступ)—все это нашло себе проявление в изображениях на памятниках искусства и на монетах.

Переплетение древних местных культов с религиозными представлениями смежных восточных стран и с занесенными греками образами античной мифологии, а также самое сосуществование различных религиозных представлений и культов должно было вызывать к жизни новые религиозные образы и учения. Однако эти интереснейшие гибри-

ные религиозные представления, как например образ Митры в лучистом венце и с палицей Геракла в руках, пока еще не исследованы.

§ 9. ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ

В Средней Азии архитектурные памятники этого периода раскопками пока еще не выявлены. На территории северозападной Индии, в Таксиле, раскопками был вскрыт храм греко-бактрийского времени.

Храм этот—типа Парфенона, но с восточной плоской крышей вместо фронтонной и с башней, характерной для месопотамского зиккурата, представляет собою типичный гибрид в архитектуре.

Из числа предметов, изготовленных в изучаемый период на территории Согда, особо обращает на себя внимание ряд найденных на городище Афрасиаб глиняных предметов местного производства, носящих на себе признаки восточно-эллинистической культуры. Сюда относится небольшой глиняный предмет в виде повозки на двух колесах, на которой в нише, со сводом в виде раковины, имеется рельефное изображение известной античной статуарной группы трех Граций. Назначение этого предмета неизвестно, но несомненно, что образы античной мифологии нашли себе доступ и в широкие массы населения. Выделяются также женская головка в высоком шлеме, напоминающем собою шлем на голове Афины Партенос Фидия, глиняный светильник античного типа с изображением Геракла, поражающего лернейскую гидру, и целый ряд обломков глиняных сосудов с изображением горгоны Медузы, образ которой неоднократно встречается и на монетах.

Раскопки М. Е. Массона на территории правобережной Бактрии, в Термезе, позволили установить греко-бактрийский слой города, существовавшего, видимо, уже в ахеменидский период, а также выявить целый ряд архитектурных фрагментов зданий античного типа. Обломки архитектурных деталей античного типа (базы колонны с классической профилировкой), найденные на Орлиной горке и в Хатын-рабате (Сурхандарьинская область), свидетельствуют о том, что и здесь в изучаемый период имелись здания античного типа. На территории Согда греко-бактрийский слой удалось установить Г. В. Григорьеву в Самаркандском районе—в Тали-барзу.

Из дошедших до нас памятников этого периода большое значение имеют предметы из золота и серебра (культовые и бытовые чаши, различные сосуды и фалары, части конских украшений в виде больших выпуклых круглых блях) чеканной работы с применением резца и пунсонов, украшенные рельефными изображениями культовых и бытовых сцен и фигур богов. Лучшее собрание их хранится в Государственном Эрмитаже; большинство этих сосудов и фалар найдено в составе кладов вне Средней Азии, на древних трассах караванных дорог, соединявших ее со смежными и отдаленными странами.

Для культуры и искусства этого периода характерным является их гибридность—переплетение черт местных и черт греческих с элементами культур смежных стран (Индии, Китая и Ирана). Можно установить два этапа в сложении этой гибридности: первый относится к III в., когда античные формы искусства еще не слились с местными и наблюдался перевес то одних, то других; второй—ко II в., когда наблюдается процесс переплетения и слияния культуры местной с культурой греческой. Одним из самых блестящих примеров этого второго периода является совершенно исключительный по своему историко-культурному и художественному значению глиняный сосуд восточной фор-

мы с рельефным изображением ряда фигур, связанных с греческим культом Диониса (не издан, хранится в Ташкентском музее).

§ 10. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Греко-бактрийское государство, как ни кратковременно было его существование, оставило значительный след—экономический и культурный—в истории народов Средней Азии. Начавшийся еще со времен, предшествовавших походу Александра Македонского, процесс греческой колонизации, в результате которого в городах Согда и Бактрии появились греческие купцы, художники и ремесленники, привел к синтезу греческой и восточной культуры—к восточному эллинизму. Под его воздействием обогатилась, в свою очередь, и культура Греции, получив с Востока свою эллинистическую культуру.

ГЛАВА III

НИЗВЕРЖЕНИЕ ГРЕКО-МАКЕДОНСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

§ 1. ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ПО АНТИЧНЫМ И КИТАЙСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Сведения о событиях, вызвавших и сопровождавших падение Греко-бактрийского царства, очень скудны и крайне запутаны. Страбон (начало I в. н. э.) сообщает, что Бактриану у эллинов отняли кочевые народы—асии, пасианы, тохары и сакараулы (испорченное сакаравака), которые пришли из страны саков, что по ту сторону Яксарта. Юстин (II в. н. э.), ссылаясь на Трога Помпея (I в. до н. э.), говорит о тех же событиях, но называет только два «скифских племени»—сараваков (испорченное «сакаравака») и асианов (асии), но дальше упоминает и тохаров, «которые покорили Бактрию и страну согдов». Об этих же событиях, т. е. о разгроме Бактрии какими-то народами, сообщается также в двух китайских источниках: в «Исторических записках» Сы-ма Цяня (II—I вв. до н. э.) и у Бань Гу (I в. до н. э.), автора «Истории первой Ханьской династии».

Сы-ма Цянь и Бань Гу сообщают нам, что да юе-чжи («великие юе-чжи») под натиском хуннов ушли из Восточного Туркестана, «удалились на запад, пройдя через Давань (Фергану), напали на Дахя (Бактрия) и покорили это государство. Столицу основали на северной стороне Гуйшуй (Аму-дарья)». До этого юе-чжи на западе разбили и оттеснили саков, которые ушли на юг и заняли Гибинь (долина Кабула).

Эти краткие сообщения китайских летописей дают возможность предполагать, что юе-чжи, будучи разбиты хуннами (в 165 г. до н. э.), двинулись на запад и, проходя по Фергане и через Сыр-дарью, согнали какие-то сакские племена с мест их кочевий и стоянок, заняли Согд и, напав на Бактрию, положили конец Греко-бактрийскому царству. Не исключена возможность, что сдвинутые на юг сакские племена принимали участие в низвержении греческого владычества в Бактрии, затем часть их заняла долину Кабула (Гибинь), а часть осела на территории древней Дрангианы (бассейн реки Хильменд), которая с этого времени стала называется Сакастаном (Сеистан).

Точная дата падения Греко-бактрийского царства не установлена, но приблизительно это произошло между 140 и 130 годами до н. э.

Таким образом, разгром Греко-бактрийского царства приписывается античными историками сакаравакам, пасианам, тохарам и асиям, а китайскими—народу да юе-чжи. Из этого можно было бы заключить, что перечисленные Страбоном четыре народа соответствуют тому народу, который у Сы-ма Цяня и Бань Гу носит имя да юе-чжи, что в свою очередь должно было бы указывать на родственность между собою четырех народов, перечисленных у Страбона.

Полной ясности по этому вопросу в науке еще не существует. Среди многочисленных гипотез внимания заслуживает предположение, что великих юе-чжи следует отождествлять с массагетами, тем более, что некоторые нравы и обычаи массагетов, поразившие Геродота, совпадают с тем, что о великих юе-чжи повествует Сы-ма Цянь.

§ 2. ВОПРОС О ПРИХОДЕ ЮЕ-ЧЖИ ИЗ-ЗА ЯКСАРТА

Из страны саков, что по ту сторону Яксарта, пришли, по Страбону, кочевники, разгромившие Греко-бактрийское царство. С этим совпадают данные китайских источников, говорящие о приходе юе-чжи через Дабань—Фергану. Если принять гипотезу о тождестве массагетов—юе-чжи и если учесть, что массагеты обитали не только между Каспийским морем и Сыр-дарьей, но (по Птолемию) и «близ Аскатанки», т. е. в верховьях Сыр-дарьи (на границе Восточного Туркестана), куда они, видимо, когда-то перекочевали, то становится понятным приход их «из страны саков, что по ту сторону Яксарта». В таком случае, их приход—лишь обратное движение восточной ветви массагетских племен, когда-то перекочевавших из закаспийских степей в Притяньшанье и в Ганьсу. Эта гипотеза, обстоятельно обоснованная С. П. Толстовым, представляется наиболее убедительной, принимая во внимание, что упоминаемые у античных авторов племена асиев, пасианов, сакараваков и тохаров обитали, судя по Плинию (I в. н. э.) и Птолемию (II в. н. э.), на основной территории массагетов.

Вышеизложенное дает основание полагать, что Бактрия была освобождена не чужеземными пришельцами, а местными кочевыми племенами из состава большого массагетского союза (часть их к тому времени вернулась из Восточного Туркестана), которые и помогли бактрийцам и согдийцам окончательно покончить с иноземным владычеством, продолжавшимся в общей сложности около четырех веков.

§ 3. САКАРАВАКИ. ПАСИАНЫ. АСИИ

Что касается четырех среднеазиатских народов, упоминаемых у Страбона и Трога Помпея, то о них известно, более или менее, следующее: хотя и существует мнение, что «сакараваки» не что иное, как саки-хаумаварка (Маркварт, Тарн, Толстов), но большинство исследователей все же сходится на том, что сакараваки, входившие в большой племенной союз массагетов, являлись обитателями Хорезма и позже составляли основное ядро населения государства Кангха. Это можно заключить из вышеприведенного указания Птолемея, согласно которому сакараваки жили в горах северных окраин Хорезма, т. е. между Аму-дарьей и Сыр-дарьей.

О народе «пасианы» (местное «апа-сака»—водные саки) нам известно крайне мало. Они упоминаются и у Геродота, и у Арриана под искаженным названием «скифы-абии», послы которых с низовьев Аму-дарьи являлись к Александру.

Упоминаемый Трогом Помпеем народ «асианы» («асии» Страбона) некоторые исследователи (Дегинь, Шарпантье) сопоставляют с усунями китайских летописей, выходцами из степей Центральной Азии, вытеснившими саков и занявшими их место в северном Притяньшанье и Семиречье. А. Н. Бернштам, основываясь на археологических данных, видит в усунях-асианах население местное, восточную ветвь массагетов, известных Геродоту под именем исседонов.

§ 4. ВОПРОС О ТОХАРАХ

Упоминаемым в перечне Страбона тохарам посвящена исключительно большая литература. Об их этнической принадлежности и историко-географическом расселении существует целый ряд разнородных точек зрения. В. В. Бартольд и большая часть зарубежных ученых полагают, что «тохары» — название того же народа, который китайским историкам известен под именем юе-чжи (тохары — название этническое, а кушаны — название политическое), и что, судя по остаткам языка, народ этот принадлежал к группе иранских народов. Это положение в настоящее время оспаривается С. П. Толстовым, высказавшим гипотезу, согласно которой тохары являются одним из племен массагетского союза, оставшимся на месте древних своих кочевий в низовьях Сыр-дарьи; тохарами оставлены здесь богатые памятники так называемой «джеты-асарской культуры», исследованные Толстовым в 1946 и 1948 гг. Термин «тохар», по его мнению, составлен из древнего этнического термина «даха» (упоминается Геродотом, а во II в. Аррианом) и тохарского суффикса «р», т. е. из «дахар» получился «тохар».

Наиболее приемлемой представляется гипотеза, согласно которой даха-тохары были именно тем племенем массагетского союза, которое в свое время откочевало в Восточный Туркестан к границам Китая, а затем, под давлением хунну, вернулось и приняло участие в ликвидации греческого владычества в Бактрии. Тогда понятно, почему впоследствии Бактрия стала носить название «Тохаристан».

§ 5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, перечисленные у Страбона народы, завоевавшие Бактрию, являлись родственными друг другу племенами и входили в состав большого массагетского союза. Самое завоевание или разрушение ими Греко-бактрийского царства (подробности которого нам неизвестны) было не чем иным, как завершившимся победой восстанием народов Средней Азии против иноземного владычества.

ГЛАВА IV

КАНГХА, ПАРКАН И ТОХАРИСТАН (II—I вв. до н. э.)

§ 1. ВВЕДЕНИЕ

Наступивший в истории Средней Азии после падения Греко-бактрийского царства период обычно носит название кушанского, по имени того племени, которое возглавило движение юе-чжи.

О событиях этого времени нам известно очень мало, даже по сравнению с теми сведениями, которыми мы обладаем относительно исторических судеб народов Средней Азии в предшествующие периоды. Скупые данные письменных источников в некоторой мере дополняются результатами археологических раскопок и изучением найденного в раскопках вещественного материала, в частности монет. Изучение письменных и вещественных источников приводит к необходимости расчленения этого большого периода на две части—на докушанский период (II—I вв. до н. э.) и на период собственно кушанский (I—IV вв. н. э.). История первого периода должна быть рассмотрена расчлененно, соответственно с наличием трех государственных объединений, которые существовали в этот период на территории Узбекистана и Таджикистана: царство Кангха—наиболее мощное государство, обнимавшее территорию Хорезма, Согда и Чача; Паркан—Фергана («Давань» китайских источников) и Тохаристан («Дахя» китайских летописей), в состав которого входили, кроме собственно Бактрии, Кобадиян и Хутталян (ныне южный Таджикистан) и Сурхандарьинская область в южном Узбекистане.

§ 2. ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Сведения о событиях, происходивших на территории Средней Азии во II—I вв. до н. э., очень скудны и крайне запутаны.

История народов Средней Азии в период после падения Греко-бактрийского царства не нашла себе отражения в античных источниках, единичные указания имеются в Авесте. Основными источниками, дающими немногие, но весьма важные сведения о жизни народов Средней Азии в этот период, являются труды китайских историков Сы-ма Цяня (II—I вв. до н. э.) и Бань Гу (I в. до н. э.).

Основываясь на сведениях, почерпнутых из китайских источников, и дополняя их археологическими данными, историки приходят к тем или иным заключениям относительно судеб народов Средней Азии в этот период: имеются в виду труды В. В. Бартольда и А. Ю. Якубовского, затем соответствующие главы в «Истории СССР», 1939, написанные С. П. Толстовым и А. Н. Бернштамом, а также другие статьи этих авторов. Зарубежные историки лишь попутно касаются вопросов, связанных с данным периодом (Ремюза, Клапрот, Франке, Томашек, Карлгрэн и др.).

§ 3. КАНГХА

Ввиду большого значения, которое имело государство Кангха (по китайским источникам «Кангюй»), и его ведущей в то время роли, «докушанский» или «ранне-кушанский» период называют обычно периодом кангхским или кангюйским.

Китайский историк Сы-ма Цянь, использовавший в своей хронике отчет китайского посла и путешественника Чжан Цяня, побывавшего в последней четверти II в. до н. э. в Средней Азии, сообщает между прочим и о кочевом государстве Кангюй или Кандзюй, «в обычаях сходном с юе-чжи», то есть с массагетскими племенами. У античных авторов о государстве Кангха не упоминается, но о нем говорится в Авесте, а также в Махабхарате (индийский эпос на санскритском языке, сложившийся во II тысячелетии до н. э. и оформленный в период между IV в. до н. э. и IV в. н. э.), в которой наряду с саками и тохарами упоминаются и «канки».

В более поздних пехлевийских текстах (VI—IX вв.) упоминается крепость Кангдес, находившаяся, якобы, на границе обетованной земли Эран-ведж, т. е. Хорезма. Кангдес, по преданию, был основан Сиявушем в области Бахар (вероятно, позднейшая Бухара), где, по данным Наршахи, находилась могила Сиявуша, основателя Бухары. Упоминается Кангдес (т. е. крепость Канг) и в Шах-намэ (X в.), где описываются опоясывающие эту столицу туранского царя Афрасиаба семь стен разной расцветки (повторение геродотовского легендарного описания Экбатаны). Один из ранних исследователей вопроса о Согде — Томашек (1877 г.) отождествлял Кангдес с городом Пайкендом в Бухарской области. В. В. Бартольд отмечал, что уже во II в. до н. э. Кангхе были подчинены все страны к северу от Аму-дарьи, а именно Бухара, Шах-рисябз, Кушания (район Катта-кургана), Ташкентский район и северная часть Хорезма с Ургенчем.

Правильность отождествления Кангхи с Хорезмом подтверждается, по С. П. Толстову, следующими соображениями: античная и древнеперсидская традиции знают Хорезм, не зная Кангхи; китайские летописи и индийский эпос знают Кангху—Кангюй—Канку, не зная Хорезма, тогда как местная традиция (Авеста и пехлевийские тексты) знает и Хорезм и Кангху; С. П. Толстов из этого заключает, что Хорезм и Кангха одно и то же. В Авесте к тому же имеется указание, что Кангха находилась там же, где город Урва (Ургенч, главный город Хорезма). Исходя из всего вышесказанного, а также из добавочного указания китайских историков на то, что Аньси (Парфия) на севере граничила с Кангюем, С. П. Толстов высказывает предположение, что в состав государства Кангюй входил почти весь Узбекистан (кроме Ферганы и Сурхандарьинской области) с Кара-Калпакией, а также Югозападный Казахстан.

Таким образом, легендарное Хорезмийское государство, считающееся колыбелью зороастризма, и являлось той Кангхой, обитатели которой упоминаются уже в Махабхарате и которую знает Авеста.

При Кире и Дарии Хорезм входил в державу ахеменидов, но в IV в. до н. э. (точная дата неизвестна) стал уже независимым государством. К этому же времени относится начало его связей с сарматскими племенами северного Причерноморья. Свободным оставался Хорезм и при селевкидах и евтидемидах. Около 170 г. до н. э. с ним на каких-то началах соединился Согд, отпавший от Греко-бактрийского царства, а затем и Чач (когда и как неизвестно). Они объединились с Хорезмом в государство, название которого в китайской передаче зву-

чало «Кангюй» и которое ко второй половине II в. до н. э. достигло своего наибольшего расцвета. Ведущими в составе большого кангюйского союза племен были племена сакаравака.

Название «Кангха» («область дельты» или «страна каналов») являлось только политическим термином для обозначения границ государства и никакого этнического содержания в себе не заключало. Китайские источники сообщают, что название правящего дома в государстве Кангюй, а также правителей в Согде, было — «Чао-ву» или «Шао-ву».

Основные события. В середине II в. до н. э. государство Кангха переживало некоторый подъем: когда пало Греко-бактрийское царство, хорезмийцы, видимо, провозгласили себя преемниками «великих царей» Бактрии, судя по хорезмийским монетам, на которых повторяется тип монет Евкратиды и его титулатура, со включением в нее и имени Евкратиды.

Во второй половине II в. до н. э. в Кангхе побывал китайский посол Чжан Цянь, который в 138 г. до н. э. был направлен китайским императором Ву-ди к народу юе-чжи с тем, чтобы побудить их к совместным военным действиям против хунну. Чжан Цянь был захвачен в Восточном Туркестане хуннами и находился у них в плену в течение десяти лет, но затем бежал и продолжал свое путешествие через Кашгар в Давань (Фергану), краткое описание которой он нам оставил. Там ему были даны проводники, которые довели его до области Кангюй и далее в область юе-чжи. Миссию свою Чжан Цянь выполнить не смог, так как юе-чжи ответили ему отказом, «пояснив, что устали воевать и желали бы отдохнуть в занятой ими плодородной стране». Чжан Цянь пустился в обратный путь (через Бадахшан и Памир). В Восточном Туркестане он снова провел в плену один год, а затем в 126 г. вернулся в Китай. Через одиннадцать лет, получив вторично назначение в Среднюю Азию, Чжан Цянь отправился к усуням в район Иссык-куля и оттуда послал в западные страны разведчиков, которые дошли до Парфии и доставили ему различные сведения. В это время южные окраины государства Кангюй, как сообщает Чжан Цянь, находились под гегемонией юе-чжи (владевших Бактрией), а северо-восточные — под гегемонией хуннов. Эти обстоятельства были, очевидно, вызваны временным кризисом. Вскоре, в конце I в. до н. э., Кангха опять переживает подъем; в это время ослабело тохарское царство в Бактрии, распавшееся на пять отдельных княжеств, а среднеазиатские хунны, угрожавшие с северо-востока, в это время вели неудачную для них войну с Китаем. Кангха была втянута в их борьбу, военные действия происходили частично на ее территории, но своей независимости она не утратила. Об этом свидетельствует донесение китайского посла императорскому двору: «Кангюй горд, дерзок и никак не соглашается делать поклонение перед нашими посланниками; чиновников, посылаемых к нему от наместника, сажает ниже усуньских послов».

В этот период в Кангхе, как устанавливает С. П. Толстов, возникает денежное обращение. Чеканка монет начата была, видимо, еще во второй половине II в. до н. э., — когда, вероятно, правители Хорезма приняли титулатуру Евкратиды, — но эти ранние монеты пока еще не обнаружены. К концу I в. до н. э. относятся хорезмийские монеты, известные под названием монет «безымянного царя», с изображением одного из царей Хорезма на лицевой стороне и всадника — на обороте. Надпись представляет собою имитацию титулатуры Евкратиды, но тамга хорезмийцев не оставляет сомнения в том, где эти монеты чеканились. Имени этого хорезмийца мы не знаем, но до нас дошло имя одного из

представителей младшей линии этого дома, правившей, должно быть, в Согде,—имя Герая, прекрасные монеты которого найдены в разных местах, но главным образом в районе Термеза и в других частях Бактрии. Судя по тому, что эти монеты схожи с монетами хорезмийского «безымянного царя» и что титулатура Герая скромнее, С. П. Толстов полагает, что он был правителем, подчиненным Хорезму, и что он сидел, вероятно, в Кушании на Зарафшане. К этому же времени относятся и мелкие серебряные монеты с согдийской надписью, найденные в Согде (Тали-барзу).

На рубеже нашей эры Кангха была подчинена кушанами (так в это время, по ведущему племени, стали называться народы массагетского союза). Войдя в состав государства кушанов (как это произошло—неизвестно), Кангха сохраняла известную самостоятельность и своего лица не теряла, так как (по китайским источникам) в это время она подчинила себе народы яньцай (аорсы-аланы) и другие племена, продолжая, таким образом, начатую ею ранее колонизацию Поволжья, Предкавказья и южного Приуралья. Этим и должно объясняться нахождение на территории Урала ранних хорезмийских монет, а также серебряных предметов, связанных с культурой Хорезма—Кангхи.

Социальный строй. Во II—I вв. до н. э. продолжался начатый в III в. до н. э. процесс развития патриархально-рабовладельческих отношений. На территории Кангхи в это время имелось большое количество старых и новых городов, в которых развивались ремесла и шла оживленная торговля, поддерживались старые ирригационные сооружения и строились новые. Развитая монетная система и налаженное к концу этого периода денежное обращение говорят о сдвигах в экономической жизни. Но в то же время наблюдаются и пережитки общинно-первобытного строя, которым еще долго суждено было сопровождать процесс закономерного развития общества, его перехода от одной стадии к другой.

Интересный материал в этом отношении дают археологические памятники и, в первую очередь, результаты раскопок крепости Джанбаскала в правобережном Хорезме, производившихся под руководством С. П. Толстова в 1938 и 1939 гг. Крепость эта—прямоугольная в плане, размером 200×170 м, обнесена двойными стенами из сырцового кирпича высотой 10—11 м, толщиной 1—1,30 м. Внешние стены, снабженные сплошным рядом узких бойниц, не имеют башен. Внутри крепости от ворот идет широкая улица, как бы делящая город на два квартала, в каждом из которых имеется около 200 сообщающихся между собой комнат. С. П. Толстов усматривает в этом указание на дуальную организацию родовой общины, на существование двух экзогамных фратрий (пережитком этой организации, говорит он, являлся обычай организации ритуальной борьбы городских жителей в день Науруза, существовавший в домусульманской Фергане). В конце улицы, на возвышении, имеются остатки здания—общинного святилища огня, с овальным возвышением для металлического жертвенника и с толстым слоем уплотненной золы. При храме находилось помещение для трапез (судя по найденным здесь остаткам костей), в чем С. П. Толстов усматривает следы упоминаемых Бируни коллективных трапез в домах огня.

Религия, культы, быт. В кангюйский период, как и в предшествовавшее время, существовали различные религиозные верования: зороастризм, зародившийся, как полагают, на территории древней Кангхи—в Хорезме, что подтверждается храмами огня в Джанбаскала и в Тешиккала; культ Анахит, судя по большому количеству находимых фигурок, изображающих эту богиню; культ Митры, воплощенного в образе коня, большое количество глиняных изображений которого тоже най-

дено в Хорезме. Существовал также культ Сиявуша, и с ним С. П. Толстов связывает сюжет, изображенный на одном из серебряных блюд Эрмитажа (осада крепости).

О быте и нравах кангюйцев письменные источники сообщают, что обычаи их были тождественными с обычаями великих юе-чжи (т. е. массагетов) и народов яньцай (аланов), что лишний раз подтверждает этническую близость этих народов между собою.

Одним из больших достижений этого времени в области военной техники на территории Средней Азии является, по С. П. Толстову, связываемый с культурой Кангхи новый тактический прием, получивший потом широкое распространение, а именно: применение в бою сомкнутого строя одетых в тяжелые панцири всадников, на одетых в броню конях; вооружение их состояло, кроме лука, из копья и длинного меча.

Вещественные памятники. Хотя материальная культура Кангхи еще очень слабо изучена, все же на территории каждой из входивших в это государство областей археологическими изысканиями выявлены те или иные памятники, в совокупности дающие некоторое представление о характере ее крепостной архитектуры, керамике, монетах и пр.

На территории Хорезма к данному периоду относятся круглые в плане городища Кой-крылган-кала и Малый Кырк-кыз, а также нижний слой Топрак-кала; на территории Согда—второй и третий слои Тали-барзу под Самаркандом, где крепостные стены защищены, как в Джанбас-кала, не башнями, а системой густо расположенных узких бойниц. В Тали-барзу, между прочим, найдены глиняные кувшины ярко выраженного эллинистического типа (с головками под ручкой) местной работы.

Поселения и погребения того времени были вскрыты на территории древнего Чача, а именно, на трассе Южного Ташкентского канала, где во время работ в 1940 г. А. И. Тереножкиным были раскопаны катакомбные семейные погребения III—I вв. до н. э.; из находок особый интерес представляют глиняные сосуды—кувшины с ручками в виде фигуры барана. На значение и связь этих кувшинов с соответственными сосудами Северного Кавказа и Причерноморья впервые указал еще в 1936 г. Г. В. Григорьев, а затем и Л. А. Мацулевич, обосновавший связь этих фигурных ручек с древнейшими религиозными представлениями народов Средней Азии и смежных стран. В XIX в. в таких же катакомбных погребениях были обнаружены такие же кувшины, причем найдены они были в курганах около Ташкента.

А. И. Тереножкин и С. П. Толстов относят к кангюйскому периоду поселения Каунчи-тепе в Янгиюльском районе, раскопанные Г. В. Григорьевым в 1934—1937 гг. и относимые им к более ранним культурным периодам. Сюда же должны быть отнесены те же, раскопанные тоже Г. В. Григорьевым на правом берегу Чирчика.

Монета «безымянного царя», найденная в 1940 г. на Топрак-кала, дает представление не только о высокой технике чекана, но и о владении портретным искусством, об умении передать индивидуальные черты лица и о мастерстве, с которым голова вписана в круг и передана моделировка лица. Мастер хорошо знал греко-бактрийские монеты, судя по повторению некоторых композиционных приемов, но резал пунсон хорезмиец, греческого алфавита не знавший.

§ 4. ПАРКАН — ДАВАНЬ (ФЕРГАНА)

Паркан (Фергана) представлял собою отдельное государственное объединение, которое в китайских источниках носит название «Давань».

Политические границы его в это время были, вероятно, шире географических.

Вопрос о том, входил ли Паркан в состав ахеменидского государства и Греко-бактрийского царства, считается еще не решенным. Выяснению этого вопроса могли бы помочь следующие соображения. Упомянутым в надписи Дария сакам-тиграхауда и сакам-хаумаварка соответствуют в перечне Геродота названные рядом «ортокорибантии» («с прямыми шапками») и «парикании». Ортокорибантии, как говорилось выше, отождествляются с саками-тиграхауда, а название «парикании» напрашивается к отождествлению его с саками-хаумаварка, обитателями Паркана (Ферганы) и Памира. Страна, в которой обитали парикании, могла именоваться «Паркан» (название это засвидетельствовано пехлевийским текстом), и этот термин «Паркан» мог лечь в основу наименования «Фергана». Если принять эту гипотезу, то ответ на вопрос о взаимоотношениях между Парканом и ахеменидскими царями мог бы быть таким: Паркан—Фергана являлся «союзником» ахеменидов и зависимость его выражалась в ежегодной дани или дарах.

Не исключена возможность, что Паркан на каких-то основаниях был связан и с Греко-бактрийским царством, но определенных фактических данных для этого у нас пока нет. Как бы то ни было, но в половине II в. до н. э. Паркан являлся независимым государственным объединением.

Борьба с Китаем. История Паркана в этот период нам неизвестна. Археологические работы типа хорезмских здесь еще не производились, вещественные памятники представляют собою случайные находки, свою монету правители Паркана в этот период не чеканили. Единственным материалом, которым мы располагаем, является рассказ Чжан Цяня (у Сы-ма Цяня) о посещении им Давани и другие отрывочные упоминания в китайских источниках.

В период 104—101 гг. до н. э. китайские войска в два приема вторгаются в Паркан. Первый поход закончился разгромом китайских войск, которым оказалось не под силу сломить сопротивление укрепленных поселений. Выступив во второй поход с силами в 60 000 человек, китайцы в 101 г. осадили город Эрши (городище Мархамат около селения Араван). Так как им никак не удавалось взять цитадель, они отвели воду от города, но защитники цитадели стали тогда набирать воду из вырытых ими колодцев. Наконец, жители Эрши пригрозили китайцам, что призвут на помощь кангюйцев. Угроза подействовала. Китайцы согласились уйти, если им будет выдано некоторое количество «небесных» и иных лошадей. Даваньцы убили правителя (который, видимо, противился выдаче коней) и выполнили требование китайцев, предоставив им несколько десятков «небесных» коней и 3000 других лошадей. Тогда китайцы «старого даваньского вельможу Моая, хорошо обращавшегося с китайскими посланниками, поставили даваньским государем, заключили клятву с ним и прекратили войну; при всем том китайцы не могли вступить в город и пошли в обратный путь».

Из этого рассказа видно, что в Эрши имелся правитель, но возглавлял ли он весь Паркан или являлся местным князем—неизвестно: слова Чжан Цяня о том, что Давань и Дахя (Тохаристан) во всем схожи, дают основание полагать, что и в Паркане каждый город имел своего князя.

Занятия населения. Чжан Цянь, говоря о своих впечатлениях от стран Давань и Дахя, ставит между ними знак равенства в смысле

общности культурного уровня, нравов и обычаев. Из этого следует, что и в Паркане он застал оседлое население, земледельческие достижения которого его поразили. Наряду с оседлым земледельческим населением в степных районах Паркана имелось, конечно, и кочевое население, о мастерстве которого в конной стрельбе из лука Чжан Цянь вскользь упоминает.

Земледельческое население занималось разведением различных культур—ячменя, риса, люцерны, винограда, умело сохранять вино в больших глиняных хумах на протяжении многих лет. «В даваньском владении везде делают виноградное вино. Богатые дома запасают его в больших количествах, и оно несколько десятков лет хранится без порчи». Археологические данные подтверждают это письменное свидетельство.

После посещения Давани, Чжан Цянь ознакомил Китай с культурой люцерны и винограда; китайские историки с его именем связывают также появление в Китае культур граната, огурца, грецкого ореха, фигового дерева и пр.

В Давани Чжан Цянь уделил много внимания особой породе местных коней, якобы потевших кровью и считавшихся происходящими от «небесных» коней. Даваньский владетель Чаньфын условился с китайским двором ежегодно предоставлять ему по паре лошадей «небесной» породы. С этим Чжан Цянь уехал, а через 25 лет, как говорилось выше, осада города Эрши китайцами закончилась только тогда, когда даваньцы согласились на предоставление врагу нескольких десятков «небесных» коней, из чего можно заключить, как высоко они ценились.

Упоминая различные культурные достижения, Чжан Цянь отмечает ряд черт, говорящих об известной технической и политической отсталости населения Давани, а именно о его неумении выделывать предметы из железа и отсутствии монет местного чекана.

По китайским данным, народонаселение Давани состояло якобы из 60 000 семейств (всего 300 000 душ), а войско из 60 000 человек, вооруженных луками и копьями и искусных в стрельбе с коня.

Города и торговля. Китайские источники говорят, что в Давани имелось около 70 больших и малых городов, что владетель сидел в городе Гушан («Ю-чен» китайских источников, повсей вероятности, селевкидская «Антиохия в Скифии», нынешний Узген). Упоминается в китайских источниках и город Эрши (ныне Мархамат у селения Араван, где были обнаружены наскальные изображения лошадей). Исследованиями А. Н. Бернштама установлены два типа поселений в древней Фергане, а именно общинные городища (китайск. «чэн та») и одиночные усадьбы (китайск. «уши»).

К числу семидесяти больших и малых городов, которые отметил Чжан Цянь, мы вправе отнести и большие поселения, представлявшие собою комплексы усадеб, обнесенных общей стеною, т. е. тот тип поселения, который был открыт раскопками в Аяз-кала в Хорезме.

Чжан Цянь рассказывает, с какой радостью встретило его местное население, до этого тщетно пытавшееся наладить торговые связи с Китаем. Только что установившийся «шелковый путь» должен был проходить и через Фергану; население ее занималось многими видами ремесел, обмен продукции которых на шелк и другие китайские товары сулил хорошие барыши.

Стремлению к установлению торговых сношений с соседними странами должно было содействовать и отличное состояние тех дорог, по

которым Чжан Цянь ехал и которое он особо отметил в своем отчете. Если допустить гипотезу о вхождении Ферганы в состав ахеменидского государства, где вся территория была покрыта прекрасно оборудованными почтовыми дорогами, то можно предполагать, что дороги в Фергане были проложены еще при персах, а затем могли быть поддерживаемы греческими правителями Бактрии, если Паркан с ними был связан.

§ 5. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ. ЯЗЫК. ОБЫЧАИ

Социально-экономический строй Паркана сохранял такие же черты патриархально-рабовладельческих отношений, что и в Кангхе. Чжан Цянь неоднократно повторяет, что в политическом устройстве, в обычаях и в языке Давань и Дахя (Тохаристан) были близки между собою, из чего следует, что парканцы говорили на своем наречии, понятном соседним народам. Женщины пользовались в Паркане особым почетом и играли большую роль в обществе, сохранившем черты матриархального строя, пережитки которого еще долго давали о себе знать в жизни народов Средней Азии.

§ 6. ТОХАРИСТАН-ДАХЯ

Третьим самостоятельным государственным объединением на территории Узбекистана и Таджикистана во II—I вв. до н. э., о котором сообщают те же китайские источники, был Тохаристан—«Дахя» китайских источников. Тохаристаном эту территорию стали называть несколько позднее, но, исходя из того, что властителями Бактрии после падения ее греческих правителей стали тохары, представляется целесообразным применять к ней, начиная со второй половины II в. до н. э., название «Тохаристан».

В состав Тохаристана, кроме территории древней Бактрии на левом берегу Аму-дарьи, входило и правобережье ее до Хисарского хребта, от есть нынешние Сурхандаринская область Узбекистана и районы южного Таджикистана.

После того, как юе-чжи (четыре массагетских племени) покончили с греческим владычеством в Бактрии, ведущую роль на занятой ими территории стали играть тохарские племена, незадолго до этого вернувшиеся из Восточного Туркестана. Этим, вероятно, и объясняется, что название новообразованного на территории Бактрии царства в китайской передаче звучало—«Дахя», получившееся от «тохар»—«дахар».

После одержанной ими победы тохарские племена поселились на правом берегу Аму-дарьи,—«юе-чжи утвердили свое местопребывание на северной стороне реки Гуйшуй» (Аму-дарьи), говорится у китайского историка. Птолемей, основываясь, вероятно, на данных Трога Помпея (начало I в. до н. э.), тоже сообщает, что в северной части Окса (т. е. на правом побережье Аму-дарьи) Бактрию заселяет среди прочих народов «большое племя тохаров». Птолемей в другом месте сообщает, что тохары живут и «в северной части Яксарта» (между низовьями Сыр-дарьи и окраиной пустыни Кызыл-кум). Отсюда ли откочевали в свое время в Восточный Туркестан племена, которые впоследствии совместно с другими массагетскими народами освободили Бактрию от иноземцев, мы утверждать не можем. Во всяком случае, вернувшись, они осели в Бактрии на правом берегу Аму-дарьи и там-то их и застал в 126 г. до н. э. Чжан Цянь. Он следующим образом опре-

деляет место их пребывания: «К западу от Давань на две—три тысячи ли, к северу от Гуйшуй, на юг от них находится Дахя, на запад от них—Аньси (Парфия), а на север от них находится Кангюй». Таким образом, четко обрисовываются границы, включающие в себе Сурхандарьинскую область Узбекистана, Кобадиян (Южный Кафирниган) и Хутталян Таджикистана.

Чжан Цянь продолжает называть общим именем «великие юе-чжи» эти тохарские племена, которые поставили свой княжий двор на правом берегу Аму-дарьи. Эти-то племена и отказали Китаю в помощи против хуннов, за которой приезжал к ним Чжан Цянь. Едва ли он ездил за этой помощью к населению левобережной Бактрии, ослабленной длительными войнами; обращение за помощью могло относиться только к недавним соседям китайцев, к вернувшимся из Восточного Туркестана племенам бывшего большого массагетского союза—тохарам.

Чжан Цянь отмечает также, что первоначально они были кочевниками и частично продолжали ими оставаться. На основании его же рассказа можно составить себе приблизительно следующее представление о политическом строе Дахя. После ликвидации иноземной власти юе-чжи—тохары на территории Бактрии единого государства не создали. Источники говорят, что «Дахя не имеет верховного главы, каждый город управляется своим князем» и что «в Дахя имеется пять княжеских домов» (об этом см. в след. главе).

У Чжан Цяня нет никаких указаний, на основании которых можно было бы сделать заключение о социально-экономическом строе населения Дахя. Но у нас имеются все основания полагать, что здесь продолжались, медленно видоизменяясь, отношения, которые существовали в это время в Кангхе и в Паркане, т. е. шло дальнейшее развитие патриархально-рабовладельческого строя.

Чжан Цянь обратил внимание на то высокое положение, которое женщина занимала в Дахя и Давани: «Мужья в своих решениях руководствуются советами своих жен». Отмеченное Чжан Цянем положение, вызвавшее различное толкование в среде западноевропейских ученых, является не чем иным, как уже известным нам у ряда среднеазиатских народов пережитком матриархального строя, дольше всего сохранившимся у народов, входивших в массагетский союз племен.

Что касается населения, его занятий и обычаев, то китайские источники сообщают следующее: «В Дахя (т. е. на территории Бактрии) ведут оседлую жизнь, имеют города и дома, в обычаях сходятся с даваньцами; войска их слабы, робки в сражениях (выше говорится, что бактрийцы к тому времени были ослаблены войнами, которые велись Бактрией более ста лет. К. Т.). Жители искусны в торговле. Народонаселение в Дахя доходит до одного миллиона. Столица называется Ланьши. В этом городе есть базар с различными товарами».

С жизнью и деятельностью города связаны вещественные памятники, изготовленные в то время на территории Тохаристана, но, в результате торговых сношений, нашедшие себе путь в далекую Северную Монголию. Здесь, в могильнике Ноин-ула найдены замечательные шерстяные вышивки (завесы) с изображением процессий всадников, которые могли быть изготовлены только на территории Тохаристана во II—I вв. до н. э., судя по типу людей и их тохарскому костюму, а также по эллинистическим орнаментальным полосам, украшающим эти завесы.

§ 7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хотя у нас и отсутствуют четкие фактические данные, все же имеются основания полагать, что к началу нашей эры среди народов Средней Азии процесс сложения патриархально-рабовладельческого общества был близок к завершению (у одних народов—в большей степени, у других—в меньшей).

II—I вв. до н. э. были ознаменованы и тем, что в этот период народы Средней Азии вступили в более оживленные сношения с соседними народами (население Восточного Туркестана, Китая, усуни, хунны), причем эти отношения носили и политический и торговый характер.

ЧАСТЬ IV

Развитое рабовладельческое общество
(I—VI вв.)

ГЛАВА I

КУШАНСКОЕ ЦАРСТВО (I—IV вв.)

§ 1. ВВЕДЕНИЕ

Кушанский период в истории народов Средней Азии назван по имени одного из родов тохаров, входивших в состав юе-чжийского (массагетского) племенного союза. Китайские летописи сообщают, что племена юе-чжи в Тохаристане разделились на 5 княжеских домов: Хюми, Шуанми, Гуйшуан, Хисе и Думи. По прошествии ста с небольшим лет князь Гуйшуана (Кушана) Киоцзюкю (Кадфис) объявил себя государем под названием гуйшуанского (кушанского). Он начал воевать с Аньси (Парфия), уничтожил Пуду (Паропамисады, к югу от Гиндукуша) и Гибинь (область Кабула) «и овладел землями их».

Кушанский период, охватывающий время от самого конца I в. до н. э. и до половины IV в. н. э. может быть расчленен на: 1) время ранних кушанов (Кадфис I и Кадфис II), деятельность которых связана преимущественно с территорией Средней Азии и 2) время Канишки и его преемников, перенесших свой политический центр в северозападную Индию.

§ 2. ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Отрывочные сведения скудных источников позволяют только в самых общих чертах воссоздать историческую картину этого интереснейшего периода. Письменными источниками являются античные авторы Страбон и Птолемей, затем китайские летописи, упоминавшиеся в предыдущих главах, и «История младшего дома Хань» (III в. н. э.), а для времени, начиная с Канишки,—так называемые согдийские документы и, наконец, эпиграфические памятники письмом карошти. Среди вещественных источников основными являются монеты, надписи и изображения на которых дают возможность установить целый ряд явлений внутренней жизни кушанского государства. Результаты раскопок в Хорезме, Согде, Термезе и Индии, изучение археологического материала и памятников искусства этого времени также проливают некоторый свет на культурную жизнь кушанского периода.

Трудов, посвященных специально среднеазиатскому периоду истории кушанского царства, пока не имеется. В русской дореволюционной и советской историографии отдельных сторон этого периода касаются в своих работах В. В. Бартольд, главным образом в «Истории культурной жизни Туркестана» (Ленинград, 1927), К. А. Иностранцев,

М. Е. Массон, А. Ю. Якубовский, С. П. Толстов, А. Н. Бернштам и А. И. Тереножкин.

Из трудов зарубежных ученых следует назвать устаревшие работы Тсмашека и статьи Пеллио, Халуна, соответственные разделы «Кембриджской древней истории» и отдельные страницы книги Тарна «Греки в Бактрии и в Индии».

§ 3. ОСНОВНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ

Годы царствования Куджулы Кадфиса (Кадфис I) охватывают период от самого начала и до половины I в. н. э. (он жил более 80 лет). За это время он подчинил себе бассейн реки Кабул и область Кашмира (древние Паропамисады), а также страну за Хисарским хребтом—царство Кангха (включавшее в себя Хорезм, Согд и Чач), несколько ослабевшее к этому времени вследствие борьбы с хуннами и Китаем.

Судя по китайским источникам и монетам, Кангха, будучи в составе кушанского царства, сохраняла известную самостоятельность и была с ним связана династически: на монетах тамга хорезмийских царей и тамга кушанских царей оказываются очень близкими (С. П. Толстов).

Кушанская держава при Кадфисе I простиралась от Хорезма и Согда до Инда и от Памира до Парфии. Мы не располагаем достаточными данными, которые позволили бы установить политический центр этих обширных владений, но все же имеются основания полагать, что после присоединения Кангхи Куджула перенес свою столицу за Хисарский хребет, а именно в Кушанию, на Зарафшан (район Катта-курмана), видимо, чтобы крепче связать себя с присоединенными странами.

Выше говорилось, что монеты хорезмийских царей представляли собой подражание монетам греко-бактрийского царя Евкратиды. То же самое можно сказать и относительно монет Кадфиса I, которые являлись подражанием монетам одного из последних греко-бактрийских царей—Гермея. Новая династия в лице Кадфиса этим как бы устанавливала какую-то преемственность между собою и греко-бактрийскими царями. С этим связано, очевидно, и то обстоятельство, что монеты Кадфиса I снабжены греческими надписями, в которых значится его имя.

Преемник Куджулы, Кадфис II, по имени Вима, правил от 51 до 78 г. Продолжая завоевательную деятельность своего отца, он подчинил себе Индостан до Бенареса и положил таким образом конец господству последних потомков греческих царей, продолжавших править в Индии после падения Греко-бактрийского царства. Как и его отец, Кадфис II не перемещал своего политического центра и продолжал сохранять свою столицу в Согде.

Монеты Кадфиса II отличаются от монет его отца правильными греческими надписями, причем изображение на них бога Шивы говорит о новых религиозных представлениях и образах, которые в эту эпоху, после присоединения части Индии, повидимому, проникли на территорию Средней Азии. Монеты его находят в самых различных районах.

Таким образом, время с самого начала I в. н. э. и до 78 г. н. э. является периодом возвышения кушанов и их новой империи, возникшей на месте Греко-бактрийского царства и царства Кангха, периодом их экспансии на север и на юг; тем не менее, центром их державы продолжает оставаться Согд.

Наивысшего расцвета кушанская держава достигает при «царе царей» Канишке, время царствования которого вызывает много споров среди ученых; наиболее вероятно, что он являлся преемником Вимы Кадфиса и правил с 78 по 123 г.

Правлением Канишки начинается новый этап в истории кушанского периода: рост экспансии на восток, расширение и укрепление власти в Индии, перенесение столицы в северозападную Индию, в Пешавер, придание кушанскому государству значения мировой державы.

Завоевательная деятельность кушанов не могла не беспокоить Китай и привела к войне, вначале неудачной для Канишки. Поводом к войне послужили следующие обстоятельства. Вместо ответа на сватовство Канишки к китайской принцессе (вызванное, вероятно, политическими соображениями) кушанское посольство было арестовано. Тогда Канишка отправил на территорию Восточного Туркестана армию в 60 тысяч человек, но она потерпела поражение. После этого Китай подчинил себе города-оазисы Восточного Туркестана и, частично, Фергану и Кангху. Но положение это носило временный характер; Фергана и Кангха, видимо, скоро воссоединяются с кушанским царством, а в 105 г. от Китая отпадают города-государства Восточного Туркестана, с которыми Канишка вел тайные переговоры. К концу царствования Канишки Хотан, Кашгар и Яркенд входят уже в состав его государства.

Канишка вступил в сношения и с Западом, судя по тому, что в 99 г. в Рим прибыло кушанское посольство. Римские писатели (III—IV вв.) сообщают о кушанских посольствах (называя их бактрийскими), которые появлялись в Риме в первой половине II в. и, между прочим, при императорах Адриане и Антонине Пии. Не исключена возможность, что в связь с этими посольствами следует поставить изображение кушанов на рельефах, украшающих знаменитую колонну Траяна в Риме (II в.). Эти сношения объясняют, почему на территории кушанского царства находят теперь такое большое количество римских монет. Нахождение же кушанских монет в Прикамье свидетельствует об оживленности сношений кушанов и с Восточной Европой.

Преемники Канишки, цари Хувишка и Васудева (Васишка), продолжали политику Канишки, но, теряя былую связь кушанских царей со Средней Азией, становились все больше царями Индостана и индизировали кушанскую культуру.

Дальнейший период истории кушанского царства почти никак не освещен. Весьма вероятно, что оно распалось уже в III в., когда кушанские цари Индии перестали быть политически связанными с кушанскими царями, сидевшими в Согде. В этот период от кушанов отделяется и становится независимым государством Хорезм. Сасанидский Иран в то же время отторгает у кушанов Маргиану, которая передается в управление сасанидскому наследнику, носящему титул «кушаншаха».

В конце IV в. кушанская держава окончательно гибнет под напором племен или народов, которых называют и хионитами, и кидаритами, и эфталитами, и обобщающим эти племена именем «белые хунны».

Никаких фактов, связанных с периодом распада кушанской державы, источники не донесли, и только раскопки смогут пролить свет на эту самую темную эпоху в истории Средней Азии (III—IV вв.).

Исключением является Хорезм, где результаты раскопок и изучение монет дают уже некоторое представление о ходе жизни в тот период. Обособился Хорезм, вероятно, в III в., а в IV в. здесь воцарился

Африг. Он положил начало династии афригидов, которая, судя по там-гам на монетах Африга, находилась в династическом родстве с кушанскими царями.

§ 4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ

В жизни народов Средней Азии в этот период должны были произойти большие сдвиги, вызванные рядом фактов: образованием громадного централизованного государства, частыми и длительными войнами, в результате которых увеличивался приток рабов-военнопленных, ростом городов и международным характером торговых отношений. Все это вместе взятое дает основание полагать, что ко времени Канишки общественные отношения уже приняли форму сложившегося рабовладельческого строя. Но и в этот период кушанское царство, «одна из величайших империй в истории человечества» (как ее назвал один из исследователей), продолжало сохранять известные черты древней военной демократии; не изжиты были также некоторые особенности быта.

Сдвиги в общественном строе сказались в изменении типа поселений. Вместо укрепленных общинных поселений, характерных для предыдущих периодов, теперь, как показали раскопки в Хорезме, появляются неукрепленные деревни; они состоят из отдельных больших усадеб, в которых обособленно жила патриархальная семья, причем выделяются своими размерами усадьбы знати (Аяз-кала № 3 и др.).

В городах сохраняются еще большие общинные дома-кварталы, а также цитадель-замок правителя (Топрак-кала).

Сдвигами в общественном строе объясняется и размах ирригационных работ (и в связи с этим расширение территории оазисов), которые могли быть осуществляемы только при условии увеличения контингента рабов. Как показали археологические работы последнего десятилетия в Хорезме (С. П. Толстов), Термезе (М. Е. Массон), Согде (В. А. Шишкин) и Фергане (М. Е. Массон), следы наиболее крупных и значительных каналов восходят именно к кушанскому времени.

§ 5. ТОРГОВЫЕ СНОШЕНИЯ

Торговые сношения с Китаем, начатые еще в конце II в. до н. э. по «великому шелковому пути», в кушанский период должны были принять более широкие размеры в связи с ростом городской жизни и теми общественными сдвигами, которые произошли в жизни среднеазиатских народов. Состав стран, входивших в кушанскую державу, определял направление торговых связей: на востоке—с Китаем, через присоединенные города-оазисы Восточного Туркестана, на юге—с Индией, частично подчиненной кушанам; на западе—через Иран с Сирией и Римом, на севере—через Хорезм и страну аланов—с Восточной Европой.

Древнейший маршрут торгового пути, соединявшего Запад с Центральной Азией, описан у Птолемея, со ссылкой на Марину, географа начала II в., и македонского купца Маэса. Путь этот «от Евфрата до Каменной башни» шел через Месопотамию, а оттуда в Экбатану в Мидии—Гекатомпилы в Парфии—Антиохию в Маргиане (Мерв)—Бактру в Тохаристане, а отсюда на север—через Комедские горы к Каменной башне и «в страну серов» (т. е. Китай).

Если считать, что «Каменная башня» не что иное, как Ташкент (Бируни), то Комедскими горами мог быть назван Хисарский хребет,

Большинству исследователей представляется, однако, более вероятным, что от Бактры путь шел по Вахшу, Каратегину к Алайской долине на Яркенд и что «Каменная башня» находилась у выхода из гор в долину Алая.

По этому пути из Китая везли главным образом шелк, причем торговля велась, видимо, в больших масштабах и давала значительные прибыли. Посредниками между китайцами и Западом в торговле шелком стремились стать парфяне, но на это же претендовали и согдийцы, что приводило к большим осложнениям во взаимоотношениях между ними.

Китайские источники называют «шелковый путь» — «южной дорогой» и упоминают еще «северную дорогу», которая из Китая вела через Кашгар на Давань—Кангюй—Яньцай и Янь, то есть через Фергану, Чач, Согд и Хорезм в страну аланов и южное Приуралье. Китайские источники обычно называют большие торговые караваны посольствами; они состояли из нескольких сот человек и проводили в пути туда и обратно по восемь—девять лет.

Существовал еще путь в Сибирь из Китая через Кашгар—Ташкент—Чимкент—Тараз (Джамбул) к Иссык-кулю.

В Индию путь шел, как и во времена Страбона, через Бактру и Ортоспану (район Кабула); на запад индийские товары возили и по Аму-дарье (Страбон), причем из долины Кабула до Аму-дарьи товары можно было доставить в семь дней (Плиний).

Общий подъем в политической и экономической жизни обусловил и так называемую согдийскую колонизацию, а именно основание согдийцами торговых колоний в Семиречье и в Восточном Туркестане. Колонии эти своей связи с Согдом не теряли и наибольшего расцвета достигли в последующий период.

§ 6. ЯЗЫК. ПИСЬМО

Оживленная торговая жизнь и колонизационная деятельность обусловили широкое распространение грамотности и письма. Из языков, бывших в употреблении, следует в первую очередь назвать местные диалекты иранских и скифских языков, на которых, как и в предшествующие периоды, говорили и понимали друг друга от Памира до Парфии. Не вышли еще из употребления арамейский и греческий языки и их письмо. Выросшее на основе арамейского, согдийское и хорезмийское письмо (на монетах, печатях, серебряных предметах и в документах) было в это время широко распространено. Древнейшая известная нам согдийская надпись (конца I в. до н. э.) была найдена в Тали-барзу (Согд): четыре знака, нацарапанные или вырезанные на обломке глиняного сосуда.

Ко II в. относятся знаменитые «согдийские письма», а именно найденная в Дунхуане (Восточный Туркестан) переписка между матерью, жившей в Самарканде, и дочерью—в Друане (Дунхуан), где существовала основанная самаркандцами согдийская колония. Переписка эта дает представление о семейном быте, о высоком культурном уровне среднеазиатских народов, о грамотности и самостоятельности женщин, а, кроме того, является литературным документом своего времени и ценнейшим источником для изучения согдийского языка.

Письмо карошти, распространенное в это время в Индии, на территории Средней Азии было впервые засвидетельствовано во время раскопок в Термезе, когда найден был обломок каменного сосуда с

частью надписи (М. Е. Массон). Кроме того, в это время появилось и кушанское письмо, созданное на основе греческого алфавита, но некоторые знаки его произносились не по-гречески (так, буква «р» произносилась, как русское «ш» в словах «кушан», «Канишка» и т. д.). Кушанские надписи встречаются на монетах, печатях и на отдельных предметах. На монетах, кроме кушанской надписи, обычно имелась и вторая надпись, дававшая индийскую титулатуру письмом «девангагри».

Самый факт существования в это время нескольких систем письма—и арамейского, и согдийского, и хорезмийского, и греческого, и кушанского, и карошти—говорит о высоком уровне культуры и многообразии народов, входивших в состав кушанского царства.

Во время раскопок в Хорезме были найдены в одной из комнат Аяз-калы две костяные палочки с острыми концами и резными головками; по всей вероятности, это—«стили», которыми писали, вдавливая надпись в покрытую мягкой глиной или воском табличку.

Действовавшее тогда в Средней Азии селевкидское летосчисление со времени Канишки было заменено новой эрой, так называемой кушанской эрой, которая вела счет со дня воцарения Канишки в 78 году.

§ 7. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

Как и в предшествовавшее время, в области религии и культов в кушанский период наблюдается (судя по монетам и т. п.) самое широкое сосуществование разных религиозных систем: уже знакомые нам местные культы Митры и Анахит, зороастрийский пантеон (Ормузд, Веретрагна и др.), греческий пантеон (Зевс, Гелиос, Селена и др.), культ местных героев (культ Сиявуша в Хорезме и в Согде), буддизм и, наконец, манихейство, последователи которого, будучи изгнаны из Ирана во второй половине III в., нашли себе приют в Средней Азии.

Считается, что при участии Канишки в 100 г. был созван один из буддийских церковных соборов и на нем обсуждены и установлены основы догматики северного буддизма, который впоследствии распространился в Китай, Тибет, Монголию и Японию. Буддизм нашел некоторое распространение и на территории Средней Азии, судя по тому, что отражения буддийской культуры и искусства на вещественных памятниках того времени наблюдаются и в Хорезме, и в Согде, не говоря уже о Тохаристане. Внедрением буддизма кушанские цари, вероятно, рассчитывали заложить основу для идеологического объединения подчиненных им различных народов, но широкого распространения буддизм в Средней Азии все же не получил.

§ 8. ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ

Во время раскопок в Хорезме выяснилось, что целый ряд городов и замков относится к кушанскому периоду; среди них Базар-кала на правом берегу Аму-дарьи, Гяур-кала—в глубине Кара-кумов, а также Аяз-кала и др. Большой интерес представляют находимые здесь терракотовые и глиняные фигурки, носящие на себе следы воздействия различных культур: изображение богини Анахит в виде обнаженной женщины (типа «Венеры Медичи»), мужская фигурка в типично кушанском одеянии, предметы в форме буддийской ступы и фигурки всадников.

На территории Согда кушанские слои были установлены на городище Тали-барзу под Самаркандом и в районе Китаба; затем около ст. Карши (замок Зохаки-Морон), на пути из Карши в Касан (городище Яр-курган) и др.

Из числа предметов, найденных на территории Согда, к периоду Канишки и его преемников относятся, среди многих других, и знаменитые бия-найманские астодапы (оссуарии—глиняные сосуды для захоронения костей умерших зороастрийцев) и очень большое количество предметов из глины, найденных на Афрасиабе. Это главным образом культовые фигурки, которые изготавливались, по всей вероятности, специально к празднику Науруза (ко дню Нового года) и ежегодно заменялись новыми. Вероятно, этим и следует объяснить множество найденных фрагментов, которые частично представляют собою фигурки без головы, частично же—отбитые головки.

На территории Тохаристана раскопки Термеза выявили расцвет этого города в кушанский период и следы воздействия на него буддийской культуры.

Замечательным памятником скульптуры, относящимся к самому началу кушанского периода, является фриз из Айртама, около Термеза, украшавший наружные стены здания (возможно, буддийского храма); между листьями аканфа изображены полуфигуры юношей и девушек—музыкантов и гирляндоносцев. Имея в отдельных деталях точки совпадения с памятниками Гандхары (северозападная Индия), фриз в целом все же отличается от гандхарских рельефов и по стилю, и по технике выполнения, что свидетельствует о существовании в Термезе местных скульптурных традиций и школы. Во время раскопок в Термезе было обнаружено много глиняных фигур и каменных рельефов кушанского времени—изображений животных и всадников, фигур в местном одеянии, обнаженных фигур, изображений Будды и бодисатв.

К периоду Кадфиса I должна быть отнесена замечательная серебряная культовая чаша с рельефным изображением свадебной сцены: на ковре сидят князь и княгиня, их окружают музыканты-обезьяны, жрец со священной водой в кувшинах и покровитель князя, обожествленный Геракл; тут же происходит сцена заклания кабана, а слуга подносит бурдюк с вином. Интересна одна деталь: форма кубка в руках царя соответствует форме тех тонкостенных кубков, которые характерны для кушанского периода и обнаруживаются в соответственных слоях в Хорезме, Согде, Фергане и Тохаристане.

Кушанские городища, могильники и отдельные предметы (главным образом керамика) были обнаружены во время ирригационных новостроек под Ташкентом, в районе Фархадстроя и в Ферганской долине. Наиболее характерными для керамики этого времени являются тонкостенные сосуды, покрытые красным лаком.

§ 9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кушанский период знаменует собою расцвет мощного и независимого государства, находящегося в оживленных политических и торговых отношениях со всеми восточными и западными культурными странами того времени, но представляющего собою конгломерат различных народов, живших в то время в обстановке развитых патриархально-рабовладельческих отношений.

Кушанская культура, выросшая на древнейших местных корнях, под воздействием новых факторов, новых людей, новых представлений, проникших в Среднюю Азию вместе с возвращавшимися из Китая, Индии и Рима посольствами и караванами, являлась преемницей культуры Греко-бактрийского царства и культуры кангюйской.

Кушанское искусство, в котором местная культура органически слилась с тем, что дало знакомство со смежными народами, в свою очередь оставило глубокий след на культуре Индии (памятники Таксилы и Матуры), Восточного Туркестана (фрески и скульптура Кучи и Карашара) и Восточной Европы (через аланскую среду).

ГЛАВА II

ЭФТАЛИТСКОЕ ГОСУДАРСТВО (V—VI вв.)

§ 1. ВВЕДЕНИЕ

Грань, отделяющая период кушанского владычества в Средней Азии от периода эфталитского, не может быть установлена на данном этапе исследования.

Распад кушанского царства, как говорилось в предыдущей главе, начался еще в III в., когда образовались два политических центра—один в Пешаваре в Индии, другой—в Согде, связанных между собою, вероятно, только династически. В III в. Хорезм возобновляет выпуск своих монет по старым образцам времени кангхского царства, и этим подчеркивает свою независимость. В IV в. кушанские цари в Средней Азии уже не выступают, и ведущую роль начинают временно осуществлять представители другого племенного объединения—хоны или хиониты. К половине V в. завершается сложение нового мощного государства на территории Средней Азии—эфталитского царства, явившегося как бы преемником и продолжателем кушанского царства.

§ 2. ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Основными источниками по эфталитскому периоду являются: труды римского историка Аммиана Марцеллина (IV в.), сообщения писавших на греческом языке византийских историков Приска Панийского (V в.), Прокопия Кесарийского (VI в.) и Феофана Византийского (VI в.), затем сравнительно мало еще использованная сирийская хроника Иешу Стилита (начало VI в.). У сирийского писателя Зеноба Глака (VII—VIII вв.) сохранилось указание, что в его время существовала «история царства эфталитов, написанная по-гречески» (кроме этого упоминания, до нас ничего не дошло). Ряд важных сведений сохранился в трудах армянских историков: Фавста Бузанда (IV в.), Моисея Хоренского и Егише (V в.), Лазаря Парбского (V—VI вв.) и Себеоса (VII в.). К более поздним источникам относятся китайские хроники «Вей-шу» (VI в.) и «Тан-шу» (X в.), а также труды арабского историка Табари (IX—X вв.). Упоминаются эфталиты под тем или иным названием и в поздних частях Авесты, в некоторых пехлевийских текстах и в Шах-намэ Фердоуси.

Из русских востоковедов вопросами, связанными с эфталитами, более или менее углубленно занимались П. И. Лерх и Н. И. Веселовский, В. В. Бартольд, А. Ю. Якубовский, С. П. Толстов и А. Н. Бернштам. Ряд вопросов этого периода освещен также в работах Н. В. Пигулевской.

Среди зарубежных ученых эфталитскому вопросу уделили внимание в своих статьях Шпехт, Друэн, Уйфальви, Маркварт, Шаванн и за последнее время Херман, Везендонк и Мак Говерн.

Несмотря на этот довольно большой перечень работ, целый ряд вопросов, касающихся эфталитов, до сего времени остается невыясненным.

§ 3. ЭФТАЛИТЫ, ХИОНИТЫ

Единой точки зрения по вопросу об этнической природе эфталитов еще не существует, не выяснен окончательно вопрос о взаимосвязанности кушанов, белых хуннов, хионитов, кидаритов и эфталитов, но все же не возникает уже сомнений в том, что все эти названия относятся к родственным между собой племенам.

Эфталиты упоминаются в источниках под различными именами, в зависимости от той или иной передачи их названия на различных языках: китайском—«е-да» или «и-да», армянском—«хептал», «хеттал» и «тетал», арабском—«хайтал» и греческом—«абдел».

В. В. Бартольд приписывал эфталитам иранское происхождение и отличал их от хионитов, которые, по его мнению, могли быть хунно-тюркского происхождения. П. И. Лерх и Н. И. Веселовский отождествляли эфталитов с юе-чжи—массагетами и указывали на связь первоначального ядра эфталитского государства с Хорезмом (Томашек сопоставлял их с сакараваками). Этой точки зрения придерживается большинство ученых и в наше время, усматривая в эфталитах племена приаральских массагетов, возглавленных племенем или родом эфталитов. По мнению С. П. Толстова, эфталиты—потомки приаральских массагетских племен, между I в. до н. э. и IV в. н. э. смешавшихся с проникшими сюда из Семиречья и более восточных районов хуннами и воспринявших в той или иной мере хуннский язык.

Большинство ученых, отождествляющих эфталитов с массагетами—юе-чжи, вернее, видящих в них одно из племен этого союза, основывается, между прочим, и на указании китайской летописи «Тан-шу» (X в.), где говорится о том, что «царство И-да (эфталитское) происходит от больших юе-чжи времени Хань». Кроме этого очень определенного указания, имеются и другие данные, пока исторической наукой не использованные, а именно сведения, которыми располагали современники эфталитов—писатели Армении V—VII вв., непосредственно соприкасавшиеся с этими среднеазиатскими народами во время походов в страну кушанов, где был основан даже армянский город. Армянские историки не различают кушанов и эфталитов, а воспринимают эти два термина, как синонимы.

Самое название «эфталиты» появляется в источниках во второй половине V в. в форме «хептал»—*heptal*—у армянского историка Лазаря Парбского; это наименование подсказывает возможность объяснения его, как имени одного из ведущих массагетских племен, состоявшего из семи родов («хафт, хапт» означает «семь» в иранских языках). Феофан Византийский (VI в. н. э.) сообщает, что царь эфталитов (с правления которого начинается история эфталитов) носил имя Вахшунвара, звался Эфталаном, и что по этому названию племя его получило наименование «эфталитского». Китайская летопись «Тан-шу» (X в.) подтверждает это сведение: «Е-да было родовым именем царя; впоследствии преемники его этим родовым именем стали называть государство». Иначе освещает этот вопрос С. П. Толстов, который усматривает в названии племени эфталитов основу «гвета», соответствующую корню имени массагетов, и окончание «эль» + «и», выводимое им из тюркского «эль»—«народ», «племя» с тюркским же пассивным суффиксом.

Но между кушанским и эфталитским периодами в IV в., на развалинах великого кушанского царства, массагетские племена были временно объединены другим племенем, которое современные им армянские историки IV—V вв. называли «хонами», а византийские—«хионитами». Китайские источники хионитов не упоминают.

Ввиду того, что армянский историк Фавст Бузанд (IV в.), упоминая о событиях, связанных с хионитами, называет их кушанами, можно заключить, что едва ли хиониты резко отличались от кушанов обликом и бытом, если современники их отождествляют. Армянский историк Егише в V веке тоже не различает их, говоря, что сасанидский царь Йездегерд II «напал на земли хонов, которых называют также кушанами». Отождествляет кушанов с хионитами и Лазарь Парбский. Самое название хионитов заставляет предполагать, что какая-то связь между ними и хуннами должна была существовать, чем и объясняется возникновение гипотезы об их хунно-тюркском происхождении (В. В. Бартольд).

Наиболее вероятным является предположение, что хиониты, выделившись некогда из большого массагетского союза, подверглись какой-то ассимиляции с хуннами. Своего физического и культурного облика они при этом не утратили, судя по тому, что западные писатели называют их «белыми гуннами», отмечая белый цвет их кожи, оседлость и культурность по сравнению с кочевыми хуннами (Аммиан Марцеллин и Прокопий Кесарийский).

Впервые хиониты упоминаются в истории в рассказе Аммиана Марцеллина о том, как в 356 г. хионитский князь Грумбат вместе со своим сыном появляется в качестве союзника в свите сасанидского царя Шапура II (309—379 гг.) во время осады города Амиды (Сирия).

В V в. сасанидский царь Варахран V (418—438 гг.) вел упорную борьбу с хионитами, занявшими к этому времени бассейн Аму-дарьи и проявлявшими стремление к все большей экспансии. Одержав над хионитами блестящую победу в районе Мерва (взятая в плен жена хионитского царя была направлена в качестве прислужницы в храм огня в Ганзаке), Варахран V установил с хионитами границу у Талкана (город между Мервом и Балхом), где построил пограничную каменную башню. Острая необходимость в обороне северо-восточных границ от хионитов заставила сасанидского царя Йездегерда II (438—457 гг.) перенести на два года свою резиденцию к северной границе, в новый город Шахристан-и-Йездегерд. За это время он разрушил много замков и городов хионитов и убил их царя, сидевшего в городе Чол на Балханском полуострове (около нынешнего Красноводска). Но во время второго похода в 453—454 гг. Йездегерд был хионитами разбит.

Еще одна племенная группа выделилась в начале V в. из состава бывшего массагетского союза, это—кидариты (китайск. «ци-до-ло»), занявшие Тохаристан и вступившие в борьбу с сасанидским Ираном. Разбитые в сражениях с войсками сасанидов и потеряв своего царя Кидара, они, под предводительством его сына, юного князя Кунхаса (ср. с сакским именем «Скунха»), ушли через Гиндукуш в Гандхару (Пешавар). Существует предположение, что часть их все же осталась в Средней Азии и влилась затем в государство эфталитов; ушедшая же часть подчинила себе государство Гупта в Индии и владела им 75 лет.

Что касается взаимосвязи между хионитами и эфталитами, то она носила, по всей видимости, такой же характер, как и связь между кушанами и хионитами, и этим объясняется, что в сирийской хронике Иешу Стилита (конец V—начало VI вв.) хонами названы представители

того народа, который у Прокопия Кесарийского (конец VI в.) носит наименование эфталитов, причем хиониты не упоминаются. У армянского историка Себеоса (VII в.) наблюдается такое же отождествление эфталитов, но не с хионитами, а с кушанами. Говоря о походе полководца— армянина Смбата Багратуни в составе иранского войска против «народа кушанов», Себеос называет их царя то царем эфталитов, то царем кушанским, т. е. применяет то династический, то политический термин.

Все эти обстоятельства дают основание полагать, что и хиониты и эфталиты являются потомками племен, входивших в состав «великой сакской орды»—массагетов.

§ 4. ОСНОВНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ

Источники начинают сообщать сведения об эфталитах с 457 г., когда царь их Вахшунвар подчинил себе Чаганиан, Тохаристан и Бадахшан.

Сасанидский царь Пероз, опасаясь все растущей экспансии со стороны эфталитов, выступил против них. В результате неудачного похода Пероз попал в плен и обратился за помощью к Византии, указывая, как это делал до него Евтидем Бактрийский, на то, что нашествие кочевников явится угрозой и для Византии. Освобожденный из плена за представленный византийским императором Зеноном выкуп, Пероз обязался отдать эфталитам пограничный город Талкан и не переступать отмеченную еще Варахраном V границу, но договора не выполнил и предпринял второй поход против них. В этом походе его сопровождал византийский посол Евсевий (видимо, в связи с тем, что Византия предоставила Ирану золото для этого похода). Чтобы избежать обвинения в нарушении им договора, Пероз, как говорит предание, велел поставленную у Талкана пограничную башню передвигать перед собою с помощью слонов. Второй поход также закончился неудачей Пероза. Попав вторично в плен, Пероз, как говорят сирийские источники, обязался предоставить эфталитам 30 слонов, нагруженных мешками с серебряными дирхемами. Не будучи в состоянии набрать более двадцати, Пероз вынужден был оставить заложником своего малолетнего сына Кавада и в течение двух лет выплачивал эфталитам большую дань, обложив население тяжелой подушной податью. В связи с этим армянский историк Лазарь Парбский (V—VI вв.) с горечью отмечает, что Пероз предал Иран эфталитам (хепталам) и что от этого рабства он никогда не освободится. Закончив выплату дани, Пероз, стремясь создать видимость дружбы с эфталитами, предложил Вахшунвару в жены одну из своих сестер, но обманул его, прислав подставную девушку. На это Вахшунвар ответил тем, что часть прибывших из Ирана по просьбе эфталитов военных инструкторов велел убить, а остальных искалечить.

В 484 г. Пероз, якобы с помощью Византии, выступил в третий поход. Переступив границу эфталитов, он попал вместе с войском в специально приготовленные для них волчьи ямы и погиб. Эфталиты, разбив Пероза, наложили тяжелую дань на Иран и заняли Мерв (Согд уже был ими подчинен).

Затем эфталиты заняли долину Кабула и Пенджаб и завоевали Карашар, Кучу, Кашгар и Хотан.

Таким образом, потомки геродотовых массагетов вошли в мировую историю под новым именем эфталитов. Продолжая политику кушанской державы, они вновь объединили Среднюю Азию, области восточного Ирана, северную часть Индии и Восточный Туркестан в единую державу.

При сыне Пероза, Каваде, Иран продолжал выплачивать дань эфталитам, но отношения между ними приняли более мирные формы, благодаря той личной дружбе, которая установилась с эфталитами у Кавада, выросшего в их среде. Когда в Иране началось революционное движение Маздака, которое требовало равенства имущественного и равенства в семейному быту, Кавад на первых порах его поддерживал, видимо, рассчитывая с его помощью ослабить сепаратистские настроения родовой знати. Спасаясь от знати, собиравшейся низложить и, вероятно, убить его за поддержку Маздака, Кавад бежал к эфталитам—потомкам массагетов, у которых некогда находили себе убежище Бесс, Спитамен и первые аршакиды. Появившись у эфталитов, Кавад просил помочь ему «истребить знать и утвердиться в своем государстве». Для укрепления отношений с эфталитами Кавад женился на дочери эфталитского царя, приходившейся ему племянницей (сестра его после поражения Пероза попала в плен и стала женой Вахшунвара). В 498—499 гг. он, наконец, получил военную помощь, вернулся в Иран и предательски расправился с маздакитским движением.

В 502 г. Кавад в союзе с эфталитами предпринял поход против Византии. Эфталиты участвовали в осаде Харрана (древние Карры) и когда их предводитель попал в плен, то освободили его за богатый выкуп. В 503 г. через Кавказское ущелье напали гунны,—видимо, не без участия Византии; это несколько осложнило и задержало ход войны, но, тем не менее, в 506 г. мир был заключен, и эфталиты получили свою часть византийского золота.

Сын Кавада, Хосров I Ануширван, стремился жить в мире с эфталитами, тем более, что ему первое время приходилось еще выплачивать им ежегодно определенную сумму серебром, о чем говорят специально отчеканенные для этой цели монеты, имевшие, помимо пехлевийской, эфталитскую надпись. Но Хосров I тем не менее воспользовался натиском тюрков на эфталитов и в 554 г. отнял у них Тохаристан, а в 563—567 гг. тюркский каган Силсивул в союзе с Ираном разрушил царство эфталитов и привел его в вассальную от себя зависимость.

В конце VI в., с согласия тюрков, эфталиты выступили против Ирана, который незадолго перед тем, воспользовавшись их слабостью, захватил у них ряд областей, в том числе Тохаристан. Однако вскоре эфталиты, воспользовавшись возникшей в Иране гражданской войной, освободились от сасанидской зависимости.

Эфталиты восстановили в основном пределы кушанского царства (за исключением Хорезма, который жил самостоятельной жизнью и управлялся династией афригидов), а на востоке они продвинули свои границы еще дальше, в глубь Восточного Туркестана.

Однако, будучи к тому времени уже втянутыми в орбиту западно-тюркского каганата, эфталиты не смогли вернуть себе былой самостоятельности.

У нас нет определенных данных относительно политического центра эфталитской державы; может быть, это был Согд с городом Пайкенд, а, может быть, Тохаристан с городом Балх. По словам византийского историка Прокопия (VI в.), эфталиты «управляются одним царем, имеют законную государственность и соблюдают между собой и соседями справедливость ничуть не хуже ромеев (византийцев) и персов». Других сведений о государственном устройстве эфталитов у нас не имеется.

Указания на городскую культуру эфталитов имеются у византий-

ских историков-современников, Феофана Византийского и Менандра Протектора (VI в.), который приводит диалог между тюркским послом и византийским императором Юстином II; на вопрос последнего: «В городах ли или в селениях живут эфталиты?», — тюркский посол ответил: «Они — городское племя, господин».

§ 5. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ

Подъем, которого патриархально-рабовладельческий строй достиг в кушанский период, при эфталитах начинает спадать. Период завоевательной деятельности эфталитов, затем оборонительные войны против сасанидского Ирана, связанный с этим упадок производительных сил, сокращение орошаемой площади, уменьшение числа городов — все это не могло не отразиться на экономической и социальной жизни. Еще в кушанский период начинает выделяться знать, владеющая землями и замками, а с переходом ведущей роли от городов, где замирает ремесленное производство (как показали раскопки в Хорезме), к деревне, земледельцы начинают все больше зависеть от местной аристократии. Таким образом, создаются все предпосылки к складыванию феодальных отношений.

Основная масса населения занималась земледелием, но некоторая часть его, как и во все периоды, продолжала кочевой образ жизни. К ней-то, вероятно, и относятся слова китайских хроник о том, что эти кочевники «не имеют городов, живут в местах, привольных травой, в войлочных кибитках» (китайские хроники, впрочем, применяют эти слова каждый раз, когда говорят о кочевой части любого народа).

Несмотря на то, что в данный период начинают проследиваться признаки феодализации, пережитки первобытно-общинного строя (полиандрия) все еще продолжали сказываться в быту эфталитов. Принимая во внимание, что эфталиты являлись потомками приаральских массагетов, дольше других сохранявших общинно-демократические традиции, наличие в их семейном быту полиандрии удивляться не приходится. Китайские хроники сообщают, что у эфталитов бывает одна общая жена у нескольких братьев и что по количеству углов на ее шапочке можно судить о количестве братьев. Эта донесенная до нас китайскими историками VI в. деталь дает возможность в упоминаемом ими у эфталитов обычае многомужества усматривать пережитки массагетского группового брака. Но, говоря о верхушке общества, об аристократии, тот же китайский источник отмечает обычай многоженства, т. е. переход к семье патриархального типа, причем муж проводит у каждой из жен по очереди по месяцу, объезжая их отстоящие на некотором расстоянии друг от друга жилища.

С пережитками общинно-группового брака, существовавшими у эфталитов, исследователи за последнее время начинают приводить в связь и один из призывов Маздака в Иране, а именно, возврат к архаическим формам семейно-брачных отношений, вызвавший особо резкий протест со стороны знати, перешедшей к формам патриархальной полигамии. Может быть, факт временной поддержки Кавадом учения Маздака объясняется именно тем, что он с детства, в качестве заложника, жил у эфталитов и привык в их среде к формам группового брака. Совпадения этих явлений по времени и по политической обстановке не могут быть случайностью и указывают на какую-то связь Маздака с эфталитским миром.

Пережитком родового строя на стадии военной демократии являлся и другой обычай, поразивший Прокопия. «Самые богатые, говорит он, приобретают себе друзей, человек до двадцати и более; друзья всегда обедают вместе с ними, разделяя их достаток, имея на него общие с ними права. Когда же тот, кто приобрел друзей, умрет, то по закону и они должны быть положены в гроб, вместе с ним, живые». Действительно ли соблюдался когда-нибудь у массагетов этот жестокий обычай погребения живых людей,—мы не знаем, но есть основания полагать, что в изучаемый период этот социально-культовый обычай соблюдался только формально. По сообщению Аммиана Марцеллина (IV в.), во время похорон павшего под Амидой хионитского царевича, юного сына царя Грумбата, труп его был предан сожжению в окружении возлежавших вокруг него на ложах искусственно изготовленных фигур его друзей (дружины), которые таким образом как бы сопровождали его в загробный мир. Широкими слоями населения этот обычай ни в той, ни в другой форме, конечно, не соблюдался. Трупы рядовых эфталитов опускали в земляные могилы, в то время как богатых хоронили в специально изготовленных каменных склепах.

Эта дифференциация в быту—две формы семейно-брачных отношений и две формы погребального обычая—с несомненностью свидетельствует о сильно продвинувшемся классовом расслоении общества.

§ 6. ГОРОДА И НАСЕЛЕНИЕ

В связи с переменами в экономике и социальном строе общества, в этот период наблюдается упадок старых городов, а также укрупнение и увеличение, за счет городов, числа отдельных укрепленных усадеб—замков с цитаделью и двором (раскопки в Хорезме). Кроме того, начинается складываться новый тип городов, вырастающих из посадов при замках-усадеб (Беркут-кала в Хорезме). К числу городов-замков V в. на территории Чача должны быть отнесены и развалины Ак-тепе под Ташкентом.

Из числа городов эфталитского государства, упоминаемых в источниках, следует назвать пограничный с персами город Гурган или Горго, как его называют византийцы (на юго-восток от Каспийского моря), затем где-то на Балханском полуострове, на восток от Красноводской бухты—город Балхам или Балхан (китайский «По-ло»), который осаждался персами.

На территории Согда находились основные города среднеазиатской части эфталитского государства. Самарканд, начиная с V в., вновь упоминается китайскими летописями. Не утратил своего значения в этот период и еще один из больших городов кушанского царства—Кушания (около Катта-курмана). В семи километрах к югу от Самарканда, в области Маймург, находился город Ривдад, в V в. имевший большее значение, чем Самарканд. Из этого города, между прочим, в 451 г. было направлено посольство в Китай. Столицей эфталитов ряд исследователей считает упоминаемый китайскими историками город Пат-ти-ян (древняя Патиканта), т. е. «город владыки»—Пайкенд, археологическое изучение которого, начатое в 1913 г. Л. А. Зиминим и продолженное в 1939 г. А. Ю. Якубовским, возможно, ответит на вопрос о значении его при эфталитах. В. В. Бартольд полагал, что столица эфталитов находилась в Бадахшане.

Имеются основания предполагать, что одной из резиденций эфталитских царей был город на месте селения Варахша (около Бухары), где раскопками обнаружен дворец V в.

Из городов на территории древней Бактрии, кроме Балха, в источниках упоминаются пограничный город Талкан (между Мервом и Балхом) и Термез, который неоднократно захватывался Ираном.

§ 7. ТОРГОВЛЯ. МОНЕТЫ

Будучи хозяевами «шелкового пути» и владея торговыми портами на Каспийском море (Феофан Византийский), эфталиты принимали деятельное участие в международной торговле. Они торговали с Ираном, Византией, Индией и Китаем; так, из Согда (Маймург) в 516 г. отправилось посольство в Китай. Как и в предыдущий период, посредниками в торговле между Китаем и Византией являлись преимущественно согдийцы; на роль посредника в этой торговле претендовал и сасанидский Иран.

Согдийцы в тот период продолжали начатую еще при кушанах колонизацию Семиречья и Восточного Туркестана.

Судя по сообщениям византийских, сирийских и китайских источников, главными предметами торговли между Китаем и Византией были шелк, стекло, пряности, драгоценные камни, краски и пр.

Эфталиты, участвуя в мировой торговле, должны были нуждаться в большом количестве монет. Изучение серебряных эфталитских монет начато было сравнительно давно. Рядом исследователей установлено наличие на них каких-то незнакомых надписей (кроме пехлевийских) и высказано предположение, что монеты эти чеканились в Иране специально для уплаты дани эфталитам и что в этих целях они были снабжены дополнительно эфталитской надписью. Действительно ли это так, или же эти монеты чеканились самими эфталитами для торговли с Ираном, мы не знаем. Исследователям пока удалось только установить на монетах наличие надписей кушано-эфталитскими буквами.

В эфталитский период на территории Средней Азии в обращении было очень большое количество сасанидских монет V в. (главным образом монет Варахрана V и, особенно, Пероза), а кроме того, монет местного чекана, являвшихся подражанием монетам Варахрана V. Этим последним присвоено название «монет бухар-худатов»; чеканились они, по мнению П. И. Лерха, в Бухаре во второй четверти V в., т. е. при Варахране V. Кроме этих монет, которые можно назвать эфталитскими, в ходу были и другие, а именно, монеты хорезмийские, изучение которых С. П. Толстовым, как уже говорилось, выяснило многое в истории Хорезма.

Были в ходу также малоизученные еще монеты согдийские. С. П. Толстовым была обоснована связь между раннеафригидскими монетами Хорезма и эфталитскими монетами (совпадение формы головных уборов, передача деформации черепа и начертание тамги), что подтверждает, с одной стороны, тезис о генетической связи эфталитов с местным населением (хорезмийцами), а с другой стороны, указывает на политические связи, существовавшие в V в. между этими потомками массагетов.

Деформация черепа, применявшаяся у хуннов уже в I в., как показали раскопки Кенкольского могильника в Киргизии, вероятно, вызывалась причинами социального порядка (А. Н. Бернштам). На эфталитских монетах изображение ненормально удлиненных голов царей говорит о каких-то соображениях, в силу которых не только правящие круги, но, может быть, и более широкие слои населения, считали нужным физически отличаться от представителей других племен и народов, рядом с которыми они жили. К. А. Иностранцев, отметивший эту деталь,

полагал, что изменение внешнего облика вызывалось стремлением «отличить себя от другого, антропологически отличного племени, метисации с которым невозможно избежать».

Это же явление было отмечено еще в VII в. китайским путешественником Сюань Цзяном у обитателей городов-оазисов Кучи и Карашара в Восточном Туркестане.

§ 8. ПИСЬМЕННОСТЬ. ЯЗЫК

Письменные источники ничего почти не сообщают о быте эфталитов, кроме беглого указания китайских хроник на смелость и жестокость этого воинственного народа, применявшего в бою преимущественно палицы (для персов характерны были стрелы, для арабов—копья). О духовной культуре эфталитов известно также немного. Будучи преемницей кушанской культуры, она должна была сохранить ряд черт, характерных для народов, входивших в состав кушанского царства.

Наука пока еще не располагает четкими данными, которые позволили бы высказать то или иное суждение о природе эфталитского языка. Насколько можно судить по весьма малочисленным данным, в нем налицо были и тюркские и иранские элементы, а также элементы, несводимые ни к тюркским, ни к иранским. Все это, повидимому, свидетельствует о крайней смешанности эфталитского языка. На территории эфталитского царства в тот период попрежнему широко применялся язык согдийский. Следы проникновения его до оазисов Восточного Туркестана и до Китайской стены сохранили нам найденные там согдийские документы.

Кроме согдийского письма, широко распространено было также письмо хорезмийское и эфталитское.

На территории Бактрии и Индии пользовались, кроме того, письмом карошти, а в смежных с Ираном областях был распространен пехлеви (раннесредневековое персидское письмо, восходящее к арамейскому).

§ 9. ВОПРОС ОБ ЭПОСЕ

В отношении эпического творчества времени эфталитов перед литературоведами стоит задача по выявлению напластований эфталитского времени в *Шах-намэ*. В. В. Бартольд указал, что Фердоуси сам ссылается на использование им эпических материалов, собранных для него одним дехканом из Чача. Народные предания и песни сохраняли, вероятно, отдельные героические эпизоды из жизни эфталитского народа, главным образом из периода борьбы Вахшунвара с Перозом. К ним относятся, например, древнее предание о Зофире (соответствует образу Ширака в сакском эпосе), обрекшем себя на гибель ради победы над врагом своей родины, затем эпизод с подставной, вместо настоящей, невестой и, наконец, поразивший народное воображение эпизод с перемещением пограничной башни, которую Пероз велел передвигать перед войском с помощью 50 слонов и 300 воинов.

В эпических преданиях отразилась также борьба эфталитского народа с чужеземными захватчиками, например, эпизод с гибелью в волчьих ямах Пероза и его войска, сохранившийся в *Шах-намэ* в рассказе о царе Нодаре. В *Шах-намэ* отражена также борьба эфталитов с тюрками в рассказе об эфталитском царе Гатфере; В. В. Бартольд предполагает возможным в лице Гатфера видеть исторического Катульфа (византийских источников)—эфталита, который из мести за обиду, нанесенную царем его жене, бежал в Иран, предав свою страну тюркам.

§ 10. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

Эфталиты политически объединяли значительное число народов. В этот период, как и при кушанах, должно было существовать довольно много религиозных систем и культов. Продолжал существовать и зороастризм, имевший здесь несколько иные формы, чем в Иране. В среднеазиатском зороастризме наблюдается переплетение его с местными культами, например, с культом Анахит и с культом Сиявуша. В IV в. в день Науруза (Нового года) зороастрийцы рано утром приносили петуха в жертву Сиявушу на его могиле в Бухаре.

Самостоятельно продолжали существовать культы Вахша, Митры, Анахит, как это можно судить по монетам и памятникам искусства—терракотовым фигуркам, в большом количестве находимым в Хорезме и Согде (Афрасиаб, Тали-барзу) и имевшим, несомненно, культовое значение.

Продолжало в это время распространяться и манихейство, а также учение Маздака, после истребления его последователей в Иране. Некоторую роль играл буддизм, особенно в больших городах, хотя сами эфталиты не были буддистами. В городах, вероятно, существовали и общины христиан-несториан и общины еврейские.

§ 11. ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ

Памятники материальной культуры этого периода представляют очень большой интерес, но изучены они недостаточно.

К III в. относится городище Топрак-кала на территории Хорезма, представляющее собой прямоугольник 500 350 м, обнесенный кирпичными стенами с четырехугольными башнями. В северозападном углу его находился замок (высотой до 20 м) с тремя огромными башнями. Раскопками вскрыто в замке более 100 расположенных в двух этажах сводчатых комнат. Стены многих из них покрыты богатыми росписями и украшены монументальными глиняными статуями, изображающими хорезмийских царей III в. н. э. По мнению С. П. Толстова, Топрак-кала до начала IV в. была резиденцией шахов всего Хорезма, освободившегося на рубеже II—III вв. от кушанской зависимости. В юговосточном углу замка в четырех комнатах были открыты остатки царского архива хорезмшахов—свыше 80 документов, написанных древнехорезмийским письмом на коже и дереве. В том же юговосточном углу были расположены городской храм огня с двойными стенами и базарная площадь. Город на две части делила большая улица с десятью—двенадцатью кварталами в 120—200 помещений, что может свидетельствовать о жизни здесь больших семейно-домовых общин. В VI в., с упадком в Хорезме городской жизни, началось запустение Топрак-кала, которая становится «некрополем оссуарных погребений» (С. П. Толстов).

Замки этого периода в Хорезме с грандиозными донжонами в центре двора обнесены тремя квадратными глиняными стенами, повышающимися к центру. Бируни так характеризует замок Фир (близ Кята), построенный в начале IV в. хорезмшахом Афригом: у него «...три стены из глины и сырцового кирпича, одна внутри другой, следуют друг за другом по высоте, а всех их превосходит замок царей».

На территории Чача археологическими разведками и раскопками выявлен замок Ак-тепе на арыке Боз-су под Ташкентом, относящийся к эфталитскому периоду. Этот двухэтажный, а может быть, и трехэтаж-

ный, замок из лёсса, в первом этаже был обнесен сводчатой галереей с круглыми башнями по углам и с примыкающими к ней подсобными и хозяйственными помещениями. Верхние этажи служили для жилья. К IV в. относятся также находящиеся на территории прежнего Чача курганные погребения кочевников на арыке Джун.

На территории Согда к эфталитскому периоду следует, видимо, отнести пятый слой Тали-барзу (по номенклатуре Г. В. Григорьева), где ничего определенного и точного пока не найдено. О существовавшем в этот период в Согде городе Кушания с его памятниками до сих пор нет никаких письменных и археологических данных; не раскопан также эфталитский слой города Пайкенда.

Самым блестящим памятником эфталитской культуры является дворец эфталитских царей V в. в Варахше, в песках Кызыл-кум, в 35 км от Бухары, раскопанный в 1939—1940 гг. археологической экспедицией под руководством В. А. Шишкина. В завалах строительного мусора обнаружено громадное количество штуковой облицовки с рельефными изображениями человеческих фигур, животных, птиц, рыб, деревьев и фантастических существ, по технике, рисунку и стилю совпадающими с аналогичными штукowymi рельефами, обнаруженными за последние годы во время раскопок сасанидских дворцов III—V вв. в Иране, а именно в Шапуре, Дамгане и Кише.

В центральной части здания обнаружена большая комната с глиняными лежанками (суфа), стены которой были покрыты росписью клеевой краской по глиняной штукатурке. На верхнем фризе в открытой части стены по красному фону изображены шествующие олень, тигр, пантера и конь; на нижнем фризе—сцена охоты с фигурами всадников на слонах, покрытых попонами, которые борются, в одном случае, со львом, а в другом—с грифоном. Роспись эта в отношении и техники и стиля имеет много точек соприкосновения с росписями, открытыми в буддийских храмах и пещерах V—VI вв. в Восточном Туркестане (главным образом в оазисах Кучи и Карашара); тем не менее она содержит целый ряд специфических черт, только ей присущих. Наличие в этом дворце штуковой пластики, очень близкой к иранской, и росписи, близкой к искусству Индии и Восточного Туркестана, дает возможность отнести этот дворец к тому времени, когда эфталитская культура была связана с указанными культурными мирами, т. е. ко второй половине V в. Во всяком случае, эти памятники говорят о широком культурном и экономическом общении народов Средней Азии с народами Ирана, Индии, Китая и Передней Азии, которое установилось еще в V—IV вв. до н. э., в эпоху ахеменидов, и продолжало развиваться в период Греко-бактрийского и кушанского царств, а также и при эфталитах.

Некоторые представления о людях, населявших эфталитские дворцы, дает рассказ буддийского паломника Си-ю-чи (VI в.), посетившего эфталитов, где его поразил внешний облик женщин из окружения князя, одетых в роскошные платья из дорогих тканей, со шлейфами в три и более футов, которые несли за ними специальные лица.

Семивековое владычество на территории Средней Азии народов, восходящих к массагетам, создавших могущественное кушанское, а потом эфталитское государство, границы которого в V в. простирались от Каспийского моря до Хотана и от Хорезма до северной Индии, оставило по себе след в замечательных творениях искусства.

К числу хорезмийских памятников раннеафригидского периода должна быть отнесена группа серебряных чаш (найденных в разных

районах Прикамья), на которых вырезаны надписи, до сих пор неподдавшиеся дешифровке. С. П. Толстов сопоставил письмо этих надписей с легендами на хорезмийских монетах и убедился в их палеографической близости, а также в иконографических совпадениях портретного изображения царя на монетах и на одной из чаш. Нахождение этих чаш в Прикамье, где находят и хорезмийские монеты, подтверждает факт торговых и политических связей Хорезма с Поволжьем, о чем неоднократно уже говорилось.

К эфталитскому периоду относится расцвет производства цветного стекла, вывозившегося из Средней Азии в Китай. Китайские историки запечатлели под 424 годом следующую запись: «Жители владений юе-чжи, производившие торговлю в столице (Китая), объявили, что они умеют из камня плавить разные цветные стекла, почему руду добыли в горах и в столице произвели опыт отливания; опыт удался, стекло блеском своим даже превосходило стекла, привозимые из западных стран, почему государь приказал ввести сии стекла в тронных (залах или дворцах); около ста человек обучались отливанию; стекла были блестящих красок и прозрачны; все, смотря на них, приходили в изумление и считали божественными произведениями». Здесь под стеклом западных стран имеется в виду римское стекло, а может быть, и сирийское, которое ввозилось до того в Китай, как сообщается в «Истории младшего дома Хань».

§ 12. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эфталитский период в истории народов Средней Азии знаменует собою расцвет и начало разложения рабовладельческого общества, когда вся историческая обстановка должна была привести и привела к процессу феодализации.

Политические и торговые сношения со всеми культурными странами Востока, а также с Западом—с Ираном и Византией, обусловили некоторые особенности характера среднеазиатской культуры, сложившейся на многовековых местных корнях.

Смежные страны—Иран, Индия, Восточный Туркестан и Китай—несомненно, должны были испытать на себе встречное воздействие культуры эфталитов, примером чему могут служить производство цветного стекла в Китае и росписи в пещерах Дунхуана (Восточный Туркестан).

ЧАСТЬ V

Переход от рабовладельческого к феодально-
му строю (VI—X вв.)

ГЛАВА I

НАРОДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ ПРИ ТЮРКСКОМ КАГАНАТЕ (VI—VII вв.)

§ 1. ВВЕДЕНИЕ

К половине VI в. из объединения различных племен и народов Алтая, Семиречья и Центральной Азии сложилось большое государство кочевников—тюркский каганат, распространивший свою власть и на страны Средней и Центральной Азии.

§ 2. ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Для периода тюркского каганата мы располагаем несколько большим количеством письменных источников, чем для предыдущих периодов. Но все они дают нам разрозненные, а иногда и разноречивые сведения, которые могут быть использованы лишь после соответствующей тщательной проверки и критики.

Большое значение имеют—для несколько более позднего времени (VII—VIII вв.)—памятники эпиграфические, так называемые рунические надписи с Орхона и главным образом памятник Кюль-Тегина.

Ценные сведения содержат также китайские письменные источники, главным образом Тан-шу—«История дома Тан» (VII—IX вв.).

Из числа византийских историков должны быть названы Менаандр Протектор и Феофан Византийский, жившие в конце VI в., а также Феофилакт Симокатта (VII в.); из числа сирийских—Иоанн Эфесский (VI в.), являвшийся очевидцем описываемых событий. Об этом периоде повествует также армянский историк Себеос (VII в.). Что касается арабских историков, то события изучаемого периода отражены у ат-Табари (IX—X вв.) и у Наршахи, жившего в X в. Труд Наршахи «История Бухары» был написан в 943—944 гг. на арабском языке и переведен в 1128 г. на таджикский язык. В 1178 г. он был изложен на таджикском языке в сокращенном виде. Текст этот дошел до нашего времени, был переведен на русский язык Н. Лыкошиным и издан в 1897 г. под редакцией В. В. Бартольда.

Отдельных вопросов, связанных с тюркским каганатом, касаются в ряде своих трудов, кроме В. В. Бартольда, А. Ю. Якубовский и А. Н. Бернштам (соответственные главы в «Истории СССР», т. II, 1939), С. П. Толстов, Н. В. Пигулевская и др.. К более ранним работам, посвященным этому периоду, относятся труды В. В. Радлова, издавшего впервые надписи с Орхона, а за рубежом—работы И. Маркварта и труд Э. Шаванна, содержащий переводы основных китайских текстов.

§ 3. ТЕРМИН «ТЮРК»

Тюркский каганат представлял собою политическое объединение ряда племен и народов Алтая, Семиречья и Центральной Азии, добровольно или принудительно признавших над собою главенство тюрков, вышедших из Алтая. В свое время В. В. Бартольд писал, что слово «тюрк» не является в полном смысле слова термином этническим. Как в орхонских надписях, так и позднее, слово «тюрк» являлось обозначением политического объединения разнородных племен. На этой точке зрения в настоящее время стоят А. Ю. Якубовский, А. Н. Бернштам и С. П. Толстов, причем последний показал семантическую эволюцию термина «тюрк» от значения «возрастной класс молодых, неженатых воинов (тюркон)» к понятию «войско», «племенная аристократия», и, наконец, к значению собирательного имени для народов, вошедших в это политическое объединение.

Тюркский этногенез завершается в VI—VIII вв., причем территориально центром этого процесса является Южное Семиречье.

§ 4. ОСНОВНЫЕ ФАКТЫ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРИИ

Тюркские племена Алтая, объединившись с соседними племенами (толесями и тардушами), создали на территории Центральной Азии новое обширное государственное образование полуварварского типа, возглавленное двумя братьями, Тумынем и Истеми (он же — Дизавул византийских источников). После разгрома жужанов в середине VI в. Тумынь принял титул жужанского властителя — «каган». В образовавшийся тюркский каганат вошел целый ряд племен и народов, до того времени находившихся под владычеством жужанов. Алтай оставался центром каганата, названного В. В. Бартольдом «самой могущественной из всех кочевых империй домонгольского периода». Тюркский каганат достиг своего наибольшего расцвета в 60—70 гг. VI в. От предыдущих больших полукочевых объединений каганат отличался тем, что тюрки, подчинив себе культурные области Средней Азии, сами продолжали оставаться в степях (в бывших усуньских владениях).

Пока Тумынь расширял свои владения в восточной части каганата, его брат Истеми был занят в западной части объединением тюркских племен в Семиречье и в смежных районах Восточного Туркестана. Главными из них были племена нушеби (в междуречье между Чу и Таласом), дулу (по рекам Или и Чу) и входившие в их состав тюрк-геши.

Экспансия западной части каганата привела его в соприкосновение со смежными владениями эфталитского государства. К этому времени обширная эфталитская держава простирала свое владычество на западе до Каспийского моря, а на востоке включала Восточный Туркестан и Северную Индию. Будучи не в силах сплотить на длительное время входившие в ее объединение народы, она не смогла выдержать натиска тюрков. После разгрома в 563—567 гг. объединение среднеазиатских народов под властью эфталитов перестало существовать, как политическая единица.

Разгромив эфталитскую державу, тюрки столкнулись на Амударье с новым соседом — могущественным Ираном, возглавлявшимся в тот период шаханшахом Хосровом Ануширваном, также стремившимся к экспансии своих владений за счет распавшегося эфталитского царства. На первых порах, пока эфталиты являлись общим врагом и для

Ирана и для тюркского каганата, отношения между этими двумя сильнейшими государствами Передней и Средней Азии оставались дружественными (Хосров женился на тюркской царевне). Когда же тюрки разгромили эфталитов, между ними и Хосровом начался известный антагонизм.

Причиной охлаждения, а затем и вражды было стремление Ирана, с одной стороны, присоединить ряд эфталитских областей, а с другой—всячески мешать купцам Согда (который, сохраняя известную автономию, в то время уже признавал верховенство тюрков) вести с Византией торговлю шелком. Получив разрешение Истеми, согдийцы для урегулирования этих вопросов направили в Иран посольство во главе с неким Маниахом, знатным согдийским купцом. Хосров долго не давал окончательного ответа согдийцам и, побуждаемый одним из своих приближенных, эфталитом Катульфом, демонстративно сжег привезенные согдийцами образцы шелка. Катульф, предавший из личной мести страну тюркам, естественно, должен был опасаться связей Ирана с недавно еще сильным эфталитским Согдом, а Хосров к тому же не был уверен в том, следует ли дружбу с тюрками предпочесть дружбе с Византией. Члены второго посольства, направленного каганом Истеми ко двору Хосрова, были им отравлены.

После этих неудачных посольств тюрки решили начать в союзе с Византией борьбу с Ираном. В 568—569 гг. в Константинополь, ко двору Юстина II, было направлено посольство от тюрков во главе с тем же согдийским купцом Маниахом. Ему было поручено добиваться установления непосредственных торговых сношений с Византией, минуя Иран. Маниах, везя дары и письма от Истеми, на этот раз держал путь, избегая подчиненных Ирану стран. Миновав северное побережье Каспийского моря, он перевалил через Кавказский хребет. Посольство, видимо, удачно выполнило возложенную на него задачу. Из деталей переговоров до нас дошел диалог Юстина II с тюркскими послами, во время которого он стремился узнать, все ли эфталитское государство теперь подчинено тюркам и как живут эфталиты—в селениях ли или в городах. От послов он узнал, что эфталиты живут в городах, и что тюрки стали теперь «господами этих городов».

В далекую страну тюрков из Византии вместе с возвращавшимся Маниахом отправилось ответное посольство, во главе с киликийцем Земархом, которое прошло через страну согдов. Маршрут посольства, видимо, шел через Кавказ, Волгу, Урал, мимо северных берегов Каспийского моря и через Хорезм—вдоль Сыр-дарьи. Описание этого посольства сохранилось у Менандра, который сообщает ряд интересных деталей. Он рассказывает о том, как послы должны были выполнить в ставке кагана очистительную процедуру, пройдя между огнями, а также дает описание завешенного шелками шатра в ставке Дизавула, где все—и шатер, и повозки с серебряной посудой, и золотой трон на колесах—говорило о кочевом образе жизни. Ставка Истеми во время прихода этого посольства находилась к северу от Кучи (в долине реки Текес), в Восточном Туркестане.

Переговоры тюркского властителя с Земархом касались вопросов о непосредственной торговле шелком и о совместных действиях против Ирана. Первый из этих двух вопросов, однако, ни в тот раз, ни при последующих неоднократных посольствах не получил положительного разрешения, так как византийцы к тому времени научились сами производить шелк и в этом отношении стремились освободиться от какой

бы то ни было зависимости. От тюрков они желали только одного—военной помощи против Ирана.

В 70-х годах VI в. для тюркского каганата сложилась весьма благоприятная международная обстановка на западе. Взаимная борьба двух могущественных соседних держав—Византии и Ирана—отвлекла их внимание от бурного роста молодого полукочевого государства тюрков. Процветанию каганата в известной степени способствовало усиление смут и распада в Китае, в связи с чем ослабевала бдительность Срединного царства в отношении государства Истеми-Дизавула.

Тюркское государство, военные силы которого в этот период находились и на Тихом океане и на Черном море, совершило ряд набегов на территорию Китая, в результате чего Китаю, попавшему временно в зависимость от каганата, предъявлено было требование выплачивать ежегодную дань в размере 1000 кусков шелка.

С приходом к власти в Китае суйской династии (589—617 гг.) начался перелом во внутренней жизни страны и подъем ее военных и экономических сил.

Тюрки при первом же столкновении с Китаем потерпели поражение, после которого хозяйство их долго не могло оправиться. Голод и болезни привели к такому положению, когда люди «вместо хлеба употребляли растертые в порошок кости», в то время, как «беки сложили с себя тюркские имена и, приняв китайские имена, как китайские беки, подчинились китайскому кагану». Все это вместе взятое усилило классовую борьбу между бедняками, попавшими в кабалу, и князьями.

Классовая борьба между кочевой аристократией и аристократией городов, с одной стороны, и обедневшими широкими массами—с другой, привела к частичному уходу бедноты из каганата в Бухарский оазис, где она, вместе с низами местного общества, объединилась вокруг тюркского царевича Або (как его называют китайские источники) или Абруя (как он называется у Наршахи), открыто поднявшего восстание и захватившего власть в городе Пайкенде. С. П. Толстов рассматривает эти события в Бухарском оазисе как «демократическую тиранию Абруя», как «движение объединенных плебейских элементов оазиса и кочевий против общих врагов».

Местная аристократия, богатые дехканы и купцы, вынужденные событиями уйти из Бухарской области, направились в Семиречье, где встретили радушный прием со стороны владыки западных тюрков, ябгу (князя) Кара-Чурина, обещавшего им помощь против Абруя. С помощью китайцев войско Кара-Чурина в 585 г. подавило движение Абруя и возвратило земли дехканам, вернувшимся из Семиречья. Абрый был предан казни—его бросили «в мешок с красными пчелами», а восставшие бедняки были розданы вернувшимся богачам в качестве слуг и кедиверов (клиентов). Наместником в Бухару был назначен сын Кара-Чурина.

В 588 г. Кара-Чурин с помощью хазар и Византии начал борьбу против Ирана, но был разбит и убит знаменитым сасанидским полководцем Бахрам-Чубином. Это поражение послужило толчком к еще большему упадку каганата и распаду его в 80-х годах VI в. на восточную и западную части.

Бахрам-Чубин продолжал борьбу с сыном Кара-Чурина, царевичем Бармудой, которого он разбил в его городе Пайкенде.

В начале VII в. в жизни западного каганата вновь намечается подъем, совпавший с прекращением суйской династии в Китае. При воцарившейся танской династии (618—907) вновь устанавливаются

оживленные сношения между Китаем и Средней Азией; из ряда городов (Бухара, Самарканд, Иштихан, Кушания и др.) в 627—641 гг. направляются в Китай посольства с дарами.

В 30-х гг. VII в. на территории Средней Азии появляется, по дороге в Индию, китайский паломник, буддист Сюан Цян. Он оставил подробное описание всего виденного им во время своего путешествия от озера Иссык-куль по долине реки Чу, через Чач, Самарканд и Бухару к Аму-дарье.

В это время проходила вторая волна согдийской колонизации Семиречья и оазисов Восточного Туркестана до озера Лоб-нор, усилившаяся в связи с приливом богатого купечества, бежавшего от Абрауя в Семиречье. Сюан Цян отмечает большое количество городов, возросшее значение в них знати и упоминает город Су-е (Суяб) в долине реки Чу, куда ежегодно на большие ярмарки съезжались купцы из всех соседних стран и где они обсуждали свои торговые дела, продавали и покупали товары.

В 630 г. западная часть тюркского каганата снова пережила период подъема. Ее границы доходили, как и при эфталитах, до берегов Инда. Этот подъем, вызванный ростом городов, привел к оживлению торговых сношений с Китаем и Ираном. Караваны в тот период держались маршрута: Мерв — Чарджуй — Бухара — Самарканд — Чач — Исфиджаб — Талас — Суяб и дальше — к оазисам Восточного Туркестана. На всем этом пути, вплоть до Лоб-нора, караваны встречали согдийские колонии, которые в известной мере содействовали быстрейшему продвижению торговых караванов.

Но китайцы, недавние союзники тюрков, поддерживавшие с ними оживленные торговые сношения, около 630 г. вновь наносят поражение тюркам; каганат в продолжение 30 лет снова оказывается в политической зависимости от Китайской империи, правда, скорее номинальной, чем фактической.

После ряда поражений западные тюрки в 659 г. признали верховенство Китая над собою. В 60-х годах VII в. в Средней Азии китайские чиновники сделали попытку ввести административное управление по китайскому образцу: в Согде предполагалось создать семь «префектур», в Тохаристане — шестнадцать, но осуществление этой попытки, видимо, не состоялось. Захват тибетцами в 670 г. Восточного Туркестана и образование второго восточно-тюркского каганата отвлекли внимание Китая от Средней Азии.

В конце VII в. делается еще одна попытка восстановить каганат, но к этому времени с запада надвигается новый враг — арабы, подчинившие своей власти Среднюю Азию после длительной и упорной борьбы ее народов за свою независимость.

§ 5. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ

Социальный строй народов, объединенных тюркским каганатом, находился на различных стадиях развития. Народы каганата в VI—VII вв. распадались на оседлое—земледельческое и кочевое—скотоводческое население. Передовой и ведущей в культурном отношении частью общества были оседлые земледельческие народы.

Как и прежде, местное земледельческое население в Согде, Хорезме и Тохаристане в основной своей массе, в противоположность рабам, сохраняло личную свободу и продолжало жить большой патриархальной семьей, в состав которой входили иногда и домашние рабы.

Но, в силу целого ряда причин, происходило постепенное обеднение многих земледельческих семей, а вместе с ним и потеря многими личной свободы.

Рядом со свободным земледельцем появляется фигура кедивера — клиента, который экономически зависит от богатого землевладельца и даже от сохранившего хозяйственную самостоятельность земледельца. В этот период численно возросшие кедиверы представляли одну из важнейших сил в начавшем слагаться накануне арабского завоевания феодальном обществе Средней Азии.

В VI — VII вв. усиливается экономическая и политическая мощь землевладельческой аристократии, жившей в своих замках, расположенных как в укрепленных селениях, так и в городах (шахристанах). В письменных источниках земельная аристократия именуется «дехканами», хотя этим словом обозначается и свободная часть земледельцев.

Несмотря на то, что зачатки феодализма уже имелись в обществе, в основном продолжали еще господствовать рабовладельческие отношения. В VI — VII вв. в стране было много рабов, игравших огромную роль в качестве рабочей силы в рудниках и, отчасти, в земледелии.

Большую роль в Хорезме — и особенно в Согде — в тот период играли купцы. Выходили они, по преимуществу, из среды той же дехканской знати, с которой были тесно связаны всем бытовым укладом своей жизни.

Что касается кочевников-тюрков, то в VI—VII вв. они жили в войлочных юртах и передвигались на четырехколесных телегах. Общество тюрков—кочевников-скотоводов уже вышло из стадии первобытной общины. Основной ячейкой родоплеменной организации являлась больше-семейная патриархальная община. Внутри нее зрел процесс сложения классовых отношений на основе все увеличивавшегося числа рабов, которых добывали главным образом военными набегами. Основная свободная масса населения носила название «будун» или «кара-будун». Представители родоплеменной знати (главы отдельных племен и их родственники) носили титул «бек». Во главе общества стояли «каган», или «хакан», и «курултай» — совет знати. В патриархальную семью, которая звалась «аркауи», кроме членов семьи, входили клиенты и рабы.

Эта социальная терминология существовала только у кочевых тюрков. Тюрки оседлые и породнившиеся с населением Согда пользовались терминами согдийскими (глава семьи «кедхуда»); о браках между тюрками и согдийцами имеются сведения в китайских летописях.

§ 6. ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА

Западнотюркский каганат никогда не представлял собою настоящего централизованного государства, а скорее был федерацией десяти тюркских племен, из которых пять обитали к западу от Иссык-куля, а остальные пять — к востоку от этого озера. Каждая из этих двух племенных групп имела собственного князя. Борьба шла не только между группами, но иногда и между племенами внутри каждой группы.

Касаясь административного управления каганатом, Менандр рассказывает о письме Истеми-Дизавула к Юстину II, в котором он сообщает, что страна его разделена на несколько частей, но верховную власть осуществляет он, хакан (каган).

Из китайской летописи «Тан-шу» мы узнаем, что в VI в. в бассейне рек Зарафшан, Кашка-дарья и Аму-дарья имелось девять отдельных владений (Самарканд, Маймург, Кеш, Нахшеб, Иштихан, Кушания,

Бухара, Амуль и Андхой), состоявших каждое из города и области (земледельческой округи). Все цари принадлежали к одной и той же династии Кан; старшим среди них был владетель Самарканда. Канский царь, по словам китайского летописца, «происходит из дома юе-чжи», а члены канского дома, возглавляющие отдельные владения, носят титул чжаову (джабгу). Из этого следует, что в период тюркского каганата отдельные княжества Согда возглавлялись, как и в кушанский период, представителями местных династий. Эти согдийские князья, а также владетели Чача и Хорезма, сохраняя некоторую автономность, входили в состав большого политического объединения, своего рода союз. Ат-Табари сообщает о съездах владетелей этих царств или княжеств в одном из городов Хорезма.

Входивший в это объединение Хорезм сохранял большую самостоятельность, чем остальные города-государства. Сведения ал-Бируни о непрерывной преемственности здесь власти афригидов подтверждаются монетами, свидетельствующими также и о том, что в Хорезме местные культурные традиции не подверглись воздействию культуры сасанидского Ирана. Хотя Хорезм в VI—VII вв. переживал некоторый экономический кризис, он, тем не менее, находился в оживленных сношениях с Восточной Европой (находки монет). То обстоятельство, что съезды среднеазиатских князей происходили в Хорезме, дает основание полагать, что в некоторых владениях Согда, как и в предыдущие периоды, еще держались представители младших ветвей афригидов.

В VII в. представители Канского дома начали вступать в родство с тюркской династией, что впоследствии нашло свое отражение в появлении у них тюркских имен и титулов.

Согд в этот период занимал небольшую территорию от Пенджикента до Кермине с включением иногда долины Кеша (Шахрисябз) и Нахшеба (около Карши). Будучи полуавтономной областью, Согд выплачивал кагану дань, но сохранял некоторую свободу во внутреннем самоуправлении. Письменные источники, особенно сведения Сюан Цяна, относящиеся ко времени около 630 г., результаты археологических наблюдений и данные топонимики позволяют говорить о том, что княжества по Зарафшану в VI—VII вв. мало изменились по сравнению с V в.

Бухарская область в этот период представляла собою самостоятельный союз мелких владений, возглавленных бухар-худатом, владыкой Бухары. Между Джизаком и Ходжендом находилась область Усрушана, а на средней Сыр-дарье—область Чач с городом Бинкетом (Ташкент). Фергана в объединение Кан не входила; она управлялась своим афшином и в VI—VII вв. находилась в каких-то взаимосвязях с народами Тянь-шаня. Термез и Тохаристан также не входили в Канский союз и управлялись своими князьями.

§ 7. ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ. ГОРОДА. ТОРГОВЛЯ

Ирригационная система, по сравнению с эфталитским периодом, в это время в одних районах несколько увеличилась, в других (Хорезм, Фергана) сократилась. Население продолжало возделывать землю под те же зерновые культуры (пшеница, ячмень, люцерна, рис, просо), занималось виноградарством и садоводством, много внимания уделяя культуре хлопчатника, тутового дерева и разведению домашнего скота.

Рудные разработки имелись в Фергане и Согде (золото, киноварь, медь и железо), в Илаке (свинец, серебро) и в районе Шахрисябза (красная соль).

В VII в., в результате военных столкновений, восстаний и ослабления центральной власти, города в Средней Азии начинают приходить в упадок, площадь их сокращается и начинает преобладать новый тип поселения—укрепленные большесемейные усадьбы-замки с земледельческой округой и сгруппированными вокруг них укрепленными домами дехканов и купцов. Пока эти усадьбы-замки знати выявлены и изучены на территории Хорезма, но с таким же типом строений археологи-историки встречаются и в Согде.

Что касается свободного земледельческого населения, то оно жило в мелких укрепленных усадьбах; большое число таких усадеб обнаружено в районе Беркут-кала, в правобережном Хорезме; девяносто шесть усадеб расположены здесь на расстоянии 200 м друг от друга и занимают небольшую площадь в 34 кв. км (полосой в 17 x 2 км вдоль заброшенного канала). Каждая усадьба обнесена стеною, в центре ее находится башня—«кёшк», служившая жильем и укрытием от врага.

Характер поселения свободных земледельцев Согда и Ферганы пока с такой четкостью не выявлен.

В. В. Бартольд, еще до раскопок в Хорезме, указывал, что города Средней Азии, несмотря на большой размах торговой деятельности в VII в., не отличались своими размерами. «Городище Афрасиаб, соответствующее Самарканду VII в., главному городу всей страны, занимает пространство несколько меньше 2 квадратных верст; в Бухаре городом тогда была только возвышенная площадь к востоку от цитадели... Длина стен старого Пайкенда—678 сажен в окружности... Главный город области Чач, соответствовавшей нынешнему Ташкентскому району, имел, по китайским сведениям, всего 10 ли (ли—тогда $\frac{1}{3}$ версты) в окружности; главный город Ферганы—Касан—всего 4 ли» (В. В. Бартольд).

Археологические исследования последних лет в одних случаях подтвердили, в других—несколько уточнили эти цифровые данные, приведенные В. В. Бартольдом. Работы А. И. Тереножкина позволяют говорить о Самарканде, как о городе, имевшем в окружности 3,5 км. Что касается стен Пайкенда, то они, как показали обследования В. А. Шишкина и М. М. Дьяконова, а также раскопки под руководством А. Ю. Якубовского в 1939 г., тянулись на протяжении 1,8 км. Обследованный А. Н. Бернштамом древний Касан в Фергане действительно имел в окружности 2 км (что соответствует 4 ли китайских источников). Что касается Бинкета (главный город Чача), то он детальному обследованию еще не подвергался.

Города правобережного Тохаристана, находясь в большем отдалении от политических событий VII в. в тюркском каганате, могли несколько отличаться от городов Хорезма и Согда. Окружность города Термеза, как показали раскопки Термезской археологической экспедиции 1936—1938 гг. (под руководством М. Е. Массона), равнялась в момент завоевания его арабами 20 ли (7—10 км); вместе с округой он был обнесен начинавшейся у берегов Аму-дарьи стеною. Внутри этих стен находились отдельные здания и группы зданий, среди которых и буддийские монастыри на Кара-тепе и Чингис-тепе. Ряд крупных и мелких зданий находился также на канале (доставлявшем воду из Сурхан-дарьи), как внутри, так и вне длинной стены.

Внутренняя и международная торговля в период тюркского каганата составляла одно из основных занятий населения. Как уже указывалось, торговые пути в этот период передвинулись с юга на север, что было вызвано переходом роли торговых посредников к согдийцам (они

вели и морскую торговлю через Каспийское море). Особенно интенсивная торговая деятельность была сосредоточена в Бухарской области: один из городов ее, Пайкенд, назывался «городом купцов». О территориальном размахе торговых связей каганата с соседними странами можно судить по перечню даров турфанского владельца китайскому императору в VII в., в который были включены, например, собачки византийской породы и меха чернобурых лисиц.

Тюрки принимали активное участие в торговых сношениях согдийцев с Китаем. В период от 627 до 647 г. из Самарканда в Китай было направлено девять торговых посольств. Посольства направлялись и от отдельных владетелей Канского царства: из Усрушаны, Бухары и др. Известны случаи, когда несколько владетелей сообща посылали караван, как например явившееся в Китай в 627 г. посольство от Бухары, Самарканда, Иштихана, Харканы и Усрушаны. Торговые караваны шли в Китай через Бухару—Самарканд—Чач—Тараз (Джамбул)—Кулан (Луговая)—Мерке—Суяб—южный берег Иссык-куля—оазисы Восточного Туркестана.

Интенсивная деятельность торговых караванов содействовала развитию колонизационной деятельности согдийцев, направленной в сторону Семиречья и на области по торговому пути из Чимкента до Китая. Особенно много согдийских колоний появилось в долине Таласа и по левобережью р. Чу.

§ 8. ВОЙСКО. БЫТ

Отдельные владения, расположенные на территории Согда, общего войска не имели. В каждом княжестве были свои небольшие военные отряды, численностью от нескольких сот человек (Маймург Андхой) до тысячи (Кеш, Кушания, Бухара и пр.) и нескольких тысяч воинов (Самарканд и др.).

В организации войска сказываются и четкое классовое расслоение и нарастающий процесс феодализации. Конница состояла из представителей родовитой знати—дехкан (как их называют арабские источники), которые выступали в поход в кафтанах панцирного типа, вооруженные луком, палицей, мечом и кинжалом. Личная гвардия князя, состоявшая из конницы и пехоты, набиралась из наемников и рабов; гвардейцы носили название «чакир».

Праздники, обычаи и обряды, связанные с глубокой древностью, продолжали бытовать и в период тюркского каганата: так например празднование Науруза (Нового года) в Средней Азии сопровождалось тогда ритуальным единоборством.

Та часть тюрков, которая не ассимилировалась еще с местными зороастрийцами и приверженцами других религиозных систем, продолжала исповедывать свой культ духа синего неба, принесенный ими из степей Центральной Азии. Менандр оставил нам описание погребения в 572 г. первого из западных каганов—Истеми-Дизавула. Византийский посол Валентин присутствовал при одной из церемоний погребального обряда, когда сын покойного приносил в жертву духу отца верховых коней, которыми Истеми пользовался при жизни, а также четырех военнопленных, которым сын Истеми дал при этом какое-то поручение к своему усопшему отцу. Валентину и его спутникам пришлось соблюсти местный обычай и в знак траура порезать себе щеки, иначе они рисковали навлечь на себя гнев нового царя. В этой связи особенно интересны

найденные на Афрасиабе глиняные статуэтки, относящиеся к этому времени и изображающие плачущую фигуру, раздирающую себе щеки.

В «Тан-шу» сохранилось полное описание погребального обряда тюрков: сожжение лежащего в палатке покойника со всеми его вещами и боевым конем, водружение на могильной насыпи камней по числу убитых им врагов и его изображения с записью содеянного им.

Что касается быта жителей Канского царства, то о них Сюан Цян сообщает, что они носят одежду из хлопчатобумажных тканей, шерсти и кожи. Мужчины носят кафтаны и стригут волосы, женщины «складывают волосы на голове и накрывают черным покрывалом с золотыми цветами»; владетель Канского царства заплетает волосы, носит золотой венец с семью дорогими камнями, одевается в шелковые ткани и плотно.

Сюан Цян упоминает также золотые троны во дворцах правителей: у владетеля Кушании был трон в виде барана, у владетеля Бухары—в виде верблюда.

Жители Согда любили музыку, причем в их обиходе имелись и струнные инструменты, и ударные, и духовые.

§ 9. ЯЗЫК. ПИСЬМЕННОСТЬ

О тюркских языках имеется большая литература, но все же многие вопросы до сих пор остаются невыясненными.

Связь тюркских языков с языком эфталитов говорит о какой-то генетической близости среднеазиатских языков между собою, что, несомненно, является естественным результатом переплетения культур различных народов, когда каждый последующий народ-гегемон вбирал в себя достижения предыдущих культур.

Язык западнотюркского каганата, одно из «жекающих» наречий, в VI в. вытеснил другие—«йюкающие»—наречия и стал государственным языком тюркских народов.

Менандр, как указывалось выше, сохранил нам сведения о том, что согдийский посол Маниах доставил в Константинополь письмо кагана Истеми, написанное «скифскими буквами». Имеем ли мы тут дело с широко распространенным согдийским письмом или же с руническим письмом тюрков, пока сказать трудно.

Древнейшие датированные памятники тюркской письменности сохранились на территории Монголии в виде вырезанных на камне надписей каганов VIII в., но имеются и недатированные надписи. Следует назвать также рунические надписи в Киргизии VII—VIII вв., близкие к енисейским надписям того же времени. Как показало исследование, сходство, существующее между древнейшим письмом тюркским и письмом согдийским, может быть объяснено общим их источником—письмом арамейским.

Сюан Цян указывает на то, что на всем протяжении от реки Чу и до Аму-дарьи (страна Сулик, т. е. Согд) он наблюдал общность культуры, выразившуюся в сходстве одежды, обычаев, письма. О письме согдийском он сообщает, что строки идут слева направо и что в алфавите имеется всего 25 знаков. У Бируни сохранились сведения о согдийском календаре, причем сообщаемые им названия месяцев и лингвистические формы совпадают с теми данными, которые были установлены А. А. Фрейманом при изучении им текста согдийской рукописи, найден-

ной на горе Муг в Таджикистане и являющейся документом астрономического содержания (календарь). Как уже говорилось выше, в Китае были найдены памятники религиозной (буддийской, христианской и манихейской) литературы VII в. на согдийском языке. Среди согдийских текстов VII в. удалось установить и отрывки песни о Рустаме, что подтверждает бытование местных эпических сказаний на всем протяжении истории народов Средней Азии, начиная с ахеменидского периода и кончая X в., когда они влились в Шах-намэ.

Параллельно с согдийским, существовало хорезмийское письмо, зафиксированное в документах царского архива в Топрак-кала, написанных на коже и дереве, а также на монетах, печатях и металлических предметах.

В этот период было в ходу и сирийское письмо, занесенное в Среднюю Азию манихейцами. В определенных кругах были в употреблении индийский алфавит буддистов и особое сирийское письмо христиан—эстрангело.

В отличие от Ирана, где грамотность в это время была явлением редким и являлась достоянием главным образом жрецов и депиров (служащих в канцеляриях, секретарей), в Средней Азии, напротив, письменность была распространена более широко. Судя по рассказу китайского историка, мальчики, достигшие пятилетнего возраста, обучались письму и счету, чтобы затем, когда им исполнится 20 лет, отправиться в чужие страны для изучения торгового дела.

К сожалению, почти все памятники письменности богатой и разнообразной культуры народов Узбекистана в древности погибли под беспощадными ударами ислама. Бируни сообщает, что в VIII в. Кутейбой в Иране, Согде и Хорезме были истреблены жрецы—носители культуры, а также хранившиеся ими книги.

§ 10. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

О религии тюрков Феофилакт Симокатта сообщает, что они поклоняются огню, воздуху, воде, земле. Этот перечень наводит на мысль о какой-то связи с религией Заратуштры. Феофилакт добавляет, что богом тюрки почитали только создателя неба и земли, в жертву ему приносили быков, лошадей и баранов. Если в «создателе неба и земли» усматривать Ахурамазду—Ормузда, то имеются некоторые основания полагать, что религия тюрков заключала в себе общие с зороастризмом черты.

Как показали работы А. Н. Бернштама, в Семиречье в этот период зороастризм, занесенный переселившимися туда согдийцами, «нашел общий язык с шаманскими воззрениями тюрков», что привело к созданию новых, синкретических форм культа. Такое же появление новых синкретических религиозных верований уже было установлено нами в отношении территории Средней Азии в III—II вв. до н. э., когда греческий пантеон слился с кругом древних местных богов, и в кушанский период, когда прибавился еще пантеон богов Индии.

Можно, во всяком случае, полагать, что тюрки, после подчинения себе местного населения, с течением времени в какой-то мере восприняли религию покоренного ими народа, смешав ее со своими верованиями. Упоминая о живущих под Самаркандом 200 семействах, один из китайских источников рассказывает о погребении ими умерших следующее: они построили в пустынном месте ограду, в которой содержат собак, и в эту ограду собакам бросают трупы умерших, а затем собирают кости и закапывают их. В этом рассказе отразились те же обычаи, которые

для более раннего времени были зафиксированы и Страбоном, и Юстином: это—погребальный обряд зороастрийцев, с той лишь разницей, что у правоверных зороастрийцев собранные кости хоронили в специальном глиняном гробике—астодане (оссуарии).

О существовании в то время на территории Средней Азии зороастризма говорит большое количество астоданов, обнаруживаемых в различных районах и в значительной части своей относящихся к изучаемому периоду,—кладбища астоданов VI—VII вв. в Кафыр-кала (около Самарканда) и в Топрак-кала (Хорезм).

Начиная с кушанского периода, широкое распространение в Средней Азии начал получать буддизм, главным образом в городах, в среде купцов. Еще в 30-х годах VII в. Сюан Цян видел в Самарканде два опустевших буддийских монастыря, хотя с оживлением торговли в начале VII в. буддизм в Средней Азии едва ли пошел на убыль. Памятники буддизма засвидетельствованы и в Хорезме, и в правобережном Тохаристане—в Термезе, где много монастырей и ступ видел тот же Сюан Цян.

Продолжало в Средней Азии распространяться, хотя и слабо и случайно, христианство несторианского толка. Интересный рассказ сохранился у Феофилакта Симокатты и у Феофана Византийского о знаках в виде креста на лбу некоторых тюрков, входивших в отряды Бахрам-Чубина. Знаки эти были нанесены им на лбы в раннем детстве матерями, которые, якобы, надеялись уберечь этим детей от болезней.

В массе народа имел распространение и шаманизм, выражавшийся в культе сил природы, среди которых первое место занимал «Кок-тенгри»—дух синего неба. В Кеше существовал своеобразный культ бога войны, которому перед походом надо было принести в жертву 1000 баранов. В Самарканде долго держался культ «божественного младенца», связанный с Сиявущем и с культом «умирающего и воскресающего бога».

§ 11. ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ

Памятников изучаемого времени, особенно архитектурных, сохранилось еще меньше, чем памятников, оставшихся от предыдущих периодов. Это находит себе самое простое объяснение: здания, существовавшие в период арабского завоевания, были или разрушены или перестроены, что лишает нас возможности охарактеризовать их тип.

К VI—VIII вв. должны быть отнесены исследованные С. П. Толстовым на территории Хорезма укрепленные усадьбы-замки Беркут-кала и особенно Тешик-кала.

Характерным для этого периода является расположение донжона—«кёшка» (жилой башни) на массивном цоколе, высотой в 4—8 м. Донжон этот расположен на углу или в середине одной из стен, и стены его украшены «гофрировкой»—полуколоннами с ложными бойницами (иногда бойницы отсутствуют). Поднятие донжона на цоколь делало его недоступным для стенобитных орудий и подкопов. Введение в VII в. этого нового фортификационного приема С. П. Толстов объясняет внутренней политической обстановкой в Хорезме и гражданскими войнами, основываясь на указании Табари о политическом кризисе в этом государстве перед арабским завоеванием.

Особый интерес представляет хорошо сохранившаяся усадьба-замок Тешик-кала, верхний слой которой С. П. Толстов, по найденным здесь монетам, относит к VII—VIII вв. Усадьба занимает площадь в один

гектар. Она обнесена глинобитной стеною с овальными башнями по углам и с узкими бойницами; по верху ее шел парапет с зубцами. Внутри этой стены, на расстоянии нескольких метров от нее, находится вторая стена меньшей толщины. По середине югозападной стороны этой стены расположен кёшк на цоколе в виде усеченной пирамиды, высотой в 6,5—8 м; стены его сложены из сырцового кирпича и снаружи украшены полуколоннами с арочками вверху. Войти в кёшк можно было только через подъемный мост, который был перекинут от башни, находившейся против входа. Входы, ведущие в центральное помещение, перекрыты коробовыми сводами. В комнатах имеются широкие лежанки, стены украшены рельефным глиняным фризом из чередующихся розеток и пальметок; на полу найдены обрывки ковра, вытканного в «паласной» технике. Во дворе замка находится небольшой дом, по всей вероятности, храм огня, с очень толстыми кирпичными стенами.

На территории Согда к VI—VII вв. относятся развалины замка в Куня-фазли, обнаруженные А. И. Тереножкиным на пустынном западе Каршинского оазиса.

К VI—VII вв. относится многочисленная группа памятников—большое количество обломков и немного целых экземпляров глиняных асоданов (оссуариев), находимых на территории Средней Азии, преимущественно в Хорезме и Согде. Одна группа асоданов, найденных в Хорезме, имеет вид прямоугольного удлиненного ящика (иногда на ножках) с плоской или четырехскатной крышкой; другая группа представляет собою овальный или круглый в разрезе ящик с конусообразной крышкой, завершающейся вверху лепным изображением человеческой головы. В. В. Бартольд уже отмечал, что тот или иной тип оссуариев определяется стремлением придать последней обители человека ту архитектурную форму, которая была присуща жилищу покойника при жизни; овальные и круглые ящики воспроизводят юрту, а прямоугольные—тот или иной тип дома или храма.

А. П. Потапов сопоставляет с типом дворца в Ташкенте, в Ак-тепе на Боз-су, тип оссуариев с четырехскатной крышей, двустворчатой дверью и навесом на колонках. Этот тип здания зафиксирован на фрагментах более ранних оссуариев, найденных в Согде, в Бия-наймане. В городе Кушания (около Катта-кургана), судя по китайским источникам, в VII в. имелось некое культовое здание, в котором владыка города по утрам совершал какие-то обряды; на северной стене этого здания были «нарисованы красками китайские императоры, на восточной—владельцы тюркские и индийские, на западной—персидские и римские». Описание это, в дополнение к росписям дворцов в Варахше и Топрак-кала, говорит о широко распространенном в то время декоративном приеме—украшении стен зданий росписью.

Судя по китайским источникам, в Согде тогда имелись большие золотые статуи в храмах (в Иштихане), но каким богам они были посвящены—неизвестно. Скульптура имела, повидимому, большое распространение. Те же китайские летописи сообщают о тронах в виде животных, на которых восседали цари в Унаге (Бухарский оазис), Хе (Кушания) и Бахани (Фергана).

В VII в. в Кафыр-кала (около Самарканда) бытовала—и, вероятно, изготовлялась—любопытная керамика, по формам близкая к серебряным сасанидским сосудам (блюда, кувшины, чарки), посыпанная слюдой, придававшей ей металлический блеск, и украшенная рельефными изображениями (человеческие лица, козлы, плоды, розетки). Возможно,

что эта группа сосудов воспроизводила в дешевом материале дорого стоившие предметы из серебра.

Памятников материальной культуры из тюркского обихода сохранилось мало: так называемые балбалы—каменные фигуры, изображающие покойного, чаще всего с чашей, а иногда с оружием или с каким-нибудь предметом домашней утвари в руках, и ставившиеся на кургане или насыпи. Они были весьма примитивны в отношении техники и стиля.

Но в то же время, византийский историк Менандр, описывая путешествие Земарха в ставку Истеми-Дизавула, оставил нам перечень золотых предметов (трон, ложе, вазы, кувшины), виденных послом в шатрах кагана; видел он и повозки, наполненные серебряной посудой и предметами в виде животных, которые, якобы, не уступали тому, что изготовлялось в Византии. В одном из шатров византийцы любовались колоннами из дерева, покрытыми золотом, и золотым ложем на ножках в виде золотых павлинов. Это множество золотых предметов, по словам Феофилакта Симокатты, тюрки изготовляли из золота, получаемого ими из Ирана. Не исключена, конечно, возможность, что среди этой серебряной посуды и золотых предметов находились и изделия народов Средней Азии, Ирана и других стран, попавшие в ставку кагана в качестве даров или в результате грабежа.

§ 12. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тюркскому каганату суждено было сыграть большую роль в качестве своего рода толчка, вызвавшего более быстрый рост феодализации общественного строя, начавшийся уже в конце эфталитского периода.

Большая международная торговля между Византией и Китаем, в которую втянуты были народы Средней Азии, диапазон политических и культурных связей (от Византии на западе до Кореи на востоке) — все это усилило экономические, политические и культурные связи с соседними народами и наложило свой отпечаток как на культуру населявших Среднюю Азию народов, так и на культурные явления в жизни смежных стран—Китая, Ирана, Византии, в свою очередь испытавших на себе воздействие народов Средней Азии в период тюркского каганата.

На протяжении двенадцативекового периода своей древней истории народы, населявшие территорию Узбекистана, втянутые вместе со смежными народами, населявшими территории нынешних среднеазиатских советских республик, и в первую очередь Таджикистана, в ход мировой истории, создавали и развивали в теснейшей взаимосвязи свою собственную разностороннюю и богатую культуру.

Будучи соучастниками создания ахеменидской культуры Ирана, эллинистической культуры Греко-бактрийского царства и создателями культуры Кушанского царства, народы Средней Азии подняли свою древнюю культуру на еще большую высоту при Эфталитском и Тюркском объединениях. Такова была экономическая, социально-политическая и культурная жизнь Узбекистана накануне вторжения в Среднюю Азию кочевников-арабов.

ГЛАВА II

ЗАВОЕВАНИЕ АРАБАМИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

§ 1. ВВЕДЕНИЕ

Арабы в первой половине VII в. к моменту их выступления на историческую арену в качестве завоевателей представляли собой весьма разнородную в социальном и культурном отношении народность; основная масса их кочевала со стадами скота—верблюдов, овец и т. п.—вокруг колодцев Аравийской пустыни и на периферии оазисов. Арабы представляли собой классовое общество, в котором, наряду с рабовладельческим укладом, уже зарождались первые признаки феодальной эксплуатации, хотя основная масса бедуинов (арабов-кочевников) еще оставалась свободной. Родоплеменные отношения среди арабов еще не были изжиты, и сохраняли в степи свое сильное влияние на общественную жизнь кочевников.

В небольших оазисах, оторванных друг от друга, велось орошаемое земледелие, имелись малоразвитые города, населенные главным образом купцами, занимавшимися торговлей с кочевой массой пустынь, и ремесленниками. Основными объектами эксплуатации рабовладельческого класса торговых городов Аравийского полуострова были эти скотоводческие племена и городские ремесленники.

Страна была раздроблена на ряд мелких политических единиц, опиравшихся на города-центры в отдельных оазисах. Население земледельческих оазисов, как ведущих центров хозяйственного развития арабского общества, находилось в то время на самом раннем этапе сложения феодализма, сопровождающемся усиленным процессом разложения рабовладельческого общества.

В VII в. после ожесточенных межплеменных войн небольшой город Медина стал центром нового политического объединения всех арабских племен. Идеологией этого движения сделался ислам. Правящим группам Медины удалось быстро сплотить вокруг себя воинственных вождей кочевых племен и, направив силы против соседних городов и оазисов, одержать одну победу за другой над своими соседями. Будучи сами кровно заинтересованы в богатой военной добыче, они сумели небольшими подачками заинтересовать в ней и следовавшие за ними широкие массы кочевников.

Арабы быстро захватили Сирию, Палестину, Иран, Среднюю Азию. Победы арабов объясняются не столько их силой, сколько внутренней слабостью и политико-экономической раздробленностью захваченных арабами стран.

В рассматриваемый период арабское общество в культурном отношении стояло на более низком уровне, чем покоренные им народы Египта, Византии, Средней Азии, Сирии, Ирана.

Арабы завоевали Иран в течение не более 15 лет. В 651 г. они подошли уже к Мерву, богатому и культурному городу, и взяли его без боя. Здесь в том же году, в окрестностях города, на мельнице, на канале Разик, погиб последний шаханшах Ирана Йездегерд III.

Арабы в середине VII в., когда ими был завоеван Мерв, не представляли еще общества, перешедшего в оседлое состояние. В подавляющей своей массе они были кочевниками, сохранявшими еще родоплеменные отношения, но уже являвшими собой классовое общество дофеодалного типа. Войско арабов строилось по племенным единицам и отражало в своем строении наиболее характерные черты внутриплеменных отношений.

Исстари арабы делились на две группы—северную и южную. Северная группа носила общее имя ма'адитов или низаритов, иногда кайситов—по имени самого крупного из арабских племен, входивших в эту группу. Кайситы, как мы будем теперь их называть, делились, в свою очередь, на две группы: мудар и раби'а. В объединение мудар входили племена кайс, темим, бахила и другие, в объединение раби'а—племена абд-ал-кайс, бакр и ряд других. Южноарабские племена носили название иеменитов или кельбитов, по имени кельб—одного из крупных племен южных арабов. Этим именем принято их иногда называть и в научной литературе. В состав кельбитов в числе других входило племя азд.

Кайситы и кельбиты сильно отличались друг от друга и прежде всего по своему культурному уровню. Кайситы были грубы, воинственны, малокультурны. Кельбиты легче переходили к городской жизни, имели склонность к культурному быту, больше, чем кайситы, любили поэзию. Исстари между кайситами и кельбитами шла вражда, значительно усилившаяся в эпоху арабского завоевания и создания халифата. Причина этой вражды заключалась главным образом в том, что кельбиты стояли ближе к омейядской династии и потому занимали в Сирии лучшие места при дворе и в войске. Но и внутри северной группы, т. е. среди кайситов, не сохранялось единства. Между раби'а и мудар вражда бывала еще более сильной, чем между кайситами и кельбитами, и не раз раби'а переходили на сторону кельбитов в их борьбе с кайситами.

Уходя в походы, разбившись на отряды по своим племенным подразделениям, арабы приносили с собой и свои племенные традиции, в том числе и межплеменную вражду. Это сказывалось на положении арабской власти в самые ответственные моменты истории халифата.

Арабское войско состояло из легкой и тяжелой конницы и пехоты. Под тяжелой конницей нужно понимать небольшие, иногда в несколько десятков единиц, конные отряды, где не только всадники, но и кони были одеты в панцыри и другое защитное снаряжение. В ряды тяжелой конницы шли главным образом представители арабской кочевой аристократии. Соотношение пеших и конных воинов было почти одинаковым. Конница в большей своей части составлялась из арабов, а пехота из особой категории людей—«мавали» (единственное число «маула»); однако встречались конники и из мавали, как и пехотинцы из арабов. Мавали, т. е. клиенты, вербовались или из тех же арабов, или из представителей покоренных народов, перешедших в ислам, которые становились под покровительство какого-либо арабского племени, выполняли определенные обязательства и, прежде всего, несли военную службу. Как мы увидим ниже, в составе арабского войска было много неарабских элементов.

Так, например, когда в 50-х годах VII в., то есть вскоре после завоевания Мерва, один из арабских военачальников, ал-Ахнаф ибн-Кейс из племени темим, сражался с жителями Талкана, Фарьяба, Чаганиана, в его войске, состоявшем из 5000 человек, было 4000 арабов и 1000 воинов, принадлежавших к другим народностям, но уже ставших мусульманами.

Приведем еще один яркий пример. Когда Иезид ибн-ал-Мухаллаб подошел в 716 г. к Дихистану, в его войске, по словам ат-Табари, было 100 тысяч воинов, не считая вышеупомянутых мавали, рабов и добровольцев (мутеттавиин). С двумя последними категориями мы встретимся еще не раз.

Было бы, однако, неправильным считать, что из мавали набирались только пехотинцы и изредка конники; в ряде случаев они поднимались до очень высокого положения. Например, Хаян ан-Набати, один из наиболее благородных маула, был главой иранского отряда в составе арабского войска. Во времена Омара II (717—720 гг.) один из согдийских или мервских дехкан, Сулейман ибн-Абу-с-Сари, маула племени уафа, был, повидимому, сахиб-беридом, т. е. начальником государственной почты. В 720—721 гг. он заведывал сбором податей в Согде, а в 722 г. находился во главе арабского войска, разбившего Диваштича—владельца Пенджикента, восставшего против арабов.

Завоевав Иран, арабы не остановились на захвате Мерва. Их взор был обращен на всю Среднюю Азию, особенно на богатые земли Согда, Тохаристана, Чаганиана (владение в бассейне Сурхан-дарьи) и Хорезма.

Вначале завоевание арабами Средней Азии носило грабительский характер. Набеги свои они совершали из Хорасана, причем штаб-квартирой их военачальника был Мерв—местопребывание хорасанского наместника, непосредственно подчиненного наместнику в восточной части халифата, сидевшему в Куфе.

В Среднюю Азию арабов влекла, прежде всего, богатая добыча, причем к таким именно действиям поощряла арабских воинов одна из глав («сур») корана—«сура о добыче» («сурат ал-ганимат»). Согласно этой суре, присвоение мусульманами добычи в войне с неверными рассматривалось как вполне дозволенное действие; сура даже предусматривала те нормы, по которым эта добыча распределялась: одна пятая ее должна была поступать Мухаммеду, а после его смерти—халифу, вдовам и сиротам; четыре пятых надлежало передавать в распоряжение войска, причем из них пехотинцу полагалась одна доля, а всаднику—три. Если принять во внимание, что всадники набирались из арабов и по преимуществу из наиболее зажиточных групп, то станет понятно, что в войске арабов равенства не было и что мавали при разделе добычи не могли рассчитывать на такую же долю, как всадники-арабы.

В первые десятилетия после смерти Мухаммеда, т. е. при первых четырех «правоверных халифах», в распределение войску шла вся добыча, включая золото и другие драгоценности. Однако с приходом к власти омейядов картина резко изменилась. Ал-Якуби, историк и географ IX в., рассказывает, что халиф Муавия (661—680 гг.) потребовал, чтобы в Хорасане не давали в раздел войску золота и драгоценностей, а, собрав все это, отсылали ему в Дамаск. Как мы увидим ниже, при изложении хода арабского завоевания, командующий войском во время похода назначал специальных лиц для распределения добычи. У ат-Табари имеется любопытный рассказ, как производился раздел добычи в ал-Бухейре (в Джурджане).

Когда войско Иезида ибн-ал-Мухаллаба взяло в 716 г. ал-

Бухейру, оно обратилось к своему военачальнику с просьбой выдать жалованье. Иезид немедленно распорядился, чтобы добыча была приведена в порядок и сосчитана. Приказание его было выполнено, мешки с добычей пересчитаны, причем было отмечено, что именно находится в каждом мешке: пшеница, ячмень, кунжут, мед или другие предметы. По окончании пересчета Иезид сказал войску, чтобы каждый брал, что ему нужно. Воины уносили с собой одежду или что могли взять из съестного либо других предметов. За каждым записывалось, что он взял.

Источники отмечают, что арабы были жадны до добычи и смотрели на Среднюю Азию и на другие окраины халифата, как на объект грабежа. Традиция приписывает халифу Омару I слова, приведенные у Абу Юсуфа Якуба в его «Китаб-ал-харадж», сочинении, написанном в конце VIII в.: «Мусульмане едят их (покоренных), пока они живы; когда мы и они умрем, наши дети будут есть их детей, пока они живы».

В полном соответствии с этим взглядом халифа Омара находится следующий факт, который сообщает нам ал-Белазури. Когда Абдаллах ибн-Хазим был назначен наместником Хорасана (683—691 гг.), то «собралась большая толпа из (племени) бакр ибн-ваил и других, стала говорить: «почему эти пожирают Хорасан без нас?». Случай этот настолько выразителен, что не нуждается в комментариях.

Один из первых арабских военачальников, воевавших в Тохаристане, в районе Балха, ал-Ахнаф, возвратился однажды в Балх и здесь стал производить сбор дани; люди принесли ему дары—сосуды из золота и серебра, золотую и серебряную монету, разные товары, в том числе одежду. При этом они заявили, что дары они принесли ему как правителю, согласно обычаю, в день Михраджана, староиранского праздника осеннего равноденствия. Таким образом, арабы в первые годы завоеваний получали не только добычу, но и дань и даже большие дары, которые, конечно, не носили добровольного характера.

§ 2. ПЕРВЫЙ ЭТАП ЗАВОЕВАНИЯ АРАБАМИ СРЕДНЕЙ АЗИИ. ПРИЧИНЫ УСПЕХА АРАБОВ

Выше уже говорилось, что за Аму-дарью арабы ходили главным образом в целях грабительских набегов. Повидимому, первым перешел Аму-дарью Убейдуллах ибн-Зияд, посланный сюда халифом Муавией в 674 г. Он осадил и взял Пайкенд, подошел затем к Бухаре и одержал победу над бухарской царицей, имя которой в источниках не сохранилось и которая вошла в историю как «мать Тахшады» (Тахшада—владетель Бухары, правивший в период арабского завоевания). Убейдуллах вывез из Бухары и Пайкенда большую добычу—оружие, одежду, золото, серебро и множество пленных.

Весьма характерным для первого этапа завоевания Средней Азии является поход Саида ибн-Османа на Бухару и города Согда в 676 г. Несмотря на то, что многие подробности событий, связанных с бухарской царицей—матерью Тахшады, являются малодостоверными, мы все же упоминаем о них, так как они, безотносительно к вопросу о степени своей достоверности, точно передают дух эпохи.

В Бухаре, согласно источникам, правила упомянутая выше царица—мать Тахшады. Она сначала испугалась и запросила мира, но когда к ней на помощь пришли войска владетелей Согда, Кеша, Несефа, она решила дать бой арабам. Судя по рассказу Наршахи, арабское войско произвело на согдийцев столь устрашающее впечатление, что они ушли с поля битвы, оставив Бухару на произвол судьбы. Царице пришлось

заклучить мир, выплатив большую дань и выдав 80 заложников из числа «царских потомков» и дехканской знати.

Захватив Бухару, Саид ибн-Осман отправился в Согд, в Самарканд, где в то время царь отсутствовал; поход этот был также удачен. Саид вывез из Бухары, кроме захваченных ценностей, 30 тысяч пленных. Возвращаясь в Мерв, Саид ибн-Осман заявил бухарской царице, что заложников ей он вернет, когда перейдет через Аму-дарью. Однако слова своего не сдержал, повез заложников в Мерв, потом в Нишапур и дальше на запад, в Медину. В Медине Саид ибн-Осман приказал знатым бухарским заложникам снять богатое платье, одел их в грубую шерстяную одежду, отобрал у них все драгоценности и направил на тяжелые сельскохозяйственные работы. По словам арабского историка IX в. ал-Белазури, бухарские заложники были обращены в рабов и использованы на работах по искусственному орошению. Свободолюбивые и воинственные дехканы не хотели мириться с таким унижением. Согласно Наршахи, они вошли во дворец Саида ибн-Османа, набросились на него и убили, после чего и сами покончили с собой.

До 704 г., т. е. до начала VIII в., когда наместником Хорасана был назначен Кутейба ибн-Муслим, поставивший своей задачей систематическое и прочное завоевание Мавераннахра, т. е. Заречья—областей, лежащих на правой стороне Аму-дарьи,—арабские военачальники ограничивались лишь грабительскими набегами.

На первый взгляд даже трудно понять, почему согдийцы, народ независимый и воинственный, люди, отважные в бою, хорошо владевшие оружием, в единоборстве часто выходившие победителями, почти всегда сдавали города арабам? Объясняется это лишь тем, что в Согде, так же как в бухарском владении и других местах Средней Азии, не было тогда единой власти. К моменту прихода арабов в Согде имелось множество мелких владений, каждое из которых представляло собой, как мы видели выше, укрепленный город с небольшой округой. Между правителями, местными царьками, хотя часто и связанными узами родства, происходили ссоры, разгоралась вражда, что почти не давало им возможности объединиться для борьбы против арабов. Кроме того, не все слои согдийского населения отстаивали свою независимость; были группы, которые даже помогали арабам в их набегах. Ат-Табари под 77 (696) г. рассказывает, что Умейя ибн-Абдаллах, наместник Хорасана (692—697 гг.), сделал перед походом на Мавераннахр заём у согдийских купцов и жителей Согда. Этот факт, мимо которого нельзя пройти, с несомненностью подчеркивает, что купцам Согда (среди них, конечно, были и несогдийцы) выгодное вложение денег, даже на войну против собственного народа, было дороже независимости их страны. В том же отрывке ат-Табари указывается, что некоторые военачальники брали на себя подряды на поставку лошадей и оружия для того или другого похода.

Но тем не менее в Согде, Хорезме и других областях Средней Азии, в частности на территории Мавераннахра, имели место попытки создать единый фронт против арабов. Ат-Табари писал под 61 (680) г., что арабские наместники Хорасана совершали свои походы на Мавераннахр весной, а к зиме возвращались домой в Мерв. Зимой же, когда они покидали северный берег Аму-дарьи, среднеазиатские царьки собирались вблизи Хорезма в одном из городов Средней Азии¹. Здесь они не раз брали на себя договорные обязательства не нападать друг на друга, а

¹ К сожалению, ат-Табари не указывает его названия и точного местоположения.

мирно договариваться о своих общих делах. Однако события, связанные с арабским завоеванием, показывают, что из этих совещаний и договоров ничего реального не получалось и что арабские военачальники хорошо умели пользоваться политической раздробленностью страны и постоянной враждой среди местных правителей.

Рано встретились арабы и с тюрками. На территории Мавераннахра, Хорасана и соседних с ними областей в VII в., как говорилось выше, жили, наряду с оседлыми народами, и кочевники-тюрки. По соседству с Чачем (Ташкентский район), а также в самом Чаче, в Семиречье, по долине Таласа и Чу, с середины VII в. кочевали тюркешы, до того обитавшие в бассейне р. Или и на запад от Иртыша. В Фергане, Тохаристане с начала VIII в. жили карлуки. Тохаристанские тюрки в эпоху арабского завоевания являлись в Тохаристане крупной силой. Значительное количество тюрков жило в долине Зарафшана, на правом берегу, в районе между Бухарой и Самаркандом.

Ал-Белазури, описывая арабские походы 80-х гг. VII столетия, говорит, что во время междоусобиц арабских племен тюрки в своих набегах доходили до Нишапура.

Тот же арабский историк рассказывает, что Абдаллах ибн-Хазим (683—691 гг.) рассеял большое количество тюрков в Хорасане. Согдийские владетели, как выше было сказано, поддерживали постоянные отношения с западнотюркскими ханами, женили своих сыновей на их дочерях или выдавали своих дочерей замуж за их сыновей. Среди согдийской знати были распространены тюркские титулы. Достаточно вспомнить согдийского царя Тархуна; едва ли можно сомневаться, что имя «Тархун» происходит непосредственно от тюркского титула «тархан».

Западные тюрки, вследствие поражения, которое им нанесли китайские войска между 645 и 658 гг., потеряли все свое прежнее значение. Вместо тюркского влияния в Согде установилось тогда (правда, кратковременное) влияние китайцев, которые доходили до Кеша. Китайский император даже склонен был территорию Мавераннахра включить в состав Китайской империи, но фактически зависимость от китайцев была лишь номинальной.

Западнотюркский каганат прекратил свое существование в 704 г., когда власть в Семиречье перешла в руки упомянутых выше тюркешей. Последние разделялись на две группы—черных и желтых тюркешей. Центром черных тюркешей (кара-тюркешей) был, повидимому, город Тараз (ныне Джамбул). Во главе кара-тюркешей с 717 по 738 г. находился хан Сулу, не раз помогавший согдийцам в их борьбе с арабами.

Со времени первых арабских набегов на Мавераннахр тюрки призывались на помощь согдийскими и другими царями и принимали самое активное участие в борьбе против арабов. Для тюрков участие в этой борьбе имело огромное значение. Победа арабов сулила в лучшем случае потерю тюрками политического влияния на дела Согды и других владений, а в худшем—даже прямое подчинение арабам. Вот почему на протяжении почти всего VIII в. всякий раз, когда население Мавераннахра вело или возобновляло в той или иной форме борьбу с арабами, тюрки принимали в ней активное участие.

Выше было отмечено, что вначале арабское завоевание носило характер грабительских набегов, хотя у хорасанских наместников уже тогда намечалась тенденция прочно захватить Мавераннахр и включить его, как и Хорасан, в состав халифата. Однако политика эта сорвалась, и период систематического закрепления завоевания был

отодвинут на несколько десятилетий. Причиной явилось не только то энергичное сопротивление, которое оказывали арабам народы Средней Азии, но и межплеменная вражда в среде арабов, которая была отражением глубокого кризиса, охватившего халифат. В первую половину царствования Абд-ал-Мелика (685—705 гг.) халифат переживал тяжелые годы. Глубокие классовые противоречия, а также противоречия между завоевателями—арабами и покоренными народами привели к ряду серьезных восстаний, как например движение ал-Мухтара в Ираке (684—685 гг.) или мардаитов в Сирии.

Огромное значение имела и борьба, разразившаяся между халифом и антихалифом, в качестве которого выступил в Аравии (Медина и Мекка) Абдаллах ибн-аз-Зубейр. Если единство среди северных и южных арабских племен не было нарушено расхождениями по вопросу об отношении к народным движениям в Ираке и Сирии, в подавлении которых эти племена принимали самое деятельное участие, то борьба Абд ал-Мелика и Абдаллаха ибн-аз-Зубейра внесла раскол в их среду. Среди арабских племен в Хорасане начались такие распри, которые не могли не пошатнуть арабского авторитета на Востоке. В Хорасане в связи с этим появляются наместники не только малонадежные, но прямо опасные для центральной власти. Таким был, например, Абдаллах ибн-Хазим, глава хорасанских кайситов, правитель Хорасана с 683 по 691 г. Когда на престол вступил Абд ал-Мелик, он потребовал от Абдаллаха ибн-Хазима отречения от верности Абдаллаху ибн-аз-Зубейру, но Абдаллах ибн-Хазим отказался сделать это и начал чеканить золотую монету, что было прерогативой лишь верховной, т. е. халифской власти. По приказанию Абд ал-Мелика мятежный хорасанский наместник вскоре был убит.

В конце царствования халифа Абд ал-Мелика дела омейядской династии значительно улучшились. В халифате установлен был порядок, причем большую роль в этом сыграл суровый наместник Ирака ал-Хаджадж. Прекратились и межплеменные распри. В Дамаске и Куфе были спокойны за верность посылаемых в Хорасан наместников.

§ 3. НАМЕСТНИЧЕСТВО КУТЕЙБЫ ИБН-МУСЛИМА

В 705 г. наместник Хорасана Кутейба направился на завоевание Ахаруна и Шумана¹. Характерно, что когда Кутейба возвращался домой в Мерв, он сел на суда и спустился к Амулю (Чарджоу), оставив позади себя войско. Поход этот был неудачен и вызвал недовольство со стороны ал-Хаджаджа, который направил ему письмо, осуждая его за оставление войска. «Когда ты идешь в поход,—писал он ему,—то будь впереди войска, когда же ты возвращаешься, то будь среди последних, в арьергарде». В условиях военной техники того времени это был правильный совет, и, повидимому, Кутейба всегда следовал ему в дальнейшем.

В 706 г. Кутейба отправился в свой первый поход в долину реки Зарафшан, причем маршрут его представляет определенный интерес. Он вышел из Мерва на Мерверуд, потом пришел в Амударью, отсюда достиг Замма (Керки), перешел здесь Аму-дарью и взял путь на Пайкенд. Наряду с Самаркандом, это был один из старейших городов Ма-

¹ Владения по рр. Сурхан и Кафирниган, вошедшие потом в состав Чаганиана—земли, находящиеся ныне в составе Узбекистана и Таджикистана.

вераннахра. Арабские и персидские источники называют его «городом купцов», а иногда «медным городом». Действительно, это был богатый торговый город, имевший хорошо укрепленные стены и башни. Пайкендские купцы принимали активное участие в караванной торговле и ездили как в Китай, так и к Каспийскому морю.

Когда пайкендцы узнали, что к ним движется арабское войско, они обратились в Согд и в другие места за помощью. Несмотря на то, что к Пайкенду подошли значительные отряды союзников, его жители, с целью выиграть время, запросили у арабов мира. Кутейба подписал мирный договор, взял дань и ушел по направлению к Аму-дарье. В Пайкенде он оставил начальником гарнизона человека из того же племени бахила, к которому принадлежал и сам. Но не успел Кутейба подойти к Аму-дарье, как ему принесли весть о том, что в Пайкенде вспыхнуло восстание, и что небольшой арабский гарнизон, находившийся там, весь был перебит во главе с начальником. Кутейба вернулся, осадил восставший город и после месячной осады взял его. Арабы, избалованные богатой добычей, которую они обыкновенно увозили из Средней Азии, были потрясены богатством хорошо укрепленного, хотя и небольшого города. Ат-Табари рассказывает, что Кутейба назначил специально двух лиц для заведывания добычей и распределения ее среди войска. Под присмотром этих лиц арабы расплавили громадное количество золотых и серебряных сосудов, идолов и других предметов, причем сплавленный металл весил сто пятьдесят тысяч мискалей, т. е. золотников (приблизительно, конечно). В состав добычи, кроме золота и серебра, вошло много других дорогих предметов и, в особенности, хорошего вооружения.

Интересна переписка Кутейбы с ал-Хаджаджем по этому поводу. Согласно установившемуся порядку, наместник должен был переслать ал-Хаджаджу в Куфу вместе с золотом и серебром и захваченное оружие. Кутейба в письме испросил разрешение оставить оружие для раздачи своим воинам. Вооружение арабов в это время еще было плохим, и раздача оружия явилась настоящим событием для войска. Ат-Табари рассказывает, что арабские воины, получившие хорошее оружие, соперничали между собой, хвастаясь друг перед другом его качеством и красотой.

В 706 г. Кутейба дальше Пайкенда не пошел. На следующий год он снова отправился в Мавераннахр и занял без боя один из древнейших городов Бухарской области—Рамитан. Пойти дальше в глубь страны, чтобы закрепить за собою победу, он не смог, так как его стали теснить объединенные силы тюрков, согдийцев и ферганцев.

В 708 г. ал-Хаджадж предписал Кутейбе вернуться в Бухарскую область и подчинить себе вардан-худата, которого ат-Табари называет меликом Бухары. В те годы вардан-худат, владетель Варданы, был наиболее сильным царем в нижней части Зарафшанской долины. Кутейба не смог его победить и ушел в Мерв без каких-либо серьезных успехов. Ал-Хаджадж высказал Кутейбе свое недовольство и отправил его на завоевание Кеша и Несефа—городов, лежавших в долине Кашка-дарьи, с тем, чтобы после этого он все-таки покорил Вардану, Бухару и их мелика.

В 709 г. Кутейба отправился, наконец, с большим отрядом на завоевание богатой и хорошо укрепленной Бухары. Вардан-худат, наиболее сильный владетель в той области, обратился за помощью к тюркам и согдийцам. Однако помощи они не прислали, и Кутейба без большого труда взял Бухару. Событие это произвело сильное впечатление на

соседних правителей, даже на самого крупного из них — согдийского ихшида (ихшид—титул владетеля), имевшего местопребывание в Самарканде. Тархун решил избежать столкновения и пойти на мир с арабами. Он остановился со своими людьми вблизи военного лагеря Кутейбы и отправил посланца с предложением заключить мирный договор, выражая согласие систематически уплачивать арабам дань. Кутейба согласился на мир, но потребовал заложников.

Поведение Тархуна произвело очень сильное впечатление на согдийцев. Когда брат Кутейбы, Абдуррахман ибн-Муслим, получал в 710 г. очередную дань, согдийцы не выдержали и низложили Тархуна. На его место был поставлен Гурек. Он царствовал с 710 по 737 г., проведя немалую часть этого времени в энергичной борьбе с арабами. Избрание Гурека царем Согда оказалось крупным событием в истории борьбы согдийцев с арабами. Было ясно, что в Согде арабы встретят решительное сопротивление.

В 710 г. Кутейба совершил поход для покорения Шумана, а также Кеша и Несефа. Казалось бы, что все было подготовлено для генерального наступления арабов на сердце Согда—Самарканд, однако дела в Хорезме отвлекли Кутейбу почти на два года. В 711 г. хорезмшах, который согласно одному из источников носил имя Чаган, опасаясь брата своего Хурзада, стоявшего во главе восставшего против него народа, обратился за помощью к Кутейбе и прислал ему золотые ключи от своих городов. Кутейба, считая вмешательство в дела Хорезма весьма полезным для намеченного завоевания Средней Азии, дал свое согласие и пришел в 712 г. с отрядом в Хорезм—эту древнюю и богатую страну.

Хорезмшах тогда находился в Филе (также Фир), как называлась цитадель Кята—столицы Хорезма, хотя название это прилагалось и ко всему городу Кяту, являясь его наиболее древним именем. Кутейба помог хорезмшаху разбить Хурзада, захватил его и убил. Хорезмшах, предавший арабам свою родину, ничего не выиграл, так как должен был уплатить Кутейбе дань и лишился прежней независимости. Как мы увидим ниже, отряды хорезмшаха не раз принимали участие в походах арабов против других среднеазиатских владетелей.

В том же 712 г., начав поход на Самарканд, Кутейба отправил во главе авангарда своего брата Абдуррахмана с 20-тысячным отрядом, а сам выступил с главным войском, в состав которого, кроме арабов, входили хорезмийцы и бухарцы. Когда Кутейба подошел к Самарканду и осадил его, согдийцы испугались и отправили послов к царю Чача (Шаша) и ферганскому владетелю с просьбой о помощи.

Ат-Табари приводит весьма интересный рассказ о борьбе за Самарканд. К сожалению, сообщаемые им версии не лишены некоторых противоречий. Согласно одной версии, цари Шаша и Ферганы отправили на помощь Самарканду отборный отряд из местной военной знати. Это была молодежь, сыновья марзбанов, конных витязей и других благородных людей. Они должны были напасть на лагерь Кутейбы и совместно с согдийцами из Самарканда разбить его. Однако у арабов была хорошо поставлена разведка—их лазутчики предупредили Кутейбу, и тот быстро наметил контрмеры. Он отобрал 360 храбрых арабских воинов, поставил над ними своего брата Салиха ибн-Муслима и отправил их против шашских и ферганских витязей. Столкновение произошло совершенно неожиданно для последних, в весьма неблагоприятной для них обстановке, почему и кончилось победой арабов. Согласно ат-Табари, арабы были поражены личной храбростью витязей Шаша и Ферганы. Когда отряд Салиха вернулся к Кутейбе, у всех воинов была

весьма ценная добыча—прекрасное оружие, золотые пояса, дорогие вещи и породистые лошади. В награду за боевые заслуги Кутейба оставил всю добычу в руках отряда.

После этой победы Кутейба, в том же 712 г., начал систематические военные действия против Самарканда. Были поставлены «манджаники»—осадные орудия, которые метали в город, на его стены и башни тяжелые камни. Источники, особенно ат-Табари, не раз упоминают о тяжелых машинах как метательных, так и стенобитных¹, которыми обладало осаждающее арабское войско. Характерно, что хорезмийцы и бухарцы, бывшие в составе войска Кутейбы, помогали ему своими советами.

Ат-Табари приводит интересное предание о том, как руководивший обороной Самарканда ихшид Гурек упрекнул Кутейбу в том, что он воюет против согдийцев руками его же родственников, имея в виду владетелей Хорезма и Бухары, находившихся в рядах Кутейбы и принадлежавших к родственным Гуреку династиям. Согласно рассказу, Кутейба будто бы весьма разгневался и решил повести дальнейшие работы по осаде Самарканда силами одних арабов. Ат-Табари говорит, что он вызвал к себе арифов (ариф—начальник десятка воинов)² и потребовал от них характеристики вверенных им людей. У трусов и нерадивых Кутейба отобрал хорошее оружие и передал его храбрым и достойным. После этого Кутейба усилил нажим на укрепления Самарканда. Арабским воинам удалось пробить брешь в стене, проникнуть в город и взять его. Гуреку ничего не оставалось, как заключить мир на тяжелых условиях.

Согласно одной из версий, Кутейба встретил сопротивление со стороны согдийцев еще до осады Самарканда. Узнав о походе Кутейбы, Гурек обратился за помощью к шашскому царю, ферганскому владетелю и тюркскому хакану. Присоединив приведенные ими отряды к своему войску, Гурек вступил в бой с Кутейбой у Арбинджана, но отступил и решительное сражение дал у стен Самарканда. Сражение шло успешно для согдийцев, и арабы отступили, но потом снова перешли в наступление, погнав согдийцев к стенам города и взяли его.

В. В. Бартольд в статье «К истории арабских завоеваний в Средней Азии», посвященной анализу письма Гурека к китайскому императору, удалось доказать, что эта последняя версия может быть признана достоверной, поскольку в письме Гурека определенно говорится о сражении между арабами и согдийским войском еще до начала осады Самарканда. Гурек писал:

«Главный начальник да-ши (арабов) И-ми Кю-да-бо (эмир Кутейба) во главе многочисленного войска пришел сюда; он сражался с нами, и мы нанесли нашим врагам большое поражение; но среди наших воинов было тоже много убитых и раненых; так как пехота и конница да-ши были крайне многочисленны, и так как наши силы не могли с ними бороться, я вернулся в свои укрепления; тогда да-ши осадили город; они поставили против стен триста стенобитных машин; в трех местах они вырыли большие траншеи; они хотели разрушить наш город и наше царство».

¹ В письме Гурека к китайскому императору определенно говорится, что против стен Самарканда в 712 г. было выставлено 300 стенобитных машин.

² У арабов, как у тюрков и монголов, существовала, повидимому, десятичная система построения войска.

Совпадение сведений в письме Гурека к китайскому императору с сообщениями ат-Табари является, наряду с другими такими совпадениями, прекрасным доказательством достоверности данных ат-Табари.

Ат-Табари приводит две версии мирного договора. Согласно одной, Гурек должен был выплачивать ежегодно 2 200 000 дирхемов (драхм) и, кроме того, обязывался выдать 300 000 здоровых людей¹, повидимому, в качестве воинов, причем в это число не могли входить ни мальчики, ни старики. Кроме того, жители Самарканда должны были освободить медину, т. е. внутренний город, совсем вывести своих воинов из города и не мешать арабам построить мечеть, где бы они могли молиться. Когда по этому договору медина Самарканда была сдана, Кутейба выстроил там мечеть и поставил минбар.

Согласно другой версии, согдийцы обязаны были выдать 100 тысяч здоровых людей и, кроме того, свезти в указанное место все ценности из храмов огня (буйут ан-найран), а также золотые и серебряные украшения идолов (хильят ал-аснам). Когда все ценности в золоте и серебре были сложены в кучу, которая, по выражению ат-Табари, была равна по величине замку, Кутейба приказал зажечь огонь, чтобы расплавить все золото и серебро. Согдийцы во главе с Гуреком протестовали и умоляли не делать этого, уверяя, что их боги (идолы) накажут арабов за святотатство. В ответ Кутейба сам будто бы взял головню и бросил в кучу дров. Когда золото и серебро были расплавлены, то, по словам ат-Табари, получилось 50 тысяч мискалей, т. е. золотников.

Кутейба продолжал свои походы и после взятия Самарканда в 712 г. В один из таких походов, в 713 г., он потребовал, чтобы Бухара, Кеш, Несеф и Хорезм поставили ему 20 тысяч воинов.

Кутейба воевал в Фергане, Шаше и доходил даже до Кашгара. Он всюду брал дань и оставлял арабских наместников.

Но несмотря на таланты и ум Кутейбы, он, как арабский наместник и полководец, все же целиком зависел от межплеменных распрей. Когда на халифский престол после смерти Валида (705—715 гг.) вступил Сулейман (715—717 гг.), первым его делом было преследование всех сподвижников ал-Хаджаджа, которого он ненавидел, в том числе и Кутейбы. Последний, узнав об этом, решил не подчиняться власти халифата, но был убит в Фергане в 715 г. восставшими арабскими войсками.

Походы Кутейбы сыграли в истории завоевания Средней Азии, и в частности Мавераннахра, огромную роль. Впервые арабы могли считать, что они завоевали, если не весь Мавераннахр, то во всяком случае долины Зарафшана и Кашка-дарьи, а также и Хорезм. Однако, как мы увидим ниже, согдийцы не хотели с этим мириться и не считали страну покоренной. В процессе завоевания Кутейба заводил новые порядки, стараясь всюду, где только это было возможно, усиливать арабские гарнизоны или просто поселять арабов-скотоводов и даже земледельцев.

§ 4. КОЛОНИЗАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА АРАБОВ МАВЕРАННАХР В ПЕРВЫЕ ГОДЫ АРАБСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

Колонизация арабами Средней Азии, в том числе Мавераннахра, началась очень рано. По словам ал-Белазури, в 671 г. Зияд ибн-Абу Суфьян назначил наместником в Хорасан ар-Раби ибн-Зияда ал-Хариса. Вместе с ним он послал 50 тысяч арабов, жителей Басры, Куфы и их окрестностей. Все они были переправлены на северный берег Аму-дарьи,

¹ Цифры, конечно, преувеличены.

т. е. в Мавераннахр. Едва ли можно сомневаться в том, что переселенцы эти входили в состав арабского войска, однако самый факт отправления их с семьями указывает на то, что их намеревались использовать как колонизаторов Средней Азии.

Кутейба широко проводил применявшуюся арабами и до него практику насильственного захвата большей части домов и имущества местного населения в пользу завоевателей.

По словам ал-Белазури, арабы уже при взятии Мерва в 651 г. потребовали от жителей передачи им части жилищ. Гардизи считает, что эту практику начал в 665 г. Умейр ибн-Ахмар ал-Яшкури, бывший наместником в Мерве, но, как мы видели из слов ал-Белазури, практика захвата жилищ в Мерве арабами была начата раньше. У Гардизи есть интересная деталь. Люди базара и «городская чернь» сразу восстали против этой меры, дехканы же поддерживали арабов. По инициативе Бераса ибн-Махуйя, салара (начальника) и дехкана города, арабы убили многих из восставших горожан и разграбили их имущество.

Наршахи рассказывает, что когда Кутейба взял Бухару, он потребовал, чтобы половина домов была передана арабам; жители же ближайших окрестностей должны были поставлять арабам дрова, клевер и другие припасы. По словам ат-Табари, арабы из войска Кутейбы после взятия Самарканда в 712 г. точно так же захватили дома и имущество жителей.

В «Кандии Малой» говорится о том, что Саид Хузейна, овладев Самаркандом в 720—721 гг., отдал часть домов арабам, большинство которых было родом из Мекки и Медины. По сведениям того же источника, численность этих переселенцев из племени курейш составляла пять тысяч человек.

Повидимому, ко времени арабского завоевания необходимо отнести и колонизацию арабами некоторых самаркандских рустак (сельских округов). Во всяком случае, еще в X в. арабские географы отмечают, что среди сельского населения в районе Самарканда были и арабы. Так, ал-Истахри и ибн-Хаукаль говорят о том, что арабы из племени бакр ибн-ваиль владели большей частью селений рустака Ведар.

Большое внимание обращал Кутейба и на распространение ислама в полупокоренной стране, ибо он прекрасно понимал огромное значение идеологии ислама в деле подчинения согдийцев арабам. Тогда в Согде слова «арабы» и «мусульмане» в сущности обозначали одно и то же, а распространение ислама среди покоренного населения закрепляло позиции арабов. Вначале арабы, чтобы привлечь население к исламу, временно проводили политику предоставления новообращенным всяких льгот. Согласно мусульманскому праву, лица, принявшие ислам, прежде всего освобождались от хараджа. В связи с этим с первых же дней арабского завоевания был установлен порядок: не брать джизьи и хараджа с принявшего ислам покоренного населения. Однако твердости в проведении этого порядка арабские наместники не проявляли, ибо, как показала практика, освобождение от податей приводило к уменьшению доходов не только халифа, но и его наместников, поскольку последние оставляли себе часть дани и всяких иных сборов.

В источниках встречаются три термина: «вазифа» (множественное число «вазаиф»), «джизья» и «харадж». Первый термин чаще всего употребляется для обозначения дани, хотя во множественном числе «вазаиф» обозначает иногда подати вообще. Что же касается терминов «джизья» и «харадж», то и тогда, как и в течение почти всей омейядской эпохи, ими обозначали в одинаковой мере «подушную подать».

и «поземельный налог». Однако встречаются случаи, когда под словом «джизья» понимали подушный налог, а под словом «харадж» — поземельный, как это установилось уже во время аббасидов.

Вопрос о харадже впервые встал со всей резкостью в царствование халифа Омара II (717—720 гг.) — государя, который придерживался политики примирения с покоренными народами. Политику примирения Омар II видел в том, чтобы со всех принявших ислам государственная власть не взимала хараджа. Такого именно курса он и потребовал от своего наместника в Хорасане ал-Джарраха ибн-Абдаллаха, отправленного туда в конце 717 г.

Но Омар II ошибся в своем хорасанском наместнике. Ал-Джаррах взял совершенно другой курс. Продолжая традиции Кутейбы, он считал, что управлять покоренной страной можно только мечом и кнутом, о чем он специально и писал халифу. По его представлениям, население покоренной страны, независимо от того, приняло ли оно ислам или нет, должно платить харадж.

Ал-Джаррах провел в Средней Азии год и пять месяцев. Он был властолюбивым, высокомерным человеком и выдвигал свою родню на первые места в управлении вверенной ему страной. Вот как его рисует ал-Белазури: «Ал-Джаррах, когда он заседал, клал себе под ковер золотые и серебряные слитки. Когда к нему входил кто-нибудь из его братьев или весьма уважаемых людей, он бросал каждому из них столько, сколько тот заслуживал».

Население Мавераннахра было очень недовольно политикой ал-Джарраха и отправило к Омару II депутацию с жалобой на него. Халиф потребовал, чтобы наместник освобождал принявших ислам от джизьи. Ал-Джаррах формально подчинился, но обусловил принятие ислама предварительным обрезанием вновь обращенного. Все это только усилило недовольство. Омар II отставил ал-Джарраха и в апреле 719 г. переместил его на должность правителя в Азербайджане и Армении.

По словам ат-Табари, Омар II заботился также об улучшении управления в Хорасане и Мавераннахре: он будто бы написал письмо Сулейману ибн-Абу-с-Сари, упомянутому выше крупному арабскому чиновнику, вышедшему из клиентов (мавали) племени увафа, чтобы он построил ханы (нечто вроде караван-сараев или постоянных дворов) для проезжающих по разным областям Согда. В этих ханах, по предписанию Омара II, мусульмане должны были получать приют и провиант, а их верховые и вьючные животные — фураж. К сожалению, ат-Табари ничего не говорит о том, было ли выполнено это предписание.

В связи с упомянутым выше письмом Омара II, ат-Табари рассказывает о том, как согдийцы — жители Самарканда направили в свое время халифу жалобу на вероломство и насилия Кутейбы.

В 1933 г., при участии экспедиции Академии Наук СССР, сделано было крупнейшее открытие в области истории культуры Средней Азии. В верховьях Зарафшана, в замке на горе Муг, в Таджикистане, были найдены весьма ценные документы на согдийском языке, написанные на коже и палках. Кроме того, были обнаружены китайские документы на хлопчатой бумаге и один арабский документ на коже, который был тщательно исследован В. А. и И. Ю. Крачковскими; результаты исследования опубликованы были ими в статье «Древнейший арабский документ из Средней Азии» в «Согдийском сборнике». Несмотря на то, что сам документ, написанный на коже, был сильно изъеден червями, удалось не только расшифровать его сохранившуюся часть, но и восстановить почти весь текст. Особенно ценной частью работы следует признать

раздел, посвященный «действующим лицам» документа. И. Ю. Крачковскому удалось на основе анализа, с точностью почти до одного года, датировать документ. Он был составлен не раньше 717 г. и не позже апреля 719 г., так как одно из главных действующих лиц документа, — упомянутый выше ал-Джаррах ибн-Абдаллах как раз в это время и управлял Хорасаном и Мавераннахром. В числе имен, фигурирующих в арабском документе, встречаем умершего уже Тархуна, ихшида Согда, его сыновей-мальчиков, ал-Джарраха ибн-Абдаллаха, Сулеймана ибн-Абу-с-Сари и согдийского дехкана Диваштича. Документ является письмом Диваштича, владельца Пянджикента, к ал-Джарраху ибн-Абдаллаху по поводу двух сыновей Тархуна, которых арабский наместник держал в качестве заложников у Сулеймана ибн-Абу-с-Сари, выжидая случая поставить одного из них в качестве проарабского ихшида в Согде. В руках арабского наместника они были как бы постоянной угрозой Гуреку на случай, если он отложится от арабов и примет участие в борьбе с ними. Не исключена возможность, что арабам было известно упомянутое выше письмо Гурека к китайскому императору, посланное в конце 718 или начале 719 гг. Ввиду плохой сохранности документа, неясно, куда просит Диваштич переслать малолетних сыновей Тархуна — к эмиру ал-Джарраху или к себе.

В письме имеется деталь, подтверждающая сообщение ат-Табари о заботах Омара II в области административного благоустройства Согда. В письме говорится о почтовых лошадях, на одной из которых предлагалось перевезти упомянутых сыновей Тархуна. Почта, носившая на Востоке еще в древности и в раннем средневековье государственный характер, начиная уже с первых омейядов, была предметом больших забот со стороны халифата. В Согде, как и в Хорасане и Хорезме, почта была организована до Омара II, он только старался успешно завершить ее организацию новыми мероприятиями¹.

Наиболее интересной фигурой арабского документа является Диваштич, которого ат-Табари называет дехканом Самарканда и который был, согласно тому же источнику, владельцем Пянджикента. Ат-Табари упоминает о нем в связи с восстанием против арабов, которое тот возглавил в 722 г. Понять сущность этого восстания можно только, зная события двух-трех предшествующих лет.

В 102 (720—721) г., в царствование халифа Йезида II (720—724 гг.), наместником Хорасана был назначен Саид ибн-Абд ал-Азиз, за свою любовь к нарядам получивший от владельца Абгара, точнее Абаргара (по-видимому, Диваштича) прозвище «хузейна», что значит «госпожа дома». Хузейна был весьма мягким правителем и, с точки зрения арабов, «распустил» согдийцев. Это мягкосердечие и послужило причиной того, что арабы подхватили пущенное правителем Абаргара прозвище «хузейна». Так это имя и осталось за ним в арабской исторической литературе. Вскоре Хузейна был отставлен. В Хорасан в 103 (721—722) г. был назначен суровый наместник Саид ибн-Амр ал-Хараш. Его крутые меры вызвали среди согдийцев сильное возмущение. Среди согдийской знати и связанных с ней согдийских купцов началось движение за то, чтобы покинуть свою страну и переселиться в Фергану. Согдийский ихшид Гурек всячески уговаривал не делать этого шага, убеждал подчиниться арабам и уплатить харадж. По-видимому, он считал момент неподходящим для антиарабской демонстрации. В числе решившихся

¹ В Средней Азии, как и в Иране, почта и дорожная служба восходят своим существованием еще к временам ахеменидов.

на отъезд были крупные представители согдийской знати: 400 согдийских купцов, приехавших из Китая с богатыми товарами, знать Иштихана, Сабаскета и других мест Согда—все «люди в золотых поясах».

Владельцы собрались со своими воинами (чакирами) и семьями. Так как некоторые приходили с отрядами численностью до 1000 человек, то надо думать, что переселение это захватило, если учесть и семьи, очень большое количество людей, много больше 10 тысяч человек. Когда переселенцы появились в Ходженде, царь Ферганы не мог их разместить в городе и предложил им для жительства район Исфары. Однако не все согдийцы ушли в Фергану со стороны Джизака. Другая их группа, с упомянутым выше Диваштичем, отправилась вверх по Зарафшану через горы мимо замка Абгар или, правильнее, Абаргар. Диваштич шел с людьми Бунджикета (Пянджикент). Не успели еще согдийские переселенцы выехать из Ходженда в Исфару, как к Ходженду подступили арабские войска, посланные ал-Хараши. Арабы окружили город и начали осаду. Ферганский царь не оказал помощи согдийцам. Когда же дела последних стали складываться для них неблагоприятно, им ничего более не оставалось, как просить мира. Арабы согласились заключить мирный договор на условиях возвращения согдийцев домой, уплаты хараджа и возврата захваченных арабских женщин. Согдийцы приняли все условия мира и стали собираться на родину. Сделать это им, однако, не удалось, так как арабы их коварно обманули и почти всех перебили. Заодно пострадало и земледельческое население в окрестностях Ходженда. Арабы переходили от одного участка, огороженного дувалом, к другому и перебили живших там земледельцев. Так погибло, по одним данным, три, а по другим—семь тысяч человек.

Говоря о земледельцах (харрас), ат-Табари отмечает, что на шеях у них висели печати. Это указывает на то, что в Средней Азии арабы очень рано ввели жестокий обычай навешивания печатей на шеи земледельцев, платящих джизью и харадж.

В Ходженде арабы захватили большую добычу, в том числе и имущество упомянутых купцов. Выше говорилось, что Диваштич ушел с отрядом пянджикентцев через горы в замок Абаргар, где и решил укрепиться. Ал-Хараши отправил Сулеймана ибн-Абу-с-Сари во главе войска для ликвидации согдийского отряда. Вместе с Сулейманом было послано и несколько среднеазиатских владетелей, в том числе хорезмшах. Сулейман ибн-Абу-с-Сари назначил начальником авангарда ал-Мусейяба ибн-Башира ар-Рияхия. Войско Сулеймана было сборное, оно состояло из арабов и местных жителей.

Согдийцы сделали вылазку и на расстоянии фарсаха от замка, у селения Кум, дали сражение противнику. Арабы разбили их и погнали к замку Абаргар. Осада не была долгой. Убедившись, что имеющихся у него сил недостаточно для борьбы с арабами, Диваштич заявил Сулейману о согласии сдать крепость и просил, чтобы его, Диваштича, послали с ал-Мусейябом к ал-Хараши. Сулейман принял предложение Диваштича и отправил его к арабскому наместнику. Ал-Хараши притворно оказал ему почет, но потом казнил его.

После ухода Диваштича, оставшиеся в осажденном замке согласились сложить оружие при условии, что будет гарантирована жизнь им и ста их семьям. Сулейман принял это предложение и послал к ал-Хараши письмо с просьбой прислать людей для раздела добычи. Вскоре прибыли назначенные люди, которые подсчитали добычу и продали ее с аукциона. После этого произошел и самый раздел добычи, причем одну пятую взял Сулейман для отсылки наместнику, а остальное разде-

лил среди войска. Нельзя пройти мимо интересной детали—продажи добычи с аукциона.

Поход арабов в горные районы верхнего Зарафшана нужно признать весьма трудным военным предприятием. В те времена дорога шла из Пянджикента по крутым горным тропам, иногда даже по оврингам. Арабские воины, как пехотинцы, так и конники, нагруженные тяжелым военным снаряжением, продовольствием и фуражом для коней, могли лишь с трудом взбираться на кручи. А замок Абаргар находился на высокой, малодоступной горе, на левом берегу Зарафшана, у впадения в него речки Кум, в трех километрах от селения Хайрабад. Достаточно в наши дни проделать путь к этому замку, развалины которого известны под именем Кала-и Муг, чтобы убедиться, насколько трудны были подступы к нему.

Замок Абаргар не был единственным в этом районе.

В настоящее время в районе верхнего Зарафшана и его притоков, по рекам Фан-дарья, Ягноб-дарья, Искандер-дарья, находятся десятки развалин подобных замков. Некоторые из них носят имя Кала-и Муг. Называя их этим именем, местное население как бы подчеркивает, что они относятся к доисламскому времени, т. е. к временам зороастризма. Замки эти лежат обыкновенно на крутых, обрывистых берегах горных саев (речек). Долина сая и ее селения, вместе с определенным участком по большой реке, в которую впадает сай, составляли некогда небольшие владения. Подступы к ним охранялись замками. Среди развалин этих замков следует отметить Кала-и Муг в Урмитане на левом берегу Зарафшана, Кала-и Давлат-абад вблизи Захмат-абада при впадении Фан-дарьи в Матчу (отсюда, собственно говоря, река приобретает уже наименование Зарафшан), Кала-и Мадм, Кала-и Сарвадар при впадении Пасруда в Фан-дарью и др. В древности и раннем средневековье этот горный район был в полном смысле слова страной замков. Население всех этих мест, в прошлом согдийское, ныне говорит по-таджикски.

Покончив с восстанием согдийцев, ал-Хараши занялся установлением «порядка» в долине Зарафшана и Кашка-дарьи. Его внимание привлекли Рабинджан (ныне развалины вблизи Катта-кургана), Кеш и Несеф. Ал-Хараши назначил Сулеймана ибн-Абу-с-Сари ведать этими городами, подчинив ему (вразрез с тогдашней практикой) одновременно военное дело и сбор хараджа. Тогда же он отправил в Кеш и Насра ибн-Сейяра. Как бы ни были значительны успехи арабов в связи с событиями 722—723 гг., согдийцы не считали себя покоренными, и сила их сопротивления не была сломлена.

Тюрки все чаще вмешивались в борьбу согдийцев с арабами. В 725 г., когда один из арабских военачальников, дошедший со своим отрядом до Ферганы, возвращался на отдых, на него напали тюрки и нанесли ему большой урон.

В том же 725 г. арабская власть решила восстановить город Балх, который несколько десятилетий назад был разрушен вместе со своим буддийским¹ храмом Наубехаром. Небезынтересно, что в восстановлении Балха деятельное участие принимали представители дома бармекидов, наследственно занимавших должность главных жрецов Наубехара.

¹ В то время это был, повидимому, уже зороастрийский храм.

**§ 5. НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА АРАБОВ. АЛ-АШРАС И ЕГО КОЛЕБАНИЯ.
ПОПЫТКА СОГДИЙЦЕВ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ТЮРКОВ СБРОСИТЬ
АРАБСКУЮ ВЛАСТЬ**

Как и при ал-Джаррахе ибн-Абдаллахе, наиболее острыми вопросами арабской политики в Согде и других областях Средней Азии был вопрос о харадже и прочих налогах, падавших на плечи местного населения. Вопрос о харадже во всей остроте встал в годы наместничества Ашраса ибн-Абдаллаха ас-Сулами в 109 (727)—111 (729) гг. С его именем ат-Табари связывает постройку рабатов на границах с кочевой степью. Рабаты эти представляли собой сторожевые посты, введенные в систему укрепленной стены против кочевников, или самостоятельные укрепления, отстоявшие на определенном расстоянии друг от друга¹.

В области налоговой политики ал-Ашрас не проявил, однако, твердой линии. На протяжении короткого срока он сменил два противоположных курса. Первые шаги Ашраса произвели в Хорасане и Мавераннахре очень хорошее впечатление среди земледельческого населения. Ашрас объявил, что с новообращенных мусульман он не будет взимать джизьи и хараджа. Ему казалось, что сила власти арабов — в исламе и что принявшие его согдийцы перестанут оказывать сопротивление арабам. Чтобы успешно провести исламизацию населения, он отправил двух проповедников; один из них был ас-Саид Салих ибн-Тариф, маула племени заббат, который говорил по согдийски и мог, таким образом, вести пропаганду среди согдийцев; другой — араб Рабия ибн-Омран из племени темим. Первый из них отправился в Самарканд и здесь обратился с проповедью к жителям города и его окрестностей, обещая с переходом в ислам освободить новообращенных от джизьи. В ответ на это согдийцы, по словам ат-Табари, поспешили перейти в ислам. Чрезвычайно характерно, что согдийская аристократия во главе с Гуреком, который в это время, по крайней мере наружно, признавал арабскую власть, воспротивилась политике Ашраса. Гурек будто бы написал письмо Ашрасу, в котором предупреждал, что его мероприятия относительно новообращенных привели к уничтожению самого хараджа, так как его не с кого получать. Уже В. В. Бартольд в своем «Туркестане» отмечает, что согдийская аристократия видела в освобождении от хараджа демократическое мероприятие, которое подрывало основу существующего строя.

Ашрас вскоре на деле убедился, что Гурек был прав, и что освобождение от хараджа в корне подрывало материальное благосостояние казны, как халифской, так и его, наместника. Тогда, вместо принципа — «в исламе — сила», он выдвинул лозунг: «в харадже — сила арабской власти» и повернул курс в противоположную сторону. Он вернулся к мере, в свое время предложенной ал-Джаррахом ибн-Абдаллахом, а именно — освобождать от джизьи только тех новообращенных, кто подвергся обрезанию, хотя было заранее ясно, что это мероприятие встретит весьма недоброжелательное к себе отношение со стороны согдийцев.

Упомянутый выше ас-Саид не мог и не хотел принять нового курса. Как можно было брать харадж, — говорил он, — когда все приняли ислам и построили мечети. Из Бухары пришла даже депутация к Ашрасу из местных дехкан, повидимому, мелких, и спросила его, почему

¹ Несколько позже под названием рабат встречаются укрепленные стоянки на торговых путях.

он взимает харадж, когда все уже стали арабами, т. е. мусульманами. Ашрас на это ответил приказом — брать налоги с населения попрежнему, независимо от того, принял ли кто-нибудь ислам или нет. В Согде и Бухаре началось недовольство, перешедшее в настоящее восстание. 7000 согдийцев остановились в одном фарсах (8—9 км) от Самарканда и объявили о своем неподчинении. Характерно, что к ним присоединились и те два проповедника ислама, один маула, а другой араб, о которых говорилось выше.

Ашрас и его помощники приняли ряд крутых мер и стали насильственно взимать харадж с согдийцев, как со знати, так и с простых земледельцев. Пострадало немало членов знатных фамилий. Ал-Мубашир, которому Ашрас поручил выполнение его приказа о харадже, не остановился перед жестокими насилиями в отношении к знатым фамилиям. И в этом деле активное участие принимал уже знакомый нам по карательным экспедициям маула Сулейман ибн-Абу-с-Сари. Согд и Бухара вновь объявили себя, по выражению мусульман, «кафирами». Согдийцы обратились за помощью к тюркам. Повсюду начались восстания.

Особенно тяжелым для арабов оказался 728 г., когда согдийцы вытеснили их военные отряды из очень многих районов страны. В руках у арабов оставались только Дабусия и Самарканд, и то лишь вследствие колеблющейся политики Гурека, не сыгравшего той роли в освободительной борьбе, которую он мог бы сыграть. Только в 729 г. арабам удалось вернуть утраченную задолго перед тем Бухару. В эти годы тюрки много помогали согдийцам; их роль в борьбе против арабов была настолько активной, что Гурек вновь решил пойти на разрыв с арабами и вернуть себе былой авторитет личным участием в восстании.

Ат-Табари дает замечательное описание большой битвы, которая произошла в районе Кеша. В этом описании он рассматривает расположение отдельных частей войска по племенам, племенную рознь, которая проявилась во время самой битвы, поведение отдельных начальников и, наконец, высказанные перед началом сражения ал-Джунейдом — начальником арабского войска, преемником ал-Ашраса — взгляды на то, как надо вести битву. Описание это можно признать классическим. Остановимся на некоторых его элементах.

Ал-Джунейд расположил войско в долине вблизи Кеша по племенным подразделениям. На правом фланге он поставил темимитов и воинов из племени азд, на левом фланге поместил рабиитов. Он назначил специальных начальников над тяжелой и легкой конницей, в свою очередь расположенной по племенам. Из описания этого ясно, что начальники всегда назначались из того же племени, к которому принадлежали и воины отряда. Под племенными знаменами объединялись и остальные отряды. Насколько арабские племена были ревнивы к своему военному знамени и как они не любили, чтобы под их знамя в качестве военачальника становился человек из другого племени, видно из следующего рассказа ат-Табари.

Руководивший сражением ал-Джунейд, принадлежавший к одному из северных племен, в разгаре боя перешел из центра, где он находился, на правый фланг, выражая свое недовольство ходом битвы. Когда ал-Джунейд встал под знамя аздилов, находившихся на правом фланге, знаменосец в резкой форме спросил его — зачем он пришел. А ведь ал-Джунейд был начальником всего арабского войска!

Арабы имели против себя в этом сражении согдийцев, отряды из Шаша и Ферганы и тюрок во главе с хаканом.

Битва под Кешем хотя и не принесла решительной победы той или другой стороне, но показала огромную силу антиарабской коалиции.

Широко развернувшееся в связи с неудачной налоговой политикой Ашраса мощное антиарабское движение имело большие последствия. На пять лет Мавераннахр, за исключением Самарканда, Бухары и некоторых других мест, вышел из-под власти арабов. В. В. Бартольд поставил в зависимость от этих событий большой голод, который охватил в 733 г. Хорасан. Ат-Табари под 115 (733/734) г. отмечает, что в Хорасане была засуха и начался голод, захвативший доселе обильный продовольствием Мерв, к которому со всех областей привозилось много всякого провианта. Голод принял такие размеры, что одна лепешка стоила 1 дирхем. По правильному предположению В. В. Бартольда, главным районом, откуда поступал сюда хлеб, была Зарафшанская долина, ушедшая в то время из рук арабов. Под конец омейядской эпохи положение халифата осложнилось еще и тем, что, кроме всеобщего недовольства среди покоренных народов Средней Азии, в частности Мавераннахра, усилилось недовольство и в некоторых слоях арабского общества в Хорасане. В этом отношении огромное значение имело движение ал-Хариса ибн-Сурейджа, которое, хотя и протекало главным образом за пределами собственно Мавераннахра, тем не менее сыграло роль в событиях, развернувшихся в Мавераннахре. Ал-Харис ибн-Сурейдж выдвинул лозунги, на которые широко откликнулись как некоторые арабские круги, так и коренное население Хорасана, соседнего с Мавераннахром. Эти лозунги, четко сформулированные историком XI в. Гардизи в его сочинении «Зейн ал-ахбар», сводятся к следующему: соблюдать договоры с зиммиями, т. е. иноверцами¹, не брать хараджа с мусульман и не творить обид.

§ 6. ДВИЖЕНИЕ ХАРИСА ИБН-СУРЕЙДЖА

Движение ал-Хариса произошло в 734 г., в дни наместничества Асима ибн-Адбаллаха ал-Хилали (734—735 гг.). В короткий срок ал-Харис захватил Балх, Джузджан, Фарьяб, Талкан и Мерверуд. Когда ал-Харис с войском в 60 тысяч человек подошел к Мерву, в его составе находились, кроме арабских отрядов, еще отряды дехкан Джузджана, Фарьяба, Талкана, Мерва и других владений.

Успехи ал-Хариса ибн-Сурейджа были настолько велики, что ему удалось даже склонить своего противника Асима заключить соглашение о том, что они вдвоем обратятся к халифу Хишаму (724—743 гг.) с призывом быть верным «книге Аллаха и сунне пророка его», а если он откажется, то вместе выступить против него.

Ответом на это мятежное, с точки зрения центральной власти, соглашение было устранение Асима с поста хорасанского наместника. На его место был назначен энергичный Асад ибн-Абдаллах (735—738 гг.). Вследствие обострившейся борьбы с согдийцами, которых активно поддерживали тюрки, а также ввиду участвовавших военных действий в Хутталяне и около Термеза, Асад ибн-Абдаллах перенес в 736 г. свою резиденцию временно из Мерва в Балх. Тюрки, восполь-

¹ Точное значение «зиммий» — люди писания (ахл-ал-китаб), т. е. христиане и евреи; под это понятие фактически подводили и зороастрийцев, однако никогда не называли зиммиями буддистов.

зовавшись затруднениями арабов, помогли согдийцам захватить Самарканд в том же 736 г., однако ненадолго.

Наиболее напряженная борьба с соединенными антиарабскими силами, среди которых на этот раз главную роль играли тюрки, развернулась в Хутталяне в 737 г. На стороне антиарабской коалиции были согдийцы со своим правителем Гуреком, жители Шаша и Хутталяна во главе со своим владетелем и другие. Был среди них и упомянутый выше ал-Харис ибн-Сурейдж. Во главе коалиции стоял тюркский хакан. Арабов поддерживал владелец Чаганиана с титулом чаган-худата. Вначале борьба протекала с явным успехом на стороне тюрков и их союзников, однако битва 737 г. закончилась полной победой арабов.

Ат-Табари и здесь дает интересное описание самой битвы, в котором следует отметить лишь то, что расположение в арабском войске проводилось не только по племенам—азд, темим, раби'а, но и по городам и областям (люди Палестины, Химса, Кинисрина, Дамаска и т. д.). Кроме того, в составе арабского войска были местные джузджанские отряды чакиров, а также харас (полиция), шурта (личная охрана) и рабы самого Асада. В войске хакана были отряды царя Согда—Гурека, владетеля Шаша, владетеля Хутталяна, ябгу карлуков и других правителей.

Свыше полу столетия согдийцы и тюрки вели с арабами энергичную борьбу за свою независимость. Хотя арабы и считали Мавераннахр «садом эмира правоверных» (халифа), однако не всегда этим «садом» они могли свободно распоряжаться. Пока в Согде и других областях Средней Азии существовал единый фронт всего населения против арабов, последние не могли считать себя полными хозяевами страны. Известно, что не раз арабские военачальники вновь должны были завоевывать те места, которые, казалось, давно уже были в руках халифата. Положение резко изменилось с тех пор, как единый фронт, о котором говорилось выше, дал трещину, и господствующий класс согдийского общества, т. е. крупное дехканство, стал переходить на сторону арабов. Вспомним хотя бы фигуру согдийского ихшида Гурека, который процарствовал в условиях военного времени 27 лет, с 710 по 737 г. Вначале ярый сторонник борьбы с арабами за независимость страны, он потом повел политику колебаний: то мирился с арабами, то вдруг, вновь уверовав в силы сопротивления, становился в ряды восстания, как мы это видели на примере борьбы согдийцев с арабами, развернувшейся в Хутталяне в 737 г.

§ 7. НАМЕСТНИЧЕСТВО НАСРА ИБН-СЕЙЯРА (738—748) И ЕГО КУРС НА СОЮЗ С ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ СОГДИЙСКОЙ АРИСТОКРАТИЕЙ

С приходом к власти в качестве наместника Хорасана и Мавераннахра Насра ибн-Сейяра (738—748 гг.) наступил новый и последний период в истории завоевания арабами Средней Азии и прежде всего Мавераннахра. Наср ибн-Сейяр, происходивший из арабской племенной группы мударитов, хорошо знал Мавераннахр. Его заметил еще Кутейба ибн-Муслим, который не раз выдвигал его в качестве военачальника в ответственных операциях и наградил, по словам ат-Табари, передачей в 705 г. в собственность одного селения в Мавераннахре.

Наср ибн-Сейяр был энергичным человеком и умел в трудные минуты находить нужные и быстрые решения. Имениты, особенно аздиты, его ненавидели. По словам ат-Табари, Хорасан, а вместе с ним и Мавераннахр, достигли при нем такого успокоения, какого они не знали раньше при арабах. Чем же достиг этого Наср ибн-Сейяр? Он

сумел внести раскол в ряды дехканской знати и многих из них привлечь на сторону арабов. Он твердо проводил политику сохранения за перешедшими на сторону халифата крупными дехканами всех социально-экономических привилегий, всячески покровительствовал установлению родственных отношений между высшими арабскими военачальниками и дехканской знатью, сам показывая тому пример. Во время его наместничества начинается процесс срастания двух господствующих групп—арабской и местной—согдийской, бактрийской, хорезмийской. Быть может, одним из самых ярких примеров этого срастания является установление родственных отношений между Насром ибн-Сейяром и бухар-худатом Тахшадой.

Наршахи в своей «Истории Бухары» рисует нам весьма выразительную картину. Как-то Наср, пребывая у себя во дворце в Самарканде, принимал приехавшего к нему из Бухары бухар-худата Тахшаду. Прием был весьма торжественно обставлен, и Тахшаде было оказано много почета и внимания, что объяснялось сватовством Насра, желавшего взять дочь Тахшады себе в жены. Брачная сделка была совершена, и Тахшада отдал Насру в приданое прекрасные земли в Хунбуне, расположенные на верховьях арыков. Наршахи красноречиво описывает разыгравшуюся затем драматическую сцену. По его словам, солнце склонилось уже к закату, когда во дворец вошли два знатных бухарских дехкана, недавно принявшие из корыстных побуждений ислам, но оставшиеся в душе зороастрийцами. Вошедшие стали жаловаться Насру на Тахшаду и уверять, что тот вошел в соглашение с эмиром Бухары Василем ибн-Амром и что они вдвоем стали обижать дехкан и отнимать у них земли. Далее описывается ссора между Тахшадой и пришедшими дехканами, а также убийство ими Тахшады.

Указанными выше приемами Наср и его сподвижники сумели найти поддержку в господствующем классе Согда, перетянув их влиятельные группы на свою сторону, и положили начало новым слоям господствующего класса, характерной чертой которого являлось наличие в нем, наряду с арабскими, и согдийских элементов. Этот процесс неизбежно сказался в ухудшении положения прежде всего трудящегося земледельческого населения. При Насре арабам легче стало проводить политику взимания хараджа и других податей и повинностей, чем при его предшественниках.

ГЛАВА III

МАВЕРАННАХР В БОРЬБЕ ПРОТИВ ВЛАСТИ АРАБОВ В VIII—IX вв.

§ 1. ФОРМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ АРАБСКИМ ХАЛИФАТОМ НАСЕЛЕНИЯ МАВЕРАННАХРА

Земледельческое население Мавераннахра, в подавляющем большинстве своем согдийское, как мы видели выше, жило в укрепленных поселениях. Тип земледельческих поселений Хорезма, сравнительно с согдийскими, имел свои особенности. В Хорезме земледельцы не знали селений, а располагались отдельными укрепленными усадьбами, занятыми большими патриархальными семьями. В состав такой семьи, кроме ближайших родственников, входили и полузависимые члены—кедиверы, которые выполняли земледельческие работы. Наряду с ними здесь были рабы и рабыни, которые также работали в различных областях хозяйства семьи. К приходу арабов, как мы видели выше, патриархальная семья богатого землевладельца-дехкана по структуре своей мало отличалась от семьи обыкновенного земледельца. Разница была скорее количественная, чем качественная. Классовое расслоение прежде всего коснулось патриархальной семьи, в которой появилось разделение на свободных, с одной стороны, и полузависимых (кедиверы) и рабов—с другой. При этом возрастала категория кедиверов, в связи с более широким распространением издольной аренды.

В рассматриваемую эпоху в Согде, как и в других частях среднеазиатского и переднеазиатского Востока, крупные землевладельцы не знали крупного хозяйства, основанного на рабском труде. Нам не известно ни одного источника этого времени, который упоминал бы о латифундиях, обрабатываемых рабским трудом. Хозяйство было parcelлярное, т. е. мелкое. К сожалению, для Мавераннахра того времени мы не располагаем такими данными по этому вопросу, какие имеются об Иране, Ираке и других областях.

Таким образом, наши суждения невольно приобретают характер гипотез, основанных, с одной стороны, на аналогии с хозяйственным развитием соседних стран, а с другой—на последующем развитии явлений, которые не могли бы возникнуть, если бы не имели соответствующих корней. Исходя из этого, мы можем предположить, что крупные землевладельцы-дехканы дробили свою землю на мелкие участки и раздавали их земледельцам на основе издольных аренд с уплатой $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ и т. д. всего урожая, в зависимости от того, что получал от землевладельца землепашец. Таким издольщиком мог быть упомянутый выше кедивер, получивший свободу раба, а то и просто раба, посаженный на землю. Различные обстоятельства—малоземелье, неурожайный год, долги и т. д. могли заставить свободного

земледельца пойти на обработку соседской земли в качестве издольщика.

Начавшийся процесс расслоения свободной части родовой согдийской патриархальной семьи выделял в разряд зависимых людей все большее количество населения. Этому способствовало завоевание страны арабами, внесшее огромные изменения в социальную жизнь согдийского общества. В результате долгой борьбы арабам удалось, как мы видели выше, оттянуть к себе высшие слои дехканства и сделать их своими верными слугами, сохранив за ними их земли и другие богатства. Основная же масса согдийского населения должна была платить джизью (подушную подать) и харадж (земельный налог).

Мы не знаем, к сожалению, подробностей сбора хараджа. Нам неизвестны ни размер налога, ни форма его взимания. По аналогии с Ираном и Ираком можно предположить, что харадж взимался в форме «мукасама», т. е. в виде определенной доли урожая, причем размеры ее приближались к 1/3 урожая, но часто и превышали ее.

Более всего страдало от хараджа и джизьи земледельческое население страны. Оно не только отдавало огромную долю добываемой им сельскохозяйственной продукции, но и испытывало на себе все насилия, связанные с взиманием налогов.

Ат-Табари несколько раз говорит о наложении печатей на земледельцев Средней Азии. Так, по его словам, Асад ибн-Абдаллах, наместник Хорасана и Мавераннахра в 735—738 гг., налагал печати на шею людей, подлежащих джизье.

Средняя Азия и Мавераннахр не составляли исключения из числа других покоренных арабами стран. Абу Юсуф Якуб пишет, что в его время, т. е. в конце VIII в., в Ираке арабские чиновники «печатали на их (возделывателей полей) шеях свинцовые пломбы». У Абу Юсуф Якуба в книге «Китаб ал-харадж» имеется обращение автора к халифу Харун-ар-Рашиду (786—809 гг.): «Сверх того надлежит тебе, чтобы ты печатал на их (плательщиков) во время собирания поголовной подати, пока не закончится с их стороны их дело, потом ты сломаешь печати, подобно тому, как это сделал с ними Осман ибн-Хунейф». Кроме джизьи, хараджа и других налогов, на земледельческом населении лежали тяжелые натуральные повинности.

Нам неизвестно, на кого из населения возлагались в доарабское время большие работы по очистке и проведению каналов, по прокладке новых и починке старых дорог, постройке мостов, возведению и укреплению городских и крепостных стен, а также укрепленных стен против кочевников и т. д. Повидимому, здесь большую роль играл труд рабов. Не исключена возможность, что, помимо этого, и сельские общины (которыми были упомянутые выше согдийские укрепленные селения) также выделяли определенные контингенты людей на оросительные работы. Однако в источниках это ни прямо, ни косвенно не отражено. Картина приобретает большую ясность в период арабского завоевания, когда все вышеназванные работы становятся натуральными повинностями всего земледельческого населения в целом. Земледельцы должны были являться со своими харчами, инструментами и в положенный властью срок бесплатно производить порученную им работу.

Совершенно ясно, что с приходом завоевателей земледельческое население страны потеряло свою свободу и попало в зависимость от арабской власти. Если в доарабское время классовое расслоение выра-

зилось в разделении патриархальной семьи на свободных, с одной стороны, и полузависимых и рабов — с другой, то теперь расслоение пошло по другому направлению, и вся свободная часть земледельцев была отброшена в разряд подлежащих наложению на них печатей. Исключение составляла аристократическая часть дехканства. Ее крупные землевладельческие фамилии оставались, наряду с арабами, если и не гражданами первого сорта, то во всяком случае свободными и привилегированными. Эти перемены не могли не отразиться и на структуре патриархальной земледельческой семьи. В ее состав теперь уже перестали входить кедиверы и тем более рабы — обе эти категории оставались только в составе патриархальной семьи землевладельческой знати.

Формы общественной жизни в Мавераннахре в VIII в. еще не могут считаться устоявшимися. Начиная с 40-х и до 80-х годов включительно, народные массы ведут борьбу против завоевателей и устанавливаемых ими порядков.

Вместе с военными отрядами шли в походы и проповедники ислама. В исламе арабские завоеватели видели силу, объединявшую их единым с покоренным населением Мавераннахра мировоззрением, которая устанавливала правила их поведения в мирное и военное время, узаконяла военные грабежи под видом законной добычи, нормы распределения которой в виде «суры о добыче» заключались в коране. Вместе с пропагандой ислама шло распространение арабского языка; арабизация охватывала если не широкие массы, то, во всяком случае, правящие круги, так как арабский язык становился языком государственных канцелярий, языком науки и литературы.

Большое значение арабские военачальники придавали постройке в завоеванных городах мусульманских мечетей. В ряде случаев арабы даже не строили для мечетей новых зданий, а приспособляли под них городские зороастрийские или христианские (в большинстве своем несторианские) храмы, ограничиваясь теми или иными переделками в них. Так было в Бухаре, Самарканде, Мерве и других городах — во всей Средней Азии в целом.

В Бухаре первая мечеть была устроена в захваченном кухендизе, для чего Кутейба, как об этом пишет Наршахи, приспособил, вернее, перестроил, в 713 г. бывшую здесь бутхану. Впоследствии, при втором аббасидском халифе Ал-Мансуре (754—775 гг.), мечеть эта в 770 г. была перенесена в новое, специально выстроенное здание на участке между кухендизом и шахристаном. По словам автора «Кандии Малой», первая соборная мечеть в Самарканде была «во времена неверных их капищем и местом поклонения». Это же подтверждает и ат-Табари, говоря о завоевании Кутейбой Самарканда в 712 г.

Распространение ислама было нелегким для арабов делом. Легче всего было установить ислам в городах, особенно в больших административных и торговых центрах, как Бухара и Самарканд, хотя и там имелись круги, активно противодействовавшие исламистской пропаганде. При распространении ислама арабы имели более всего оснований рассчитывать на тех дехкан, которые перешли к ним на службу; однако многие из них были только наружно мусульманами, в душе же оставались, по мусульманской терминологии, «кафирами». Вспомним хотя бы бухар-худата Тахшаду, собиравшегося стать тестем Насра ибн-Сейяра, наместника Хорасана. Тахшада во всем поддерживал арабов, а молиться по-мусульмански не хотел, и его хоронили согласно

зороастрийским местным обычаям. Один из его сыновей, Кутейба, некоторое время был мусульманином и помогал, как мы увидим ниже, аббасидам и Абу Муслиму в подавлении восстания Шарика в Бухаре в 750—751 гг. Однако потом Кутейба отошел от ислама и был убит по приказанию Абу Муслима. Другой же сын Тахшады, Буниат, примкнул к движению Муканны и также погиб насильственной смертью.

Даже после прекращения борьбы с арабами большинство землевладельческой дехканской аристократии медленно и туго воспринимало новую религию. Больше успеха ислам имел среди купцов. Немало их пришло в Мавераннахр вместе с арабами. Это были или арабские торговцы, или обращенные в ислам купцы из жителей ранее покоренных областей. Много местных купцов переходило в мусульманство в связи с тем, что арабы предоставляли торговле, в частности караванной, все условия для развития.

Расширению торговых операций не могло не содействовать и включение Мавераннахра вместе со всей Средней Азией в состав самого большого тогда в мире государства—халифата. Однако, несмотря на вытекающие отсюда выгоды, в среде купцов были группы, энергично противившиеся принятию ислама. Широко известен классический пример с бухарскими купцами—каш-кушанами. Согласно Наршахи, они не ходили на пятничную молитву в соборную мечеть, а придерживались зороастризма, молясь в своих кёшках (замках), стоявших изолированно от остального города. Однажды мусульмане подошли к воротам замков и стали убеждать обитателей пойти на пятничный намаз. В ответ на это с крыш замков полетели камни. Собралась огромная толпа мусульман, и началось настоящее сражение, в результате которого много замков было разрушено и разграблено.

При насаждении новой религии арабы прибегали к самым разнообразным приемам. Наршахи рассказывает, что Кутейба ибн-Муслим приказал, чтобы все население Бухары посещало пятничное моление в соборной мечети. Устанавливалась даже награда пришедшим: каждому выдавалось по два дирхема. Некоторых бедняков можно было привлечь этой наградой, но что и рассчитывали арабы, вводя такое мероприятие.

Принимали ислам и многие ремесленники в городах. Однако новая религия встретила противодействие и с их стороны, особенно в среде манихейских общин, очень стойких в своих религиозных убеждениях.

И все-таки города Мавераннахра, так или иначе, медленно, но верно, шли по линии исламизации, хотя во многих слоях городского населения господство новой религии было только внешним.

Значительно сложнее обстояло дело с распространением ислама за пределами городов как в среде дехкан, так и простых земледельцев. Если богатых дехкан еще можно было перетянуть на свою сторону разными податками вроде сохранения социальных привилегий, то с земледельцами было много труднее. Они решительно не хотели принимать—и не принимали—новой религии, которую тесно связывали со всей системой арабской эксплуатации. Ответом на арабизацию и пропаганду ислама были широкие народные движения. VIII век в Мавераннахре не может быть понят вне изучения этих движений, так как они являются главными фактами его истории. Если иногда согдийские земледельцы, как это имело место при ал-Ашрасе (727—729 гг.), и принимали ислам, то делали это только наружно и исключительно в целях освобождения от хараджа и джизьи.

**§ 2. УЧАСТИЕ МАВЕРАННАХРА В БОРЬБЕ ПРОТИВ ОМЕЙЯДСКОГО
ХАЛИФАТА В СЕРЕДИНЕ VIII в.
(аббасидское движение)**

В середине VIII в. династия омейядов прекратила свое существование в результате широчайшего народного движения. В халифате установилась власть новой династии—аббасидов. Обстоятельства, приведшие к этой перемене, были весьма важны, а последствия перемены для всего халифата и, в частности, для Средней Азии весьма значительны. Поэтому необходимо, хотя бы в общих чертах, остановиться на том движении, которое привело к этой перемене, тем более, что в событиях, развернувшихся главным образом в Хорасане, деятельное участие принимало население многих областей Средней Азии.

Среди покоренных народов, находившихся в подчинении у обширного арабского государства—халифата, не было кругов, за исключением чисто арабской прослойки, со стороны которых омейяды встретили бы поддержку. Выше мы имели возможность убедиться, насколько непопулярна была в Средней Азии арабская власть. Почти то же наблюдалось в Иране, Ираке, Закавказье и далеком Египте.

Весьма характерно, что ненависть к арабской власти и возглавлявшей ее династии омейядов питали не одни только трудящиеся народные массы покоренных стран, вошедших в состав халифата, но даже господствующие классы. Если земледельцы и ремесленники страдали от хараджа, а также ряда других налогов и натуральных повинностей, то господствующие классы иноверного населения покоренных стран—персидские феодалы-землевладельцы, знатные согдийские феодалы—дехканы, коптские монастыри, крупные земельные собственники, сирийские, персидские, согдийские купцы и т. д.—были весьма ущемлены тем, что арабы не только не допускали их к участию в управлении, но что они не сохранили за собой также и прежних доходов с крестьянского труда и не получили полного гражданского равноправия с арабским населением.

В течение всего периода нахождения омейядов у власти постоянно то там, то тут в халифате вспыхивало недовольство, а то и восстание против них.

В 30-х годах VIII в. у омейядов оказались умные и деятельные соперники в лице аббасидов, потомков Аббаса—дяди пророка Мухаммеда. Основателем аббасидской шиитской, т. е. партии¹, был Мухаммед ибн-Али, правнук Аббаса. Он прекрасно учёл, что в Иране, Средней Азии и других областях халифата покоренные народы ненавидят омейядов и что этой ненавистью необходимо воспользоваться, свалив омейядов и заняв их место, тем более, что, по мнению членов дома Аббаса, они, как прямые родственники Мухаммеда, имели больше прав на престол, чем омейяды, не находившиеся в родстве с пророком. Мухаммед ибн-Али был, несомненно, умным и энергичным человеком. Он сумел найти и привлечь к себе сторонников и направить наиболее верных и активных из них на пропаганду аббасидского дела в Ирак и Хорасан.

Областью, где по мнению Мухаммеда ибн-Али легче и целесообразнее всего можно было поднять восстание против омейядов, являлся Хорасан; туда Мухаммед ибн-Али и направил своих пропагандистов.

Среди первых деятелей аббасидского движения следует отметить прежде всего Сулеймана ибн-Кесира, который со своими товарищами по тайной пропаганде изъездил в середине 30-х годов VIII в. ряд областей Хорасана и Мавераннахра. Пропаганду аббасидских идей они

¹ Термин «партия» нельзя понимать в его современном значении.

вели, по словам Абу Ханифы Динавери, в Мерве, Бухаре, Самарканде, Кеше, Несефе, Чаганиане, Хутталяне, Мерверуде, Талкане, Герате, Бушендже и Сеистане.

Одним из видных руководителей аббасидской шии в Ираке был Букейр ибн-Махан—богатый купец, наживший большое состояние в Синде и отдавший почти все свои богатства на дело аббасидов. В 118 (736) г. он отправил в Хорасан, по словам ат-Табари, руководить делами шии Аммара ибн-Иезида, известного под именем Хидаша. Но вскоре Букейр и имам Мухаммед ибн-Али убедились, что, избрав Хидаша, они совершили большую ошибку. Вместо пропаганды в пользу дома аббасидов Хидаш стал проповедывать идеи хурремитов, т. е. маздакитов или, точнее, если можно так выразиться, неомаздакитов. При этом он сначала уверял, что пропаганда идет от имени Мухаммеда ибн-Али, а потом перестал упоминать его и говорил уже от своего имени. Разница же между аббасидской и хурремитской пропагандой была велика. Аббасидские эмиссары разжигали ненависть к омейядам, как к главным виновникам арабского засилья, обещали иранской и согдийской землевладельческой аристократии участие в делах высшего управления халифатом, народу же сулили снижение хараджа и уменьшение ряда натуральных повинностей. Последнее обещание, как мы увидим ниже, было лишь временным демагогическим лозунгом для привлечения масс в качестве орудия борьбы против омейядов. Что же касается хурремитских идей, то они, по сути дела, направлены были к ликвидации неравенства в области земельной собственности и обладания материальными благами. Это могло привлекать крестьян и ремесленников, но отнюдь не господствующие классы, и, конечно, шло вразрез с намерениями аббасидов, претендентов на власть в халифате.

Хидаш очень успешно повел пропаганду хурремитства. Его успехи были настолько велики, что тогдашний хорасанский наместник Асад ибн-Абдаллах приказал выследить Хидаша и арестовать его. Вскоре последний был схвачен и казнен. Узнав об истории с Хидашем, аббасидский имам Мухаммед ибн-Али был сильно разгневан на своих эмиссаров, допустивших пропаганду хурремитства в своих рядах. В связи с делом Хидаша к Мухаммеду ибн-Али был вызван из Хорасана с докладом упомянутый выше Сулейман ибн-Кесир, которому пришлось выслушать много горького от имама. В Хорасан был отправлен в качестве главы аббасидского движения уже известный нам Букейр.

В то время как пропаганда аббасидских идей достигла в Хорасане и Мавераннахре больших успехов, в самой арабской среде этих областей усилилась межплеменная вражда. Когда глава южноарабского племени азд Джудей ибн-Али ал-Кермани был смещен с поста хорасанского наместника, его место занял Наср ибн-Сейяр (738—748 гг.) из небольшого племени кинана, принадлежавшего к группе мудар. Как мы увидим ниже, оба эти человека ненавидели друг друга и в самый ответственный момент существования династии омейядов довели вражду до высшего напряжения.

Наср ибн-Сейяр был опытным и хитрым военачальником и наместником, однако, как в свое время Кутейба ибн-Муслим, питал исключительное пристрастие к своим соплеменникам и в течение четырех лет не назначал на ответственные посты никого, кроме мударитов. Вместе с тем Наср ибн-Сейяр старался всячески объединить арабов, а также мусульман, поставить их в привилегированное положение по сравнению с немусульманами, каковыми являлось большинство местного ираноязычного населения Хорасана.

В 121 (739) г. Наср ибн-Сейяр, вернувшийся в Мерв, выступил перед населением с речью, в которой обещал осуществлять впредь налоговую политику с тем расчетом, чтобы джизья взималась только с немусульман. В тех же случаях, когда джизьей окажутся обложенными мусульмане, то их от нее освобождать и перелагать на немусульман.

Для проведения такой политики Наср ибн-Сейяр назначил амилем¹ Мансура ибн-Омара. Не прошло и недели, как выяснилось, что в районе Мерва имеется 30 тысяч мусульман, платящих джизью, и 80 тысяч немусульман, ее не платящих. Амиль Мансур, следуя предписанию наместника, немедленно освободил первых от джизьи, переложив ее на вторых. От хараджа, однако, мусульманское население освобождено не было.

Предполагалось, что такая налоговая политика должна будет сплотить всех мусульман вокруг халифата, укрепить их верность арабской власти и династии омейядов. Однако осуществить это не удалось, так как возобновившиеся распри среди арабских племен мешали объединению всех мусульман. С другой стороны, политика ущемления немусульман, в данном случае иранцев-зороастрийцев, углубила недовольство в местном населении, что с большим успехом использовали аббасидские пропагандисты.

В 126 (743—744) г. вражда между аздитами, иеменитами и мударитами приняла в Хорасане особенно резкий характер. Наср ибн-Сейяр заключил своего соперника аздита ал-Кермани в мервскую цитадель, из которой тому, при помощи друзей, все же удалось бежать по подземному каналу, по которому была проложена водопроводная глиняная труба (кубур), что подробно описано у ат-Табари. Усиление вражды только укрепляло аббасидов. В 127 (744—745) г. несколько крупных аббасидских эмиссаров, в том числе и Сулейман ибн-Кесир, отправились на свидание в Мекку к аббасидскому имаму и взяли с собой для передачи ему 20 тысяч динаров, 200 тысяч дирхемов, мускус и много разных товаров. По тому времени это была крупная сумма, которая пошла на содержание аббасидского дома и на поддержку пропаганды их дела.

В 129 (746—747) г. для руководства аббасидской пропагандой был отправлен в Хорасан Абу Муслим, сделавший исключительно много для успеха всего движения.

По поводу происхождения Абу Муслима в источниках имеются противоречивые сведения. Согласно ат-Табари, Абу Муслим был родом из Кутарнии в куфийском Саваде и находился в доме Идриса ибн-Мажила ал-Иджли в качестве кахрамана—управляющего. Лидеры аббасидского движения, убедившись в политических и военных талантах Абу Муслима, решили использовать его для дела аббасидов.

По словам же Абу Ханифы ад-Динавери, Абу Муслим в юности был рабом у двух братьев—Исы и М'акиллы, сыновей Идриса ибн-Исы, живших в одном из селений в окрестностях Исфагана. Оба брата были приверженцами аббасидов, активными участниками их шии. Когда оба они за пропаганду были заключены в темницу города Васита, то Абу Муслим не покинул их, а продолжал им прислуживать и в заключении. Как раз в это время, в 127 (744—745) г., упомянутый выше Сулейман ибн-Кесир со своими спутниками, направляясь в Мекку, проезжал через Васит и сделал там остановку. Здесь они, навестив в темнице членов аббасидской шии, познакомились с Абу Муслимом, который произвел на них сильное впечатление своим умом, тактом, выдержкой.

¹ Амиль—чиновник финансового ведомства по налоговым вопросам.

знанием и пониманием аббасидского дела. Когда они прибыли в Мекку, то доложили имаму о том, что видели и слышали в темнице Васита. К сожалению, в источниках имеются противоречия. Согласно ад-Динавери, Сулейман ибн-Кесир и его спутники застали в Мекке Мухаммеда ибн-Али; согласно ат-Табари, они нашли там в качестве аббасидского имама Ибрахима ибн-Мухаммеда, находившегося в Мекке после смерти отца. По словам ад-Динавери, Мухаммед ибн-Али посоветовал выкупить Абу Муслима и использовать его в аббасидском движении в качестве посланца для связи между собой и ими. Вскоре, согласно тому же автору, Мухаммед ибн-Али умер, и его место занял Ибрахим. Зная хорошо Абу Муслима, ценя его выдающиеся способности и верность аббасидам, он назначил его на руководящую пропагандистскую работу в Иран и Хорасан.

Более подробный рассказ о дальнейшей деятельности Абу Муслима имеется у ат-Табари; поэтому мы будем ссылаться главным образом, на его труд.

В 128 (745 — 746) г. имам Ибрахим, направляя Абу Муслима в Хорасан, дал ему ряд указаний: 1) тщательно наблюдать за иеменитами; помнить, что их можно использовать против мударитов и, таким образом, осуществить аббасидское дело с их помощью, в силу чего и предложил ему проявлять по отношению к ним возможно больше внимания; 2) наблюдать за рабитами и относиться к ним всегда подозрительно; 3) неизменно помнить, что мудариты являются главным и сильным врагом.

Появление Абу Муслима в качестве главы аббасидской шии относится уже к 129 (747) г. Ат-Табари со всеми подробностями описывает деятельность Абу Муслима в Хорасане. Когда последний прибыл в 129 (747) г. в Хорасан, там уже находился Сулейман ибн-Кесир. Абу Муслим передал ему письмо имама Ибрахима ибн-Мухаммеда с предписанием перейти к открытым действиям. Повидимому, можно отнестись с доверием к той версии, которая приводится ат-Табари. По его словам, Абу Муслима не хотели сразу признать главой аббасидского движения в Хорасане, так как Сулейман ибн-Кесир боялся с приходом Абу Муслима утратить свое прежнее положение в аббасидской шиитской общине. Однако все недоразумения вскоре были улажены, и сподвижники Абу Муслима начали распространять среди своих последователей версию о том, что Абу Муслим является одним из членов дома Мухаммеда.

Своей резиденцией Абу Муслим избрал укрепленное селение Сафизандж на канале Харкан, в 3 фарсах на запад от Мерва. Здесь, в Сафизандже, согласно источникам, в том числе и ат-Табари, Абу Муслим вместе со своими сподвижниками и окрасил впервые свои одежды в черный цвет, ставший эмблемой аббасидов. До Абу Муслима свои одежды окрашивали в черный цвет последователи Хариса ибн-Сурейджа.

Начались дни величайшего успеха аббасидской пропаганды. По словам ат-Табари, у Абу Муслима в один из дней собрались люди из 60 деревень и заявили о своем согласии поддержать его дело. Ат-Табари приводит данные о численности пришедших к Абу Муслиму крестьянских отрядов из окрестных с Мервом селений. Так, жители селения Сакадима привели отряд из 900 пехотинцев и 4 всадников; другой отряд, из селения Хурмузфара, имел в своем составе 1 300 пеших и 16 всадников.

С каждым днем росло число становившихся под черные знамена Абу Муслима. Ненависть к омейядам и арабской власти временно объ-

единила людей, классово-враждебных друг другу—крупных землевладельцев и крестьян, купцов и бедных ремесленников, свободных и рабов, хотя объединение происходило очень болезненно, что мы и увидим ниже. Наряду с указаниями об участии народных масс, мы встречаем в источниках упоминания о купцах, как об активных участниках движения; вспомним деятельного аббасидского эмиссара Букейра, нажившего большое состояние в Синде. Среди известных нам военачальников Абу Муслима был Абдавейхи ал-Джардамиз из жителей Герата, пригонявший на базар в Мерв для продажи мелкий рогатый скот. Из числа местной землевладельческой знати мы видим таких людей как Халид ибн-Бармак, детям и внукам которого пришлось во второй половине VIII в. сыграть крупную роль при аббасидском дворе в Багдаде.

В Сафизандже Абу Муслим прожил всего 42 дня. Хотя и хорошо было укреплено это селение, но оно не могло вместить главных сил Абу Муслима. Поэтому в том же году он переехал в укрепленное селение ал-Махуван (ныне здесь стоит город Мары, Туркменской ССР). Абу Муслим приказал окружить это селение рвом и валом с двумя укрепленными воротами. Однако ал-Махуван имел один серьезный недостаток: селение было расположено в нижнем течении реки, вследствие чего противник, владевший верхним течением, мог всегда лишить его жителей воды.

Перейдя к открытому выступлению против омейядов и их представителей на местах, Абу Муслим старался создать себе несколько укрепленных позиций. Так, из ал-Махувана он отдал распоряжение, чтобы один из его соратников, Мухриз ибн-Ибрахим, устроил укрепленный лагерь в Гиренге (в арабском произношении Джирендж). Так как это место находилось выше Мерва на Мургабе, то Мухризу было дано задание отрезать подвоз провианта Насру ибн-Сейяру из Балха, Мерверуда и Тохаристана.

Характерно, что в ал-Махуване Абу Муслим устроил настоящий правительственный центр. Здесь был свой диван (управление) войска, кадий, начальники—полиции (харас) и личной охраны (шурта). Здесь же составлялись сводные списки всех вступивших в войско Абу Муслима, причем записывалось имя вступившего, имя его отца, место, откуда он был родом, и т. д. Согласно этим спискам, воинам выдавалось жалованье, сначала по 3, а потом по 5 дирхемов.¹

В ал-Махуване к Абу Муслиму явились представители от рабов и предложили использовать их в борьбе с омейядами. Сведения об этом мы имеем не только у ат-Табари, но и в сочинении безымянного автора XI в. по истории халифата «Барахин ал-араб». Согласно этим данным, Абу Муслим, после совещания со своими военачальниками, решил принять предложение рабов, но не разрешил им влиться в общий состав войска, а образовал для них в селении Шавваль особый лагерь, окруженный рвом, и назначил начальником его некоего Дауда ибн-Карраза. Когда же рабов скопилось очень много, он перевел их в Абиверд.

В ал-Махуване Абу Муслим также прожил недолго—всего 4 месяца. Причиной ухода его оттуда была боязнь, что Наср ибн-Сейяр может отрезать подачу в селение воды, так как верхним течением реки Абу Муслим еще не владел. В этом отношении было более удобно селение Алин, куда он и переехал временно со своим лагерем.

¹ Срок, на который выдавалась эта сумма, в источнике не указан. Повидимому, имеется в виду месячное жалованье, в состав которого, кроме указанных денег, входило и продовольствие натурой.

Пока шли военные приготовления вождя аббасидского движения, межплеменная борьба среди арабов Хорасана то несколько затухала, то вспыхивала с новой силой. Наср ибн-Сейяр не мог не видеть гибельности этих распрей. Как хитрый политик, он желал единства арабского фронта, но все же не мог преодолеть в себе ненависти к иеменитам и, в частности, к ал-Кермани. Ему удалось установить мир между мударитами, рабиитами и кахтанитами, заключившими между собой договор о том, что они объединяются на борьбу с Абу Муслимом, а споры переносят на то время, когда Абу Муслим будет изгнан из Хорасана.

Но наметившееся объединение племен было почти сведено на нет взаимной ненавистью Насра ибн-Сейяра и ал-Кермани. Хозяином Мерва в это время был ал-Кермани, захвативший его после убийства ал-Хариса ибн-Сурейджа. Наср ибн-Сейяр не хотел мириться с тем, что Мерв попал в руки его соперника; в результате произошло столкновение между войсками того и другого. Абу Муслим сумел использовать эту вражду, обещая ал-Кермани помощь против Насра. Последний все же оказался победителем, захватил в плен ал-Кермани и распял его,—этот вид казни арабы широко практиковали в то время. Это была крупнейшая и непоправимая ошибка хорасанского наместника. Убийство вождя аздитов ал-Кермани породило жажду мести к Насру ибн-Сейяру как в семье ал-Кермани, так и среди всех иеменитов. И действительно, вскоре после казни ал-Кермани сын его, Али ибн-Джудей ал-Кермани, явился к Абу Муслиму и обещал ему поддержку; с его помощью Абу Муслим в начале 748 г. захватил Мерв, что явилось для него решающим успехом. Таким образом, был выполнен совет Ибрахима ибн-Мухаммеда—силами южноарабских групп разбить мударитов, во главе которых стоял наместник Хорасана—Наср ибн-Сейяр.

В дальнейшем обстановка все более складывалась в пользу Абу Муслима, и число его сторонников продолжало расти. Абу Ханифа ад-Динавери так описывает приток сил на сторону аббасидов: «Спешно двигались к Абу Муслиму люди из Херата, Бушенджа, Мерверуда, Талкана, Мерва, Несы, Абиверда, Туса, Нишапура, Серахса, Балха, Чаганиана, Тохаристана, Хутгаляна, Кеша, Несефа. Все они сошлись на том, что красили в черный цвет (свое) платье. Красили они также половинки деревянных палиц (палок), которые были с ними и которые назывались «черные палки». Приезжали (эти люди) на лошадях, ослух, шли пешком, погоняя своих ослов и покрикивая на них... и было их числом 100 тысяч человек».

Абу Муслим, таким образом, обладал уже большим войском, пусть хуже вооруженным, чем у Насра ибн-Сейяра, зато пользующимся искренними симпатиями и широкой поддержкой народных масс.

В то время как в начале 748 г. Абу Муслим достиг больших успехов, силы Насра ибн-Сейяра уменьшались весьма быстро. Оставленный южноарабскими племенами, испытав несколько поражений, он решил на последний шаг—бегство из Хорасана. Осенью того же 748 г. он умер в Иране. Хорасан захвачен был войсками Абу Муслима в очень короткий срок, причем в качестве военачальников в этих походах выдвинулись араб Кахтаба и хорасанец Халид ибн-Бармак. В короткие сроки совершен был поход на Ирак и ал-Джезиру. Войско халифа Мервана II было разбито, и перед Абу Муслимом открылась дорога в западные области халифата. Когда обозначилась его полная победа, он понял, что иемениты и, в частности, сыновья ал-Кермани, ему больше не союзники, а скорее помеха, которую надо убрать с пути аббасидско-

го движения. Учитывая это, он под разными предлогами приказал их убить.

Пришедшая к власти новая династия аббасидов жестоко расправилась с членами дома омейядов. Мужчины, женщины, старики и дети из числа омейядов истреблялись всеми средствами, точно так же, как всеми способами искоренялась память обо всем, даже хорошем, что было сделано омейядами.

Новая династия в лице двух первых своих халифов—ас-Саффаха (749—754 гг.) и ал-Мансура (754—775 гг.) не выполнила ни одного из обещаний, которые давали народным массам аббасидские эмиссары в Ираке, Хорасане и Мавераннахре в подготовительный, точнее, пропагандистский период их деятельности. Земледельческое население не получило ни уменьшения хараджа и других налогов, ни снижения натуральных повинностей; не выполненным осталось данное аббасидами обещание не проводить новых каналов, не строить новых дворцов в таких размерах, как прежде, и т. д.

С первых же дней прихода аббасидов к власти стало совершенно ясно, что все эти обещания были даны ими лишь для того, чтобы использовать силу народного гнева против омейядов. Как мы увидим ниже, аббасидская династия со своим богатым и пышным двором, ведшая бесплодные войны против Византии, обходилась народам халифата еще дороже, чем омейяды. Порвав с народными массами, аббасиды тем решительнее связали себя с землевладельческой персидской, согдийской и хорезмийской аристократией. И не случайно, что первые аббасиды выдвинули на высокие посты Халида ибн-Бармака, крупнейшего земельного собственника из Балха, где его предки были главными священнослужителями находившегося здесь когда-то буддийского храма. Ас-Саффах и ал-Мансур всячески подчеркивали свою связь с персидской, согдийской, хорезмийской аристократией, выдвигая ее представителей, наряду с арабами, на высшие государственные должности в халифате, чего не было раньше. С этой именно политикой, а также с ненавистью к памяти омейядов связано перенесение столицы на новое место—в Багдад. Место это не случайно оказалось рядом с развалинами знаменитой столицы сасанидов—Ктесифоном.

Перенесением столицы в 763 г. в Багдад аббасидский халиф ал-Мансур (754—775 гг.) как бы хотел подчеркнуть, что он дорожит традициями сасанидского Ирана, нашедшими свое выражение в жизни сасанидского двора в Ктесифоне, и той системой управления, центром которой он был. Народы халифата, особенно его восточных областей, скоро убедились, что напрасно проливали кровь за аббасидов.

Самому Абу Муслиму пришлось выступить против двух движений, из которых одно возникло в Хорасане, а другое—в Мавераннахре.

В Нишапуре появился некий Бих-Аферид, успешно пропагандировавший необходимость вернуться к учению Заратуштры в его чистом виде и нападавший на официальное зороастрийское духовенство. Представители последнего подали жалобу на Бих-Аферида, и Абу Муслим суровой рукой подавил это движение.

Второе движение, возникшее в Мавераннахре, известное под именем восстания Шарика, захватило широкие народные массы и было подавлено с большими усилиями.

§ 3. ВОССТАНИЕ ШАРИКА В БУХАРЕ ПРОТИВ АББАСИДОВ В 750—751 гг.

Ярче всего разочарование народных масс в первые годы аббасидской власти обнаружилось в Мавераннахре. Не успела еще закончить-

ся борьба с омейядами, как в Бухаре и ее окрестностях в 133 (750—751) г. началось настоящее восстание против аббасидов и Абу-Муслима. Во главе восстания стоял Шарик ибн-Шейх ал-Махри, по происхождению араб. Согласно Наршахи, Шарик был шиитом и представлял собой оппозицию омейядам именно в этом отношении: он придерживался взгляда, характерного для всех шиитов, что халиф должен происходить из потомков «зятя пророка»—четвертого халифа Али. Вот почему он не сочувствовал движению, возглавляемому Абу Муслимом, и, повидимому, стоял в стороне от него. Едва только стали обнаруживаться первые признаки подлинного отношения новой династии к народным массам—крестьянам и ремесленникам—он выкинул лозунг, смысл которого сводился к следующему: «Не для того мы проливали кровь в борьбе против омейядов, чтобы подчиниться аббасидам».

Этот лозунг встретил большое сочувствие среди населения Бухары. Ат-Табари говорит, что число сторонников Шарика доходило до 30 тысяч человек. Среди его последователей оказались, по словам Наршахи, даже такие влиятельные люди, как эмир Бухары Абд ал-Джаббар ибн-Шуайб и эмир Хорезма Абд ал-Мелик ибн-Хузейль. Все же руководящей роли в восстании эти два эмира не играли, почему Наршахи и не упоминает о них дальше в своем рассказе о движении Шарика.

В восстании приняло участие все трудящееся население Бухары, как согдийское, так и арабское. Бухарская аристократия, в лице денежной знати, купцов—каш-кушанов, была враждебно настроена к движению и, во всяком случае, воздерживалась от участия в нем. Что же касается бухар-худата Кутейбы ибн-Тахшады, то он объявил себя ярым врагом восстания и, собрав 10 тысяч воинов, стал на сторону аббасидской власти.

Абу Муслим понимал, какого серьезного противника он имеет в лице Шарика и торопился поскорее покончить с ним; это явствует из всего его поведения. Он тотчас же направил Зияда ибн-Салиха с 10-тысячным войском в Бухару для подавления восстания и приказал ему, чтобы тот, дойдя до Аму-дарьи, отправил лазутчиков в Бухару и получил там скорые и точные сведения о положении дел. Сам же Абу Муслим с другим войском отправился вслед за Зиядом и известил его, что будет стоять лагерем на Аму-дарье в качестве необходимого резерва на случай, если потребуются пополнения.

Зияд ибн-Салих перешел Аму-дарью и подошел к Бухаре, расположив свое большое войско почти у самых ворот города.

Тщательное рассмотрение текста Наршахи, дающего подробное описание движения Шарика, приводит к заключению, что Бухара того времени вышла уже за пределы шахристана. Кроме ворот шахристана, были, повидимому, еще и ворота рабада. Упоминание о воротах Мох свидетельствует о том, что уже в середине VIII в. существовала первая стена рабада, о которой упоминают ал-Истахри и ал-Макдиси. К сожалению, наука не определила еще размеров площади Бухары того времени: площадь эта, хотя и была значительно меньше площади города в саманидское время, была, однако, больше шахристана, равнявшегося тогда, по данным В. А. Шишкина, 30—35 га.

Шарик, повидимому, хорошо был осведомлен о намерениях Абу Муслима и силах правительственных войск, почему и успел хорошо подготовиться к борьбе. Опираясь на полное сочувствие бухарского населения, Шарик вышел со своим войском за городские стены и располо-

жился у ворот Бухары. В течение 37 дней шел бой между воинами Шарика и Зияда ибн-Салиха, и всякий раз победа оставалась на стороне восставших бухарцев. Только прибегнув к хитрости, один из военачальников Зияда смог нанести большой урон войску Шарика; однако и это не могло снизить высокого боевого духа его сторонников. Резкий поворот в пользу аббасидского войска наступил с переходом бухар-худата Кутейбы ибн-Тахшады на сторону Абу Муслима. Он пришел с 10-тысячным отрядом, в состав которого входили главным образом дехканы с их военными слугами—чакирами. Этим аристократическим характером войска бухар-худата и отличалось от войска Шарика, в котором преобладало трудящееся население Бухары. Черные знамена у войск бухар-худата особенно подчеркивали приверженность последнего к аббасидам.

Нельзя пройти мимо одного характерного факта: бухар-худат Кутейба ибн-Тахшада, явившись к воротам Бухары, прежде всего обратился за поддержкой к обитателям замков (кёшков), находившихся тогда к северо-западу от шахристана. В этих замках жили знатные купцы—каш-кушаны, продолжавшие в течение долгого времени сохранять исповедание зороастризма. Это была очень крупная и влиятельная по тому времени группа бухарского общества, постоянно находившаяся в оппозиции к арабам, даже шиитам. Бухар-худат предложил им поднять черное знамя и присоединиться к нему и Зияду, что они и выполнили, поскольку демократические задачи движения Шарика были им совершенно чужды. Вместе с тем, окрестным селениям было предложено ни в коем случае не давать воинам Шарика ни продовольствия, ни фуража, а доставлять то и другое в лагери Зияда и бухар-худата.

Наршахи, хотя и подробно описывает борьбу войска Шарика с его более многочисленным противником, однако не дает ясной картины передвижения войска восставших. Повидимому, одно время ему пришлось отойти от стен Бухары на сравнительно далекое расстояние. В скором времени стесненный в продовольственном отношении Шарик отошел к селению Науканд, лежавшему на пути к Бухаре. Здесь часть воинов, мучимых голодом, бросилась за дынями и виноградом, в результате чего в войске Шарика появились сильные желудочные заболевания.

В разгоревшемся затем бою погибло много сторонников Шарика, в том числе и он сам. Смерть вождя и понесенное поражение имели решающее значение для судьбы всего движения. Восставшая Бухара осталась без войска и руководителя. Зияд ибн-Салих стал хозяином положения. Он подошел с юга к городским воротам Мох, остановился на берегу главного бухарского арыка и отсюда приказал своим войскам поджечь город. Так как Бухара того времени имела по преимуществу каркасные постройки, а дворцы и замки (кёшки) заключали в себе немало деревянных частей, то пожар быстро охватил шахристан, и большая часть города сгорела в три дня. Ненависть бухарцев к противникам была, однако, столь сильна, что они не хотели сдаваться на милость победителя, и даже пожар не смог их вытеснить за городские ворота. Зияд вновь прибегнул к оружию; последнее сражение произошло у ворот Аттарон, в южной части города. В этом бою погибло большинство жителей Бухары. Только после этого Зияд овладел городом. Расправа аббасидского военачальника с оставшимися в живых была очень жестока: он приказал вешать на городских воротах всякого пойманного из уцелевших участников движения.

Восстание Шарика имело некоторый отклик и в Самарканде. Во всяком случае, Зияд ибн-Салих тотчас же после расправы с Шариком

выступил против Самарканда, где разбил остальных врагов аббасидов и Абу Муслима.

С именем Зияда ибн-Салиха связана знаменитая битва, происшедшая в 751 г. между китайцами и арабами в долине реки Талас. То была последняя попытка китайцев вернуть свое политическое и культурное влияние на дела Средней Азии. Во главе китайского войска стоял полководец Гао-Сянь-Чжи. Битва разыгралась жестокая, причем арабы одержали полную победу, взяв огромное количество пленных и захватив большую добычу.

§ 4. ВОССТАНИЕ СУНБАДА В СЕВЕРОВОСТОЧНОМ ИРАНЕ ПРОТИВ АББАСИДОВ В 755 г.

Восстание Шарика в Бухаре, как ни трагичен для восставших был его исход, явилось грозным предостережением для новой династии, которая с первых шагов своей политической жизни проявила к народным массам глубоко враждебное отношение. Народ плохо разбирался в шиитской «программе», если позволительно прибегнуть к такому современному термину. Народные массы совсем не разбирались тогда в тонкостях преимущественного права потомков Али на халифский престол; примкнули же они к Шарикау потому, что он был против обманувших их своими лживыми обещаниями аббасидов, да к тому же и сами шииты были тогда прогрессивной силой, сплотившей вокруг себя недовольных существующими порядками.

В свете восстания Шарика Абу Муслим является нам иным, чем он был тогда, когда вел покоренные народы восточных областей халифата против поработителей-омейядов.

Нельзя не поставить вопроса—почему Абу Муслим, популярный и любимый вождь народных масс в борьбе против омейядского халифата, пошел на подавление восстания Шарика в Бухаре, в котором участвовал тот же народ?

Может быть, Абу Муслим вплоть до победы аббасидов только носил маску народолюбца, а сам по существу был проводником интересов землевладельческой знати Ирана и Средней Азии, стремившейся стать у руля государственного управления в качестве господствующей силы? Если это было так, то настоящее лицо Абу Муслима проявилось в подавлении бухарского народного восстания. Но так ли это?

Абу Муслим был противником шиитов и алидов. Он хорошо знал их традиции, знал, что победа алидов приведет к власти династию потомков Али, которая не будет вести по отношению к народу иной политики, чем омейяды. Сам же Абу Муслим в 750—751 гг. еще верил аббасидам, хотя и замечал в них зловещие признаки измены тем обещаниям, которые были даны народу Мухаммедом ибн-Али и Ибрахимом ибн-Мухаммедом—первыми имамами аббасидской шии.

Народные массы Бухары оказались предусмотрительнее и дальновиднее Абу Муслима, хотя сам вождь их восстания—Шарик был совсем ненадежным руководителем. В этой сложной обстановке и создалось тяжелое противоречие в поведении Абу Муслима. На Абу Муслима нельзя перелagать ответственности за курс аббасидской политики. Он резко в этом отношении расходился с халифом, да и личные отношения с ним у Абу Муслима были очень плохими. Ас-Саффах и его

преемник ал-Мансур питали к Абу Муслиму жгучую ненависть, смешанную со страхом. Эти халифы прекрасно видели, что не они, а Абу Муслим является подлинным вождем движения, которое привело их к власти. Они боялись популярности Абу Муслима в широких кругах Ирана и Мавераннахра, относились с большой подозрительностью к каждому его шагу. Считая, что Абу Муслим питает честолюбивые замыслы и готовит государственный переворот в свою пользу, они удалили его из Ирака, оставив в качестве наместника в Хорасане и Мавераннахре.

Положение Абу Муслима действительно было двусмысленным. Совершенно не разделяя аристократической политики ас-Саффаха, Абу Муслим в то же время не примкнул к подлинно народным течениям—вроде деятельности неомаздакитов—хурремитов или, как их по-арабски называли, мухаммира. Поэтому, несмотря на свои плохие отношения с первыми двумя халифами, он все же поддерживал аббасидскую династию, которой отдал столько своих сил и способностей. Все это, однако, не улучшило его отношений с халифами.

Особенно натянутыми эти отношения сделались, когда после смерти ас-Саффаха халифом стал ал-Мансур (754—775 гг.).

Отправляясь в 755 г. в хадж в Мекку, Абу Муслим должен был захватить в резиденцию ал-Мансура и представиться халифу. Ехал Абу Муслим в составе большого каравана с хорошо вооруженной стражей. Он имел все основания относиться подозрительно к ал-Мансуру, хорошо зная, что тот относится к нему весьма неприязненно. И тем не менее, усыпленный знаками внимания к нему со стороны халифа, Абу Муслим, один, без вооруженной свиты, вошел к нему во дворец. Ал-Мансур оказался бесчестным и коварно убил своего гостя.

Весть об убийстве Абу Муслима облетела весь халифат. Народные массы забыли об его участии в подавлении восстания Шарика и дали свое истолкование убийству Абу Муслима. Согласно ходившей тогда молве, Абу Муслим был защитником народа и требовал от первых аббасидских халифов проведения мероприятий в его, народа, пользу, что очень не нравилось ал-Мансуру, который только и ждал случая, чтобы расправиться с неугодным и опасным ему народным вождем. Так, в образе героя, трагически погибшего за народ, и вошел Абу Муслим в фольклор. Насколько популярно стало его имя, можно судить хотя бы по тому, что жизнь и дела Абу Муслима стали сюжетом популярного и известного до последнего времени в Иране и Средней Азии исторического романа, написанного ат-Тартуси еще в домонгольскую эпоху.

Убийство Абу Муслима как бы послужило сигналом к ряду восстаний против аббасидов на востоке и северо-востоке халифата. Да это и понятно; народ дал свою оценку этому событию: аббасиды-де убрали с политической арены человека, который от их имени обещал народу улучшение жизни, и теперь у власти нет больше никого, кто бы вступился за интересы народа. Классовое, эксплуататорское лицо аббасидской династии обнаружилось с предельной ясностью, и у народа по отношению к ней не оставалось никаких иллюзий.

Первым по времени было движение Синбада, или Сунбада, вспыхнувшее вскоре после убийства Абу Муслима в том же 755 г. в Хорасане, в г. Нишапуре. Приблизительно через 20 лет Среднюю Азию, главным образом Согд, охватило восстание Муканны, которое нанесло халифату один из самых серьезных в его истории ударов. Понять это движение можно, лишь изучив обстановку социально-экономических и политических отношений того времени, о чем уже говорилось выше. Нельзя

правильно понять событий и без учета той идеологии, которая питала наиболее активные элементы народных движений VIII в. Во всех этих движениях огромную роль играли маздакиты, известные под именем хурремдинов, хурремитов, мухаммира, сурхалем и «людей в белых одеждах».

Сын Кавада (488—531 гг.) Хосров Ануширван (531—579 гг.) еще в царствование своего отца, в 528 г., жестоко подавил маздакитское движение, но все же не мог уничтожить идей маздакизма. В исторической литературе записано предание о бегстве жены Маздака Хурремы в Рей, где она вела усиленную маздакитскую пропаганду. Так, по крайней мере, рассказывает об этом Низам ал-Мульк в своем «Сиасет-намэ». Отсюда маздакиты отправились в Хорасан и Мавераннахр, а часть их переместилась на север Ирана и в Азербайджан. Аш-Шахристани рассказывает, что маздакиты разделились на несколько сект: абу-муслимийя, ал-маханийя, ал-кудакийя и ас-сафидджамакийя. Первые две секты были распространены в Ахвазе, Фарсе, Шахрзуре, а две последних—ас-сафидджамакийя и ал-кудакийя—в Согде, Шаше и Илаке.

«Ас-сафидджамакийя» в переводе на русский язык значит: «люди в белых одеждах». Этим именем называли участников восстания Мукадды. Что же касается секты абу-муслимийя, которая была распространена в указанных выше областях Ирана, то она, естественно, была связана с маздакитской идеализацией Абу Муслима. Здесь мы видим характерный пример того, как человек, при жизни не бывший маздакитом (иначе он не стоял бы во главе аббасидского движения,—вспомним эпизод с Хидашем), после его трагической смерти был отнесен народным сознанием к числу наиболее ярких вождей маздакитского движения.

Идеи «людей в белых одеждах» («ас-сафидджамагон») не были занесены в Согд извне к 70 годам VIII в., но были распространены здесь, как мы видели уже выше, с VI века. На протяжении всей своей истории, начиная со времени разгрома движения Маздака в 528 г., маздакиты не решались выступать открыто, а скрывались в Средней Азии и в доарабский период, и долгое время при арабах—в манихейской среде. Общины манихеев находились, повидимому, во многих городах Средней Азии, особенно в Согде. Известно, что манихейство захватило даже тюрок, которые познакомились с ним в Китае в VIII в., т. е. уже в период арабского завоевания Средней Азии.

Ан-Надим в «Фихристе» (X в.) объясняет активную деятельность манихеев в Средней Азии тем, что начавшееся после казни Мани (III в.) преследование его последователей в Иране привело их в Мавераннахр. При арабах первое время учение Мани не преследовалось, вследствие чего началось возвращение многих манихеев в Иран. Усилившаяся их пропаганда вызвала, однако, еще во времена омейядского халифа Хишама (724—743 гг.) у наместника Ирака Халида ибн-Абдаллаха ал-Касри (723—738 гг.) столь сильную боязнь, что он начал проводить ряд мер, направленных против них. В результате наблюдался вторичный приток манихеев в Среднюю Азию, в частности в Мавераннахр. Этот процесс ухода манихеев из Ирана на Восток продолжался в течение VIII—X вв.

По словам ан-Надима, большое и, повидимому, последнее переселение их произошло уже при халифе Муктадире (908—932 гг.). Тот же автор говорит о большой манихейской общине в Самарканде, в которой насчитывалось 500 человек. Наличие манихеев в Самарканде отмечает

и автор сочинения «Худуд ал-Алем» (X в.). По его словам, в Самарканде был храм манихеев, называвшихся там нигошаками. Интересно, что даже ал-Бируни, автор XI в., отмечает наличие манихеев в Самарканде,—повидимому, последних.

Среди манихеев было немало сочувствующих учению Маздака, почему и сами маздакиты охотно искали себе приют в их среде. В Мавераннахре многие маздакиты были известны под термином «зиндик». В свое время слово это было предметом научного обсуждения и породило целую литературу. Об этом термине писали С. Ф. Ольденбург, В. Р. Розен и др. Согласно их взглядам, термин «зиндик» применялся к зороастрийцам и даже буддистам. Прилагался часто термин «зиндик» и к маздакитам, как это имеет место в «Китаб ал-агани», у ал-Хорезми, ат-Табари и других авторов. Весьма характерно, что зиндиками ал-Макдиси называл и «людей в белых одеждах», которые, как мы увидим ниже, в огромном большинстве своем были маздакитами.

В VIII и IX вв. в Хорасане, Северном Иране, Азербайджане, как и в других местах Ирана, маздакиты выступали, как мы уже видели, под именем хурремдинов, хурремитов, мухаммира и сурхалем.

Нельзя пройти мимо двух последних терминов, из которых первый—«мухаммира»—означает: «одетый в красное», второй—«сурхалем»—«краснознаменщик». Это едва ли не первый в мировой истории случай упоминания в столь раннее время красного цвета и даже красного знамени, как символа народного восстания, участники которого готовы были ради освобождения даже пролить свою кровь.

Под перечисленными выше именами мы опять встречаем маздакитов, действовавших в новой исторической обстановке. В общем, они придерживались основных положений учения Маздака, которые ясно и, вместе с тем, очень кратко изложил аш-Шахристани в своей «Китаб ал-милаль ва'н-нихаль». Ввиду того, что для понимания идеологии маздакитов весьма важно знать основные воззрения Маздака, необходимо вкратце на них остановиться, придерживаясь того, что приведено у аш-Шахристани.

Маздакиты в учении о первоосновах всего сущего были близки ко взглядам большинства манихеев. На этом и останавливается аш-Шахристани. Маздак учил, что в дуалистическом миропонимании Свет, как одна из основ всего существующего, действует по плану и свободной воле, а Мрак, как вторая основа, действует наощупь и по слепому случаю. Отсюда Свет является источником знания и чувств, а Мрак—незнания и внутренней слепоты. Согласно Маздаку, смешение Света и Мрака приводит к потере способности действовать по плану и свободной воле. Практически это означает, что человек, поступивший плохо, т. е. прикоснувшийся к Мраку (злу), теряет свободу воли и способность действовать по плану.

Маздак запрещал людям взаимную вражду, взаимную ненависть, убийство. По учению Маздака, все зло в отношениях между людьми происходит из-за имущества и женщин. Для устранения этого зла необходимо сделать имущество и женщин общим достоянием, подобно тому, как люди сообща пользуются водой и огнем¹.

Вместе с тем, чтобы освободить души людей от зла, Маздак разрешил иногда убивать «людей зла». Повидимому, понимать это надо в том смысле, что зло на земле, в том числе и социальную несправедли-

¹ Здесь сказывается отголосок отдаленного прошлого, когда господствовал институт группового брака.

вость, устранить возможно лишь насильственным путем, т. е. при помощи того же убийства. Весьма характерно, что Маздак, проповедывавший социальную справедливость, правда, наивно и весьма примитивно трактуемую, прекрасно понимал, что установить ее мирным путем невозможно. Это он и старался философски обосновать.

По словам одного из знатоков религиозных сект на средневековом востоке, Мутахара ал-Макдиси, автора X в., писавшего на арабском языке, хурремиты избегали проливать кровь, за исключением тех случаев, когда поднимали знамя восстания против угнетения.

Разочарование в аббасидском движении только усилило деятельность последователей разнообразнейших неомаздакитских течений на востоке и северо-востоке Ирана. Однако полагать, что хурремитская пропаганда не проявлялась при омейядах, было бы неправильным. Вспомним хотя бы деятельность Хидаша в качестве одного из ответственных аббасидских да'и (пропагандистов) в Хорасане. Выше мы видели, что хурремитские элементы желали приспособить аббасидское движение к своим целям.

Предательское убийство Абу Муслима сейчас же было использовано радикальными кругами на северо-востоке Ирана. В 755 г., когда совершено было убийство Абу Муслима, в Рее вспыхнуло восстание Сунбада против аббасидов. Хотя движение произошло за пределами Средней Азии, оно не могло не повлиять на умы недовольных аббасидским режимом оппозиционных элементов в Согде и других областях Мавераннахра.

Об этом движении имеются сведения у нескольких авторов, но только два из них заслуживают внимания: краткий рассказ ат-Табари и более подробный рассказ Низам ал-мулька («Сиасет-намэ»). Наибольшего доверия заслуживает первый рассказ, особенно в отношении достоверности сообщаемых дат и мест, где происходили события. Сообщения же Низам ал-Мулька во многом отражают фольклорный для XI в. материал, вследствие чего к этому рассказу, имеющему, несомненно, элементы фантастического характера, приходится подходить с особой осторожностью как в смысле ценности извлекаемых из него сведений, так и установления допущенных в нем фактических ошибок.

Согласно ат-Табари, глава движения Сунбад был родом из селения Ахан в окрестностях Нишапура. По своим воззрениям Сунбад был зороастрийцем. Выступил он, как бы мстя ал-Мансуру и аббасидской власти за коварное убийство Абу Муслима. Сунбад захватил Нишапур, Кумис и Рей. Здесь он захватил казну Абу Муслима, которую тот оставил в Рее, отправляясь в свой трагически закончившийся хадж. Халиф Абу Джаафар ал-Мансур отправил Джахура ибн-Маррара ал-Иджли во главе 10-тысячного отряда для подавления восстания. На краю пустыни между Хамаданом и Реем войско Сунбада потерпело поражение и бежало. До шести тысяч человек было убито воинами Джахура во время бегства разбитого ими войска Сунбада. Вскоре был убит и вождь восстания Сунбад. Движение Сунбада продолжалось всего 70 дней.

В этом рассказе ат-Табари отмечены только формальные моменты. Даны руководящие действующие лица, место, время действия и его результаты. Из рассказа мы, однако, не узнаем самого главного—характера движения. Рассказ Низам ал-Мулька как раз восполняет этот пробел.

Согласно Низам ал-Мульку, Сунбад обратился за поддержкой своего дела к гебрам, т. е. зороастрийцам, хурремитам и рафизитам, т. е. ши-

итам. Он стремился примирить между собой эти разные и во многом враждебные друг другу течения и объединить их в общей ненависти к аббасидам, старался сгладить разногласия и в этих целях уверял, что Маздак был шиитом.

Весьма интересным фактом является взгляд участников восстания на Абу Муслима. Согласно рассказу Низам ал-Мулька, ал-Мансур намеревался убить Абу Муслима, но тот с помощью высших сил обратился в белого голубя и улетел.

По словам Низам ал-Мулька, Сунбад поучал, что теперь Абу Муслим живет вместе с Махди и Маздаком в далеком и высоком замке. В этом представлении о превращении Абу Муслима в голубя мы имеем весьма характерную для большинства сект того времени веру в переселение душ.

У Низам ал-Мулька приведены взятые откуда-то, повидимому, недостоверные сведения о 100-тысячном войске Сунбада и семилетней продолжительности восстания. Ат-Табари, как мы видели выше, говорит о 70 днях.

Движение Сунбада имело огромное значение—оно со всей очевидностью вскрыло антинародный характер аббасидского халифата.

Чрезвычайно характерно, что одновременно с восстанием Сунбада аналогичное выступление против аббасидов имело место и в Мавераннахре. Оно было меньше по своим размерам; во главе его стоял некий Исхак, горячий последователь Абу Муслима, человек неграмотный, который стал известен после своей поездки в качестве посла Абу Муслима к тюркам под именем «Исхака-тюрка». Исхак считал себя зороастрийцем и верил, что Зороастр жив и скоро должен явиться для укрепления своего учения. Движение Исхака было подавлено, однако его сторонники еще долго выступали в качестве активной антиаббасидской и антимусульманской политической силы.

§ 5. ВОССТАНИЕ МУКАННЫ В МАВЕРАННАХРЕ В VIII в. (движение «людей в белых одеждах»)

Войско Джахура ибн-Маррара ал-Иджли, физически уничтожив около 10 тысяч человек, не убило идей, которыми руководились последователи Сунбада. Напротив, несмотря на постигшую его неудачу, эти идеи послужили толчком к новому, на этот раз действительно грандиозному народному восстанию, которое вошло в историю под именем движения «людей в белых одеждах», или движения Муканны. Разгорелось это восстание через двадцать приблизительно лет после выступления Сунбада. На этот раз восстание охватило самое сердце Мавераннахра—территорию Согда, т. е. всю долину Зарафшана и Кашкадарьи, причем отголоски движения имели место в долине Илака и в Шаше.

До последнего десятилетия движение Муканны не было предметом научного исследования. Даже в классическом труде В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» Муканне отведено меньше двух страниц. В труде Эд. Броуна «Литературная история Персии» Муканне также посвящено только несколько страниц, причем здесь говорится о нем только как о вероучителе; самый главный источник о Муканне—Наршахи—у Броуна даже не упомянут. Эд. Броун не дает ни изложения событий, ни их анализа. Правда, за последнее время тема эта привлекала к себе внимание многих историков, однако излагалась она лишь в порядке популяризаторском.

В более значительной степени восстание Муканны освещено в специальной работе Р. Н. Набиева и в труде Садр-ад-дина Айни.

Главными источниками для изучения истории восстания Муканны являются: краткое известие ат-Табари, краткое известие ал-Бируни, несколько более полное известие Бар Еврея (Абу-л-Фарадж) и подробное изложение событий в главе, специально посвященной Муканне, в книге Наршахи «История Бухары». О Муканне имеются еще упоминания у ал-Якуби, ибн-Мискавейха, Низам ал-Мулька, ибн-Халликана, Хамзы Исфаганского и других авторов; однако в их работах не заключается ничего такого, что внесло бы что-нибудь ценное по сравнению с вышеупомянутыми авторами. В основу исследования вопроса необходимо положить текст Наршахи, корректируя и дополняя его остальными источниками.

В IX—XI вв. распространены были сочинения, специально посвященные движению Муканны. Наршахи упоминает о книге некоего Ибрахима «Ахбар Муканна» («Известия о Муканне»). Особенно приходится жалеть об утере книги ал-Бируни под заглавием «Ахбар ал-мубайида ва-л карамита», т. е. «Известия о (людях) одетых в белые одежды и карматах». Сам ал-Бируни говорит, что он перевел какое-то сочинение о Муканне с персидского на арабский язык и изложил его кратко в своей книге. Не есть ли это упомянутое Наршахи сочинение Ибрахима?

Большинство источников сходится на том, что Муканна был родом из селения Каза, лежавшего вблизи города Мерва. Самое слово «Муканна» является не именем, а прозвищем (лакабом) и обозначает «закрытый покрывалом». Настоящее имя его было Хашим ибн-Хаким — так его называют Наршахи и ал-Бируни. Ал-Якуби называет его Хаким ал-А'вар (одноглазый). Наршахи говорит, что Муканна в молодые годы занимался стиркой белья, хотя и не указывает, был ли он мастером в каком-нибудь специальном прачечном заведении или владельцем последнего. Согласно ибн-Халликану, имя Муканны было Ата, причем по профессии он был валяльщиком.

Вторая половина VIII в. в аббасидском халифате проходила под знаком большого культурного подъема, который достигает своих высот в IX—X вв. Процесс развития производительных сил, роста городов, ремесел, торговли и культуры в Иране и Средней Азии, приостановленный арабским завоеванием и грабительской политикой арабских наместников VII—VIII вв., возобновился во второй половине VIII века. Как ни тяжела была для трудящихся масс налоговая политика аббасидской династии, уже самый факт прекращения войны, а также установление центральной и областной власти, торговое и культурное общение между отдельными областями халифата, а главное—трудолюбие крестьян и ремесленников содействовали успехам земледелия, ремесленного производства, торговли и культуры. В то время начинала создаваться арабоязычная наука—география, история, математика, астрономия, медицина, философия. В создании «арабской» исторической литературы участие принимали в большинстве не арабы, а согдийцы, хорезмийцы, бактрийцы, персы и другие. Именно в это время (середина VIII в.) началась усиленная переводческая деятельность, когда местная интеллигенция покоренных арабами культурных стран, хорошо изучившая арабский язык, но верная культурным традициям своего прошлого, переводила на арабский язык с языков народов Средней Азии, среднеперсидского (пехлеви), греческого и индийского (санскрит) написанные на этих языках замечательные произведения лите-

ратуры и науки. Вспомним хотя бы знаменитого переводчика на арабский язык «Калилы и Димны» ибн-ал-Мукаффу, казненного по приказу халифа ал-Мансура за сочувствие маздакитским течениям и антиаббасидскую пропаганду. Ибн-ал-Мукаффа перевел с пехлеви на арабский язык эпическую историю Ирана. Это были не единственные его переводы с пехлеви; к сожалению, они почти все утеряны.

Основная цель переводческой деятельности интеллигенции покоренных народов, развернувшейся более всего в первой половине IX в., заключалась в демонстрации того, как значительна и даже велика культура покоренных и притесненных арабами народов. Эта проведенная на культурном фронте тогдашней жизни политическая оппозиция владчеству арабов, имевшая большое принципиальное значение, получила наименование «шу'убия».

Хотя Муканна в молодости и занимался прачечным ремеслом¹, однако, благодаря своим выдающимся способностям, много читал, знал, повидимому, пехлеви, арабский и другие языки. Наршахи, типичный феодальный историк, ненавидевший Муканну, склонный поверить всякой клевете на него, сам поносивший его и даже клеветавший на него, должен был признать его образованность. Он говорит, что Муканна занимался наукой о способах обманывать людей, хорошо изучил разные фокусы² и т. д.

Отца Муканны звали Хаким, и был он одним из сархангов эмира Хорасана во времена Абу Джаафара ал-Мансура. Отсюда ясно, что свою политическую деятельность Муканна начал при жизни отца. С первого взгляда может показаться странным, как мог сын сарханга заниматься прачечным ремеслом. Но нам кажется, что неувязки здесь нет никакой. Под сархангом чаще всего в то время подразумевали, если судить по ряду контекстов, даже того же Наршахи,—военачальника весьма мелкого масштаба, например десятника. Повидимому, он был из народа и выдвинулся еще во время движения Абу Муслима. По словам Наршахи, и сам Муканна, так же как и его отец, был сархангом во времена Абу Муслима. Таким образом, оба они находились на государственной службе в одно и то же время. Все же нельзя не отметить, что в биографии Муканны имеются некоторые неясности, обусловленные, повидимому, испорченностью текста, сосуществованием на одной странице отрывков из разных сочинений.

Указание на то, что Муканна был везиром Абд ал-Джаббара, попало, вернее всего, из какого-то другого сочинения, где дана несколько иная версия биографии Муканны; однако само по себе это известие, при серьезном к нему отношении, не внушает недоверия. Абд ал-Джаббар ибн-Абд ар-Рахман ал-Азди, по словам Якуби, был наместником Хорасана, куда его назначил ал-Мансур в 148 (765) г. Географ Якут дает другую дату. Он указывает, что Абд ал-Джаббар назначен был наместником в 140 (757) г. Датировка Якута заслуживает большего доверия, так как, согласно ат-Табари, Абд ал-Джаббар ибн-Абд ар-Рахман в 757—758 гг. казнил арабского правителя Бухары Муджаши ибн-Хурайса ал-Ансари за его симпатии к алидам.

В Мерве Абд ал-Джаббар проявил непослушание халифу и отложился от него. В 759 г. ал-Мансур специально отправил своего сына

¹ Может быть, ремеслом валяльщика.

² Согласно Низам ал-Мульку, Муканна Мервези, будучи в Мавераннахре, устроил нечто вроде машины, с помощью которой он выводил из-за горы луну.

ал-Махди, чтобы захватить мятежного наместника. Ал-Махди разбил Абд ал-Джаббара, отвез его к отцу, который и приказал его казнить.

При таких условиях нет ничего невероятного в том, что сарханг Абу Муслима, выдвинувшийся благодаря своим дарованиям, поступил на службу к мятежному хорасанскому эмиру и стал его везиром, одним из главных его чиновников. Произошло это, может быть, еще в том же 759 г. На это время и падает начало проповеднической деятельности Муканны. За участие в мятеже Абд ал-Джаббара и за антиаббасидскую проповедь ал-Мансур через несколько лет приказал его арестовать, привезти в недавно построенный Багдад и там посадить в зиндан (темницу). По словам Наршахи, Муканна просидел в зиндане много лет, но потом ему все же удалось бежать, и он появился в родном Мерве, где у него было немало друзей. Вскоре по своему возвращении Муканна приступил к подготовке восстания; началом движения принято считать 776 г.

Наршахи сохранил нам, повидимому, заимствованные из упомянутой им книги Ибрахима «Известия о Муканне», некоторые идеи Муканны, которые он пропагандировал в Мерве. Муканна объявил людям, что он говорит от имени бога, который воплотился в нем, как раньше он воплощался в Адаме, Ное, Ибрахиме (Аврааме), Моисее, Иисусе, Мухаммеде и Абу Муслиме. Учение о воплощении божества в человеке было использовано Муканной для придания особой, высшей авторитетности провозглашаемому им учению и предлагаемой им программе действий.

Среди перечисленных Муканной лиц, через которых, по его мнению, бог провозгласил истину, нельзя пройти мимо имени Абу Муслима, которого Муканна объявляет своим предшественником. Не более 20 лет отделяли смерть Абу Муслима от выступления Муканны,—а как далеко зашла маздакитская идеализация деятеля, который возглавлял аббасидское движение и ради спасения аббасидов подавил восстание Шарика!

С учением о воплощении божества в человеке тесно связано и представление о переселении душ. Ат-Табари определенно говорит, что Муканна проповедовал учение о переселении душ. О том же сообщает и Бар Еврей. Развивая свою кипучую пропагандистскую деятельность, Муканна направил, по словам Наршахи, ряд посланий-писем в разные области, главным образом в Мавераннахр. К сожалению, имена лиц, которым были адресованы эти послания, у Наршахи не сохранились. Во всяком случае, самый факт существования этих адресатов говорит о том, что в Мавераннахре имелись люди, сочувствовавшие учению Муканны, готовые его поддержать и хорошо ему известные. Каждое из этих писем начиналось провозглашением, что бог Адама, Ноя, Моисея, Авраама, Иисуса, Мухаммеда, Абу Муслима теперь воплотился в нем: «Сила, власть, слава, доказательства принадлежат (мне) Муканне, повинуйтесь мне и знайте, что мне принадлежит падишахство (да будет он проклят), так же как величие и высшая способность творения. Кроме меня, нет другого бога (прах ему в рот). Всякий, кто примет мое учение (присоединится ко мне. А. Я.), будет в раю, кто не примет его—попадет в ад»¹.

Вместе с письмами Муканна отправил в различные области и пропагандистов (да'и). Опыт первого периода пропаганды убедил его в

¹ Слова, взятые здесь в скобки, принадлежат Наршахи, и в них он, как феодальный историк, выражает свою ненависть к Муканне.

том, что наиболее благоприятная для восстания ситуация сложилась в долинах Кашка-дарьи и Зарафшана. От мысли начать движение в Мерве и его округе ему пришлось отказаться: слишком велики были силы эмира Хорасана, чтобы в такой близости от него поднимать восстание, хотя у тамошнего населения и был весьма большой опыт ведения гражданской войны. По словам Наршахи, у Муканны среди его сподвижников был некий Абдулла ибн-Амр, по происхождению араб. Повидимому, он был очень близок к Муканне, который был женат на его дочери. Ему-то и доверил Муканна ответственное дело: начать восстание против аббасидского халифата, против всей системы арабской власти. По примеру Муканны, Абдулла ибн-Амр переправился через Аму-дарью и появился в долине Кашка-дарьи, в городах Нахшеб (Карши) и Кеш (Шахрисябз). Здесь среди земледельческого населения, а также широких городских кругов его пропаганда имела большой успех; ему удалось привлечь на сторону учения Муканны огромное количество людей. Особенно много последователей оказалось в Кеше и его окрестностях. Первыми открыто объявили о своем присоединении к Муканне жители селения Субах (в окрестностях Кеша), во главе со своим михтаром (старшиной сельской общины). Наблюдения, производимые над терминологией источников X—XI вв., главным образом рукописи Туманского, а также Гардизи, дают право под словом «михтар», если оно прилагается к кочевому обществу, понимать старшину рода или племени; если же оно прилагается к земледельческому оседлому населению—местного мелкого патриархального владельца небольшого района или селения, по характеру своих функций близкого к старшине сельской общины (в данном случае мы имеем в виду патриархального главу селения Субах). Наршахи сообщает, что восставшие жители убили своего эмира, по происхождению араба. Повидимому, имеется в виду мелкий арабский чиновник, который, наряду с местным михтаром, осуществлял власть в этом селении.

События в Согде разворачивались с исключительной быстротой. Охватив долину Кашка-дарьи, восстание перекинулось на Зарафшан.

Один из крупнейших центров движения наметился в окрестностях Бухары. Здесь движение поддерживал сам бухар-худат Буниат ибн-Тахшада, отказавшийся от ислама и принявший участие в восстании из ненависти к арабской власти и из желания восстановить бухарское владение и его независимость. По словам Наршахи, для мусульман в Согде настали очень тяжелые времена. Последователи Муканны, носившие имя «людей в белых одеждах», грабили караваны, нападали на селения, не желавшие к ним присоединиться, убивали муэдзинов при мечетях и других духовных мусульманских лиц.

Когда Муканна убедился, что движение в Согде приняло широкие размеры, он с 36 своими приверженцами появился на берегу Аму-дарьи, чтобы тайно переправиться на мавераннахрский берег. Сделать это было нелегко, так как по берегу реки непрерывно курсировало сто всадников, специально отправленных хорасанским наместником для поимки Муканны. Последний все же сумел благополучно переправиться через Аму-дарью и направился в Кешский вилайет, находившийся почти целиком в руках его последователей. В горах Санам, в Хисарском хребте, имелась большая, хорошо укрепленная крепость с проточной водой, с деревьями и возделанными полями. Там же, повидимому, внутри нее, была еще более сильная крепость. Ее Муканна приказал особенно укрепить и свезти в нее много разного добра и еще больше—всякого провианта.

События развивались в пользу Муканны и его людей. День за днем на сторону восставших один за другим переходили мелкие города и селения в долинах Кашка-дарьи и Зарафшана.

Каков же был классовый состав повстанцев? На кого главным образом опирался Муканна? Из какой среды набирались основные кадры «людей в белых одеждах»?

Прежде всего это были жители селений, которых тогда было много в долинах Кашка-дарьи и Зарафшана. Селения эти были, за редкими исключениями, укреплены стенами, иногда башнями, и мало чем по своему топографическому строению отличались от небольших городов. Каждое из таких селений еще сохраняло своего местного, согдийского по происхождению, владельца («михтар»). К сожалению, источники сохранили нам облик этих мелких владельцев лишь с конца VIII в. Михтары, повидимому, заключали в себе немало черт патриархального характера, возглавляли сельскую общину, несли перед арабской властью ответственность за сбор с жителей селения налогов (джизья и харадж), а также за правильное выполнение ими натуральных повинностей. Многие из этих михтаров не покинули в критический момент жителей своих селений и встали в ряды «людей в белых одеждах».

Выше мы уже останавливались на вопросе о положении земледельческого населения Согда, обитавшего в указанных укрепленных селениях типа Субах. Для согдийских земледельцев 70—80-е годы были самым критическим периодом их истории. Старшее поколение хорошо помнило те времена, когда арабы не могли их заставить склонить шею, чтобы халифские чиновники надели на них унижающие человеческое достоинство печати. Люди этого поколения хорошо помнили, как они вместе со своими отцами бились с арабами, отстаивая не только свою личную свободу, но и независимость всей страны.

Потеря личной свободы наиболее слабыми в хозяйственном отношении группами земледельцев имела место и до прихода арабов. Вспомним хотя бы положение кедиверов. Однако земледельцы Согда, жившие в сельских общинах в условиях патриархальной семьи, в основном еще оставались лично свободными. Лишаемые этой свободы арабской властью, прикрепленные к хараджу и повинностям, согдийские земледельцы начали целыми селениями вступать в ряды сторонников Муканны.

Каково же было отношение согдийской землевладельческой знати к движению «людей в белых одеждах»? Здесь сказалась ее общая политическая линия по отношению к арабам, обнаружившаяся так ярко уже при Насре ибн-Сейяре (738—748 гг.). Тогда большая часть знати пошла на примирение и службу к арабскому халифату. Если дехканская знать еще имела причины быть недовольной омейядами, то теперь, с приходом иранофильствующей аббасидской династии, она (за небольшим исключением) не имела никаких оснований находиться к ней в оппозиции; к таким редким исключениям и принадлежал вышеупомянутый бухар-худат Буниат. Большинство же согдийских дехкан, как мы увидим дальше, помогало арабским военачальникам в ликвидации движения Муканны.

Менее известно нам поведение городского населения. Если купечество и феодальная знать городов, в большинстве своем ставшие уже мусульманами, находились целиком на стороне арабской власти, то поведение ремесленников, которых в согдийских городах было немало, нам не совсем ясно.

Успехи «людей в белых одеждах» произвели на арабов и арабофильствующие элементы весьма сильное впечатление. Из Мавераннахра началась настоящая эмиграция. Группа беглецов, повидимому, не такая уж малая, появилась даже в столице халифата — Багдаде. По словам Наршахи, события настолько обеспокоили аббасидского халифа ал-Махди (775 — 785 гг.), что он решил сам взять в свои руки руководство военными операциями против Муканны. Такое решение отчасти обуславливалось опасениями высших кругов аббасидского общества, что ислам может погибнуть, а учение Муканны — победить. Ал-Махди собрал большое хорошо вооруженное войско, часть которого он отправил в Мавераннахр, а с другой частью сам двинулся в Нишапур, откуда решил руководить подавлением восстания.

Муканна, будучи человеком умным и дальновидным, не мог не понимать, что ему придется иметь дело с противником, более вооруженным и оснащенным лучше, чем его отряды. Вот почему он вошел в сношения с тюрками и призвал их к себе на помощь. Тюркам-кочевникам не впервые было поддерживать согдийцев в их борьбе с арабами.

Чтобы создать среди кочевников заинтересованность в военных действиях, Муканна разрешил им грабить арабские и мусульманские караваны, нападать на жилища мусульман, захватывать их имущество.

После захвата долины Кашка-дарьи, что потребовало очень немного времени, «люди в белых одеждах» наибольшую активность проявили в районе Бухары. Наршахи рассказывает, что они напали в 159 (775 — 776) г. на селение Нумучкет или, точнее, Бемичкет, находившееся вблизи Бухары. Население Бемичкета в большей своей части было, повидимому, арабским или, во всяком случае, арабофильски настроенным. По словам Наршахи, «люди в белых одеждах» вечером ворвались в мечеть, убили муэдзина и вместе с ним еще 15 человек, находившихся там. За дальнейшее сопротивление были убиты и остальные жители селения.

В Бухаре были очень обеспокоены развивающимися успехами Муканны. Мусульманские круги города видели свое спасение в быстрой и решительной борьбе с ним, так как уже в самой Бухаре имелись элементы, готовые поддержать Муканну. Среди последних надо отметить некоего Хакима ибн-Ахмеда, ярого последователя Муканны. Он был главным руководителем «людей в белых одеждах» бухарского района. Наршахи приводит имена трех его помощников. Двое из них — Хашари или Хишри (чтение здесь неясно) и Багы — были сархангами у Хакима ибн-Ахмеда и происходили из кёшка (замка) Фузайла, повидимому, находившегося где-то в окрестностях Бухары. Третьего сарханга звали Гирдак. Он был родом из Гиждувана. Судя по их именам, все трое были согдийцы. Повидимому, они демонстративно отказались от арабских имен и называли себя согдийскими именами. Не отрицая за ними несомненных достоинств, Наршахи из ненависти к движению называет их айарами (т. е. бродягами, бездельниками и мошенниками). Как мы увидим ниже, люди эти сыграли немалую роль в успешной обороне укрепленного селения Наршах, родом из которого был и сам автор «Истории Бухары».

Бухарой Муканне овладеть не удалось, что мешало ему закрепить власть над Бухарским вилайетом, который в большей своей части был захвачен «людьми в белых одеждах». Наиболее укрепленным их пунктом в окрестностях Бухары являлось селение Наршах, обнесенное хорошо укрепленной стеной с башнями. Владетельницей Наршаха была

женщина, муж которой, Шараф, состоял сархангом у Абу Муслима и был за что-то убит последним. Вдова пошла против аббасидов и встала на сторону Муканны.

В Наршахе у «людей в белых одеждах» был большой гарнизон. Когда они здесь хорошо укрепились, представители арабской власти в Бухаре поняли всю опасность, им угрожавшую. Между гарнизоном Наршаха и войсками аббасидов уже начались столкновения, которые могли вылиться в наступление со стороны «людей в белых одеждах». В это время эмиром Бухары был Хусейн ибн-Маоз, а кадием — Амр ибн-Имран. С большим войском мусульмане подошли к стенам Наршаха в раджабе 159 г. (апрель 776). По предложению кадия Амр ибн-Имрана, была сделана попытка убедить последователей Муканны отказаться от заблуждений и вернуться в лоно ислама. Но «люди в белых одеждах» упорствовали и не хотели слышать о позорной сдаче. Столкновения возобновились. После жестокого и долгого сражения последователи Муканны были разбиты, потеряв одними убитыми 700 человек; остальные бежали. Для них это был один из наиболее печальных дней с начала восстания. Им пришлось принять мир на условиях, предложенных победителями. В соответствии с заключенным договором, повстанцы должны были разойтись по своим селениям, подчиниться законным эмирам, не грабить мусульман по дорогам, не нападать на их дома и вновь стать мусульманами. Победители же обязывались не преследовать повстанцев. Договор был скреплен подписями именитых бухарцев. Однако не успели мусульманские воины вернуться в Бухару, как последователи Муканны вновь подняли восстание. Снова окрестности Бухары перешли в их руки. Халиф ал-Махди, очень обеспокоенный ходом борьбы, направил против Муканны Джебраила ибн-Яхью, который, как рассказывает ат-Табари, еще в 158 (775) г. был назначен наместником в Самарканде. Отсюда Джебраила ибн-Яхью перевели в Бухару и Кеш с заданием разгромить «людей в белых одеждах» в Бухарском вилайете и долине Кашка-дарьи. Согласно Наршахи, Джебраил ибн-Яхья подошел с войском к Бухаре с северной стороны и разбил лагерь у Самаркандских ворот. Повидимому, вначале он не собирался вести борьбу на бухарской территории, а намеревался отправиться с войском в самое сердце восстания—в Кешский район. Но бухарский эмир стал уговаривать его не уходить, а остаться и совместно с ним покончить с ненавистными «людьми в белых одеждах» сначала в Бухаре, а потом уже идти вместе против самого Муканны, который в то время был на Кашка-дарье. Джебраил ибн-Яхья согласился с доводами эмира и остался.

Последователи Муканны тем временем не дремали. Хотя было только начало лета, когда хлеб еще не созрел, они стали свозить в Наршах снятый с полей еще зеленый колос. Восставшие находились в курсе назревающих событий и готовились к упорной борьбе.

Наршахи обстоятельно и вместе с тем красочно описывает осаду Наршаха. Джебраил ибн-Яхья приказал вырыть ров вокруг селения на расстоянии от его крепостных стен немногим больше 50 гязов (локтей). В этом рву он разместил свое войско. «Люди в белых одеждах» в течение четырех месяцев почти непрерывно делали вылазки и почти всегда выходили из столкновений победителями. Обороной Наршаха руководили энергичные и талантливые люди—согдийцы Хаким ибн-Ахмед, носивший уже мусульманское имя, и трое его помощников—сарханги Хишри (Хашари), Багы и Гирдак.

За четыре месяца неудачной осады Джебраил ибн-Яхья убедился, что без подкопа крепости не взять. Наршахи дает классическое описание картины саперных работ того времени, на которое давно уже обратили внимание археологи, считающие, что на основании описания Наршахи можно составить себе ясное представление о военной технике, применявшейся в VIII—IX вв. при осаде городов-крепостей.

Мусульмане начали рыть глубокий ров от своего лагеря к крепостной стене Наршаха. Работы производились под покровом ночи. Пройденный участок рабочие укрепляли деревянными столбами, на которые укладывали настилы из хвороста, камыша и земли. Когда замаскированный таким образом подкоп был подведен на протяжении 50 гязов (локтей) под одну из основных башен вблизи ворот, Джебраил ибн-Яхья отдал распоряжение наложить побольше дров, облить их нефтью и поджечь. Однако огонь не разгорался, так как воздух не мог проникнуть в почти закупоренное помещение. Тогда решено было поставить манджаники, т. е. большие камнеметные машины, прямо против башни, под которую был подведен подкоп. Когда их привели в действие, в башне образовался большой пролом. Произошел обвал в подкоп, ветер проник в скрытый проход, и огонь очень быстро охватил все сооружение. В результате часть стены, окружавшей Наршах, рухнула, воины Джебраила ибн-Яхьи ворвались в селение, на улицах которого произошел рукопашный бой. На этот раз «люди в белых одеждах» не выдержали натиска превосходных сил противника и были разбиты. Арабы предложили им мир на прежних условиях. По договору последователи Муканны должны были сложить свое оружие, однако некоторые этого не сделали и, покидая крепость, спрятали его.

Арабам удалось схватить Хакима ибн-Ахмеда—талантливого начальника обороны Наршаха, и Джебраил ибн-Яхья поручил своему сыну Аббасу тайно его убить. Но последователи Муканны зорко следили за арабами, схватившими Хакима ибн-Ахмеда. Увидев, что Аббас ибн-Джебраил увел его в одну из палаток своего лагеря, они заподозрили плохое. Немедленно к Джебраилу был направлен с требованием вернуть им Хакима близкий к нему Хашари (Хишри); в противном случае «люди в белых одеждах» угрожали вновь восстать. Не успел Хашари (Хишри) потребовать у Джебраила освобождения пленника, как появился Аббас и заявил, что он выполнил распоряжение отца и убил Хакима. Вслед за этим он приказал стащить Хашари с лошади и убить его. Известие о коварном убийстве двух наиболее уважаемых вождей резко изменило настроение последователей Муканны. Они обнажили оружие и вновь начали бой. У стен захваченного арабами селения разгорелась жаркая битва. Силы, однако, были неравные, и героически отстаивавшие свою независимость защитники Наршаха потерпели поражение. Многие из них были убиты, а остальные разбежались, кто куда успел.

Джебраил жестоко расправился с упомянутой выше владетельницей Наршаха: он приказал разрубить ее надвое. Среди сражающихся погиб и Багы, один из помощников Хакима ибн-Ахмеда. Спасся только Гирдак. Скрывшись от своих преследователей, он направился к Муканне, чтобы сообщить ему печальную весть и стать в ряды его воинов.

Потеря Наршаха нанесла, конечно, большой удар делу Муканны, но решающего значения для исхода борьбы не имела. Все же Муканне пришлось расстаться с бухарским районом. Борьба перекинулась теперь в другие места. В долине Кашка-дарьи во главе «людей в белых одеждах» стоял сам Муканна. В собственно Согде, т. е. в долине сред-

него течения Зарафшана, восставших возглавлял согдиец по имени Согдиан¹, назначенный самим Муканной.

Большие успехи, достигнутые здесь «людьми в белых одеждах», побудили Джебраила ибн-Яхью изменить свое решение: он отправился не в Кешский район, а передвинулся со своими войсками в Согд, где почти все селения присоединились к военачальнику Муканны—Согдиану.

В Согде Джебраил ибн-Яхья поставил своей главной целью взять Самарканд. Борьба здесь была для арабов особенно трудна, так как им пришлось встретиться не только с фанатической ненавистью последователей Муканны, но и с большим количеством тюрков (видимо, карлуков), пришедших главным образом из-за Сыр-дарьи.

Большой удар «людям в белых одеждах» нанесен был тем, что одному бухарцу удалось убить их талантливую вождя — Согдиана.

Разгоревшаяся в Согде борьба явилась как бы вторым этапом всего движения. Здесь обе стороны сосредоточили максимальные силы. И здесь же классовое расслоение проявилось резче всего. Его хорошо можно проследить на организации большого войска против Муканны. Войско это готовил Мааз ибн-Муслим. В 161 (777/778) г. он, после взятия Наршаха, переехал из Мерва в Бухару и обратился за помощью к местной землевладельческой знати—бухарскому дехканству. Дехканы призвали всех способных носить оружие. Наршахи приводят цифру, явно преувеличенную: 570 тысяч. Войско свое Мааз ибн-Муслим тщательно подготовил, стараясь снабдить его всеми видами техники своего времени. Он собрал 3000 мастеров разных специальностей с соответствующим инструментом и приказал изготовить камнеметные и стенобитные машины. С этим войском Мааз направился в Согд, так как Джебраил собственными силами ничего не мог сделать с «людьми в белых одеждах», хотя один из бухарцев и убил вождя согдийских повстанцев—Согдиана. Если в районе Бухары главный контингент войск, сражавшихся с Муканной, составляли арабы, то в Согде картина была во многом иная. Армия Мааза ибн-Муслима была больше чем на половину составлена из отрядов, приведенных, как мы видели выше, дехканской знатью. К сожалению, Наршахи очень мало говорит о поведении бухар-худата Буниата. Однако и то, что он рассказывает о нем, дает нам право считать, что Буниат оказывал восставшим деятельную поддержку. Так, по крайней мере, бухарский сахиб-берид (заведующий государственной почтой) тайно доносил халифу Махди.

«Люди в белых одеждах» деятельно готовились в Согде (под Согдом в то время надлежит понимать долину Зарафшана—от Кермине до Пенджикента) к обороне. Их союзники тюрки энергичными и умелыми набегами все время мешали подвозу провианта в лагерь Мааза ибн-Муслима. Когда Саид, эмир Герата, пригнал с собой 10 тысяч баранов в качестве продовольствия для правительственных войск, тюрки сумели на левом берегу Зарафшана, между Арбинджаном и Зерманом, отбить весь этот скот и угнать его с собой в качестве добычи.

Халифа ал-Махди очень беспокоила затяжка войны, и он всячески торопил своих полководцев закончить ее. В результате произошла почти полная смена командования. Попросил о своем отозвании и Мааз ибн-Муслим. Прибыв в Мерв в месяце джумаде первом (январь—февраль) 163 (780) г., Мааз оттуда вскоре отправился в Бухару, куда прибыл в раджабе того же года (март—апрель).

¹ В бухарском литографированном издании «Истории Бухары» Наршахи имя это читается как С'ад Согдиан.

Между тем в Бухаре и бухарском округе «люди в белых одеждах», не без помощи бухар-худата Бунната, вновь подняли голову. Особенно энергичную деятельность проявил здесь один из сархангов Муканны—некий Кулартегин, по происхождению тюрк, повидимому, имевший в своем распоряжении хорошо вооруженный отряд из конных тюрков и последователей Муканны. В Бухаре в это время эмиром был Джунейд ибн-Халид. Мусаияб перевел Джунейда в Хорезм, так как был недоволен его бездеятельностью в отношении к последователям Муканны.

С Кулартегином Мусаиябу пришлось выдержать не одну стычку.

К сожалению, источники не дают нам сведений о дальнейшем ходе борьбы в долине Зарафшана. Наршахи на эпизоде с Кулартегином прерывает свой рассказ о событиях в собственно Согде и сосредоточивает внимание на Кешском районе, переходя к изложению третьего этапа борьбы, связанного главным образом с осадой крепости Муканны в горах Санам. Ат-Табари хотя и не излагает самих событий борьбы, однако вкратце сообщает, что ал-Махди специально для борьбы с Муканной назначил Саида ал-Хараши. Об этом назначении упоминает и ал-Якуби. Саид ал-Хараши был, повидимому, подчинен в своих действиях наместнику Хорасана Мусаиябу ибн-Зухейру. Когда именно он закончил очищение долины Зарафшана от «людей в белых одеждах», и как это произошло, мы не знаем. Нам известны только результаты, а именно, что Саид ал-Хараши вновь подчинил арабской власти и крепко связанной с ней согдийской землевладельческой знати согдийское крестьянство этой цветущей области.

С именем Саида ал-Хараши связан и третий этап борьбы—покорение долины Кашка-дарьи и осада крепости Муканны в горах Санам. Наршахи называет Саида ал-Хараши эмиром Герата. Быть может, это тот самый эмир, который привел из своей области Мусаиябу ибн-Зухейру 10 тысяч баранов, отбитых потом у него тюрками.

Наршахи говорит, что осада крепости длилась 14 лет. Цифра эта, как мы увидим ниже, явно преувеличена. Такой знаток движения Муканны, как ал-Бируни, говорит, что все движение продолжалось 14 лет; другие же источники приводят еще меньшие цифры.

Наршахи дает интересное описание крепости Муканны. Собственно говоря, это была двойная крепость—одна внутри другой. Наружная крепость имела источник хорошей воды, здесь росли деревья, имелись посевы; по площади своей она была достаточно вместительной. Внутри нее, на скале, помещалась внутренняя крепость-цитадель, где и жил со своими близкими и со своей стражей Муканна. В наружной крепости у него было хорошее, большое войско, вполне обеспеченное провиантом.

Саид ал-Хараши прекрасно понимал трудности взятия этой неприступной крепости, хорошо снабженной продовольствием и водой. Предвидя длительную осаду, он превратил свой лагерь у ворот крепости в настоящий военный городок, где можно было жить и летом и зимой. Он построил здесь для своих воинов немало домов и даже бани.

К сожалению, в дальнейшем рассказ Наршахи о том, как погиб Муканна, носит характер почти легендарный. После долгой осады Саид взял крепость. В источниках нет единогласия по вопросу о последних минутах Муканны, а также относительно даты его смерти. Согласно ат-Табари, Муканна, увидев неизбежность гибели, принял яд. Ворвавшись в крепость, мусульмане нашли его труп, отрубили голову и доставили халифу ал-Махди, который в это время был в Халебе. По Наршахи, Муканна сжег себя в печи. Бар Еврей (Абу-л-Фарадж), так же как и Наршахи, рассказывает, что Муканна, убедившись в пред-

стоящей гибели, заставил всех своих близких—мужчин и женщин принять яд, а сам сжег себя в печи. Ал-Бируни в своем сочинении «Хронология» приводит две противоречивые версии относительно смерти Муканны. По одной, Муканна был убит, по другой—он сам сжег себя. Наршахи приводит две даты смерти Муканны: одна—166 (782—783) г., другая—167 (783—784) г. По словам же ал-Бируни, это произошло в 169 (785—786) г.

Если дата ал-Бируни верна, то смерть Муканны произошла не при Мусаибе ибн-Зухейре, так как он был отстранен от наместничества в 783 г., а при следующем наместнике—ал-Фазле ибн-Сулеймане ат-Туси. У Бар Еврея (Абу-л-Фараджа) приводится небезынтесная деталь. Муканна будто бы обещал, что в случае своей гибели он примет образ седого человека на сером коне, явится в один из годов к своим последователям и завладеет землей.

Со взятием укрепленной резиденции Муканны и с его смертью движение не было окончательно разгромлено. Смелые «люди в белых одеждах» то там, то тут подымали восстание. Бар Еврей заканчивает свой рассказ о Муканне словами, что после смерти своего вождя его последователи ожидали его возвращения.

Ал-Бируни, отмечая, что движение Муканны продержалось 14 лет, пишет: «Он (Муканна) рассеял войска ал-Махди и правил 14 лет», как бы желая этим подчеркнуть, что в годы движения «людей в белых одеждах» не арабы, а Муканна правил Мавераннахром. Если цифре ал-Бируни и можно доверять, то лишь в том смысле, что отдельные вспышки движения имели место в разных районах Мавераннахра и после 783 г.

«Люди в белых одеждах» еще долгое время, вплоть до XII в. включительно, вели пропаганду в селениях Кешского (Шахрисябзского) и Нахшебского (Каршинского) вилайетов.

ГЛАВА IV

ДОФЕОДАЛЬНЫЙ ГОРОД В МАВЕРАННАХРЕ В VII—VIII вв.

§ 1. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ШАХРИСТАНА¹

Городская жизнь в Средней Азии, в частности в Мавераннахре, имеет очень древние традиции, как это видно из предшествующих глав. Бактрия, Согд и Хорезм уже в дофеодальный период своей истории были странами с большим количеством городов. С этим фактом и встретились арабы, когда начали свое наступление на Среднюю Азию.

В. В. Бартольд не раз в своих трудах отмечал, что арабская географическая литература IX—X вв. выработала для обозначения городов Ирана и Средней Азии специальную терминологию:

1. «Кухендиз»—«старая крепость»—термин иранского происхождения; наряду с ним употребляется слово «кала»—термин арабского происхождения.

2. «Медина»—термин арабский; его иранский эквивалент—«шахристан». Словами этими обозначали «внутренний город», наиболее древнюю часть города, большей частью доарабского происхождения.

3. «Рабад»—термин арабского происхождения, означающий пригороды, окружающие с нескольких или со всех сторон «внутренний город», т. е. «медину» или «шахристан». Иногда термином «рабад» обозначали стену, окружавшую как «внутренний город», так и его пригороды.

4. «Балад»—термин, которым обозначали город в целом, т. е. собственно «внутренний город» плюс его пригороды.

Советские археологи и историки сделали очень многое для изучения среднеазиатских городов в древний и средневековый периоды их существования. Широко известны раскопки, произведенные в Мерве, на Афрасиабе, в Термезе, Бухаре, Таразе, Пайкенде, Баласагуне, Ургенче, в античных городах Хорезма и др. Однако ни один из них не подвергался такому систематическому и всестороннему археологическому изучению, как Термез. Мы имеем в виду работы Термезской археологической комплексной экспедиции в 1936, 1937 и 1938 гг. под руководством проф. М. Е. Массона. Хотя во время Великой Отечественной войны работы эти и были прерваны, однако имеющийся фактический материал и уже сделанные выводы вошли прочным вкладом в наши познания о среднеазиатском городе. Ценность термезских материалов заключается в том, что в них письменные известия о городе, правда, скудные, увязаны в процессе полевого исследования со всеми сторонами его истории. Экспедицией уже выпущены два тома трудов ТАКЭ (как сокращенно именуется эта экспедиция). В них помещен ряд ста-

¹ В настоящей главе автор рассматривает лишь вопросы социально-экономической эволюции средневекового города.

тей по вопросам исторической топографии, водоснабжения, архитектуры, керамики, ремесел, культуры каменного века, а также общий отчет о раскопках, историография и специальные отчеты, касающиеся отдельных раскопок.

Один из прочных выводов экспедиции заключается в том, что город Термез, расцветший при кушанах, пришел в упадок в V—VI вв. В VII веке, судя по данным исследований ТАКЭ, город вновь возродился, став центром небольшого владения термезшахов. К прочным выводам ТАКЭ необходимо отнести также картину развития и роста Термеза при арабской власти, саманидах, караханидах и современных им сельджукидах. Огромное значение для истории городов Средней Азии имеют археологические работы С. П. Толстова в Хорезме, отраженные в его двух книгах «Древний Хорезм» и «По следам древнехорезмийской цивилизации».

§ 2. ШАХРИСТАНЫ. КУХЕНДИЗЫ. РАБАДЫ

В начале своих завоевательных операций арабы застали в Мавераннахре немалое количество городов. Почти всюду городами были шахристаны, окруженные укрепленной стеной, внутри которой большей частью находились кухендизы. У большинства городов, особенно богатых, рядом с шахристаном, сейчас же за его стеной, имелся рабад—пригород, который окружал его с нескольких или со всех сторон. Главный центр городской жизни в эту эпоху находился на территории шахристана. Мерв, Термез, Бухара, Самарканд, Арбинджан, Тававис, Бинкет (Ташкент), Тараз и другие города Средней Азии, в частности Мавераннахра, были расположены в конце VII и начале VIII вв. на территориях шахристанов. По площади и по протяженности своих стен они были невелики. Большой интерес могут представить сведения по этому вопросу, приводимые китайским путешественником Сюань-Цяном, проехавшим через Мавераннахр в 630 г., а также данные археологических исследований развалин среднеазиатских городов.

Самарканд, по словам Сюань-Цяна, имел в окружности 20 ли. То же, приблизительно, 20 ли имел в окружности и Термез. Если считать «ли» за 0,5 км, как это принято в науке, то получится внушительная цифра—10 км. Цифра эта явно преувеличена, так как площадь Афрасиаба (городище домонгольского Самарканда) равна, согласно плану 1885 г., 1 кв. версте, 96 десятинам и 430 кв. саж (примерно 2 км²). Однако не исключена возможность, что Сюань-Цян вымерил окружность не шахристана, а внешней стены города. Главный город владения Шаш, носящий то же имя (он же Бинкет), имел, по Сюань-Цяну, в окружности 10 ли, т. е. 5 км. Окружность Тараза (Джамбула) была 8—9 ли, т. е. 4—4,5 км. Касан, главный город Ферганы, имел в окружности 4 ли; окружность шахристана Пайкенда, по данным археологической экспедиции 1939 г.,—2 км, с площадью 20 га. Площадь шахристана Бухары, по данным, приводимым В. А. Шишкиным в его книге «Архитектурные памятники Бухары», равна 30—35 га. Окружность шахристана Пянджикента—1750 м.

Таковы взятые на выборку сведения о размерах некоторых шахристанов Согда и соседних с ним областей Средней Азии. Этих фактов достаточно, чтобы стало ясно, как невелики были по площади города того времени.

Приведенные цифры характерны не только для шахристанов, но и для кухендизов, поскольку в подавляющем количестве случаев по-

следние находились на территориях шахристанов, точнее, внутри окружающих шахристаны стен.

В Согде мы встречаем немало исключений из этого правила. Таковы, например, кухендизы (арк) Бухары, Бинкета (Ташкента), Пянджикента, стоящие вне стены шахристана. Известно, что города с их специфической городской жизнью полностью отражают в себе тот общественный строй, в условиях которого протекает их жизнь. В соответствии с этим шахристаны Средней Азии в эпоху арабского завоевания были городами дофеодальными, поскольку феодализм только еще зарождался на базе разложения рабовладельческого общества; таким образом, шахристан, как дофеодальный город, представляет собой город переходного типа от античного (рабовладельческого) к феодальному.

Шахристан в домусульманское время был центром небольшого владения, в состав которого входил, кроме самого города, еще небольшой земледельческий район. Политическим центром такого шахристана являлся кухендиз (или арк)—местопребывание владельца шахристана и его округа.

В IX—X вв., когда были написаны главные произведения арабской географии, кухендизы в подавляющем большинстве лежали в развалинах, что и получило отражение в самом термине, так как «кухендиз» в переводе значит—«старая крепость»¹. Да и сами шахристаны заключали в себе ряд признаков, говорящих о том, что они — наиболее старая часть города, так как в это время города включали в свою площадь шахристаны и рабады (пригороды), причем в большинстве случаев площадь шахристана была значительно меньше новой части города—рабада. В период арабского завоевания кухендизы (арки) были еще обитаемы. Что они представляли собой с точки зрения своего исторического бытия, лучше всего можно представить себе на основе описания Наршахи древнего бухарского арка, т. е. кухендиза.

§ 3. БУХАРСКИЙ АРК

Бухара была столицей бухарского владения, правитель которого носил титул бухар-худата. Наршахи, ссылаясь на более ранний источник, а именно на труд Абу-л-Хасана Нишапури «Хазаин ал-улум»—«Сокровищница знаний»—пишет, что крепость эта была древнего происхождения, и относит ее сооружение к легендарным временам Снавуша и Афрасиаба.

Наршахи приводит даже легенду о том, что Снавуш похоронен внутри кухендиза у восточных ворот. Бухарские зороастрийцы почитали это место. В день Науруза (Нового года) каждый мужчина закалывал здесь петуха, а относительно убийства Снавуша жители Бухары сложили песни, которые назывались «плачем мугов».

В течение долгого времени крепость, по словам Наршахи, лежала в развалинах; только в VII в. н. э., незадолго до прихода арабов, она была вновь отстроена. Бухар-худат Бидун возобновил здесь стены и выстроил большой дворец (ках). Бидун приказал вырезать имя строителя на железной доске и прикрепил ее к воротам дворца. Согласно той же легенде, дворец скоро рухнул и сколько ни возобновляли постройку, возвести здание никак не удавалось. Тогда Бидун будто бы собрал ученых и по совету их выстроил заново дворец (ках) в плане

¹ Термин «кухендиз» может быть истолкован и как «крепость на высоком месте».

Большой медведицы, на 7 каменных столбах. На этот раз постройка оказалась прочной и стояла долго.

Кухендиз имел двое ворот. Восточные назывались Гуриан, западные—Ригистан, по имени площади, на которую они выходили. Впоследствии они назывались еще «ворота продавцов сена». Между воротами пролежала широкая дорога. По словам П. Ханыкова, бывшего здесь в 1840 г., кухендиз «есть цитадель, построенная на естественной или искусственной насыпи — мне неизвестно; она имеет 5 или 6 саж. вышины, окружность ее равняется 1,5 версты; она имеет четырехугольную форму и заключает около 20 тысяч кв. саж.».

Согласно плану Бухары, площадь арка, как он дошел до нашего времени, равна 34 675 м². Длина окружности—780 м. Уже эти цифры говорят, что перед нами — большая укрепленная усадьба бывшего владельца Бухары.

Накануне арабского завоевания бухарский арк (кухендиз) был резиденцией юного бухар-худата Тахшады и его матери. Из рассказа Наршахи о том, как управляла бухарская царица—мать Тахшады, следует, что арк—резиденция бухар-худатов—представлял собой центр их земельных владений. Бухар-худаты были крупнейшими земельными собственниками. По словам Наршахи, «среди дехкан был некий большой человек, и этого дехкана называли бухар-худатом по причине того, что он был древнего рода и большая часть земель (имений) принадлежала ему, и большинство тех людей были его кедиверами или слугами».

В источниках сохранилось мало данных для освещения внутренней жизни кухендизов, причем о бухарском арке у нас имеется больше сведений, чем о кухендизах других городов. Как царское жилище, кухендиз представлял собой сложный комплекс. Кроме дворца владельца, здесь находились разного рода службы: казна, амбары, кладовые и мастерские. Наршахи пишет, что в бухарском кухендизе в древности, т. е. до ислама, помещались царские диваны и казна. В кухендизе, кроме самого владельца, жили его родственники, а вместе с ними и те, кто составляли его двор. Во дворе кухендиза размещалась царская стража — военные слуги владельца. У ат-Табари и Наршахи часто встречается термин «шакир» или «чакир». В первом случае мы имеем арабизированную форму персидского термина «чакир».

В. В. Бартольд высказал взгляд, что «под «чакирами» надо понимать военную силу, которой располагали князья и вельможи: из чакиров состояло в домусульманскую эпоху войско самого могущественного ихшида». Источники не позволяют нам уточнить классовый состав чакиров. Однако можно сказать, что наряду с наемными воинами в число чакиров входили и рабы, положение которых, как и позднейших гулямов, фактически было лучше, чем некоторых групп свободных людей.

Среднеазиатские владельцы в доисламское время сохраняли еще следы своих прежних сакральных функций. В письменных источниках имеется мало сведений о местах культа в укрепленных резиденциях владельцев (каковыми были когда-то кухендизы). Внутри бухарского арка в домусульманское время находился храм идолов—бутхана. Трудно сказать, нужно ли здесь понимать под бутханой буддийский или зороастрийский храм. Кроме бутханы, в бухарском арке было также место, где осуществлялся местный культ, связанный с легендарным строителем кухендиза—Сиавушем, о чем уже говорилось выше.

Итак, кухендизы—это укрепленные резиденции местных владельцев. Отсюда и шло управление городом-владением. Наршахи рисует яркую картину, как управляла мать Тахшады, которая в течение 16 лет

была правительницей Бухары, и ее царского выезда. «Каждый день,—пишет Наршахи,—царица выезжала на лошади за пределы бухарского кухендиза, останавливаясь у ворот Ригистана—которые теперь называются «воротами продавцов сена»—и садилась на трон. Около нее собирались гулямы и придворные, т. е. слуги и знатные. Царица установила правило, согласно которому к ней на службу приходили от жителей селений около 200 юношей из числа дехкан и царевичей, опоясанных золотыми кушаками, с подвешенными через плечо саблями. Царица выходила к ним, все ей прислуживали и выстраивались в два ряда. Она с ними советовалась о делах царства, давала распоряжения и кого хотела—одаряла, а кого желала—наказывала. Так она сидела здесь с утра до завтрака, потом возвращалась в крепость и посылала оттуда угощение и пищу своим приближенным. Когда подходил вечер, она тем же порядком выезжала из кухендиза и садилась на трон.

Дехканы и царевичи снова выстраивались в два ряда и несли службу. Когда солнце заходило, она вставала, садилась на лошадь и ехала во дворец (ках). Дехканы же и царевичи возвращались к себе домой, в свои селения. На другой день приходил другой каум и в том же порядке выполнял службу. Так продолжалось до тех пор, пока очередь не возвращалась к первому кауму. Каждый год каждому кауму приходилось нести службу 4 раза».

Вышеприведенное место в смысле исторического толкования столь же интересно, сколь и трудно. Прежде всего затрудняют сами термины X в. Кто такие эти 200 юношей из дехкан и царевичей (меликзадеган) и как надо понимать термин «каум»?

Правильно истолковать в данном контексте термины «дехкан» и «меликзадеган» можно лишь при точном понимании термина «каум».

Анализ всех соответствующих контекстов Наршахи дал нам право понимать в данном случае под словом «каум» сельскую общину, в которой имелись еще сильные пережиточные слои родовой общинной знати. К ее молодежи и применяется термин «меликзадеган». Что касается термина «дехкан», то им обозначалась какая-то часть землевладельческой аристократии. Нарисованная так ярко Наршахи картина управления бухарской царицы носит на себе все черты патриархальных отношений, что и дало В. В. Бартольд, в одной из его ранних работ, право сказать, что среднеазиатские владетели VII в. «более напоминают греческих базилевсов, чем азиатских деспотов».

Сказанное о внутренней жизни бухарского кухендиза можно отнести и к кухендизам Самарканда (городище Афрасиаб), Мерва (городище Гяур-кала) и других городов-владений, как больших, так и малых. Кухендизы имелись не только в шахристанах (мединах), но и в тех поселениях, к которым арабские авторы IX—X вв. применяли термин «карья» (персидский — «дех»). Таковы, например, Вардана, Зандана, Варахша, Афшана, Рамитан и многие другие. Впрочем, арабские географы путаются в применении своих терминов. Так например ал-Макдиси к поселениям Зандана и Вардана применяет термин «медина», являющийся арабским эквивалентом для персидского «шахристан».

У некоторых из этих селений кухендизы были весьма внушительными укрепленными усадьбами, которые входили в систему стен и башен поселения и представляли собою солидное крепостное сооружение. Позволим себе привести только один пример.

По словам Наршахи, «Рамтин» (Рамитан) имеет большую крепость. Селение это укрепленное. Оно древнее Бухары; в некоторых со-

чинениях его называют Бухарой. В древности здесь было местопребывание владетелей.

От укрепленных резиденций, какими являлись цитадели (диз, кухендиз, арк), нельзя оторвать и самый шахристан. Вместе они составляют одно целое—недаром они окружены общей стеной. Однако нам известно немало случаев, когда цитадель лежала вне стен шахристана, например в Бухаре, Ташкенте, Пянджикенте. Выше уже указывалось, что арабская географическая литература X в. при описании среднеазиатских городов терминами «медина» и «шахристан» отмечала так называемый «внутренний город», который в ряде случаев уже в X в. лежал в развалинах.

§ 4. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ДОФЕОДАЛЬНОГО ГОРОДА

Что же представлял собой шахристан как определенный тип поселения, какова его социальная структура? Благодаря Наршахи и его книге «История Бухары», мы в отношении шахристана Бухары имеем возможность ответить на этот вопрос, если не с достаточной полнотой, то с достаточной ясностью. Картина, нарисованная Наршахи, настолько выразительна и вместе с тем типична, что, привлекая сведения, имеющиеся о шахристанах других городов, мы получаем все основания их обобщить и сделать, в основном, применимыми к любому шахристану Средней Азии и, в особенности, Мавераннахра.

В. А. Шишкин в своей книге «Архитектурные памятники Бухары», на основе личного археологического наблюдения, определил границы шахристана Бухары.

Наршахи в главе «Рассказ о людях Кашкашан», описывая выселение последних из города арабами во время завоевания ими Бухары, отмечает, что «город (Бухара) по величине своей равнялся шахристану», т. е. 30—35 га, как и указывалось выше. К словам Наршахи надо добавить его собственные поправки. На юг от шахристана была расположена большая часть базара, а на запад—здания одного из дворцов бухар-худата и, повидимому, другие постройки. В шахристане было 7 ворот, которые уже в IX в. почти все изменили свои доисламские названия.

Бухарский шахристан был лишь частью Бухары в том ее виде, как она сложилась к IX в. Наршахи подробно описывает общий его облик при завоевании арабами. «Когда войдешь ты в шахристан,—пишет он.—то налево будет первая улица, которую называют улицей Риндан. Рядом с ней была христианская церковь, на этом месте теперь стоит мечеть, именуемая Бану Ханзаль. Когда ты войдешь в шахристан, то направо будет улица, называемая улицей Везира ибн-Аюба ибн-Хасана, и эту улицу называют также улицей Каха (дворца)». Несколько ниже Наршахи пишет: «Был некий дехкан, звали его Хына, после прихода ислама стали его звать Ахмед; вся эта улица Каха принадлежала ему и на ней же был его ках. Эмиры Бухары постоянно жили в том же кахе (дворце-усадыбе), однако впоследствии владение этим кахомшло из рук хозяина (т. е. Хына)». В 150 (767) г. наследники Хына затеяли тяжбу, причем суду халифа Абу Джаафара Даванаки (ал-Мансура) был предъявлен документ, с точным перечислением границ их владения. Из документа видно, пишет Наршахи, что «все в целом составляет один квартал, который занимает $\frac{1}{4}$ часть шахристана». Продолжая свое описание, Наршахи говорит, что «Хасан ибн-Ала Согли был богатым человеком, ему принадлежал в шахристане высокий

кёшк, каким не владели и цари; он (Хасан) выстроил также улицу Ала у ворот Ала, все это огороженное место он обработал, каждый месяц с этого огороженного места он получал доход в 1200 динаров, в этом шахристане он имел и (другие) доходные земли».

В шахристане находились кёшки (усадебного типа укрепленные постройки) купцов каш-кушанов. Жили они в шахристане и, повидимому, за его пределами, пока не пришли арабы. Не желая делиться с ними своими кёшками, каш-кушаны решили выселиться из шахристана и заняли земли на северо-запад от него. Впоследствии этот район вошел в черту рабада Бухары. Здесь они выстроили для себя 700 кёшков (цифра явно преувеличена).

Что собой представляли эти кёшки, видно из того места Наршахи, где он описывает их отстроенными на новом месте. «Каждый из каш-кушанов построил вокруг своего кёшка дома для своих чакиров и приверженцев, а у ворот своего кёшка разбил бустан и сахрау (сад и поле). В эти кёшки они и переехали. Теперь кёшки разрушены, место, которое они занимали, в большей своей части, стало городом; сохранились только два—три кёшка, которые называются «кёшками мугов». В них жили муги, в этой области было много храмов огня мугов. У ворот этих кёшков, принадлежавших мугам, были расположены приятные цветущие сады, поместья мугов стояли очень дорого».

По словам Наршахи, каш-кушаны не принадлежали к дехканам, были людьми иноземного происхождения и занимались торговлей, причем были очень богаты и влиятельны. Судя по ряду мест «Истории Бухары», каш-кушаны мало чем отличались в быту своем от дехкан, что мы видим на примере их кёшков.

Несколько слов о терминах «кёшк» и «ках». Кёшк отличался от каха только величиной. Ках больше кёшка, но оба термина обозначают укрепленные усадьбы. Однако под «кёшком» иногда нужно понимать наиболее укрепленную часть каха.

По словам В. В. Бартольда, «собственник «каха» иногда владел целым рустакom, т. е. группой селений. Чаще живший в замке представитель землевладельческой аристократии владел только одним селением». Текст Наршахи интересен как раз тем, что автор не только применяет эти термины к постройкам шахристана, но и описывает их так, что перед глазами встает картина типичной укрепленной дехканской усадьбы, ничем не отличающейся от обычных внегородских укрепленных дворцов-усадоб. В этом отношении очень характерны следующие слова Наршахи: «В шахре¹ были кёшки, и некоторые кварталы далеко отстояли друг от друга, подобно селениям».

Эти слова следует особо подчеркнуть, так как они помогают сделать напрашивающийся вывод о социальной сущности бухарского шахристана в начале VIII в. Господствующий класс, являющийся хозяином шахристана, выступает с достаточной ясностью. Это прежде всего дехканская аристократия, владевшая значительными участками земли, состоящая в какой-то связи с местным владельцем-царем. Жила эта аристократия в укрепленных усадьбах и в случае нападения могла укрыться за стенами шахристана и соседнего арка бухар-худата.

Большую роль в шахристане играли купцы. Образ и классовая природа купца этого времени чрезвычайно своеобразны. Бухарским

¹ В источниках нет разницы в словах «шахр» и «шахристан»: если же допустить, что у Наршахи такое различие имелось, то тогда под «шахром» нужно понимать всю Бухару, т. е. шахристан плюс непосредственно то, что лежало за его стенами.

купцам каш-кушанам Наршахи посвятил целую главу. Жили они в вышеупомянутых замках подобно дехканам и подобно последним были воинственны. В. В. Бартольд имел все основания сказать: «Они (согдийские купцы) владели обширной недвижимостью, жили в замках и по своему положению мало чем отличались от дехканов. Итак, мы здесь имеем дело с отдельными богачами, интересы которых были тождественны с интересами аристократии, а не с многочисленным торгово-промышленным сословием, как в мусульманский период». Насколько каш-кушаны были воинственны, можно судить не только по самому строю их жизни (укрепленные кёшки, в которых они жили, чакиры, гулямы, которыми они себя окружали), но и по следующему рассказу Наршахи. Когда, однажды, в одну из пятниц, арабы предложили им пойти на молитву в соборную мечеть, каш-кушаны отказались. Мусульмане настаивали, и завязался бой. Каш-кушаны оказали решительное сопротивление.

Ни о каком другом городе Средней Азии типа шахристана мы не имеем и малой доли тех сведений, которые оставил нам Наршахи о шахристане Бухары, и встречающиеся в источниках фрагментарные сведения о других городах только подтверждают сказанное Наршахи. Вот, в частности, два указания на социально-экономическую структуру раннемусульманского Мерва.

По словам ал-Якуби, географа и историка IX в., «жители его (Мерва)—знатные (люди) из числа дехкан». Автор «Худуд ал-Алем» отметил: «В Мерве есть кухендиз, построил его Тахмурас, внутри его (шахра) находится много кёшков, и он был местопребыванием царей».

Оба приведенных отрывка имеют в виду шахристан Мерва, остатки которого известны нам под именем городища Гяур-кала, описанного и исследованного В. А. Жуковским.

В полном соответствии с шахристаном Бухары, мы видим в мервском шахристане кёшки и живущих в них дехкан. Характерно, что это отмечается авторами IX—X вв., когда центром городской жизни был уже не шахристан, а рабад (городище Султан-кала), социальная и топографическая структура которого совсем иная. Если еще и в IX—X вв. для шахристана Мерва были характерны кёшки дехкан, то в доарабское время, когда шахристан являлся центром городской жизни, дехканы и купцы, естественно, были его главными хозяевами.

Весьма интересными для изучения социальной структуры дофеодального города Мавераннахра являются развалины древнего Пянджикента¹, лежащие вблизи современного районного центра Пенджикента (ТаджССР), в 1,5 км от него, по дороге в селение Кош-тепе. Характерной чертой этого городища, состоящего из окруженного стеной шахристана и кухендиза, лежащего сейчас же на запад за стеной шахристана, является полное отсутствие следов городской жизни позже VIII в. Весь находимый в раскопках материал (керамика, изделия из железа, бронзы, кости, особенно монеты) относятся к VI—VIII вв. н. э. Предметов, которые датировались бы IX—X вв., нет совсем. Большая часть монет—согдийские VII—VIII вв. Редко встречающиеся арабские монеты относятся ко времени омейядов, т. е. не позднее середины VIII в. Характерно также, что вблизи древнего Пянджикента совершенно отсутствуют мусульманские кладбища. Единственное кладбище, лежащее

¹ По данным Согдийско-таджикской археологической экспедиции 1946—1947 гг.

сейчас же на юг от стены шахристана,—большой зороастрийский некрополь, в котором легко раскапываются наусы¹ с оссуариями.

Городище древнего Пянджикента с точки зрения археологического рельефа его поверхности представляет однородную картину; оно сплошь покрыто руинами построек с одинаково оплывшими контурами; это явно говорит о том, что город не замирал постепенно, а прекратил существование сразу, что произошло какое-то бедствие, решившее его судьбу.

Произведенные на городище шахристана раскопки, а также внимательное изучение рельефа поверхности шахристана, убеждают исследователя, что в пянджикентском шахристане мы имеем дело с дофеодальным городом, поскольку остатки построек могут быть расшифрованы только как остатки монументальных зданий с толстыми высокими стенами из сырцового кирпича и глинобитных блоков. Эти здания были кёшками, кахами или храмами, в большинстве своем зороастрийскими. Характерно, что гончарные мастерские в шахристане Пянджикента лежат на краю города, у его стены, а не внутри или вблизи его центра. В общем, археологический рельеф шахристана Пянджикента целиком подтверждает ту картину, которую рисует нам Наршахи при описании бухарского шахристана.

Такова же по сути дела была социальная структура Самарканда, Термеза, Кеша, Несефа, Пайкенда, Арбинджана, Дабусии, Пянджикента, Бинкета, Ходженда и других больших и малых городов Средней Азии и, в особенности, Мавераннахра. Чтобы правильнее понять социально-экономическую жизнь шахристанов, следует остановиться, хотя бы вкратце, на их торговле и ремеслах.

§ 5. ТОРГОВЛЯ И РЕМЕСЛА

Вэй-Цзе, посол китайского императора Ян-ди (605—617 гг.), видевший Самарканд в начале VII в., пишет о занятиях его жителей следующее: «Люди царства Кан (Самарканд)—ловкие торговцы. Когда мальчик достигает пятилетнего возраста, его начинают обучать грамоте; когда он научится разбираться в книгах, его посылают изучать торговое дело; получать барыши считалось большинством жителей отличным делом». Слова Вэй-Цзе, как бы они ни были преувеличены, говорят о наличии значительного в господствующем классе слоя купцов, которых в Самарканде и Бухаре трудно было отделить по классовой их сущности от дехканской аристократии. О значении караванной торговли в жизни Самарканда того времени говорит и тот факт, что восточные ворота Самарканда уже в доарабское время назывались китайскими (Син). Ал-Якуби рассказывает, что Кутейба ибн-Муслим, взяв Самарканд, вошел через Кешские ворота, а вышел через ворота Син, т. е. китайские.

У ат-Табари имеется интересное упоминание о прибытии в 103 (721/722) г. 400 согдийских купцов с богатыми товарами из Китая. В знак протеста против политики насилия, проводимой Саидом ибн-Амром ал-Хараши, они вместе с самаркандской знатью покинули Самарканд и переселились, как выше говорилось, в Фергану, где вследствие предательства царя почти все были перебиты.

Арабские и китайские источники согласно отмечают значительную роль торговли в жизни среднеазиатских городов, особенно в Мавераннахре и Семиречье. В этом отношении интересны сведения арабов о Пай-

¹ Наус—сооружение для хранения очищенных от мяса костей зороастрийцев.

кенде. Ибн-ал-Факих и ат-Табари (X в.) говорят о нем, как о «городе купцов». Ал-Якуби (IX в.) пишет: «Пайкенд—город известный, в нём смесь людей (народов)». По словам Наршахи, «жители Пайкенда были все купцами, вели торговлю с Китаем, а также морскую, и были чрезвычайно богаты». Город Пайкенд был прекрасно укреплен и назывался «Шахристан-и-руин», т. е. «Медный город». Проведенные в 1913, 1914, 1939 и 1940 гг. археологические работы на территории его развалин дали богатый материал и подтвердили сведения о крепости его стен.

Ат-Табари, рассказывающий о взятии Кутейбой Пайкенда в 706 г., говорит об исключительно богатой добыче, захваченной там. В Пайкенде Кутейба взял огромное количество золотых и серебряных сосудов и идолов. После того, как их расплавили, получилось, по словам ат-Табари, 150 тысяч мискалей (золотников); в другом варианте он называет цифру—50 тысяч мискалей. Цифра эта, даже во втором варианте, сильно преувеличена.

Наршахи, рассказывая об этом походе, говорит о захвате Кутейбой множества серебряных чаш и серебряного идола из бутханы в 4 тысячи дирхемов весом, что после взвешивания составило 150 тысяч мискалей. О богатствах, собранных в шахристане Пайкенда, говорит следующий факт. Был там некий человек, которого ат-Табари именует А'вар (одноглазый, кривоглазый). Он был так богат, что смог предложить арабам за себя выкуп в размере пяти тысяч шелковых китайских халатов ценой в один миллион драхм (цифра явно преувеличена).

Как велики были размеры согдийской торговли с китайцами, а также каково было культурное влияние Китая на быт богатых классов городского населения, можно заключить из следующего свидетельства ат-Табари. Когда Абу Давуд Халид ибн-Ибрахим по приказу Абу Муслима в 134 (751/752) г. захватил г. Кеш (Шахрисябз) и убил кешского правителя и его приближенных, он якобы захватил у них большое имущество—китайские сосуды, разукрашенные золотом, подобных которым он никогда не видел, китайские седла, разнообразные китайские шелковые ткани и другие товары. Все это Абу Давуд отправил в большом количестве Абу Муслиму в Самарканд.

Ту же картину богатства ат-Табари рисует и в Самарканде при описании взятия Кутейбой этого города в 712 г., когда захваченное арабами золото и серебро составило в слитках 50 тысяч мискалей.

Арабов очень сильно поразили богатства самаркандских капищ. Здесь было много золотых и серебряных идолов, украшенных драгоценными камнями. Один из арабских военачальников, упомянутый выше Саид Абд ал-Азиз, прозванный Хузейна, стал взимать харадж в жемчужных, золотых и других драгоценных украшениях.

В шахристанах Средней Азии того времени, особенно Согда, было развито искусство изготовления из золота и серебра изображений зверей, а также сосудов с их изображениями. Так, в шахристане Бухары в доарабское время на базаре мастеров был человек, который из золота сделал двух серн и из серебра — зайца.

В 743 г. наместник Хорасана Наср ибн-Сейяр (738—748 гг.) собрал дань для отправки халифу Валиду. В состав дани, среди других предметов, входили золотые и серебряные кувшины, фигуры газелей, львиных голов и др.

В шахристанах и кухендизах (арк) той эпохи были сосредоточены большие сокровища, принадлежавшие дехканам и местным владельцам, а также и купцам. Сокровища эти стекались в руки представителей господствующего класса разными путями — в результате эксплуатации

непосредственного производителя, грабительских набегов и войн, наконец, благодаря торговле. Нельзя, конечно, преувеличивать значения этой торговли. Чтобы понять ее подлинную роль, надо вникнуть в следующие слова К. Маркса, что чем менее развито производство, тем больше денежное имущество концентрируется в руках купцов или тем более оно является специфической формой купеческого имущества¹.

Шахристаны, как мы видели выше, вели по преимуществу караванную торговлю, а также принимали участие в обмене между земледельческой полосой и кочевой степью. Что касается торгового обмена между шахристаном и сельской округой, то едва ли он в то время был велик.

Кто же занимался ремеслом в шахристанах? С глубокой древности большую роль в жизни восточных городов играли ремесленники. В классовом отношении они представляли большую пестроту. Здесь были и свободные люди, и вольноотпущенники, и рабы. Традиция выделки хлопчатобумажных и шелковых тканей в Бухаре, Самарканде и других городах Согда очень стара. В этом отношении весьма ценны ткани, вернее, их фрагменты, найденные среди других памятников материальной культуры в 1933 г. во время раскопок в замке на горе Муг, а также письменные документы на коже, бумаге и палках конца VII и начала VIII вв. Изучение тканей показывает, что часть их относится к китайским, другая, повидимому, местного происхождения. Об изготовлении изделий из золота и серебра уже говорилось выше. Повидимому, во многих шахристанах ремесленников-ювелиров было немало, и ювелирные изделия того времени отличались большой тонкостью работы.

О наличии гончарных мастерских в домусульманский период говорят находки керамики в ряде шахристанов Средней Азии, в том числе и на Афрасиабе. Как, однако, ни были значительны успехи ремесел в Средней Азии, в частности в Согде, все же они не занимали в хозяйственной жизни шахристана того центрального места, какое им принадлежало в период формирования в Средней Азии феодального города, когда ремесла наложили свой отпечаток даже на его топографическую структуру. Характерно, что в Мавераннахре ремесло топографически мало отражено в структуре шахристанов. В этом отношении интересны показания источников.

Наршахи, описывая шахристан Бухары, ничего не говорит о том, чтобы внутри его стен, близко к центру, были базарные лавки или кварталы ремесленников. Он упоминает о базарах и соответствующих видах ремесел лишь на окраинах шахристана, не только внутри стен, но и сейчас же за его стенами. Намечая границы квартала, принадлежащего дехкану Хына, Наршахи называет базар, где были «Чуба-и-бакалан» (деревянные бакалейные лавки), и базар «Писте-шикастан» (раскалыватели фисташек). Оба эти базарные квартала, как видно из текста Наршахи, находились у самой стены шахристана. В южной стене, среди этих базаров, как указывает Наршахи, находились «ворота базара», впоследствии названные «воротами аттаран». Название «ворота базара» они получили потому, что базар тянулся на юг и доходил до места, где в доарабское время продавали идолов. Ту же картину можно проследить и в других среднеазиатских шахристанах, как например в Мерве.

«Что касается базаров,— пишет о Мерве ал-Истахри,— то в древности они были у ворот меины (шахристана), сбоку от старой мечети,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIX, ч. I, стр. 298.

а в дни правления Абу Муслима перенесены на канал Маджан». Это сообщение ал-Истахри, подтвержденное и другими источниками, ясно указывает на то, что мервский базар помещался внутри и снаружи западной стены шахристана (городище Гяур-кала), т. е. на краю города, у ворот шахристана, доходя, по другим данным, до канала Разик. Характерно истолкование первоначального смысла слова «базар». Как указывает В. В. Бартольд, слово это обозначает «дело у ворот».

В условиях средневековья, от первых этапов развития феодализма и до его распада, «базар» был местом, где не только торговали, но и производили ремесленные изделия. Самый факт существования базара на окраине шахристана в шахристанский, т. е. дофеодальный период городской жизни в Мавераннахре говорит о малом развитии ремесла, о малой степени отделения города от деревни.

Термез VII и первой половины VIII вв., судя по материалам ТАКЭ, соответствовал территории большого холма на берегу Аму-дарьи и его ближайших окрестностей. В. А. Шишкин, производивший на месте историко-топографическое описание Термезского шахристана VII в., пишет в своей статье «К исторической топографии старого Термеза» следующее: «К этому времени Термез, вместе с ближайшими окрестностями, был обнесен длинной стеной, начинавшейся у берегов Аму-дарьи, севернее Кара-тепе. Эта стена представляет собой один из многочисленных примеров таких стен, окружавших крупнейшие среднеазиатские города: Балх, Бухару, Самарканд, Мерв и др. Внутри пространства, окруженного стеной, были разбросаны отдельные здания и группы зданий. Среди них следует отметить возможные буддийские монастыри на Кара-тепе и Чингиз-тепе. На большом канале, снабжавшем город водой из Сурхана, по обе его стороны, и внутри, и вне длинной стены, находился ряд крупных и малых зданий».

Судя по всем данным о культурной жизни Мавераннахры накануне арабского завоевания, как она отражена в письменных источниках, особенно у ал-Белазури и ат-Табари (ал-Мадаини), социальный состав населения шахристана Термеза был тот же, что и в других вышеназванных городах Средней Азии.

§ 6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем некоторые итоги тому, что собой представляли города Согды в период, когда там были шахристаны. Вместе с цитаделью (кухендиз, арк), шахристан— прежде всего укрепленная резиденция местного владельца. Среднеазиатские владения в доарабский период были невелики, поэтому даже наиболее сильные и богатые владетельные фамилии считали для себя удобным иметь свой укрепленный дворец внутри стен шахристана, под их защитой.

Первоначальное значение иранского термина «шахристан»—«место, где находится власть», а арабского «медина»—«место, где творится суд», — целиком подтверждает характеристику самой важной черты шахристана, как поселения переходного типа от античного города к феодальному. Будучи укрепленным политическим центром, шахристан вместе с тем был и торгово-ремесленным центром, однако отделение города от деревни было еще не настолько велико, чтобы ремесленно-промышленная деятельность сделалась производственной основой существования среднеазиатских городов. Арабы,

как мы видели выше, застали шахристан в тот период его развития, когда указанная ремесленно-промышленная деятельность уже не умещалась в его пределах и находила себе место за его стенами. Повсюду вырастали особые предместья-пригороды, охватывая иногда шахристан кольцом, но чаще располагаясь с трех или двух его сторон. Арабская географическая литература применяла к этим ремесленно-торговым предместьям термин «рабад».

ГЛАВА V

МАВЕРАННАХР ПРИ ТАХИРИДАХ И САМАНИДАХ в IX—X вв.

§ 1. ТАХИРИДЫ И ОБРАЗОВАНИЕ САМАНИДСКОГО ГОСУДАРСТВА

Тахириды принадлежали к крупной землевладельческой знати Хорасана. Ближайшие предки Тахира ибн-Хусейна, основателя тахиридской династии, были родом из Бушенга, города Гератской области. Мусайяб, дед Тахира, был владельцем Бушенга и имел в его окрестностях большие земли. Во время борьбы ал-Мамуна с ал-Амином (сыновья Харуна ар-Рашида), происходившей в 809—813 гг., Тахир стал на сторону ал-Мамуна и помог ему в захвате как Багдада, так и халифского престола. Их связывала не простая дружба, а определенные политические интересы. Ал-Мамун, еще будучи наместником Хорасана, вошел в среду местной землевладельческой аристократии, завязал со многими из них прочные связи и, в противовес ал-Амину, опиравшемуся на арабскую аристократию, поддерживал интересы ираноязычной знати, которая, со своей стороны, сочувствовала Тахиру и оказывала ему всемерную поддержку.

Вот почему, когда ал-Мамун в 813 г. стал халифом, Тахир ибн-Хусейн пошел быстро в гору и сделался одним из самых могущественных людей халифата. Он стал не только наместником ал-Джезиры (северной части Месопотамской долины), но также военачальником Багдада и начальником ведомства по управлению всеми натуральными повинностями в Ираке (южной части Месопотамии). В 821 г. он был назначен наместником Хорасана, причем в состав хорасанского наместничества, согласно установившейся традиции, входил и Мавераннахр.

Своей резиденцией Тахир ибн-Хусейн вскоре избрал Нишапур, с чем был связан быстрый рост этого города.

Тахир ибн-Хусейн явно хотел превратить свое обширное наместничество в самостоятельное государство. Не прошло и года после его назначения, как могущественный наместник предложил исключить из хутбы во время пятничной молитвы в соборной мечети упоминание имени халифа, что было равносильно прокламированию открытого мятежа. Вскоре, однако, Тахир ибн-Хусейн неожиданно умер, причем стали говорить, что он был тайно отравлен халифом, не доверявшим своему могущественному помощнику и следившим за каждым его шагом. Таким образом, задуманное Тахиром в 822 г. отпадение Хорасана и Мавераннахра не произошло. Ал-Мамун не последовал, однако, примеру своего отца Харуна ар-Рашида, разгромившего всю семью бармакидов, не тронул остальных тахиридов и передал наместни-

чество Абу-л-Аббасу Абдаллаху—сыну Тахира ибн-Хусейна, положив этим начало как бы наследственному праву тахиридского дома на хорасанское наместничество.

Абу-л Аббаса Абдаллаха, номинально числившегося наместником Хорасана, фактически замещал его брат Тальха; благодаря деятельности Тальхи (822—828) и особенно самого Абу-л Аббаса Абдаллаха, занимавшего эту должность с 830 г. до своей смерти в 844 г., хорасанское наместничество фактически превратилось в вассальное халифу, но почти независимое государство. Этому способствовали непрерывные народные восстания в Хорасане и Средней Азии, расшатывавшие власть арабов. Халифат начал искать надежных лиц из среды местной знати,—опытных в политическом управлении,—на которых можно было бы опереться и вручить им власть над восточными областями. Такую именно власть и получили тахириды, а затем саманиды, проявившие при подавлении восстания соотечественников свою верность халифату.

Абдаллах ибн-Тахир, несомненно, умный и просвещенный деятель, не чуждый попыткам оградить крестьян от злоупотреблений алчных чиновников, все же не ослаблял ни налогов, ни повинностей, взимавшихся с крестьян. Более того, как доказал В. В. Бартольд в своей статье «Из истории крестьянских движений в Персии» (Сборник «Из далекого и близкого прошлого», в честь К. И. Кареева), Абдаллах ибн-Тахир активно содействовал подавлению в 839 г. в Табаристане крестьянского восстания, участники которого действовали в союзе со своим князем Мазьяром против крупных землевладельцев.

Саманиды, в качестве наместников, подчиненных тахиридам, выдвинулись еще при основателе тахиридской династии Тахире ибн-Хусейне. Саман, предок саманидов, по происхождению таджик¹ обратил на себя внимание ал-Мамуна еще в Мерве, где тот был тогда наместником. Под влиянием ал-Мамуна Саман расстался с зороастризмом и принял ислам. Тогда же выдвинулся и сын Самана Асад, к которому ал-Мамун также благоволил. У Асада было четыре сына—Нух, Ахмед, Яхья и Ильяс.

В 806 г. в Средней Азии вновь вспыхнуло восстание против халифата. Идеологически это движение продолжало традиции Муканны. Охватило оно обширную территорию, включавшую Несеф, Бухару, Усрушану, Шаш, Хорезм и другие области. Особенно широко развернулось это движение в Шашской области, где скрывалось много последователей Муканны, бежавших сюда после поражения в 80-х годах VIII века. Характерно, что на этот раз, как и при Муканне, тюрки-кочевники поддерживали восстание против халифата. Во главе народного движения стал мятежный арабский военачальник Рафи ибн-Ляйс, захвативший Самарканд и отсюда руководивший восстанием. Ал-Мамун, в то время наместник Хорасана и Мавераннахра, принял ряд энергичных мер против движения, прекрасно понимая, какая опасность грозит халифату. Активное участие в подавлении восстания, по словам Наршахи, принимали упомянутые выше сыновья Асада, братья Нух, Ахмед и Яхья. Они уговорили Рафи ибн-Ляйса заключить мир и таким

¹ Этим термином в IX—X вв. стало именоваться ираноязычное население Мавераннахра и Хорасана

образом оторвали его от движения. Восстание было окончательно подавлено в 810 г. Ал-Мамун не забыл услуг сыновей Асада и, став халифом, при отъезде из Мерва поручил оставленному вместо себя наместником Гасану ибн-Абаду обратить особое внимание на способности и преданность молодых саманидов. В связи с этим указанием, Гасан ибн-Абад назначил саманидов на должность наместников в отдельные города и области Мавераннахра. Нуху ибн-Асаду он отдал Самарканд, Ахмеду ибн-Асаду — Фергану, Яхье ибн-Асаду — Шаш и Усрушану. По данным ибн-ал-Асира, назначение состоялось в 204 (819/820) г. В 821 г. Гасан ибн-Абад был отставлен ал-Мамуном от должности хорасанского наместника и на его место был назначен Тахир ибн-Хусейн.

Тахир хорошо знал сыновей Асада, и одним из первых его действий в качестве хорасанского наместника было подтверждение пожалования саманидам наместничеств в Самарканде, Фергане и Шаше.

Одно время положение братьев, особенно Ахмеда ибн-Асада, пошатнулось. В Фергане и Усрушане произошло восстание против халифата, причем Ахмеду пришлось даже покинуть свое наместничество. Лишь после подавления восстания сыном Тахира — Тальхой — он вернулся в Фергану на свой пост, на этот раз прочно и надолго. Правил братья: Нух ибн-Асад в Самарканде с 819—820 г. по 841—842 г.; Ахмед ибн-Асад в Фергане с 819—820 г. по 864—865 г.; Яхья ибн-Асад в Шаше и Усрушане с 819—820 г. по 855—856 г.

Наиболее способным из братьев оказался Ахмед ибн-Асад. В то время назначение наместником происходило в форме пожалования, причем со вступлением в должность было связано и получение определенных земельных владений, передававшихся во временное пользование. Саманиды, как наместники второго ранга, имели право чеканить только медную монету (фельсы), в то время как тахириды чеканили серебряную монету (дирхемы). Насколько богаты были области, попавшие в управление саманидам, видно из характеристики налогового обложения, которую дает известный арабский географ IX века ибн-Хордадбех. Область (амал) Нуха ибн-Асада составляла лишь часть Согда, правда, очень значительную. В целом, Согд выплачивал в казну халифа через тахиридов 326 тысяч мухаммедийских дирхемов. Фергана через Ахмеда ибн-Асада вносила в казну халифата 280 тысяч дирхемов, также мухаммедийских. Что же касается владений Яхьи ибн-Асада, то Шаш выплачивал 607 тысяч мусейябских дирхемов, а Усрушана — 50 тысяч дирхемов, из них 48 тысяч мухаммедийских и 2 тысячи мусейябских. Такие крупные налоги могли вносить, конечно, лишь очень богатые области. Экономическому состоянию соответствовал и политический авторитет Мавераннахра, а также его военный потенциал. В качестве иллюстрации приводим весьма показательную переписку между халифом Мутасимом (833—842 гг.), Абдаллахом ибн-Тахиром и Нухом ибн-Асадом.

Ал-Мутасим написал однажды, как рассказывают ал-Истахри и ибн-Хаукаль, весьма резкое, угрожающее письмо Абдаллаху ибн-Тахиру, ставя тому на вид его независимую политику. Абдаллах переслал это письмо самаркандскому наместнику. Нух ибн-Асад прислал ему ответ, в котором указывал, что в Мавераннахре¹ имеется 300 000 селений, и что каждое может поставить по одному конному и по одному пешему воину. Этим подчеркивалось, что Абдаллаху ибн-Тахиру нечего бояться ал-Мутасима, так как один только Мавераннахр² сможет поставить 600 000 всадников и пехотинцев (цифра, конечно, преувеличена).

¹ Согласно ибн-Хаукалю, в Мавераннахре и Хорасане.

² По ибн-Хаукалю, Мавераннахр и Хорасан.

Северные пограничные области современного Узбекистана в то время были населены кочевыми, в основном, тюркскими, племенами, которые постепенно просачивались в оазисы Мавераннахра и жили общей жизнью с согдийцами, хорезмийцами, ферганцами и др. Большинство этих степных скотоводов было связано с оазисами Южного Казахстана и имело свои города на среднем и нижнем течении Сыр-дарьи.

В первой половине IX в. тюркская кочевая степь весьма сильно напирала на оседлое население культурных областей Средней Азии. Поэтому в 30-х годах IX в. Абдаллах ибн-Тахир вынужден был выстроить для обороны против тюрков-огузов укрепленные рабаты — Фараву (вблизи современного Кизыл-арвата) и Дихистан (Мещхед-и-Мисриян). Тогда же Абдаллах ибн-Тахир отправил в поход против тюрков-огузов своего сына Тахира.

В то время еще действовала против тюрков-кочевников хорошо укрепленная система стен, окружавших богатый и культурный бухарский оазис, включавший в себя немало городов и селений. Остатки этой стены сохранились до настоящего времени и известны в народе под именем Кампыр-дувала. Система стен представляла собою сложный комплекс укреплений, в который входили, кроме самой стены, еще и рабаты, окруженные, в свою очередь, стенами и башнями; целые города-крепости, как например город Тававис: укрепления, защищавшие головы арыков, бравших воду из Зарафшана и орошавших селения и города Бухарского вилайета.

Защитой против кочевников служила и огромная стена, также представлявшая целый комплекс укреплений, окружавшая Самарканд и его окрестности. Остатки ее известны и в настоящее время под именем Дивари-Кыямат, т. е. стены Страшного суда.

Тюрки-кочевники особенно наседали в первой половине IX в. в районе Шаша (Чач), который, как мы видели выше, был передан Яхье ибн-Асаду. Не без просьбы со стороны последнего и не без его участия Нух ибн-Асад организовал в 225 (839—840) г. большой поход против тюркского владетеля Исфиджаба. Поход кончился победой Нуха. По словам ал-Белазури, Нух ибн-Асад приказал тогда же выстроить в Исфиджабе большую укрепленную стену, которая охраняла бы поля, виноградники, сады, селения и города от набегов кочевников. В стене этой нуждался и Яхья ибн-Асад, так как границы его владений (Шаш) близко подходили к Исфиджабу.

Нух ибн-Асад умер в 841 г., вскоре после своего победоносного похода против исфиджабского владетеля. По распоряжению Абдаллаха ибн-Тахира, Самаркандским вилайетом одно время управляли совместно братья Ахмед и Яхья. Источники не оставили нам точных данных, как долго продолжалось их совместное управление Самаркандом и его областью. Во всяком случае, еще до смерти Яхьи ибн-Асада, т. е. до 855 г., наместником Самарканда стал сын Ахмеда—Наср. Влияние дома Ахмеда сразу возросло в Мавераннахре. Теперь он, в качестве отца правителя, получил широкую возможность вмешиваться в дела Согды. Когда в 241 (855—856) г. умер Яхья ибн-Асад, Ахмед прибрал к рукам также и его наместничество—Шаш и Усрушану, передав эти области своему сыну Якубу.

Таким образом, в середине IX в. главные области Мавераннахра, за исключением Бухарского вилайета, долин Кашка-дарьи и Чаганруда (ныне Сурхан-дарья), вошли в сферу влияния Ахмеда и его сыновей. Этому частичному объединению не мешал Тахир ибн-Абдаллах (844—862 гг.), который, с одной стороны, не понимал, к чему оно может при-

вести, а с другой, и не имел такой большой власти над саманидами, как это было при его отце и деде.

Падение тахиридской династии в 873 г. резко изменило положение саманидов в выгодную для них сторону. Якуб ибн-Ляйс, основатель династии саффаридов и виновник падения Мухаммеда ибн-Тахира—последнего хорасанского правителя из династии тахиридов,—не имел возможности, как в начале своего правления и его брат Амр ибн-Ляйс (879—900 гг.), вмешиваться в дела Мавераннахра: слишком он был занят своими сложными отношениями с халифатом. Поэтому после 873 г., фактически предоставленные самим себе, саманиды решили использовать этот удобный момент для объединения Мавераннахра в единое прочное государство. Объединению содействовало и явное сочувствие этому делу со стороны горожан и крестьян, видевших в создании единого государства возможность организации такой военной силы, которая смогла бы оказать более решительное сопротивление опустошительным набегам кочевников, чем оборонительные укрепленные стены, так дорого обходившиеся населению. Стены и укрепления необходимо было содержать в полном боевом порядке, причем все это делалось за счет натуральных повинностей земледельцев. Кроме того, отсутствие единой центральной власти способствовало внутренним смутам в среде господствующего землевладельческого класса, о чем ниже еще придется говорить.

В 250 (864/865) г. умер Ахмед ибн-Асад, и место главы саманидов занял его сын Наср (864—892 гг.). Перед ним стояли две большие задачи. Прежде всего надо было ослабить нажим кочевников. Для этой цели Наср организовал поход на Шавгар, город, находившийся вблизи современного города Туркестана, и сам повел свое большое войско против тюрков-кочевников. К сожалению, ал-Истахри, который сообщает об этом походе, не приводит его даты. Еще более важной, стоявшей перед Насром задачей, являлась борьба за Бухарский вилайет и область городов Нахшеба и Кеша (долина Кашка-дарьи).

В 874 г. Бухарой овладел Хусейн ибн-Тахир, брат последнего хорасанского правителя Мухаммеда ибн-Тахира. Хусейн появился в Бухаре во главе хорезмийского отряда, причинившего жителям города много бед, грабившего и убивавшего мирное население. Да и сам Хусейн оказался не лучше своих воинов. Объявив себя бухарским правителем, он, однако, чувствовал, что его власть недолговечна, и торопился скорее собрать всю подать с Бухары и ее области. Получив подать в имевшей тогда хождение неполноценной монете, так называемых дирхемах гитрифи, Хусейн заставил жителей Бухары обменять собранные деньги на настоящие серебряные дирхемы, чем и вызвал в населении бурю недовольства. И без того уже возмущенный бесчинствами войск Хусейна народ восстал против алчного правителя, захватил ночью его дворец и разграбил его. В городе наступила полная анархия. Спасти положение, по мнению господствующего класса, в который входили крупные землевладельцы и купцы, можно было только путем приглашения сильного правителя. Вот почему из Бухары отправили депутацию к Насру ибн-Ахмеду в Самарканд с просьбой прислать правителя из саманидского дома. Такое предложение не могло не обрадовать Насра, так как оно мирным путем разрешало вопрос о полном объединении Мавераннахра под властью саманидов. В качестве наместника Наср направил в Бухару своего младшего брата—Исмаила ибн-Ахмеда.

Исмаилу ибн-Ахмеду (874—907 гг.) в первые годы его правления пришлось испытать большие затруднения. Народные массы Бухары

и окрестные крестьяне видели до сих пор со стороны наместников столько злоупотреблений и насилий, что ничего хорошего не ждали и от Исмаила саманида. Когда Исмаил во второй свой приезд, повидимому, в 875 г., подъезжал к Бухаре, он имел возможность убедиться, насколько было беспокойно в окрестных селениях. По словам Наршахи, который, как типичный феодальный историк, резко порицал народ за его выступления против землевладельческой аристократии, между Баркетом и Рамитаном собралось 4 тысячи восставших крестьян, так что одним из первых мероприятий Исмаила, как правителя, была борьба с крестьянским восстанием. Наршахи не скрывает, что Исмаил для подавления народного движения должен был искать помощи у землевладельческой знати и военачальников. Только благодаря их содействию он смог силою покончить с недовольством крестьян, видевших, что от него они не получат облегчения ни налогового бремени, ни тех натуральных повинностей, которые они несли. Таким образом, уже первые годы правления Исмаила показывают, что он выступил как яркий представитель власти землевладельческой знати.

Наср ибн-Ахмед рассматривал себя в эти годы как главу всего Мавераннахра, в связи с чем и начал чеканить серебряные дирхемы, что прежде было прерогативой лишь тахиридов. Наиболее ранним из саманидских дирхемов считается дирхем, битый в 273 (886/887) г. в Самарканде и хранящийся теперь в Музее истории в Ташкенте. Был ли это первый дирхем с именем Насра ибн-Ахмеда или Наср это право осуществлял уже и раньше,—сказать сейчас, за отсутствием данных, нельзя.

Наср рассматривал Исмаила ибн-Ахмеда лишь как своего наместника, которого мог в любой момент сместить. Он не предвидел того, что в брате скоро почувствует энергичного, честолюбивого соперника, обладающего не только талантом правителя, но и умением обращаться с людьми.

Исмаил явно не желал подчиняться Насру и стремился к максимальной независимости. Это нашло свое выражение, прежде всего, в том, что он под разными предлогами уклонялся от выплаты Самарканду, в казну Насра, налогов и податей. Между братьями началась вражда, которая привела к битве 888 года. Войско Насра было разбито, и судьбы Мавераннахра целиком перешли в руки Исмаила саманида; с этого года, собственно говоря, и начинается фактически власть Исмаила над всем Мавераннахром.

Наср последние 4 года своей жизни провел в Самарканде, считался главой саманидского дома, пользовался почетом, но власти не имел. Умер он в 893 г.

Выше мы видели, что первые саманиды уделяли большое внимание северо-востоку, степям кочевников, укрепляли стены, ходили против кочевников в походы. В 893 г. отправился походом на кочевников и Исмаил. Он овладел Таразом и захватил в плен тюркского хана вместе с 10 тысячами его воинов и слуг. Добыча Исмаила была настолько велика, что доля всадника равнялась 10 тысячам дирхемов. Тогда же Исмаил обратил христианский храм в Таразе в мечеть. Это был последний большой поход при саманидах против кочевой степи. В Иране в 90-х годах IX в. произошли такие события, которые круто изменили всю внешнюю политику Исмаила, ориентируя ее вместо Востока на Запад.

Современником Исмаила был саффарид Амр ибн-Ляйс, брат Якуба ибн-Ляйса, правивший в Хорасане с 879 г. О нем известно, что

это был энергичный и сильный правитель, которого халиф боялся и всячески стремился ослабить, если не силой, так излюбленными в Багдаде средствами вероломной политики. Халиф стремился столкнуть Амра ибн-Ляйса с Исмаилом саманидом, рассчитывая сыграть на их соперничестве и на явном честолюбии второго. Военное столкновение произошло, как известно, в 900 г. и закончилось победой Исмаила. Но халиф просчитался, предполагая, что враги взаимно себя ослабят, а он выиграет в качестве третьей силы. На самом же деле саманидское государство в результате столкновения выросло и окрепло, причем Исмаил прибрал к своим рукам все наследство, оставленное саффаридами; таким образом, он значительно расширил свои владения, присоединив к ним огромные области, отошедшие от Восточного Ирана.

К началу X в. Исмаил уже имел возможность заняться в своем — теперь уже обширном — государстве организацией центрального аппарата власти и созданием большого и хорошо вооруженного войска. Особенное внимание он уделил организации гвардии из тюркских гулямов.

Укрепление центральной власти и организация могущественного войска привели его к решению прекратить не только постройку укрепленных стен против кочевников, но и заботу о содержании существующих. По свидетельству Наршахи, Исмаил будто бы сказал: «Я — стена Бухары», имея в виду свое сильное войско. Саманидам кочевники теперь не были страшны. Известно, что ни при Исмаиле, ни при его преемниках, вплоть до 90-х годов X в., кочевники не тревожили саманидского государства. Исмаил саманид и его преемники получили теперь возможность все свое внимание сосредоточить на внутренних делах своих обширных владений в Мавераннахре и Иране.

§ 2. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, РЕМЕСЛА И ТОРГОВЛЯ

В МАВЕРАННАХРЕ В IX—X вв.

При тахиридах и, особенно, при саманидах, основные вилайеты Мавераннахра, в первую очередь долина Зарафшана, принадлежали в хозяйственном отношении к передовым для своего времени областям не только Средней, но и Передней Азии. Все усиливающийся товарооборот между городом и деревней, с одной стороны, между сельскими земледельческими районами и кочевой степью — с другой, а также рост караванной торговли стимулировали развитие сельского хозяйства, горного дела и ремесел. Среди других мусульманских феодальных стран Мавераннахр в экономическом отношении стоял на одном из самых первых мест.

Не случайно ал-Истахри говорил, что Мавераннахр настолько изобилует материальными благами, что жители его целиком могут удовлетворить свои потребности собственными средствами, не обращаясь к производству других стран. В IX в. Мавераннахр в целом, как это обычно имеет место в условиях феодализма, являлся страной сельскохозяйственной. Ремесленные производства тоже были развиты, но ремесленники даже в городах еще не совсем порвали с работой в поле и, во всяком случае, — в саду, на огороде и бахче.

Арабская географическая литература содержит в себе почти исчерпывающие данные о сельскохозяйственных культурах, которые выращивались в Мавераннахре в X в. В долинах Зарафшана, Кашка-дарьи, в Фергане, Илаке, Шаше, Хорезме — повсюду, где сельское хозяйство велось на базе искусственного орошения, земледельцы возделывали пшеницу, ячмень, рис, просо, хлопок и др. Кроме поливных земель, в хозяйстве немалое место занимали тогда богарные земли. В этом отношении

очень интересен рустак Абгар, около Самарканда. По словам ибн-Хаукаля, «что касается Абгара, то земли в нем орошаются дождем, селения его (Абгара) более цветущи и многочисленны населением, чем у остальных рустаков Самарканда. Богатство его жителей—в скоте и зерне. Дошло до меня, что одна мера зерна приносит сам сто и больше». У географов часто упоминаются бобовые растения—адаc (чечевица), нухуд (горох) и мульк—род мелкого маша.

Огромное место в сельском хозяйстве в ряде районов, в том числе и на Зарафшане, занимал хлопок. Сорта хлопчатника тогда, повидимому, были другие; некоторые из них отличались очень тонким волокном. Как и теперь, много засевали люцерны. Знали согдийцы, по словам арабских географов, и культуру льна, конопли и пеньки.

Из семян льна и конопли делали масло. В Хорезме широко была распространена, как и теперь, культура сезама или кунжута, из семян которого также делали масло. Упоминание географами большого количества плодов и плодовых деревьев рисует нам наличие высокого уровня садоводства в X в. Широко распространены были персики, урюк, груши, яблоки, гранаты, инжир, айва, вишня и слива, а также виноград, которого насчитывали несколько десятков сортов. Отличались Мавераннахр и Хорезм также обилием овощей и дынь, которые считались лучшими во всем тогдашнем мире. Приведенный перечень не исчерпывает всего того, что возделывалось в Мавераннахре при саманидах, однако и перечисленного достаточно, чтобы представить себе в главных чертах специфику сельского хозяйства, базирующегося на искусственном орошении. Ал-Истахри, описывая долину Зарафшана, восторгается ее плодородием. Особенно он поражен был сплошным ковром зелени, которым покрыта долина реки в Бухарской области.

Кроме земледелия и садоводства, в хозяйственной деятельности населения Мавераннахра большое место занимали ремесла. В ремесленном производстве занято было большое количество людей не только в городах, но и во многих селениях. Так, в селении Зандана выделяли бумажную ткань, которая пользовалась широкой популярностью далеко за пределами Мавераннахра. По словам Наршахи, «материю эту вывозят во все вилайеты: Иран, Фарс, Хиндустан и другие». В селении Искиджкет жители, вместе с земледелием, в значительной мере занимались также ремеслами и торговлей. Из Искиджкета вывозились в большом количестве хлопчатобумажные ткани. Та же картина наблюдалась и в других селениях Бухарской области.

Ал-Макдиси в своем труде приводит списки товаров, вывозимых из разных городов Средней Азии и Ирана. Перечень товаров, вывозимых из Мавераннахра и Хорезма, наряду с теми данными, которые можно извлечь из соответственных памятников материальной культуры и искусства, позволяет составить ясное представление о характере ремесел и торговли в главных городах и селениях Узбекистана в X в.

По словам ал-Макдиси, из Бухары вывозились: овечья шерсть, жир, масло для смазывания волос, мягкие ткани, молитвенные коврики, ковры, ткани для настилки полов в гостиницах, ушмунские ткани, конские седла и табаристанские материи. Уже один этот перечень указывает, что в торговле на бухарских рынках большую роль играли произведения ткацкой промышленности, как хлопчатобумажной, так и шерстяной. Ниже мы встретимся с описанием большой ткацкой мастерской, находившейся у ворот цитадели и выделявавшей в X в. замечательные хлопчатобумажные ткани, которые высоко ценились в западных областях халифата.

Под «ушмунскими тканями», повидимому, следует понимать один из видов тканей, изготавливаемых в Бухаре, а не привозимых из египетского города Ушмунейна. Труднее сказать, что собой представляли «табаристанские материи» — привозились ли они в Бухару из Табаристана или же также были лишь определенным видом материи, выделявавшейся в Бухаре.

Ал-Макдиси упоминает также о бухарском мясе и об особом сорте бухарских дынь, которые славятся и до наших дней.

Крупным ремесленно-торговым центром был и Самарканд. По словам того же географа, из Самарканда вывозились «самаркандские ткани», ткани симгин (серебристые), парча, которую отправляли к тюркам, красные ткани, называемые мамараджиль, ткани синизи, разные шелковые ткани, кроме того — платки, стремяна, удила, ремни, большие медные котлы, орехи и т. д. Многие из перечисленных товаров производились в Самарканде.

В двух фарсах от Самарканда лежало селение Ведар. Здесь выделялась, по словам ибн-Хаукаля, прекрасная ведарийская хлопчатобумажная ткань. Ткань эта была очень красивая, с желтоватым оттенком, мягкая и вместе с тем плотная, и пользовалась широким спросом в богатых слоях общества. В Хорасане сшитую из нее одежду носили эмиры, везиры, кадии и другие. Платье из нее стоило от двух до десяти динаров. Ал-Макдиси говорит, что один из султанов в Багдаде называл ведарийскую ткань хорасанской парчей. Ведарийская ткань выделялась также и в Дабусии.

Из Арбинджана или Рабинджана вывозились зимние плащи из красной шерсти, кожи, оловянные сосуды, конопля, сера. Из Дизака (Джизака) — прекрасная шерсть и одежда. Из Бенакета — туркестанские ткани.

Область Шаша или Чача славилась в ту эпоху выделкой кож и кожаных изделий, что обуславливалось прежде всего соседством с кочевой степью. Из Шаша вывозились высокие седла из лошадиной кожи, колчаны, палатки и невыделанные кожи, доставляемые тюрками. Кроме того, из Шаша вывозились плащи, молитвенные коврики, наплечники, хлебное зерно, прекрасные луки, иголки низшего качества, хлопчатая бумага, идущая к тюркам, и ножницы.

К области Шаша арабские географы относили округ Илак, иногда же рассматривали последний как самостоятельный округ и помещали его между Шашем и Ферганой. В округ Илака входила почти вся долина реки Ангрен и отчасти левобережье Чирчика. Илакский дехкан в X в. считался одним из наиболее могущественных феодалов в саманидском государстве. В X в. Илакский округ был центром разработки серебро-свинцовых руд¹. Илакские серебро-свинцовые месторождения лишь немногим уступали знаменитым Пянджхирским разработкам в Афганистане, которые подробно описаны Самани — автором арабского географического словаря XII в.

Следы древних илакских рудников находятся в Карамазарском районе. Наиболее известным тогда рудником был Кухи-сим. По словам М. Е. Массона, следы этого рудника им установлены на месте кишлака Далана, неподалеку от рудника Кани-Мансур. Добыча серебро-свин-

¹ В работе М. Е. Массона «Из истории горной промышленности Таджикистана» имеется обстоятельная глава о рудных разработках Илака, написанная на основе личного археологического обследования и известий арабских географов IX—X вв. (Изд. АН СССР, М.—Л., 1934, Мат. Тадж.-памирской эксп., вып. XX, стр. 71—84).

цовых руд была настолько высока, что в Илаке был открыт третий в Мавераннахре монетный двор (один находился в Самарканде, другой — в Бухаре). Наиболее ранний чекан с пометкой «рудник Шаша» (так именовался чекан Илака) относится еще ко времени аббасидского халифа Харуна ар-Рашида (786—809 гг.). На одном из дирхемов, чеканенном от имени Мамуна ибн-Харуна ар-Рашида, тогда хорасанского наместника, значится «бито в руднике Шаша в 189 г. хид.» (805 г.), на другом — в 190 (805/806) г.

Чтобы понять, какое огромное значение имели серебро-свинцовые рудники в Илаке, достаточно только вспомнить, что Восточная Европа, крупнейший потребитель серебра, совсем не имела тогда своих серебро-рудных разработок. Она пользовалась главным образом серебром из Средней Азии — из разных районов саманидского государства, откуда серебро поступало почти целиком в монете, в широко известных саманидских дирхемах.

Большое хозяйственное значение имела в Мавераннахре выработка железа. Ибн-Хаукаль указывает два места в Усрушане — Минк и Марсманда, — в окрестностях которых в большом количестве добывалась железная руда. Часть руды плавилась и обрабатывалась на месте, другая же часть вывозилась в Фергану, где имелся ряд центров металлического ремесленного производства. Различные металлические изделия, изготовленные в Минке и Марсманде, широко распространялись в Хорасане и доходили до Багдада и Ирана. В Марсманде, по словам ибн-Хаукаля, в начале каждого месяца открывалась однодневная ярмарка, пользовавшаяся широкой известностью, на которую съезжались даже из отдаленных мест. О марсмандских ярмарках упоминает и автор Худуд ал-Алем; но он говорит, что она происходила раз в год и длилась один день. Несмотря на это, обороты ее доходили до ста тысяч динаров.

Ал-Макдиси указывает, что из Ферганы вывозились предметы вооружения и разные другие изделия из меди и железа, добытых, повидимому, из указанных выше месторождений. В Асбаре (Исфаре) добывали каменный уголь. «В Асбаре, — пишет ал-Истахри, — находится гора черного камня, который горит, как древесный уголь; его продают три ослиных ноши (авкар) за дирхем; пепел его (каменного угля) идет на беление одежд». К сожалению, имеющиеся в источниках факты не достаточны для суждений о размерах добычи и характере использования каменного угля.

Еще меньше сведений мы имеем о добыче нефти, на существование которой в Фергане указывает тот же ал-Истахри. Между тем, в X в., как и в предшествующее время, когда Средней Азией владел аббасидский халифат, нефть широко использовалась в военном деле. Нефтью наполнялись особые глиняные сосуды (нефтяные бомбы), которые во время осады городов выбрасывались особыми метательными машинами. Из Средней Азии техника метания горячей нефти для зажигания осажденного города перешла даже к кочевникам. Известно, что половцы в XII в. применяли ее в битвах с русскими, главным образом при осаде городов, что отражено, между прочим, в замечательном творении древнерусской литературы «Слово о полку Игореве».

Громадную роль в хозяйственной жизни Мавераннахра в саманидское время играл Хорезм. Вышеупомянутый ал-Макдиси дает следующий перечень вывозимых из Хорезма товаров, который мы приводим здесь в переводе В. В. Бартольда: «Из Хорезма — меха соболей, горностаев, хорьков, ласок, куниц, лисиц, зайцев и коз, также свечи, стрелы, кора белого тополя, высокие шапки, рыбий клей, рыбы зубы, касторовое

масло, амбра, выделанные лошадиные кожи, мед, лущенные орехи, соколы, панцири, березовая кора, славянские рабы, бараны и коровы — все это (получалось) от болгар». Кроме того, в Хорезме можно было закупить сушеные фрукты, сласти, полосатое сукно, ковры, большие куски сукна, парчу для подношений, покрывала из ткани мультам, замки, ткань арандж, луки, натянуть которые могут только сильные люди, рахбин (род сыра), сыворотку, рыбу, лодки (последние вывозятся также из Термеза). Из характера приведенного хорезмийского списка товаров ясно, что в Хорезме большую роль играла транзитная торговля, которая при саманидах связывала Среднюю Азию с Булгаром и хазарами. Игнорировать местное производство, конечно, также нельзя: ал-Макдиси специально упоминает хорезмийские луки, лодки, не говоря уже о большом количестве рыбы, которая вылавливалась в низовьях Аму-дарьи и в соленом виде вывозилась в другие области страны.

Все перечисленное с достаточной ясностью рисует картину богатой сельскохозяйственной и ремесленно-производственной жизни Мавераннахра при саманидах. Обилие обращавшихся на рынках Мавераннахра товаров удовлетворяло не только местного потребителя — горожан, жителей деревень и кочевников, но и потребности отдаленных областей и стран.

§ 3. КАРАВАННАЯ ТОРГОВЛЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В IX—X вв.

При саманидах в Средней Азии, и особенно в Мавераннахре, огромное значение имела караванная торговля, которая связывала Юго-восточную Европу через Среднюю Азию, а также Иран и Кавказ с Монголией и Китаем. Арабские географы дают подробные маршруты путей этой торговли с перечнем проходимых городов, с точным указанием, сколько фарсахов отделяет один город или селение от другого, с описанием их исторической топографии и перечислением вывозимых из них товаров.

Если в древности и при аббасидских халифах VIII—IX вв. караванная торговля основана была исключительно на перевозке товаров, представлявших собою предметы роскоши, как например лучшие сорта шелковых и хлопчатобумажных тканей, серебряная и бронзовая посуда, стекло, ювелирные изделия из золота, серебра и драгоценных камней, лучшие сорта оружия и т. д., то при тахиридах и особенно при саманидах (IX—X вв.) в списках товаров все чаще встречаются предметы первой необходимости, как продукты питания, так и необходимое для ремесленного производства сырье. Например, в перечне вывозимых из Булгара товаров имеются такие предметы, как кожи, березовая кора, бараны, коровы и т. д., которые никак уже не подходят под понятие предметов роскоши.

Наиболее оживленной караванной дорогой была линия, соединяющая Переднюю Азию с Монголией и Китаем. Эта магистраль, как и при аббасидских халифах, шла от Багдада на Хамадан, Нишапур, Мерв, Амударью (Чарджоу), Бухару, Самарканд, Шаш, Бинкет (Ташкент), Тараз (Джамбул), Кулан (ст. Луговая), Мерке, Баласагун, Суяб, южный берег Иссык-куля и дальше, через Восточный Туркестан, в Китай.

Громадное значение имел путь из Средней Азии в Юго-восточную Европу, подробный маршрут которого оставил нам в своей записке ибн-Фадлан — участник и секретарь посольства и торгового каравана

(922 г.) от халифа Муктадира (908 — 932 гг.) к болгарскому царю. Путь этот был несколько необычен. Караванный путь из Багдада и других городов Ирана и Ирака в Булгар шел обычно через Кавказ и Хазарское царство. Однако в это время отношения с хазарами у халифата и болгар стали весьма враждебными, и караваны пришлось направлять через Мерв, Бухару и Хорезм, т. е. по среднеазиатской дороге. Ибн-Фадлан отмечает, что из Бухары они отправились к Джейхуну (Аму-дарье), далее — по реке до Хорезма (Кята) — столицы Южного Хорезма, затем до Ургенча (Джурджании), оттуда на Замджан, который считался воротами в страну тюрок, потом переехали реки Эмбу, Яик (Урал), Самару, Кинель, Черемшан и дошли до Булгар. Таким образом, дорога проходила в обход Хазарского царства по левому берегу Волги, на достаточно большом расстоянии от реки. Дорога через Хазарское царство, впрочем, не всегда была закрыта.

Что касается самого Хорезма, то он при саманидах находился в постоянных торговых сношениях и имел прочные культурные связи с Итилем и другими пунктами Хазарского царства. На основании обследования, произведенного экспедицией под руководством проф. С. П. Толстова в 1946 г., дорога в Итиль в X в. проходила через развалины Белеули на нижнюю Эмбу, Урал и Волгу. Этот путь, по которому в начале X в. ехал ибн-Фадлан, еще в конце того же столетия и в начале следующего был оборудован великолепными караван-сараями из тесаного камня и колодцами, облицованными камнем, на расстоянии друг от друга примерно в 25 км — нормальный переход каравана. По сравнению с началом X в., дорога из Хорезма в Хазарское царство, в Итиль, изменилась к лучшему, стала, с точки зрения представлений того времени, благоустроенной.

Как же была организована караванная торговля, каковы были ее размеры, в чьих руках находилась она? Прежде всего необходимо помнить, что в средние века купцов на Востоке редко различали по их принадлежности к тому или иному народу. Мы не всегда можем сказать какие именно купцы — турки, арабы, персы, таджики или хорезмийцы — выступали в тех или иных торговых сделках. Чаще всего купцы именуется в источниках «мусульманскими купцами».

Купцы, конечно, не могли вести караванную торговлю в индивидуальном порядке, так как издержки на отправление даже самого небольшого каравана были непосильны и для самого богатого купца. Как и в предшествующие времена, купцы были объединены в определенные торговые компании, ставившие себе целью ведение торговых операций караванным путем.

В торговых операциях в X в. в большом употреблении были чеки. Тогда незачем было возить с собой большие суммы денег. Можно было сдать деньги в каком-либо городе кому-нибудь из достойных коммерческого доверия саррафов (менял), взять от него соответствующий документ — чек и, по предъявлении его в назначенном месте, получить полностью сданную сумму. Даже и самое слово «чек» заимствовано из персидского языка, в котором оно и употреблялось тогда в указанном нами смысле. Один из арабских историков сельджукской эпохи (XI в.) Абу-Шуджа, писавший о времени саманидов, говорит о богатых купцах, занимавшихся караванной торговлей, что чеки, выданные ими на западном конце мусульманского мира, учитывались на его восточном конце с большей быстротой, чем шло поступление хараджа в казну самых сильных правителей.

Караванная торговля в X в. большей частью велась меновая; деньги служили лишь единицей счета. Купцы оценивали свой товар в определенную сумму и меняли его на чужой товар, также оцененный. При расчетах старались товаром же покрыть и разницу в цене. Впрочем, характер взаиморасчетов зависел от места, где происходила купля-продажа. В Китае, например, где от мусульманских купцов не принимали серебряных денег, торговля между ними и китайцами носила меновой характер. И неслучайно поэтому, что в Китае и близлежащих среднеазиатских областях совсем не попадаются в археологических находках дирхемы саманидов и их предшественников. Совсем другая картина наблюдалась в Восточной Европе. Здесь дирхемы выступали и как деньги, и как товар.

Расширившаяся караванная торговля требовала сложного обслуживания. В городах и селениях, через которые проходили караваны, находились караван-сарай. В них имелись худжры для купцов и обслуживающего караван персонала, помещения для верблюдов, лошадей, мулов и ослов, необходимый фураж и провиант.

Караван-сарай, особенно на бойких промежуточных станциях, являлись местом, где можно было продать и купить оптом интересный для купца товар, а главное, узнать последние коммерческие новости и, прежде всего, цены на товары. Содержание караван-сарая было выгодным для владельцев предприятием. Вот почему иметь караван-сарай стремились не только купцы, но и крупные землевладельцы-феодалы.

Вьючными животными в караванной торговле служили, в зависимости от местности и района, верблюды и лошади. Существовали специальные купцы или даже компании, которые брали на себя перевозку товаров, т. е. организацию самого транспорта караванов. Вьючных животных обслуживала приставленная к ним прислуга, в том числе и проводники. Судя по данным письменных источников, караваны имели при себе специальную вооруженную стражу. Ал-Масуди, говоря о караванах из Хорезма в страну хазар и болгар, указывает, что они отправлялись в сопровождении стражи.

Когда упомянутый выше караван ибн-Фадлана переходил реку Яганда, вытекающую из южной части Мугоджарских гор, то сначала, по его словам, «переправился отряд бойцов, имевших при себе оружие, прежде чем переправить что-либо из каравана. Они—авангард для людей (следующих) за ними, для защиты (от башкир) на случай, чтобы они, т. е. (башкиры) не захватили их, когда они будут переправляться».

При караванах часто держали и переводчиков, которые были необходимы в странах, где население говорило на другом языке и придерживалось других верований и другого быта. Ибн-Хордадбех, описывая маршрут купцов руссов, говорил, что они садятся в столице хазар на корабли, пересекают по длине Джурджанское (т. е. Каспийское) море и направляются в Джурджан. «Часто,—продолжает ибн-Хордадбех,—они перевозят на верблюдах свои товары из Джурджана в Багдад; толмачами у них являются их слуги из славян».

Не по всем направлениям и не на всех путях, однако, можно было найти нужных вьючных животных для каравана, проводников, лиц, обслуживающих караван, оборудованные остановки и т. д. Гардизи, автор XI в., отражающий во многом в своих записях и порядки предшествующего X в., описывая путь из Ургенча в страну печенегов, пишет: «Дороги в стране печенегов очень трудны и неприятны. Кто хочет отправиться оттуда в какую-нибудь страну, должен купить лошадей, так как

ни с какой стороны нельзя выехать из их земли иначе, как верхом, вследствие дурного состояния дорог. Купцы на пути туда не придерживаются никаких дорог, так как все пути заросли лесом; они узнают дорогу по положению звезд».

Размеры караванов колебались от нескольких десятков и до нескольких тысяч вьючных единиц. Наибольшим из известных нам по своим размерам торговых караванов был караван, направленный в 922 г. от халифа ал-Муктадира к царю болгар. В нем находилось 3 тысячи вьючных единиц—лошадей и верблюдов—и 5 тысяч человек. Это, конечно, не обычный факт. Такие караваны являлись не только крупным торговым, но и политическим событием. Обыкновенно караваны дальнего следования составлялись из двух-трехсот верблюдов или лошадей и приблизительно такого же количества людей. Было бы неправильным рассматривать караван только как торговую организацию. В состав каравана, везущего товары, входили не только купцы, стража и обслуживающий персонал, но еще и ремесленники, которые переезжали на новое место по предписанию правителя или добровольно, по приглашению, а также ученые, мастера-художники, путешественники, дипломатические миссии, причем купцам часто поручались и дипломатические задания.

Так например караван, с которым в 922 г. ездил ибн-Фаддан, был отправлен не только с торговыми целями, но выполнял также и дипломатические, военно-технические и религиозные поручения. Это было целое посольство от халифа ал-Муктадира к болгарскому царю. Послом халифа был направлен некий Сусан ар-Расси. В составе посольства были также Такин ат-Тюрки, Барис ас-Саклаби, т. е. славянин, и в качестве секретаря посольства — Ахмед ибн-Фадлан, оставивший знаменитые записки о своем путешествии.

Что же привозили купцы из Китая в Среднюю и Переднюю Азию и что они вывозили оттуда? Как и в прежнее время, путь этот в основном оставался «шелковым». Шелка были главным предметом китайского экспорта. Гардизи рассказывает, что «одежда их (толкузгузских, т. е. уйгурских царей) из китайской парчи и шелка; одежда народа — из шелка и бумажной ткани». Это, конечно, можно истолковать только в том смысле, что простые сорта шелковых тканей стоили не дороже хлопчатобумажных. Сортон китайских тканей, вывозимых караванным путем из Китая, было много,—от дешевых до шитой золотом и серебром парчи.

В обмен на шелк, как и прежде, из Средней Азии в X в. шло стекло, очень ценное в Китае благодаря высокому качеству своей выделки. В музеях СССР и за рубежом имеется немало образцов замечательного самаркандского стекла, которые дают возможность судить о стеклодувной технике того времени. Стекло в древности и раннем средневековье стоило на Востоке много дороже, чем в более позднее время, и рассматривалось как предмет роскоши. Шелк и стекло были хотя и главными, но не единственными предметами товарообмена. Достаточно только напомнить, что из Средней Азии в Китай, как и в предшествующие времена, шли лошади, что продолжалось вплоть до эпохи тимуридов, в частности до Улугбека.

Огромное место в товарообороте саманидского государства занимала караванная торговля с Восточной Европой. Благодаря арабской географической литературе IX—X вв., мы имеем о ней достаточно точные сведения. Наибольшее участие в этой торговле из областей Сред-

ней Азии принимал Хорезм. Торговля эта шла, с одной стороны, с хазарами, а с другой,—с булгарами. В Поволжье было тогда два крупных рынка—две столицы: Итиль и Булгар. Итиль в X в. был большим торговым городом. По словам ибн-Хаукаля, он в длину и ширину имел по фарсаху (6—7 км). Итиль раскинулся на обоих берегах одного из рукавов Волги¹, а также на острове между ними. Город состоял из двух частей. Западная носила имя Итиля и являлась административным центром государства. Восточная называлась Хазаран и представляла собой торговый центр. На острове помещался, по словам Мас'уди, двор хазарского хакана. Обе части города были окружены стеной. Большую часть населения Хазарана составляли мусульмане, преимущественно хорезмийцы. Среди них были купцы, ремесленники и различные категории чернорабочего люда. По словам ибн-Хаукаля, в Хазаране проживало 10 тысяч мусульман и было 30 мечетей².

Хорезмийцы в столице Хазарского царства играли огромную роль. По словам Мас'уди, основное ядро войска хакана составляли хорезмийцы. Ибн-Хаукаль говорит, что их было в хазарском войске 12 тысяч человек. Хорезмийцы селились в Хазаране по договору, получили право строить себе мечети и училища, выговорили себе везират, т. е. право участия в правительстве хазарского хакана. По словам Мас'уди, в его время (первая половина X в.) везиром в Итиле был хорезмиец ибн-Кувайя.

Большое значение в торговле Поволжья со Средней Азией и в частности с Хорезмом имел, наряду с Итилем-Хазараном, и Булгар. На северо-востоке Европы он служил главным складочным пунктом таких товаров, как меха, воск, мед, а также и невольничьим рынком. На булгарских базарах обращалось большое количество серебряных дирхемов, привозимых мусульманскими купцами из разных мест саманидского государства, главным образом из Средней Азии. По словам арабского географа начала X в. ибн-Русте, «белые круглые дирхемы приходят к ним из стран мусульманских, путем мены на их товары». Персидский историк XI в. Гардизи, использовавший текст ибн-Русте, рассказывая о торговле с Северовосточной Европой, пишет: «они (мусульманские купцы. А. Я.) те дирхемы отдают руссам и славянам, так как те люди не продают товары иначе, как за чеканенные дирхемы».

Что же служило предметом товарообмена саманидского государства с Восточной Европой?

Выше мы привели список товаров, вывозимых из Восточной Европы в Хорезм. Это были, прежде всего, меха пушных зверей — соболей и т. д. Вывозилось большое количество кож, коры для дубления кожи, скота и, наконец, рабов. Булгар и Итиль были настоящими невольничьими рынками. Здесь можно было купить или обменять славянских и тюркских пленников.

Что же шло из Средней Азии в Итиль и Булгар? По словам ибн-Хаукаля, «пища у них (хазар), по преимуществу, состоит из риса и рыбы». Риса своего в Поволжье не было и его ввозили главным образом из Средней Азии. В большом количестве в Итиль и Булгар шли сушеные фрукты. Значительное место в торговле с Восточной Европой занимали среднеазиатские хлопчатобумажные, шерстяные и даже шелковые ткани. Но, пожалуй, самым ходким товаром были серебряные дирхемы, о которых упоминают почти все географы X в.

¹ К сожалению местоположение Итиля до сих пор не установлено.

² Соборная мечеть в Итиле была одна; под 30 мечетями нужно подразумевать типичные для средневековья квартальные мечети.

§ 4. СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ МАВЕРАННАХРА В IX—X вв.

Господствующим классом в Мавераннахре в IX—X вв. при саманидах были крупнейшие землевладельцы—светские и духовные, как состоявшие, так и не состоявшие на гражданской и военной службе. Подавляющее большинство этих крупных землевладельцев—феодалов принадлежало к старому дехканству. Меньшинство выдвинулось из числа тюркских гулямов, сделавших карьеру и занявших высшие посты в придворной гвардии. Значительный слой класса феодалов составляли представители высшего мусульманского духовенства, обладавшие при саманидах огромными земельными фондами, выросшими на основе вакфов.

Не следует забывать, что многие небольшие города и селения Мавераннахры еще имели в то время своих владетелей, именуемых, как прежде, дехканами. Ал-Макдиси для своего времени, т. е. для 985 г., когда написан был его труд в первой редакции, приводит в качестве примера могущественного дехкана—владетеля города Тункета, который, хотя уже и не имел политической власти, был, однако, экономически очень влиятельным человеком в долине Илака. Потомки бухар-худата Буниата до царствования Исмаила саманида оставались наиболее богатыми земельными собственниками. Последним, кто владел этими богатыми землями, был, по словам Наршахи, Абу Исхак, правнук Буниата.

Крупные земельные владения и другие виды недвижимости сосредоточились также в руках «новых людей», какими оказались высшие представители тюркской гвардии, выходцы из гулямов. Об одном из них, Алп-Тегине, фигуре весьма колоритной для своей среды и своего времени, Низам ал-Мульк писал: «В пределах Хорасана и Мавераннахры ему, на началах частной собственности (мильк), принадлежало 500 деревень; не было города, в котором ему не принадлежал бы дворец, фруктовый сад, караван-сарай, баня и много недвижимой собственности, приносящей доходы (мустагалл). У него были тысячи баранов, лошадей, мулов и верблюдов. Все это находилось во владениях саманидов».

Алп-Тегин не был исключением, он даже не являлся наиболее яркой в этом отношении фигурой. Вспомним Абу Али Симджури, потомка тюркского гуляма. Он настолько разбогател и достиг таких успехов, что был принят в среду высшей землевладельческой аристократии и стал наследственным владетелем Кухистана (в Мавераннахре). К крупнейшим земельным собственникам принадлежал и Фаик, один из самых видных представителей тюркской гвардии, соперник упомянутого выше Абу Али Симджури.

При саманидах выросло значение и высшего мусульманского духовенства. Столица саманидов—Бухара—стала на Востоке одним из авторитетнейших центров мусульманского богословия, которые в эту эпоху еще не было, кстати сказать, средоточием наиболее реакционных направлений религиозной мысли, как это имело место впоследствии. Параллельно с ростом авторитета высшего мусульманского духовенства, увеличивалось и его материальное благосостояние. Начиная уже с Исмаила саманида, значительно выросло вакфное имущество мечетей, ханака и других духовных учреждений.

По словам Наршахи, земли селения Афшаны, расположенные вблизи Бухары, как культурные, так и невозделанные, были переданы

Исмаилом саманидом в вакф учащимся медресе. Афшана была богатым селением, и ее земли приносили большой доход.

В другом месте, при описании местности Даштак в Бухаре, Наршахи говорит, что она приносила 100 тысяч дирхемов дохода от одного только камыша. Купив эту местность, Исмаил саманид передал землю в вакф соборной мечети. Подобных примеров можно было бы привести немало, но и сказанного достаточно, чтобы понять, какими путями собиралась крупная земельная собственность мусульманскими религиозными учреждениями. Фактически эта земля и доходы от ее эксплуатации находились в руках высших представителей мусульманского духовенства.

К господствующему классу феодалов, в качестве очень влиятельного слоя, мы должны отнести и купцов, которые держали в своих руках всю местную и караванную торговлю. При саманидах они не только покупали и продавали товары оптом и в розницу, но и владели в городах недвижимостью — лавками на базарах, караван-сараями, жилыми домами, мельницами, а также земельными участками — садами, полями, бахчами и т. п.

Ал-Макдиси говорит, что хорезмийцы захватили почти всю земельную собственность в городе Несе. Это были, в первую очередь, хорезмийские купцы, которые всюду проникали со своими товарами и везде старались пустить корни, покупая недвижимое имущество в городах и земельную собственность за их пределами.

Значение крупного землевладения в Средней Азии, в частности в Мавераннахре, было велико. Крупные земельные фонды, сосредоточенные у разных категорий земельных собственников, были не однородны по типу и характеру прежде всего самого владения землей. Источники позволяют для времени саманидов, т. е. для конца IX в. и всего X в., установить несколько видов земельных владений. Классификацию последних целесообразнее всего провести по признакам: 1) принадлежности земли и 2) ее государственного обложения.

Рассматривая земли по признаку принадлежности, их можно разбить на три категории:

1. «Мильки султани», или «мамлаке-и-султани», — земли, принадлежавшие султану. Ввиду того, что при феодальном строе на Востоке трудно было отделить то, что принадлежало государству, от того, что принадлежало султану, — к султанским землям применяли иногда определение — «земли государственные». Впоследствии они именовались «мильки дивани». Повидимому, такое название они получили вследствие того, что эти земли держали под своим контролем чиновники дивана, ведя учет всем поступлениям, которые должны были идти и фактически шли с них в доход государственной казны.

Относившиеся к этой категории земельные фонды были чрезвычайно велики. Сюда входили, главным образом, земли основной массы крестьянства, жившего в условиях сельской общины.

2. «Мильки» — земли частновладельческие. В эту категорию входили земли, принадлежавшие лично отдельным членам правящей династии, древней дехканской знати, просто богатым дехканам, сейидам, высшим представителям духовенства, некоторым выходцам из тюркской гвардии, купцам и др., а также разные виды привилегированных (в смысле государственного обложения) земель.

3. Вакфные земли. К этой категории относились все земли, переданные во временное или вечное пользование разным мусульманским религиозным учреждениям — мечетям, медресе, ханакам, мавзолеям и др.

К концу периода власти династии саманидов, т. е. к началу XI в., в руках высшего мусульманского духовенства скопились, как мы видели выше, огромные земельные фонды, составлявшие прочную базу его могущества. В состав вакфных земель входили самые разнообразные категории земель, как в смысле их принадлежности, так и в смысле обложения.

Перейдем теперь к классификации земель по принципу их государственного обложения.

1. «Мильки харадж» — земли хараджные, т. е. те, с которых собирали харадж. К ним, прежде всего, относили земли из категории «мильки султани» или «мамлаке-и-султани», т. е. султанские или государственные земли, на которых сидело крестьянство, жившее в условиях сельской общины.

К хараджным землям принадлежали и «мильки», т. е. частновладельческие земли, хотя некоторая, повидимому, значительная их часть была частично или даже целиком от хараджа освобождена. К хараджным принадлежало и большинство вакфных земель.

2. Земли, частично или полностью освобожденные от обложения налогами. Собственниками их были разные категории высшего мусульманского духовенства и прежде всего сейиды — потомки (действительные или мнимые) дома пророка Мухаммеда.

В сочинении «Кандия Малая» ан-Насафи ас-Самарканди¹, составленном на таджикском языке, имеется весьма интересная мотивировка освобождения ряда земель от налогов, главным образом от хараджа. «Рассказывают, — говорится в этой книге, — что по Искандергаму (арык в окрестностях Самарканда. А. Я.) находится тысяча четыреста восемьдесят шесть «джуфти-гау» земель (культурных), по каналу Мазахин — две тысячи семьсот пятьдесят «джуфти-гау», по каналу Санг-расан — двести семьдесят пять «джуфти-гау». Эти площади определены для того, чтобы знали, что все вне этого составляет вакф определенных полезных установлений, имущество имамов, сейидов и шейхов — все это исключено. И если имущество это попадает кому-либо, то он пусть знает соотношение тех и других (земель), дабы не огорчать сердце царя.

Имамов, шейхов и сейидов освобождали от налогов. Знай, что упадок царства от беспокойства «людей сердца». Благородные и чернь не равны. Да, сердца благородных надлежит хранить обращенными к богу — это служит причиной доброго имени царя и подданных в этом и том мире. При царе с славным именем и подданные имеют славное имя, потому что заботятся об ученых и сейдах и освобождают их от повинностей. Затем не следует, чтобы сильные отбирали воду у слабых и посе́вы слабых сохли».

Приведенные ан-Насафи факты не только рисуют размеры (и отчасти характер) сельского хозяйства в ближайших к Самарканду окрестностях, но и показывают группы населения из числа господствующего класса феодалов, которые были полностью или частично освобождены от поземельного обложения.

В период аббасидского халифата, как мы видели выше, на крестьянстве лежало выполнение ряда натуральных повинностей, что в связи с навешиванием печатей на земледельцев ставило их в очень тяжелое положение.

¹ Упомянутый труд представляет собою только дошедшую до нас краткую редакцию труда ан-Насафи ас-Самарканди (умер в 1142/43 г.), который назывался «ал-Канд».

С прекращением власти халифата над Хорасаном и Мавераннахром и установлением фактической независимости тахиридского и саманидского государств в условиях относительной централизации власти произошли некоторые перемены и в положении крестьянства. Историки не упоминают уже больше о фактах «печатания» земледельческого согдийского, хорезмийского и прочего населения.

На земледельческом населении Бухары и ее округа лежала до времени правления Исмаила саманида тяжелая повинность по содержанию в порядке укрепленных стен вокруг культурного Бухарского оазиса. При саманидах были несколько облегчены, повидимому, и эти натуральные повинности, но все же трудящимся массам приходилось работать на многочисленных постройках новых дворцов, мечетей, мавзолеев, разведении садов и т. д.

Гардизи пишет, что самый могущественный из тахиридов Абу-л-Аббас Абдаллах (830—844) очень заботился о земледельцах. Так, например, он требовал от чиновников защиты интересов земледельцев (барзигаров), мотивируя это тем, что «бог их руками нас кормит, их устами нас приветствует и обижать их воспрещает». Говоря так, Гардизи явно идеализирует политику Абдаллаха. Не надо забывать, что тот же Абдаллах (на что уже указывалось в другом месте) точно так же подавлял крестьянские восстания, как до него это делали аббасидские халифы. В этом отношении весьма показательно, что Абу-л-Аббас Абдаллах активно встал на сторону землевладельцев из числа табаристанской знати, против которых поднято было народное восстание табаристанских крестьян в 839 г., поддержанное местным князьком Мазьяром.

Уже один только факт, что крестьяне убили 260 знатных «владельцев поместий», говорит о том, как решительно крестьяне были настроены против своих феодалов и поддерживающего их тахирида.

В 864 г. против тахиридов в том же Табаристане вспыхнуло новое крестьянское восстание, на этот раз вследствие того, что один из тахиридов захватил общинные земли, не находившиеся в чем-либо частном владении.

Характерной особенностью крупного землевладения в Средней Азии и Иране той эпохи являлось то, что землевладельцы не вели на своих участках крупного хозяйства и не обрабатывали своих полей трудом крепостных крестьян. В известных нам источниках не приведено ни одного факта, говорившего бы о ведении такого крупного хозяйства. Крупные землевладельцы, да и не только они одни, имели обыкновение дробить свои земли на мелкие участки и сдавать их на началах издольной аренды всем, кто в этом нуждается. Издольщиками-барзигарами были, большей частью, малоземельные крестьяне близлежащих селений (сельских общин). Для них обработка земли на основе издольных аренд служила дополнительным источником дохода. Наряду с этим видом арендаторов, имелись еще издольщики из числа безземельных (обезземеленных) крестьян. Стоит ли специально доказывать, как много гнезилось в кабальных формах издольных аренд возможностей для потери земледельцами своей независимости и для установления крепостнических отношений.

В источнике XII в., юридическом сочинении ханифитского толка «Хидая», составленном ферганцем Бурхан ад-дином ал-Маргинани, указаны тщательно разработанные нормы кабальных сделок между землевладельцами и издольщиками.

«Хидая» является не только отражением общественных отношений своего времени; в приводимых в этой книге нормах заключены, с одной стороны, юридические традиции, восходящие еще к классическому сочинению «Китаб ал-харадж» Абу Юсуфа Якуба (автора конца VIII в.), а с другой стороны, отражена практика издольных аренд в Мавераннахре в течение последних нескольких веков.

По-арабски издольщики назывались «шериками» и «аккарами»; по-персидски, как выше отмечалось, «барзигарами». Их доля при обработке чужой земли определялась прежде всего тем, получал ли издольщик от владельца тягловый скот, семена и орудия производства. Если он получал от владельца семена, быка и омач (соху), то его доля могла упасть до $\frac{1}{10}$ и даже $\frac{1}{12}$ урожая. Чаще же всего доля земледельца определялась в $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{5}$ урожая, так как издольщики обычно имели свой живой и мертвый инвентарь, а часто и семена.

Как же шла уплата хараджа с земель, сданных издольщикам? Согласно юридическим нормам, — по видимому, нарушавшимся на практике, — харадж распределялся в зависимости от доли урожая обеих сторон. Если, например, земледелец получал $\frac{1}{4}$, то и харадж взимался только с $\frac{1}{4}$ урожая. Землевладелец, получивший $\frac{3}{4}$ урожая, с них и должен был платить харадж. Одним словом, государство при всех обстоятельствах, при любом распределении долей урожая, получало полностью все, что ему причиталось.

Прекращение навешивания печатей на крестьян устранило только одну из тяжелых форм унижения человеческого достоинства, однако не освободило земледельцев от тягот феодальной зависимости. Напомним, как много продуктов своего труда отдавало крестьянство в виде хараджа, как много падало на него повинностей по очистке и проведению каналов, дорог, постройке и починке мостов, городских стен и т. д. (о положении ремесленников говорится в специальной главе о феодальном городе в Узбекистане в IX—X вв.).

В IX—X вв. Средняя Азия не знала больших народных движений, подобных восстанию Муканны, имевшему место в 70—80 гг. VIII в. Однако было бы неправильным считать, что против саманидов не возникало никаких движений. Известно, что в 874/75 гг. Исмаилу саманиду — вновь назначенному эмиру Бухары — пришлось столкнуться с крестьянским движением, охватившим окрестности Бухары. Согласно Наршахи, один из восставших собрал около себя четыре тысячи человек из среды крестьянской бедноты и захватил земли в районе между Рамитаном и Баркетом. Только опираясь на богатую родовую и чиновную знать Бухары, Исмаилу саманиду удалось подавить движение.

Борьба, разыгравшаяся в феодальном лагере к концу саманидского периода и вовлекшая в круг мятежей против саманидских эмиров даже высших тюркских военачальников, дорого обходилась крестьянству. Иногда целые районы превращались в арену военных действий, причем воины топтали поля, уничтожали сады, опустошали селения и небольшие города. Усиление повинностей и, особенно, налогов в связи с феодальной междоусобицей приводило к росту народного недовольства, что выразилось, как мы увидим ниже, в равнодушии, с которым не только крестьянство, но и трудящиеся городов отнеслись к падению саманидской династии.

Ибн-Хаукаль, бывший в Самарканде в 60-х годах X в. в царствование эмира Мансура (961—976 гг.), отмечает, что постоянные волнения в Самарканде внушали саманидам такие опасения, что они даже приказали уничтожить ворота в стене самаркандского рабада, так как тру-

дящиеся города не раз использовали их в своей борьбе с саманидской властью. Особенно опасным элементом, с точки зрения феодальной власти, были отряды газиев («борцов за веру»), которых можно было нанять почти для любого военного предприятия на базаре каждого значительного города Мавераннахра и Хорасана. Характерно, что в Самарканде в X в. было много газиев и что они принимали деятельное участие во всех движениях трудящихся масс города против феодальной власти.

§ 5. СЛОЖЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОГО ГОРОДА В МАВЕРАННАХРЕ IX—X в.¹

Арабское завоевание оказалось для Средней Азии весьма болезненным процессом. VIII век был для Мавераннахра и других областей Средней Азии периодом крупнейшего кризиса. Последний не мог не породить временного упадка, который должен был захватить и шахристаны. Выше мы уже отмечали, что арабы, завоевывая города, захватывали в них в качестве добычи часть домов и имущества жителей и селились в городах целыми группами. Для Мавераннахра этот процесс лучше всего можно проследить на истории городской жизни в Бухаре.

Когда Кутейба в 709 г. завоевал этот город, арабы захватили там половину домов и полей. Часть шахристана от ворот базарных, или Аттаран (в южной части города), до ворот Нур (которые находились в его северной части) была отдана арабским племенам из группы «раби'а» и «мудар». Много арабских домов находилось у ворот кухендиза, так как это было самое укрепленное место шахристана. Среди арабских племен, поселившихся в Бухаре, источниками упоминаются племена бану-асад и бану са'д (так назывались и двое ворот в шахристане Бухары в первой половине VIII в.).

Ту же картину насильственного проникновения арабского элемента в состав городского населения мы наблюдаем в Самарканде и в других городах. Внедряясь в шахристаны, арабы представляли в них не только новый господствующий слой, но и новый этнический элемент. Вместе с арабским завоеванием шло и перемещение некоторой части населения Хорасана в Согд и в другие области Средней Азии. В составе арабского войска, завоевавшего Мавераннахр, было, как уже упоминалось, немало мавали (клиентов) из числа хорасанцев. Часть этих хорасанцев по окончании походов оседала в шахристанах Средней Азии.

Внеся много тяжелого в судьбы народов Средней Азии, арабское завоевание объективно сыграло и некоторую положительную роль в дальнейшем развитии производительных сил завоеванной страны. Войдя в состав халифата, Средняя Азия теснейшим образом связалась с Передней Азией, с ее хозяйственной и торговой жизнью. Немалую роль в этом сыграла караванная торговля. Кроме усиления торговли с Передней Азией, возрос обмен между земледельческими областями Средней Азии и кочевой степью. Этот обмен захватывал многие города и селения и способствовал их росту и богатству. Увеличился также обмен между городским и сельским населением, что в свою очередь содействовало дальнейшему отделению города от деревни, превращению его в главный центр ремесленного производства и торговой деятельности.

¹ Вопросы исторической топографии городов, а также городского благоустройства, по которым имеется богатая археологическая литература (в том числе и отражающая трехлетние работы в Термезе, проведенные под руководством проф. М. Е. Массона, а также многолетние работы проф. С. П. Толстова в Хорезме), не включены в этот раздел, поскольку здесь рассматривается сложение феодального города в Мавераннахре лишь с точки зрения его социальной структуры.

В источниках, особенно в географической литературе арабов, а также у Наршахи в его «Истории Бухары», сохранилось немало сведений, на основе которых можно конкретно представить себе, как изменялись шахристаны Средней Азии, как расширялась их площадь, менялся характер населения, росло богатое ремесленное производство, — одним словом, как формировался типичный восточный феодальный город на территории рабада.

Отмирание шахристана как дофеодального города, переход центра экономической и политической жизни в рабад в корне изменили социально-экономический, а вместе с тем и топографический облик города.

В Самарканде, вместе с ростом пригородов, ремесленно-торговая жизнь постепенно уходила в южный рабад, хотя территория шахристана в течение X и даже XI вв. еще оставалась административным центром и жилой частью города. К началу XIII в. главная часть города уже переместилась на юг, в район между Кешскими воротами и Риги-станом. В Мерве перемещение центра городской жизни шло из шахристана (городище Гяур-кала) в западный рабад, на территории которого уже в VIII в. начал складываться новый город, который постепенно оформился как город феодального типа (городище Султан-кала). Что касается мервского шахристана, то жизнь в нем постепенно угасала; ко времени монгольского нашествия он был почти совсем покинут и если и сохранял признаки жизни, то лишь как городская окраина.

Судьба шахристана в Бухаре оказалась иной, чем в Самарканде и Мерве. Он не был покинут, и жизнь в нем никогда не прерывалась. «Умирание шахристана» здесь выражалось не в том, что его территория была заброшена, а в полной реорганизации самой жизни в нем. Шахристан постепенно превратился в одну из частей нового феодального города. На его территории разместились часть базара, ряд торгово-ремесленных кварталов (махалла), мечети, караван-сарай и частные дома наиболее богатых людей города. Одним словом, шахристан в Бухаре как тип городского дофеодального поселения в саманидское время перестал существовать. И если арабская географическая литература определяет его, как внутреннюю и наиболее старую часть города, то только потому, что в X в. шахристан выделялся еще целым рядом внешних признаков, в том числе и хорошо сохранившимися остатками стен.

Исторически сложение феодального города на территории бухарского шахристана и рабада происходило следующим образом.

Главная часть бухарского базара в начале VIII в. находилась в пригороде — рабаде, сейчас же на юг от «ворот Аттаран», или «ворот базара». Наршахи говорит, что при халифе ал-Мансуре (754—775) на одном из участков базара имелась тысяча лавок (цифра, конечно, преувеличена). Наршахи, со ссылкой на Абу-л-Хасана, пишет, что в домусульманское время базар доходил даже до места, где в его время находилась мечеть Моха, т. е. до места, где теперь находятся развалины мечети Магоки-аттаран, недалеко от купола Саррафан. В IX в. рабад постепенно становился центром, где бился пульс городской жизни, расширяясь во все стороны, за исключением севера.

Развитие базарной жизни с ее ремесленно-торговыми рядами и кварталами шло в южном, югозападном и юговосточном направлениях от шахристана. На запад от шахристана или, точнее, на запад от арка, на площади, которая в период саманидов (а повидимому, и раньше) называлась Риги-станом, находились царские дворцы. В первые же годы арабского завоевания каш-кушаны — купцы-зороастрийцы — выселились

из шахристана, а также из прилежащих к нему мест и построили себе 700 замков в северозападном направлении от шахристана и арка, заняв довольно большую площадь, которая впоследствии была охвачена городской стеной.

Наршахи, описывая борьбу Шарика в 750/51 гг., говорит, что в кёшках мугов было больше жителей, чем в самом шахристане. Память об этом большом городском участке, принадлежавшем зороастрийцам, сохранилась в названии ворот — «сиккат мугон», находившихся внутри первой, наиболее древней стены рабада.

К середине VIII в. Бухара настолько разрослась, что понадобилась новая стена, которая охватила шахристан, к тому времени ставший уже внутренним городом, и его рабады. Прямых указаний о времени постройки первой стены рабада в источниках не имеется. Однако некоторые топографические детали из истории борьбы Зияда ибн-Салиха с Шариком в 750 г. указывают, что стены рабада в это время уже существовали. Так например, Наршахи говорит, что Зияд ибн-Салих, после разгрома войска Шарика, подошел к Бухаре со стороны ворот Мох, которых, как известно, в числе ворот шахристана не существует, но зато о них, как о наиболее старых воротах внутри рабада, упоминают ал-Истахри и ал-Макдиси. В. В. Бартольд сделал весьма удачную попытку определить состоящую из этих 11 ворот южную границу рабада относительно канала Руд-и Зер, проходящего через весь город с востока на запад, на юг от шахристана.

Вернемся, однако, к вопросу о распределении отдельных классов бухарского общества по различным его районам.

На запад от арка, еще с домусульманского времени, высились дворцы; на Ригистане, например, был дворец бухар-худата, а в югозападной части находился дворец Абу-Хашима ал-Кинани. Все вышесказанное о западной части Бухары позволяет заключить, что почти вся она, особенно ее центр и северная половина, представляла собою район, где находились богатые аристократические кварталы Бухары, хозяевами которых были чиновные и нечиновные землевладельцы-феодалы.

Положение это требует, однако, некоторых оговорок. Так, в северозападной части находился базар Харкан, расположенный, согласно Наршахи, между «улицей мугов» и «улицей дехканов». Одним из важных пунктов города, существовавшим еще до тахиридов, т. е. до 20—30 гг. IX в., нужно отметить также и большую ткацкую мастерскую (каргах—или, как она названа у Наршахи, бейт-ат-тираз), находившуюся между шахристаном и кухендизом. Эта мастерская выделяла замечательные ткани, известные в халифате далеко за пределами Мавераннахра.

При аббасидах тканями, вырабатываемыми в этой мастерской, по словам Наршахи, уплачивали подать Бухары. Наршахи, к сожалению, не указывает, кому она принадлежала, и не упоминает, как был организован в ней труд. Если судить о ней по известным нам мастерским в Иране, то можно думать, что бухарская «каргах» принадлежала бухар-худатам или наместникам халифа, именем которого они здесь управляли. В данном случае таковыми были тахириды.

Завоеватели, частично заселив Бухару арабами, устроили в ней областной центр арабской власти. Первоначально местопребывание бухарского эмира было в кухендизе, повидимому, во дворце бухар-худатов. Вскоре бухар-худаты, согласно Наршахи, перешли в шахристан, где

и жили в хорошо укрепленном кахе дехкана Хына. Впоследствии это место было ими покинуто, и они вновь и надолго переехали в кухендиз.

В кухендизе Кутейбой была построена первая мечеть. Для этого была приспособлена бутхана (храм идолов). Уже при халифе ал-Мансуре в 770 г. мечеть была перенесена на участок между кухендизом и шахристаном. Что же касается бутханы — мечети, то здание это, пришедшее уже в ветхость, было приспособлено под диван ал-харадж (налоговое управление). Кроме этой мечети, была устроена мечеть и в шахристане, для чего использована была упомянутая выше христианская церковь. Мечеть эта носила имя Бану-ханзаль и, повидимому, обслуживала потребности живших здесь арабов, в первую очередь, из племени бану-ханзаль. В северной части Бухары сосредоточивались места, связанные с мусульманскими святынями. Недалеко от ворот «Нур» в шахристане, расположенных в северозападной части города, находилось немало мечетей и обителей. Более всего была известна здесь мечеть арабского племени курейшитов.

Сказанного достаточно, чтобы наметить те перемены, которые произошли в Бухаре в течение VIII и IX вв. К середине IX в. Бухара настолько выросла, что в 849/850 гг. вокруг города, включая его рабавы, вновь была возведена стена с 11 воротами, названия которых приведены в арабской географической литературе.

Социально-политический уклад жизни шахристана и его топографический характер постепенно ломались. Медленно, но неуклонно сходил на-нет влиятельный слой богатых дехкан. Сохранив в значительной мере свои земли и другие виды недвижимости, дехканы бухарского шахристана теряли свое прежнее политическое значение. Бухара перестала быть центром маленького владения и становилась областным городским центром большого государства — халифата.

Первое время арабам еще нужны были укрепленные замки (кёшки) бухарских дехкан в шахристане, так как за их стенами можно было укрыться в случае нападения местных повстанцев. Когда же власть арабов в завоеванной стране окрепла, то исчезла сама собой и необходимость в этих укрепленных дворцах.

В источниках сохранилось очень мало названий улиц и кварталов саманидской Бухары, что заставляет нас ограничиться лишь общей топографической характеристикой и замечаниями.

Центральная часть Бухары этой эпохи была занята базарами. Для феодального средневекового города — и на Западе и на Востоке — характерна одна общая черта: базары являлись местом не только торговли, но и ремесленного производства. Базары Бухары и других городов Средней Азии и Ирана состояли из сети рядов (раста). Каждый из них представлял собой ряд, объединявший торговцев или ремесленников определенной специальности. Вне базара, в значительной части городов Средней Азии, располагались ремесленные кварталы (махалла), где сосредоточивались домашние мастерские, в которых производились те или иные ремесленные изделия. Средневековые города Средней Азии и Хорасана весьма сходны друг с другом по своей топографической структуре, по облику улиц и рынков, по типу своих построек. Каждый из них представляет собою всего лишь вариант одного и того же типа феодального поселения.

Указанное обстоятельство дает право пользоваться аналогиями, особенно в области типологической характеристики. Расположение базаров Нишапура и их структура были описаны арабскими географами X в. подробнее Бухары, Самарканды и даже Мерва. Это дает возможность

использовать богатый нишапурский материал и для городов Средней Азии. Выше отмечалось, что кухендиз в Нишапуре, так же как и в Бухаре, находился рядом с шахристаном, но вне его стены. Ал-Истахри, описывая Нишапур, говорит, что базары его находились в рабаде вне медины, т. е. шахристана, причем из базаров особо выделяет два — Большую Мураб'а и Малую Мураб'а. Рынки Нишапура также отличались большими размерами, о чем можно заключить на основании описания их границ.

Весьма ценное дополнение к словам ал-Истахри имеется у ибн-Хаукаля, который говорит, что среди рынков Нишапура имеются «ханы и караван-сарай, в которых живут торговцы с товарами (предназначенными) для продажи в них. На каждый рынок привозят то, что соответствует ему; каждый караван-сарай походит на рынок какого-нибудь другого города. В одном из этих караван-сараев (находятся) богатейшие из тех, кто (торгует) на этих больших рынках. А у небогатых — в других (местах) рынок и караван-сарай, там находят себе приют владельцы мастерских (располагаясь) по своим ремеслам в лавках, населенных ремесленниками, и в мастерских, переполненных работниками. Так, у выделяющих калансувы (колпаки) среди их рынка (имеется) караван-сарай с многочисленными лавками, а также у сапожников, починяющих обувь, веревочников и других работников и ремесленников. Что же касается до караван-сараев и складов торговцев материями и торговли их, то большая часть городов имеет в них долю и не отстает от них».

Из этого описания ибн-Хаукаля ясно, что в его время, т. е. во второй половине X в., части хорасанских и среднеазиатских городов, заключавшие в себе базары, оформились в целую сеть торговых и ремесленных рядов (раста), причем ряды богатых купцов, их фанадики, т. е. караван-сарай, стояли отдельно от базаров и фанадиков разных мелких ремесленников, которых ибн-Хаукаль причисляет к небогатым горожанам.

Нишапур в отношении четкости деления своих торговых кварталов по отдельным видам ремесла не представлял исключения.

По словам ал-Истахри, в Мерве ремесленники разных специальностей жили более обособленно, чем в других городах Хорасана. Сопоставляя эти слова ал-Истахри с приведенными выше словами ибн-Хаукаля, можно сделать вывод, что уже в X в. сложился не только социально-экономически, но и топографически, тот тип феодального города, который в Иране и Средней Азии продержался в наиболее характерных своих чертах до XIX в. Ибн-Хаукаль пишет: «Каждый караван-сарай походит на рынок какого-нибудь другого города». Это замечание человека, собственными глазами видевшего большинство крупных городов Ирана и Средней Азии, дает нам право перенести многое из описания Нишапура и на города Мавераннахра, тем более, что при саманидах в Бухаре, Самарканде и других городах Мавераннахра городская жизнь не плелась в хвосте у Хорасана, а скорее опережала ее.

В источниках часто встречаются характерные упоминания о джуйбар-кавариийн (проток стекольщиков), базаре саррафов (менял), тиме (пассаж, крытый базар), где продавались кожаные калоши, о базаре материй, книжном базаре, о котором упоминает в своей автобиографии Абу-Али ибн-Сина (Авиценна) и др. Важной частью базаров являлись ряды саррафов. В некоторых городах XI в., как отмечают современники, их было очень много. По словам Насир-и Хосроу (XI в.), в Исфахане насчитывалось 200 саррафов.

Бухара X в. была одним из самых передовых городов Среднего и Ближнего Востока, как в экономическом, так и в культурном отношении. Ее топографическое членение выступает так же четко, как в Мерве и Нишапуре.

В феодальной Бухаре при саманидах огромную часть города занимали улицы, где располагались дворцы эмира, его приближенных, военачальников, феодальной знати, правительственные учреждения и другие здания, так или иначе связанные с осуществлением феодальной власти. Такого рода постройки, как и в предшествующее время (VIII в.), находились в IX—X вв. преимущественно в западной и северозападной части города.

Небезынтересно, что именно в западной части Бухары находилась «улица дехканов». Сейчас же на запад от бухарской цитадели лежала большая площадь Ригистана. Еще в доисламское время на этой площади находились дворцы бухар-худатов. В царствование саманида Насра ибн-Ахмеда (914—943 гг.) на Ригистане был выстроен большой эмирский дворец, а рядом с ним возведены здания десяти саманидских диванов — центральных ведомств по управлению государством. Таким образом, Ригистан был центром правительственной жизни феодальной столицы, каковой являлась Бухара в X в.

К середине X в. от замков (кёшков), расположенных на северо-запад от цитадели, принадлежавших купцам каш-кушанам, осталось, по словам Наршахи, не больше двух-трех. Большая часть площади, занятой ими, давно уже вошла в черту города под именем Кёшк-имуган. Воспоминание о бывших здесь замках сохранилось также в названии «улицы мугов». При саманидах это место считалось аристократической частью города, и стоимость земли здесь, по словам Наршахи, была очень высока.

Бухарская землевладельческая знать во главе со своими эмирами строила дворцы не только в самом городе, но и за пределами его. Наршахи отмечает два таких места — Джуи Мулиан и Карак-и-Алавиан, причем особенно восхищается местностью Джуи Мулиан, лежавшей на север от цитадели и Ригистана.

Мусульманское духовенство пользовалось в феодальном городе Средней Азии огромным влиянием. Высшие слои духовенства (муфтии, казии и другие) прямо или косвенно управляли большим вакфным имуществом и владениями. В Бухаре при саманидах было немало мечетей, мавзолеев и ханак. Будучи не только столицей саманидского государства, но и крупнейшим центром мусульманского богословия, Бухара имела и соответствующие духовные школы. Наиболее раннее упоминание в источниках имеется, как это установил В. В. Бартольд, о «медресе Фарджек» в Бухаре: о нем Наршахи рассказывает под 937 г.

По словам Утби Манини, медресе в Бухаре обладало прекрасной библиотекой, в которой было много рукописей. В медресе читались лекции по вопросам мусульманского богословия. Таким образом, при саманидах в Бухаре имелось медресе уже в первой половине X в.

Наршахи приводит интересные сведения о том, как постепенно перемещалась соборная мечеть в Бухаре. На грани IX—X вв. она находилась между цитаделью и шахристаном.

В нашем распоряжении нет данных, детально освещающих процесс постепенного превращения Самарканда из дофеодального в феодальный город; можно наметить лишь самые общие линии этого развития.

Как и в других городах Средней Азии, рабады Самарканда окружали его с нескольких сторон, но более всего жизнеспособным оказал-

ся рабад с южной стороны, почему туда и переместился пульс городской жизни.

Ал-Истахри и ибн-Хаукаль приводят немало интересных фактов о Самарканде своего времени. Однако в описании топографии Самарканды, сделанном ал-Истахри и повторенном ибн-Хаукалем, не все ясно. Город Самарканд состоял, по словам вышеупомянутых арабских авторов, из «внутреннего города» (шахристана), торгово-ремесленных предместий (рабадов) и пригородных мест, в число которых входили «кусур ва басатин» (дворцы и сады).

Наиболее оживленной частью Самарканды, находившейся, согласно ал-Истахри, в центре базара, являлось место Рас-ат-так, т. е. «голова свода» (купола). Повидимому, в середине X в. это и было чорсу самаркандского базара. Ряд Рас-ат-так лежал сейчас же на юг от шахристана и занимал, по всей вероятности, площадь между мечетью Биби-ханым и южным валом Афрасиаба. Здесь, в центре базара, вблизи Рас-ат-так, тянулись ряды менял (саррафов); невдалеке находился «ряд медников»; от центра расходились и другие ряды ремесленников и купцов.

Было бы, однако, неправильным думать, что самаркандские базары находились только в рабадах, да еще в южной части города, около Кешских ворот. Судя по словам ибн-Хаукаля, рабады и рынки шли со всех сторон, рядами окружая шахристан. Находились рынки (правда, в меньшем количестве) и в самом шахристане или медине, т. е. на территории городища Афрасиаб. К таким выводам приводят и археологические наблюдения. По словам В. Л. Вяткина, на Афрасиабе «между второй и третьей стенами, на восток от главного арыка, на возвышенности расположены были дворы горшечников с печами для обжига поливной посуды».

Однако не ремесло и торговля, а другие моменты определяли характер жизни саманидского шахристана. В шахристане, по словам ал-Истахри, находилась кала, а в ней тюрьма и дом правления; оба здания были тогда еще целыми. Во время пребывания в Бухаре ибн-Хаукаль «дом правления» уже лежал в развалинах. О тюрьме ибн-Хаукаль говорит, что ее выстроили в его время. Речь идет, конечно, о перестройке здания, так как ал-Истахри видел тюрьму в цитадели раньше, чем ибн-Хаукаль. Ал-Истахри отмечает в шахристане соборную мечеть, которая, по его определению, находилась рядом с арком (цитаделью), причем от последней ее отделяла всего лишь ширина дороги.

Раскопки, произведенные В. В. Бартольд и В. Л. Вяткиным в 1904—1905 гг., показали, что здесь действительно находилась саманидская соборная мечеть и что сообщаемые арабскими географами топографические сведения заслуживают доверия. Кроме «дома правления» в шахристане, в квартале Исфизар, были еще дворцы саманидов.

Учитывая вышеприведенные факты, приходится сказать, что шахристан Самарканды в саманидское время был главным образом административным центром, а также местом расположения жилых кварталов.

При тахиридах, саманидах и особенно при караханидах и современных им сельджукидах, т. е. в IX, X, XI и XII вв., Термез переживал период своего нового подъема.

В IX—X вв. территория города значительно увеличилась за счет расширения в сторону севера и северо-востока. Именно здесь и выросли рабады Термеза. По словам В. А. Шишкина, развитие города в указанном направлении обуславливалось «течением снабжавших его водой каналов». По словам того же исследователя, «в процессе этого роста

менялись не только величина города и его положение, но и самый внешний его облик, характер застройки, бытовая обстановка жителей. Преобладающее экономическое значение переходит к новым частям города, где сосредоточиваются крупные здания, базары и ремесленно-производственные кварталы».

Наибольшего расцвета Термез достиг в XI—XII вв. Согласно данным М. Е. Массона, полученным при раскопках, проведенных в рабаде в 1938 г., вскрыт целый квартал металлистов, «занимавший почти 5 га. Здесь, на вскрытой площадке около 200 кв. м, обнаружены остатки небольших лавочек-мастерских, непосредственно связанных с жилыми помещениями домов мелких кустарей-ремесленников» (Труды ТАКЭ, т. II, стр. 7).

Подводя некоторые итоги процессу формирования феодального города в Средней Азии, приходится особо подчеркнуть ту огромную роль, которую играла в этом городе базарная жизнь, с ее разнообразным ремесленным производством и торговлей. Не случайно она заняла топографически центральное место в городе. Не случайно и то обстоятельство, что в составе упомянутых выше десяти саманидских диванов был диван мухтасиба, основные функции которого сводились к всесторонней инспекции ремесленно-производственной и торговой жизни города. К этому времени уже сложилось широко бытовавшее представление, что городом может быть только то поселение, жители которого занимаются, по крайней мере, 32 видами ремесел.

Известно, что Абу Саид Мейхенейский вел проповедь суфизма в первой половине XI в., главным образом среди ремесленников Нишапура. В его биографии, составленной Мухаммедом ибн-ал-Мунавваром, в качестве действующих лиц все время упоминаются видные ремесленники, причем в именах их заключаются указания на их профессию. Вот некоторые из них, Абу Бекр кеффал Марвези—мастер по выделке замков, Абу Бекр куттани—мастер по изготовлению льняных тканей, Абу Саид хаддад — кузнец, Абу Саид хаттаб — дровяник, Абу-л-Аббас кассаб—мясник, Абу-л-Касим заррад—ремесленник по выделке кольчуг, Абу Мансур варракани—продавец бумаги, Абу Насир саррадж—шорник, Хамза секкак Арджахи—ножовщик, Ахмед нуджар—столяр и др.

В отдельных кварталах или торговых рядах (раста), как мы уже видели, концентрировались те или иные виды ремесел. Как бы скупо ни рассказывали источники о внутренней (цеховой) организации того или иного ремесла, об отношении одного вида ремесла к другому, о положении ремесленников в среднеазиатском феодальном городе, мы все же можем составить обо всем этом некоторые, довольно точные, представления. Ремесленники в IX—X вв. были в основной массе свободными. Поэтому среди сообщений источников совершенно обособленное место занимают слова Наршахи о жителях Искиджкета — большого селения около Бухары,—занимавшихся преимущественно ткачеством на рынок,—которые ежегодно выплачивали собственнику селения Сахлю ибн-Ахмеду Дагуни 10 тысяч дирхемов, раскладывая эту сумму по количеству домов. В царствование Исмаила саманида, после долгой тяжбы с Сахлем, жители Искиджкета выкупили селение и освободились от ежегодной подати.

В ремесленном производстве той эпохи были заняты не только мужчины, но и женщины. Упоминания о женском труде встречаются в источниках довольно часто. Женщина почти монополизировала прядильное ремесло и отчасти ткачество. В «Тарих-и-Байхаки», сочинении, составленном в середине XI в. и отражающем факты и события его

первой половины, имеются указания на большую роль женщины в ремеслах. Подобные указания имеются и в биографии Абу Саида Мейхенейского, жившего в ту же эпоху. Сочинения эти — бесценный источник всяких сведений о ремесленниках того времени.

Выше не раз отмечалось, что ремесленное производство в городах IX — X вв. было сосредоточено на базарах. Ремесленники работали в отдельном помещении, именуемом в источниках «дукан». Работал и сам мастер-ремесленник — «устанд», и его ученики — «шагирды». Низам ал-Мульк в своем замечательном сочинении «Сиасет-намэ», в котором отражено много фактов X — XI вв., приводит несколько интересных сведений об этих ремесленных дуканах. Так, он рассказывает, что в дукане одного портного сидят два мальчика и всегда что-нибудь шьют. К этим мальчикам-ученикам Низам ал-Мульк применяет термин «шагирд» (например, «шагирд такого-то портного»). Сам портной именуется себя «устанд».

В другом месте Низам ал-Мульк говорит о мастерской (дукане) ремесленника-рафугара — портного-починщика платья. Сам он мастер — «устанд». Характерно, что всех остальных рафугаров города Низам ал-Мульк называет шагирдами. Повидимому, слова эти надо понимать в том смысле, что в прошлом они были его учениками, т. е. учились у него, так как едва ли они в момент описываемого действия могли зависеть от него, как зависели шагирды от своего устанда.

В биографии шейха Абу Саида Мейхенейского имеется рассказ, рисующий взаимоотношения между устандом и шагирдом и вскрывающий обязанности первого по отношению ко второму. На Востоке, как и в европейском средневековом ремесле, положение ученика было очень тяжелым. Даже в поэзии отражено «бедственное состояние юности, отданной познавать горе при обучении ремеслу».

От X в. не сохранилось прямых указаний на существование ремесленных организаций, называющихся в феодальной Европе цехами. Однако вся последующая история ремесленных цехов в средневековом Мавераннахре говорит о том, что цехи эти, как определенная форма организации ремесленников, существовали и в изучаемое нами время. В этом нас убеждают указания источников на наличие квартальных шейхов (глав кварталов) в ряде городов того времени. Ал-Макдиси, описывая Нишапур, отмечает величину его кварталов. Он вспоминает, что однажды некий Абу Али ал-Алави говорил Абу Саиду ал-Джури: «Ты шейх квартала (махалла), если бы он отделился (от Нишапура), то квартал этот стал бы нуждаться в барабане, знамени и сильном эмире» Этим Абу Али-ал-Алави хотел сказать, что отдельные кварталы Нишапура были настолько значительными, что могли бы стать самостоятельными городами. У того же ал-Макдиси упоминания о шейхах махалла встречаются еще несколько раз. Едва ли ошибочным будет предположение, что шейхи махалла являлись одновременно главами того ремесла, которым занимались жители данной махалла, и что занимавшиеся этим ремеслом были объединены в свой цех.

О степени развития ремесленной деятельности в Средней Азии уже в IX в. говорит ал-Якуби. При описании рабадов, охватывавших центральную часть города Багдада, искусственно созданного по приказу халифа ал-Мансура во второй половине VIII в., ал-Якуби указывает, что на рынках его есть «люди из Балха, Мерва, Хутталаяна, Бухары, Исфиджаба, Иштихана, люди Кабулшаха, люди Хорезма, и у каждой группы людей имеются свои казии и рейсы». Из контекста ясно, что здесь под «людьми» подразумеваются не купцы, а ремесленники.

§ 6. ЦЕНТРАЛЬНОЕ И ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРИ САМАНИДАХ В МАВЕРАННАХРЕ В IX—X вв.

С именем Исмаила саманида связана организация центрального и областного управления в саманидском государстве.

С точки зрения аббасидов, такого государства не существовало, и правителя его они рассматривали лишь как своего наместника. Фактически же саманидское государство было для своего времени крупнейшим на Востоке, превышавшим по своей территории и богатству тогдашний халифат.

Саманиды именовали себя всегда эмирами, никогда не претендуя на титул «эмира правоверных», который носили халифы. Однако некоторые восточные авторы, как например Ауфи, титулуют так представителей династии саманидов, в том числе и Исмаила саманида.

Во времена аббасидов, в период царствования халифов: ал-Мансура (754—775 гг.), ал-Махди (775—785 гг.), Харун ар-Рашида (786—809 гг.), ал-Мамуна (813—833 гг.),—в халифате сложилась более или менее стройная система центральных ведомств (диванов) по управлению государством. Система эта, оформившаяся не без влияния персидских традиций сасанидской эпохи, имела немало недочетов, но в условиях мало-развитых феодальных отношений вполне удовлетворяла потребностям государственного управления обширными территориями халифата.

Проводя свои реформы, стремясь к установлению твердой центральной власти, Исмаил саманид построил государственный аппарат в духе упомянутой выше системы центральных диванов, внеся в нее некоторое упрощение и усовершенствования.

По словам В. В. Бартольда, «через всю систему восточно-мусульманской политической организации красной нитью проходит деление всех органов управления на две большие категории: на дергах (дворец) и диван (канцелярию)».

В условиях феодального общества деление это, однако, носило во многом формальный характер, так как должностные лица дергаха вмешивались во многие стороны политической жизни.

Большую роль в жизни саманидского правителя, дергаха и государства играла гвардия из тюркских гулямов. Хотя Туркестан и Мавераннахр были давними и постоянными поставщиками тюркской, вышколенной в военном отношении, молодежи, однако только саманиды привлекли ее впервые ко двору в качестве личной гвардии в восточных областях халифата.

Низам ал-Мульк в своем замечательном сочинении «Сиасет-намэ»—«Книге об управлении»—подробно рассказывает о дворцовой гвардии саманидов. Купленный на рынке гулям (отрок), по большей части из гузов (туркмен), попадая в гвардейский отряд при саманидском дворе, проходил первый год службы пешим, не имея права, под страхом наказания, даже сесть на лошадь. Носил он в то время простое платье из хлопчатобумажной ткани зандани. На второй год гулям получал лошадь с простой сбруей; на третий—на нем в качестве отличительного признака его состояния уже появлялся пояс-карачур, на пятый год гулям получал лучшую одежду и уздечку со звездами, а на седьмой—в случае, если за ним не было никаких проступков,—чин висак-баши, т. е. «начальника палатки», команда которой состояла вместе с ним из четырех человек. В качестве знака своего чина гулям носил высокую черную войлочную шапку, шитую серебром, и дорогую гянджийскую обувь.

Наиболее способные и заслуженные из гулямов могли достигнуть должности хайль-баши—начальника конного отряда, а затем и хаджиба.

В халифате термином «хаджиб» обозначали важный придворный чин, нечто вроде камергера. Повидимому, впоследствии этот чин стали давать и начальникам из тюркской гвардии, поскольку последние несли в самом дворце, кроме функций охраны, еще и обязанности хаджибов. При саманидах и вслед за ними при газневидах, караханидах и сельджукидах термин «хаджиб» прочно установился за придворным «военачальником» над тюркскими гулямами. Главный среди хаджибов носил арабский титул «хаджиб ал худжаб» (хаджиб хаджибов) или персидский — «хаджиб-и-бузург» (великий хаджиб). Это был один из самых высших придворных чинов саманидского государства.

Нечего и говорить, какое огромное влияние при дворе имели хаджибы, особенно хаджиб-и-бузург. Начав свою карьеру с низов, такой тюркский гулям в какой-то момент своей военной карьеры переходил на положение вольноотпущенного и становился в ряды привилегированных подданных.

Высшую политическую власть осуществлял сахиб харас или эмири-харас, который был исполнителем всех приговоров саманидского эмира. Функции этого должностного придворного лица выходили далеко за пределы двора. В распоряжении сахиб хараса, согласно Низам ал-Мулька, должно было быть 50 чубдаров (ликторов)—20 с золотыми палицами, 20—с серебряными и 10—с деревянными.

Как и при дворах других феодальных государств Востока, а также и Запада, у саманидов были стольники, кравчие, конюшие и др.

Очень важным и влиятельным лицом при дворе был векиль — заведующий всем хозяйством дергаха.

Центральное управление состояло из 10 диванов. Наршахи приводит нам их названия при описании площади Ригистана, вокруг которой при Насре II (914—943 гг.) для них специально было выстроено десять зданий.

Главным из диванов был диван везира или ходжа-и-бузурга. Он возглавлял все центральное управление государством, и ему были подчинены начальники остальных диванов. В условиях феодального общества при саманидах право занимать должность везира фактически закрепились за тремя домами-династиями: Джейхани, Белами и Утби. По установившейся практике, в случае отстранения везира, его преемник приглашался из другой фамилии.

Видное место в системе центрального управления занимал диван мустауфи — высшего финансового чиновника, ведавшего доходами и расходами государства. В аббасидском халифате этому дивану соответствовал диван хараджа. В распоряжении мустауфи, или, как его иначе именовали, хазинедара, состоял штат особых счетчиков, которые приводили в систему и ясность доходы и расходы государства.

Большим влиянием пользовался диван ар-расаил или диван инша, называемый также диван амид-ал-мульк. Это было специальное центральное ведомство по составлению официальных документов. Через него проходили все важные государственные бумаги. Кроме того, диван ведал и дипломатическими сношениями с другими государствами. Не только при саманидах, но впоследствии и при газневидах, диван-ар-расаил играл весьма существенную роль в политической жизни. В аббасидском халифате имелся аналогичный диван, носивший такое же наименование.

Немалое значение в системе управления, повидимому, имел диван шурат, возглавляемый сахиб шуратом. Это было ведомство по управлению саманидской гвардией. При скудости имеющихся у нас письменных известий затруднительно выяснить его отношение к хаджиб-и-бузургу, который, ведая дергахом, состоял при дворе и в какой-то мере являлся главой всей тюркской гвардии. Помощник сахиб шурата по хозяйственной части—ариз—производил выплату саманидскому войску жалования, которое выдавалось четыре раза в год, через каждые три месяца. Однако ариз не только ведал войсковой казной, но и следил за состоянием войсковой дисциплины, снаряжением, провиантом и фуражом. При аризе работала специальная канцелярия—диван-и-арз. Ее значение особенно возросло при газневидах.

Диван берид—почта—при саманидах обслуживала, как и в аббасидском халифате, правительственные и государственные нужды. В распоряжении сахиб бериды, т. е. главы почтового ведомства, в отдельных городах находились местные почтовые чиновники с целым штатом гонцов и большим количеством почтовых лошадей. Почтовые чиновники на местах не подчинялись местным властям—хакимам, а целиком зависели от своего центрального ведомства. В число обязанностей чиновников бериды входила не только быстрая доставка правительственных сообщений и известий, но и отправка их личных секретных донесений о поведении того или иного представителя местной власти.

На жизнь городов при саманидах особенно существенное влияние оказывал диван мухтасиба. В обязанности его входило, прежде всего, наблюдение за весами и гирями торговцев. Кроме того, мухтасиб и его помощники должны были наблюдать за точным выполнением норм продукции, выпускаемой городскими ремесленниками. Мухтасиб имел право протестовать против выпуска товаров пониженного качества, мог также запретить продавать по повышенной цене мясо, хлеб и другие продукты первой необходимости.

В дальнейшем установилась практика, согласно которой мухтасибы получили право следить и за общественной нравственностью горожан, наблюдать, чтобы они посещали мечети, не пили вина и т. д.

Должность мухтасиба была широко распространена на мусульманском феодальном Востоке; они имелись в каждом, даже небольшом, городе. Мухтасибы с одними и теми же функциями мы встречаем одинаково и на отдаленном западе мусульманского мира—в Севилье и Малаге, и на отдаленном востоке халифата—в Самарканде и Бинкете, т. е. в Ташкенте.

По словам Низам ал-Мулька, правители тщательно подбирали кандидатов для замещения должности мухтасиба. Считалось, что они должны были быть беспристрастными и справедливыми людьми. Правитель назначал на эту должность большей частью кого-нибудь из своих приближенных и доверенных тюрок. Арабский историк и географ XII в. ас-Самани приводит, однако, данные, согласно которым в IV в. хид. (X в. н. э.), т. е. при саманидах, мухтасибами состояли и люди науки.

Общий контроль и, главным образом, контроль над расходованием казны в саманидском государстве осуществлял диван мушрифов, т. е. наблюдателей. Ввиду того, что в условиях феодального общества трудно было отделить казну государя от казны государства, причем больше всего поглощал денег и других средств дергах,—наблюдение мушрифов касалось главным образом расходования сумм, идущих на содержание двора правителя.

Меньшее значение имели: диван ад-дия, т. е. диван государевых поместий, диван казия, возглавляемый главным казием, и диван вакфов, т. е. дарственных и других имуществ мусульманских учреждений.

Система центральных диванов находилась в тесной связи с местным управлением. В областных центрах, которые в арабской географической литературе носят название касаб, имелись если не все, то во всяком случае большинство из перечисленных диванов. Областные диваны подчинялись, с одной стороны, местному хакиму, иногда именуемому везиром, а с другой—центральному диванам соответствующих ведомств.

Наряду с хакимом, который иногда назывался староиранским термином кедхуда¹, управлением городом ведал раис. Впоследствии, например в XVIII в., этим термином обозначали мухтасибов; при саманидах же раис был главой города, назначаемым непосредственно самим правителем, но из среды местной знати или, чаще, местного высшего мусульманского духовенства.

Мусульманское духовенство пользовалось в X в. в саманидском государстве особенно большим влиянием. В Средней Азии был широко распространен ханифитский толк, один из двух наиболее ортодоксальных в мусульманском мире. Только в Хорезме при саманидах, и даже позже, значительное распространение получило мутазилитское направление²—культурное наследие лучших времен аббасидского халифата первой половины IX в. В Бухаре и Самарканде, однако, мутазилиты имели очень мало сторонников и влияния на политическую жизнь не оказывали.

Глубокий след в Бухаре оставило более радикальное учение—карматское, одно время имевшее последователей даже в правительственных и придворных кругах. В общем же, в религиозной жизни при саманидах господствовали ханифиты, занимавшие все высшие духовные должности. Главой местного духовенства при саманидах в Бухаре являлось лицо, носившее титул «устад» (учитель); впоследствии это наименование было вытеснено другим—«шейх ал-ислам». Ас-Самани приводит имя одного из устатов, занимавшего эту должность еще при Исмаиле саманиде.

Второй по значению после устада (шейх ал-ислама) в среде высшего мусульманского духовенства была должность хатиба—официального лица, имевшего право произносить хутбу (проповедь) во время пятничной молитвы в соборной мечети. Первоначально обязанности хатиба выполняли в мечетях сами правители; но вследствие того, что свои проповеди они должны были произносить на арабском языке, а саманиды обычно его не знали, пришлось установить для этого особую должность.

Поступить на службу в какой-нибудь диван,—и особенно сделаться ответственным чиновником, было нелегко. Требовались не только принадлежность к среде дехкан или духовенства, не только связи, но и определенные знания. В X в. в больших городах имелось довольно много людей, которых современники называли «ахл-ал-калам», т. е. люди пера. Они обычно не только владели арабским, таджикским и персид-

¹ В ту эпоху термин «кедхуда» имел несколько узких значений: он употреблялся и в значении «хорошего хозяина», каковым должен был быть хаким в своей области.

² Это рационалистическое направление в исламе стремилось связать философию с мусульманским богословием и хотело рационалистически осмыслить то, что ортодоксальные толки требовали принять на веру, без всякого объяснения.

ским языками, хорошо знали коран, основные нормы шарииата, но были начитаны в литературе и даже имели кое-какие сведения в разных науках. Только с такой подготовкой и обязательно из среды людей «благородного» происхождения вербовались чиновники на разные должности в правительственных диванах и других учреждениях. Это была своеобразная феодально-чиновничья культура, которая на Переднем и Среднеазиатском Востоке имела давние традиции, более всего обогащенные опытом сасанидского государства.

При аббасидах эти традиции развились и окрепли, а при дворе и в диванах саманидов достигли своего высшего расцвета. В таджикском языке того времени широко распространен был термин «дабир», который в широком понимании этого слова обозначал личного секретаря, а в узком (в XI в.)—финансового чиновника. Из числа дабиров, понимая это слово в его широком значении, и набирались высшие кадры саманидского чиновничества.

В книге «Чахар-Макала», написанной на таджикском языке в XII в. ал-Арузи ас-Самарканди, имеются главы о дабирах. По его словам, профессия дабира основывается, прежде всего, на умении обращаться с людьми. Дабир должен в совершенстве владеть искусством похвалы, осуждения, дипломатии и даже тонкой провокации. Во всякой обстановке он должен быстро найти наилучший способ выразить нужное в письменном виде.

Дабиром может быть только человек глубокого ума и острого суждения. Дабир должен быть хорошо образован, обладать познаниями в литературе, ориентироваться, хотя бы немного, в разных науках и не только прекрасно знать выдающихся и авторитетных людей своего времени, но также их сильные и слабые стороны.

Более всего дабир должен заботиться о чести своего господина, которым мог быть начальник центрального или местного дивана, правитель какого-нибудь вилайета или просто знатный дехкан, живущий в своем замке. Главная обязанность дабира—вести переписку своего господина. Первым правилом при составлении бумаги или письма считалось знание всех обстоятельств жизни адресата и состояние его дел. Как в самом обращении, так и в стиле бумаги должны были быть отражены генеалогия, богатство, авторитет, военная сила и другие моменты жизни адресата.

Дабир должен был всегда сохранять вежливость и сдержанность, даже в том случае, когда отношения между его господином и адресатом были враждебными. Переходить границы вежливости разрешалось лишь в крайнем случае, когда сам адресат допустил недозволенное, так как более всего виноват тот, кто начинает ссору; однако в случае высокомерия со стороны адресата, ответное высокомерие—есть только добро. Дабир должен писать кратко и выразительно, ибо «если мысли подчинены словам, то речь длинна и пуста, а дабир—просто болтун».

Дабир, кроме того, должен был хорошо знать «арабские поговорки и мудрые изречения иранцев», а также уметь читать «писателей древности».

Свое слово о дабирах ал-Арузи ас-Самарканди заканчивает приведением длинного списка специальной литературы, которую должен знать каждый хороший дабир. Эта литература состояла главным образом из сборников, содержащих лучшие образцы такой переписки. В этот список также входили и поэтические произведения Рудеки, Фердоуси, Унсури.

Ал-Арузи ас-Самарканди приводит также несколько рассказов, ярко рисующих образ талантливых дабиров.

Саманидское чиновничество, как и чиновничество аббасидского государства, отличаясь знанием канцелярского дела, обладало и характерными пороками — взяточничеством и незаконными поборами в личную пользу, которые тяжело отражались на положении народа.

Громадную роль в жизни саманидского государства играло войско. О структуре и значении тюркской гвардии нам уже приходилось говорить. Основной задачей тюркских гулямов была охрана власти правителя и его дома внутри самого феодального государства. Однако гвардии приходилось участвовать и в военных действиях против внешних врагов.

Наряду с гвардией, существовал другой род войск. По словам ибн-Хаукаля, это войско составлялось «из свободных дехкан (из тех), кто знает свой дом (дар), свое место, свою семью и своих соседей». Из этих слов ясно, что речь идет об ополчении, которое приводили с собой местные владельцы, сохранившиеся еще во многих областях Мавераннахра. Ибн-Хаукаль подчеркивает боевые качества этого ополчения, так как оно, по его мнению, состояло не из черни (салики) и не из случайных людей.

Во время несения военной службы, пишет ибн-Хаукаль, ополчение получало хорошее довольствие и видело много заботы о себе со стороны правительства. Ополчение созывалось в случае грозившей стране военной опасности или предпринимаемого похода, причем, как говорит ибн-Хаукаль, кроме получаемого ополченцами правительственного снабжения, они содержались в какой-то мере и на свои собственные средства. Ал-Макдиси, описывая большую полунезависимую область саманидского государства — Чаганиан, говорит, что «она поставляла около 10 тысяч воинов на своем содержании и на своих лошадях». По-видимому, все зависело от конкретной обстановки: в одних областях доля местного снабжения была больше, в других — меньше. В походе же, надо думать, снабжение шло главным образом за счет государства.

Такова в кратких чертах система центрального и областного управления в Мавераннахре при саманидах. Нельзя забывать, что централизация власти происходила в обстановке феодального общества и государства, в состав которого входил ряд полунезависимых владений. Ал-Макдиси пишет: «В том климате (т. е. в той стране) все подчинены дому саманидов и платят (ему) харадж, за исключением эмира Седжестана (Сеистана), Хорезма, Гардж аш-Шара (Гарчистана), Джузджана, Реста (Решта), Газны и Хутталяна». Если к этому прибавить, что хараджа не платили также владельцы Чаганиана и Исфиджаба, то получится большая группа областей, числившихся в составе саманидского государства, но фактически в весьма малой степени зависимых от его правительства. Это обстоятельство очень подрывало авторитет центральной власти и часто осложняло положение и в других городах и областях. Разные местные владельцы хотели видеть себя полными хозяевами своей земли. Центробежные тенденции в конце концов оказались настолько значительными, что подорвали, как мы увидим ниже, политическую мощь саманидского государства. Это произошло как раз в тот период, когда военачальники тюркской гвардии, сами ставшие к середине X в. крупными земельными собственниками, перестали быть надежной опорой саманидской династии и начали принимать активное участие в мятежах, направленных против нее.

§ 7. КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ В МАВЕРАННАХРЕ В IX—X вв.

(Общий обзор)

С правлением саманидов связан большой подъем культурной жизни в Хорасане и в Мавераннахре, когда Мерв, Бухара, Самарканд, Ургенч все более приобретали славу культурнейших центров своего времени.

Выше мы видели, что арабское завоевание и насильственная исламизация Средней Азии привели к победе совершенно чуждого местному населению арабского языка в мусульманском богословии, в официально-чиновничьем мире и в среде персидской, согдийской и хорезмийской аристократии. В аббасидское время в городах почти все население вынуждено было считать себя мусульманами¹. Арабский язык применялся не только в проповеди и в молитве,—на нем написана была вся богословская и юридическая литература (фикх), поскольку последняя была неразрывно связана с богословием. В канцеляриях безраздельно господствовал арабский язык. На нем писались все бумаги, и человек, не знавший арабского языка, не мог стать чиновником. Характернее же всего то, что даже местная аристократия, когда-то так сопротивлявшаяся арабам, самым ходом жизни вынуждена была, ради получения и сохранения привилегированного положения, знать арабский язык не хуже своего родного языка.

Арабский язык, по настоянию завоевателей-арабов, применялся во всех областях культурной жизни и научной работы; на нем писались все научные труды.

Это положение изменилось после отпадения восточных областей халифата от Багдада и аббасидов, с приходом к власти сначала тахиридов, а потом саманидов. Если в IX и в начале X вв. ираноязычное население Мавераннахра не писало на своем родном языке, то уже в середине X в. положение меняется, и таджикский литературный язык, дошедший в малоизмененном виде и до нашего времени, начинает все больше завоевывать права гражданства в литературе, особенно в поэзии.

Характерно, что местная аристократия не сразу овладела своим родным литературным языком, но, отрываясь от арабофильства и даже становясь в оппозицию ко всему арабскому, все же продолжала пользоваться арабским языком. Вспомним хотя бы шуубитские настроения персидских и таджикских образованных кругов в конце VIII и IX вв. и строки из стихотворения Абу Саида ар-Рустеми (в переводе Е. Э. Бертельса):

«Если спросят о моем роде, то
ведь ясно — от Рустема,
Но песнь моя от Лу'эй ибн-Галиба.
Я тот, кого знают явно и тайно,
Как перса, подвергшегося арабизации».

Таджикский² язык начал активно отвоевывать себе позиции в литературе, как выше было отмечено, только в X в. Ал-Истахри, составивший в 30-х годах X в. свое географическое сочинение, упоминает, что

¹ В городах Мавераннахра имелись и представители других религий—общины христиан, манихеев и зороастрийцев, однако они составляли незначительное меньшинство населения.

² До сих пор местный литературный язык, сложившийся в X в. при саманидах, назывался ново-персидским или таджикско-персидским языком, что не соответствует действительности.

в Бухаре, наряду с согдийским языком, был еще язык «дари», под которым и нужно понимать литературный язык саманидского времени.

Ат-Табари отмечает, что еще в первой половине VIII в. во владениях Балха, а также Хутталаяна, таджикским языком¹ пользовались в качестве литературного. Ат-Табари рассказывает, что, когда известный арабский наместник Асад ибн-Абдаллах² был разбит во время своего похода в Хутталаян, местная, повидимому балхская, молодежь сочинила насмешливое четверостишие, посвященное бежавшему полководцу. Четверостишие это, включенное в текст ат-Табари, написано на языке «дари». Этот же язык «дари» был распространен в Хорасане и других областях Ирана. Таджикский литературный язык перенял свой алфавит от арабской письменности, порвав с почти изжитой к этому времени согдийской и пехлевийской письменностью.

Многие представители саманидской династии покровительствовали литературе, поэзии, наукам, изобразительным искусствам и архитектуре.

Наиболее оживленным в культурном отношении городом при саманидах была Бухара. Благодаря тому, что здесь находились двор и центральное управление государством в городе жило значительное число людей умственного труда. Абу Али ибн-Сина (Авиценна), детство и юность которого прошли в Бухаре, говорит, что в Бухаре был прекрасный книжный базар. Сам ибн-Сина именно здесь, в одной из книжных лавок, нашел нужное ему сочинение ал-Фараби, без которого он не имел бы представления об учении Аристотеля. Продавцы рукописных книг и сами иногда были культурными людьми. В их книжных лавках можно было встретиться с поэтом, философом, врачом, математиком, астрономом, историком и провести с ними время в приятной беседе.

Славилась саманидская Бухара и своей библиотекой, находившейся в эмирском дворце. Ибн-Сина имел возможность работать в этой библиотеке, получив на то разрешение от эмира Нуха ибн-Мансура (976—997 гг.). В своей автобиографии ибн-Сина дает ее краткое описание. Библиотека занимала ряд комнат. В каждой комнате хранились рукописные книги по какой-нибудь специальной отрасли: в одной комнате — по мусульманскому праву, в другой — произведения поэтов и т. д. Хранились рукописные книги в сундуках. Бухарская библиотека имела в то время в Передней Азии только одну соперницу — библиотеку во дворце буидского правителя Адуд ад-Даула (949—983 гг.), в Ширазе, описанную арабским географом ал-Макдиси.

Шirazская библиотека размещалась в худжрах (комнатах), расположенных вдоль большой библиотечной залы. Как и в Бухаре, рукописные книги здесь группировались по отраслям, каждой из которых отведено было специальное хранилище. Преимущество Shirazской библиотеки состояло в том, что книги хранились здесь на специальных полках, а не в сундуках, как в Бухаре.

Одно только перечисление имен писателей и ученых, так или иначе связанных с Бухарой, может выявить культурное лицо саманидской столицы. Здесь слагали чудесные стихи таджики Рудеки и Дакики. Здесь, несомненно, бывал Фердоуси, завершивший в конце своей жизни замечательное творение — Шах-намэ. В Бухаре, как уже сказано выше, провел свои молодые годы знаменитый естествоиспытатель, ме-

¹ Ат-табари, конечно, не применяет термина «таджикский».

² Асад ибн-Абдаллах дважды был наместником Хорасана, первый раз в 723—727 гг., второй в 735—738 гг.

дик, философ и поэт Абу Али ибн-Сина (Авиценна). Здесь, при эмире Мансуре ибн-Нухе (961—976 гг.), высококультурный везир Балами сделал сокращенный перевод на таджикский язык труда ат-Табари. Наряду с этими крупнейшими личностями, в Бухаре имелось много и других культурных и образованных людей—писателей, ученых, которые, хотя и не создали ничего особенно выдающегося, однако все вместе составляли культурную среду, которая содействовала распространению просвещения.

§ 8. ЛИТЕРАТУРА В БУХАРЕ В X в.

Перейдем теперь к рассмотрению каждой области культурной жизни в отдельности.

Особенного расцвета при саманидах достигла поэзия.

Придворная поэзия на таджикском языке, развивавшаяся в Бухаре при саманидах, в основном выросла из народной литературной традиции и фольклора. Наряду с фольклором и традиционной местной литературой широко развивалась такая форма поэтического произведения как касыда — хвалебная ода в честь своего покровителя. Это была как бы оплата за получаемое от ~~них~~ поэтом постоянное содержание или просто поддержку.

Сущность придворной касыды в основном сводилась к идеализации восплаемого лица. Эмир в изображении касыды — необыкновенный человек, наделенный высшими качествами — храбростью, мудростью, добротой и т. д. Сияние замечательных качеств восплаемого лица падает и на окружающих его.

Гением литературного жанра касыды в саманидскую эпоху был гаджик Рудеки, слепой бухарский поэт. По одним данным, имя свое он получил от селения Рудек, находившегося в области горного. Зарафшана¹. По другим данным, имя Рудеки связано с музыкальным инструментом «руд» (уменьшенная форма «рудек»), которым в совершенстве владел слепой поэт.

Рудеки происходил, повидимому, из бедной семьи. Рано научился он играть на руде и петь. Его слава дошла до Бухары, и саманидский эмир Наср ибн-Ахмед (914—943 гг.) пригласил его к себе в число придворных музыкантов и поэтов. «Если кого следует поставить в мире за поэтический талант во главе поэтов, то это Рудеки,— писал поэт XI в. Устад-и-Рашиди. Я сосчитал число его стихов, и их оказалось свыше миллиона трехсот тысяч».

До нашего времени из всего поэтического богатства Рудеки дошло лишь небольшое число мелких фрагментов. Однако даже и эти крупинки дают полное представление о разнообразии и силе его таланта.

Одним из замечательных произведений Рудеки, дошедших до нас, является касыда, посвященная Бухаре. О создании ее рассказывают следующее.

Однажды Наср ибн-Ахмед проводил время в Мерве. Придворным надоело жить в чужом городе, их тянуло домой,— а эмир не собирался возвращаться. Тогда придворные надумали поэта написать касыду в честь Бухары, дабы вызвать у эмира желание скорей возвратиться в столицу. Приводим фрагмент касыды в переводе Г. В. Птицина:

¹ Самани говорит, что могила Рудеки была в селении Пяндж Рудек, в районе Самарканда. В верхнем течении р. Кштут до сих пор существует селение Пяндж Рудек, которое местные таджики считают родиной великого поэта.

«Запах Джуи-Мулиан идёт ко мне,
Помню друга наяву я и во сне,
Как по шелковой пройду я пелене,
Ширь Джейхуна не страшна, могучий конь
Пронесет меня по всякой глубине.
Будь веселой и счастливой, Бухара,
И на небе подобает быть луне,
Сад цветущий — Бухара, и тополь — шах,
Расцветает в том саду он по весне,
Пользу слава и хвала тебе несут,
Если даже и ущерб идет казне».

Наср ибн-Ахмед, услышав это стихотворение, будто бы так загорелся желанием вернуться в столицу, что потребовал коня и поскакал, в чем был, в Бухару.

Рудеки писал не только касыды. Среди дошедших до нас фрагментов имеются шедевры, говорящие об исключительной силе чувства, глубокой правде жизни, которыми были проникнуты произведения поэта. Особенно любил он воспевать радость жизни, но откликался и на темы горя и страдания.

Характерной чертой творчества Рудеки было совершенство его языка, который он стремился очистить от всяких элементов арабизма. Рудеки принято называть отцом таджикской поэзии.

Талантливым учеником Рудеки был Шахид Балхи, умерший раньше своего великого учителя. Жизнь его сложилась далеко не так благоприятно, как у Рудеки. При дворе он не смог закрепить своего положения, отчего в материальном отношении оно было далеко не блестящим. И не случайно в некоторых лирических его произведениях слышатся жалобы поэта на свое тяжелое положение. Несколько таких стихотворений-жалоб представляют собою весьма ценные документы эпохи, характеризующие положение весьма незаурядного поэта того времени. Приводим два отрывка в переводе Е. Э. Бертельса. Первый из них гласит:

«Ученость и богатство—нарцис и роза—вместе никогда они не распускаются. У кого есть ученость—нет богатства, у кого есть богатство—учености мало».

Во втором отрывке поэт говорит:

«О знание, как мне отказаться от тебя? Ты лишено цены, и вся цена от тебя. Пусть не будет у меня сокровищ без тебя, пусть лучше такая же жалкая жизнь, но с тобой.

Для образованного человека достаточная свита — его образованность, а неуч со свитой в тысячу человек — одинок».

Среди замечательных, несомненно, гениальных поэтов, писавших на таджикском языке, был Дакики. Если Рудеки и другие поэты в своем творчестве отчасти еще зависели от традиций арабоязычной придворной поэзии, достигшей высшего расцвета при дворе аббасидских халифов, то Дакики начал собой поэтическое направление, опиравшееся, в основном, на народные предания, на фольклор, оформленный народными сказителями в виде поэтического рассказа. Гениальный Дакики, писавший в конце X в., в царствование Нуха ибн-Мансура (976—997 гг.), положил начало составлению Шах-намэ (Книги царей), где должна была найти отражение эпическая история Ирана и Средней Азии до

арабского завоевания. К несчастью, Дакики умер слишком рано, и ему не удалось даже развернуть, как следует, своей работы. Но дело Дакики не умерло, и то, что не удалось сделать ему, завершил великий Фердоуси в начале XI в., уже в царствование Махмуда Газневи (998—1030 гг.).

Мировоззрение Фердоуси целиком сложилось на культурных традициях саманидской эпохи. Абу-л-Касим Фердоуси родился в 934 г. К написанию своей поэмы он приступил, когда ему было 37 лет, а закончил он ее уже в глубокой старости, 71 года от роду. Шах-намэ представляет собой поэтически изложенную, героизированную историю Ирана и Средней Азии от глубокой древности и до завоевания арабами сасанидского государства в VII в. Работая над Шах-намэ, Фердоуси использовал не только официальные хроники, составленные еще в сасанидское время, не только исторические повествования, но, в первую очередь, богатейший фольклорный материал, хранящийся в памяти народа, к которому постоянно возвращалась его творческая фантазия. Одной из замечательных особенностей великого творения Фердоуси является почти полная свобода его от элементов арабизма.

Перед историком культуры и, в частности, литературы невольно встает вопрос,—каково же было фактическое положение саманидского поэта в обстановке феодального двора, где он только и мог найти средства к существованию? Ответить на этот вопрос поможет биография известного таджикского поэта Фаррухи, прошедшего часть своей жизни в Чаганиане (Саганиане), в долине реки Сурхан-дарья, на территории современного Узбекистана. Хотя Фаррухи жил в конце X—первой половине XI вв., некоторые стороны его биографии, отражающие, в первую очередь, порядки и нравы эпохи, могут быть отнесены и ко времени поздних саманидов, поскольку за два-три десятилетия обстановка еще не успела сильно измениться. Среднеазиатский историк XII в. ал-Арузи ас-Самарканди вскрывает в своей ценнейшей книге «Чахар-Макала», при изложении биографии Фаррухи, как раз такие моменты, которые прекрасно иллюстрируют положение придворного поэта того времени. Приводим вкратце этот замечательный рассказ.

Фаррухи был родом из Сеистана, отец его, Чулуг, состоял гулямом эмира Халафа. Природа наделила Фаррухи даром слагать чудесные стихи и прекрасно играть на арфе (чанге). Находился он на службе у одного сеистанского дехкана, ежегодно выдававшего ему на содержание 200 мер зерна (каждая из них содержала пять манов) и 100 нухийских дирхемов. Этого ему одному вполне было достаточно. Но когда Фаррухи женился, получаемого им содержания не стало хватать на двоих. Тогда он решил послать письмо дехкану с просьбой увеличить содержание. Когда дехкан ему в этом отказал, Фаррухи решил покинуть Сеистан и отправился в Чаганиан, в долину реки Сурхан-дарья, к эмиру последнего—Абу Музаффару, о котором слышал, как о большом и щедром меценате.

Весной Фаррухи приехал в столицу Чаганиана, но эмира Абу-Музаффара там не застал. Эмир уехал в свой конский заповедник для клеймения жеребцов, что в это время года он делал всегда. Говорили, что в конском заповеднике эмира содержалось 18 тысяч кобылиц и столько же жеребцов. Во дворце Фаррухи застал только Амира Асада, кетхуду—управляющего дворцом и хозяйством эмира. Фаррухи изложил ему причины своего приезда и прочел несколько своих произведений—касыду и стихи, которые он специально написал для эмира.

Амиру Асаду стихи очень понравились, он нашел их свежими и сладостными, однако никак не хотел верить, что их написал этот человек, такой нестройный, с такими хилыми ногами, в разорванном платье (джубба) и большом тюрбане, столь типичном для сакзи, т. е. сеистанца. Вот почему он решил проверить пришельца и заказал специальную касыду на тему о клеймении жеребцов. На следующее утро касыда была готова и оказалась так блестяще написанной, полной такого тонкого знания обстоятельств клеймения, так хорош был ее язык, что кетхуда не мог скрыть своего восторга.

Вечером кетхуда и Фаррухи были уже в том месте, где стояли палатки эмира. Амир Асад рассказал эмиру о встрече с поэтом, о чудных его стихах и о том, что после смерти Дакики он еще не слышал подобных стихов. Вскоре эмиру был представлен и сам поэт. Эмир был милостив, усадил его за стол и предложил вина. Когда Фаррухи прочел ему свои стихи, эмир остался очень доволен. Когда же несколько подвыпивший эмир прослушал, по настоянию кетхуды, касыду о клеймении жеребцов, он не смог скрыть своего восхищения, повернулся к поэту и, протянув ему руку, не без иронии сказал: «Там тысяча жеребцов с белыми мордами и ногами. Ты, сакзи, возьми себе столько, сколько сможешь поймать». Это, повидимому, было сказано в надежде, что поэт не поймает ни одного жеребца, однако тот ухитрился поймать несколько десятков жеребцов.

§ 9. НАУКА ПРИ САМАНИДАХ В IX—X вв.

Наука при саманидах также достигла большого расцвета. Ислам, насильственно насажденный среди большей части покоренных арабами народов, вплоть до конца саманидской эпохи не смог преодолеть научных традиций, корнями своими уходивших в античность и в древние культуры Средней Азии,—особенно Хорезма, а также Вавилона, Ирана и Индии.

В течение IX и X вв., сначала в обстановке аббасидского халифата, а потом государств тахиридов, саманидов и буидов, сосуществовало два мира—официальный мир мусульманского богословия со все растущими тенденциями мракобесия, и мир научного сознания, некоторые представители которого старались не вступать ни в какие конфликты с исламом, считая, что ученые—не богословы и должны заниматься делом, совершенно посторонним религии.

Едва ли случаен тот факт, что лучшие ученые IX—XI вв., писавшие на арабском языке, вышли из Средней Азии. Вспомним таких выдающихся математиков, как Абу Джафар ибн-Муса ал-Хорезми и Ахмед ал-Фергани, из которых, как показывают их имена, один был выходцем из Хорезма, другой—из Ферганы.

С именем ал-Хорезми связана большая научная работа в обсерватории халифа ал-Мамуна (813—833 гг.), находившейся в квартале Шамасийя в Багдаде. Имя ал-Хорезми, в связи с переводом на латинский язык его сочинения по алгебре, прочно вошло в историю науки, не только как астронома. В Европе имя ал-Хорезми искажено было в «Алгоритми» и в термине «алгоритм»¹ дошло до наших дней.

Время саманидов породило крупнейшие фигуры таких гигантов мысли, как ал-Фараби, Абу-Али ибн-Сина (Авиценна) и ал-Бируни.

С именем Абу Насра ал-Фараби (умер в 950 г.), среднеазиатского турка по происхождению, связаны высшие достижения восточной фи-

¹ Решение задачи по строго-определенному методу.

лософии, одной из заслуг которой перед историей науки считается сохранение и воссоздание философского наследия древности. До эпохи Возрождения Западная Европа могла знакомиться с Аристотелем лишь по «арабоязычным» философским сочинениям. Заслуга ал-Фараби заключается в том, что он более, чем кто-либо другой, содействовал выделению аристотелевских элементов из философских сочинений неоплатонического и неопифагорейского круга.

Ал-Фараби хотя и признавал бога, но вместе с тем разработал идею о вечности материи и, тем самым, о несотворенности мира. Эта идея находилась в резком противоречии с основами ортодоксального ислама. Да и само понятие бога у ал-Фараби, как и у его продолжателей, например, у великого ибн-Сины, не могло не встретить резкого осуждения в рядах мусульманского духовенства.

С точки зрения одной части представителей восточной арабоязычной философии, бог есть лишь абстракция, абстрактная «первая причина», причем, по словам А. Я. Борисова, «первый» здесь следует понимать отнюдь не в смысле «первый во времени», так как божество, как причина, ни в коем случае не может предшествовать миру, как следствию. Бог арабских перипатетиков абстрактен и безличен, мир происходит от него не по его воле, но в силу непреложной необходимости его природы, и, к тому же, творческие возможности этого «первого двигателя» крайне ограничены. Нечего и говорить, насколько все эти мысли и идеи были неприемлемы для мусульманской ортодоксии. Все больше становилось ясным, что религиозные догматы ислама невозможно совместить с научными и теоретическими знаниями. Между ними лежала непроходимая пропасть, и заслуга среднеазиатских ученых заключается в том, что они сумели дольше других отстоять свои научно-философские принципы от нажима реакционной мусульманской ортодоксии.

С точки зрения истории культуры, большой интерес представляет жизнеописание ибн-Сины, в основном изложенное в его автобиографии. Ибн-Сина родился в 980 г. в селении Афшана, вблизи от Бухары, в семье финансового чиновника. Отец его, родом из Балха, был человеком культурным и имел связи среди исмаилитски настроенных людей, которые в те времена в Бухаре встречались, по преимуществу, среди саррафов—менял.

Еще в детстве ибн-Сина приехал вместе с отцом в Бухару. Здесь он рано изучил коран, а главное, познакомился с греческой философией, геометрией и индийским счетом. Когда ибн-Сина был еще совсем юным, в Бухаре появился некий Абу Абдаллах ан-Натали, образованный, но ограниченный человек. Отец ибн-Сины поселил его у себя дома, желая использовать его как учителя для своего старшего сына. По-видимому, степень воздействия этого учителя на своего ученика была невелика, так как в автобиографии ибн-Сина не без пренебрежения говорит о своих учителях. Таким образом, ибн-Сина в известной мере может быть назван самоучкой.

Юные годы его прошли в Бухаре, в царствование Нуха ибн-Мансура (976—997 гг.) и Мансура II (997—999 гг.). Если в Бухаре того времени выдающиеся ученые и отсутствовали, то там было много образованных, культурных людей.

Приступив к изучению сочинения, заключавшего изложение основ аристотелевской метафизики, ибн-Сина, как рассказывает он об этом в автобиографии, убедился, что он его не понимает. Прочтя это сочинение до 40 раз, зная его почти наизусть, он вместе с тем ни на шаг не продвинулся в его понимании. Однажды вечером, проходя по книжно-

му базару в Бухаре, как он имел обыкновение делать это весьма часто, ибн-Сина за три дирхема, т. е. за 70—75 коп. серебром, купил книгу Абу Насра ал-Фараби—комментарии к «Метафизике» Аристотеля. Для ибн-Сины это явилось целым откровением. По его собственному признанию, ал-Фараби открыл ему глаза на Аристотеля.

Насколько напряженно ибн-Сина в эти юные годы (ему было тогда 16 лет) работал над своим образованием, видно из следующих слов автобиографии: «В то время я не досыпал ни одной ночи, да и в течение дня не занимался не чем иным, кроме наук... Возвращаясь к ночи в мое жилище, я ставил перед собой светильник и погружался в чтение или письмо. Если меня начинало клонить ко сну или я чувствовал слабость—несколько глотков из кубка возвращали мне силы, и я вновь углублялся в работу... Когда же сон окончательно одолевал меня, то и во сне продолжал я обдумывать те вопросы, которыми занимался наяву—многие проблемы уяснил я себе именно во сне. Такую жизнь вел я, пока не усвоил твердо всех наук и не овладел ими настолько, насколько это вообще доступно человеку».

Научные интересы ибн-Сины и его знания развивались в двух направлениях—в медицине и в философии. К семнадцати годам он стал сложившимся ученым, обладавшим огромным запасом знаний в этих науках, и уже пользовался большим авторитетом как врач. Однажды его пригласили во дворец к серьезно заболевшему Нуху ибн-Мансуру, и он удачно вылечил эмира. В знак признательности тот разрешил молодому ученому пользоваться дворцовой библиотекой.

Годы напряженного учения ибн-Сины совпали с самыми тяжелыми годами в истории саманидского государства. Известно, что караханиды нанесли свои главные удары саманидам в 992 и 999 гг., когда ими оба раза захвачена была Бухара. Ибн-Сина стал свидетелем полного бессилия саманидского правительства, его неспособности спасти свое государство от падения. Осенью 999 г. илек-хан Наср занял Бухару, не встретив сопротивления. Наступившая в первые годы правления новой династии анархия напугала ибн-Сину, и он ушел ко двору хорезмшаха в Ургенч, где, как он слышал, находилось немало выдающихся ученых, которым власть в известных целях покровительствовала.

Ан-Низами ал-Арузи ас-Самарканди приводит некоторые данные из жизни ибн-Сины в Ургенче.

Ургенч, в то время столица объединенного Хорезма, представлял собою богатый и культурный город. Хорезмшахом тогда был Абу-л-Аббас Мамун (999—1016 гг.), человек образованный и культурный, покровительствовавший ученым, поэтам и художникам. Ал-Арузи ас-Самарканди приводит имена замечательных людей, составлявших культурное окружение хорезмшаха. Здесь находились, кроме ибн-Сины, Абу Сахл Масихи—философ, Абу-л-Хайр ал-Хаммар—крупный медик, Абу Наср Арран—выдающийся математик, Абу Рейхан ал-Бируни, впоследствии ставший самым крупным ученым XI в. Нечего и говорить, как благотворно было для ибн-Сины пребывание, хотя и кратковременное, в Ургенче. В дальнейшем его жизнь вышла далеко за рамки саманидской эпохи.

Хотя философия ибн-Сины составляет целую эпоху в развитии прежде всего восточной философии, однако главное значение научной деятельности ибн-Сины заключается в его трудах по медицине. Как ни велико в истории восточной философии значение «Китаб аш-Шифа» («Книги об исцелении») — мировую славу создал ему все же его классический сводный труд по медицине «Китаб ал-Канун фи-т-Тиб» («Ка-

нон врачебной науки»). Характерно, что перевод этого труда на латинский язык вышел в свет в конце XV в., в числе первопечатных книг. Через сто лет, в 1593 г. был опубликован в Риме и арабский подлинник Канона. В дальнейшем Канон, став одним из самых популярных сочинений по медицине, издавался много раз, так как вплоть до XVII в. и врачебная практика, и сама медицинская наука на Западе находились под прямым воздействием идей ибн-Сины.

Без среднеазиатского периода жизни, без Бухары и Ургенча, ибн-Сина не смог бы стать впоследствии великим ученым и написать свои труды. Сам ибн-Сина большое значение придавал дням своей юности, когда слагалось его исключительное дарование.

«Медицина не принадлежит к числу трудных наук,—скромно пишет он о себе,—и поэтому нет ничего удивительного в том, что я в короткое время овладел ею настолько, что даже выдающиеся врачи учились у меня этой науке».

Другим гигантом научной мысли в области философии, истории, математики, географии, астрономии был хорезмиец ал-Бируни. Научная деятельность его развернулась, однако, лишь в начале XI в., и поэтому ее рассмотрение мы переносим в главу о культурной жизни при газневидах, караханидах и сельджукидах в XI в.

При дворе саманидов большое внимание уделялось истории и географии. В Мавераннахре наблюдался значительный интерес к многочисленным сочинениям по истории и географии. Ал-Мадаини, ал-Белазури, ат-Табари, ибн-Мискавейх и др. были популярными историками той эпохи. Неслучайно при дворе хорезмшаха Абу л-Аббаса Мамуна (999—1016 гг.), когда там находился ибн-Сина, среди замечательных людей можно было встретить на царском меджлисе и ибн-Мискавейха, упомянутого выше продолжателя ат-Табари. Какой популярностью среди культурных людей Мавераннахра пользовался свод истории ат-Табари, видно из того факта, что ал-Балами, известный везир двух саманидских эмиров—Абд ал-Мелика (954—961 гг.) и Мансура (961—976 гг.)—сделал сокращенный перевод ат-Табари на таджикский язык. Сделанный по другому, утраченному, варианту текста, а не по тому, который вошел в издание де Гюе, он содержит ряд известий, не имеющих в изданном последнем арабском тексте. Во многих странах до настоящего времени знакомятся с сочинениями ат-Табари по переводу ал-Балами. Любопытно, что перевод этот, не утративший своего значения и в наши дни, в свою очередь переведен на языки турецкий, французский и даже арабский.

Упоминания заслуживает также классическое сочинение по географии—«Худуд-ал-Алем», написанное в конце X в. на таджикском языке и не уступающее лучшим произведениям арабской географии. Сочинение «Худуд-ал-Алем» («Области мира»), ввиду того, что имя автора не сохранилось, вошло в науку под названием «рукописи Туманского». Оно рисует с большими подробностями экономическую жизнь саманидского государства во второй половине X века, являясь ценнейшим историко-географическим источником.

§ 10. АРХИТЕКТУРА, ОРНАМЕНТАЛЬНОЕ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО ПРИ САМАНИДАХ В МАВЕРАННАХРЕ

Большого расцвета достиг Мавераннахр при саманидах также в области архитектуры и изобразительных искусств. Достаточно назвать только мавзолей над могилой Исмаила саманида в Бухаре (начало X в.) и так называемую афрасиабскую поливную керамику IX—X вв., чтобы

у каждого человека, знакомого с историей искусства в Средней Азии, возникли образы этих замечательных произведений художественного творчества. Не будет преувеличением сказать, что мавзолей Исмаила саманида—лучший архитектурный памятник X в. на Переднем и Среднеазиатском Востоке. Что же касается так называемой «афрасиабской» керамики, то иметь хотя бы небольшое собрание ее домогаются лучшие музеи мира.

В силу чисто климатических условий, архитектура Средней Азии, как уже отмечалось выше, развивалась на базе использования пахсы (битой глины), сырцового и жженого кирпича в качестве строительного материала и ганча (алебаstra), как связывающего элемента. В саманидское время, так же как и в предшествующие века, сырцовый кирпич играл в постройках монументального типа преобладающую роль, хотя все большее значение приобретал и жженный кирпич. Дерево тоже занимало большое место в строительстве жилых домов (каркасная основа) и зданий общественного значения—дворцов, мечетей, медресе (колонны, потолки и т. д.).

В основу зодчества в эпоху саманидов легла многовековая строительная практика народов Средней Азии, достигнутая при возведении зданий главным образом из сырцового материала.

По сравнению с предшествующим временем, при саманидах произошли перемены и в самой конструкции построек. Среди монументальной архитектуры все большее значение начинали приобретать здания центрического типа—куб, перекрытый куполом. Лучшим образцом такого архитектурного решения является уже упомянутый прекрасный мавзолей над могилой Исмаила саманида в Бухаре, сложенный целиком из обожженного кирпича. Квадратное в плане, здание перекрыто куполом. Переход от квадрата к восьмиграннику, а потом к шестнадцатиграннику проведен с помощью стрельчатых парусов. Вместе с тем мавзолей Исмаила саманида представляет собой четырехфасадную постройку, так как у него все четыре стороны являются фасадами. Декоративно все они одинаково обработаны, хотя лишь один из фасадов имеет вход внутрь здания.

Во многих деталях саманидские архитектурные памятники далеко отошли от прежних приемов перекрытия посредством ступенчато-арочных парусов, которые были широко распространены в Согде и Хорезме в раннеарабское и, особенно, в доарабское время, хотя не переставали существовать и в послесаманидское время.

Характерным приемом в технике перекрытия являются весьма архаичного типа колонки, поставленные в промежутках между парусами и стрельчатыми арками. Как снаружи, так и внутри в орнаментации здания использованы одни и те же приемы. Новым, по сравнению с наружной орнаментировкой, является лишь резьба по ганчу внутри стрельчатых парусов.

При детальном изучении мавзолея Исмаила саманида обращает на себя внимание, что и в конструкции и в отделке здания использованы многие элементы дофеодальной архитектуры, весьма характерные для доарабского времени, например трехчетвертные колонны по наружным углам здания. Такие архаичные по форме колонки внутри здания встречаются на доисламских памятниках, так же как и декоративные полосы из кружков и т. д. Все архитектурные и декоративные элементы строения собраны здесь в одно органическое целое; это определенно указывает, что в мавзолее Исмаила саманида мы имеем памятник, завершающий собой целый цикл развития согдийской архитектурной тради-

ции. Старая архитектурная традиция в том виде, как ее застали арабы, не оборвалась и, вместе с тем, не застыла на месте, а двигалась вперед и развивалась по своим собственным законам. В мавзолее Исмаила саманида эта местная традиция доведена до кульминационного пункта как в конструкции здания, так и в его декорировке. Редко когда в архитектурном памятнике встречается такое полное единство конструкции и декорировки.

Монументальная архитектура Средней Азии в IX—X вв., то-есть при тахиридах и саманидах, знала и постройки с арочно-купольными перекрытиями на колоннах. Здания такого типа возводились и раньше. Из этого рода построек лучше всего сохранилась мечеть в Хазаре. Здание это центрического типа и не имеет портала. У него, вместе с центральным, девять куполов: три из них типа «балхи», остальные же—обыкновенной круглой формы. Все девять куполов вместе с большим центральным держатся на четырех больших колоннах, каждая из которых поддерживает две большие и две малые арки, вернее их половинки, которые «идут» навстречу друг другу. Мечеть Хазара не имеет сохранившейся даты. Повидимому, она построена не позже IX в., а весьма возможно и раньше.

Не вдаваясь в подробное описание этого замечательного памятника среднеазиатской архитектуры, следует сказать, что такого рода здания встречались и в других местах: в Чаганиане—столице одноименной области, в Термезе и Нишапуре. Одно из них—мечеть Амр ибн-Ляйса (879—900 гг.) в Нишапуре—представляло собой лишь перестройку мечети, возведенной еще при Абу Муслиме. Повидимому, в саманидское время этот архитектурный тип уже сходил с исторической сцены и если еще и встречался впоследствии, то в качестве пережитка прошлого.

Наряду с архитектурой, а во многом и в связи с ней, в Средней Азии огромное развитие получили орнаментальное и изобразительное искусство. Выше мы видели, что в доисламском Согде мастера изготовляли из золота, серебра, бронзы и даже глины фигурные изображения людей, разных животных, особенно горных козлов и баранов.

Известно, что ислам повел решительную борьбу против всякого рода изображений живых существ,—не только людей, но и животных, однако искоренить привычку к ним у местного населения не смог. Ибн-Хаукаль, посетивший Самарканд во второй половине X в., во время своего путешествия видел на его площадях скульптурные изображения животных. «Из кипариса,—пишет он,—вырезаны удивительные изображения лошадей, быков, верблюдов и диких коз; они стоят один против другого, будто осматривают друг друга и хотят вступить в бой или в состязание».

Изображения людей и животных встречаются в Мавераннахре не только в виде скульптурных фигур, но и в росписи стен, что являлось продолжением традиций еще древнего Согда и древнего Хорезма. Вспомним хотя бы изумительную стенную роспись из Варахши, фрески во дворце хорезмшахов в Топрак-кала в Кара-Калпакии, вновь обнаруженные стенные росписи в Пенджикенте, а также упоминаемые в китайских источниках стенные росписи во дворце в Кушании. На восточной стене этого дворца были изображены красками портреты тюркских владетелей и индийских брахманов, на северной стене находилось изображение китайского императора, а на западной—персидского шаха и римского императора.

К сожалению, от живописи IX и X вв. до нашего времени ничего не дошло. В 1913 г., во время раскопок В. Л. Вяткиным Афрасиаба,

было обнаружено здание, а в нем стенная роспись. Роспись, выполненная по алебастровой основе клеевыми красками, изображала три человеческие фигуры, головы которых не сохранились. К сожалению, и вся оставшаяся роспись погибла для науки: при соприкосновении с воздухом слой краски отошел от своей основы, свернулся и распался.

При саманидах культурные связи Мавераннахра простирались весьма далеко. Имеется известие, что, когда в Бухару в царствование Насра ибн-Ахмеда (914—943 гг.) приехала в качестве невесты его сына Нуха ибн-Насра—китайская принцесса, она привезла с собой художника, который написал иллюстрации к таджикскому переводу «Калилы и Димны», сделанному Рудеки с арабского перевода прославленного ибн-ал-Мукаффы.

У изобразительного искусства в эпоху ислама оказался могущественный соперник—искусство орнаментальное, особенно поощрявшееся ханифитским мусульманским духовенством. Выше нам пришлось подчеркнуть борьбу в X веке, при саманидах, научного мышления, продолжавшего традиции античной философии и науки, с мусульманской ортодоксией, несущей мракобесие и исключаяющей научное сознание. Так было при саманидах и с изобразительным искусством. Оно не было убито, несмотря на победу орнаментального искусства, и продолжало существовать, хотя и не играло уже прежней роли. Более всего орнамента преуспела в области резьбы по штукатурке и глине.

Высокого расцвета орнаментальное искусство достигло в древнем Термезе, который с 1926 по 1938 гг. подвергался археологическому изучению сначала Музеем восточных культур, а потом археологической комплексной экспедицией (ТАКЭ) под руководством М. Е. Массона. Древний Термез—это настоящее царство орнаментального искусства, достигшего наивысшего расцвета в технике резьбы по штукатурке и декорировке внутренних стен дворца при сельджукидах в XI—XII вв.

Весьма ценен сохранившийся фрагмент резьбы по штукатурке на стенах мазара Хакима Термези. Здесь представлены своеобразные, напоминающие самаркандские, композиции из стилизованных трилистников.

Лучшим памятником этой художественной техники для саманидского времени являлась замечательная алебастровая панель, найденная на Афрасиабе. Сама композиция складывается из трилистников, меандроподобных стеблей с листьями, кругов, пояса которых сплошь покрыты кружочками, шестиконечными звездами, образованными двумя наложенными друг на друга треугольниками, и т. д. Распиленная на отдельные плиты, панель была перенесена в Самаркандский музей, где хранится и поныне.

Внимательное изучение афрасиабских панелей X в. указывает, что перед нами—памятник орнамента, несущий на себе следы давней и богатой традиции. Если проследить путь развития резьбы по штукатурке от Варахши (IV—V вв.) и до афрасиабских плит (X в.), то прежде всего приходится отметить полный переход к стилизации, т. е. на обобщение и композиционных элементов и самой композиции, так сказать, геометризацию растительных мотивов, с сохранением, однако, многих элементов старого искусства, например, меандроподобных стеблей с листьями, кругов и т. д.

Совершенно особое место в прикладном искусстве не только Мавераннахра, но и всего Переднего и Среднеазиатского Востока, занимает так называемая афрасиабская керамика, которая является высшим художественным выражением определенного стиля и определенной керамической техники, распространенной в IX—X вв. по всей территории

Средней Азии и за ее пределами. В Самарканде, Ташкенте, по всей долине Зарафшана население в эпоху саманидов попрежнему любило пользоваться поливной и неполивной глиняной орнаментированной посудой. В настоящее время лучшие образцы этой посуды, собранные главным образом на Афрасиабе, хранятся в Самаркандском музее, Государственном Эрмитаже, Музее восточных культур и в других хранилищах.

Поливную посуду можно разделить на две большие группы по признаку фона—белофонную и краснофонную, покрытую белой или красной ангобой.

По ангобному фону посуда расписывалась белой, красной, черной и других цветов краской, а затем покрывалась прозрачной глазурью, отчего краска выглядела еще ярче. В росписи чаш, блюд и наружной поверхности других сосудов преобладали многообразные орнаменты и композиции, в состав которых входили геометрического характера плетения из тесьмоподобных полосок, растительные мотивы из стеблей и листьев, сильно стилизованных, арабские надписи с различными пожеланиями владельцу вещи. Наряду с орнаментами, в росписи на посуде встречались изображения животных, птиц, а изредка и людей.

Запреты ислама, поставившие изобразительное искусство до саманидов в весьма стесненное положение, все же не могли окончательно уничтожить его традиции. Подглазурная роспись на посуде в саманидское время получила особое развитие, отличаясь строго нарисованным орнаментом и блеском глазури.

Саманидская поливная керамика многообразна, и мы привели лишь несколько типов ее, наиболее популярных ныне в музейных собраниях, посвященных культуре и искусству Востока, в частности Средней Азии.

§ 11. ПРОПАГАНДА КАРМАТСТВА В МАВЕРАННАХРЕ В X в.

Тяга к культуре, господствовавшая среди наиболее образованной части городского общества при саманидах, идеи возрождения многих традиций из культурного наследия народов Средней Азии, во многом исключавшие мусульманскую ортодоксию, нашли свой отклик и в политической идеологии. Неслучайно, что именно при Насре ибн-Ахмеди (914—943 гг.), покровителе и друге Рудеки, в Мавераннахре, особенно в Бухаре, где господствовавшим среди духовенства толком было ортодоксальное ханифитство, получило распространение карматство, нашедшее себе в ту эпоху таких авторитетных и могущественных покровителей, как фатимиды в Египте.

Направленное своим острием против ортодоксального ислама и закрепощения земледельцев, карматство выдвигало на первое место в обществе свободного крестьянина. Характерно, что своих взглядов на положение крестьян они не переносили на рабов. Рабство они считали нормальным явлением, что накладывало на их учение значительный отпечаток реакционности.

До проникновения в Мавераннахр, карматство, активно поддерживаемое фатимидскими халифами из Египта, получило распространение в Хорасане. Энергичным проповедником карматской ереси был Хусейн ибн-Али-Мервези—военачальник саманидских войск в Хорасане. Карматские идеи были распространены и в Мавераннахре. Большую роль в их распространении сыграл Мухаммед Нахшеби, действовавший по поручению Хусейна ибн-Али-Мервези. Благодаря связям с саманидским двором, карматы приобрели себе там сторонников. Карматами сделались:

раис Бухары, сахиб хараджа (начальник финансового ведомства), дехканы, люди базара и ряд крупных придворных.

Сам Наср ибн-Ахмед (914—943 гг.) выражал сочувствие карматам и, установив связь с фатимидским халифом Каимом (934—946 гг.), отправил ему 119 тысяч динаров. Но в Бухаре карматские идеи встретили и резкую оппозицию. Среди тюркской гвардии и ортодоксального мусульманского духовенства—ярых противников карматства—созрел заговор против Насра, который, правда, сразу же был раскрыт и подавлен. Большую роль в подавлении заговора сыграл сын Насра—Нух. Считая, однако, что недовольство духовенства и гвардии вызвано симпатиями эмира к карматам, Нух убедил отца отказаться от власти, а сам вступил на престол и ликвидировал карматские гнезда.

ЧАСТЬ VI

Раннефеодальное общество
в Мавераннахре XI — XII вв.

ГЛАВА I

МАВЕРАННАХР ПРИ КАРАХАНИДАХ В XI—XII вв.

§ 1. ТЮРКИ В МАВЕРАННАХРЕ И СОСЕДНИХ ОБЛАСТЯХ В X в.

Было бы неправильным, как это не раз делалось в историографии Средней Азии, противопоставлять Мавераннахр, как мир согдийско-оседлый,—Семиречью, как миру тюркско-кочевому. В предшествующих главах мы имели возможность убедиться, что в Мавераннахре и до XI в. жило немало тюрков, больше — в Шаше и Фергане, меньше — в долинах рек Зарафшан и Кашка-дарья. В VIII—IX вв. тюркские элементы особенно интенсивно проникали на территорию Ферганы и Шаша, отчего население сельских местностей этих областей и было раньше оторечено в языковом отношении, по сравнению с населением на территории Согда. В Согде, как мы видели выше, уже в VI в. также отмечалось значительное оседание тюркских элементов,—как известно, с этим процессом было связано движение Абрауя в 80-х годах этого столетия.

Если в Фергане еще с VIII в. были сильны карлукские элементы, то в Шаше доминирующую роль играли огузские. По словам ибн-Хаукаля, арабского географа второй половины X в., около тысячи семейств тюрков, принявших ислам, перешли с востока в район между Фарабом, Кенджидой и Шашем, т. е. к юго-западу от современного Чимкента.

Повидимому, этими тюрками были огузы из числа проживавших по правому берегу Сыр-дарьи. Насколько в Шаше сильны были огузские элементы, отражено, между прочим, и в узбекском фольклоре, согласно которому огузы упоминаются в числе предков современного узбекского народа.

В конце X в. часть огузов стала именоваться туркменами. У Ша-раф-аз-Замана Тахира Марвази, автора, жившего в первой половине XII в., имеется по этому вопросу ценное указание. По его словам, «после того как гузы сделались соседями областей ислама, часть их приняла ислам и стала называться туркменами. Между ними и теми гузами, которые не приняли ислама, началась вражда. Число мусульман среди гузов умножилось, и положение ислама у них улучшилось. Мусульмане взяли верх над неверными, вытеснили их из Хорезма в сторону поселений (кочевий) печенегов».

Говоря об исламизации огузов, Марвази, конечно, имеет в виду тех из них, которые жили на нижней Сыр-дарье, в районе Дженда, и в самом конце X в. перешли в долину Зарафшана, где с разрешения саманидов стали кочевать по правому берегу этой реки, в районе Нура бухарского. Это и были те туркмены, которые известны под именем сельджукидов. Наряду с огузскими элементами, в тюркизации

сельских местностей Шаша в предшествующее время сыграли роль не раз уже упоминавшиеся выше тюргеши.

Основной массив тюркских племен находился еще в X в. в Семиречье, однако во многих местах, особенно в городах, также имелись еще и значительные остатки согдийского населения, осевшего здесь в связи с согдийской колонизацией V—VII вв. Согласно археологическим исследованиям А. Н. Бернштама, памятники согдийской материальной культуры и искусства встречаются в долине р. Талас. В Чуйской долине их находили на левом берегу реки вплоть до Токмака и в одном месте на правом берегу реки Чу. Начинались согдийские колонии западнее, у Чимкента, и тянулись на восток вплоть до китайской стены.

Согдийцы несли с собой высокую технику земледелия и ремесла, проявляли активность в караванной торговле на знаменитом «шелковом пути» из Передней Азии в Китай. Оказали свое влияние согдийцы и на окружающие их тюркские народы, сначала на остатки тюргешей — племена аргу и тухси, а потом на карлуков. Это влияние сказалось главным образом на тех группах тюрков, которые, по целому ряду причин, переходили на оседлое положение, поселяясь в сельских местностях и даже в городах. Входя в силу этого соседства в непосредственное соприкосновение с ними, согдийцы передавали им свой богатый культурный опыт в разных областях деятельности.

Однако, воздействуя на тюрков, согдийцы в свою очередь подпадали под их встречное влияние. Будучи небольшими земледельческими островками в огромном тюркском кочевом море, согдийские колонии постепенно теряли свою этническую обособленность, так как согдийцы вступали в брак с дочерьми тюрков или, наоборот, выдавали замуж за тюрков своих дочерей. Утрачивали согдийцы постепенно и свой язык, заменяя его тюркским.

Махмуд Кашгарский, караханидский тюрк, ученый-лингвист, составивший в XI в. на арабском языке «Диван лугат ат тюрк», т. е. «Диван тюркских диалектов», тонко подметил процесс постепенной победы тюркской речи над согдийской в среде согдийских колонистов. По свидетельству Махмуда Кашгарского, в его время (жил он во второй половине XI в.) «были люди, которые говорили по-тюркски и согдийски, были люди, которые говорили только по-тюркски, но не было людей, которые говорили бы только по-согдийски». К концу XI в. согдийский язык, таким образом, в местах бывших согдийских колоний все более изживал себя. Вместе с тем и сами согдийцы теряли свою обособленность самостоятельной этнической единицы. Физически они, конечно, не вымерли, но их потомки смешались с тюрками и, в известной мере, ассимилировались с ними. Махмуд Кашгарский застал конец этого процесса; в X в., при саманидах, процесс этот был уже в самом разгаре.

Арабские географы X в. и автор XI в. Махмуд Кашгарский одинаково отмечают, что в то время у тюрков в Семиречье и на Сыр-дарье имелись города, в известной части согдийского происхождения, пережившие отмеченный выше процесс активной тюркизации. Какие же тюркские народности и племена жили в Семиречье и по Сыр-дарье в пограничных с Шашем районах? Ал-Макдиси указывает, что Берукет и Баладж — два города, находившиеся недалеко от Исфиджаба, к западу от него, — являлись крепостями против огузов. Это был самый восточный район расселения туркмен-огузов в X в. Основная же масса их жила, как и прежде, еще на нижней Сыр-дарье. И лишь после 894 г., когда печенеги вытеснили огузов из районов севернее Эмбы, мы видим пере-

ход части их народа на территорию собственно Туркмении, где в ряде мест, в том числе, повидимому, в районе Фарава (вблизи современного Кызыл-арвата) уже имелись их кочевья. Последнее обстоятельство подтверждается таким достойным доверия автором, как ал-Белазури, который рассказывает, что тахиридский правитель Абдаллах ибн-Тахир (830—844 гг.) отправил своего сына Тахира в поход против огузов.

Наиболее значительной народностью Семиречья в X в. были карлуки, кочевья которых тянулись на огромном расстоянии — от долины Таласа до реки Тарим в Восточном Туркестане. Кочевья эти во многих местах шли вдоль караванного пути и с юга обходили озеро Иссык-куль. Требовалось 30 дней, чтобы пройти караванным путем от западных границ карлукских владений до восточных.

Карлуки были хозяевами в Семиречье еще с 766 г., когда после разгрома могущества тюргешей они захватили власть над страной в свои руки.

Наиболее содержательную характеристику карлуков конца X в. дает безымянный автор «Худуд-ал-Алем», сочинения, известного также под именем «рукописи Туманского». Как сообщает этот автор, карлуки владели наиболее цветущей страной из всех, которые принадлежали тюркским народам. В стране этой имелись текущие воды и был умеренный климат. Жители ее — карлуки — были достаточно культурны. В их стране находились не только селения, но и города. Среди карлуков уже произошло расслоение на общественные классы; различались они и по роду хозяйственной деятельности: одни занимались звероловством, другие — кочевым скотоводством, третьи — земледелием.

Из карлукских городов надо прежде всего отметить Кулан и Мерке. На месте первого находится теперь жел.-дор. станция Луговая, на месте второго — станция Мерке.

Второй крупной тюркской народностью были чигили. Они жили главным образом на северо-восток от озера Иссык-куль, хотя селились и в районе Тараза. Гардизи указывает более широкие границы распространения чигилей. По его словам, «все окрестности Иссык-куля заняты чигилями». Согласно «Худуд-ал-Алем», чигили жили в шатрах, носили войлочные шапки, владели большими стадами коров, быков, баранов, лошадей. Поклонялись солнцу и звездам. Так же, как и карлуки, они имели города и селения, были народом богатым, хотя и менее культурным, чем карлуки. Махмуд Кашгарский считает, что слово чигиль — «имя трех групп тюрков. Первая из них живет в Куясе за Барсаганом, а это на юг от озера Иссык-куль, вторая — близ Тараза, где и находится их город Чигиль». Места проживания третьей группы Махмуд Кашгарский не указывает.

Третьей большой тюркской народностью, частично захватившей Семиречье, были племена ягма. Жили они на юг от озера Иссык-куль, по направлению к городу Кашгару, причем большая часть их кочевий находилась в Восточном Туркестане. Безымянный автор «Худуд ал-Алем» описывает племена ягма, как наименее культурные из остальных тюркских племен. Среди ягма слабо развито было земледелие, но зато среди них было много звероловов, которые охотились за дичью и добывали пушнину. Главное их богатство заключалось в стадах лошадей и баранов. Ягма были известны как наиболее воинственные среди других тюркских племен.

В югозападной части Семиречья в X в. еще проживали остатки тюргешей, известные как племена тухси и аргу — наиболее культурная часть семиреченских тюрков, более всех подвергавшаяся воздействию со

стороны согдийцев. Многие из них уже перешли на оседлый труд и жили в городах. Махмуд Кашгарский причисляет к области расселения аргу культурные земли вокруг Исфиджаба, Тараза и Баласагуна. Насколько сильно было культурное влияние согдийцев на эту группу тюрков, видно из того факта, что Махмуд Кашгарский считает их тюркский язык смешанным с согдийским.

В X в. многоплеменный и обширный тюркский мир Семиречья переживал один из наиболее важных периодов своей исторической жизни. При внимательном изучении всей социально-экономической обстановки в том виде, как она сложилась до образования в Семиречье и Кашгаре караханидского государства, совершенно определенно можно выделить два фактора, которые имели в социальной жизни семиреченских тюрков огромное значение.

Первым из этих факторов является переход части трудового слоя кочевников на оседлый земледельческий труд. Переход этот наблюдался и раньше, но в X в. он принял весьма значительные размеры. Вызван был этот процесс главным образом причинами, лежавшими внутри самого кочевого общества. В обстановке соседства кочевников с оседлыми районами и богатыми городами, между кочевниками и оседлыми жителями усиливался товарообмен, о котором нам уже приходилось говорить. Кочевники привозили из степи рабов, кожу, шерсть, мясо, скот, конское поголовье — в обмен на ткани, просо, пшеницу, изделия из металла и другую продукцию ремесленной промышленности, получаемую ими от горожан и земледельцев. Ал-Макдиси сохранил нам в своем труде даже цены в Средней Азии конца X в. на различные продукты, в том числе на мясо, в небольшом городе Исфиджабского района Дех Нуджикасе, находившемся недалеко от современного Чимкента.

Торговля в известной степени стимулировала давно начавшийся процесс классового расслоения варварского кочевого общества. Основная масса кочевников была лично свободной, однако постепенно беднела под давлением эксплуатации со стороны богатой верхушки, группировавшейся большей частью вокруг племенной знати.

Заинтересованная в выгодах от торговли с оседлыми районами и городами, кочевая скотоводческая верхушка, в целях увеличения товарной продукции своего хозяйства, захватывала лучшие земли для кочевий, увеличивала стада мелкого и крупного скота. Бедняку становилось трудно жить в степи, и самая возможность вести кочевое хозяйство рассматривалась как признак богатства. Отсюда шла все растущая в среде беднейшей части кочевников потребность к переходу на оседлый земледельческий труд, а также связанный с ним процесс их культурного роста.

Вторым крупным фактором в жизни семиреченских тюрков X в. являлся переход их к ранним формам феодальных отношений, во-первых, в силу внутренних процессов, и, во-вторых, — под прямым воздействием феодального земледельческого мира, центром которого были богатые торгово-ремесленные города, лежавшие на линии караванных путей из Средней Азии в Китай. К сожалению, в письменных источниках нет сведений, которые дали бы нам возможность хотя бы в общих чертах представить себе характер феодальной эксплуатации в кочевом тюркском обществе накануне образования караханидского государства. Одно можно сказать с уверенностью, что формы эти только зарождались, и основная масса кочевников еще оставалась лично свободной.

§ 2. ОБРАЗОВАНИЕ КАРАХАНИДСКОГО ГОСУДАРСТВА В СЕМИРЕЧЬЕ И КАШГАРЕ

На территории Семиречья в конце X в., накануне образования караханидского государства, единой власти не было. В разных районах власть находилась в руках различных тюркских народностей—карлуков, чигилей, аргу, ягма. В источниках мы имеем точные указания, кому из тюркских племен принадлежал тот или иной город.

Семиречье не входило в состав саманидского государства, хотя саманидские правители несколько раз предпринимали походы в Семиречье и покоряли здесь города. Известно, что когда саманиды только еще начали выдвигаться в качестве властителей в Средней Азии, Нух ибн-Асад в 840 г. завоевал Исфиджаб и построил большую укрепленную стену, защищавшую весь этот культурный земледельческий район от набегов кочевников.

При Насре ибн-Ахмеде (864—892 гг.) саманидские войска доходили до города Шавгар.

В 893 г. Исмаил саманид (874—907 гг.) овладел г. Таразом и перестроил там главную христианскую церковь в мечеть.

В конце X в. один из крупнейших саманидских военачальников тюрк Фаик, по словам ал-Макдиси, выстроил в Мерке, вне городской стены, рабат.

Вот почти все наиболее важные факты, говорящие о взаимоотношениях между Семиречьем и саманидским государством. Если принять во внимание, что в Семиречье не чеканилась саманидская монета и что там не было саманидских хакимов и других поставленных ими чиновников, можно сделать определенный вывод о том, что Семиречье не подчинялось саманидам. Единственный район Семиречья, который входил в государство саманидов, был соседний с Шашем Исфиджаб, но и это вхождение было лишь номинальным, так как исфиджабский владетель не вносил хараджа в казну саманидов,—иначе говоря, им не подчинялся.

Но, будучи фактически независимым от саманидской власти, Семиречье подвергалось значительному культурному влиянию со стороны Мавераннахра. Это влияние шло по линии и материальной и духовной культуры. Так, например, ислам долго не мог подчинить себе кочевников-тюрков, среди которых другие религии—буддизм, христианство и манихейство—имели больше успеха, чем ислам. Об этом свидетельствует тот факт, что до нашего времени на тюркском языке сохранились образцы манихейской, буддийской и христианской религиозной литературы, написанные значительно раньше произведений исламской литературы. Если первые восходят еще к VIII в., то вторые датируются не ранее чем IX в.

Не подлежит также сомнению, что ислам стал распространяться среди семиреченских тюрков в тот исторически-важный период их жизни, когда значительные группы их начали переходить в Семиречье к оседлой жизни. Наиболее ранним известием о распространении ислама среди тюрков Семиречья и Восточного Туркестана является сообщение ибн ал-Асира о том, что в 960 г. «ислам был принят многочисленным народом (200 тысяч шатров)». По всей вероятности, здесь речь идет о карлуках, которые к тому времени уже вели в оазисах Восточного Туркестана оседлый образ жизни, играли в караханидском государстве значительную роль и шли в поход на саманидов уже мусульманами.

Когда и при каких обстоятельствах произошло образование караханидского государства — нам неизвестно, ввиду полного отсутствия в источниках сведений по этому вопросу. Повидимому, здесь сыграло роль вторжение в середине X в. племени ягма в долину р. Чу. Как бы то ни было, мы можем сказать, что к девяностым годам X в. это государство уже сложилось и охватывало большую территорию от Кашгара до Исфиджаба включительно.

Нет прямых указаний в источниках и о том, какие из тюркских племен Семиречья составляли основную массу населения караханидского государства. Судя по тому, что впоследствии карлуки и чигили занимали в государственном аппарате и войске важные места, можно сделать заключение о той огромной роли, которую они сыграли в образовании караханидского государства. Однако ханская власть вышла не из среды карлуков и чигилей, а из среды ягма, хоть и менее культурной, но зато наиболее воинственной тюркской народности. Автор сочинения «Муджмаль ат-Таварих» («Сокращенный свод истории») определенно указывает, что «падишаха ягма называют богра-ханом». Это указание помещено автором в перечне титулов различных среднеазиатских владетелей. Характерно, что этот титул носил и первый государь вновь образованного государства, имевшего два центра: в Кашгаре и Баласагуне. До нас не дошло тюркское имя этого хана, и мы знаем его или под титулом богра-хана или под его арабско-тюркским именем Харуна ибн-Мусы ибн-Сатука.

§ 3. ЗАВОЕВАНИЕ КАРАХАНИДАМИ МАВЕРАННАХРА И ПАДЕНИЕ САМАНИДСКОГО ГОСУДАРСТВА

Малоизвестные нам события, происшедшие в Семиречье и Кашгаре и приведшие к образованию государства караханидов, оказались роковыми для династии саманидов и возглавляемого ими огромного государства. Богра-хан, как мы будем теперь именовать первого караханидского хана, возглавил мощное завоевательное движение карлуков, чигилей, ягма и других тюрков Семиречья и Кашгара в западные области Средней Азии — Шаш, Фергану и земли древнего Согда. Отсутствие достаточного количества сведений в источниках затрудняет ответ на вопрос, что двигало тюрками в их наступлении на запад.

Движение караханидов на запад Средней Азии, как в свое время движение арабов в Сирию и Ирак, в основном, преследовало цели не только грабежа, но и переброски части своего населения на новые места.

Как и всякое завоевательное вторжение, и в особенности кочевников, в оседлые земледельческие районы, — караханидское движение сопровождалось насилиями и грабежом. Однако все это происходило в менее значительных размерах, чем при арабском и особенно при монгольском завоеваниях.

На первый взгляд даже трудно понять, как могло могущественное, богатое и культурное саманидское государство так быстро, почти без сопротивления, сойти с исторической сцены.

Выше мы уже говорили о тех внутренних осложнениях, которые переживало саманидское государство. Крестьянство все больше проникалось недовольством, так как саманидские чиновники с каждым годом усиливали налоговый гнет.

Частые смуты в государстве не только сопровождались постоянными передвижениями различных войсковых отрядов, отчего страдали

селения, гибли поля и сады, но неизбежно влекли за собою увеличение хараджа и натуральных повинностей. Саманидская власть постепенно теряла в глазах земледельческого населения всякую популярность. Не встречали саманиды поддержки и в значительной части господствующего класса. Старая дехканская аристократия, в особенности та ее часть, которая оставалась во главе прежних своих владений, как бы малы они ни были, не хотела мириться с централизаторскими тенденциями эмирской власти, относилась к ней враждебно и ничего так не желала, как падения саманидской династии. Как мы увидим ниже, поведение дехкан в самые тяжелые для жизни саманидского государства дни явно способствовало успехам караханидов. Даже тюркская гвардия (гулямы) оказалась малонадежным войском.

Вторая половина X в. прошла под знаком напряженной борьбы с разного рода мятежами, в которых деятельное участие против саманидов принимали и крупные военачальники из тюркских гулямов. Обе группы господствующего класса—дехканы и тюркские «генералы»—в самый критический момент жизни саманидского государства оказались предателями и изменниками. Если дехканы стали на путь открытого приглашения в Мавераннахр Богра-хана, то верхи гвардии тайно договорились с ним о будущем разделе еще не покоренного им государства.

Позицию предателя заняло и ортодоксальное мусульманское духовенство. Бухара при саманидах все больше становилась центром мусульманского богословия ханифитского толка. Все определеннее выявлялась и реакционная сущность деятельности бухарского духовенства. Сосредоточив в своих руках исключительные богатства, благодаря все увеличивавшимся вакфам, оно оказывало сильное влияние на широкие круги городского и сельского населения. Большую опору оно нашло и в тюркской гвардии, которая поддерживала все его мероприятия. С саманидами же у высших кругов мусульманского духовенства не всегда были дружественные отношения; вспомним хотя бы карматские симпатии Насра ибн-Ахмеда (914—943 гг.). Особенно отрицательно относилось духовенство к деятельности ученых в области философии и точных наук. Ближайшие события показали, что духовенство одним из первых оставило саманидов и перешло на сторону завоевателей.

В сохранившихся источниках мы не находим ни описания маршрута победоносного похода Богра-хана в 992 г. из Семиречья на Мавераннахр, ни данных о численности и устройстве его войска. Но зато нам известно, что непосредственно перед походом один из самых влиятельных людей в саманидском государстве—Абу Али Симджури—энергичный и честолюбивый тюркский военачальник, тайно от Нуха ибн-Мансура (976—997 гг.) вел переговоры с Богра-ханом о разделе саманидского государства. Согласно этим переговорам, Мавераннахр должен был отойти к Богра-хану, а земли на юг от Аму-дарьи—к Абу Али. Переговоры с Богра-ханом вели и некоторые из влиятельных дехкан. Они рассчитывали получить при перемене власти не только политическую независимость в своих владениях, но и значительно расширить их территориально.

На саманидском престоле в это время был Нух II ибн-Мансур, человек культурный, энергичный и твердый. При других обстоятельствах он смог бы добиться лучших результатов, но в создавшейся обстановке ему, как мы указывали выше, не на кого было опереться. Посланный навстречу Богра-хану тюркский военачальник Аяч был разбит и взят в плен. Нух решил тогда обратиться к одному из наиболее та-

лантливых, но явно ненадежных своих «генералов» — к Фаику. Последний во главе значительного войска дал сражение Богра-хану уже на подступах к Бухаре, при Хардженге, вблизи Рабат-и-Мелика. Битва умышленно была им проиграна, и Бухара осталась беззащитной. Измену Фаика, в первую очередь, подтверждает тот факт, что он вскоре был назначен Богра-ханом на пост наместника Термеза и Балха.

Поражение при Хардженге заставило Нуха ибн-Мансура покинуть столицу, и Бухара без боя была занята Богра-ханом (в 992 г.). Своим местопребыванием караханидский хан избрал прекрасный дворец в Джун Мулиане. Однако Богра-хан недолго оставался в Бухаре. Болезнь и тяготы летнего климата заставили его покинуть столицу саманидов и направиться в лучший из городов Мавераннахра — Самарканд. Нух воспользовался этим случаем и быстро повернул со своим отрядом к Бухаре, найдя военную поддержку у Абу Али. Ранее Абу Али поднял мятеж против Нуха, а затем стал в оппозицию к Богра-хану, отношения с которым к этому времени у него сильно испортились.

Временному упрочению положения Нуха содействовала также все усиливающаяся болезнь Богра-хана, вынужденного поэтому даже покинуть Самарканд и направиться к себе на родину, в Кашгар, по дороге куда он и умер.

Казалось бы, что для Нуха обстановка начинала складываться более благоприятно и что он должен был бы использовать смерть энергичного хана, фактически руководившего всем караханидским движением. Однако Нух не смог найти среди своих приближенных ни одного надежного и способного военачальника. Кроме того, в тылу у него также было беспокойно. Хорасан находился в руках Абу-Али и Фаика — временно объединившихся врагов. Что же касается областей Газны и Герата, то они были в руках фактически независимого от саманидов их наместника Себук-Тегина, весьма быстро сделавшего умопомрачительную карьеру от простого гуляма до могущественного правителя. В 977 г. он стал, вопреки воле Нуха ибн-Мансура, правителем Газны, и с тех пор отношения между ним и саманидским эмиром сделались весьма напряженными. И все-таки обстоятельства вынудили Нуха обратиться к его помощи.

В 996 г. тюрки возобновили наступление на Бухару. Фактическим главой караханидского движения на Мавераннахр после смерти Богра-хана сделался Наср, человек не менее энергичный и решительный, чем его предшественник.

Себук-Тегин выступил на помощь Нуху с большим войском. В Балхе к нему присоединились отряды владетелей Чаганиана, Гузгана и Хутталяна. Когда Себук-Тегин стал лагерем в районе Кеша, он потребовал, чтобы к нему присоединился со своим отрядом и Нух. Это звучало прямым вызовом суверенным правам саманидского эмира. Тот, конечно, отказался и послал Себук-Тегину предписание самому явиться в Бухару. В ответ на это Себук-Тегин послал вместо себя 20-тысячный отряд, который и установил его фактическую власть в Бухаре. После этого Себук-Тегин начал от своего имени переговоры с Насром о разделе сфер влияния. Порешили на том, что весь бассейн Сыр-дарьи перейдет в руки караханидов. Характерно, что своим наместником в Самарканде Наср назначил Фаика, окончательно перешедшего на сторону караханидов.

Согласно договору, Себук-Тегин сделался полновластным хозяином земель, лежащих на юг от Аму-дарьи и, в первую очередь, Хорасана.

Таким образом, саманидам фактически оставлена была лишь центральная часть Мавераннахра. Все эти решения были приняты помимо Нуха ибн-Мансура, который потерял всякое значение и ненадолго пережил эти столь неблагоприятные для него события.

На престол вступил Мансур ибн-Нух (997—999 гг.), бывший, по словам таджикского историка XI в. Бейхаки, умным и талантливым человеком. Обстоятельства, однако, продолжали неблагоприятно складываться для саманидов, и Мансур не мог направить события в желательную для себя сторону. Положение Мансура осложнялось все усиливавшейся враждой между ним и его военачальниками, которые интриговали не только друг против друга, но и против самого эмира Мансура ибн-Нуха. Наиболее деятельное участие в этих интригах принимал Фаик, который был подлинным ставленником Насра при дворе Мансура в Бухаре.

В феврале 999 г. Фаик, опираясь на тюркских гулямов, схватил Мансура и, ослепив, низложил его с престола. Это был удар в спину ослабленной саманидской династии. Фактически Мавераннахр не имел ни средств для сопротивления, ни человека, который мог бы возглавить борьбу, да и народные массы совершенно равнодушно взирали на происходившие события.

О падении Бухары и въезде в нее Насра в октябре 999 г. имеется весьма интересный рассказ одного купца, очевидца событий, записанный Хилалем ас-Саби, историком первой половины XI в. Согласно этому рассказу, когда Наср подступал к Бухаре, оставшиеся члены саманидской династии поручили своим проповедникам обратиться к народу за поддержкой. Проповедники, действительно, обратились с кафедр соборных мечетей к населению столицы с призывом выступить в защиту саманидской власти. Представители народа запросили по этому поводу своих факихов, и те будто бы ответили: «Если бы ханиды (тюрки) препирались (с саманидами) из-за религии, то сражаться с ними было бы обязательным. Но когда борьба идет из-за благ сего мира, то не позволено мусульманам губить себя и предоставлять себя для убийства».

Занятие Бухары Насром в 999 г. решило вопрос о захвате караханидами власти в Мавераннахре, хотя некоторое время саманиды продолжали еще делать попытки вернуть Бухару и Самарканд. Эти попытки продолжались до 1005 г. Возглавлял борьбу не лишенный таланта военачальник саманид Абу Ибрахим Исмаил, носивший лакаб (прозвище) Мунтасир, что значит, «победоносный». Мунтасира энергично поддерживали туркмены (огузы), союзники храбрые, но ненадежные, кочевавшие в это время на правом берегу Зарафшана в районе Нура (Нур-ата). Борьба против караханидов принимала иногда настолько благоприятный для саманидов характер, что появлялась надежда на изгнание караханидов из Мавераннахра. Однако отдельные удачи не могли изменить хода событий. В 1005 г., когда был убит Мунтасир, сопротивление караханидам прекратилось совсем.

§ 4. СРЕДНЯЯ АЗИЯ И КАРАХАНИДСКОЕ ГОСУДАРСТВО В НАЧАЛЕ XI в.

Еще в X в., в годы наибольшего политического могущества саманидов, город Газна стал привлекать к себе внимание мятежных элементов среди тюркских военачальников. Отдаленность Газны от центра саманидского государства, близость к богатым районам и городам северной Индии, куда можно было делать грабительские набеги под флагом священной войны против неверных, ставили назначенного самани-

дами правителя в положение почти самостоятельного владельца, предпринимавшего походы в Кашмир, Пенджаб, Мульта, а также в другие области северной Индии по собственной инициативе и за собственный страх и риск. Первая попытка организовать в Газне независимое княжество связана еще с именем саманидского военачальника из тюркских гулямов Алп-Тегина, который низложил здесь местного владельца (в 962 г.) и установил свою власть в области, правда, на короткий срок. Вторая попытка захватить власть в Газне (на этот раз удачная) была сделана упомянутым выше Себук-Тегинем, бывшим гулямом Алп-Тегина. Событие это произошло в 977 году, и с тех пор власть в Газне оставалась в руках Себук-Тегина и его потомков.

В дни захвата Насром Бухары эмиром в Газне был Махмуд, сын Себук-Тегина, известный в истории под именем Махмуда Газневи, основатель могущества газневидов. Махмуд начал свое правление в весьма выгодный для него момент. В том же самом 999 г., когда Наср овладел Бухарой, Махмуд получил от багдадского халифа Кадира (991—1031 гг.) титул «иемин ад-даула ва амин ал-милла», т. е. «десница державы и доверенное лицо религиозной общины», а вместе с титулом и диплом на управление Хорасаном. В ответ на получение этого титула Махмуд стал провозглашать на хутбе имя халифа Кадира, что являлось признанием его суверенитета. В 1001 г. Махмуд договорился с Насром об установлении границ между караханидским государством и его владениями. Главной пограничной линией сделалась река Аму-дарья. На месте саманидского государства образовалось два новых государства: одно—караханидское, тянувшееся от Кашгара до Аму-дарьи и включавшее в себя часть Восточного Туркестана, Семиречье, Шаш, Фергану и территорию древнего Согда; другое—газневидское, простиравшееся от границ северной Индии почти до южных берегов Каспийского моря, включавшее области нынешнего Афганистана и северовосточный Иран.

С первых же дней своего существования газневидское государство стало играть в судьбах Ирана и Средней Азии, в частности Мавераннахра, большую роль. В основу своей политики Махмуд Газневи положил создание сильного и хорошо вооруженного войска, организованного для непрерывных грабительских походов в северную Индию, которые велись под лозунгом священной войны против неверных (газават). За время своего царствования (998—1030 гг.) Махмуд Газневи совершил семнадцать грабительских походов на Пенджаб, Кашмир и другие области северной Индии.

Не намереваясь прочно захватить эти богатые и культурные области, ни тем более включить их в свое государство, Махмуд не церемонился с захваченными городами и селениями. Его отряды грабили имущество, сжигая дома целыми кварталами, вывозили золото, серебро в виде статуй и сосудов, захваченных в храмах, а также ткани, оружие, слонов, скот и многое другое. Обозы длинными караванами возвращались в Газну и другие города газневидского государства, нагруженные добычей. В один из походов Махмуд вывез из городов Канауджа 20 миллионов дирхемов, 57 тыс. рабов и 350 слонов. Семнадцать индийских походов Махмуда разорили области северной Индии настолько, что нужны были долгие годы напряженного труда, чтобы хотя бы частично возродить бывшее богатство. Награбленное добро, обогащая казну газневидского эмира, давало ему возможность непрестанно увеличивать войско, возводить прекрасные постройки—дворцы, мечети, медресе, поднять блеск дворцовой жизни. Но на такие цели, как раз-

витие производительных сил страны—поднятие сельского хозяйства, расширение ремесленного производства в городах и селениях, за исключением столицы государства Газны—эти огромные суммы не пошли.

Эти походы сделали Махмуда сильнейшим государем своего времени. С его именем считались все его соседи и даже сам караханидский хан, сидевший в отдаленном Кашгаре, с которым, в свою очередь, считался и Махмуд Газневи, ставивший одной из важнейших целей своей внешней политики установление мирных, добрососедских отношений с караханами. Это было ему необходимо прежде всего для того, чтобы во время индийских походов оставаться спокойным за свой глубокий тыл. Однако установить мирные отношения было не так-то легко, ибо в первые годы после завоевания Мавераннахра караханидские ханы не оставляли мысли захватить Хорасан.

Известны два караханидских похода на Хорасан—в 1006 г. и в 1008 г. Первый из этих походов был предпринят в то время, когда Махмуд Газневи находился в северной Индии. Караханидским войскам удалось захватить Балх, Тус и Нишапур. Интересно отметить, что хорасанская землевладельческая аристократия в лице наиболее влиятельных дехкан, находясь в резкой оппозиции к Махмуду, активно поддерживала тюрков, т. е. вела себя точно так же, как держало себя во время походов Богра-хана и Насра на Бухару мавераннахрское дехканство. Впрочем, успех караханидов продолжался недолго: Махмуд вернулся из Индии и прогнал их.

Второй из указанных походов имел место на грани 1007 и 1008 гг. На этот раз в битве участвовал сам Махмуд, в войске которого находилось 500 слонов. Тюркское войско было разбито и бежало. Движение караханидов за Аму-дарью было таким образом прекращено.

Вместе с саманидами в Мавераннахре пало централизованное государство и прекратились, во всяком случае надолго, даже всякие попытки к его воссозданию. Тюрки принесли с собой в Мавераннахр практику управления посредством системы уделов. Огромные территории от Кашгара до Аму-дарьи были розданы по областям отдельным членам караханидского дома, носившим титулы илек-ханов. В долине Зарафшана и Кашка-дарьи илек-ханом (удельным князем) в течение почти 30 лет, вплоть до 1034 г., был Али-Тегин, владетель Самарканда и Бухары.

Среди караханидских удельных ханов сразу же начались смуты. Особенно враждебные отношения установились между илек-ханом Мавераннахра Али-Тегинем и великим ханом (тамгач-ханом) Кадыром, сидевшим в Кашгаре. Махмуду Газневи эта вражда, принимавшая иногда активные формы, была чрезвычайно выгодна. Особенно он был заинтересован в том, чтобы как-нибудь ослабить своего соседа—караханидского илек-хана Али-Тегина. В известной мере того же хотел и Кадыр-хан.

На этой почве произошло в 1025 г. в окрестностях Самарканда личное свидание двух могущественных государей своего времени—Махмуда Газневи и тамгач-хана Кадыра.

Гардизи, персидский историк XI в., в своем труде «Зейн ал-ахбар» («Украшение известий») красочно рассказывает об этом свидании, состоявшемся к югу от Самарканда. Оба государя обменялись приветствиями и любезностями, вручив друг другу в качестве первых подарков по большому драгоценному камню. Махмуд Газневи при первом же свидании увидел, что Кадыр-хан не искушен в дипломатических тонкостях и придворных любезностях, не привык к этикету встреч, а

также несколько наивен и неуклюж. Учтя все это, Махмуд Газневи решил поразить воображение Кадыр-хана роскошью и богатством своей ставки и гостеприимством своего дома. Он дал распоряжение поставить для Кадыр-хана большую палатку из затканной золотом парчи, украсить ее снаружи и изнутри, а главное, приготовить разнообразное и обильное угощение и дорогие подарки.

Шахтер был, действительно, необычайно украшен, имел несколько помещений — одно для еды, другое для веселья. Гардизи подробно перечисляет подарки, которые сделал Махмуд газневидский караханидскому тамгач-хану. Здесь были драгоценные камни, золотые и серебряные кубки, прекрасные кони с золотыми уздечками, слоны-самки, вышитые палатки, дорогие ковры и многое другое. Когда Кадыр-хан, вернувшись в свою ставку, увидел все это богатство, он отдал приказ собрать все лучшее, что у него имелось, чтобы не ударить в грязь лицом перед могущественным государем, так богато его одарившим. Собрав огромное количество денег, дивных коней с золотой сбруей, турецких гулямов с золотыми поясами, меха соболей, горностаев, черных лисиц и т. д., он отослал все это Махмуду Газневи.

Свидание сопровождалось важными беседами на политические темы. Было решено отобрать у Али-Тегина Мавераннахр и передать его Йиган-Тегину, сыну Кадыр-хана. Али-Тегин вынужден был временно покинуть Мавераннахр и уйти к своим союзникам-туркменам, кочевавшим на правом берегу Зарафшана в районе Нура бухарского, где в это время большую роль играли внуки Сельджука — Исраил, Тогрул и, Давуд. Махмуд отдал приказ найти этих сельджукидов и разбить их. Во время битвы удалось взять в плен Исраила, который в качестве заложника и пленника был отправлен в одну из индийских крепостей, где вскоре и умер.

Совсем изгнать Али-Тегина, однако, не удалось, да, впрочем, это и не входило в подлинные намерения Махмуда Газневи. Он хотел только ослабить Али-Тегина, видеть же на его месте сына Кадыр-хана ему не улыбалось, ибо это означало бы иметь своим соседом самого Кадыр-хана, что не сулило ничего иного, кроме столкновений на берегу Аму-дарьи.

§ 5. ХОРЕЗМ И МАХМУД ГАЗНЕВИ

Нам уже приходилось говорить, что Хорезм в составе саманидского государства оставался полунезависимым владением.

В годы катастрофы, когда караханидское завоевание привело к падению династии саманидов и распадению огромной территории саманидского государства, Хорезм, благодаря своему окраинному положению, не вошел ни в караханидское, ни в газневидское государство. Предоставленный самому себе, Хорезм оказался в весьма благоприятных условиях для своего дальнейшего роста, так как находился на перекрестке торговых путей из Поволжья через Среднюю Азию в Монголию и Китай, с одной стороны, и в Иран — с другой. Кроме того, Хорезм вел торговлю с кочевой гузской степью, которая поставляла на пограничные хорезмские рынки скот, мясо, шерсть. Вследствие этого страна богатела, в особенности города.

Географы X в. описывали Хорезм как страну, богатую разнообразными произведениями земледельческой культуры. По словам ал-Макдиси, «это область известная, обширная, со множеством городов... не прерываются (там) жилища и сады, (в ней) множество винограда, да-

вилен, пашен, деревьев, фруктов и материальных благ, (она) прибыльна для людей торговли». Несколько ниже ал-Макдиси еще раз возвращается к общей характеристике Хорезма и говорит: Хорезм по площади равен «восемьдесят на восемьдесят (фарсахов), в нем не прерываются жилища, обильные водой каналы, огромные запасы рыбы и баранов, это место торговли с гузами и тюрками». Отмечает ал-Макдиси и высокий культурный уровень жителей Хорезма: «Они — люди понимания науки, фикха, способностей и литературного образования; я редко встречал имама в фикхе, литературе и коране, чтобы он (имам) не имел бы ученика—хорезмийца, который бы уже не преуспел (в знании)».

Во второй половине X в. выдвинулся северный Хорезм и его столица Ургенч (Гургендж, в арабской транскрипции Джурджания). Известно что до 996 г. Хорезм разделялся на две части—Южный и Северный Хорезм. Столицей Южного Хорезма был древний город Кят, где сидел правитель с титулом хорезмшаха; столицей Северного Хорезма был упомянутый выше Ургенч, который являлся местопребыванием эмира.

В 996 г. правитель Северного Хорезма Мамун ибн-Мухаммед объединил эту небольшую, но богатую и культурную страну в единое государство, принял титул хорезмшаха и столицей страны сделал Ургенч.

Мамун ибн-Мухаммед (995—997 гг.) и его сын Али ибн-Мамун (997—999) взяли курс на усиление независимости и военного могущества Хорезма.

Махмуд Газневи прекрасно понимал возможности Хорезма, учитывал его богатства, культурные силы и потому стремился превратить его государя в покорного себе вассала. Вот почему он выдал замуж за хорезмшаха Али ибн-Мамуна и его брата Мамуна ибн-Мамуна своих сестер, рассчитывая, что в качестве близких родственников они будут сговорчивее в политических вопросах.

После смерти Али ибн-Мамуна престол хорезмшахов занял его брат Мамун ибн-Мамун (999—1016 гг.). Это был умный, культурный человек, стремившийся сделать свою страну сильным и независимым государством, однако излишне осторожный и недостаточно смелый. Мамун ибн-Мамун продолжал строительную деятельность своих предшественников. Еще при его отце и брате в Ургенче было построено два прекрасных дворца. По словам ал-Макдиси, у одного из них, стоявшего у ворот ал-Хаджаджа, были ворота, равных которым не было во всем Хорасане и которые отличались редкой красотой. Другой дворец построен был на площади Ригистана, которая похожа была на одноименную площадь в Бухаре. В Хорезме в конце X и начале XI вв., как и в саманидской Бухаре, имелись прекрасные образцы архитектурных сооружений. Нельзя, конечно, утверждать, что хорезмшахи подражали саманидам, так как в Хорезме были свои богатые традиции строительного дела. Но во всяком случае они стремились не отставать от саманидов в украшении и благоустройстве своей столицы.

С именем Мамуна ибн-Мамуна, как мы уже видели при изложении биографии ибн-Сины, связано создание при дворе в Ургенче крупного культурного центра; на придворных меджлисах собирались лучшие научные силы начала XI в. Вспомним, что здесь выступали такие великие люди, как ибн-Сина и ал-Бируни. Кроме них, в Ургенче жили Абу Сахл Масихи, Абу-л-Хайр-ал-Хаммар—выдающийся медик, Абу Наср Аррак—крупный математик и другие ученые. Махмуд Газневи с завистью смотрел на это замечательное окружение хорезмшаха Мамуна ибн-Ма-

муна и, как мы увидим ниже, сделал все, чтобы ослабить культурное значение Ургенча и перетянуть находившихся там ученых к себе.

Багдадский халиф Кадир (991—1031 гг.), внимательно следивший за событиями в Хорасане и Средней Азии, стремился повсюду вносить разлад между отдельными владениями, видя в этом лучшее средство ослабления их могущества. Учитывая растущую силу Хорезма, халиф Кадир послал хорезмшаху Мамуну ибн-Мамуну через особого посла почетную одежду, а также диплом с пожалованием ему титула «айн-ад-даула ва зайн ал-милла» т. е., «око государства и украшение религиозной общины»). Кадир прекрасно сознавал что пожалование хорезмшаху всех этих знаков почета и внимания будет крайне неприятно султану Махмуду Газневи. Понимал это и сам хорезмшах. Вот почему он отправил ал-Бируни, выполнявшего иногда некоторые ответственные политические поручения государя, навстречу послу с тем, чтобы вручение подарков и знаков почета состоялось не во дворце на государевом приеме, а в скромной обстановке, в глуши.

Конечно, Махмуд Газневи, у которого давно созрело намерение ликвидировать самостоятельность хорезмшаха, очень скоро узнал о происшедшем. Это утвердило его в решении последовать совету своего везира Абу-л-Касима Майменди—испытать верность хорезмшаха через находившегося в Ургенче своего посла. И вот однажды, в 1014 г., посол Махмуда Газневи в Хорезме в очень деликатной форме предложил хорезмшаху прочесть хутбу на имя султана Махмуда Газневи, уверяя, что он предлагает это по собственной инициативе. Мамун, понимая, кто являлся истинным инициатором этого предложения, медлил с ответом. Посол повторил тогда предложение в более категорической форме. Мамун не решился взять на себя ответственность и дать ответ и предпочел поэтому созвать к себе на совет представителей хорезмской знати, в том числе наиболее влиятельных военачальников. Последние, узнав, в чем дело, и заподозрив хорезмшаха в намерении пойти на уступки и выполнить требование Махмуда, обнажили оружие и стали угрожать Мамуну смертью. Положение Мамуна было чрезвычайно тяжелым. Хотя он считал сопротивление безнадежным, однако выполнить предписание Махмуда, равносильное отказу от независимости Хорезма, не решился, боясь восстания собственного народа. Положение осложнялось еще и тем, что караханиды, в лице мавераннахрского илек-хана, явно стремились вмешаться в назревавший конфликт.

Бейхаки сохранил нам замечательное письмо султана Махмуда Газневи к хорезмшаху по поводу создавшегося в Хорезме напряженного положения. Письмо это, как и ряд других ценных сведений о конфликте с Махмудом Газневи и последних днях независимости Хорезма, Бейхаки извлек из недошедшего до нас сочинения ал-Бируни, который был не только современником и свидетелем, но и активным участником событий, приведших Хорезм к полной потере политической независимости.

Письмо султана Махмуда Газневи является образцом дипломатической переписки того времени, свидетельствующим о давней и высокой культурной традиции в этой области. Приведем небольшой отрывок из этого письма в прекрасном переводе В. В. Бартольда: «Известно, на каких условиях был между нами заключен договор и союз и насколько он, хорезмшах, обязан нам. В этом вопросе о хутбе он оказал повиновение нашей воле, зная, чем для него может кончиться это дело; но его люди не позволили. Я не употребляю выражения «гвардия и подданные», так как тех нельзя назвать гвардией и подданными, которые в состоянии

говорить царю: делай это, не делай того! В этом видны слабость и бессилие власти, так оно и есть. На этих людей я разгневался, долгое время пробыл здесь в Балхе и собрал 100 тысяч всадников и пехотинцев и 500 слонов для этого дела, чтобы наказать мятежников, оказывающих сопротивление воле государя, и поставить их на истинный путь. В то же время мы разбудим эмира, нашего брата и зятя, и покажем ему, как надо управлять государством; слабый эмир не годится для дела». Дальше в письме указывается, что Махмуд Газневи мог бы удовлетвориться и вернуться домой в Газну лишь при исполнении одного из следующих условий:

- 1) хорезмшах прочтет хутбу на имя султана Махмуда Газневи или
- 2) пришлет достойные его, Махмуда, подарки и деньги, которые потом тайно будут отосланы обратно хорезмшаху, так как он, Махмуд, настолько богат, что в них не нуждается, или
- 3) хорезмшах вышлет к Махмуду лучших вельмож, факихов и имамов с просьбой о милости, чтобы при возвращении люди Махмуда видели степень покорности Хорезма и его правителя.

Получив это письмо, хорезмшах попал в еще более затруднительное положение. Продолжая держаться своей нерешительной политики, он никак не мог отважиться на тот или иной шаг, четко выявивший бы его линию поведения.

Прекрасно понимая, что Махмуд Газневи требует от него полного повиновения, он приказал читать хутбу на имя последнего, но лишь в Несе и Фераве, которые только недавно вошли в состав Хорезма, и в ряде других городов, не имевших политического веса в стране. В Кяте же и в Ургенче он это мероприятие провести не решился, опасаясь восстания народа, который не желал расставаться со своей независимостью.

Половинчатая политика, однако, не спасла ни страну, ни тем более хорезмшаха. В войске его, стоявшем в Хазараспе, созрел заговор против Мамуна. Весной 1017 г. войско пошло на столицу, воины убили везира и нескольких крупных чиновников, подожгли дворец, в котором заперся хорезмшах, ворвались к нему и убили его.

На престол был возведен племянник Мамуна Абу-л-Харис Мухаммед ибн-Али, но царствование его продолжалось очень недолго. Узнав о событиях, Махмуд немедленно собрал огромное войско и двинулся на Хорезм. Силы были неравны, и, хотя хорезмийцы дрались храбро и умело, они были разбиты под Хазараспом. В июле 1017 г. была решена судьба Хорезма. Он перестал существовать как самостоятельное государство и вошел в состав газневидского государства. Правителем в Хорезм, с сохранением титула хорезмшаха, был назначен Алтунташ, тюрк по происхождению, служивший у Махмуда в должности главного хаджиба.

Присоединение Хорезма было большим дипломатическим и военным успехом Махмуда Газневи. Если до 1017 г. караханиды и могли считать себя сильными соперниками газневидского государства, то теперь соотношение сил явно склонилось в пользу последнего.

§ 6. СЕЛЬДЖУКИДЫ В 20—30 гг. XI в. И ПАДЕНИЕ ГАЗНЕВИДОВ

Сельджукидское движение первой половины XI в. происходило за пределами Мавераннахра, хотя возникло отчасти и на его территории. Связанные с ним события имели огромный резонанс на всем передне- и среднеазиатском Востоке.

Во главе сельджукидского движения стояли братья Тогрул-бек и

Чагры-бек Давуд, внуки Сельджука, и дядя их Муса Ябгу, сын Сельджука. Происходили они из старейшего туркменского племени кынык. Стояли братья сельджукиды во главе группы туркмен-кочевников, в состав которой, повидимому, входило несколько родов и племен, находившихся в родственных связях и с другими туркменскими родоплеменными объединениями. Первоначально сельджукиды кочевали в районе нижней Сыр-дарьи у Дженда, но из-за ссоры с правителем последнего, Шах-Меликом, вынуждены были уйти на правый берег Зарафшана, где саманиды предоставили им кочевья у Нура (Нур-ата). Жили саманиды с сельджукидами в ладу, что, между прочим, проявилось в той — правда, не всегда надежной — помощи, которую туркмены оказывали им во время борьбы с караханидами.

Положение туркмен-сельджукидов в первой половине XI в. очень ухудшилось. Дело в том, что вместе с караханидами в Мавераннахр, в частности — в Зарафшанскую долину, пришло немало тюрок-чигилей, карлуков, ягма и других. Им всем нужны были места для кочевий, в том числе и правобережье Зарафшана, от Нура по направлению к Самарканду, где уже обитали туркмены.

Пока хозяином Мавераннахра был илек-хан Али-Тегин (ум. в 1034 г.), сельджукидов мало беспокоили; после же его смерти, когда всеми делами из-за малолетства сыновей Али-Тегина фактически управлял Тунуш, положение их сильно ухудшилось. Обстоятельства вынудили их в конце концов покинуть долину Зарафшана. Хорезмшах Харун в 1034 г. предоставил им земли в районе Рабат-и-Машэ, Шурахана и Гаухорэ, однако на них напал владетель Дженда и перебил 8 тысяч человек. Предводители сельджукидов, упомянутые выше Тогрул-бек, Чагры-бек Давуд и Муса Ябгу, решили уйти оттуда и просить земель у Масуда, сына Махмуда Газневи, правившего с 1030 по 1041 г.

Сельджукиды направили послов к газневидскому правителю Хорасана с просьбой предоставить им кочевья в районе Серахса, Мерва, Абиверда, Несы и Феравы. Эти места представляли собой хорошие кочевья, а некоторые из них, например районы Серахса и Абиберда, изобиловали к тому же богатыми полями, что также очень ценилось кочевниками.

Газневидское правительство уже и раньше пускало на эти земли туркмен и имело в этом отношении горький опыт. Поселив в 1025 г. с разрешения Махмуда Газневи группу туркмен в 4 тысячи шатров в районе Абиверда, Несы и Феравы, газневидские власти допустили большую ошибку. Вымогательства газневидских чиновников, требовавших взяток в виде поставки в их личное пользование баранов, озлобило туркмен и они в ответ начали творить насилия над мирным оседлым населением. Между туркменами и соседними селениями создались явно враждебные, совершенно невыносимые отношения.

Махмуд Газневи был вынужден прибегнуть к военной силе, чтобы привести туркмен к повиновению. Газневидское войско нанесло поражение главным силам кочевников, и последние вынуждены были покинуть отведенные им земли. Одна часть туркмен ушла в район Балханских гор, другая — в район Дихистана. Большая же часть их перекочевала на запад — в Ирак Персидский, а оттуда — в Армению и Азербайджан.

Все происшедшие с туркменами при Махмуде в 1025 г. оставило настолько сильное впечатление, что хорасанский наместник повел переговоры с представителями Тогрул-бека в явно недружелюбном тоне.

Туркмены, однако, были весьма настойчивы, и, в конце концов, если не полностью, то частично добились своего. В 1035 г. по договору в Нишапуре они получили земли в районе Несы, Феравы и Дихистана, но и на этот раз, как и десять лет назад, не сумели наладить мирных отношений с земледельческим населением.

Не прошло и нескольких месяцев, как положение стало совершенно невыносимым. Сельджукидские предводители только на словах склонны были идти на установление с оседлым населением мирных отношений. На деле же они настойчиво продолжали требовать у газневидского правительства новых земель, особенно в районе Мерва и Серахса. Масуду не осталось другого выхода, как вновь обратиться к силе оружия. Обстановка, однако, сложилась для газнеvidов неблагоприятная. В Хорасане у них не оказалось надежной базы, так как ни газнеvidы, ни их наместники не пользовались в этой огромной и богатой стране популярностью. Последнего газневидского наместника Абу-л-Фазла Сури население Хорасана явно ненавидело за вымогательство, взятки и другие злоупотребления.

Особенно страдало население Хорасана от военных постоев и насилий, творимых газневидскими войсками. Бейхаки, персидский историк XI в., наиболее полно освещающий эти события, бывший сам свидетелем многих из них, рассказывает, что Хорасан во время появления здесь туркмен, находился в состоянии полной анархии.

В такой обстановке борьба газнеvidов с сельджукидами приняла невыгодный для султана Масуда оборот. Посланное им против туркмен войско потерпело поражение под Серахсом, что открыло туркменам дорогу к главному городу Хорасана—Нишапуру. В 1038 г. Тогрул-бек с отрядом в 3 тысячи человек занял Нишапур, не встретив никакого сопротивления. Характерно, что представители высшего нишапурского духовенства и купечества высказались за безусловную сдачу города.

Однако занятие Нишапура не решало еще судьбы Хорасана. Борьба продолжалась. Одно время военное счастье, казалось, вновь повернулось в сторону газнеvidов. Так, Масуд одержал большую победу в том же 1038 г. под Серахсом. Газневидский государь, однако, переоценил значение этой победы и отводом своих войск из района военных действий предоставил сельджукидам возможность окрепнуть и собрать новые силы.

В 1040 г., при Данданакане, между Серахсом и Мервом, произошло последнее, на этот раз решающее, сражение. Большая армия газнеvidов, пройдя безводную пустыню, обессиленная жаждой и усталостью, потерявшая всякое чувство дисциплины, потерпела полное поражение. От армии Масуда Газневи не осталось ничего, а сам он с небольшим отрядом спасся бегством. Битва 1040 г. положила конец могуществу газнеvidов, превратив их государство в небольшое княжество местного значения.

На развалинах газневидского государства образовалась новая держава—государство великих сельджукидов, историческая жизнь которого протекала за пределами Средней Азии, хотя и в тесной связи с ней. Захваченные у газнеvidов земли были розданы отдельным членам сельджукидского дома в качестве уделов: Тогрул-беку была выделена большая часть северных и северозападных областей Ирана, Чагры-беку Давуду—Мерв и большая часть Хорасана, Муса Ябгу—области Туса, Герата и Сеистана.

Главою сельджукидского государства стал Тогрул-бек (1038—1063 гг.), который, продолжая завоевания, покорил Ирак Аджем

(Ирак Персидский), Азербайджан, Курдистан и Кухистан. В 1055 г. Тогрул-бек вступил со своими войсками в Багдад и принудил халифа ввести в хутбу свое имя. За аббасидским халифом осталась духовная власть, светская же передавалась Тогрул-беку с титулом султана. Столицей нового государства Тогрул-бек избрал город Рей. Взоры его целиком были устремлены на запад. Собственный удел мало его интересовал, а с караханидами, которые были сильнее его, Тогрул-бек искал только мира. Однако мир этот был не очень прочен и долгов. Выявились спорные вопросы, которые привели обе тюркские династии к столкновениям.

§ 7. ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО МАВЕРАННАХРА ПРИ КАРАХАНИДАХ В XI—XII вв.

Падение саманидского государства и приход к власти караханидов в Мавераннахре нельзя рассматривать только как смену таджикской династии тюркской. Изменения, которые произошли в Средней Азии, были более глубокими и захватили все стороны политической и социальной жизни. Прежде всего рухнула вся система централизованного государства, укрепить которое наиболее яркие представители династии саманидов стремились на протяжении целого столетия. Вместо единого централизованного государства караханиды создали удельную систему управления страной.

Все земли от Кашгара до Аму-дарьи считались собственностью караханидского дома, глава которого—великий хан—сидел чаще в Кашгаре, реже в Баласагуне. Глава ханского дома носил титул «хана ханов» или «султана султанов», наподобие иранского верховного титула «царя царей» («шаханшах»). В источниках глава караханидского ханского дома часто именуется «тамгач-хан» или «табгач-хан». Этим титулом тюрки называли и китайского императора.

Караханидское государство делилось на отдельные части—уделы, во главе которых стояли члены караханидского дома, носившие титул илек-ханов.

Ибн-ал-Асир, арабский историк начала XIII в., один из лучших в свое время знатоков истории караханидов и сельджукидов, приводит пример распределения уделов между отдельными членами ханского дома. Рассказывая о событиях 1043—1044 гг., ибн-ал-Асир замечает, что Шереф-ад-Даула, владетель Баласагуна и страны тюрков, разделил все принадлежавшие ему области между братьями, сыновьями и другими подчинявшимися ему родственниками. Так, брату своему Арслан-Тегину он передал много тюркских городов, другому брату—Богра-хану дал Тараз и Исфиджаб, дяде своему Туган-хану—всю Фергану, а себе оставил Баласагун и Кашгар.

Связь между илек-ханами и ханом-ханов не была прочной. Удельные князья—илек-ханы, жили между собой в постоянной вражде, стремились к самостоятельности и потому чаще всего были в плохих отношениях с главой караханидского дома, к тому же обычно сидевшим в отдаленном от Мавераннахра Кашгаре.

До падения саманидского государства столицей караханидов был Баласагун. В XI в. тамгач-ханы жили большей частью в Кашгаре. Одно время, во всяком случае, ранее 1072 г., столицей караханидского государства сделался Узген, ныне небольшой город Киргизской ССР в

восточной части Ферганской долины. Впоследствии, в конце XI в., Узген стал центром Ферганского удела караханидов¹.

Наибольшее значение из караханидских удельных князей имел илек-хан Мавераннахра, обычно сидевший в Самарканде.

§ 8. ПЕРЕМЕНЫ В ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ В МАВЕРАННАХРЕ ПРИ КАРАХАНИДАХ В XI—XII вв.

В источниках мало отразилась организация управления в уделах. После завоевания караханидским илек-ханам помогали в управлении те же самые люди, которые раньше служили гражданскими чиновниками при саманидах, а затем перешли на службу к новой династии, тем более, что караханиды их почти не преследовали.

Хотя сама система управления в уделах и не повторяла полностью порядков при саманидах, однако многие должности сохранили прежнее значение. При илек-ханах состояли везиры, сахиб-берида, мустауфи и другие. В городах сохранились знакомые нам по саманидской эпохе должностные лица: хакиды, рансы, мухтасибы и т. д. В еще меньшей мере претерпела изменения иерархическая структура мусульманского духовенства, с которым караханиды сразу же установили самые тесные, дружественные отношения. В этом вопросе илек-ханы и тюркская военная знать продолжали традицию союза, который был заключен тюркской гвардией еще при саманидах с самой реакционной частью мусульманского духовенства. При караханидах авторитет имамов, сейидов, шейхов, садров стоял высоко, как никогда.

Караханидское завоевание ускорило наметившийся во второй половине X в. процесс распада не только централизованного государства, но и старых форм крупного землевладения.

В исторических и географических сочинениях X—XIII вв. имеется весьма скудный материал относительно общественного строя караханидского государства, особенно о раннем периоде его существования (конец X и первая половина XI вв.). Выше мы видели, что караханидское государство простиралось от Кашгара до Аму-дарьи. Хотя Семиречье и лежит за пределами средневекового Мавераннахра, однако было бы неправильным совсем обойти молчанием эту, игравшую чрезвычайно важную роль в истории караханидского государства, территорию. В первой половине XI в. Семиречье имело не только огромное политическое и культурное значение; его общественные порядки не могли не оказать влияния на общественную жизнь во всех остальных областях караханидского государства, в частности, и в Мавераннахре. Нигде в караханидском государстве соседство культурной земледельческой полосы с кочевой степью не играло такой роли, как в Семиречье. Первый вопрос, который должен поставить перед собой каждый исследователь эпохи,—это вопрос о том, как относились караханидские ханы, вышедшие из кочевой среды, к оседлому населению городов и селений, т. е. какова была их политика в этом отношении.

Ответ на этот вопрос дает замечательный памятник XI в. «Кудатку-Билик»,—литературное произведение Юсуфа хас хаджиба Баласагуни, написанное в 1069 г.

Сочинение это носит дидактический характер и в полной мере отражает взгляды господствующих слоев обществ, близко стоявших к самой верхушке власти.

¹ Махмуд Кашгарский в своем труде называет Узген столицей ферганских илек-ханов. Труд Махмуда Кашгарского написан между 1072 и 1074 гг.

Жил хаджиб Юсуф Баласагуни в разных местах восточных областей караханидского государства и особенно хорошо знал города Баласагун и Кашгар, где не раз имел возможность ознакомиться с придворной средой ханского дома. Неслучайно поэтому свое произведение он посвятил одному из караханидских тамгач-ханов.

«Кудатку-Билик» часто привлекался как ценнейший памятник тюркского языка XI в. для решения ряда вопросов чисто лингвистического и филологического порядка, но как исторический источник, особенно по вопросам социальной истории, «Кудатку-Билик» привлечен был по-настоящему впервые А. А. Валитовой. Весьма ценными в опубликованной ею статье нужно признать приводимые ею в русском переводе выборки тех мест из «Кудатку-Билик», которые наиболее важны с точки зрения истории общественных отношений.

Хаджиб Юсуф Баласагуни, караханидский тюрк по происхождению, являлся типичным городским жителем и отличался большой образованностью. Он принадлежал к наиболее прогрессивным слоям общества своего времени. Он не колебался в выборе между кочевым и оседлым порядками общественной жизни. Для него земледелец и ремесленник были более полезными для общества людьми, чем кочевник-скотовод.

В духе этих взглядов он и высказывается в своем дидактическом произведении, как должна относиться власть к разным классам окружавшего его общества:

«Земледельцы (тарыкчилар), как видишь, составляют еще один род людей,—пишет хаджиб Юсуф Баласагуни.—Они необходимые люди, это ясно. С ними ты общайся и обходись. Они защита глотки, живи без забот. Пользу их испытывают все живые существа. Все получают от них для употребления в пищу».

Хаджи Юсуф особенно восхваляет ремесленников: «Все они необходимые для тебя люди, близко держи их, полезных, великих: кузнецов (темирчи), ткачей (тукучи), сапожников (утукчи), водовозов (сучи) (?), седельщиков (эгорчи), каменотесов (бедизчи), мастеров стрел (укчи) и мастеров луков (джаачи). От перечисления их (всех) мой язык удлинился, тебе слушать (придется), все мои слова удлиняются. Добро этого мира идет от них. Как много удивительных вещей они делают».

Так же восхваляет хаджиб Юсуф Баласагуни и купцов: «Если китайские караваны срежут торговые флаги, то откуда ты сможешь получить тогда десятки тысяч драгоценностей? Если торговцы не станут объезжать мир, то как смогут видеть твои глаза нанизанный жемчуг? Если бы мой язык вздумал в этом мире все перечислить, то нужно было бы много слов, потому придерживу я язык. Подобны этому все торговые люди: обходись с ними, держи открытой твою дверь».

Иное отношение у хаджиба Юсуфа к кочевникам-скотоводам. Признавая их полезность, считая, что у них «кумыс, молоко, шерсть, жир, творог и сыр», он в то же время подчеркивает, что «мудрости они не имеют». У них нет законов, потому «говори им хорошие слова, но не называй их друзьями. Они низменны, невежественны и глупы».

Приведенные места характеризуют не только прогрессивный образ мыслей самого автора «Кудатку-Билик»¹, но и указывают на тот определенный политический курс, которого в конце X и XI вв. придерживались караханидские ханы. Последние прекрасно понимали культурное

¹ При чтении его сочинения нельзя пройти мимо обильной, приводимой им тюркской социальной терминологии из области земледелия и ремесел, что говорит о весьма развитых их формах.

значение земледельческой полосы, особенно городской жизни, и если не все они сами переходили к оседлости, то все же старались связать себя с городами, делая некоторые из них своими столицами—Кашгар, Баласагун, Тараз, Узген, Самарканд, Бухару и др. Здесь они строили свои дворцы и иногда проводили в них зимние месяцы.

Такой же политики по отношению к оседлой полосе караханидские ханы придерживались в Мавераннахре. Однако они не могли принять целиком тех порядков, которые там застали, а лишь приспособили их к интересам как своим, так и той военно-кочевой аристократии, которую возглавляли и представляли.

Когда началось караханидское движение, высший класс саманидского общества—дехканство—в лице своих наиболее богатых и влиятельных фамилий, быстро и решительно перешел на сторону новых завоевателей. Дехканство рассчитывало с помощью караханидов свалить ненавистную саманидскую династию; кроме того, оно почему-то было уверено, что караханиды власти не удержат. Жизнь показала, что они жестоко ошиблись. Караханиды прекрасно понимали истинные намерения дехкан, видели, что, кроме затруднений, они им ничего не принесут и начали против них политику гонений. Повидимому, временами эта политика была очень энергична и сурова, так как за караханидский период истории Мавераннахра постепенно сошли с политической сцены почти все главные дехканские фамилии, а вместе с ними прекратили существование и их родовые владения.

В. В. Бартольд в своих работах не раз отмечает, что ко времени монгольского завоевания, т. е. к началу XIII в., источники почти совсем прекратили упоминать о дехканах, как о крупных землевладельцах. Процесс постепенного уничтожения дехканства протекал весьма болезненно, что видно из следующего рассказа переводчика книги Наршахи «История Бухары» Ахмеда ибн-Мухаммеда ибн-Насра. Говоря о весьма высоких ценах на землю в Бухаре и ее ближайших окрестностях во времена Наршахи, он заявляет, что в его время земли в местности Кушк-и-муган были настолько обесценены, что их отдавали даром, но никто не хотел их брать. Если кто и покупал землю, она у него оставалась пустой, вследствие насилий и жестокостей, какие приходилось переносить подданным¹.

Ахмед ибн-Мухаммед ибн-Наср, по его собственным словам, перевел книгу Наршахи в 522 (1128) г. Таким образом, он жил через 100 лет после упрочения власти караханидов. Говоря о полном обесценении земельной собственности вследствие творимых насилий и жестокостей, он, конечно, имел в виду прежде всего крупное землевладение в лице собственников-дехкан.

Если дехканство, как институт крупных землевладельцев, и сошло с исторической сцены в результате решительной политики караханидов, то самый термин не исчез, но существенно изменил свое значение. Им обозначали теперь лишь мелких земледельцев-общинников, т. е. крестьянство. Вместе с дехканством сошел с исторической сцены и определенный тип крупных землевладельцев, которые не несли никакой службы, связанной с владением землей.

После завоевания караханами Средней Азии, а сельджукидами—Ирана, в XI в. усиливается распространение условного землевладения, известного на мусульманском Востоке под именем «икта». Под ним тогда прежде всего, подразумевали особый тип земельного пожалова-

¹ Вопрос весьма противоречивый и сложный, требует дальнейшего специального исследования. Прим. ред.

ния, с которым связано было систематическое получение определенных доходов. В юридической литературе XI—XIII вв., составленной преимущественно на арабском языке, а также в сочинении «Сиасет-намэ» («Книга об управлении»), написанном Низам-ал-Мульком, везиром сельджукидского султана Мелик-шаха (1072—1092 гг.), икта рассматривалось как пожалование, с которым связано временное, но систематическое получение доли определенных государственных поступлений, в первую очередь, с хараджа.

У Низам-ал-Мулька в «Сиасет-намэ» имеется целая глава, посвященная «икта» и держателям «икта», которых называли «мукта» («мукта» — арабская форма; «иктадар» — персидская форма для обозначения того же держателя «икта»). Приведем главное место из этой главы, в котором Низам-ал-Мульк определяет, что такое икта и каковы права мукта. Мукта, пишет Низам-ал-Мульк, т. е. те, кто держит икта, должны знать, что они не могут взимать с крестьян ничего другого, кроме предоставленной им законной подати, которую они с них могут брать только хорошим способом. И когда они (мукта) ее, законную подать, взимают, то крестьяне должны быть спокойны за свою жизнь, имущество, жен и детей, а также за орудия и земельные участки, так как у мукта (иктадаров) на все это права нет. Если крестьяне пожелают придти ко двору и довести до сведения правителя о своем положении, то они (мукта) не могут их от этого удерживать, и всякого мукта, кто иначе поступит, укротят, икта отберут, а его накажут, чтобы другим это послужило назидательным примером...».

Из приведенного текста видно, что мукта имеет право взимать с крестьян данного селения или группы селений только определенную специальным постановлением подать, т. е. (частично или целиком) харадж и другие налоги в тех размерах, в которых крестьяне вносили их в казну до пожалования икта иктадару. Мукта имеет право не на самую землю, а только на долю продукта крестьянского труда в виде подати или налога. Более того, мукта не имеет права распоряжаться имуществом и личностью сидящих на земле крестьян; иначе говоря, Низам-ал-Мульк отрицает юридически оформленное прикрепление крестьян к владельцу икта. Однако указание Низам ал-Мулька о том, что мукта, поступающие иначе, т. е. налагающие руки на имущество и личность сидящих на земле крестьян, подлежат ответственности, говорит о том, что многие мукта фактически проводили в жизнь это прикрепление уже во времена Низам ал-Мулька, т. е. в конце XI в. К сожалению, в нашем распоряжении не имеется данных о том, располагали ли крестьяне в XI в. в Средней Азии и Иране свободой передвижения или же были лишены такой свободы. В икта жаловались не только земли с сидящими на ней крестьянами; государственная власть могла передавать в икта налоги или доходы и с других объектов обложения, как, например, с мельниц, бань, с лавок на базарах и т. д.

На мусульманском Востоке икта, в указанном смысле, т. е. в смысле пожалования права взимать в свою пользу на определенный срок, частично или полностью, определенные доходы, — теснейшим образом связано было со всей системой взимания государственной казной хараджа. Выше мы не раз имели возможность видеть, как богата была в халифате или саманидском государстве казна, основным доходом которой являлись хараджные поступления в деньгах и натуре. Этот грандиозный материальный фонд и служил тем источником, из которого

халиф и его правительство брали средства на содержание чиновничества и войска.

Очень рано в практике халифата, как нам это известно на основании ряда фактов, относящихся в VIII—IX вв., наметилась тенденция выдавать правителям, военачальникам и другим лицам, состоявшим на службе халифата, пожалования в форме икта, т. е. на тот или иной срок предоставлять право систематического получения доходов в виде известной доли хараджа, а также право на получение определенных доходов, прежде поступавших в казну. До тюркского завоевания караханидов и сельджукидов, т. е. до XI в., икта имело распространение в X в. в Ираке и западном Иране и поощрялось буидами. Особенное распространение икта получило при буидском правителе Муызз-ад-Даула в 40 годах X в. У него икта раздавалось военачальникам и придворной знати в виде пожалования доходов казны с возделанных земель. Имеются факты, указывающие на существование икта и в саманидском государстве.

Таким образом, икта как определенный феодальный институт не было созданием лишь завоевавших Мавераннахр и Иран тюрков. Существовало икта и до XI в., хотя тогда и не играло еще такой крупной роли.

Однако, каково бы ни было происхождение икта, необходимо подчеркнуть, что наиболее широкое распространение этот институт получил только в XI в., благодаря тому, что сельджукидские и караханидские правители находили выгодным для себя награждать такими пожалованиями лиц, находившихся у них на военной и гражданской службе.

Вместе с караханидским и сельджукидским завоеваниями, в Мавераннахр и Иран пришло немалое количество тюрков. В большинстве своем тюрки эти находились в составе войска, но затем в некоторых районах они стали оседать на землю и переходили на оседлый труд. Верхушка же караханидского войска, типичные представители военно-кочевой знати, пришедшие на новые места, не имели никаких оснований к переходу на оседлый быт. Им было хорошо и в степи, поскольку они владели большими стадами и захватили хорошие пастбища в завоеванной стране. В города они наезжали только на короткое время, лишь в те периоды, когда там находился двор илек-ханов, где им в качестве военачальников тогда надлежало присутствовать. Стараясь выжать из покоренной страны максимум доходов, сельджукидские и караханидские правители нашли наиболее удобную форму получения доходов от земледельческого населения в икта, которое, как мы отметили выше, существовало и прежде. Икта обеспечивало получение верных систематических доходов и не требовало от иктадара, подобно оседлому помещику, постоянного присутствия в своем доме-поместье. Тюрк-иктадар мог спокойно продолжать свой кочевой образ жизни и аккуратно получать с какого-нибудь селения, или группы селений, верный доход в виде пшеницы, хлопка, винограда, сухих фруктов, тканей и некоторого количества денег, доставляемых ему в определенные сроки несколько раз в год.

Было бы, однако, большой ошибкой считать, что в XI в. вместе с тюркским завоеванием совершенно прекратилось крупное частное землевладение и что использование доходов крестьян только в форме икта стало всеобщим явлением. Икта сделалось лишь господствующей формой получения доходов с землевладения. Неправильным было бы также считать, что икта жаловались только тюркской военной знати. Мукта и иктадарами становились и крупные чиновники из таджиков, со-

стоявшие раньше на службе у саманидов, а также крупные чиновники новой формации, выросшие на службе у караханидов и сельджукидов в Хорасане. Так, Низам ал-Мульк, упомянутый выше везир Мелик-шаха (1072—1092 гг.), получил в 1073 г. от своего государя в икта город Тус с ближайшей округой. Это означало, что все доходы или их часть, которые раньше шли с Туса и ближайших селений в пользу казны, теперь переходили в руки государева везира. Тот же автор сообщает, что Мелик-шах, завоевав Балх и Тохаристан, передал их в икта своему брату Текешу. Оба вышеприведенных факта указывают, что в икта давались не только доходы с отдельных селений, но и с целых областей и больших городов.

К сожалению, источники сохранили нам немного фактов относительно распространения икта на территории Мавераннахра, в силу чего приходится пользоваться фактическим материалом, относящимся к соседним областям, где жизнь развивалась теми же путями, что и в Мавераннахре. Насколько рано караханиды использовали форму пожалований типа икта в Мавераннахре, видно из того факта, что икта раздавал уже владетель Бухары и Самарканда, илек-хан Али-Тегин.

Икта, однако, не представляло собой закоренелой формы и переживало такую же эволюцию, как и другие формы землевладения. Повсюду институт икта проявил тенденцию из временного пожалования превратиться в пожизненное, из пожизненного—в наследственное. Более того, уже практика XI в. показала, что держатели или владельцы икта стремились наложить руку не только на имущество и личность крестьян, сидевших на пожалованной земле, но и на землю, на которой крестьяне сидели. По настоящему, уже в эту эпоху отмечается практика прикрепления к земле крестьян на среднеазиатском и переднеазиатском Востоке, хотя такие авторы, как ибн-ал-Асир, говоря, например, о политике «великих сельджукидов» и, в частности, о политике Алп-Арслана (1063—1072 гг.), специально останавливаются на том, что при них земледельческое население не было обижено, что имущество у него не отнимали и харадж взимали в облегченном виде два раза в год. Пусть в словах ибн-ал-Асира имеется значительное преувеличение,—остается все же непреложным тот факт, что в первое время при сельджукидах в годы насильственной ликвидации дехкан и крупного дехканского землевладения в Хорасане, положение крестьян было легче, чем при саманидах, и много легче, чем впоследствии при монголах.

Нельзя, однако, забывать и другой стороны завоевания. Вместе с караханидами в Мавераннахр пришло со своими стадами некоторое количество кочевников, что имело последствием известные опустошения в земледельческих районах страны. В начале XI в. в Мавераннахре, особенно в долине Зарафшана, погибло немало полей, бахчей и садов.

Основная масса крестьянства попрежнему продолжала жить в условиях сельской общины. Как и прежде, значительное место занимал издольщик, в отношении которого исторические источники XI в. употребляют термин «барзигар».

Для понимания этого термина в указанном смысле весьма ценно следующее место из «Сиасет-намэ» Низам-ал-Мулька. В главе, специально посвященной мукта и икта, Низам-ал-Мульк упоминает о некоей старушке из числа асиль-заде (благороднорожденных), которая, потеряв мужа и детей и оставшись одна на наследственно принадлежавшем ей участке земли, обрабатывать который сама не могла, сдала эту землю барзигару. Полученный урожай она делила на три части. Одну

часть (долю) она отдавала государству, другую—барзигару, третью же оставляла себе. В том же значении «издольщика» термин барзигар выступает и в персидском переводе арабского юридического сочинения XI в. Мервези. Как и в прежние времена, в издольщики шли не только малоземельные крестьяне, но и совершенно обезземеленные люди.

При караханидах в XI—XII вв. феодальные отношения в Средней Азии значительно подвинулись в своем развитии; но, наряду с феодальными отношениями, важное место в быту военно-феодальной знати, крупных землевладельцев и богатого купечества попрежнему занимало и домашнее рабство.

§ 9. КАРАХАНИДСКОЕ ГОСУДАРСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XI И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XII вв.

В то время как сельджукиды успешно укрепляли свое положение в Иране и энергично проводили на западе дальнейшие завоевания, в Мавераннахре правил караханидский хан, тамгач-хан Ибрахим (1046/47—1068 гг.). Характерной чертой его политики была дружба с ортодоксальной частью мусульманского духовенства, которую караханиды начали проводить еще в первые годы своего владычества в Мавераннахре. Тамгач-хан Ибрахим не совершал ни одного важного дела, не издавал ни одного постановления без совещания с представителями высшего духовенства, что, впрочем, не избавило его от конфликта с одним из шейхов, имамом Абу-л-Касимом Самарканди, который был даже казнен по решению тамгач-хана. О внутренней жизни Мавераннахра в его правление мы имеем мало сведений.

Уже при тамгач-хане Ибрахиме определились не очень дружественные отношения между двумя новыми династиями—сельджукидами и караханидами. Яблоком раздора являлись территории по обоим берегам Аму-дарьи, в районе двух важных городов—Термеза и Балха, которые попали к сельджукидам после того, как их вынуждены были оставить газневиды.

Еще при жизни тамгач-хана Ибрахима, в 1063 г., умер основатель сельджукидского государства Тогрул-бек, место которого занял его племянник Алп-Арслан (1063—1072 гг.), сын Чагры-бека Давуда, сделавший столицей своего государства Мерв. Внешнеполитические интересы Алп-Арслана в значительной степени были обращены на Восток. С его именем связаны походы на Хутталян и Чаганиан, а также на Джэнд и Сауран, предпринятые им со стороны Хорезма, что не могло не обеспокоить тамгач-хана Ибрахима.

В 1068 г. тамгач-хан отказался от престола в пользу своего сына Шемс-ал-Мулька Насра. Трудно определить причины, в силу которых он предпринял этот шаг, повлекший борьбу за престол между двумя братьями—Шемс-ал-Мульком Насром и другим сыном Ибрахима—Шуайсом или Сайфасом (в транскрипции Наршахи). Главная борьба развернулась в Бухаре, где Сайфасом был захвачен арк—цитадель. После долгого и упорного боя победителем оказался Шемс-ал-Мульк, который овладел крепостью, а вместе с ней и Бухарой. Во время этой борьбы сильно пострадала находившаяся тогда вблизи крепости соборная мечеть. Вторым центром борьбы за власть был Самарканд, где победителем также оказался Шемс-ал-Мульк.

В изображении Ауфи, автора XIII в., Шемс-ал-Мульк Наср (1068—1079/80 гг.) являлся, так же как и его отец Ибрахим, «справедливым царем». Он еще не порвал с традициями и привычками кочевото быта, жил со своим двором в степи и лишь зиму проводил в заго-

родном дворце, находившемся в окрестностях Бухары. Шемс-ал-Мульк Наср внимательно следил за тем, чтобы его тюркские воины не оставались на ночь в Бухаре, так как опасался за их поведение. С именем Шемс-ал-Мулька связана крупная строительная деятельность в Мавераннахре, особенно в Бухаре, так ярко описанная Наршахи.

Начавшиеся еще при тамгач-хане Ибрахиме столкновения с сельджукидским государством усилились при Шемс-ал-Мульке Насре. Происходили они главным образом из-за Термеза и Балха. Сельджукидский султан Алп-Арслан предпринял грандиозный поход против караханидов. В 1072 г. он выступил почти с 200-тысячной армией. Чтобы переправить через Аму-дарью столь многочисленное войско, понадобилось построить специальный мост из судов. В самом начале похода Алп-Арслан был убит в своей палатке Юсуфом-ал-Хорезми, комендантом одной из местных крепостей. Смерть Алп-Арслана создала столько осложнений в самом государстве сельджукидов, что поход пришлось отменить и вернуть войско в Иран.

На престол вступил Мелик-шах (1072—1092 гг.)—наиболее яркая фигура из династии сельджукидов. При нем выдвинулся знаменитый везир Низам-ал-Мульк, написавший книгу «Сиасет-намэ» («Книга о правлении»), являющуюся одним из наиболее важных источников по изучению Средней Азии и Хорасана XI в.

Убийство Алп-Арслана в 1072 г. окрылило караханидского хана Шемс-ал-Мулька Насра, и он, пользуясь временной слабостью сельджукидов, перешел в наступление, занял Термез, а потом и Балх. Однако этот успех был кратковременным, так как Мелик-шах вскоре вернул оба указанных города. С этих пор инициатива в области внешней и внутренней политики целиком переходит к сельджукидам, в руки Мелик-шаха.

Положение Шемс-ал-Мулька осложнилось тем, что тамгач-хан Кадыр Юсуф и его сыновья повели с ним борьбу, в результате которой земли на север от Сыр-дарьи, в том числе Фергана, отошли от владений Насра. Ослабленный внутренними неурядицами в караханидском государстве, Шемс-ал-Мульк не только не мог думать о наступательной политике на юго-западе, но имел все основания опасаться активных действий со стороны Мелик-шаха.

В 1080 г. Шемс-ал-Мульк Наср умер, и место его занял брат его Хызр. В источниках почти нет сведений о его царствовании. Не известен даже год, когда он умер. Единственным автором, упоминающим о Хызре более подробно, является упомянутый ал-Арузи ас-Самарканди, который говорит о нем, как о покровителе поэтов. В Мавераннахре при Хызре было относительно спокойно.

Преемником Хызра стал его сын Ахмед, год вступления которого на престол нам также неизвестен. Повидимому, с первых же дней его правления у молодого хана начались недоразумения с высшим мусульманским духовенством и тюркскими военачальниками. Когда Мелик-шах узнал об этом, он счел момент для похода на Мавераннахр подходящим и в 1089 г. с огромным войском переправился на судах через Аму-дарью.

Хамдаллах Казвини приводит интересный рассказ о том, как расплатился Мелик-шах с владельцами, предоставившими ему суда для переправы.

Мелик-шах, который вел дела с Сирией, в частности с Антиохией, поручил, по словам Хамдаллаха Казвини, Низаму ал-Мульку расплатиться после окончания переправы через Аму-дарью с владельцами

судов не деньгами, а чеками на антиохийских саррафов (менял), которые и должны были произвести с ними расчет. Расчеты по коммерческим сделкам производились тогда не на наличные, а на чеки, оплачиваемые по первому требованию, как в данном случае и должны были поступить антиохийские саррафы.

В том же 1089 г. Мелик-шах взял Бухару и Самарканд; последний—после упорного сопротивления, которое ему оказали жители города. Тогда же был захвачен в плен караханидский хан Ахмед, которого отправили в Исфахан, где он и прожил некоторое время в качестве пленника. Мы не знаем точно, сколько лет провел хан Ахмед в плену. Мелик-шах, повидимому, после переговоров с ним вернул ему престол, и Ахмед возвратился в Самарканд. Последние годы его царствования были для него очень тяжелыми, так как вражда его с высшим духовенством и тюркскими военачальниками из чигилей усилилась. Представители реакции обвинили хана в ереси и стали требовать его низложения. В Самарканде они не осмеливались открыто выступить против Ахмеда, ибо он пользовался большой популярностью среди определенных слоев народа. Тогда у врагов Ахмеда созрел план убить его во время предпринятого им похода на Касан в Фергане. В войске нашлись военачальники, которые схватили хана и задушили его тетивой от лука (1095 г.). Событие это произошло уже после смерти Мелик-шаха, который был убит еще в 1092 г. Преемником Ахмеда стал Масуд-хан, возведенный на престол мятежниками, убившими хана. О Масуд-хане мы, так же как и о Хызре, почти ничего не знаем.

После смерти Мелик-шаха в сельджукидском государстве начались смуты, которые закончились лишь в 1118 г., когда к власти пришел последний из «великих сельджукидов»—султан Санджар (1118—1157 гг.). При нем сельджукиды добились максимального влияния на дела караханидского государства в Мавераннахре. Это время фактически было периодом политического упадка караханидов, хотя в первую половину царствования Арслан-хана (1102—1130 гг.) им еще делались попытки вести политику большого, независимого государства. В лучшие годы своего правления Арслан-хан много строил, пожалуй, больше, чем кто-либо из караханидов. С именем Арслан-хана связана и попытка восстановить Пайкент—город, игравший, как мы видели выше, крупную роль в древности и в раннем средневековье. Попытка эта, однако, не дала желаемых результатов из-за невозможности в XII в. провести туда воду в нужном количестве.

В конце своего царствования Арслан-хан был разбит параличом и не мог уже лично руководить делами государства. Если раньше у него бывали столкновения с верхушкой мусульманского духовенства и военного командования, то теперь эти разногласия усилились, и представители мракобесия начали протягивать руки к делам управления государством. Когда Арслан-хан, ввиду своей болезни, назначил соправителем своего сына Насра, духовенство составило заговор, и Насра убили. Тогда Арслан-хан сделал большую ошибку, за которую караханидскому государству пришлось очень дорого поплатиться: он призвал на помощь султана Санджара, жившего в Мерве. И хотя Ахмед, второй сын Арслан-хана, сам восстановил порядок в Самарканде и предал казни мятежников, султан Санджар двинулся с войском в Мавераннахр. Помощь дружественного соседа, каким считался султан Санджар, вылилась в завоевательный поход. Султан Санджар осадил

Самарканд и взял его в 1130 г. Арслан-хан был вынесен из осажденного города на носилках и отправлен в Балх, где вскоре и умер.

Хотя после 1130 г. в Самарканде и правили ханы из караханидского дома, однако они уже утратили свою самостоятельность и в основном подчинялись воле султана Санджара, который в это время был на вершине своего могущества.

ГЛАВА II

ФЕОДАЛЬНЫЙ РАСПАД И ВОЗВЫШЕНИЕ ХОРЕЗМА В XII И НАЧАЛЕ XIII ВВ.

§ 1. ЗАВОЕВАНИЕ КАРАКИТАЯМИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И НАЧАЛО ВОЗВЫШЕНИЯ ХОРЕЗМА В XII в.

Упадок караханидского государства в Мавераннахре был обусловлен главным образом борьбой с караханидскими ханами наиболее реакционных феодальных сил, в лице упомянутой уже коалиции высшего мусульманского духовенства и тюркских «генералов», а также вмешательством сельджукидов во внутренние дела Мавераннахра. Этот упадок выражался прежде всего в стремлении отдельных городов и областей оторваться от полного подчинения караханидским ханам. В этом отношении особенно характерной является история Бухары в XII в.

Всего лишь полтора столетия назад, в X в., при саманидах, Бухара была культурнейшим центром, где расцветала, как мы видели выше, прекрасная придворная поэзия на таджикском языке, развивалась светская наука,—в том числе медицина и философия,—и где мусульманское книжное богословие не давило еще на умы современников, не мешало их творческой деятельности в самых разнообразных областях культуры.

Представители ортодоксальных религиозных толков (преимущественно ханифитского) в Самарканде и особенно в Бухаре славилась своими познаниями в коране и его комментировании, в фикхе и т. д. Бухарские медресе, наиболее старые в мусульманском мире, представляли собою высшие школы, из которых выходили наиболее знающие и авторитетные ортодоксы-богословы для всего среднеазиатского и огромной части переднеазиатского мусульманского мира. Этот все возрастающий авторитет бухарского духовенства сопровождался неизменным сосредоточением в его руках огромных материальных ценностей. Вакуфное имущество бухарских мечетей, медресе, ханак и других мусульманских учреждений выросло настолько, что представители высшего бухарского духовенства в Мавераннахре превратились в крупнейших земельных собственников-феодалов.

После падения караханидов, в этой обстановке в Бухаре и зародилась своеобразная династия духовных феодалов—садров, бывших одновременно руководителями бухарской религиозной общины и рейсами города Бухары. Садры держали в своих руках не только духовную власть в Бухаре и ее вилайетах, но и светскую. Они были крупнейшими земельными собственниками, обладателями лучших поместий в окрестностях Бухары¹, владели в городе ценнейшей недвижимостью—

¹ По словам автора Китаб-и-Мулла-заде, ежегодные доходы садра Омара Абн-Абд ал-Авиза выражались цифрой в 100 тысяч динаров. Об огромных доходах с собственных поместий садра говорят и поэты.

лавками на базарах, караван-сараями, банями, мельницами и т. д. Своими вкладами они участвовали в караванной торговле и имели связи с саррафами Бухары, а также других городов, и пользовались среди них влиянием. Всем этим садры обладали в порядке личного владения; кроме того, они могли распоряжаться огромным вакуфным имуществом мечетей, медресе и ханак. В большой зависимости от садров находились также и ремесленники города.

Основателем династии садров и вместе с тем наследственных реисов Бухары считался Абд-ал-Азиз ибн-Омар ал-Маза из дома Бурхан ад-дина, умерший еще до 1141 г., т. е. до разгрома султана Санджара каракитаями и взятия последними Бухары. При садре Абд эл-Азизе Бухара вела настолько независимую политику, что могла считаться — да и считала себя — почти независимым княжеством в системе караханидского государства в Мавераннахре.

Другим крупным фактором в жизни Средней Азии и в частности Мавераннахра, также являвшимся косвенным последствием падения караханидов, было возвышение Хорезма. В XI в. и в первой половине XII в. Хорезм входил в состав государства сельджукидов и мог возвыситься лишь в борьбе с сельджукидским государством. Однако возвышение Хорезма не могло бы иметь места, если бы в то время караханидское государство уже не находилось в упадке, так как в противном случае ему пришлось бы иметь дело не с одним сильным противником, а с двумя: две такие могущественные династии, как сельджукиды и караханиды, никогда не допустили бы возвышения Хорезма и образования в Средней Азии нового крупного государственного объединения. Однако одной только благоприятной общей политической обстановкой в Средней Азии также нельзя объяснить возвышение Хорезма, так как возвыситься в борьбе с сельджукидским государством Хорезм мог, лишь опираясь на свои собственные внутренние ресурсы как материальные, так и духовные.

Выше нам уже приходилось говорить о богатстве и высокой культуре Хорезма в древности и в X в. В XI в. материальные ресурсы Хорезма продолжали расти благодаря все увеличивавшемуся развитию ремесел и росту торговли со степью и дальними странами, в которой хорезмским купцам принадлежало ведущее положение, как по размерам вложенных в торговлю капиталов, так и по их торговым навыкам. Неизменно подымалось благосостояние земледельческих хозяйств, находившихся в руках свободных земледельцев, живших, как и прежде, в укрепленных домах-усадебках. Этими ресурсами, географическим положением Хорезма, а также его связями с другими областями воспользовались хорезмшахи из тюркской династии, восходившей к Ануш-Тегину — в прошлом сановнику у одного из сельджукидских эмиров.

Об Ануш-Тегине известно, что он сделал блестящую карьеру при дворе Мелик-шаха (1072—1092 гг.), где стоял во главе ведомства султанских «умывальных». В компетенцию этого ведомства входило тогда и управление Хорезмом — черта, весьма выпукло характеризующая усиление феодальных отношений в сельджукидском государстве. Еще в X и даже в XI вв. отдельными областями управляли специальные наместники, назначаемые из центра и подчиненные одному из центральных диванов. Теперь, т. е. при сельджукидах, управление отдельными областями шло в порядке приказов, исходивших от придворного ведомства. Мелик-шах пожелал, чтобы Ануш-Тегин управлял Хо-

резмом; и тот, продолжая ведать султанскими «умывальниками», стал управлять Хорезмом из недр своей канцелярии¹.

Первый, кто проявил явную тенденцию к превращению Хорезма в независимое государство, был внук Ануш-Тегина—Атсыз, уже носивший вновь возрожденный титул хорезмшаха. Его заслуга перед хорезмом заключается в том, что он успешно вел борьбу с таким могущественным государем, каким был сельджукидский султан Санджар. Хорезмшах Атсыз (1127—1156 гг.) умел использовать любую слабость своего сюзерена и вместе с тем противника. Заканчивался ли неудачей поход Санджара против кого-нибудь из своих соседей или в его государстве начинались какие-либо внутренние осложнения, — Атсыз уже извлекал из этого пользу для укрепления независимости и могущества Хорезма.

Сочетая в себе черты хитрого дипломата и решительного военачальника, Атсыз начал вести самостоятельную внешнюю политику. Так, например, для увеличения своего влияния и территории он начал войну с кипчаками и туркменами, не испросив на это разрешения султана Санджара. На северо-востоке он захватил город Джанд, а на западе — полуостров Мангышлак. Султан Санджар усмотрел в поведении Атсыза открытое возмущение против своей власти и решил силой привести непокорного вассала к повиновению. В 1138 г. он в труднейших условиях совершил поход на Хорезм и нанес Атсызу серьезное поражение. Последний вынужден был бежать, а Хорезм был занят войсками султана Санджара. Однако сила дипломатического таланта Атсыза была так велика, что мы через год вновь видим его во главе Хорезма.

Средняя Азия довольно дорого поплатилась за свой феодальный распад. В начале XII в. с востока пришли новые завоеватели — кочевники каракитаи. До сих пор в науке нет единства во взглядах на их этническое происхождение: по мнению одних ученых, они были тунгусского происхождения, по мнению других — монгольского. Было каракитаев около 40 тыс. шатров, т. е. от 150 до 200 тысяч человек. Сначала они поселились в районе Чугучака, а потом перешли дальше, на юго-запад, и заняли столицу Баласагун, развалины которой лежат сейчас на месте городища Ак-пишин, вблизи города Токмака в Киргизской ССР. Они сделали Баласагун главным городом каракитайского государства, во главе которого стоял правитель, носивший титул гурхана.

Отсюда каракитаи и совершали свои набеги на запад — в Шаш, Фергану, долины Зарафшана и Кашка-дарьи. В 1138 г. каракитайский гурхан нанес под Ходжендом большое поражение самаркандскому караханидскому хану Махмуду, ближайшему родственнику султана Санджара. Хотя поражение было серьезным, однако каракитаи не пошли в глубь страны, а, ограничившись данью, ушли к себе домой. Мир, однако, не был долгим. В 1141 г. каракитаи вновь появились в Мавераннахре. На этот раз отстаивать целостность караханидского государства пришел сам султан Санджар, который прекрасно понимал серьезность создавшегося положения. Соединенное войско Махмуда и Санджара стояло в Катванской степи, вблизи Самарканда.

¹ На это обстоятельство обратил особое внимание и Джувеини. По его словам, некий гулям из тюрок, Ануш-Тегин, состоял у сельджукидов в должности ташдара, т. е. заведующего умывальным приказом, и в его ведении находился тогда и Хорезм. Сообщая об этом, Джувеини тут же добавляет, что при сельджукидах подобные факты встречались часто: так, например, Хузистан при сельджукидах находился в ведении приказа, ведавшего одеждой государя (джамэ-хана).

Главные силы были сконцентрированы в руках у султана Санджара, так как Махмуд не доверял своему войску из карлуков, которые могли предать его в любой момент. Битва под Самаркандом закончилась полным поражением Санджара. Одних убитых было около 30 тысяч человек. По словам Хамдаллаха Казвини, в войске Санджара произошло восстание, что решило исход сражения. Санджар и Махмуд вместе бежали в Термез, ханская же ставка вместе с женой Санджара—Туркан-хатун попала в руки гурхана, Каракитаи захватили сначала Самарканд, а потом Бухару,—повидимому, после недолгого сопротивления, во время которого был убит садр Хисам ад-дин Омар, сын упомянутого выше Абд ал-Азиза.

Редкая битва имела такое значение, как поражение Санджара в Катванской степи. Поражение это нашло своеобразный отзвук в Сирии, где крестоносцы в то время осаждали мусульманские города. Среди крестоносцев широко распространился тогда слух о том, что на Востоке, якобы, появился какой-то христианский священник Иоанн, который и разбил величайшего из мусульманских государей. Появления «священника Иоанна» с нетерпением ожидали крестоносцы в Сирии и Палестине. Так, в виде овечинной фантазией легенды дошло на запад известие о победе каракитайского гурхана над войсками султана Санджара и Махмуд-хана.

Характерно, что каракитаи не закрепили за собой захваченной территории, не включили ее в состав своего государства. Они интересовались лишь данью, которую собирали в порядке китайской системы обложения, т. е. по динару (5 рублей) с каждого двора. Они всячески поощряли феодальную раздробленность ханства, смотрели на самаркандского хана и бухарского садра, как на независимых друг от друга правителей. В. В. Бартольд правильно подметил, что каракитаи предвосхитили будущий порядок взимания монголами дани с русских удельных княжеств. В одних областях имелись постоянные представители власти гурхана, которые и собирали дань; в других эти представители только временно наезжали со специальной целью забрать дань, заготовленную для них местными властями; в третьих—сами местные феодальные власти—светские и духовные князья—возили дань в ставку гурхана в город Баласагун. Из местных князей в Мавераннахре особенно выиграли бухарские садры. Каракитайские гурханы специально поддерживали их, сочувствуя росту их могущества и видя в нем силу, ослаблявшую караханидских ханов, сидящих в Самарканде.

Победа каракитаев отразилась и на положении государства великих сельджукидов и, в частности, самого султана Санджара; но более всего извлек пользы из создавшейся ситуации энергичный хорезмшах Атсыз. Зимой того же 1141 г. он захватил и разграбил Мерв, а в 1142 г. уже приблизился к Нишапуру, жители которого со страху готовы были признать его своим государем, как в свое время они сделали это при появлении небольшого отряда туркмен во главе с Тогрулбеком.

Но силы все еще были неравные, и Атсыз вскоре должен был вновь подчиниться султану Санджару. Однако сколько ни пытался сельджукидский султан поднять военный авторитет своего государства, понастоящему вернуть его к дням былого могущества ему не удалось. Государство сельджукидов медленно, но верно шло к упадку, пока катастрофа 1153 г. окончательно не погубила его.

В 1153 г., после крупной ссоры с правителем Балха, гузы, кочевавшие в районе Балха и Хутталяна, совершенно разбили войско сул-

тана Санджара, а его самого взяли в плен. Победа гузов на этот раз, в противоположность их победе в XI в., принесла смерть и разорение населению деревень и городов Хорасана. Особенно пострадали Мерв и Нишапур, которые, по словам персидского историка Равенди, были до-
чиста разграблены и сожжены.

В годы трагических бедствий государства сельджукидов и личных несчастий султана Санджара непокорный вассал, хорезмшах Атсыз не только не воспользовался выгодной ситуацией, чтобы расширить территорию Хорезмского государства, но выступил активным заступником перед гузами за своего сюзерена. Сохранилось письмо Атсыза к одному из вождей балхских гузов, где он предлагает взять на себя роль посредника между гузами и их законным государем султаном Санджаром. В 1156 г. султану Санджару удалось бежать из плена, а в 1157 г. он умер, не сумев вернуть сельджукидскому государству даже тени былого могущества. За год до смерти султана Санджара, в 1156 г., умер и его счастливый соперник, хорезмшах Атсыз.

§ 2. ХОРЕЗМСКОЕ ГОСУДАРСТВО В КОНЦЕ XII И НАЧАЛЕ XIII в. И ЕГО ПОПЫТКА СОЗДАТЬ БОЛЬШОЕ ГОСУДАРСТВЕННО- ФЕОДАЛЬНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ В ИРАНЕ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Атсыз не напрасно приложил так много трудов для создания независимости Хорезма. Присоединив к своим владениям Дженд и Мангышлак, он подчинил своему влиянию соседних кочевников—кипчаков и туркмен. Особенно энергично он работал над созданием хорезмского войска, основу которого составляли наемники из кочевников—кипчаков и отчасти, туркмен.

Под конец своей жизни Атсыз имел право сказать, что он не только решил проблему независимости Хорезма, но и положил начало новому сильному государству на Востоке мусульманского мира. Продолжателем его дела был Иль-Арслан (1156—1172 гг.), действовавший в значительно более благоприятной обстановке, чем его отец.

Государство сельджукидов после смерти султана Санджара фактически перестало существовать; там продолжали еще бесчинствовать гузы. Караханидское ханство в Мавераннахре стало мифом, и вместо него возникли мелкие феодальные владения, причем караханидский хан фактически не мог претендовать даже на первое место среди них. Крупной силой были лишь каракитай, с которыми ему и пришлось выдержать большую борьбу.

Иль-Арслан не сумел использовать выгодной обстановки в Хорасане и ограничился лишь приобретением Дихистана и его района, владетель которого признал хорезмшаха своим сюзереном. Не успел он достичь значительных успехов и в Мавераннахре: слишком много сил отнимала борьба с каракитаями. Во время каракитайского похода на Хорезм, в 1172 г., Иль-Арслан умер.

Преемником стал его сын Текеш (1172—1200 гг.), с именем которого связаны наиболее значительные успехи Хорезма в области создания большого государственного объединения. С первых же дней царствования Текешу пришлось столкнуться с большими трудностями. У него оказался соперник, который, объективно говоря, имел больше шансов на роль создателя большого государства на Переднем и Среднем Востоке, чем хорезмшах. Это был гуридский султан Гияс-ад-дин Мухаммед, таджик по происхождению, владетель горной области Гур, лежавшей на восток от Герата. Пользуясь полным ослаблением сель-

джукидов, он захватил в 1175/76 г. город Герат, распространяя отсюда свое влияние и на другие районы Хорасана. У гуридов было то преимущество перед хорезмшахами, что они в это время ни от кого не находились в вассальной зависимости, держали себя как самостоятельные государи, опираясь на свое прекрасное войско из горцев-таджиков и тюркских наемников. Хорезмшахи же, как известно, были вассалами каракитаев, борьба с которыми отнимала у них немало сил и времени.

Текеш хорошо видел преимущества гуридов в предстоящей борьбе за первенствующую роль на Востоке мусульманского мира, однако не испугался трудности и энергично продолжал политику отца и особенно своего деда Атсыза по созданию большого независимого Хорезмского государства. Его походы на Мавераннахр и в частности осада Бухары успеха не имели, так как каракитаяне не давали ему возможности сосредоточить силы там, где бы он хотел. Поворот в пользу Текеша наступил только в 80-х гг. XII в., когда в Хорасане вновь начались неурядицы, которыми он сумел воспользоваться.

В 1187 г. Текеш захватил Нишапур, в 1192 г. — Рей, в 1193 г. — Мерв, а в 1194 г. нанес решительное поражение султану западных сельджукидов Тогрулу II, который и погиб в бою. Вся восточная полоса Ирана перешла в руки хорезмшаха Текеша. Хорезм сразу более чем в два раза увеличился территориально и стал непосредственным соседом, с одной стороны, гуридов, с другой — аббасидского халифата. Последний, как светское государство, территориально в это время был чрезвычайно невелик, обладая лишь Ираком и смежными с ним землями. Несмотря на это, аббасидские халифы пользовались огромным авторитетом во всем мусульманском мире, как духовные главы ислама, и были чрезвычайно богаты.

Аббасидский халиф Насир (1180—1225 гг.) и его везир Муайид-ад-дин проявляли такое же стремление использовать полное ослабление сельджукидов для расширения территории своего государства, как гуриды и хорезмшахи. Однако энергичный Текеш предупредил Насира и в 1196 г. нанес войскам халифа большое поражение. Хорезмские войска вошли в Ирак как полновластные хозяева, но своим безобразным поведением (ограбление и убийство мирного населения) вызвали в Ираке народное восстание; значительная часть хорезмских воинов была перебита, и лишь немногие спаслись. Произошло это сразу же после получения известия о смерти Текеша в 1200 г.

Хорезмшаха Текеша нужно признать наиболее талантливым государем Хорезма, сумевшим в трудных условиях создать могущественное феодальное государство в Передней и Средней Азии. Слабым местом его политики было покровительство, оказываемое им кипчакской¹ военной аристократии, которая, пользуясь исключительными симпатиями со стороны жены Текеша, Туркан-хатун, стремилась захватить в свои руки максимальное влияние на дела государственного правления. Как мы увидим ниже, это своевольное вмешательство в государственные дела тюркских «генералов», к каким бы племенам они ни принадлежали, так много зла принесшее и караханидским ханам Мавераннахра, впоследствии в значительной мере способствовало падению Хорезмского государства при сыне Текеша, хорезмшахе Мухаммеде.

Редко когда перед султаном феодального государства открывались такие радужные перспективы, как перед хорезмшахом Мухаммедом

¹ Особенно из племени канглы.

(1200—1220 гг.) при вступлении его на престол. Он был обладателем сильнейшего войска на мусульманском Востоке; гуриды, его соседи по Хорасану, не были уже теми соперниками, какими они были по отношению к Текешу в начале его царствования. Халиф Насир, хотя и ненавидел хорезмшаха, был опасен ему не столько своей военной силой, сколько духовным авторитетом в мусульманском мире. Чтобы считать создание нового могущественного государства в мусульманском феодальном мире законченным, оставалось разбить каракитаев и подчинить себе Мавераннахр.

У Мухаммеда-хорезмшаха имелись все предпосылки для того, чтобы сыграть прогрессивную роль освободителя населения Мавераннахра—таджиков и тюрков—от тяжелого ига каракитаев, которые безжалостно собирали с трудового населения сел и городов дань в натуре и деньгах. От хорезмшаха Мухаммеда повсюду ожидали, что он принесет им долгожданное освобождение. Надежды народов Мавераннахра, однако, не оправдались. Мухаммед-хорезмшах хотел разгрома каракитаев, но лишь для того, чтобы их насилие заменить своим. Что это было именно так, лучше всего прослеживается на истории подавления восстания ремесленников в Бухаре в 1206/07 г. и на событиях 1212 г. в Самарканде.

Восстание ремесленников в Бухаре произошло в 1206/07 г. при садре Мухаммеде ибн-Ахмеди ибн-Абд ал-Азизе. В этом человеке сконцентрировалось все худшее, что так или иначе характеризовало бухарских садров. Как правитель, он с жестокостью собирал огромные подати и налоги; как духовный глава бухарской мусульманской общины, он благодаря светскому образу жизни, любви к охотам, пирам давно утратил даже тень морального авторитета; как человек, он был заносчив и презирал народ. Он так вызывающе вел себя во время своего хаджа в Мекку, куда прибыл с пышным караваном, что возбудил всеобщее недовольство. По словам В. В. Бартольда народная молва превратила его титул «столп мира» (садр-и джехан) в прозвище «столп ада» (садр-и джехоннам).

Будучи исключительно богатым человеком, садр Мухаммед ибн-Ахмед содержал на свои средства 600 факихов, стараясь через них влиять на народ. Однако даже это средство не помогало и, вместо популярности, его окружала всеобщая ненависть.

Против него было поднято в 1206/07 г. восстание ремесленников. К сожалению, источники не оставили нам фактов, по которым мы могли бы, хотя бы в самых общих чертах, наметить главные этапы движения. Все, что мы знаем, может быть сведено к следующему: во главе движения, которое не вышло за пределы города Бухары и не захватило крестьян, стоял сын ремесленника по выделке шитов (маджан фуруш)¹, известный со времени захвата им власти в Бухаре под именем Мелика Синджара.

Движение развивалось весьма успешно. Ремесленники выгнали садра и его семью из Бухары, захватили его поместья, отвели от них воду и тем привели их в запустение. Садр бежал за помощью к своему политическому покровителю, каракитайскому гурхану, однако, кроме диплома на управление Бухарой ничего от него не получил. Мелик Синджар тем временем успел уже выстроить дворец правителя, который впоследствии, по словам Джувеини, получил название «дворца Мелика Синджара», откуда он, повидимому, и проводил какие-то меро-

¹ Фуруш—продавец. Обычно ремесленники сами продавали свою продукцию.

приятия, направленные против богатых и именитых людей города, о чем также говорит Джувейни. Но не дремал и хорезмшах Мухаммед. Узнав о событиях, он решил силою подавить народное движение и прибрать Бухару к своим рукам. Не откладывая исполнение своего решения, он быстро двинул войско к Бухаре, в 1207 г. взял город и тем положил конец налаживавшейся деятельности нового правителя, выдвинутого народом.

Войдя в город, хорезмшах сразу же ликвидировал там власть ремесленников, включил Бухару в состав хорезмского государства, чем и положил начало присоединению Мавераннахра к Хорезму. Что же касается Мелика Синджара, то он был увезен в Ургенч, где некоторое время жил при дворе хорезмшаха и даже принимал участие в торжественных церемониях.

Поведение хорезмшаха Мухаммеда не одинаково было встречено различными общественными группами Бухары. Феодальная верхушка радовалась, что Мухаммед подавил движение ремесленников, и была довольна, что Бухара вошла в состав Хорезмского государства. Иначе смотрели на дело народные массы; они прекрасно видели, что власть хорезмшаха несет с собой те же налоги, подати и повинности, которые взимали с них и местные садры.

Взяв Бухару, Мухаммед-хорезмшах, по словам источников, прежде всего восстановил внутренние и наружные стены города. Из Бухары он хотел сделать первый укрепленный пункт, на который он мог бы опереться в своем наступлении на каракитаев с целью освобождения от каракитайского ига остальных областей Мавераннахра, в первую очередь Самарканда. Обстоятельства в этом отношении сложились весьма благоприятно для него. Найманский предводитель Кучлук, уйдя из Монголии от преследований со стороны Чингиз-хана, незадолго перед тем выдвинувшегося монгольского хана, в 1210 г. нанес войскам гурхана в союзе с карлуками большое поражение и даже захватил его казну в Узгене. Учитывая это выгодное обстоятельство, Мухаммед-хорезмшах, в союзе с самаркандским ханом из караханидов Османом, двинулся в Семиречье. Пока войска союзников подходили к долине р. Талас, положение гурхана улучшилось, и в новой битве с Кучлуком он оказался победителем.

Обрушившись на войска гурхана в долине р. Талас, Мухаммед-хорезмшах решительного исхода все же не достиг. Однако в виду того, что хорезмшаху удалось взять в плен командующего каракитайским войском Таянгу, он счел битву выигранной. Битва эта, происшедшая в 1210 г., пробудила много радужных надежд среди новых подданных Мухаммеда. За поражение, нанесенное им каракитаям, хорезмшаху тогда готовы были простить многое. Сам хорезмшах придавал этому сражению большое значение, но успехи свои он явно преувеличивал и в официальных документах стал именовать себя «вторым Александром», хотя больше любил применять к себе титул «султана Санджара». Характерно, что на перстне своем он вырезал формулу: «тень Аллаха на земле» — один из главных титулов сельджукидских государей, принятый ими в конце XI и начале XII вв.

Ликование и празднества по случаю победы прошли очень быстро, и в Мавераннахре скоро наступили тяжелые дни. Хан Осман, после одержанной Мухаммедом в 1210 г. победы над каракитаями, прибыл ко двору Мухаммеда-хорезмшаха в качестве благодарного вассала. Мухаммед-хорезмшах оказал ему очень хороший прием и выдал за него замуж свою дочь. В 1211 г. большим свадебным караваном, в

сопровождении сильного хорезмийского отряда, молодые отправились в Самарканд. Хорезмийский отряд из кипчаков, однако, творил в Самарканде такие же бесчинства, какие лет 11—12 назад позволил себе хорезмийский отряд в завоеванном Ираке.

Чаша терпения самаркандцев, наконец, переполнилась. В городе в 1212 г. произошло восстание против хорезмшаха, в котором деятельное участие принял и хан Осман. Большинство хорезмийцев было убито. Осман с трудом вымолил пощаду для своей жены, хорезмийской царевны.

Получив известие о восстании в Самарканде, хорезмшах немедленно выступил для наказания его непокорных жителей. Город не мог оказать ему серьезного сопротивления. Мухаммед отдал его своему войску на трехдневное разграбление. В эти дни в Самарканде, согласно Джувейни, было убито 10 тысяч человек. Хорезмшах не пощадил даже своего зятя, хана Османа, хотя тот и спас жизнь хорезмийской царевне—дочери Мухаммеда. Говорили, передает Джувейни, что на смерти Османа настаивала сама царевна, его жена.

Дальнейшие события развивались уже под прямым воздействием новой политической силы—монголов Чингиз-хана.

ГЛАВА III

МАВЕРАННАХР И ХОРЕЗМ ПОД МОНГОЛЬСКИМ ИГОМ В XIII в.

§ 1. ХОРЕЗМСКОЕ ГОСУДАРСТВО И МОНГОЛЫ НАКАНУНЕ МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ В НАЧАЛЕ XIII в.

В то время как хорезмшах проводил «собрание» земель Мавераннахра и одну за другой включал его области в состав Хорезмского государства, в далекой Монголии происходили события, получившие через несколько лет отзвук во всем известном тогда мире.

В Монголии, в конце XII и начале XIII вв., в среде разных и постоянно враждовавших между собой племен (татар, найманов, керентов, меркитов и др.) в классовой борьбе происходил процесс сложения государства в интересах нойонства—монгольской кочевой феодальной аристократии. Заканчивая процесс разложения первобытно-общинного строя, монголы представляли собою уже классовое общество дофеодального типа с чертами патриархальных родоплеменных отношений. Дальнейшее сложение феодализма происходило у монголов в связи с завоеванием оседлых земледельческих стран с феодальным строем—Китая, Средней Азии и др.

Имя «монгол» носило скорее политический, чем этнический характер. Сам народ называл себя «татарами» по имени наиболее многочисленного и влиятельного среди него племени татар. Под этим названием монголы и известны были у большинства народов завоеванных ими стран, в том числе и у русских.

Объединителем монгольских племен и создателем монгольского государства полуварварского типа был Темучин, получивший после 1206 г. имя Чингиз-хана. Больше всего внимания уделял он созданию многочисленного, хорошо вооруженного, организованного и дисциплинированного монгольского войска.

Персидский историк второй половины XIII в. Джувейни, написавший фундаментальный труд о походах Чингиз-хана, сохранил нам описание структуры его войска. Из слов Джувейни видно, что все свободное население, в мирное время занимавшееся разведением скота, в военное время обращалось в войско, разделенное, согласно практиковавшейся у кочевников десятичной системе счета, на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч—тумены (тьмы). Согласно неписанному закону, каждый воин должен был заблаговременно заготовить все, что ему полагалось иметь при себе в походе: оружие—луки, стрелы, сабли; верховых и вьючных животных—лошадей, верблюдов, ослов; разное снаряжение—веревки, котел, иголки, топор и т. п. необходимые предметы. Во главе войска, т. е. на местах военачальников, возглавлявших сотни, тысячи и тьмы (тумены), стояли представители военной монгольской аристократии—бахадурь, мергены, сечены, нойоны. Во главе туменов часто можно было видеть и царевичей. Монгольское войско отличалось не только исключительной дисциплинированностью, но и большой подвижностью, выносливостью в походах и храбростью в боях.

Кроме основного войска, Чингиз-хан имел в своем распоряжении еще и личную гвардию—«кешик». Эта гвардия редко пускалась в ход Чингиз-ханом и держалась им на случай какой-нибудь большой внешней или внутренней опасности.

Проводя объединение монголов, победив всех своих врагов, убив одних, других изгнав из пределов их родной страны и положив начало большому монгольскому государству, Чингиз-хан задумал поход на Китай. В своем «Туркестане» В. В. Бартольд весьма правильно отмечает, что «объединение кочевых народов, населявших Монголию, всегда имело следствием нападение на Китай».

Но прежде чем начать поход на северную часть Китая, Чингиз-хан в 1209 г. сделал небольшой набег на страну Тангут, лежавшую на северо-восток от Китая. Из этого набега монголы вывезли богатую добычу и людей, которые прекрасно знали северный Китай, находившийся тогда под властью династии Цинь, и дороги туда.

Поход на северный Китай был объявлен в 1211 г. Чингиз-хан пошел туда с огромным войском. Вместе с Чингиз-ханом были его сыновья — Джучи, Чагатай, Угэдэй и Тули, а также два его выдающихся полководца—Джебе и Субэдэй (Субэдай). Пройдя китайскую стену, Чингиз-хан столкнулся с циньской армией и совершенно разгромил ее. Перед ним открылась дорога в цветущие районы страны. Захватив три города, в том числе Фу-чжоу, но не тронув столицу—Пекин, Чингиз-хан в 1214 г. с огромной добычей отправился в обратный путь.

В 1215 г. мы вновь видим Чингиз-хана в северном Китае. На этот раз он взял Пекин, свергнул циньскую династию и присоединил северный Китай к монгольскому государству.

Из этого похода Чингиз-хан вывез еще большую добычу, чем раньше,—золотые и серебряные сосуды, шелковые ткани, рабов, рабынь и т. д. Однако едва ли не самым важным последствием похода Чингиз-хана на Китай, обеспечившим, в дальнейшем успех его походов, было то, что он познакомился с высокой военной техникой китайцев по осаде городов. Он не только вывез большое количество китайского вооружения, особенно осадных машин, но и людей, умевших их изготавливать и ими управлять. Благодаря этому Чингиз-хан смог вскоре оснастить свою армию лучшим вооружением своего времени.

Закрепив достигнутые в северном Китае успехи, Чингиз-хан обратил свои взоры на запад, в сторону Семиречья, где сидел его заклятый враг, глава племени найман, Кучлук, который сумел использовать выгодную политическую ситуацию, создавшуюся в связи с захватом Мавераннахра хорезмшахом Мухаммедом.

Кучлук образовал на развалинах каракитайской державы из областей Хотана, Яркенда, Кашгара, Семиречья, Ферганы довольно большое, но непрочное государство. Однако глава найманов не сумел наладить нормальных отношений с мусульманской частью населения в своем государстве и возбудил неприязнь к себе. Когда же Кучлук перешел к политике открытых гонений против мусульман, неприязнь эта перешла в ненависть, которая впоследствии сыграла немаловажную роль в его судьбе; мусульмане, увидев, что монголы Чингиз-хана, начавшего свой поход на запад, не преследуют людей за их религиозные верования, в частности, за исповедание ислама, сразу перешли на их сторону и не оказали помощи Кучлуку.

Весьма характерно, что в те самые годы, когда войска Чингиз-хана опустошали северный Китай, хорезмшах, заканчивая завоевание Мавераннахра, сам возмечтал совершить поход на Китай. Осуществить это, конечно, было бы возможно лишь при условии полного разгрома им войск Кучлука, поскольку его государство лежало на пути в Китай. Однако в 1215 г. до Мухаммеда дошли слухи, что монгольский хан Чингиз предупредил его и взял столицу северного Китая Пекин. Вместе с тем хорезмшах услышал и об исключительной силе его многочисленного войска, о дарованиях Чингиз-хана как государя.

Чтобы проверить эти слухи, хорезмшах отправил к Чингиз-хану послов во главе с Бега ад-дином Рази. Послы прибыли сначала в Монголию, но, не застав там Чингиз-хана, отправились дальше в Китай, где и встретились с ним вскоре после взятия им Пекина. В то время Чингиз-хан еще не думал о завоевании мусульманских стран, относился к мусульманам хорошо, видя большую пользу от торговли с ними через мусульманских купцов, которые представлялись ему людьми энергичными, полезными и знающими.

Чингиз-хан хорошо принял послов хорезмшаха Мухаммеда, которому просил передать, что считает себя полновластным царем Востока, а Мухаммеда—владыкой Запада. Через некоторое время было отправлено из Хорезма новое посольство к Чингиз-хану. На этот раз оно пошло северным путем, минуя государство Кучлука. Посольство это явилось к Чингиз-хану с большим торговым караваном. Во главе его стояли Ахмед Ходженди и Ахмед Балчич. Последний, между прочим, хотел продать свои товары втридорога, но это, однако, ему не удалось, так как Чингиз-хан хорошо знал цены на все товары. Привезенные купцами товары по сходной цене все же были закуплены Чингиз-ханом и его приближенными, и купцы вернулись домой довольные. В ответ на это посольство Чингиз-хан от себя отправил караван с товарами и подарками, а также своих послов. Во главе их был поставлен некий хорезмиец Махмуд, богатый купец, впоследствии известный под именем Махмуда Ялавача (посла).

Послы застали хорезмшаха Мухаммеда, повидимому, в Бухаре. Он принял их торжественно и внимательно выслушал послание монгольского хана. В послании говорилось, что Чингиз-хан слышал о хорезмшахе, как о могущественном государе, что он желает заключить с ним мирный договор и что почитает его наравне с лучшими из своих сыновей. Последняя «любезность» на языке восточной дипломатии означала, что Чингиз-хан намерен относиться к хорезмшаху, как к своему вассалу.

Такая перспектива менее всего могла понравиться государю, который считал себя вторым Александром и вторым султаном Санджаром. Ночью хорезмшах тайно призвал к себе Махмуда и объявил ему, что он, Махмуд, как хорезмиец, должен служить ему, Мухаммеду, шаху Хорезма, а не Чингиз-хану, и потребовал, чтобы он, не утаивая ничего, рассказал о силах монгольского хана, о его завоеваниях и дальнейших намерениях. Махмуд Ялавач, хотя, несомненно, и боялся хорезмшаха, который хотел услышать от него приятные для себя сведения, не скрыл, однако, от своего собеседника истинного положения в государстве Чингиз-хана. В конце разговора хорезмшах предложил Махмуду стать его шпионом при дворе Чингиз-хана. Махмуд Ялавач принял это предложение, — во всяком случае сделал вид, что принимает его. Так, по крайней мере, рассказывает об этом и Несеви—историк XIII в., очевидно завоеваний Чингиз-хана.

Хорезмшах отпустил послов, обещав им подписать договор с Чингиз-ханом. Последний остался доволен результатами посольства, так как Махмуд Ялавач, повидимому, больше рассказал ему о Хорезмском государстве и его государе, чем хорезмшаху о монголах. Чтобы выразить хорезмшаху свое удовлетворение и вместе с тем заключить договор между двумя великими соседями, Чингиз-хан в 1218 г. снарядил огромный торговый и посольский караван из 450 человек и 500 верблюдов. Караван вез огромные ценности и подарки. Во главе каравана Чингиз-хана, как и в предшествующий раз, стояли мусульманские купцы. Караван направлялся в столицу Хорезма — Ургенч, где в то время находился хорезмшах, однако не попал туда, так как был задержан в пограничном городе Отраре, где стоял хорезмский гарнизон.

Источники не сохранили нам ясной картины происшедших в Отраре событий. Известно, что Иналчик — комендант крепости Отрара, — повидимому, с ведома хорезмшаха Мухаммеда, отдал распоряжение в 1218 г. разграбить караван, а весь состав его перебить. Спасся один только человек — погонщик верблюдов. Ему удалось добраться до ставки Чингиз-хана и рассказать о трагической судьбе каравана.

Что побудило хорезмшаха Мухаммеда на такой безумный шаг? Искал ли он войны с Чингиз-ханом? Повидимому, он ее не боялся. Чингиз-хан был крайне оскорблен вероломным поведением хорезмских властей, однако сдержал свой гнев и отправил к хорезмшаху послом ибн-Кефрадж Богру в сопровождении двух верных ему лиц с требованием наказать виновных и выдать ему Иналчика. Хорезмшах в ответ на это требование приказал посла убить, а товарищей его отпустить, предварительно сняв у них бороды.

Все происшедшее обозначало полный разрыв торговых и дипломатических отношений между двумя действительно крупнейшими тогда государствами мира. Впереди рисовалась война. Однако никто из современников, особенно в Средней и Передней Азии, не мог предугадать и десятой доли тех бедствий, которые впоследствии обрушились на культурнейшие народы Азии и Восточной Европы, так как никто по-настоящему не представлял себе реального соотношения сил между государством хорезмшаха и монгольской державой.

Чтобы разобраться во всем этом, рассмотрим прежде всего, хотя бы в общих чертах, главные особенности Хорезма в XIII в., как типичного феодального государственного объединения. В Хорезме было, конечно, крупное чиновничество — везир, мустауфи, кадий, векиль двора и другие должностные лица. Однако подавляющее большинство этих должностных лиц принадлежало к местной земельной аристократии. Будучи феодалами, должностные лица в критический для государства момент могли оставить свои посты и повести себя самостоятельно, выказав непослушание государю. Многие должности, как это обычно имело место в условиях феодального общества, передавались по наследству. Это сколачивало государственную власть, лишая ее свободы выбора наиболее достойных кандидатов для замещения государственных постов.

Должности в государстве тесным образом были связаны с получением икта. Вышеупомянутый историк Несеви, писавший в первой половине XIII в., хорошо знавший порядки в Хорезмском государстве, рассказывает, что, когда Дийа ал-Мулька назначили везиром в Несу (около современного Ашхабада), он получил в икта целую область

с доходами в десять тысяч динаров, не считая других доходов и кормления, которые полагались ему по должности. Икта увеличивали экономическую самостоятельность их держателей из числа местных властей — хакимов, везиров — и поощряли их к неповиновению центральному правительству.

Несеви рассказывает также, что в его время дома в поместьях земельной аристократии были окружены стенами и рвами. В некоторых из таких поместий были даже мечети. Владетели этих поместий, подчас обладавшие очень большими землями, крупного хозяйства на них не вели, а сдавали мелкие участки для обработки соседним малоземельным крестьянам, часто и совсем обезземеленным людям. Как это уже не раз указывалось, не только государство в лице ханской или султанской власти, но и крупные землевладельцы — обладатели вышеупомянутых икта, — могли требовать с райатов¹ — земледельцев выполнения определенных натуральных повинностей. К тому времени в персидском языке уже встречался термин «сухра гирифтан», употреблявшийся в значении права иктадара требовать выполнения определенной работы в порядке барщины, что совпадало со значением таджикского и узбекского термина «бегар». Несеви рассказывает, что везир Захир ад-дин Масуд ибн-ал-Мунаввар аш-Шаи возвел укрепления Несы путем сухры.

Никогда еще господствующие классы не противопоставляли себя в такой мере райату, как во второй половине XII и в начале XIII вв. В этом отношении чрезвычайно интересны взгляды, приписываемые султану Санджару автором XII в. ал-Катибом ас-Самарканди и приводимые нами в переводе В. В. Бартольда. Султан Санджар будто бы по какому-то случаю сказал:

«Ограждение сильных от обиды со стороны слабых еще более необходимо, чем защита слабых от произвола сильных; оскорбление слабых сильными — только несправедливость, тогда как оскорбление сильных слабыми — и несправедливость и позор. Если народные массы выйдут из повиновения, то произойдет полный беспорядок: малые будут исполнять дела великих, а великие не смогут исполнять дела малых».

Несмотря на анекдотический характер изложения ал-Катиба ас-Самарканди, слова эти отражают существовавшие тогда воззрения.

Нельзя более ярко выразить взгляд на крестьян, как на батраков, специально созданных для того, чтобы кормить господ. И действительно, положение народных масс ухудшалось с каждым годом, особенно во времена хорезмшаха Мухаммеда. Последний вел непрерывные войны, требовал все время уплаты налогов в увеличенном размере, собирал иногда, как мы увидим ниже при описании организации обороны Самарканда от нападения монголов, харадж по три раза в год и почти непрерывно созывал ополчение в дополнение к своему наемному войску, состоявшему, как и при Атсызе, из тюрок-кипчаков (канглы) и отчасти туркмен и т. д. Для крестьянства фактически уже началась историческая полоса крепостной зависимости.

Не было при хорезмшахе-Мухаммеде единства и в самом господствующем классе, что не могло не отразиться на ослаблении власти государя и его правительства.

Феодалы делились на несколько группировок, находившихся между собою в постоянной вражде. Игравшее в государстве большую роль

¹ «Райат» имело также и значение «подданный». Прим. ред.

наемное войско было своевольным и требовательным. Высший командный состав этого войска состоял почти целиком из кипчакской кочевой знати, преимущественно из племени канглы, теснейшим образом связанного с матерью хорезмшаха Мухаммеда, Туркан-хатун, которая была родом также из этого племени. Это была женщина хитрая, властная и энергичная. Она постоянно возглавляла какую-нибудь дворцовую интригу, проводила повсюду на лучшие должности своих соплеменников, из-за чего у нее происходили постоянные ссоры с сыном, хорезмшахом Мухаммедом. Последний не пользовался популярностью среди кипчаков, да и сам не любил их, не доверял им. Вражда между ними, носившая глухой и скрытый характер, иногда прорывалась наружу и вызывала хорезмшаха на какой-нибудь резкий шаг по отношению к кипчакам. Так, однажды он казнил духовника Туркан-хатун, шейха Мадж ад-дина Багдади — фигуру реакционную и очень влиятельную при дворе и среди кипчаков.

Кипчакские «генералы» были тесно связаны с реакционным мусульманским духовенством и его высшими руководителями. Известно, что с реакционной частью духовенства хорезмшах находился во враждебных отношениях. Большую роль сыграла при этом позиция халифа Насира (1180—1225 гг.), который ненавидел хорезмшаха и всячески интриговал против него в среде мусульманского духовенства, пользуясь своим положением главы всех мусульман.

В общем, какую бы сторону жизни Хорезмского государства мы ни стали рассматривать, везде мы наблюдаем противоречия, слабые места, отсутствие единства. В городах хорезмшаха ненавидели ремесленники (вспомним подавление им восстаний в Бухаре и Самарканде), в деревнях он был непопулярен, в среде духовенства нелюбим. Главная же и ближайшая его поддержка — военная сила, на которую он мог бы опереться, — не была надежной. При такой обстановке внутри страны огромные богатства и ресурсы государства обесценивались, а военная мощь его соответственно падала. Обо всем этом Чингиз-хан был прекрасно осведомлен.

§ 2. ВОЙНА С МОНГОЛАМИ В МАВЕРАННАХРЕ В 1219—1221 гг.

Разгром каравана в Отраре и убийство хорезмшахом вскоре после оттарской катастрофы посла Чингиз-хана ибн-Кефредж Богры возымели свое действие, ускорив то, к чему Чингиз-хан все равно приступил бы несколько позже, а именно поход на юго-запад, на культурные земли Мавераннахра.

Хорезмшах Мухаммед это прекрасно понимал и скорее искал войны, чем избегал ее. Между двумя государствами лежало третье — молодое и непрочное государство Кучлука, преодолеть сопротивление которого Чингиз-хану было, конечно, нетрудно, тем более, что мусульманская часть населения в государстве Кучлука ненавидела его главу и готова была содействовать успехам монголов, не зная еще всей жестокости и варварства монгольских полчищ.

Чингиз-хан в соответствии со своей наступательной стратегией отдал распоряжение Джебе-нойону выступить с сильным отрядом в Восточный Туркестан и Семиречье и покончить с государством Кучлука, что и было выполнено им в 1219 г. Таким образом, перед Чингиз-ханом открылась дорога к берегам Сыр-дарьи и дальше, в Мавераннахр и Хорезм.

Начатые Чингиз-ханом военные действия в Семиречье не могли не вызвать в Хорезмском государстве военного оживления. Необходимо было немедленно готовиться к ответным действиям. Перед хорезмшахом, как главнокомандующим всеми войсками, встал вопрос, какой тактики ему следует придерживаться. Хорезмское государство было богато, оно обладало многочисленной тюркской гвардией, многочисленным и хорошо вооруженным ополчением. В стране имелось много осадных орудий и соответственно обученных кадров по управлению ими. Фуража и провианта было достаточно даже для затяжной войны.

В промежуток времени между эпизодом в Отраре и прибытием последнего посольства от Чингиз-хана хорезмшах созвал в Ургенче военный совет. На этом совете решено было придерживаться оборонительной тактики, причем сразу же наметились расхождения по вопросу о методах обороны. Шихаб ад-дин Хиваки, состоявший векилем при хорезмском дворе, высказал на совете единственно правильную мысль о необходимости сосредоточения в одном месте огромной армии, которая, держа в своих руках инициативу выбора времени и удобного для себя места, сразилась бы с главными силами Чингиз-хана, разбила бы их и прогнала врага за пределы страны. Наиболее удобным для этого местом Шихаб ад-дин Хиваки считал долину реки Сыр-дарья.

Хорезмшах не принял, однако, его совета и выдвинул план рас сосредоточения армии для обороны страны по отдельным городам, опираясь на их укрепления и хорошо вооруженные гарнизоны. Его ошибочная позиция была вызвана главным образом полным его недоверием к своим кипчакским военачальникам, которые занимали в армии высшие командные должности. Недоверие это было обоснованным, так как впоследствии в лагере на Аму-дарье, где хорезмшах расположился с большим отрядом, действительно, была сделана попытка его убить. Рано утром в шатре, в котором хорезмшах должен был провести ночь, но почему-то ночевал в другом месте, все стенки оказались пробитыми стрелами.

Как бы то ни было, но Мухаммед занял самую губительную для себя позицию, — пошел на распыление своих больших сил, приказав приступить к укреплению городов. Предполагая, что главный удар монголов в первую очередь примет на себя Самарканд, где находился большой, хорошо вооруженный гарнизон, но где стены города не были пригодны для успешной обороны, хорезмшах отдал распоряжение перестроить всю систему городских укреплений. Для этой цели с самаркандского населения три раза в течение одного года собран был харадж. Однако собранные огромные деньги куда-то были растрочены, а к укреплению стен так и не приступали. Произведены были, да и то плохо, только незначительные работы по укреплению самаркандской цитадели.

Таким образом, хорезмшах, несмотря на свои познания в военном деле, прекрасно зная также, что тактика наступления всегда лучше и выгоднее тактики обороны, да еще при распыленных силах, все же решил принять губительную тактику пассивного сопротивления, передав целиком инициативу в руки врага, из боязни, что кипчакские военачальники восстанут и свергнут его.

В 1219 г. Чингиз-хан с огромной армией двинулся в сторону Отрара, к тому самому пограничному городу, где в 1218 г. был разграблен его караван. Город этот представлял собой большую и силь-

ную крепость. Войска Чингиз-хана были хорошо подготовлены к войне. Основное ядро их составляла конница. Большое место в войске занимала артиллерия того времени—различные стенобитные и метательные машины. С техникой их изготовления и управления ими Чингиз-хан ознакомился еще во время походов в Китай. В войске Чингиз-хана в большом количестве имелись машины типа самострелов, выбрасывающие сосуды с горящей нефтью. Во главе монгольского войска стояли: сам Чингиз-хан, царевицы и испытанные в боях полководцы, среди которых выделялись Джебе и Субэдай. В лагере монголов находилось немало мусульманских купцов и других людей из Средней Азии, изменнически перешедших к Чингиз-хану на службу и сообщавших ему все необходимые сведения о Средней Азии, в частности о Мавераннахре. Полководцы Чингиз-хана прекрасно были осведомлены о дорогах, по которым придется идти; они знали, где находятся все мосты через реки, горные перевалы, районы, где было много фуража и продовольствия.

В Среднюю Азию Чингиз-хан принес испытанную в прежних походах тактику безжалостного ведения войны—грабежей, поджогов, уничтожения мирного населения в массовых масштабах, не взирая на пол и возраст. Эта система запугивания населения путем его поголовного истребления пришла в действие с момента появления первых монгольских отрядов на территории Средней Азии.

К Отрару Чингиз-хан подошел в сентябре 1219 г. и приступил к систематической его осаде. Согласно Джувейни, Отрар сопротивлялся 6 месяцев. Уже во время осады этой первой крепости в поведении высшего командного состава Хорезма проявились черты, которые и погубили дело обороны страны. Один из военачальников по имени Караджа, присланный сюда хорезмшахом, через несколько месяцев обороны решив, что сопротивление бесполезно, вышел со своим отрядом из городских ворот и сдался на милость Чингиз-хана. Последний, однако, по словам Джувейни, не даровал ему жизни, а казнил как предателя. Зато другой военачальник, виновный в отрарской катастрофе 1218 г., глава и душа обороны Отрара,—Иналчик-хан, бился до последней возможности и схвачен был лишь тогда, когда у него не осталось средств к сопротивлению. Монголы убили и этого воина, как опасного и энергичного врага.

Еще в самом начале осады Отрара Чингиз-хан разделил свои силы на несколько частей. Оставив одну для осады Отрара, другую часть, во главе с Джучи, своим старшим сыном, он направил вниз по Сыр-дарье. Этому отряду было приказано захватить Сыгнак, Узген, Барчылукент, Дженд, Янгикент и другие города, после чего отряд должен был направиться в сторону Ургенча, взятие которого являлось одной из важнейших боевых задач, поставленных Чингиз-ханом. В ставке Джучи находились также Чагатай и Угэдэй—второй и третий сыновья Чингиз-хана. Третий небольшой отряд в 5 тысяч человек Чингиз-хан послал вверх по Сыр-дарье, на города Бенакет и Ходжент.

Сам же Чингиз-хан с главными силами направился к Бухаре, чего менее всего могли ожидать хорезмшах Мухаммед и его военачальники.

Зимой Чингиз-хан двинулся кратчайшей дорогой через безводную степь. На пути у него лежала сильная крепость Зернук. Окрестные жители, испугавшись огромного войска, укрылись в крепости; однако среди командования гарнизона ее не нашлось ни верных роди-

не патриотов, ни способных к организации сопротивления военачальников. Чингиз-хан направил в Зернук своего посланца Данишменда, дабы он убедил гарнизон сдаться без сопротивления. Миссия последнего удалась. Зернук сдался на милость победителя, и Чингиз-хан сдержал свое обещание пощадить жителей. В Зернуке среди туркмен нашелся предатель, который взялся быть проводником и провести войска монголов кратчайшей и наиболее удобной дорогой к Нуру (Нурата), городу, лежавшему на правом берегу Зарафшана. Появление монголов под стенами Нура было столь неожиданным, что жители в ночной темноте первоначально приняли монголов за прибывший издалека караван. Город сдался врагу без сопротивления, был основательно разграблен и вдобавок на него наложена была контрибуция в тысячу пятьсот динаров. Из Нура бухарского недалеко было и до Бухары.

В феврале 1220 г. монголы подошли к плохо подготовленной к обороне Бухаре. Сравнительно небольшой гарнизон ее состоял, как сообщает персидский автор первой половины XIII в. Джузджани, современник походов Чингиз-хана, всего лишь из 12 тысяч воинов (по словам Джувеини, — 20 тысяч)¹.

Важнейшую роль среди бухарских военачальников играл Инанч-хан Огул-хаджиб. Это был человек, хотя и храбрый, но лишенный чувства долга и сознания ответственности за порученное ему большое дело. Учитывая предательские настроения высшего духовенства, он решил покинуть город. Он сумел пробиться сквозь ряды монголов к Аму-дарье, а оттуда в Ургенч только с небольшим отрядом. Остальные погибли в бою.

Оставленные на произвол судьбы жители Бухары, подстрекаемые казием и другими лицами, решили открыть ворота и сдаться. Рашид ад-дин, повторяя Джувеини, красочно описывает въезд Чингиз-хана и его сына Тули в Бухару, один из наиболее прославленных городов мусульманского феодального Востока. Чингиз-хан подъехал к соборной мечети на коне и потребовал к себе именитых людей города. По словам Рашид ад-дина (перевод И. Н. Березина), заимствовавшего этот рассказ у Джувеини, монголы «открыли городские амбары и достали зерновой хлеб. Сундуки со списками корана сделали колодами для лошадей, меха с вином разложили в мечети, привели певцов города, чтобы они плясали и танцевали. Монголы распевали по правилам своего пения, магнаты, муриды, улемы и шейхи стояли у конюшен вместо конюхов для охранения лошадей и занимались исполнением приказаний тех племен».

Открытие городских ворот и въезд Чингиз-хана в город еще не означали окончательной сдачи Бухары. Группа непокорных патриотов в 400 человек, не желавших стать рабами Чингиз-хана, заперлась в Бухарском арке, где в течение 12 дней вела героическую борьбу.

Когда весь город оказался в полном распоряжении монголов, Чингиз-хан, по словам Джувеини, вызвал к себе наиболее богатых и именитых лиц, в том числе и старшин города². Он потребовал от них сдачи их имущества, а также сведений об имуществе других состоятельных людей. Когда таким образом были собраны большие цен-

¹ Повидимому, Джувеини, кроме кадрового тюркского гарнизона, считает еще и местное таджикское ополчение.

² Ибн-ал-Асир, отмечая этот факт, также выделяет специальных старшин, от которых Чингиз-хан потребовал списки ценностей и в первую очередь серебра.

ности, Чингиз-хан отдал город на разграбление своим воинам. В результате начавшегося безудержного грабежа грандиозный пожар охватил Бухару. Вследствие обилия дерева в постройках, Бухара выгорела в большей своей части. Уцелели только соборная мечеть и некоторые дворцы, построенные из кирпича. Еще до начала грабежа всем жителям было приказано покинуть город, захватив с собой только одежду. Невыполнивших приказ и оставшихся в городе безжалостно убивали.

Весть о занятии Бухары, о страшной судьбе города и его жителей быстро распространилась по Мавераннахру. Среди земледельческого населения и жителей городов—таджиков и тюрков—одни находились в страхе и панике, другие (и они составляли большинство), полные негодования, были готовы отдать свою жизнь за независимость страны, чтобы спасти ее от порабощения. Но что мог сделать неорганизованный народ, когда военачальники были бездарны и трусливы, а светская и духовная знать—предательски настроена. Глава государства, хорезмшах Мухаммед, так кичливо именовавший себя вторым Александром, трусливо бездействовал и готов был бежать, оставив на произвол судьбы народ, который его хотя и не любил, но первое время верил в его военные дарования и знания. Однако народ и на этот раз в нем ошибся.

В Бухаре завоеватели захватили огромное количество пленных. Среди них преобладали ремесленники. Монголы ценили их как рабочую силу, которая обеспечит их в порядке повинности ремесленными изделиями. Большое число здоровых и физически крепких пленных вошло в хашар, т. е. в отряды, использовавшиеся на тяжелых работах при осаде городов Самарканда, Дабусии и др.

Отряды хашара совсем не были похожи на ополчение; это были скорее толпы несчастных людей, сгоняемых для черной и самой опасной работы во время осады города. По словам ибн ал-Асира, судьба несчастных пленных была весьма злополучной: они шли пешком за едущими «конно и оружно» монголами. Люди изнывали от холода и голода и, измученные падали, чтобы не встать уже больше никогда.

Из Бухары монголы направились в Самарканд, который тогда рассматривался, как главный центр сопротивления монгольскому нашествию. В основной своей массе монголы, повидимому, шли левым берегом Зарафшана, по обычной самаркандской дороге. Собственно говоря, сопротивление монголам оказал только город-крепость Дабусия.

К Самарканду монголы подошли в марте того же 1220 г. Выше уже упоминалось, что планы хорезмшаха о полной перестройке укреплений Самарканда осуществлены не были. Удалось только несколько укрепить стену да наполнить ров водой. Источники расходятся в определении численности самаркандского гарнизона. Самую малую цифру—40 тысяч—приводит ан-Несеви. Самую большую—110 тысяч (60 тысяч тюрков и 50 тысяч таджиков)—указывает Джувейни. Последнюю цифру (110 тысяч) повторяет и Рашид ад-дин. Кроме конного и пешего войска, в Самарканде имелось еще 20 боевых слонов.

Расхождение в цифрах численности самаркандского гарнизона не следует рассматривать, как противоречие в свидетельствах источников: ан-Несеви имеет в виду только тюркское наемное войско, Джувейни же учитывает и местное ополчение, которое, естественно, в основном состояло из таджиков.

Главным начальником самаркандского гарнизона был тюрк-канглы, Тугай-хан, брат Туркан-хатун, матери хорезмшаха. В самом городе не было единства настроения. Народные массы—ремесленники,

мелкие торговцы, чернорабочий люд и широкие круги молодежи—горели ненавистью к монголам, верили в свои силы и считали возможным успешное сопротивление. Представители гражданского чиновничества, особенно высшее духовенство—сам шейх ал-ислам, имамы, улемы и шейхи,—полные неверия в свои силы, притаились и ждали случая для измены и предательства. Не на высоте положения оказались и начальники гарнизона. Накануне прихода монголов было широко распространено мнение, что военные силы Самарканда, а также его запасы фуража неизмеримо велики, и город сможет сопротивляться не менее года, а за это время к Самарканду подоспеет на выручку хорезмшах Мухаммед с большим войском, после чего совместными силами можно будет разбить монголов.

Чингиз-хан остановился в загородном дворце Кок-сарай и отсюда руководил осадой. Следует отметить излюбленный монголами метод осады, состоявший в том, что на самые опасные места—подвоз стенобитных машин, установку лестниц, по которым можно было подняться на стены, прием первых ударов со стороны осажденных—направлялись пленные турки и таджики, горожане и земледельцы. Чрезвычайно интересны сведения, которые сообщает об этих пленных китаец Мэн-хун, современник Чингиз-хана. «Всякий раз,—пишет он,—когда они (татары. А. Я.) хотят взять большой город, то сначала нападают на малые места, берут в плен тамошних жителей и гонят их на осаду. Для этого они отдают повеление, чтобы каждый конный солдат захватил десятерых человек. Когда это число вполне набрано, то всяким человеком берется известное количество травы, дров, земли, камней; их гонят день и ночь, убивая оставших; пригнав, немедленно заравнивают каналы и канавы (вокруг городских стен принесенными с собой материалами)». Пленных этих под Самаркандом было очень много. Кроме захваченных Чингиз-ханом под Бухарой, были пленные из-под Отраара, приведенные Чагатаем и Угэдзем, прибывшими в это время в лагерь отца.

На третий день осады, по настоянию народных масс, была совершена первая вылазка. По словам ибн-ал-Асира, регулярные тюркские войска из самаркандского гарнизона не приняли участия в вылазке; в основном, в ней участвовало городское народное ополчение. Монголы устроили самаркандцам ловушку и истребили несколько десятков тысяч человек. Ответственность за это большое поражение прежде всего падает на бездарных и трусливых военачальников хорезмшаха. Поражение самаркандцев было наруку шейх ал-исламу, имамам, казиям и Тугай-хану, начальнику гарнизона Самарканда. Сойдясь на предательском плане сдать город и тем спасти свою жизнь и имущество, они направили к монголам депутацию с предложением сдать город и открыть ворота Намазгах, находившиеся в северозападной части шахристана (ныне городище Афрасиаб).

Овладев городом, монголы немедленно принялись за разрушение укреплений, дабы какие-нибудь смельчаки не возобновили сопротивления.

После сдачи Самарканда, монголы, по своему обыкновению, приказали жителям покинуть город, и он был отдан на полное разграбление войску. Предавшее Самарканд духовенство действительно купило себе жизнь этим предательством и, по словам источников, вывело из города около 50 тысяч своих близких и родственников (цифра, возможно, преувеличена).

Тугай-хан, предлагая монголам сдать город, рассчитывал перейти со своим войском на службу к Чингиз-хану. Однако монголы только

сделали вид, что приняли его предложение. Через некоторое время войско Тугай-хана было окружено и перебито.

Некоторое время в Самарканде еще оказывала сопротивление древняя цитадель; монголам пришлось брать ее штурмом, причем, чтобы затопить места вокруг цитадели и размыть водой стены, предварительно был разрушен описанный еще в X в. арабскими географами свинцовый проток.

Последним убежищем самаркандских смельчаков оставалась соборная мечеть, где укрылось около тысячи человек. Но монголы взяли и ее; защитников ее убили, а здание сожгли. В 1905 г. В. Л. Вяткин раскопал площадь этой соборной мечети и обнаружил огромный слой угля и золы, подтверждающий письменные известия о пожаре. Мечеть эта была значительных размеров, занимая площадь 120×70 м (8 400 кв. м).

В результате предательской сдачи Самарканда погибла большая часть его населения. 30 тысяч ремесленников были уведены в тыл монгольского войска и розданы царевичам.

Непосредственно перед монгольским нашествием Самарканд был большим городом. По словам Чан-Чуня, китайского монаха, проехавшего к Чингиз-хану через Самарканд вскоре после разгрома его монголами, в городе осталось 25 тысяч семейств—четверть прежнего населения. Следовательно, до нашествия монголов здесь жило 100 тысяч семейств, т. е. свыше 400 тысяч человек.

Вернемся теперь к событиям, связанным с монгольским походом вниз и вверх по Сыр-дарье, в долине которой в начале XIII в. кипела жизнь. По правому и левому берегам шли каналы с проточной водой, выведенные из Сыр-дарьи. Кое-где имелись и каналы кяризного типа.

Первым большим населенным пунктом на пути монголов из Отрара вниз по реке Сыр-дарья был Сыгнак—хорошо укрепленный, богатый, торговый город, когда-то принадлежавший огузам, а в XII в.—кипчакам.

Джучи, командующий сырдарьинской группой монголов, послал в Сыгнак купца Хасан-ходжу с предложением сдать город. Жители Сыгнака предложения не приняли, а Хасан-ходжу убили. Взбешенный Джучи отдал приказ взять город силой, а сыгнакцев перебить. Семь дней продолжалась героическая оборона небольшого города; на восьмой день Сыгнак пал. Город монголы разграбили, а жителей перебили. Затем постепенно, но довольно быстро, были захвачены города Узген, Барчылгкент и Дженд. В апреле того же 1220 г., приблизительно через месяц после падения Самарканда, монголы взяли Дженд, жители которого не оказали сопротивления, хотя и заперли ворота. Джучи, пробыв некоторое время в Дженде, только на следующий год направился на осаду Ургенча.

Исключительный интерес представляет оборона Ходжендского района, организованная подлинным героем борьбы с монголами Тимур-Меликом. Выше указывалось, что 5 тысяч монголов были направлены Чингиз-ханом вверх по Сыр-дарье для взятия Бенакета и Ходженда. Бенакет сопротивлялся три дня. Поступив с городом и жителями так же, как и в других местах, монголы направились дальше. Когда они подошли к Ходженду, их было значительно больше 5000 человек; видимо, первоначально отправленный отряд вернулся к Чингиз-хану в Самарканд, а для осады выслан был другой. По словам Джувейни и

Рашид ад-дина, в войске, осаждавшем Ходженд, было 20 тысяч монголов и 50 тысяч хашара из пленных.

Упомянутый Тимур-Мелик, по происхождению тюрк, лично известный хорезмшаху Мухаммеду и его сыну Джелал ад-дину, был правителем Ходженда и одним из местных владетелей (иктадаров, мукта). Храбрый, одаренный военачальник, Тимур-Мелик не мог, однако, удержать города при абсолютно неравных силах. Поэтому он его покинул и с отрядом в 1000 отборных воинов занял один из укрепленных островов на Сыр-дарье. Остров отстоял настолько далеко от берега реки, что монголы не могли достать защитников ни стрелами, ни камнями метательных машин. Разделив своих пленных из тюрков и таджиков на десятки, монголы приказали им таскать камни и насыпать дамбу. Дамбу им, однако, не удалось возвести, так как Тимур-Мелик, подвезая на лодках ночью, уничтожал то, что за день создавалось монголами. Джувейни рассказывает, что по распоряжению Тимур-Мелика 12 лодок, крытых сверху, были обтянуты сырым войлоком, причем обмазка крыш из глины была пропитана уксусом. Благодаря этому люди были неуязвимы для стрел и зажигательных снарядов противника.

Но как разумно и героически ни сражался Тимур-Мелик, силы были слишком неравны, и он прекрасно понимал необходимость ухода. Однажды ночью, приготовив 70 судов, снеся на них остатки провианта и разных припасов, в том числе боевых, Тимур-Мелик при свете факелов отплыл вниз по реке. Это был в полном смысле героический поход небольшой группы смелых воинов. По обеим сторонам реки шли конные монголы, забрасывая храбрецов стрелами и сосудами с горящей нефтью. Так, в непрерывных битвах Тимур-Мелик, преодолевая лишения и невероятные трудности, добрался с остатками лодок и людей до города Дженда. Здесь, недалеко от него, Тимур-Мелику удалось совершить высадку, после чего надо было еще пробиться сквозь заграждавшие пути многочисленные отряды монголов. Ценой больших потерь он с горсточкой людей дошел, наконец, до Ургенча, где был встречен как настоящий герой борьбы с монголами¹.

Еще до наступления лета 1220 г. восточная и центральная части территории современного Узбекистана перешли в руки монголов.

В эти самые критические для страны месяцы глава Хорезмского государства хорезмшах Мухаммед бездействовал. Пока происходили описанные выше события, связанные с захватом монголами Бухары, Самарканда, Ходженда и других городов, хорезмшах стоял военным лагерем вблизи Аму-дарьи в районе Келифа и Андхуда. Здесь думал он задержать Чингиз-хана, если бы последний решил перейти на юж-

¹ Дальнейшая биография Тимур-Мелика выходит за пределы главы. Согласно рассказу Джувейни, этот замечательный военачальник и патриот не покорился монголам до конца жизни. Он принимал участие в защите Хорезма (Ургенча), потом отправился вместе с Джелал-ад-дином организовать сопротивление монголам в Хорасан и Афганистан. Некоторое время мы видим его в одежде суфия в Сирии. Много лет спустя, во времена Батые, он после долгих скитаний, стариком вернулся в родной Ходженд, который так прославил своей героической защитой. Здесь он нашел своего сына, который был на службе у Батые и получил от него в порядке пожалования земли и имущество отца. Жители Ходженда, узнав, что к ним явился Тимур-Мелик, из страха, что монголы накажут их, отказались его принять под предлогом, что не узнали его. Тимур-Мелик покинул город и направился к Кода-каану, сыну великого хана Угэдэя. Хотя Джувейни и говорит, что Тимур-Мелик собирался поступить к монголам на службу, однако все его дальнейшее поведение свидетельствует о другом: не желая покориться победителям и не находя себе места в Монгольской империи, Тимур-Мелик решил достойно умереть. Он сознательно наговорил дерзостей монголам и был ими убит.

ный берег реки. Однако в районе Келифа он пробыл недолго. Напуганный постигшими его неудачами и явно боясь столкновения с монголами, хорезмшах искал предлога, чтобы уйти в глубь Ирана.

Предлог вскоре был найден: под видом необходимости набора новых контингентов для продолжения борьбы с Чингиз-ханом, Мухаммед решил сняться с лагеря. Старший сын хорезмшаха Джелал ад-дин, по словам Джувейни, указывал отцу на губительные для династии последствия этого шага и убеждал его остаться. В случае ухода хорезмшаха, доказывал он ему, народ будет говорить, что султан умел только собирать подати, а от основной своей обязанности — защищать страну в минуту опасности — уклонился. Хорезмшах, однако, не внял словам смелого царевича, который после смерти Мухаммеда так энергично боролся с монголами, — правда, уже за пределами Средней Азии, — и двинулся в сторону Нишапура.

Как иллюстрация настроений хорезмшаха в период полного упадка его воли к борьбе, — во всяком случае, в дни, когда он проявил так много личной трусости, — весьма характерно письмо его к командованию и жителям Мерва, написанное в момент, когда Мерву еще не грозила непосредственная опасность. Вот что пишет Джувейни об этом письме: «Вслед за тем пришел и указ султана, украшенный подписью и печатью и обрамленный трусостью и бессилием, такого содержания, что военачальники, солдаты и ремесленники должны укрыться в крепости Мерва, а дехканы, которые не имеют возможности сняться с места, пусть останутся на месте и, как только появится татарское войско, пусть выйдут для приветственной встречи (чтобы) сохранить жизнь и имущество, примут коменданта (шихне) и повинуются приказам монголов. Когда падишах, которого можно сравнить с сердцем, слабеет, как может остаться у конечностей какая-нибудь сила?».

При таком настроении хорезмшаха и таком отношении его к происходящим событиям от него можно было ожидать только бегства в целях личного своего спасения.

Чингиз-хан был прекрасно осведомлен о настроении хорезмшаха Мухаммеда и о его поведении и счел целесообразным использовать проявленное им малодушие. Он отдал приказ лучшим своим полководцам Джебе и Субэдэю собрать отряды в три тумена, т. е. 30 тысяч человек, и, не мешкая, двинуться по следам хорезмшаха, разбить его отряд и, по возможности, живым взять его самого в плен. Так, еще в том же 1220 г., началось бегство трусливого хорезмского государя и погоня за ним монголов.

Хорезмшах двинулся со своим отрядом сначала в Нишапур, а оттуда в Бистам, где передал два ящика с драгоценностями одному из векилей двора, чтобы тот тайком от всех сохранил их для него в неприступной крепости Ардахан. Впоследствии монголы узнали об этом, взяли крепость, а сокровища захватили и отослали Чингиз-хану. Из Бистама хорезмшах ушел в Рей, а затем в Казвин, где к нему присоединился отряд в 30 тысяч человек, бывший до того в распоряжении его сына Рукн ад-дина. Так как Джебе и Субэдэй все время следовали за хорезмшахом по пятам и вот-вот могли его нагнать, Мухаммед решил замести свои следы.

О дальнейшем его пути и связанных с ним событиях в источниках имеются, однако, некоторые противоречия. Несомненно одно: после Хамадана ему удалось обмануть монголов и отвлечь их внимание к другим дорогам. Путь спасавшегося бегством хорезмшаха закончился у южного побережья Каспийского моря, где он и скрылся на неболь-

шом острове. Напуганный окончательно, потерявший веру в себя и свои силы, лишенный какого-либо сознания ответственности перед народом, оставленный всеми, хорезмшах вскоре умер от воспаления легких на острове, в изгнании, на которое сам себя осудил.

Отряд Джебе и Субэдэя получил приказ не осаждать городов, не грабить их, не обижать крестьян, а лишь преследовать хорезмшаха. Первое время монголы еще выполняли приказ, однако, после того, как хорезмшаху удалось скрыться, монголы прибегли к обычным своим приемам ведения войны — грабежу, поджогам и почти поголовному истреблению населения, при проявлении им малейших признаков сопротивления.

Дальнейшая судьба этого монгольского отряда выходит за пределы истории Мавераннахра, почему мы ограничимся лишь несколькими словами о его пути. Не найдя хорезмшаха Мухаммеда и узнав о его смерти, Джебе и Субэдэй через Кавказ двинулись в южнорусские степи, где в 1223 г.¹ на р. Калке произошла знаменитая битва с половцами и русскими князьями.

Лето 1220 г. Чингиз-хан провел в окрестностях Несефа, в бассейне р. Кашка-дарьи, где для кочевников имелись прекрасные летовки. Осенью того же года Чингиз-хан осадил Термез, который на одиннадцатый день осады был взят штурмом. Жители Термеза надеялись на неприступность своей калы, стены которой частично вдавались в воды Аму-дарьи, возвышаясь над рекой. За оказанное ими сопротивление, жители Термеза в подавляющем большинстве заплатились жизнью. Сам город был разграблен и сильно разрушен.

Характерно, что на своем пути к Термезу монголы обошли город Кеш; во всяком случае, источники о взятии его не упоминают. Повидимому, в это время Кеш по каким-то причинам находился в упадке.

Важнейшей задачей Чингиз-хана было теперь овладение Ургенчем, развалины которого, носящие название Куня-ургенча, находятся на территории современной Туркмении. В то время Ургенч представлял собой один из богатейших и культурнейших городов мусульманского Востока. Как столица Хорезмского государства, как центр управления страной и, наконец, как местопребывание хорезмшаха Мухаммеда и его двора, Ургенч являлся особенно соблазнительным объектом для захвата его монголами.

Вслед за хорезмшахом из Хорезма удалилась и Туркан-хатун со своей родней и двором. Ее бегство имело для обороны Ургенча положительное значение. Если бы она там осталась, полными хозяевами города были бы кипчакские военачальники, которые так позорно вели себя в Бухаре, Самарканде и других местах.

Выше мы указывали, что летом 1220 г., после своего героического похода по Сыр-дарье, в Ургенч явился Тимур-Мелик. Народный герой, любимец народа, он на короткое время возглавил хорезмское войско, провел успешное сражение с отрядом Джучи и даже отнял у него Янгикент в нижнем течении Сыр-дарьи.

Зимой 1221 г. в Ургенч вернулись с того острова, куда укрылся и где умер хорезмшах, его сыновья — Джелал ад-дин, Озлаг-шах и Ак-шах.

В Ургенче царевичи обнародовали заявление, что хорезмшах Мухаммед перед смертью изменил свое завещание и вместо Озлаг-шаха передал престол старшему сыну Джелал ад-дину, ввиду больших его военных дарований. Народ и Тимур-Мелик его очень поддерживали;

¹ Согласно русской летописи, битва произошла в 1224 г.

но иначе взглянули на это дело кипчакские военачальники. Они ненавидели Джелал ад-дина и вместе с Озлаг-шахом завели против нового хорезмшаха интриги. Вскоре раскрыт был даже заговор, имевший целью убить его. Увидя полную невозможность в такой обстановке наладить оборону Ургенча, Джелал ад-дин вместе с Тимур-Меликом и небольшим отрядом тайно ушли из Ургенча в Хорасан. Вскоре бежал из Ургенча и Озлаг-шах с братом. Ургенч попал в руки бездарного трусливого эмира Хумар-Тегина, который объявил себя султаном и торжественно обещал отстоять столицу от монголов.

Пока происходили все эти события, к Ургенчу подошли значительные монгольские силы. С севера явился Джучи со своим отрядом, со стороны Бухары пришли войска Чагатая и Угэдэя. Зимой, в начале 1221 г., началась осада Ургенча. Ургенч, собственно говоря, был первым из больших городов, который оказал решительное сопротивление монголам. Настроение городского населения, особенно трудящихся — ремесленников, мелких торговцев, молодежи, чернорабочих — было исключительно бодрым и боевым. Народ не боялся осады, метательных и стенобитных машин. Даже выбрасываемые в большом количестве сосуды с нефтью не могли деморализовать его. Но, как и следовало ожидать, Хумар-Тегин оказался предателем. Увидя исключительную настойчивость врага, его высокую технику осады городов, он трусился, открыл ворота и отдал себя с отрядом в руки монголов. Однако жители Ургенча нашли в себе силы, чтобы в такой критический момент самостоятельно продолжать сопротивление.

Монголы уже ворвались в ворота города и овладели некоторыми кварталами. Ургенцам помог проведенный из Аму-дарьи широкий канал, через который был перекинут мост. 3 тысячи монголов ворвались на мост, но были окружены защитниками города и перебиты. Началась битва за каждый квартал. Народ отстаивал грудью каждую пядь земли своего родного города. Монголы устлали его улицы и арки горами мертвых тел.

Оборона Ургенча показала огромную любовь населения к своему родному городу, его готовность всем пожертвовать для его обороны и оставила нам замечательные образцы личной храбрости многих его защитников, вышедших из числа малоизвестных до сего жителей Ургенча.

После, повидимому, пятимесячной осады, город все же пришлось сдать.

По словам источников, нигде не было такого огромного количества жертв, как в Ургенче. Озлобленные монголы ограбили, опустошили и совершенно разрушили город. Огромное количество ремесленников было отослано в тыл монгольского войска: мальчики и девочки розданы в рабство монгольским воинам. Множество людей, в особенности женщин, стариков и детей, было перебито. Рассказывали, что монголы получили на воина по 24 пленных, а монголов при осаде Ургенча было не менее 50 тысяч.¹

В Ургенче во время осады и штурма погибло много культурных людей. Духовенство здесь вело себя лучше, чем в Самарканде. Смертью героя погиб известный ургенчский шейх Наджм ад-дин Кубра, над гробницей которого при Узбек-хане был поставлен прекрасный мавзолей. Ибн ал-Асир красочно описывает гибель Ургенча после взятия его монголами: «Потом они (татары) открыли плотину, которая удерживала воду Джейхуна от города, вода вошла и затопила весь город, все

¹ Цифры явно преувеличены.

постройки были разрушены, и их место заняла вода. Не спасся из жителей города никто совсем, тогда как были города, где некоторым удалось спастись, будь ли то те, кто скрылся, или кто убежал, или кто ушел и спасся, или кто улегся среди убитых и (этим) спасся. Что же касается Хорезма (Ургенча), то тот, кто спрятался от татар, того или затопила вода или убили развалины. Все пришло в состояние разрушения».

Было бы, конечно, неправильным принять слова ибн ал-Асира целиком на веру, без критического к ним отношения.

Еще до падения Ургенча, весной 1221 г., Чингиз-ханом был взят Балх, а затем, после большой битвы и долгой осады, город Мерв.

В 1221 г. на территории Средней Азии уже не было другой власти, кроме монгольской. Никто здесь не оказывал больше сопротивления Чингиз-хану. Борьба, однако, все еще не кончилась, ее только перенесли на другую территорию, на запад—в Иран, и на восток—в Индию. Организатором и душой этой борьбы был хорезмшах Джелал ад-дин, талантливый военачальник, преданный делу освобождения страны от монголов. Борьба эта полна прекрасными боевыми эпизодами, рисующими исключительную храбрость Джелал ад-дина и его воинов. Уходя в Хорасан и другие области Ирана, Джелал ад-дин предполагал, что там он найдет нужные ему силы для продолжения борьбы против монголов. Он прекрасно видел все ошибки своего отца и не хотел повторять их. Он понимал, что лучшая оборона — это активные действия, и что наиболее мудрая осторожность воина — его личная храбрость. Вот почему он так высоко ценил своего ближайшего помощника, прославленного Тимур-Мелика.

У хорезмшаха Джелал ад-дина было много друзей в разных городах Ирана и Афганистана: в Несе, Нишапуре, Герате, Газне и в других местах. Путь Джелал ад-дина лежал через пустыню на город Несу, развалины которой находятся ныне вблизи Ашхабада. Чингиз-хан был осведомлен о разногласиях в Ургенче, о тайном отъезде нового хорезмшаха. Чтобы поймать последнего, он приказал своим отрядам сторожить все ведущие к хорасанским городам дороги. Около Несы все время дежурил отряд монголов в 700 человек. Но Джелал ад-дин и не намеревался избегать столкновения; с меньшими силами, чем у монгольского отряда, он вступил с ним в сражение. Битва кончилась полным поражением монголов. Это был, по словам ан-Несеви, «первый мусульманский меч, обагрившийся их кровью и игравший их телами, растерзанными на части». Джелал ад-дин впоследствии придавал большое значение этой своей победе. У разбитых им монголов он забрал их лошадей, без которых он и его отряд не достигли бы Нишапура. Свой дальнейший путь Джелал ад-дин решил держать на Газну, где в это время скопилось более всего военных сил. В Газну он прибыл с войском в 30 тысяч человек. Повидимому, столько же он нашел и в самом городе. В составе его войска были эмиры Амин ал-Мульк, Сейф ад-дин Аграк, Азам-Мелик, Музаффар-Мелик—предводитель афганцев—и Хасан—предводитель карлуков.

Отряды, которыми располагал Джелал ад-дин, каждый в отдельности отличались высокими боевыми качествами, были хорошо вооружены и имели опытных военачальников. Однако, сведенные в одно войско, они, в условиях феодального общества, даже в руках такого сильного предводителя, каким был Джелал ад-дин, не представляли сплоченного целого. Отдельные военачальники, они же кочевые и оседлые феодалы, подталкиваемые противоречиями, существовавшими меж-

ду различными военно-кочевыми племенами и группами племен, а также между личными интересами отдельных феодалов, ссорились между собой, чем и затрудняли управление войсками. Тем не менее, Джелал ад-дин, преодолевая внутренние противоречия в феодальном войске, сумел вначале сплотить своих своевольных военачальников в грозную для монголов силу.

Джелал ад-дин, прекрасно зная, что монгольское войско следует за ним по пятам, спешно готовился к большому сражению. Битва произошла при Перване в долине Пянджшира; продолжалась она два дня и кончилась полным поражением монгольского войска, во главе которого стоял испытанный военачальник Шики-Хутуху. Удар Джелал ад-дина был настолько силен, что к Чингиз-хану вернулись лишь мелкие остатки монгольского войска. Значение этой победы было чрезвычайно велико, так как она впервые показала, что монголов прекрасно можно бить, для чего нужна только воля к победе у войска и его начальников, а также твердая направляющая рука полководца. Монголы сами понимали, что это было их первое большое поражение и что необходимо сделать все, чтобы не дать Джелал ад-дину собрать большие силы.

Чингиз-хан хорошо понимал, что в лице нового хорезмшаха он встретил достойного соперника. К сожалению, военному таланту Джелал ад-дина не удалось развернуться. Над ним нависла беда, которую он не в силах был преодолеть. Между военачальниками Джелал ад-дина началась грызня из-за большой добычи, полученной после победы над монголами. Джелал ад-дин выбивался из сил, стараясь примирить жадных и самолюбивых феодалов, но это так и не удалось ему. Начавшаяся склока кончилась отъездом от него непокорных военачальников—феодальных владетелей. Силы Джелал ад-дина после этого значительно уменьшились, изменились и перспективы дальнейшего сопротивления монголам. Однако и это роковое затруднение не сломило воли хорезмшаха к продолжению борьбы.

В скором времени Джелал ад-дин получил сведения, что против него движется новое большое войско монголов. На этот раз на него шел сам Чингиз-хан, взявший путь прямо на Газну. Хорезмшах решил не давать здесь сражения, и Чингиз-хан без сопротивления занял город. С жителями Газны он поступил так же сурово, как и в городах Мавераннахра. Джелал ад-дин отходил в это время к Инду. Наступавшие монголы несколько раз завязывали стычки с арьергардами противника, однако решительная битва произошла в ноябре 1221 г. на берегу Инда, «ниже переправы Ниляб». Сражение развернулось на сравнительно небольшом пространстве. Битва шла с переменным успехом, причем вначале Джелал ад-дину удалось привести в расстройство центр монгольского войска, который находился под непосредственным командованием самого Чингиз-хана. Исход сражения решил 10-тысячный отряд отборных монгольских воинов, спрятанный в засаде.

Проиграв битву, потеряв войско, не желая сдаваться и отдавать свою семью на поругание монголам, хорезмшах бросил с крутого берега жену, мать и других членов своей семьи в быстрину реки, а сам на коне смелым броском переплыл Инд и скрылся на другом берегу. Пораженный Чингиз-хан даже отказался от его преследования. Вместе с Джелал ад-дином спаслось около 4 тысяч человек из его войска. Джелал ад-дин некоторое время, т. е. до начала 1224 г., жил в Индии, после чего жизнь его целиком связана была с Закавказьем. Непосредственных связей с Средней Азией Джелал ад-дин в этот период не

имел. Последние семь лет своей жизни он отдал делу создания сильного государства в Закавказье и борьбе с монголами. Однако и здесь он не смог ни преодолеть феодальных неурядиц, ни объединить соплеменных ему мусульманских феодальных правителей на борьбу с монголами. Напротив того, в 1227 г. владетели Малой Азии, Сирии и других областей создали союз, направленный против Джелал ад-дина, чем и лишили всяких перспектив его борьбу с монголами.

Не мог Джелал ад-дин также преодолеть в себе вражды к христианам. Последнее обстоятельство имело роковые последствия. Вместо того, чтобы найти общий язык с христианскими владетелями Грузии и Армении для объединения против монголов, он враждовал с грузинами и совершал грабительские набеги на их земли. В один из таких походов он осадил Тбилиси, захватил его и подверг жестокому разгрому, причем воины Джелал ад-дина грабили и насильничали не меньше монголов. Это его поведение вызвало в Закавказье резкое возмущение, и против него образовалась настоящая коалиция из грузин, армян и других народов. В 1229 г. наступил резкий поворот в борьбе Джелал ад-дина с монголами. Силы его ослабели: по его собственной вине он не пользовался авторитетом в Закавказье, отчего в борьбе с наступающими на него монголами не имел необходимой поддержки, едва не попал в плен и спасся только благодаря своей замечательной личной отваге. В 1231 г. он погиб в горах Курдистана, оставленный наиболее близкими своими сподвижниками.

К числу основных ошибок Джелал ад-дина нужно отнести его неуменье, да и нежелание искать опоры для борьбы с монголами в народных массах.

Захват Чингиз-ханом Средней Азии, разрушение городов, ограбление и истребление населения произвели сильное впечатление на умы современников. Более всего это нашло отражение в следующих словах ибн ал-Асира: «Если бы кто сказал, что с тех пор, как аллах всемогущий и всевышний создал человека, по настоящее время мир не содержит (ничего) подобного, то он был прав! Действительно, летописи не содержат ничего (сколько-нибудь) сходного и подходящего. Из событий, которые они описывают, самое ужасное, что сделал Навуходоносор с израильтянами по части избиения (их) и разрушения Иерусалима. Но что такое Иерусалим в сравнении с (теми) странами, которые опустошали эти проклятые (монголы), где каждый город больше Иерусалима. И что такое израильтяне в сравнении с теми, которых они перебили. Ведь в одном (отдельно взятом) городе, жителей которых они избили, было больше, чем (всех) израильтян. Может быть людской род не увидит (ничего) подобного этому событию до преставления света и исчезновения мира, за исключением разве Гога и Магога. Эти же (татары) ни над кем не сжалились и избивали женщин, мужчин, младенцев, распарывали утробы беременным и умерщвляли зародышей».

§ 3. МАВЕРАННАХР В РУКАХ МАХМУДА ЯЛАВАЧА

Трудно даже представить себе размеры бедствий, которые выпали на долю Средней Азии за два года монгольского нашествия. Многие города лежали в развалинах. Более всего пострадали Мерв и Ургенч, два наиболее богатых и культурных города Востока того времени. Чингиз-хан приказал совершенно разрушить замечательную ирригационную систему, питавшую водами Мургаба как самый

город Мерв; так и его оазис—цветущий край, обильный разнообразной продукцией сельского хозяйства и ремесла. Население массами покидало умирающие селения мервского оазиса, и там, где еще совсем недавно радовала глаз густая зелень садов и полей, слоями ложились пыль и песок надвигающейся пустыни.

Повидимому, Чингиз-хан, тогда не ставивший себе задачей завоевание Ирана, хотел положить границей между Средней Азией и Ираном не только Аму-дарью с ее бурливыми водами; но и обращенный в пустыню Мервский оазис. Однако известно, что и в дальнейшем ни одно из монгольских государств (чагатайское, хулагидское и золото-ордынское) почему-то не стремилось восстановить Мерв и его оазис, хотя тогда Иран уже входил в состав монгольской империи и, таким образом, не было никакого смысла сохранять здесь пустыню.

Некоторое время лежал в развалинах и Ургенч, который возродился впоследствии на старом месте и сделался одним из самых больших городов Золотой орды, куда он вошел вместе с северным Хорезмом. Многие местности на всем хорезмском побережье Аму-дарьи пришли в упадок, так как вследствие разрушений, произведенных монгольскими отрядами, оросительная система пришла в запустение. Особенно пострадало правобережье Аму-дарьи; некоторые из расположенных там районов современной Кара-Калпакии, ныне пустынные, в домонгольское время были цветущими оазисами.

В результате монгольского нашествия в Хорезме сильно сократилось население, а также размеры его земледельческой деятельности. Сильно уменьшилось население и в Мавераннахре; по вышеприведенным словам Чан-Чуня, в Самарканде осталась одна четвертая часть жителей, т. е. около 25 тысяч семейств, да и эта цифра, повидимому, является сильно преувеличенной.

Самарканд и Бухара восстанавливались с большими трудностями; следы развалин и разрушений в них видны были еще в 30-х годах XIV в.¹ Многие небольшие города или селения по левому и правому берегам Зарафшана постепенно пришли в упадок вследствие сильного сокращения населения. В течение, по крайней мере, первого десятилетия после окончания военных действий многие поля и бахчи лежали в полном запустении.

Трудно подсчитать, насколько уменьшилось население Мавераннахра. Достаточно вспомнить, какое огромное количество ремесленников уведено было в тыл монгольского войска, как много женщин и детей перебито и, наконец, какое большое количество сельского и городского здорового мужского населения, отправленного в хашар, погибло при осаде городов и крепостей.

Нужна была большая жизнеспособность, огромное трудолюбие таджикского и тюркского земледельческого и городского населения, чтобы хотя бы несколько наладить наступившую, наконец, «мирную»

¹ По словам ибн-Батуты, во время его пребывания в Бухаре, в 1333 г. большинство мечетей, медресе и рынков лежало в развалинах. Бухара за монгольский период, как известно, два раза подвергалась разгрому, пожарам и опустошению: первый раз в 1220 г. во время взятия ее войсками Чингиз-хана; второй раз во время хулагидского нападения в 1273 г. В промежутке между этими датами, после 1238 г., когда в Мавераннахре власть перешла к Масудбеку, в Бухаре началось строительство, которое в 50-х годах завершилось возведением медресе Масудийе. Однако это строительство не уничтожило следов чингизова погрома. Хотя Марко Поло и замечает, что Бухара в годы его пребывания там была лучшим из городов, где говорили ко-таджикски, не надо все же забывать, что на главных из этих городов лежала печать еще неликвидированных разрушений.

жизнь. Рано или поздно должно было начаться какое-то «возрождение», так как и сами монголы прекрасно понимали, что нельзя рубить сук, на котором они сами сидели. Они хорошо видели, что дань и какие бы то ни было доходы можно получать с людей в том случае, если они сами чем-то живут и питаются и что-то производят.

Известно, что монголы не совершали в первой половине XIII в. значительного переселения в Среднюю Азию, и в частности в Мавераннахр, а в основной своей массе остались в Монголии. Чингиз-хан счёл необходимым, в полном соответствии с монгольскими представлениями того времени о родовом владении, еще при жизни разделить завоеванные земли между своими сыновьями. Среднюю Азию от Алмалыка до Аму-дарьи он отдал своему второму сыну Чагатаю. Ставка Чагатая находилась первоначально в Кульджинской области в бассейне р. Или, откуда она впоследствии постепенно передвигалась на запад.

Старший сын Джучи получил наиболее отдаленные от собственно Монголии земли. Ставка его была где-то на Иртыше, откуда владения его шли на запад, захватывая земли, «до которых доходили копыта монгольских коней». Непосредственные владения Угэдэя — третьего сына Чингиз-хана — включали земли, лежавшие между улусами Джучи и Чагатая и улусом младшего сына Тули, которому была выделена собственно Монголия.

Вместе с распределением уделов проведен был и раздел регулярного войска Чингиз-хана. Войско это исчислялось всего в 129 тысяч человек. 101 тысяча была передана Тули, по 4 тысячи получил каждый из остальных сыновей. Оставшиеся 16 тысяч распределены были между другими родственниками.

Пока был жив Чингиз-хан, в отдельных частях созданной им удельной системы не отмечалось еще проявления сепаратистских наклонностей. По словам В. Я. Владимирцева, «культурные области с оседлым населением, входившие в уделы царевичей, были первоначально подчинены хану — императору, который правил ими через назначенных губернаторов (даруга); царевичи же пользовались только доходами с этих земель, причем не имели права сами производить сбора податей».

Монголы не имели опыта в управлении большими, культурными феодальными областями. Своего чиновничьего аппарата, который умел бы управлять городами и вилайетами, у монголов не было, да и самый процесс управления в первые десятилетия их не интересовал. Чингиз-хан и царевичи, а также монгольская военная знать, интересовались лишь данью и систематическими поступлениями доходов с покоренных стран. Монголам важно было только бесперебойно получать как можно больше продуктов сельского хозяйства, произведений ремесленной промышленности и денег.

Для управления завоеванными областями Средней Азии монголы прибегли к помощи тех же мусульманских купцов, которые сыграли такую предательскую роль по отношению к своим собратьям в течение всей войны. Чингиз-хан (ум. в 1227 г.), а потом Угэдэй (1229 — 1241) отдали области Средней Азии, в частности Мавераннахр, входившие в улус Чагатая, в управление, фактически на откуп, уже знакомому нам купцу Махмуду Ялавачу. За годы войны он стал одним из богатейших своего времени.

Махмуд Ялавач стоял во главе очень богатого торгового дома и мог, повидимому, взять на себя выплату вперед великому хану податей и других поступлений со всего Мавераннахра за определенный

срок, по всей вероятности по третям года. Сам же он получал право собирать и требовать с населения подати и натуральные повинности с тем расчетом, чтобы ему перепал определенный процент. Махмуд Ялавач фактически становился монгольским наместником в Мавераннахре. В его распоряжении находились большие монгольские силы, разбитые на отряды, во главе которых стояли даруги или баскаки. В первом случае мы имеем монгольский термин, во втором — тюркский; оба — в значении «военного правителя», который одновременно следил за правильным поступлением со стороны населения определенного города или района полагающихся с него налогов, податей и повинностей. Баскаки и даруги были бичом населения, особенно земледельцев и ремесленников.

Махмуд Ялавач резиденцией своей избрал город Ходженд, откуда и следил за экономической, административной и политической жизнью страны. Чагатай и его окружающие, жившие далеко от Мавераннахра, не входили в подробности управления своим уделом и довольствовались лишь получением определенной доли доходов с него. Махмуд Ялавач, кроме введения должности баскаков, не вносил никаких изменений в систему управления вилайетами. Если в домонгольское время в Бухаре в качестве правителей были духовные князья — садры, — то и теперь они продолжали играть почти ту же роль. Там, где были местные мелики и где их фамилии уцелели после монгольских завоеваний, они остались у власти на своих местах.

Как это всегда имело место и в прошлом, господствующие классы примирились с властью завоевателей. Крупная феодальная аристократия, в лице уцелевшей своей части, приспособилась к завоевателям, пошла к ним в услужение, стараясь ценой любых политических уступок сохранить свои земли, недвижимую и движимую собственность и некоторые социальные привилегии.

Монголы особенно поддерживали мусульманское духовенство в лице его высших представителей, считая, что оно может оказать им большую услугу в смысле внедрения в сознание народа необходимости полной покорности монгольским ханам.

Покровительствовали монгольские ханы и мусульманским купцам. Упомянутый выше Джузджани, говоря о сыне Джучи, Батые, известном завоевателе Восточной Европы и основателе Золотой орды, писал: «Мусульмане Туркестана под сенью его опеки наслаждались большими богатствами и чрезвычайной безопасностью». Под «мусульманами» автор в данном случае имеет в виду мусульманских купцов. Монгольские ханы ценили торговлю, стремясь извлечь из нее максимальные выгоды, сами участвуя в ней своими вкладами. Согласно Рашид ад-дину, великий хан Угэдэй внес в качестве пая в торговое предприятие одного купца 200 золотых балишей — сумму, огромную по тому времени.

Установившийся постепенно контакт между монгольской властью и господствующими классами покоренного Мавераннахра очень дорого обошелся народным массам, так как им теперь пришлось кормить, одевать, снабжать всем необходимым как завоевателей, так и местных феодалов, светских и духовных, а отчасти, как мы увидим ниже, и обслуживать купцов.

При Чингиз-хане и его преемниках — ханах Угэдэе (1229—1241 гг.) и Гуюке (1246—1248 гг.), по словам Рашид ад-дина, на всей территории монгольской империи, особенно в Средней Азии¹, широкое

¹ Золотая орда, как государство, фактически сложилась не ранее середины XIII в., а государства хулагидов в Иране тогда еще не существовало.

применение нашла следующая практика: члены чингизова дома — царевици и ханши — начали раздавать направо и налево разным частным влиятельным лицам из феодалов (светских и духовных) и купцов ярлыки и пайцзы¹, дававшие получившим их право требовать от населения (крестьян и ремесленников) выполнения разных служб и повинностей. Приведем выдержку из ярлыка Мангу-хана (1251—1259 г.), раскрывающего смысл многих злоупотреблений, которые тогда практиковались.

«Приказал Мангу-хан: чтобы впредь царевици не писали и не давали бы никаких приказов в каком-нибудь деле, которое имело отношение к управлению вилайетами, не запросив мнения наместника ханского величества, чтобы главные ильчи (посланцы), когда они едут от яма к яму, не брали более четырнадцати почтовых (лошадей) и чтобы они не забирали у населения животных. Во времена (великого) хана было договорено, чтобы купцы в областях Моголистана разъезжали на почтовых; отвергая это, (Мангу-хан) приказал, чтобы торговые люди, которые стараются ради собственной прибыли, ездили бы на собственных животных, ибо какой расчет государству предоставлять им пользоваться почтовыми. Приказал он также, чтобы ильчи без дела ни в какой город или деревню не заезжали и не забирали бы (у населения) фуража и провианта сверх положенного им. Так как дела насилия и притеснения достигли высшей степени, причем особенно были доведены до крайности земледельцы от множества всякого рода тягот, взысканий и обременений чрезвычайными налогами, так что польза, получаемая ими, не равнялась половине взысканий (в виде повинностей), то он (Мангу-хан) приказал, чтобы лица простого и благородного происхождения из числа купцов и деловых людей поступали по отношению к зависящим от них людям снисходительно и сострадательно».

Приведенное из ярлыка Мангу-хана место весьма примечательно. Ярлык рисует очень тяжелое положение непосредственного производителя в сельском хозяйстве, а Мангу-хана едва ли можно заподозрить в желании сгустить краски.

Действительно, положение крестьян с каждым годом все ухудшалось. Кроме обычного земельного налога — хараджа, который при монголах назывался «калан», земледельцы должны были нести много всякого рода повинностей и служб. Откупная система, сверху до низу основанная на злоупотреблениях, делала налоги и повинности для податного населения совершенно непереносимыми. В соседнем Иране система эта довела страну — правда, несколько позже, в конце XIII в. — до такого состояния, что крестьяне бросали насиженные места, все свое имущество и уходили, «куда глаза глядят».

Кроме крестьян, в очень тяжелых условиях жили при монголах и городские ремесленники. Количество их в городах сильно сократилось. Плано Карпини, приехавший в ставку монгольского хана в 1246 г., пишет о ремесленниках Средней Азии и других мест в покоренных монголами странах следующее: «В земле сарацинов (мусульман) и других, в среде которых они (монголы) являются как бы господами, они забирают всех лучших ремесленников и приставляют к своим делам. Другие же ремесленники платят им дань от своего ремесла».

¹ Пайцза — особая пластина, золотая, серебряная, бронзовая, а иногда даже деревянная, — выдавалась определенному лицу с тем, чтобы по предъявлении ее местное население кормило его, предоставляло фураж, помещение и другие удобства для его путешествия.

Захваченные и переселенные в Монголию ремесленники получали от монгольских властей самое жалкое пропитание. Во всяком случае тот же Плано Карпини пишет по этому поводу: «Каждому (производителю) они (монголы) дают на день хлеба на вес, но очень немного, а также не уделяют им ничего другого, как небольшую порцию мяса трижды в неделю и они делают это только для тех ремесленников, которые пребывают в городах».

Многочисленные сведения о положении ремесленников при монголах в XIII в. имеются и у Рашид-ад-дина. Хотя почти все им написанное относится к Ирану, а не к Средней Азии, некоторая аналогия все же допустима, и многие факты можно применить и к территории Мавераннахра.

По словам Рашид ад-дина, особое внимание монголов привлекали ремесла, связанные с изготовлением оружия, поэтому ими в первую очередь забирались ремесленники, выделявшие луки, стрелы, колчаны, сабли и другие изделия, более всего необходимые для нужд монгольского войска. Принуждая ремесленников работать в порядке натуральной повинности, монгольские власти, по словам Рашид ад-дина, первоначально выдавали им содержание в виде небольшого количества продовольствия. Весьма характерно, что при существовавшей системе полагавшееся ремесленникам содержание в большей своей части не доходило до них, а расходилось по рукам разных чиновников. Впоследствии в Иране при Газан-хане (1295 — 1304 гг.), ввиду полного упадка производительности ремесленников, пришлось вернуться к домонгольским порядкам, когда власти скупали у ремесленника нужные им изделия по определенной цене, хотя и более низкой, чем на рынке.

§ 4. ВОССТАНИЕ МАХМУДА ТАРАБИ В БУХАРЕ В 1238 г.

Перед доведенными до полной нищеты народными массами, крестьянами и ремесленниками, встала дилемма: погибнуть от голода и полного бесправия или добиться улучшения своей жизни путем восстания против насилий монгольской власти и связанных с нею феодалов. Жители Бухары и ее области (вилайета) стали на второй путь уже через 17 лет после завоевания монголами Мавераннахра.

К счастью для историографии Средней Азии, у Джувеини имеется подробный рассказ об этом восстании. Джувеини написал свою «Историю завоевателя мира» в 1260 г., т. е. через 22 года после восстания в Бухаре в 1238 г. Так как Джувеини родился в 1226 г. и прекрасно знал Мавераннахр, где бывал проездом из Ирана в ставку великого хана в Каракуруме, то его сведения о восстании приобретают весьма значительную ценность, тем более, что он является для нас единственным первоисточником об этом восстании. При использовании рассказа Джувеини не следует, однако, забывать, что сам он был крупным чиновником, принадлежал к древней феодальной знати, ненавидел классовой ненавистью восстание и особенно его вождя, ремесленника Махмуда Тараби. Несмотря, однако, на эту классовую ненависть и обусловленные ею клеветнические выпады против Тараби, в рассказе имеется много фактов, которые рисуют нам вождя движения как замечательного человека, прекрасного агитатора, организатора и руководителя восстания.

Согласно рассказу Джувеини, восстание возникло в Бухаре и ее округе в 636 (1238) г. В трех фарсах от Бухары было селение Тараб, в котором жил и работал ремесленник, специалист по выделке сит, Махмуд Тараби. В селении этом и в его окрестностях земледельцы

и ремесленники, по словам Джувейни, собирались на особые «еретические» собрания, на которых устраивались угощения и пляски; на этих же собраниях они обсуждали свою тяжелую жизнь под игом монголов и связанных с ними местных феодалов.

Нет ничего невероятного в сообщении Джувейни о характере этих собраний, так как в средние века, в условиях феодального общества люди, недовольные порядками, порывали с господствующей религией и уклонялись от нее в мистику или в то или иное, с точки зрения ортодоксального ислама, еретическое учение. В Бухаре и ее окрестностях трудящиеся массы рвали с исламом, представители которого навязывали им идею о том, что «царство принадлежит аллаху» и что «султан—тень аллаха на земле». А так как султанская власть тогда была в руках монголов, то нельзя было быть настроенным против монголов, а также местных феодалов, и вместе с тем идти в ногу с ортодоксальным исламом. Отсюда и уход трудящегося населения в ту или иную «ересь». Более всех на этих собраниях выделялся Махмуд Тараби, который приобрел среди своих земляков такой большой авторитет и доверие, что они повиновались каждому его слову.

О проповеди Махмуда Тараби стало известно и в Бухаре, где у него нашлись сторонники, в том числе ученый богослов знатного происхождения—Шемс ад-дин Махбуби. По ряду обстоятельств он резко разошелся со своей средой, стал отщепенцем в рядах высшего духовенства и начал активно поддерживать проповедь Махмуда Тараби. Шемс ад-дин Махбуби, по словам Джувейни, даже заявил самому Махмуду Тараби: «Мой отец рассказывал, и в книге записано, что из бухарского Тараба выйдет правитель, который освободит мир, и описал отличительные признаки его, и эти знаки видимы в тебе».

С каждым днем число сторонников Махмуда Тараби увеличивалось. В Тарабе и других бухарских селениях проповедь его была настолько популярна, что народ ожидал только сигнала к выступлению против монголов и местной феодальной знати—светской и духовной. Об успехах пропаганды Тараби узнали и монгольские власти. «Эмиры и баскаки, которые находились (в Бухаре), устроили совещание о мерах к успокоению вспыхнувшей смуты и отправили в Ходженд, к правителю Ялавачу, гонца с извещением о случившемся»,—пишет Джувейни.

Сознавая пока свое бессилие и невозможность пойти на открытое выступление против Махмуда Тараби и его сторонников, баскаки и эмиры решили хитростью заманить народного вождя в Бухару и по дороге убить его. С этой целью к Махмуду в Тараб было направлено несколько монгольских военачальников во главе с Тамша. Однако Махмуд сразу понял их коварные замыслы и разоблачил их намерения, чем и спас свою жизнь. Тем не менее он направился в Бухару, где был встречен народом радостными приветствиями и обещанием поддержки. Характерно, что, явившись в Бухару, Махмуд Тараби сразу направился ко дворцу Мелика Синджара, чем и подчеркнул как бы преемственную политическую связь с движением последнего, имевшем место, как мы видели выше, в 1206—07 г. «Квартал и базар, пишет Джувейни, в котором находился Махмуд, были так запружены народом, что и кошке невозможно было пройти».

Пока все это происходило, эмиры и баскаки не дремали и готовили какие-то новые козни. Кто-то сообщил об этом Махмуду Тараби, и тот понял опасность дальнейшего пребывания в Бухаре. Кроме того, ему было ясно, что нельзя упускать благоприятного момента для выступления, так как до того, как Махмуд Ялавач успеет прислать по-

мощь из Ходженда, должно пройти некоторое время. Вот почему Махмуд Тараби считал наиболее целесообразным покинуть город и уйти в ближайшие окрестности, к холму Абу Хафса (сейчас же на север от северной городской стены). Здесь стали собираться его ближайшие сторонники как из самого города, так и из соседних деревень и селений. К ним, согласно Джувейни, и обратился Махмуд Тараби со следующими словами: «О, защитники истины, что еще медлить и ждать, необходимо очистить мир от неверных, пусть каждый приготовит и обратит в дело, что у него имеется из оружия и орудий или палок и дубин».

Этот призыв сыграл решающую роль. Около Махмуда Тараби собрался большой отряд преданных делу людей, пусть плохо вооруженных, но готовых отдать жизнь за дело освобождения родного города и родных селений от монголов и их приспешников из числа господствующего феодального класса. С отрядом своих вооруженных сторонников Махмуд Тараби вновь пошел в Бухару, где и остановился во дворце Раби'а. На этот раз баскакам и эмирам не оставалось ничего другого, как уступить восставшим поле действия и тайно готовить будущий отпор.

Тем временем Махмуд Тараби пригласил во дворец Раби'а садров, вельмож и именитых людей Бухары. «Глава садров Бурхан ад-дин, отпрыск могущественной семьи, пишет Джувейни, дал Махмуду халифскую власть на том основании, что тот не являлся для него неприемлемым как в отношении ума, так и по благородству; он же (глава садров) провозгласил садром Шемс ад-дина Махбуби». Эти слова Джувейни весьма примечательны.

Махмуд Тараби прекрасно понимал, что в сознании народа необходимо как-то узаконить его (Махмуда Тараби) власть в Бухаре и ее вилайете. Вот почему он заставил представителей высшего мусульманского духовенства в лице садров провозгласить себя халифом, дабы сосредоточить в своих руках законную духовную и светскую власть. Немедленно после провозглашения его законным правителем, Махмуд Тараби провел ряд мероприятий, направленных против тех из феодальной чиновной и нечиновной знати, которые связали себя с монголами и которых ненавидел народ. «Большую часть вельмож и людей именитых подверг он оскорблению и обесчестил, некоторых он убил, другая же часть бежала. Простому народу и бродягам он, наоборот, выказал расположение».

Махмуд Тараби прекрасно понимал, что самые трудные дни впереди, и потому усиленно готовился к вооруженной борьбе с монгольскими отрядами, которые должны были подойти к Бухаре. Центр контрвосстания бежавшие эмиры и баскаки организовали в Кермине. Здесь они собрали из ближайших районов всех монголов и со сравнительно большим войском направились к Бухаре. По словам Джувейни, «Махмуд со своей стороны приготовился к сражению и вышел навстречу вражескому войску с базарными людьми, одетыми в рубахи и штаны (изар)».

В происшедшей битве победили сторонники Махмуда Тараби. Разбитые монголы бежали по направлению к Кермине. К восставшим повсюду из ближайших селений присоединялись новые отряды. «Население окрестных рустаков вышло из своих деревень и, забрав с собой лопаты и топоры, присоединилось к последователям Махмуда, и всякого, кого удавалось настичь, особенно сборщиков податей и богатых людей, они хватали и раскраивали им топором голову. Так, в погоне они дошли до Кермине. Было убито около 10 тысяч человек».

Эта победа была высшей точкой, до которой поднялось движение Махмуда Тараби. В дальнейшем, когда силы восстания значительно ослабели, оно резко пошло на снижение. Дело в том, что победа движения стоила жизни Махмуду Тараби и Шемс ад-дину Махбуби. Оба вождя погибли от случайно пущенных стрел. Это было непоправимой потерей для всего дальнейшего хода восстания, так как уже не нашлось людей, которые могли бы успешно возглавить движение. На место убитых восставшие выдвинули двух братьев Махмуда—Мухаммеда и Али. Это были люди без организаторских способностей и без нужного авторитета. Вот почему в самый ответственный момент они оказались совершенно неподготовленными к новому столкновению с монголами. Не прошло и какой-нибудь недели после сражения, как появились новые отряды монголов, возглавленные Ильдизом Нойоном и Чеканом Курчи. На этот раз победителями оказались монголы. Сторонники Махмуда Тараби были совершенно разбиты и потеряли убитыми около 20 тысяч человек. Монголы вновь стали хозяевами положения, вошли в Бухару и со свойственной им жестокостью начали избивать и грабить население города. Насилия над бухарцами и окрестными крестьянами приняла такие огромные размеры, что даже Махмуд Ялавач, человек суровый и жестокий, явившись в Бухару, потребовал прекращения бессмысленных избиений.

Приведенного рассказа достаточно, чтобы представить себе размеры, характер и даже идеологию движения. Из рассказа прекрасно видно, что движение было направлено против монгольского ига, тяжесть которого еще усугубляли их баскаки (даруги), а также и те из местных феодалов, которые были у них на службе и пользовались теми или иными привилегиями за счет народа.

Посягало ли движение Махмуда Тараби на самую основу феодальных порядков? В тексте Джувейни данных для положительного ответа на этот вопрос мы не найдем. Махмуд Тараби ненавидел господствующие классы, но ненависть его была направлена главным образом против чрезмерной тяжести налогов, податей и повинностей, а также злоупотреблений, связанных с их взиманием. Сборщик налогов—наиболее ненавистная Махмуду Тараби и всем его сторонникам фигура.

Каковы были последствия восстания Тараби, сыграло ли оно прогрессивную роль в жизни Мавераннахра, несмотря на свой трагический конец?

Да, сыграло. Восстание показало монгольской власти, что народ ненавидит режим насилия и злоупотреблений и таит в себе силы для решительного отпора против всей системы монгольского ига. Вспомним ярлык Мангу-хана, выдержку из которого мы привели выше. Хотя ярлык не датирован, он не мог, однако, быть издан позже 1259 г., поскольку это был последний год царствования Мангу-хана. По всей вероятности, ярлык относится к началу или середине царствования Мангу-хана, а не к его концу, следовательно, не больше 15 лет отделяют его от восстания Тараби.

Выше уже приходилось отмечать, что перечисленные в ярлыке злоупотребления в связи со сбором налогов и взиманием повинностей более всего относились к Мавераннахру. Едва ли будет ошибкой предположить, что восстание Махмуда Тараби в 1238 г. более, чем что-либо другое, открыло монгольским властям глаза на то, в каком положении находились тогда трудящиеся массы города и деревни. Нам представляется, что забота, проявленная Мангу-ханом в его ярлыке о положении крестьянства, и восстание Тараби тесно связаны между собой, и в числе причин, породивших этот ярлык, восстание 1238 г. в Бухаре занимает важное место.

ГЛАВА IV

МАВЕРАННАХР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII в. И В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIV в.

В том же 1238 г., когда было подавлено восстание Махмуда Тараби, богатый откупщик и наместник всего Мавераннахра, Махмуд Ялавач был устранен со своего поста и удален Чагатаем из Мавераннахра без предварительного согласования с великим ханом Угэдэем. Причиной отставки были, возможно, недостаточно крутые меры, предпринятые Махмудом Ялавачем при подавлении восстания Тараби. Было бы неверно приписывать Махмуду Ялавачу, человеку жестокому и черствому, какие-нибудь особые чувства жалости к страданиям жителей Бухары и ее окрестностей. Причина такой снисходительности лежала в другом: в простом расчете откупщика. Какие бы изменения ни произошли в той или иной области,—откупщик должен был вносить в ханскую казну одну и ту же сумму. Если бы монгольские отряды, действовавшие при подавлении восстания Тараби, довели Бухару и ее окрестности до запустения и нищеты, то пострадал бы и сам откупщик, который не смог бы собрать с оставшегося населения все то, что он внес в ханскую казну.

Отстраненный от должности Махмуд Ялавач уехал в Каракурум, где был хорошо встречен великим ханом Угэдэем и вскоре был назначен им на пост губернатора в Пекине, где и умер в 1254 г. Откупщиком и наместником в Чагатайский улус, простиравшийся от Гучена в Восточном Туркестане до Аму-дарьи, вместо Махмуда Ялавача был назначен его сын Масудбек, пробывший в этой должности вплоть до 1289 г., т. е. до своей смерти.

Масудбек продолжал политику своего отца—держал в своих руках на откуп все налоги и подати, требовал от населения выполнения повинностей и власть свою осуществлял, опираясь на монгольские отряды во главе с баскаками, а также на мелких владетелей, которые находились на положении подвластных наследственных правителей.

Общеполитическая обстановка в самой монгольской империи была весьма сложной. Крупные завоевательные предприятия продолжались; из них прежде всего необходимо отметить походы Батые в Восточную Европу в 1236—1241 гг., приведшие к образованию государства, известного в русских источниках под именем Золотой орды. После смерти Гуюк-хана в 1248 г., в монгольской империи начались смуты. В доме Угэдэя не нашлось сильной личности, которая могла бы взять в крепкие руки власть над обширной территорией империи. Наиболее влиятельными фигурами в чингизовом доме оказались Батый, который тогда считался старшим в роде, и вдова Тули-хана вместе со своим сыном Мункэ (Мангу). Вдова Тули-хана хотя и была христианкой, тем не менее жила в дружбе с мусульманским духовенством и всячески его поддерживала. Как старший среди чингизидов, Батый, согласно обычаям, должен был созвать курултай для избрания всемонгольского

великого хана (каана). У Батыя болели в то время ноги. Ходить он не мог и потому, ссылаясь на болезнь, предложил созвать курултай в столице джучидов—Сарае Бату. Потомки и родственники Угэдэя и Чагатая увидели в этом тайный умысел против своих интересов и под тем предлогом, что курултай для избрания великого каана должен происходить в районе рр. Онона и Керулена, т. е. в родном юрте Чингиз-хана, поехать в низовья Волги отказались. Иную позицию в этом вопросе заняла вдова Тули-хана и ее старший сын Мункэ (Мангу). По совету матери, Мункэ вместе со своей родней отправились к Батыю в его столицу. На совещании, на котором присутствовали родители той и другой стороны, было решено, что великим ханом станет Мункэ (Мангу). Однако, как бы влиятельны ни были тогда Батый и Мункэ (Мангу), надо было все же придать этому решению характер законности, то есть добиться хотя бы фикции избрания Мункэ курултаем царевичей и военачальников из дома Угэдэя и Чагатая. Батый поручил двум своим братьям—Берке и Бука Тимуру—организовать курултай в местности по реке Керулен. Потомки Угэдэя и Чагатая и на этот раз отказались ехать, так как и слышать не хотели о кандидатуре Мункэ (Мангу). Целых полтора года ушло на безуспешные переговоры. В 1251 г. удалось, наконец, созвать подобие курултая в Каракуруме, где великим ханом и был «избран» Мункэ.

Однако «избрание» это не прошло гладко. Царевичи из дома Угэдэя и Чагатая, изменив тактику, решили силою захватить власть. По словам Рашид ад-дина, только случай помог раскрытию заговора. Один из сокольников Мункэ-хана в поисках пропавшего ханского верблюда попал в лагерь Ширамуна, внука Угэдэя. Здесь он случайно обнаружил, что повозки его родичей и слуг полны оружия; сообразив, что там готовилось что-то недоброе, и незаметно выбравшись из лагеря, он прискакал к Мункэ-хану и доложил ему обо всем виденном. Мункэ решил быстро ликвидировать заговор, окружил лагерь Ширамуна и произвел там аресты. Начались суд, а затем и казни в доме Угэдэя и Чагатая: сначала хватали и убивали приближенных, а вслед за ними и потомков второго и третьего сыновей Чингиз-хана. Таким образом, приход к власти Мункэ (Мангу) был в полном смысле слова переворотом, который проведен был путем жестоких мероприятий, стоивших жизни многим чингизидам. Естественно, что новый «великий хан», столь обязанный Батыю и его брату Берке, не мог не считаться с интересами и желаниями дома Джучи. После многих совещаний между Мункэ и Батыем решено было ликвидировать улус Чагатая, как отдельное владение. При разделе улуса Чагатая Мункэ расширял свои владения на юго-запад, вплоть до Сыр-дарьи, а Батый захватывал весь Мавераннахр. Ввиду того, что Средняя Азия в 50-х годах XIII в. испытывала на себе весьма сильное влияние как со стороны джучидов (сначала Батыя, а затем Берке), так и великого хана Мункэ (Мангу), мы считаем полезным остановить внимание на этих двух исторических фигурах.

Мункэ-хан (каан) (1251—1259 гг.) оказался на престоле энергичным и решительным правителем, не лишенным понимания тех задач, которые в интересах монгольской империи необходимо было разрешить в весьма сложных условиях того времени. Прежде всего надо было позаботиться об организации центрального аппарата власти. Мункэ-хан назначил своим главным секретарем Булга-агу, в обязанности которого входило писать указы и снимать с них копии. Двух мусульман-битикчиев—Имад-ал-Мулька, служившего при каанах Угэдэе

и Гуюке, и Фахр ал-Мулька—он назначил для заведывания раздачей пайцз купцам. Одних купцов он привлек в качестве оценщиков товаров, которые привозили на продажу в казну, других—для оценки драгоценных камней, платья, мехов и т. д. Были назначены специальные лица, чтобы ведать выдачей алой тамги, изготавливать из золота, серебра и бронзы пайцзы, управлять ханским арсеналом; замещены были должности ловчих, сокольничих и других придворных чинов. Вместе с тем были особо выделены лица для управления и устройства дел разных религий и, наконец, приглашены писцы, умевшие писать по-таджикски, уйгурски, китайски, тибетски и тангутски,—на языках всех покоренных монголами народов.

Как и в царствование Угэдэя и Гуюка, Мункэ-хан отдал восточные страны монгольской империи (подразумевается главным образом северный Китай) в управление Махмуду Ялавачу, а города и земли Туркестана, Мавераннахра—Фергану, Хорезм—и города уйгуров отдал на откуп его сыну Масудбеку.

Управление покоренными областями Ирана и прилежащих к нему стран попрежнему находилось в непосредственном ведении великого хана. Мункэ поставил правителем Хорасана, Мазендерана, Азербайджана, Грузии, Армении, Ирака, Фарса, Кермана, Лура, Аррана и других областей—Аргун-ага, который правил здесь при Гуюк-хане. Выше мы уже говорили о ярлыке Мункэ (Мангу), который касался всех беспорядков и злоупотреблений, творимых баскаками, даругами, гонцами, купцами и другими властью имущими в монгольской империи людьми в отношении трудящегося населения деревень и городов Мавераннахра и Ирана. Мункэ (Мангу) хорошо видел, что дальнейшее продолжение всей этой системы насилий и злоупотреблений ведет к усилению антимонгольского движения, и столь же хорошо понимал, как опасны народные восстания против монгольской власти, ярким примером чего являлось восстание Махмуда Тараби в 1238 г. Вот почему в своем ярлыке он предлагает ряд мероприятий, которые могли бы предотвратить в дальнейшем восстания покоренных монголами народов. Все население империи (оседлое и кочевое) должно было быть обложено налогами и податями пропорционально доходам и богатству людей, за исключением духовенства из среды мусульман, христиан и идолопоклонников, а также людей, достигших старости и неспособных к труду. Налог должен был взиматься ежегодно; ставки его, однако, не во всех подвластных Мункэ странах были одинаковыми. В то время как в областях северного Китая и в Мавераннахре богатый человек должен был платить в год 10 динаров, а бедный—1 динар, в Хорасане богатый платил 7 динаров, бедный же—тот же 1 динар. Налог со скота, именуемый в ярлыке Мункэ (Мангу) «копчуром», предписывалось взимать по одной голове с каждой сотни; с количества же, меньшего сотни голов, совсем не взимать «копчура». Имел ли ярлык Мункэ (Мангу) большое практическое значение? Принес ли он действительное облегчение населению упомянутых выше стран? В Хорасане его не успели даже применить, так как уже в 1256 г. туда вторглась огромная монгольская армия во главе с братом Мункэ—Хулагу для нового и на этот раз более прочного завоевания Передней Азии. Что же касается Мавераннахра, то там вся обстановка прямо противоречила предписанным в ярлыке реформам. До начала 60-х годов там хозяйничали баскаки джучидов—Батыя и Берке-хана, а потом—вернувшиеся к власти в свой улус чагатайские ханы, которые думали только об увеличении своих доходов и менее всего заинтересо-

вались теми способами, которыми откупщик Масудбек собирает их с населения Мавераннахра.

С именем Мункэ-хана связано крупнейшее предприятие — упомянутый выше поход Хулагу в Иран в 1256 г. Рашид ад-дин в своей истории Газан-хана рассказывает, что в 1255 г. Хулагу, проходивший со своими войсками через Мавераннахр, остановился в сентябре того же года в ближайших окрестностях Самарканда, где его торжественно встречал «сахиб Туркестана и Мавераннахра», проще же говоря — откупщик Масудбек — с местными эмирами. Для почетного гостя Масудбек, как местный правитель, разбил на известном лугу Кан-и гиль, часто упоминаемом в связи с событиями XIII—XIV вв., вытканый золотом шатер. Празднества в честь Хулагу, на которых он веселился и пил вино в обществе местной знати, продолжались 40 дней. Хулагу пробыл там до глубокой осени 1255 г., а затем снялся с лагеря и направился в Иран через Кеш (Шахрисябз).

В 60-х годах внуку Чагатая Алгу-хану удалось выгнать из Мавераннахра золотоордынских чиновников и восстановить чагатайский улус. Опираясь на 15-тысячное войско, Алгу-хан мог прочно чувствовать себя в чагатайском улусе. В Самарканде, Бухаре и в других местах Мавераннахра люди Алгу сводили счеты со всеми, кто служил джучидам в годы изгнания чагатаидов. Среди пострадавших за связи с Берке-ханом был и сын знаменитого бухарского шейха Сейф ад-дина Бахарзи. Личное имущество казненных подверглось конфискации. В чагатайском улусе было восстановлено правление откупщика Масудбека; по словам Рашид ад-дина, Масудбек состоял в чагатайском улусе в должности откупщика с небольшим перерывом 51 год, т. е. со времени отъезда из Мавераннахра к великому хану Угэдэю его отца, Махмуда Ялавача, в 1238 г. и до своей смерти в 1289 г. Кроме Мавераннахра, Масудбек управлял еще городами уйгуров, Ферганой и Хорезмом. Чагатайские ханы мало вмешивались в дела управления Мавераннахром и интересовались главным образом доходами с него, которые аккуратно поступали через Масудбека, откупщика налогов и податей. Как рассказывает Рашид ад-дин, Алгу-хан после брака с Эргэнэ-хатун, хорошо знавшей Масудбека и вполне доверявшей ему, предоставил последнему Мавераннахр в бесконтрольное управление. Масудбек, стараясь всячески угодить Алгу, беспощадно собирая земледельческое и ремесленное население городов, настолько обогатил казну Алгу-хана, что тот мог содержать большое и хорошо вооруженное войско.

В 60-х годах XIII в., вскоре после смерти Алгу-хана, внутри чагатайского дома начались расхождения по вопросу о Мавераннахре. Чагатай и его ближайшее монгольское окружение были отрицательно настроены к исламу и быту мусульман. Однако чагатайские ханы — Мубарек-шах и Борак-хан — приняли ислам. Церемония возведения Мубарек-шаха на чагатайский престол в 1266 г. происходила уже не в долине реки Или, а в Мавераннахре, в долине реки Ангрена, что говорит о перемене отношения хана к Мавераннахру и о его желании находиться, если и не в самой этой богатой стране, то, по крайней мере, вблизи от нее. Тогда же вместе с ханом Мубарек-шахом в Мавераннахр перешли и некоторые монгольские роды, в том числе джалаиры и барласы. Первые избрали местом своих кочевий долину Ангрена, вторые — долину Кашка-дарьи. Эти роды пришли из Семиречья уже в какой-то мере отюреченными в отношении языка. На новых местах процесс отюречения ускорился: не прошло и столетия, как джалаиры и барласы вошли в состав тюркских племен.

В некоторых кругах чагатайского дома, особенно среди кочевой монгольской аристократии, политика усиления внимания к Мавераннахру продолжала встречать резкую оппозицию. Под ее влиянием чагатайский хан Кайду в 1269 г. собрал в Таласской долине курултай монгольских царевичей и нойонов. На курултае победили противники ориентации на Мавераннахр, и участники курултая, по словам Рашид ад-дина, заключили между собой договор, «что они впредь будут жить на горах и в степях, не будут держаться вокруг городов, не будут пускать скот на засеянные поля и делать необоснованные взыскания с подданных (райя)».

Постановление курултая 1269 г. не могло, однако, затушевать глубокого противоречия внутри чагатайского улуса по вопросу об отношении к Мавераннахру. Хань все больше сочувствовали переходу к городской жизни и стремились взять непосредственно в свои руки власть над богатой, культурной страной — Мавераннахром. Более того, все значительнее углублялись различия между монголами Семиречья и осевшими в Мавераннахре джалаирами и барласами. Оставшиеся в Семиречье чагатаи смотрели с презрением на чагатаев, которые с переселением в Мавераннахр утратили чистоту кочевнических традиций и пренебрежительно именовали их караунасами, т. е. метисами. В свою очередь и последние рассматривали чагатаев в Семиречье как отсталых и грубых варваров и называли их «джете», т. е. разбойниками. Чагатайский улус постепенно распадался на две части: Мавераннахр и Могулистан, в который, кроме Семиречья, входил и Кашгар. Однако окончательный распад произошел только в XIV в.

Бухара при откупщике Масудбеке начала переживать некоторое оживление. Масудбек был очень богатым человеком, любил Бухару и обстраивал ее хорошими зданиями, из которых нужно отметить медресе «Масудийе», где обучалось около 1000 студентов. Было там и еще одно прекрасное медресе «Ханийе», выстроенное матерью великого хана Мункэ. Некоторое оживление городской жизни в Бухаре, а также возведение обеих этих построек нельзя, однако, рассматривать как показатели хозяйственного подъема; они являлись лишь исключением из общего правила — экономического и культурного упадка страны.

Летом 671 (1272/1273) г. начальник крепости Аму́йе¹, охранявший берег реки Аму-дарьи, Акбек, «человек дурной», явился к Абака-хану и заявил, что со стороны северного берега реки «Бухара всяческие строит козни и что Бухару необходимо усмирить». В поход было отправлено войско в несколько туменов во главе с Иесудер-огулом, правителем Хорасана, который получил предписание: если жители тех мест согласны будут переселиться в Хорасан, никого не обижать, если нет — разграбить Бухару. Перейдя Аму-дарью, войска сначала делали набеги на Кеш и Нахшеб, а затем пошли на Бухару и заняли окрестности города. Акбек послал в Бухару своего слугу Зирека ибн-Лачина, родом бухарца, в сопровождении монгольского нукера, чтобы он объявил бухарцам о необходимости выселиться в Хорасан. В это время в Бухаре не было Масудбека, который уехал к Кайду, и вместо него Бухарой управлял садр Джехан. «Беспутные люди и чернь» убили Зирека, сколько садр Джехан ни уговаривал их не оказывать сопротивления монголам. В ответ Акбек осадил город. Садр ночью созвал вельмож и предложил им проявить инициативу к примирению. У Акбека оказался в Бухаре родственник Тадж ад-дин Зирек.

¹ Амуль, современный Чарджоу.

Он ведал одними из городских ворот, которые и открыл пришедшим из Ирана монголам. Войско хулагидов вошло в город 1 раджаба 671 г. хидж.—22/I 1273 г. Начались резня и грабеж, во время которых сгорело медресе Масудбека, а в нем—много рукописных книг. Целую неделю шел грабеж и лилась кровь. Наконец, пришло известие, что Чолай и Капан—сыновья Алгу, внука Чагатая—с 10-тысячным отрядом чагатайских монголов-всадников двинулись «на помощь» Бухаре. Акбек тогда тотчас же покинул Бухару с огромной добычей (разное имущество, скот, рабы и пленные). Когда они перешли большой арык Херамкан, их нагнали, однако преследовать не решились. В общем договорились на том, что Чолай получил часть награбленного добра. Когда Чолай вошел в Бухару, он продолжил грабеж и убил еще много бухарцев. Всего было убито около 50 тысяч человек. Прошло три года, а воины Акбека, Чолая и Капана все продолжали грабить. В результате город Бухара и его округ были опустошены и разрушены. В течение семи лет здесь не было жизни. Акбек задумал перейти на сторону Кайду, но об этом донесли хулагидскому хану. Акбека привезли к нему и били палками, пока он не сознался, а затем казнили.

Семь лет запустения не прошли даром, и на некоторое время Бухара, как центр торговли, ремесла и культуры, перестала существовать. А ведь незадолго перед тем братья Поло, прожившие в Бухаре с 1262 по 1265 гг., считали ее одним из лучших городов Средней Азии и Ирана, в которых жители говорят по-таджикски.

В XIV в. противоречия между чагатайскими ханами, стремившимися к установлению прочных связей с культурными районами, и военно-кочевой аристократией, желавшей продолжать кочевнические традиции, обострились до крайности. Ярким выразителем первого направления был чагатайский хан Кебек (1318—1326 гг.), выстроивший себе в двух фарсах (12—14 км) от Несефа дворец (карши). Впоследствии около этого дворца вырос целый город, также принявший имя Карши, куда переместилась вся деловая жизнь из пришедшего в упадок Несефа. Ко времени Кебек-хана система управления Мавераннахром путем отдачи на откуп налогов и податей совершенно изжила себя. Сельское и городское население, недовольное откупными порядками, готово было энергично поддержать попытку чагатайских ханов взять в свои руки управление страной. Кроме того, Мавераннахр в это время очень страдал от отсутствия единой с соседними мусульманскими странами денежной системы. Учитывая эти обстоятельства, Кебек-хан приступил к проведению в жизнь двух важных реформ—денежной и административной.

При проведении своей денежной реформы Кебек-хан принял за образец денежную систему, введенную в Иране Газан-ханом (1295—1304 гг.). Отсутствие во владениях хулагидов до Газан-хана единого монетного образца, а также единой и обязательной для всех пробы золота и серебра, привело к большой пестроте находившихся в обороте денег, а также к многочисленным злоупотреблениям, подрывавшим народное благосостояние. Согласно описаниям Рашид ад-дина, купцы в большей мере были заинтересованы скупкой с целью спекуляции золотых и серебряных монет, чем продажей своих товаров. Они скупали монету в областях, где она была более высокого качества, и наживались на разнице в курсе в районах, где монета была низкопробной.

Чтобы избежать всех этих злоупотреблений, Газан-хан издал, по словам Рашид ад-дина, указ, согласно которому на территории всего

государства серебро в чеканной монете должно было равняться по весу трем мискалям в одном динаре.

На основании этих слов Рашид ад-дина, В. В. Бартольд в своей работе «Персидская надпись на анийской мечети Мануче» высказал положение, что при хулагидах основной монетой государства был серебряный динар в три мискаля (золотника) весом и что золотые монеты «при хулагидах, как и его преемниках джалаиридах, чеканились только в ограниченном количестве для торжественных случаев». В. В. Бартольд, несомненно, прав в этом своем предположении, однако для точности следует внести в него следующую оговорку. В том же указе предписывается чеканить и золотые монеты весом в 100 мискалей¹. Повидимому, золота было не так уж мало, если при джалаиридах, во время похода Тохтамыша в 1385/1386 гг. на Тебриз, жители города должны были внести — и действительно внесли, — как оплату за обещание снять осаду, 250 туманов золотом. В указанной работе В. В. Бартольд выяснил также, что серебряный динар содержал 6 дирхемов, каждый весом в полмискаля.

В начале XIV в. в Мавераннахре наблюдалась такая же путаница в денежном обращении, такие же злоупотребления чиновников и спекулянтов, как и в Иране при хулагидах. Кебек решил прекратить анархию в денежном обращении путем введения единой монетной системы по образцу Газан-хана. За такой образец в Мавераннахре, как и в Иране и Золотой орде, были приняты серебряные динары и дирхемы, однако с некоторой против них разницей в весе. Динар весил 2 мискаля, а дирхем, соответственно этому, — $\frac{1}{3}$ мискаля².

Впрочем, в конце хулагидского периода, при хане Абу Саиде (1316 — 1335), та же картина наблюдалась и у хулагидов.

Кроме монетной реформы, Газан-хан провел и унификацию весовых единиц. По словам Рашид ад-дина, Газан-хан пригласил из Хорасана двух устатов (мастеров), Фахр ад-дина и Беха ад-дина, и поручил им изготовить образцы единой для всего государства системы гирь. Форма для гирь была избрана восьмигранная, каждая гиря снабжалась определенным штампом. Всего гирь в этой системе было установлено 11, весом от 10 манов (в мане 260 дирхемов) до 1 дирхема: 10, 5, 2, 1, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$ мана; 10, 5, 2, 1 дирхем. К сожалению, в источниках нет указаний на то, провел ли Кебек унификацию весовых единиц по образцу унификации монетной системы, в чем также нуждалась страна.

Огромное значение в жизни Мавераннахра имела административная реформа, проведенная, повидимому, также Кебеком, хотя об этом нет прямых указаний в первоисточниках.

Из описания ибн-Арабшаха мы видим, что в начале политической карьеры Тимура Самарканд со всеми рустаками образовывал семь туменов; в Фергане было девять туменов. Под туменом, — указывает ибн-Арабшах, — нужно понимать территорию с таким количеством населения, которое может выставить тумен, т. е. 10 тысяч человек войска (ополчения).

¹ В указе Газан-хана определенно указывается, что именно золотом этого чекана должны делаться подарки награждаемым лицам.

² Столько же весили серебряные динары и дирхемы в Золотой орде.

Таким образом, Мавераннахр еще до Тимура был разбит на военно-административные округа (тумены): до Кебек-хана (1318—1326 гг.) деления на тумены не было, а после него до Тимура никто не мог бы провести этой реформы. Исходя из этого, а также принимая во внимание те реформы, которые были проведены Кебек-ханом, можно с уверенностью приписать последнему и административную реформу.

До Кебек-хана, в особенности во второй половине XIII в., управление Мавераннахром шло как бы по двум линиям. С одной стороны, в городах уцелели местные династии правителей. В Шаше, Ходженде, Отраре, Таразе сидели местные мелики. В некоторых городах сохранились представители духовной феодальной власти (садры в Бухаре). В Термезе в начале XIV в. сложилась власть наследственных сейидов, известных под титулом худованд-заде, особенно влиятельных в 30—60-х годах XIV в. С другой стороны, в стране во второй половине XIII в. у власти находился откупщик Масудбек с подчиненными ему даругами, баскаками и монгольскими военными отрядами.

Вспомним, какое огромное количество злоупотреблений порождала такая система двойного управления при отце Масудбека—Махмуде Ялаваче. Злоупотребления эти если и уменьшились после обнародования ярлыка Мункэ-хана (1251—1259 гг.), то не настолько, чтобы можно было говорить о коренных переменах. Возрождение в хозяйственной области шло медленно; города, особенно Бухара и Самарканд, продолжали еще хранить на себе явные следы разрушений, оставшихся после нашествия Чингиз-хана.

Кебек-хану, задумавшему прибрать к рукам управление страной, предстояло провести ряд мероприятий чисто административного порядка, да еще в обстановке сложных феодальных отношений. В самом факте расчленения Кебек-ханом Мавераннахра на тумены сказалось монгольское влияние. Монголы имели обыкновение делить территорию улуса (например, улус Джучи) в военно-административном отношении на «левое крыло»¹ и «правое крыло», каждое из которых в свою очередь распадалось на тумены. Здесь, однако, следует отметить, что фактически с тумена, как административной единицы, почти никогда не собирали полного тумена, т. е. 10 тысяч воинов.

Чтобы правильно представить себе эти тумены, нужно помнить, что они территориально выделялись в сугубо феодальной обстановке. Мавераннахр в то время представлял собой большое число мелких феодальных владений—светских и духовных, оседлых и кочевых. Так, например, Хутталян, область между Вахшем и Пянджем, был отдельным феодальным владением; Бухара и ее вилайет были духовным владением во главе с садром. Джалаиры, жившие в бассейне Ангрена, также составляли феодальное кочевое или полукочевое владение, во главе которого стоял бек (эмир).

Административная реформа Кебека не уничтожила феодальных княжеств с их владельцами, а приспособилась к ним; владения превращены были в административные единицы—тумены, а прежние владельцы—в наместников туменов. В условиях феодального общества наместники были наследственными. Административная система, введен-

¹ Например, «левым крылом» улуса Джучи считалась Ак-орда (Синяя орда русских летописей).

ная Кебеком, не могла преодолеть центробежных феодальных тенденций, в чем и заключалось ее самое слабое место. Однако, сколько бы ни имела эта реформа недостатков, ее нужно признать шагом весьма прогрессивным, сыгравшим положительную роль в деле развития феодальной государственности в Мавераннахре.

Реформы Кебека встречали в оседлом населении Мавераннахра самый сочувственный отклик. Иначе к ним относилась военно-кочевая аристократия. После смерти Кебека она мобилизовала все свои силы, чтобы вернуть последующих ханов к временам и политике Кайду и к решениям Таласского курултая 1269 г. Вновь началась борьба между ханами и бегами (беками) кочевых племен. В ходе этой борьбы и был убит брат Кебек-хана, хан Тармарширин (1326—1334 гг.). Одно время ставка чагатайского хана даже перенесена была в Семиречье, и только хан Казан, последний чингизид в мавераннахрской части чагатайского улуса, вновь вернул в Мавераннахр ханскую ставку.

Казан-хан весьма настойчиво и умело продолжал политику Кебека, что вызывало против него ярую ненависть со стороны глав чагатайских родов. Борьба возобновилась. Во главе недовольных стал бег Казаган. В сражении между Казан-ханом и Казаганом первый был убит, и власть в Мавераннахре попала в руки Казагана. Казаган не именовал себя ханом, но ограничился титулом эмира. Для придания законности своим действиям он ввел практику иметь при эмирах «подставного хана» из чингизханова дома. Вначале таким «подставным ханом» был Данишмендча, потом Баян Кули-хан. Свои монеты Казаган чеканил от имени подставного хана. Правление Казагана (1346—1358 гг.) было ярким выражением воззрений и интересов кочевой военной аристократии, которая более всего заинтересована была в организации набегов и грабительских походов на соседние страны.

Зиму Казаган проводил в Сали Сарая, лето—в Хутталяне. Целью для своих набегов Казаган избрал Герат и Гератскую область, находившиеся под властью династии куртов. Казаган произвел большие опустошения в окрестностях Герата, захватил огромную добычу, но Герата взять не мог, так как ему не удалось овладеть гератскими укреплениями, возобновленными незадолго перед тем. В 1358 г. Казаган был убит на охоте по прямому наущению монгольского хана Токлуг-Тимура одним из его нойонов. В убийстве Казагана принял участие также и владетель Хутталяна—Кейхосрау.

После смерти эмира Казагана в Мавераннахре не было сильного правителя. Страна находилась в состоянии полной феодальной раздробленности. По словам Низам ад-дина Шами, в Мавераннахре в 50-х годах XIV в. было несколько более или менее крупных владений, которые никому не подчинялись и враждовали друг с другом. Шахрисабз (Кеш) с областью подчинялся Хаджи-Барласу. Ходжендом с его вилайетом владел Баязед, глава джалаириров. Балх и часть его вилайета находились в руках внука Казагана, эмира Хусейна. Родство с Казаганом давало Хусейну надежду поднять свой политический авторитет. Другой частью Балхского вилайета владел Ульджай-бука Сульдуз, по видимому, глава племени сульдуз. Шабурган захватил Мухаммед Ходжа Аперди. В горах Бадахшана своевольничали местные шахи. Хутталяном владел вышеупомянутый Кейхосрау и т. д.

Низам ад-дин Шами, перечисляющий все эти владения, замечает, что каждый из владетелей, даже если он обладал незначительными

военными силами, держал себя по отношению к другим владельцам высокомерно, вследствие чего в стране не прекращались раздоры и смуты, а дела государства пришли в полное расстройство. Более всего от этих смут страдало крестьянство.

С каждым годом положение Мавераннахра ухудшалось. Об отсутствии там сильного правителя хорошо было известно за пределами страны, и это обстоятельство прежде всего учел хан Могулистана—Токлуг-Тимур, который решил напасть на Мавераннахр, ограбить его и подчинить себе. В связи с этим Токлуг-Тимур и провел два похода— в 1360 и в 1361 гг.

ЧАСТЬ VII

Рост и расцвет феодализма
в Мавераннахре в XIV—XV вв.

ГЛАВА I

ТИМУР И ЕГО ВРЕМЯ

§ 1. МОЛОДЫЕ ГОДЫ ТИМУРА

В официальных источниках о детстве и молодости Тимура сведений не имеется. Подробные данные о его жизни начинаются лишь с похода Токлуг-Тимура (1360 г.). Однако у ибн-Арабшаха, в русских летописях и у Рюи Гонзилеса де Клавихо имеются некоторые детали, проливающие свет на биографию Тимура до 1360 г.

Тимур родился в селении Ходжа Ильгар, недалеко от г. Шахрисябза, был сыном Тарагая, барласского бека, не очень, повидимому, богатого, но достаточно влиятельного. В юности Тимур любил лошадей, был хорошим наездником, прекрасно стрелял из лука. Среди сверстников он всегда пользовался авторитетом и даже любовью, рано проявив качества вожака. Вот почему в дни молодости Тимура к нему тянулись такие же, как и он, молодые барласы, охотно становясь его нукерами (в данном случае, конными слугами). Тимур еще в молодости был знаком с военным делом и принимал участие в междоусобных войнах феодальных правителей Мавераннахра. Он часто самостоятельно организовывал набеги на соседние области, не пренебрегая и возможностью ограбить на дорогах торговые караваны. Постепенно молодой Тимур собрал вокруг себя небольшой отряд хорошо вооруженных конников, которых он в обстановке феодальной анархии направлял в набеги за добычей на земли своих соседей и на караваны проезжавших купцов.

По словам Клавихо, который слышал немало рассказов о молодости Тимура, последний, после удачного набега, «пировал со своими людьми; частью за это, частью за то, что он был человек храбрый и доброго сердца и хорошо делился тем, что у него было, собирались к нему другие люди, так что, наконец, у него было 300 всадников». Повидимому, личная храбрость, щедрость, умение разбираться в людях и выбирать себе помощников, а также ярко выраженные качества вожака, главаря создали Тимуру в долине Кашка-дарьи среди барласов, особенно в кругу военно-кочевой молодежи, широкую популярность.

Владея с детства тюркским и таджикским языками, Тимур хорошо знал не только кочевую, скотоводческую, но и оседлую, земледельческую среду. Более того, он хорошо знал и городскую жизнь, благодаря частым посещениям Шахрисябза, власть над которым была в ру-

ках барласского бека—дяди Тимура, Хаджи Барласа. В те годы в духовной жизни мусульман большую роль играли мусульманские шейхи. В Шахрисябзе большой популярностью пользовался шейх Шемс ад-дин Кулаль, или, как его именует другой источник (ибн-Арабшах)—Шемс ад-дин Фахури. Шемс ад-дин был духовником Тарагая—отца Тимура, который сумел внушить сыну симпатии к шейху. Хотя Тимур никогда не отличался особой религиозностью, впоследствии он многие свои успехи приписывал молитвам шейха Шемс ад-дина Кулала.

Когда могулистанский хан Токлуг-Тимур появился со своим войском в 1360 г. в Мавераннахре, там не нашлось правителя, который для борьбы с монголами смог бы сплотить вокруг себя враждующих между собой владетелей,—поодиночке же они были бессильны бороться против них. Токлуг-Тимур дошел до Кашка-дарьи, не встретив серьезного сопротивления; не оказал ему сопротивления на Кашка-дарье и Хаджи Барлас.

В 1361 г. Токлуг-Тимур возобновил нападение на Мавераннахр, имея намерение окончательно подчинить себе эту богатую страну, причем и на этот раз не встретил на Кашка-дарье отпора. Более того, Хаджи Барлас испугался столкновения с монголами и бежал в Хорасан.

В эти дни и выдвинулся Тимур. Он решил, что целесообразнее всего сейчас не ссориться с Токлуг-Тимуром, а поступить к нему на службу. Токлуг-Тимур охотно принял его предложение и, отправляясь домой, передал Тимуру управление Кашкадарьинским вилайетом. Так, в 25 лет Тимур стал владетелем небольшого, но богатого тумена вместо бежавшего Хаджи Барласа.

В том же 1361 г. произошло сближение Тимура с эмиром Хусейном, внуком Казагана. Тимур не долго был на службе у могулистанского хана. Когда последний направил правителем в Мавераннахр своего сына Ильяса Ходжу, Тимур не пожелал служить последнему, порвал с ним и стал самостоятельным владетелем. Не исключена возможность, что этот разрыв произошел благодаря поддержке Хусейна.

Годы 1361—1365 являются периодом наибольшей близости между двумя эмирами. Их союз был скреплен и родственными связями: сестра Хусейна, Улджай Туркан-ага, стала любимой женой Тимура. В эти годы оба эмира представляли собой наиболее крупную силу в Мавераннахре. Однако союз свой они использовали главным образом, в личных интересах, совершая набеги для захвата большой добычи. Не всегда, однако, в эти годы им улыбалась судьба. Так, в 1362 г. они провели 62 дня в плену у туркмена Али-бека в селении Махан (ныне г. Мары). Через некоторое время мы видим их в Сеистане, где Хусейн и Тимур едва не погибли. Во время разыгравшегося здесь сражения Тимур был тяжело ранен в правую руку и правую ногу. Рука эта у него почти высохла, а на правую ногу Тимур хромал потом всю жизнь, почему и получил прозвище Тимурленга—Тимура-хромца, в европейском произношении—Тамерлана.

Изгнанный из Мавераннахра после смерти Токлуг-Тимура, Ильяс Ходжа не хотел примириться с таким положением и стал готовить поход на Мавераннахр. В 1365 г. Ильяс Ходжа с большим войском отправился в Мавераннахр. Хусейн и Тимур, зная, что против них Ильяс Ходжа настроен особенно злобно, со своей стороны также подготовили войско. Битва, вошедшая в историю под названием «Джанг-и-лой» («грязевой битвы»), произошла между Чиназом и Ташкентом. Во вре-

мя сражения начался сильный ливень; образовалась липкая, скользкая грязь, отчего лошади сражавшихся теряли устойчивость и падали.

В самый разгар сражения, в то время как войско Тимура достигло серьезного успеха, войско Хусейна проявило нерешительность, несмотря на то, что Тимур, находившийся в подчинении у Хусейна, указал последнему на необходимость более решительных действий. Отступление войска Хусейна решило исход битвы: Тимур и Хусейн проиграли сражение. Оба эмира покинули поле битвы и с остатками войска ушли сначала в сторону Самарканда, а потом спустились на юг, к Амударье, и перешли ее, укрывшись в Балхской области.

Уход обоих правителей открывал врагу дорогу на Самарканд. Самарканд в то время не имел ни укрепленных стен, ни цитадели, где можно было бы укрыться в случае осады города. Кроме того, Хусейн не оставил в нем ни гарнизона, ни военачальников. Таким образом, население древнего города было брошено на произвол судьбы, т. е. на милость победителя Ильяса Ходжи. К счастью для Самарканда и его многочисленных жителей в городе в это время имелась значительная группа сербадаров.

Сербадарство как политическое движение возникло в первой половине XIV в. в Хорасане и в основе своей было направлено против захватнической монгольской власти и монгольских порядков, которые тяжелым гнетом ложились на трудящиеся массы—крестьян, ремесленников, мелких торговцев, представителей интеллигентного труда и даже средних землевладельцев. Именно в этих кругах и получило широкое распространение сербадарство. К крестьянам и ремесленникам присоединилось и значительное число рабов, которые, как известно, и в прошлом поддерживали каждое движение, носившее демократический характер.

В среде самого сербадарства имелось два течения: одно боевое, представителями которого и были собственно сербадары, другое примиренческое, т. е. готовое сдать свои главные позиции и пойти на соглашение путем уступок; второе течение возглавлялось шейхами, среди которых первое время имел наибольший авторитет Шейх Хасан.

Небезынтересно самое название участников движения («сербадары», значит—висельники), которое они дали сами себе. Они говорили, что в случае успеха они освободят народ от насилий монголов и их чиновников, если же это им не удастся, то они готовы пойти на виселицу, так как долее терпеть угнетение невозможно.

Движение сербадаров, таким образом, было направлено против самой эксплуататорской власти монгольских династий. Сербадары прекрасно видели, что монгольская власть порождает такую систему злоупотреблений, при которых страна не может развиваться, и у народных масс нет иной перспективы, кроме голода и угнетения. Вместе с тем сербадары хорошо понимали, что монгольские династии опираются не только на свои военные силы, состоявшие главным образом из кочевников, но и на верхние слои местного господствующего феодального класса—крупных землевладельцев, высших представителей мусульманского духовенства и богатых купцов.

Эта феодальная верхушка не только поддерживала монголов, но и сама, при помощи административного аппарата, принимала активное участие в беззастенчивой эксплуатации народа. Вот почему сербадары выступили не только с целью изгнания монголов,—их задачей было и полное политическое и экономическое ослабление указанных верхних слоев феодалов.

Сербадарам удалось создать в Хорасане, с центром в Себзеваре, самостоятельное государство, просуществовавшее с 1337 по 1381 г., т. е. в течение почти 45 лет. Большую роль в создании этого государства сыграл сербадар Ходжа Яхья.

Внутренняя политика сербадаров мало освещена источниками, и мы плохо знаем, какие внутренние реформы ими были проведены. У сербадарского государства была своя монета, свои войска. Им удалось ввести твердые порядки. Налоги, взимаемые с населения, были понижены, отменена, например, незаконная, с точки зрения мусульманского права, джизья, которую повсюду взимали с населения монгольские династии. Положительной особенностью сербадарского государства было то, что оно не создало своей правящей династии. После смерти правителя сербадары, правда, не без значительной внутренней борьбы, сами ставили себе нового правителя, какого считали лучшим. Отличительной особенностью государства сербадаров нужно признать и более мягкое отношение к рабам, хотя ни о каком освобождении их они не думали. Рабов они охотно принимали в свои войска и даже проводили их на командные места, что, для них, вероятно, было связано с получением личной свободы.

Нам известно также, что сербадарское движение не избежало, однако, классовых противоречий; в нем были левые и правые группы. Много осложнений создавали сербадарскому государству сторонники вышеотмеченного примиренческого течения, возглавлявшегося, как уже было сказано, шейхами. Началась внутренняя борьба, которая ослабляла движение, что приводило к все большему территориальному сокращению государства сербадаров.

В середине XIV века и во второй его половине сербадарство пользовалось большими симпатиями в широких прогрессивных кругах Мавераннахра, среди крестьян, ремесленников, людей интеллигентного труда, особенно молодежи. Было много сербадарских элементов и в самом Самарканде.

Вернемся, однако, к событиям, связанным с поражением Тимура и Хусейна.

Когда весть о приближении монголов Ильяса Ходжи дошла до жителей Самарканда, среди них началось большое возбуждение. Сербадары призывали народ оказать сопротивление монгольскому войску. Среди самаркандских сербадаров выдвинулись: Маулана-задэ, учащийся самаркандского медресе, Абу Бекр Келеви, бывший, по словам Низам ад-дина Шами, трепальщиком хлопка, по другим же источникам, — даже старостой квартала трепальщиков хлопка, — и Хурдек-и-Бухари, «хороший стрелок из лука». Когда в соборной мечети собралось около 10 тысяч человек из среды знатных горожан и простого народа, Маулана-задэ, опоясанный мечом, обратился к ним с горячей речью. Он говорил о том, что правитель, взимавший незаконную подушную подать¹, помимо пошлин и хараджа, в часы опасности бросил население города на произвол судьбы, указывал собравшимся, что жители города не спасут себя даже самым большим выкупом, подчеркивал, что спасение — только в сопротивлении, в борьбе. Заканчивая свою речь, Маулана-задэ обратился к народу с вопросом, кто возьмет на себя защиту ислама, кто возьмет ответственность за нее перед знатью и простыми людьми?

¹ По представлению мусульман «джизью» (подушную подать) можно было взимать только с неверных.

Знатные люди хранили полное молчание. Тогда Маулана-задэ обратился с вопросом к простому народу, поможет ли он ему, если он сам примет эту ответственность на себя? Простой народ обещал отдать себя в полное распоряжение Маулана-задэ.

Получив таким образом полномочия от народа, сербадары под руководством Маулана-задэ и Абу Бекра Келеви, который имел большие связи в среде самаркандских ремесленников, начали энергичную подготовку к обороне родного города. Задача эта была очень трудной, ведь в Самарканде не было стен, и цитадель не была еще восстановлена после разгрома города Чингиз-ханом. Маулана-задэ составил списки годных для военной службы людей и привлек к работам по укреплению города самые широкие слои населения. Сербадары использовали узкие улицы города для возведения на них баррикад, свободной от которых была оставлена, повидимому, только главная магистраль города. В наиболее важных и выгодных для обороны пунктах были расставлены лучники. Все было рассчитано на то, чтобы впустить конных монголов в свободный проход, а с флангов, со стороны забаррикадированных узких улиц, нанести им тяжелый удар.

Монголы не подозревали, какая встреча ожидает их в Самарканде, и рассчитывали легко овладеть городом. Однако они ошиблись в расчете, и когда передовые отряды их прошли в устроенную им западню, Маулана-задэ подал условленный сигнал, и на врага посыпались стрелы, камни и палки. Монголам пришлось поспешно уходить, потеряв, по одним данным, тысячу, а по другим,—две тысячи человек.

Вскоре монголам пришлось пережить еще одну неудачу. Среди лошадей начался мор; из каждой четырех лошадей в живых осталась лишь одна. Так, не получив выкупа, даже не награбив себе добычи, Ильяс Ходжа вынужден был поспешно покинуть сначала окрестности Самарканда, а потом и Мавераннахр. В городе было большое ликование. Самаркандская оборона показала, как много может сделать народ, когда руководство им попадает в энергичные и верные руки.

Источники дают скудные сведения о мероприятиях сербадаров в области реформирования внутренней жизни Самарканда. У историков XV в. можно встретить лишь несколько замечаний на этот счет. Так, например, Шереф ад-дин приводит стихи «О боже, да не будет того, чтобы нищий стал почтенным человеком». Этих слов мы не встречаем у Низам ад-дина Шами, предшественника Шереф ад-дина Али Иезди. Однако и Низам ад-дин Шами упоминает о насилиях, якобы, творившихся сербадарами по отношению к населению Самарканда, под которым он, видимо, понимает господствующие феодальные круги. Эти слова говорят о том, что самаркандские сербадары провели там какие-то демократические мероприятия. Вспомним, что в речи Маулана-задэ, как мы уже отметили, упоминалось о незаконном взимании Хусейном с мусульман джизьи, которая, повидимому, была отменена сербадарами.

Весть о победе сербадаров над Ильясом Ходжой дошла до эмиров—Хусейна и Тимура. Зимой последний проводил в Карши, а Хусейн—на берегу Аму-дарьи. Весной они встретились и вместе двинулись к Самарканду. Остановились они у самого города, в местности Кан-и гиль. Оба эмира дали знать сербадарам, что одобряют их поведение и хотели бы с ними встретиться. Сербадары поверили «добрым» намерениям эмиров, на приеме у которых им действительно было оказано много знаков внимания. Однако, когда на следующий день они вновь появились в ставке Хусейна и Тимура, их вероломно схватили, связали и казнили всех, за исключением Маулана-задэ, которого своим заступ-

ничеством перед Хусейном спас Тимур. Что руководило Тимуром в его отношении к Маулана-задэ? Повидимому, между Хусейном и Тимуром существовали разногласия по вопросу об отношении к сербадарам. Есть основания думать, что Тимур имел с некоторыми из них старые связи, особенно с сербадарами из среды знати.

Покончив с сербадарами, особенно с такими убежденными и последовательными, как Абу Бекр, Хусейн и Тимур вновь подчинили себе Самарканд. Произошло это в конце весны 1366 г. Совместное пребывание в лагере в Кан-и гиль было в известной мере испытанием «дружбы» Хусейна и Тимура. Между обоими эмирами вновь обострились разногласия, в том числе и по вопросу об отношении к сербадарам, осложнившиеся еще жадностью Хусейна, пытавшегося заставить некоторых сподвижников Тимура, якобы являвшихся его должниками, уплатить ему большие денежные суммы. Потеряв значительное имущество во время «грязевой войны», эмиры эти сильно обеднели и не имели возможности отдать «долги». Тимур не хотел ставить своих сподвижников в трудное положение и своими личными средствами пришел им на помощь. Этим актом щедрости он приобрел в среде своих военных помощников большую популярность, Хусейн же, напротив, нажил недругов среди влиятельных людей. Уже в лагере под Самаркандом оба эмира чувствовали, что каждый из них является помехой для другого. Разногласия между ними с каждым годом усиливались; бывали периоды, когда оба эмира втягивали в круг своих интересов, взаимных ссор и примирений также и других мавераннахрских владетелей. Однако феодальная анархия в стране не могла продолжаться до бесконечности. Наряду с центробежными силами, толкавшими к сепаратизму, в самом феодальном обществе того времени накапливались силы, заинтересованные в феодальном объединении, в сложении прочной государственности. Объединения хотели купцы, ремесленники и мусульманское духовенство, а также массы земледельческого населения. Хотя между Тимуром и Хусейном не было таких резких противоречий, какие в свое время имелись между Кебек-ханом и чагатайскими кочевыми беками, однако Тимур лучше чем Хусейн понимал требования времени и усиленно создавал в среде духовенства и городского населения группы, сочувствующие его политической линии.

В конце 60-х годов Хусейн взял курс на укрепление принадлежавшего ему города Балха. Он перестроил в нем цитадель Хиндуван и возобновил городские стены. В балхскую цитадель он свез свое большое имущество и много оружия. Тимур прекрасно понимал, что все эти мероприятия Хусейна направлены главным образом против него. Не раз он уговаривал Хусейна не строить в Балхе новых укреплений, однако тот не обращал внимания на советы Тимура. Тогда Тимур решил предупредить Хусейна и самому напасть на него. В 1370 г., собрав хорошо вооруженное войско, Тимур осадил Балх; после значительных усилий и больших потерь ему удалось пробить брешь в городской стене и овладеть городом. Испуганный и растерявшийся Хусейн укрылся в цитадели.

Видя полную безнадежность своего положения, Хусейн запросил Тимура, какие гарантии тот сможет ему дать в случае сдачи. Тимур просил передать, что обещает сохранить ему только жизнь—и ничего больше. Получив такой ответ, Хусейн в сопровождении нескольких нукеров вечером вышел из ворот балхской цитадели; но, подходя к ставке Тимура, он вдруг струсил, повернул назад и скрылся в первом попавшемся минарете. Сюда же случайно забрел какой-то человек, уз-

навший Хусейна, и, несмотря на обещание молчать, выдал его людям Тимура. Слова, данного Хусейну, Тимур не сдержал: хотя сам он и ничего против него не предпринимал, однако не помешал одному из своих союзников—Кейхосрау, владельцу Хутталяна, убить Хусейна по праву кровной мести.

§ 2. ЕДИНОДЕРЖАВИЕ ТИМУРА (1370 — 1405 гг.)

Взятие Балха и смерть Хусейна в 1370 г. явились крупнейшими решающими событиями в жизни Тимура. Еще до взятия балхской цитадели к Тимуру явился шейх Береке, родом из Мекки, ставший впоследствии его главным духовником, и вручил ему барабан и знамя (символы власти), предсказав ему, по словам летописцев, великое будущее. Тогда же Тимур, чувствуя себя фактически хозяином большей части Мавераннахра, провозгласил ханом, вернее подставным ханом, Суюргатмыша, из чагатайской ветви чингизидов. Сам же Тимур на собравшемся после падения Балха курултае начальников тимурова войска (командиров туменов и тысяч) был провозглашен единым государем Мавераннахра. У Тимура в то время не было соперников ни по личным качествам, ни по тому влиянию, которым он пользовался среди остальных феодальных владельцев страны.

Удельный вес Тимура прекрасно учитывали и представители мусульманского духовенства. Так, например, в Балх к Тимуру пришли из Термеза известные термезские шейхи, братья Абу-л-Маали и Али-Акбар, носившие титул худавад-заде. Свидание их положило начало прочным связям Тимура с представителями мусульманского духовенства, которые не нарушались в течение всего его долгого правления.

В одном из первых своих приказов Тимур велел разрушить цитадель Балха и отдать город на разграбление воинам, в наказание жителям за оказанную ими поддержку Хусейну. В цитадели Балха Тимур захватил огромную казну, часть которой он, в качестве добычи и награды, роздал своему войску. Из Балха Тимур направился в свой родной город Кеш (Шахрисябз), где вновь вручил награды войску. Здесь ему пришлось прежде всего заняться устройством внутренних дел своего государства. Победа над Хусейном сделала Тимура первым среди всех владельцев Мавераннахра. Курултай же в Балхе, на котором, кроме подчиненных Тимуру военачальников, присутствовали и его союзники—феодалы, владельцы других уделов Мавераннахра,—своим постановлением узаконил это положение, утвердил власть Тимура в качестве единоличного правителя. Тимур прекрасно понимал, что главная задача, поставленная перед ним всей политической обстановкой того времени, заключается в преодолении раздробленности и в объединении отдельных владений в прочное и сильное государство. Еще в Кеше он назначил эмира Давуда, одного из близких своих сподвижников, эмиром дивана, т. е. сделал его как бы своим везиром. Опираясь на проведенное в жизнь Кебек-ханом (1318—1326 гг.) административное деление Мавераннахра на тумены, Тимур назначил на должности начальников туменов и тысячников новых лиц, которые могли бы обеспечить его достаточным количеством войск.

Из Кеша Тимур в том же 1370 г. переехал в Самарканд, где прежде всего приступил к сооружению крепких стен и цитадели, а так-

¹ Стены Самарканда были уничтожены в 1220 г. после взятия города Чингиз-ханом.

же дворца. Это были первые за 150 лет постройки после разгрома города монголами¹. Тимуру необходима была хорошо укрепленная столица—надежный оплот против возможных выступлений со стороны тех из владетелей, которым не нравилось начатое им объединение Мавераннахра и со стороны которых он мог поэтому ожидать вооруженного выступления против себя.

Уже в 1370 г. перед Тимуром встал вопрос: чьи традиции ему продолжать в своей политике—Кебек-хана или эмира Казагана? Тимур хорошо знал, что стране нужна твердая власть, которая могла бы прибрать к рукам непокорных и беспокойных владетелей, особенно кочевых монгольско-тюркских эмиров из среды джалаириков, барласов, сульдзюзов и др. В этом направлении его энергично поддерживали многие жители городов и крестьянство, а также представители влиятельного мусульманского духовенства. Вместе с тем Тимур хорошо разбирался в настроениях большинства владетелей Мавераннахра. Свою среду он знал очень хорошо с ранней юности, знал, как стремятся мавераннахские владетели совершить поход с целью получения добычи,—он и сам стремился к таким же походам. Большой государственный ум сочетался у Тимура с привычками феодала-владетеля, который не упустит бы случай захватить у соседа добро, если бы для этого в данный момент у него имелись достаточные военные силы.

Уже первые годы власти Тимура показали, что он стал сочетать государственную деятельность по объединению Мавераннахра с организацией походов, не связанных с объединением государства, а носивших чисто грабительский характер.

Объединить и подчинить земли между Аму-дарьей и Сыр-дарьей, а также Фергану и Шашскую область Тимуру не представляло особого труда. Здесь не было такого владетеля, который мог бы противопоставить Тимуру свою волю. Иначе обстояло дело с Хорезмом—древней культурной областью, которая истари, уже в домонгольскую эпоху, была тесно связана с Мавераннахром общими экономическими, политическими и культурными интересами. При монголах Хорезм был разделен на две части: Северный Хорезм с г. Ургенчем вошел в состав Золотой орды, а Южный — с г. Кятом — в улус Чагатая. В начале 60-х годов Хорезм, пользуясь смутами, наступившими после смерти хана Бердибека (1359) в Золотой орде, оторвался от последней и выдвинул самостоятельную династию Суфи из племени кунграт (наиболее ранняя из дошедших до нас монет этой династии относится к 762/1361 г.). Государь из этой династии Хусейн Суфи начал объединение Северного и Южного Хорезма и захватил два города: Кят (тогда крепость) и Хиву. Тимур, претендовавший на все наследие улуса Чагатая, считал этот акт незаконным и решил вернуть Южный Хорезм в состав создаваемого им государства.

В 1372 г. Тимур отправил к Хусейну Суфи посла с требованием вернуть захваченное. Хусейн, как и следовало ожидать, в выполнении такого требования отказал, после чего Тимур немедленно двинул против него свое войско. Путь к Ургенчу лежал через Кят, который был взят после недолгого сопротивления. Потеря Кята произвела на Хусейна Суфи сильное впечатление; он готов был пойти на примирение и выполнить требование Тимура. Однако владетель Хутталяна—Кейхосрау, один из военачальников Тимура, недовольный его быстрым возвышением, уговорил Хусейна не покоряться Тимуру, обещая оказать ему поддержку. Хусейн, доверившись Кейхосрау, выступил против Тимура, но был им разбит. После этого Хусейн укрылся в цитадели Ур-

генча, где вскоре умер. Это произошло в том же 1372 г. Место Хусейна занял его брат Юсуф Суфи. Тимур предложил ему мир, причем одним из условий выставил требование выдать замуж за своего сына Джехангира дочь Хусейна, внучку Узбек-хана,—Хан-задэ. Юсуф Суфи дал на это согласие. Мятежного Кейхосрау Тимур арестовал и, на основе монгольского обычного права (яргу), казнил. Это был первый случай решительных действий влиятельного, сильного феодального владельца против мятежного военачальника—феодала.

Юсуф Суфи не только не выполнил условий мира, но после ухода Тимура вновь захватил Кят, открыв этим враждебные действия против правителя Мавераннахра. Своими действиями Юсуф вызвал второй поход Тимура в Хорезм (1373—1374 гг.), но до военного столкновения дело не дошло, так как Юсуф принес повинную, обещая немедленно выполнить все условия мира.

В результате двух этих походов Южный Хорезм вошел в состав государства Тимура. Это было большим успехом молодого государя.

После 1374 г. Тимур проделал еще три похода на Хорезм, из которых последний был вызван великодержавной политикой Золотой орды и связанной с нею борьбой Тимура с Тохтамышем.

Тимур хорошо понимал, что существование сильной Золотой орды, так же как и Белой орды, представляет большую опасность для могущества создаваемого им в Мавераннахре государства. Вот почему с первых же лет своего правления он зорко следил за тем, что происходило в улусе Джучи, в состав которого, как две его части, входили Золотая орда и Белая орда (Ак-орда). Такое деление, как это уже несколько раз отмечалось, было тесно связано с организацией войска. Золотая орда поставляла из числа своего населения правое крыло (унг-кул) войска, а Ак-орда—его левое крыло (сул-кул). Постепенно Ак-орда обособилась и ввела у себя отдельных ханов. После смерти Бердибека (1359 г.) в Золотой орде начались феодальные смуты. Некоторые эмиры, наместники отдельных городов и областей, они же начальники туменов и тысяч, держали себя как самостоятельные правители, выступали против хана, ссорились друг с другом, чем ослабляли силы орды.

Особенно тяжелыми в жизни Золотой орды были годы с 1360 по 1380. За эти двадцать лет в Золотой орде сменилось около 25 ханов, не считая временщика, эмира Мамай, владевшего все это время правобережной частью Золотой орды. Характерно, что большая часть левобережных ханов, сидевших на престоле в Сарае иногда менее года, являлась выходцами из присырдарьинских областей Ак-орды, т. е. левого крыла войска улуса Джучи, как, например, ханы: Хызр, Темирходжа, Мурид (Амурат русской летописи) и Кильдибек.

Вмешательство Белой орды в золотордынские дела шло параллельно с ростом экономического и политического могущества этой, прежде отсталой части улуса Джучи. Особенно решительные шаги в этом направлении предпринял Урус-хан, правивший в Ак-орде до 1375 г. Урус-хан задумал объединить обе части улуса Джучи под своей властью. Тимур знал обо всем, что происходило и в той и в другой орде и, опасаясь их объединения, а тем самым усиления опасного соседа, искал случая этому помешать. Удобный случай представился. Один из узбекских эмиров Ак-орды, правитель Мангышлака Туйходжа-оглан, не выступил вместе с Урус-ханом в поход против Золотой орды, за что и был им убит. Сын Туйходжа-оглана, Тохтамыш, бежал из Ак-орды и явился в 1376 г. к Тимуру, предлагая ему свои

услуги. Тимур сразу понял, насколько выгодно ему иметь в своих руках царевича, противника Урус-хана, которого можно было бы использовать в качестве соперника последнего.

Учитывая общую обстановку в орде и считая чрезвычайно выгодным для себя иметь в Ак-орде своего ставленника, Тимур оказал Тохтамышу много знаков внимания и сделал ему богатые подарки. Не ограничившись этим, он предложил ему свою поддержку, прежде всего военную, тут же снарядил войско и отправил Тохтамыша в Ак-орду отвоевать себе у Урус-хана белоордынский престол. Дважды в 1376 г. Тимур направлял Тохтамыша на Ак-орду, и оба раза Тохтамыш был разбит. Тогда сам Тимур с войском, несмотря на зимнее время, напоявился против Ак-орды, но из-за сильных морозов поход пришлось прервать. Весной 1377 г. Тимур вернулся на Сыр-дарью; однако сражение не состоялось, и Тохтамышу удалось овладеть белоордынским престолом только в 1379 г.

Тимур был доволен таким оборотом дела; он надеялся сделать Тохтамыша своим верным вассалом и проводником своей политики в улусе Джучи. Но Тохтамыш не оправдал надежд Тимура и, став ханом в Ак-орде, пошел по стопам Урус-хана, т. е. начал внутри улуса Джучи борьбу за объединение и создание сильной Золотой орды. Воспользовавшись полным ослаблением Мамаю, которого Дмитрий Донской разбил на Куликовом поле в 1380 г., Тохтамыш в том же году также двинулся на Мамаю и на р. Калке нанес ему быстрое и сокрушительное поражение. Победа эта дала возможность Тохтамышу захватить верховную власть в Золотой орде и вновь объединить обе части улуса Джучи.

С каждым годом росли и усиливались противоречия между Тимуром и его энергичным, но коварным ставленником. Тохтамыш делал как раз обратное тому, для чего его готовил Тимур. Стремясь вернуть Золотую орду к лучшим дням времени Узбек-хана (1312—1340 гг.), Тохтамыш начал ряд походов за расширение золотоордынской территории, в том числе в Закавказье и Азербайджан, послав большое войско в 1385 г. для захвата Тебриза.

Великодержавная политика Тохтамыша была неприемлема для усиливавшегося государства Тимура в Мавераннахре. Тохтамыш не только сковывал деятельность Тимура, но вместе с тем представлял интересы государства, которые по своей сущности были прямо противоположны интересам государства Тимура в Мавераннахре. Золотая орда была искусственным государственным объединением. Она поддерживала власть над культурным населением Крыма, Поволжья, Хорезма при помощи грубейшего насилия. Государственная власть в Золотой орде, находившаяся в руках монгольской кочевой знати из династии джучидов, опираясь на военную силу, эксплуатировала богатые земледельческие области и культурные города Поволжья, Болгара, Крыма и Северного Кавказа. Население этих областей мечтало о падении монголов и о полном своем освобождении от этого ига. В Мавераннахре же население земледельческих областей и городов жаждало объединения в большое государство, так как только такое объединение могло вывести страну из феодальной разрухи.

Тохтамыш в конце 80-х гг. явно искал случая для столкновения с Тимуром, стремясь отвлечь его от его иранских походов. В 1387/1388 гг. Тохтамыш, используя отсутствие Тимура, совершил нападение на Мавераннахр и начал подстрекать к восстанию против Тимура, правителя Хорезма Сулеймана Суфи, который легко пошел на этот шаг, чем

вызвал гнев Тимура, а вслед за тем его последний поход на Хорезм (1388 г.). Заняв Ургенч, Тимур ликвидировал династию Суфи и приказал переселить жителей Ургенча в Самарканд, а Ургенч сравнять с землей и землю эту засеять ячменем. В течение десяти дней войска Тимура грабили богатый и прекрасный город. Многие жители Ургенча, особенно ремесленники, были переселены в Мавераннахр, однако сравнять с землей город не удалось, и в нем все же сохранилось несколько прекрасных зданий. Позднее, в 1391 г., во время похода против Тохтамыша, Тимур отдал распоряжение восстановить город¹. Так прекратило самостоятельное существование небольшое, но богатое и культурное Хорезмское государство. С тех пор Хорезм вошел в состав сначала державы Тимура, а потом государства тимуридов. Таким образом, все земли Средней Азии, за исключением Семиречья и низовьев Сыр-дарьи, оказались в руках Тимура.

Войны, которые вел Тимур с Тохтамышем, не преследовали захвата им земель, за исключением небольшой группы сырдарьинских городов, лежавших ниже Саурана. Тимур стремился лишь к полному ослаблению улуса Джучи, так как видел в самом существовании могущественной Золотой орды постоянную угрозу создаваемому им в Средней Азии государству. Против Тохтамыша, после 1380 г. ставшего могущественным ханом, Тимур провел три больших похода в 1389, 1391 и 1394—95 гг. Походы эти, как и походы на Хорезм, чередовались с походами на Иран, Кавказ и к южным границам Руси, но для удобства изложения мы пока сосредоточим внимание только на борьбе Тимура с Золотой ордой.

Из перечисленных походов Тимура против Тохтамыша особого упоминания заслуживают два его последних похода. В 1391 г. Тимур выступил из Самарканда, зиму провел в Ташкенте и с 200-тысячным войском направился в степи нынешнего Казахстана. Около пятнадцати лет тому назад у горы Улу-таг, в районе расположения современного Карсакпайского рудника, была обнаружена надпись на камне, в которой говорится, что султан Турана Тимур с двумястами тысяч войска пошел по крови Тохтамыш-хана. Эта надпись, которая ныне хранится в Ленинграде в Государственном Эрмитаже, была высечена в апреле 1391 г. по приказу Тимура, отправлявшегося в поход против Тохтамыша.

После долгих переходов огромное войско Тимура встретилось с войском противника в местности Кундузча, между нынешним г. Куйбышевым и Чистополем. Здесь 18 июня 1391 г. произошла жаркая битва, закончившаяся полным поражением Тохтамыша.

Однако военные ресурсы Золотой орды были еще велики; поэтому, выиграв сражение и захватив огромную добычу, Тимур окончательно не сломил еще мощи золотоордынского государства. Борьба между ними продолжалась. В 1395 г. произошло новое сражение между Тимуром и Тохтамышем на Северном Кавказе, в долине р. Терек. Здесь Тохтамыш также потерпел поражение. На этот раз силы Тохтамыша были настолько ослаблены, что Тимуру открылась свободная дорога в Поволжье, к самому сердцу Золотой орды—ее столице г. Сарая Берке. Большой и богатый город был захвачен, разграблен и сожжен, причем из него была вывезена огромная добыча, в состав которой, кроме разнообразных материальных ценностей, входило большое количество пленных — мужчин, женщин и детей, обращенных победителями в рабство.

¹ По словам Шереф ад-дина Али Иезди, Тимур восстановил город в размае одного квартала.

Пострадали не только Нижнее Поволжье с его главными городами — Сараем Берке и Хаджи-Тарханом (Астрахань), но и Крым с его приморскими городами (например, Кафа), а также Азак (Азов) и Северный Кавказ. Если же принять во внимание, что за семь лет до этого был опустошен Ургенч, то у нас не останется сомнения в том, что Тимур составил себе определенный план — подорвать хозяйственную, особенно торговую жизнь наиболее культурных областей, входивших в состав Золотой орды. Известно, что опустошения и разрушения здесь были настолько велики, что все эти места долго не могли экономически возродиться¹.

Разгром на Тереке и опустошение Сарая Берке в 1395 г. нанесли Золотой орде непоправимый удар. Хребет государства, причинившего столько зла древней Руси, был переломлен, и после 1395 г. Золотая орда явно стала клониться к упадку. Разгром Мамаю в 1380 г. на Куликовом поле был первым и главным ударом, нанесенным Золотой орде; поражение на Тереке в 1395 г. и разгром Сарая оказались завершающим ударом. Хотя Тимур вел борьбу с Золотой ордой из-за среднеазиатских интересов и без контакта с московским князем, о котором не имел даже ясного представления, тем не менее объективно он не только добился объединения Средней Азии, но и оказал большую услугу Руси.

Характерно, однако, что сами действующие лица—современники—не понимали истинного значения событий.

Тимур, не имевший о Руси своего времени представлений, в какой-либо мере соответствующих действительности, не мог даже подозревать, какое значение имел для истории Руси его удар по Золотой орде. Русская же летопись сохранила о Тимуре очень плохое воспоминание, так как в том же 1395 г. он пожег и ограбил несколько южнорусских городов.

Если борьба Тимура с Хорезмом и Золотой ордой была вызвана интересами объединения Средней Азии в сильное государство, то его походы в Иран, Закавказье и более отдаленные страны носили чисто грабительский характер.

Иран во второй половине XIV в. не представлял единого государства. После падения хулагидского государства (1256—1336 гг.) страна распалась на несколько владений. Среди них прежде всего нужно отметить государство джалаиридов (1336—1411 гг.) в Азербайджане и государство сербадаров в одной из больших областей Хорасана, в Себзеваре, просуществовавшее с 1336 по 1381 г. Владение же куртов с центром в Герате просуществовало после падения хулагидов, как самостоятельное владение, всего несколько десятилетий — также до 1381 г. Перечисленные владения не доросли еще до сознания необходимости объединения их в одно могущественное государство, почему в Иране и не было сильной власти, которая могла бы противостоять войскам Тимура. Походы Тимура в Иран с первых же лет носили завоевательный характер. Таков был и поход его в 1381 г. на Герат, которым владел в то время Гияс ад-дин Пир Али из династии куртов.

¹ Последствия этого разрушения видны были еще в XV в. Венецианский путешественник Иосафат Барбаро посетил в 1435 и в последующих годах степи между Таном (Азовом) и Цитраханом (Астраханью). Барбаро указывает, что в его время Астрахань еще не оправилась от разрушений, причиненных войском Тамерлана, и совершенно потеряла свое значение в торговле между Европой и Азией, которое перешло к Сирии. То же свидетельство об Астрахани мы имеем и у другого венецианца—Амброзио Кантарини, побывавшего в Астрахани в 1476 г.

Однако, несмотря на прекрасные укрепления Герата (внешние и внутренние стены) и неприступность знаменитой цитадели Ихтияр ад-дин, Гияс ад-дин не сумел воодушевить гератцев на борьбу, и жители не оказали упорного сопротивления, так как поверили обещаниям Тимура, что он гарантирует им жизнь и неприкосновенность имущества, если они останутся по домам и не примут участия в защите города.

Понятно, что в такой обстановке Тимуру легко было взять один из наиболее укрепленных городов Хорасана. Наложив на жителей огромную дань, Тимур приказал наиболее именитым жителям Герата (улемам, имамам и др.) покинуть город и отправиться в Шахрисябз, который Тимур в то время всячески старался возвеличить и украсить. Тогда же сняты были и отправлены в Шахрисябз (Кеш) знаменитые городские ворота Герата (точнее, створки ворот), украшенные железными полосами, покрытыми резными надписями. Ворота эти находились в Шахрисябзе еще в момент составления Шереф ад-дином Иезди своего сочинения, т. е. в 1425 г.

Опасаясь возможного восстания жителей Герата, которые разочаровались в Тимуре (наложенная на них дань была очень тяжела), Тимур приказал скрыть укрепления города (городские стены с башнями), снять ворота и т. д. Не тронута была только цитадель Ихтияр ад-дин. Предположения Тимура оправдались: в 1383 г., т. е. через два года после взятия города, гератцы восстали, однако победить не сумели; восстание было жестоко подавлено. На этот раз они заплатили значительно большую дань. В том же 1383 г. династия куртов, с 1381 г. — вассалов Тимура, была окончательно низложена, а еще через шесть лет, в 1389 г., сын Тимура, Мираншах, коварно убил на пиру ее последнего представителя.

Почти одновременно с падением Герата, в 1381 г., прекратило самостоятельное существование и государство сербадаров. Последний сербадарский государь Али Муайад, добровольно, по собственной инициативе, передал земли и власть Тимуру. Этот факт сам по себе говорит о том, что у Тимура были какие-то весьма дружественные связи с хорасанскими сербадарами. Два года спустя Тимур силой захватил Сеистан, также включив его в состав своего государства. К середине 80-х годов XIV в. весь Хорасан уже принадлежал Тимуру. На этом его движение в глубь Ирана, однако, не остановилось, и Тимур совершил еще три длительных похода в Иран: сначала «трехлетний» (с 1386 г.), затем «пятилетний» (с 1392 г.) и, наконец, «семилетний» (с 1399 г.). Походы эти были успешны и завершились покорением всего Ирана. Целью этих походов было завоевание чужих территорий и получение богатой добычи; они не могут быть оправданы никакими соображениями объединительной политики Тимура в Средней Азии. В этих походах и военачальники Тимура и простые воины его были жестоки и безжалостны к населению, у которого они отнимали не только имущество, но и свободу, а часто и самую жизнь. Всякий раз из этих длительных походов Тимур возвращался в Шахрисябз (Кеш) или Самарканд, отягченный большой и богатой добычей.

К каким жесточайшим методам ограбления прибегал иногда Тимур в Иране, можно видеть из его похода 789 (1387) г. на области Фарса и Исфагана, которыми владели музаффариды. Когда Тимур взял красивый, богатый и культурный Исфаган, он приказал жителям выкупить у него свою жизнь и право на свое имущество, вернее на какие-то остатки их бывшего имущества. Для сбора выкупа кварталы города были

поделены Тимуром между эмирами его войска, причем каждый из эмиров должен был отправить своего человека с воинами в назначенный ему квартал в качестве сборщиков дани. Однако исфаганцы не хотели подчиниться эмирам Тимура и не желали платить дани. Случилось, что один из исфаганских кузнецов, работавших в пригороде, ночью забил тревогу и поднял народ против небольшого гарнизона Тимура. Почти все его эмиссары, которым было поручено собирать дань по кварталам, были перебиты.

Когда Тимур, находившийся в лагере недалеко от Исфагана, узнал о восстании, он пришел в страшный гнев и приказал войскам овладеть городом. Людей именитых—духовных и светских—он приказал не трогать, а остальных разрешил убивать, насиловать, отдав их имущество на полное разграбление своему войску. Каждый участвовавший в этой карательной экспедиции получил приказ доставить Тимуру определенное количество голов. Даже Шереф ад-дин Али Иезди, при всем своем пристрастии к Тимуру, должен был признать, что не все воины тимурова войска решились убить такое большое количество мирных жителей Исфагана, к тому же таких же мусульман, как и они, и предпочли уплатить за голову по двадцать кебекских динаров¹. В исфаганском побоище было собрано 70 тысяч голов, из которых потом, по приказу Тимура, в «назидание» другим были сложены высокие башни.

Выше указывалось, что походы Тимура в одном направлении чередовались с походами, совершаемыми в другом. Не раз ходил Тимур с большим войском в Азербайджан; вспомним его поход в Тебриз в 1385—1386 гг. и ту большую дань, которую он наложил на несчастных тебризцев только за то, что за год до прихода Тимура они вынуждены были заплатить 300 туманов золотом Тохтамышу.

В Азербайджане в то время правил Ахмед джалаирид (1382 — 1410 гг.), а в Ширване — Ибрахим Дербенди (1382 — 1417 гг.). Армению и Грузию Тимур покорил в 1392 г., внеся огромные опустошения и оставив в памяти народной воспоминание о себе, как об одном из жесточайших завоевателей. Азербайджан Тимуру удалось покорить лишь в 1397 г.

Имеется старая поговорка: «война порождает войну»; она целиком применима и к Тимуру. Победоносно закончив один поход, Тимур, опираясь на огромные людские резервы и добытые средства, начинал готовить следующий. Никакая политическая необходимость не толкала Тимура к организации его далекого индийского похода, начатого в 1398 г. и законченного в 1399 г. Тимур ограбил огромную страну, безжалостно перебив 100 тысяч безоружных индийских пленных за то, что, как он слышал, они рассчитывали во время битвы Тимура с султаном Махмудом Дехлевийским помочь последнему, подняв восстание в тылу тимурова войска. Разбив в сражении дехлевийского султана, Тимур захватил прославленный г. Дехли (Дели) и вывез из него, а также из близлежащих областей, несметную добычу.

В 1400 г. войска Тимура выступают на отдаленном от Средней Азии Западе и ведут борьбу с турецким султаном Баязедом I и египетским султаном Фараджем. Тогда были захвачены Тимуром многие города, как, например, Сивас в Малой Азии и Халеб (Алеппо) в Сирии. В 1402 г. Тимур имел второе, на этот раз решающее, столкновение с Баязедом при Анкаре. Это было, пожалуй, самое крупное сражение того времени. С обеих сторон действовали армии, численностью значи-

¹ В это время кебекский динар содержал два мискаля серебра.

тельно превышавшие 200 тысяч воинов каждая. В битве при Анкаре могущественный османский султан Баязед был наголову разбит и взят в плен. Значение этой битвы огромно не только в истории Азии. Сам того не подозревая, Тимур вторично оказал услугу европейским народам. Победа при Анкаре в 1402 г. и пленение Баязеда почти на 50 лет отсрочили завоевание Константинополя турками-османами.

Последний и незавершенный поход Тимура—в Китай, к которому он готовился тщательно в течение нескольких лет, был начат им с 200-тысячным войском в конце 1404 г.; он прекращен вследствие смерти Тимура в начале 1405 г.

Поход Тимура в Китай был вызван стремлением к захвату большой добычи, которая должна была превзойти все, что получил завоеватель в предшествующих войнах, так как между тимуровским государством и Китаем не было, собственно говоря, ни одного противоречия, которого нельзя было бы разрешить мирным путем. Нельзя, однако, объяснить завоевательные войны Тимура одним только стремлением его и руководимой им полукочевой и кочевой феодальной знати к богатой добыче. Тимур как правитель большого масштаба, хорошо понимавший выгоды торговли для развития городов, ставил себе целью господство над путями мировой караванной торговли, которую вели страны Европы и Передней Азии через Золотую орду с Дальним Востоком. Тимур явно стремился расстроить северную торговую магистраль, проходившую по территории Золотой орды, и вновь направить ее по старому пути через Среднюю Азию, который с таким большим успехом действовал в домонгольское время. Именно с этой целью он завершил военный разгром Золотой орды в 1395 г. тем, что почти полностью разрушил торговые золотоордынские города, игравшие крупную роль в караванной торговле (Азов, Астрахань и др.; Ургенч, как мы видели выше, был разрушен раньше). Лишь смерть Тимура и дальнейшие политические осложнения помешали полному осуществлению этого плана.

§ 3. ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ В ГОСУДАРСТВЕ ТИМУРА

Тимур отличался большим военным и государственным организаторским талантом, сильной волей и личной храбростью. Вместе с тем он был в полном смысле слова сыном своей эпохи и ничуть над ней не возвышался. Живя в условиях созревания классических форм феодальных отношений, он был их активным проводником. Собирая феодальные владения в единое феодальное же государство, Тимур вместе с тем сам дробил его, создавая новые владения, раздавая в суюргал, т. е. в лен или феодал, округа, области, даже целые страны. Суюргал, как восточная форма лена, получил при Тимуре широкое распространение. Под суюргалом тогда подразумевали передачу в наследственное владение и управление определенной земли с правом взимания с ее жителей (сельских и городских) государственных налогов и податей целиком или частично в пользу владельца суюргала. На основе суюргального пожалования и раздавал Тимур в управление отдельные части своего государства прежним владетелям, членам своей семьи (сыновьям и внукам), а иногда и выдающимся своим эмирам за их заслуги.

Приведем несколько примеров. Завоевав крепость-владение Ахлат, Тимур вернул его уже в порядке суюргала, т. е. пожалования, прежнему владетелю Адилю Джузу. Крепость Айдап Тимур передал в суюргал ее бывшему хакиму Баязеду. Крепость Каркул была передана на основе того же суюргала эмиру Али, владевшему ею и ранее. Когда

Тимур после подавления восстания гератцев в 1383 г. ликвидировал династию куртов, он образовал гератское владение, в которое включил земли Балха, Кундуза, Бадахшана, Хутталяна, Хисара и передал их в суюргал своему третьему сыну, Мираншаху. На той же основе суюргала Мираншаху в 1393 г. был пожалован «престол Хулагу-хана» — бывшие владения хулагидов. В 1393—1394 гг. второму своему сыну, Омар-шейху, Тимур передал на основе суюргального пожалования Фарс. За год до этого, в 1392 г., Тимур передал Пир-Мухаммеду, сыну Джехангира, в суюргал «престол газневидов» — земли, когда-то составлявшие газневидское государство (в сокращенных, правда, размерах, которые оно приняло после образования там государства сельджукидов).

После Мираншаха «престол Хулагу-хана» был передан Тимуром сначала Мухаммеду Султану, а после смерти Мухаммеда Султана в 1400 г. земли эти перешли к сыну Мираншаха, Омару. На таком же основании Рустем, брат другого Пир-Мухаммеда (сына Омар-шейха), владел Исфаганом, а Абубекр, сын Мираншаха, — Багдадом. Список этот можно было бы значительно расширить.

Государство Тимура, если его взять в его среднеазиатской и иранской частях, представляло совокупность феодальных владений, объединенных в единое государственное целое. Весьма характерно, что Мавераннахр, за исключением Ферганы, Тимур не дробил, никому не передавал и крепко держал в своих руках. Система раздачи отдельных частей государства на началах суюргала содействовала накоплению в стране скрытых феодализирующих сил, способных в критический момент сразу же нарушить целостность государства, что и произошло тотчас же после смерти Тимура. Обладая твердой рукой, Тимур умел подчинить владетелей-вассалов своей воле, и горе было тому, кто не подчинялся его приказаниям и противопоставлял свою волю — воле государя. Когда глава племени джалаир не подчинился в 1375 г. могущественному эмиру, он его казнил, а всех джалаиров распределил по разным округам, уничтожив таким образом целое кочевое владение в районе Ходженда. Когда в 1388 г. в Самарканде Тимур, согласно рассказу ибн-Арабшаха, обнаружил попытки непокорности со стороны некоторых эмиров, опиравшихся на недовольные Тимуром элементы, он, заманив их к себе хитростью, велел всех перебить. Когда сын Омар-шейха, Пир-Мухаммед, не выполнил приказа и не выступил в поход, Тимур отнял у него Фарс с городом Ширазом, которым тот управлял после смерти отца, близких же Пир-Мухаммеду людей казнил. Впрочем, в 1403 г. он сменил гнев на милость и вернул Пир-Мухаммеду его суюргал.

Сохранял ли Тимур введенную Кебеком административную систему деления на тумены? К сожалению, в источниках мы имеем об этом мало фактического материала. Однако и то малое, что имеется, указывает, что в Мавераннахре, который находился в руках Тимура, эти административные единицы (тумены) сохранились до самого конца его правления.

Все вышеизложенное показывает, какую огромную роль в управлении этим сложным феодальным миром играла личность Тимура. Он зажал все феодализирующие силы обширного государства в своей твердой руке и, направляя своих вассалов на непрерывные, большей частью грабительские походы, придав всей системе правления явно деспотический характер, создал военный режим самой суровой дисциплины.

Социально-экономические отношения в Мавераннахре времени Тимура в исторической литературе пока еще не разработаны.

Для монгольской эпохи характерно резкое ухудшение положения крестьян и ремесленников, за определенными категориями которых постепенно закреплялись определенные налоги и повинности, а в силу закрепления за ними всех этих повинностей шло и прикрепление их к земле. В монгольском хулагидском государстве это ярче всего выразилось в ярлыке 1303 г., изданном Газан-ханом¹. С крестьян взымали земельный налог (под разными названиями—харадж, мал), подушную подать (джизью), которая до монголов, согласно мусульманскому праву, взымалась только с неверных. На крестьян была возложена также повинность по поставке ездовых животных (улаг), барщинные работы (бегар) и некоторые чрезвычайные налоги (аваризат). Если же принять во внимание, что все эти налоги взымались в Мавераннахре при тимуритах Абу-Саиде (1451—1469 гг.) и Султан-Ахмеде (1469—1494 гг.), то с уверенностью можно сказать, что они взымались и при Тимуре, тем более, что упоминания о них кое-где разбросаны и в источниках.

И. П. Петрушевский в интересной статье «О прикреплении крестьян к земле в Иране в эпоху монгольского владычества» (Вопросы истории, 1947 г., № 4) убедительно показал, что уже в ясе Чингиз-хана имелись данные о юридическом прикреплении такого рода. И. П. Петрушевский приводит следующее место ясы в изложении Джувейни: «И другой закон (яса) таков, что никакой человек из тысячи, сотни и десятка, который там причислен, не может уйти в какое-нибудь другое место и обрести убежище у кого-нибудь другого, и никто того человека к себе пустить не может. И если в противность этому повелению кто-нибудь приступит к такому делу, то того человека, который совершил бы переход, в присутствии людей убьют, а того человека, который его к себе пустил бы, подвергнут наказанию и мучению (пытке). И по этой причине никакая тварь никого другого к себе пустить не может»... В связи с этими ясными словами чингизхановой ясы И. П. Петрушевский пишет: «Приведенный закон в первую очередь относился к военным людям, как монгольским и тюркским кочевникам, так и оседлым таджикам (таджикам), причисленным к подразделениям (тысячи, сотни, десятки) феодального ополчения, начальники которых (эмиры тысяч, сотен и десятков) были чаще всего наследственными господами этих людей. Но не только к ним относился этот закон, а и ко всей массе райатов».

Выше мы видели, что монголы еще в первой половине XIII в. повсюду, где была их власть, вводили элемент прикрепления непосредственных производителей—земледельцев и ремесленников всех категорий—к определенным налогам и повинностям, однако только в начале XIV в., в 1303 г., это прикрепление к земле крестьян нашло свое юридическое выражение в законе Газан-хана. Нет основания сомневаться в том, что фактически так было и в Мавераннахре, однако данных о юридическом выражении этого прикрепления раньше XVI в. мы пока не имеем. В своей статье «К истории среднеазиатских арабов» (Труды второй сессии ассоциации арабистов, Москва—Ленинград, 1941 г.) С. Л. Волин привел образец одной из грамот, выданной в XVI в. мирхазару (тысячнику) арабов по имени Кемал ад-дину Максуду. Для нас представляет особый интерес конец этой грамоты: «Где бы в

¹ См. прекрасную статью И. П. Петрушевского «Хамдалах Казвини, как источник по социально-экономической истории восточного Закавказья»; Известия Отделения общественных наук АН СССР, 1937 г., № 4, стр. 888. Здесь вопрос о прикреплении райатов (земледельцев) рассматривается подробно на основе фактов, сообщаемых Гашид ад-дином.

вилайетах,—говорится в грамоте,—и туменах ни были крестьяне (райа) и издольщики (шарик), да придут они под управление упомянутого в свой юрт и становище и занимаются спокойно законным промыслом; пусть никто не укрывает (химаят нашавад) и не препятствует». Вышеприведенные слова настолько ясны, что не нуждаются в комментариях. Речь идет здесь о существующем юридически, а не только фактическом прикреплении крестьян к земле. Сопоставляя данные этой грамоты с тем, что говорится в ясе Чингиз-хана по вопросу о невозможности перехода людей с одних земель на другие, гипотеза о том, что и в Мавераннахре это прикрепление имело место, начиная со времени монгольской власти, приобретает известную убедительность.

Ухудшение положения ремесленников при монголах характеризуется переводом их на полурабское положение, что в 1264 г. с особой яркостью отразил в своих записках Плано Карпини. Ко времени Тимура и при самом Тимуре в положении ремесленников в Мавераннахре наступило значительное улучшение. Основная масса ремесленников была свободной и несла лишь обычные феодальные повинности. Однако пленные ремесленники, переселенные Тимуром в Самарканд и Шахрисябз, находились на полурабском положении и подвергались жестокой эксплуатации.

Так, например, Клавихо, рассказывая о дворце Тимура в самаркандской цитадели, говорит: «В этом же замке царь держал около 1000 пленных мастеров, которые делали латы, шлемы, луки и стрелы и круглый год работали на него». Здесь определенно говорится о типичной «кархана» (большая эмирская или султанская мастерская), в которой работали пленные и которая весьма характерна для монгольской эпохи.

Военная история причисляет Тимура к числу крупнейших полководцев средневековой Азии. Его военное дарование раскрылось в двух направлениях: как реорганизатора войска и как полководца.

Войско Тимура по своей организационной структуре продолжало традиции Чингиз-хана. Во-первых, оно было ополчением, во-вторых, строилось по десятичной системе, т. е. делилось на тумены, тысячи, сотни, десятки. Различие состояло в том, что при Чингиз-хане основу войска составляли кочевники и значительно меньшую роль играло оседлое население завоеванных стран, привлекаемое в принудительном порядке в хашар. При Тимуре же оседлое население, хотя и не составляло основу войска, однако входило в него весьма существенной, а быть может и равной с кочевниками частью. Оседлые области поставляли пехоту, а также отряды артиллерии того времени—воинов, обслуживавших камнемётные, стенобитные, огнестрельные машины (радандоз), самострелы и др. Когда Тимуру нужно было призвать определенные контингенты конницы и пехоты, он направлял тавачиев (лица, выполнявшие особо важные поручения государя) в ту или иную область своего государства с предписанием собрать определенное количество туменов, причем им на руки выдавался список (сан) с указанием, сколько именно туменов надлежало выставить. Тавачии собирали воинов пеших и конных, оседлых и кочевников, тюрок и таджиков. Согласно описаниям Абд ар-Раззака Самарканди, автора XV в., каждый воин ополчения должен был взять с собой провиант на один год, оружие—лук с 30 стрелами, колчан, налучье и щит. У каждого двух воинов-конников должна была быть третья запасная лошадь (заводная), на каждые 10 человек—одна палатка, 2 заступа, 1 мотыга, 1 серп, 1 топор, 1 шило, 100 иголок, полмана амбарного ве-

са веревок, 1 крепкая шкура, 1 котел. Каждая область (она же сургальное владение) поставляла основной контингент (асль) и дополнительный (изафе). При десятичной системе членения войска особо важную роль играли кошуны, составлявшие, как правило, отряд в несколько сот человек. Вообще в то время под старыми названиями—тумен, тысяча, кошун, сотня—числились отряды, имевшие фактически иное число воинов. В туменах было меньше 10 тысяч, а в кошунах—больше 100 человек.

В походе всегда соблюдался строгий порядок (мурджал). Эмир каждого подразделения—тумена, кошуна—хорошо знал свое место и строго его придерживался.

В походе впереди главных сил шел авангард (манглай), состоявший иногда даже из нескольких туменов. От манглая надо отличать караул (сторожевое охранение), который шел впереди авангарда. Особое место занимала разведка (хабаргири), высылавшаяся любой значительной частью войска. Для разведки отбирались исключительно храбрые воины. В походе особо важную роль играли «проводники» (качарчи), которых Тимур обыкновенно сам распределял между отдельными частями войска.

Во время похода приходилось делать остановки. Если стан разбивали вблизи врага, то окапывали его рвом, ставили защитные орудия—туры (повидимому, передвижные башни) и большие окопные щиты (чапары). Хотя в нашу задачу совершенно не входит освещение вопроса о вооружении войска Тимура, мы все же считаем необходимым отметить, что именно в его эпоху на Ближнем Востоке впервые появилось огнестрельное оружие.

Так, при описании войска султана Махмуда Дехлевийского перед битвой с Тимуром у Дели в 1399 г. Низам ад-дин Шами упоминает о наличии у индийского войска радов или радандозов, огнестрельных, «громбросающих» орудий, нечто вроде примитивных пушек. Тот же автор упоминает о таких орудиях (рад) при описании осады Тимуром Дамаска в 1400—1401 гг.¹

Большой интерес представляет порядок, в котором войско Тимура располагалось перед сражением. Низам ад-дин Шами, Шереф ад-дин Али Иезди приписывают Тимуру новаторство в этом отношении. Чтобы понять, что именно нового внес Тимур в военное искусство, необходимо представить себе, каким обычно было боевое расположение войска во времена, когда Тимур только начинал свою военную карьеру. С этой точки зрения большой интерес представляет «грязевая битва» 1365 г. Боевой строй войска Тимура состоял тогда из центра, правого и левого крыла (брангар и джувангар); при каждом из них находились дополнительные войсковые соединения—фланговое охранение, так называемый «канбул», и авангард. Боевой порядок, таким образом, состоял из семи частей, из которых три имели более или менее самостоятельное значение, а четыре (два авангарда и два канбула)—подчиненное. Характерной чертой такого боевого строя являлась слабость его центра по сравнению с крыльями: центр не имел ни авангарда, ни резерва.

В 1391 г., в знаменитом сражении с Тохтамышем при Кундузча, войско Тимура имело уже значительно более усовершенствованный бое-

¹ Только уже после написания этой работы мне пришлось слышать на докладе А. М. Беленицкого, что огнестрельные орудия имелись в войске Тимура в 1379 г. при осаде Ургенча. Упоминание об этом А. М. Беленицкий встретил в рукописи Муин ад-дина Натанзи.

вой строй. Шереф ад-дин Али Иезди рассказывает, что Тимур первым ввел членение войска на семь кулов — корпусов. Это были уже самостоятельные и ответственные лишь перед командующим войсковые соединения.

В боевом строю 1391 г. мы видим иное отношение также и к центру. Крыльям, как и в старом боевом порядке, попрежнему придается весьма важное значение, что видно хотя бы из того, какое большое внимание обращается на боковое охранение флангов (канбул); но особенно укрепляется и центр. Он получает авангард и, кроме того, позади него устраивается ставка командующего; там же находятся резервы, которые в большинстве случаев и решают исход сражения.

Итак, при новом боевом строе и центр и крылья сделались предметом одинаково большого внимания. Если центр был охраной резервов и ставки командующего, а резервы направлялись в то место сражения, где в них была нужда, то канбулы имели целью предохранить крылья от прорыва и не допустить обходного движения врага, который мог ударить в тыл, обойдя правое или левое крыло с флангов. Канбулы составлялись из наиболее храбрых и опытных в бою кошунов, находившихся под командой авторитетных военачальников.

Войско имело, как указывалось выше, не только конные, но и пехотные части. Последние в боевом расположении стояли впереди конников и, в случае нападения врага, особенно при атаке, укрываясь за свои окопные щиты (чапары) и туры, первыми принимали бой. Пехотинцы играли исключительную роль на том участке боевого расположения, где бой носил оборонительный характер. Шереф ад-дин Али Иезди, описывая битву Тимура с Тохтамышем в 1391 г., определенно указывает, что эмиры туменов, тысяч и кошунов левого и правого крыльев тимурова войска выстроили в боевой порядок пехотинцев и всадников. Та же картина наблюдалась и в битве Тимура с Тохтамышем в 1395 г. Гияс ад-дин Али, описывая индийский поход Тимура 1398 — 1399 гг., не раз говорит об участии пехотинцев в сражении. Так, упоминая битву на берегу Гуля (Джуль), он замечает, что левое крыло имело в авангарде кул (корпус) Султана Али Тавачи, в котором были пешие отряды хорасанцев. Примеров подобного рода можно привести немало. Однако картина и так ясна. Войско Тимура, пополняемое из числа не только кочевых народов, но и населения земледельческих областей, не могло в своих ополчениях не иметь пеших воинов.

Свои войны Тимур вел с исключительной жестокостью, причем большей частью она ничем не могла быть оправдана. Чем можно оправдать постройку башни из 2 тысяч живых людей, переслоенных битым кирпичом и глиной, что имело место при взятии Исфизара (город в Афганистане), или сооружение в восставшем Исфагане башен из 70 тысяч голов, о чем говорилось выше, или, наконец, погребение заживо 4 тысяч людей после взятия города Сиваса в Малой Азии? Однако самым ужасным из всех подобного рода злодеяний Тимура является убийство около 100 тысяч пленных индусов — гебров и идолопоклонников — перед генеральным сражением, которое он дал дехлевийскому (делийскому) султану Махмуду. Низам ад-дин Шами с эпическим спокойствием рассказывает, что Тимур издал приказ о массовой бойне после того, как ему донесли, что пленники в критический момент сражения могут ударить с тыла, хотя они, к стати сказать, ничем не были вооружены.

Тимур не принадлежал к чингизидам, поэтому никогда не именовал себя ханом. Как и все люди того времени, он относился к титулу «хан» с большим пиететом, и, несмотря на свое большое честолюбие и вла-

столюбие, удовлетворялся скромным титулом эмира, присоединив к нему титул «гургана» (зятя; в данном случае — ханский зять). Право на титул гургана он приобрел после женитьбы на Сарай Мульк-ханым, которую он взял из гарема эмира Хусейна после его убиения в 1370 г. и которая была дочерью чингизида Казан-хана, последнего хана Мавераннахра из дома чагатаев. Следуя традиции, установленной еще эмиром Казаганом, Тимур держал при себе подставных ханов — Суюргатмыш (1370 — 1388 гг.) и потом его сына Султана Махмуд-хана (1388 — 1402 гг.). После смерти последнего он больше подставного хана не держал и чеканил монеты от имени умершего. Оба подставных хана не играли политической роли, в распоряжения Тимура не вмешивались и были в этом отношении фигурами чисто декоративными. С Султаном Махмуд-ханом Тимур был в очень хороших отношениях и имел в его лице прекрасного, энергичного военачальника, командовавшего в конце XIV в. ответственными войсковыми соединениями. В битве при Анкаре Султан Махмуд-хан сыграл немаловажную роль и даже захватил султана Баязеда в плен.

До сих пор нельзя с полной уверенностью сказать, дошел ли до нас среди сохранившихся миниатюрных изображений Тимура его достоверный портрет. Но зато мы располагаем словесными описаниями наружности Тимура некоторыми лицами, как например Клавихо, несколько раз видевшего Тимура осенью 1404 г., а также ибн-Арабшаха, который видел его за два года до его смерти. Ибн-Арабшаху было тогда не более 14 лет, следовательно в его описании наружности Тимура сочетались отдаленные личные воспоминания с рассказами других людей.

Согласно описанию ибн-Арабшаха, Тимур был высокого роста, широкоплеч, обладал большой головой и густыми бровями, имел длинные ноги и длинные сухие руки, носил большую бороду и хромал на правую ногу. Глаза его «были подобны свечам, но без блеска». Голосом обладал громким, отличался мощной силой и большой храбростью, смерти не боялся, до конца жизни сохранил ясную память, не любил шуток и лжи, напротив того, ему нравилась правда, даже если она ставила его в затруднительное положение. Что фактически прибавил Клавихо к этой характеристике? Описание платья и указание, что «он плохо видел и был уже так стар, что почти не мог поднять веки».

В 1941 г. скульптор М. М. Герасимов попытался реконструировать по черепу Тимура его лицо. По отзыву антропологов, М. М. Герасимов дал максимальное приближение к тому портрету Тимура, каким его словесно нарисовал ибн-Арабшах.

Выше указывалось, что Тимур с детства знал тюркский и таджикский языки и производил впечатление человека образованного, хотя не умел ни читать, ни писать. Как же это могло быть? В часы досуга, особенно во время частых походов, Тимур любил слушать чтение, для чего и держал при себе «чтецов рассказов» (касса-хон). Больше всего он любил слушать чтение сочинений по истории. По словам Хафизии Аbru, он имел познания в истории тюрков, арабов, иранцев. Если судить по ибн-Арабшаху, то такое же впечатление о Тимуре создалось у известного арабского историка ибн-Халдуна, который лично беседовал с Тимуром. Тимур ценил всякое знание, особенно если оно могло принести практическую пользу, — медицину, астрономию, математику, однако более всего он ценил архитектуру. Он прекрасно разбирался в самых сложных из своих построек, давал полезные для дела указания.

Тимур жил в эпоху, когда религиозные представления господствовали во всех областях сознания людей над скудными еще данными науки. Являлся ли Тимур благочестивым мусульманином? В этом отношении он был типичным представителем тюркской военной аристократии, среды, которая всегда подчеркивала свою приверженность к мусульманскому благочестию. Будучи во всем прежде всего политиком, стараясь из всего извлечь пользу для государственного дела, Тимур сохранял самые дружеские связи с различными представителями мусульманского духовенства, создавшими ему популярность в широких кругах населения.

Как тогда было принято, он держал при себе духовника — упомянутого выше шейха Береке, который «молитвой старался подкрепить то, что делал Тимур мечом». Тимур не скрывал своего удовлетворения, когда шейх Береке перед большими сражениями, как это, например, имело место перед битвой в местности Кундузча в 1391 г., молил аллаха о даровании победы Тимуру. И все же, несмотря на все старания казаться благочестивым мусульманином, Тимур ставил политический расчет выше споров между отдельными правоверными толками. По словам В. В. Бартольда, «тот же Тимур, который в Сирии выступил защитником Алиа и его потомков, вследствие чего сирийцы считали его ревностным шиитом, — в Хорасане восстановил суннитское правоверие, в Мазандеране наказывал шиитских дервишей за оскорбление памяти спутников пророка».

Тимур, как хороший, расчетливый хозяин, все, имеющее ценность, стягивал в Мавераннахр, в центр своего обширного царства. Сюда он свозил не только различные материальные ценности, но в еще большей мере пленных специалистов-ремесленников, художников, архитекторов, ученых, и не потому, что Мавераннахр был беден такими специалистами, но полагая, что чем больше будет приток культурных сил, тем богаче станут ремесла, тем выше будут искусства и науки.

В Самарканде при Тимуре можно увидеть мастеров Хорезма, Исфагана, Шираза, Халеба и других городов Востока. Всем им он давал работу, всех их он умел использовать на самых разнообразных стройках, будь то прекрасные здания — дворцы, мечети, медресе, мавзолеи, загородные сады, или мастерские по выделке оружия, просто ремесленные лавки или новые городские строения. Этой страстью Тимура к строительству, большим размахом его работ Клавихо был буквально поражен. И не случайно лучшие страницы своего дневника он посвящал описанию того, что было сделано и делалось Тимуром в Самарканде. Мавераннахр, особенно Самарканд, был выделен Тимуром из общей системы обширного государства в особое, привилегированное владение. Клавихо в своем дневнике отмечает, что на северный берег Аму-дарьи, т. е. в Мавераннахр, пропускали всякого, кто хотел. Однако покинуть Мавераннахр и переехать на южный берег Аму-дарьи никто без разрешения не мог — так сильно боялся Тимур потерять хотя бы одного человека, способного к работе.

Столицей огромного тимурова государства стал Самарканд. Тимур считал, что по величине и красоте ни один город не может быть ему равен. Самарканд должен был затмить все бывшие до него столицы.

Ибн-Арабшах рассказывает, что Тимур устроил вокруг Самарканда ряд селений, назвав их именами прославленных городов мира — Миср (Каир), Димишк (Дамаск), Багдад, Султания и Шираз, из которых три были столицами: Дамаск — омейядского, Багдад — аббасидского, Миср — фатимидского халифатов. В то, что селения полу-

чили названия знаменитых городов, была вложена определенная политическая идея: перед Самаркандом все они меркнут так же, как меркнет простое селение перед богатым и великим городом.

Тимур не только украсил город новыми зданиями, имеющими общественное значение, но и значительно перестроил его, создав в нем благоустроенные базары, пополнив его кварталами (махалла) ремесленников самых разнообразных специальностей. Часть замечательных построек Тимура дошла и до нас. Среди них нужно отметить чудесные мавзолеи в группе Шах-и-зинда, соборную мечеть Тимура, известную сейчас под именем Биби-ханым, усыпальницу Гур-эмир, где похоронены Тимур и некоторые члены его династии — его сыновья и внуки — тимуриды.

В Шахрисябзе сохранились до наших дней развалины портала прекрасного дворца Ак-сарай и других зданий.

Замечательным памятником строительной деятельности Тимура является мечеть Ходжа Ахмеда Ясеви в г. Туркестане.

Вокруг Самарканда Тимур построил прекрасные загородные дворцы-сады: Баг-и Чинар, Баг-и Диль-куша, Баг-и бихишт, Баг-и баланд и др. Здесь, среди тенистых деревьев и цветников, проводил он те немногие дни, когда между двумя походами возвращался домой.

Тимур умер в Оtrarе во время последнего, только что начатого похода в Китай, в холодную зимнюю ночь 18 февраля 1405 г.

Хотя приближенные старались скрыть от членов династии смерть своего государя, тем не менее весть о ней быстро распространилась, произведя ошеломляющее впечатление. Всем было ясно, что в стране вновь начнутся беспокойные дни, возобновятся смуты, борьба царевичей и эмиров друг с другом.

И действительно, Пир-Мухаммеда, сына Джехангира, которого Тимур назначил своим наследником, никто из сильных феодального мира не признал. Те же самые царевичи, которые при жизни Тимура знали свои места в войске и государстве и стремились превзойти друг друга быстротой исполнения приказаний великого эмира, подняли голову и, не признавая ничьего авторитета, начали друг с другом феодальную войну за «тимуров престол». События, имевшие место с 1405 по 1409 г., наглядно показали, как непрочны были нити, которыми Тимур соединил отдельные части своего государства в обширную империю.

Феодализирующие силы, зажатые в деспотический кулак правителя и полководца, со смертью последнего были выпущены на свободу. Наступил новый этап этих смут.

Тимур — фигура глубоко противоречивая. Его деятельность в Средней Азии, как мы могли убедиться выше, имела немало положительного. Так, он стремился ликвидировать феодальные смуты и феодальную раздробленность, вел гигантскую строительную работу. И не случайно К. Маркс в своих «Хронологических выписках», говоря о Тимуре, как бы подчеркивает это противоречие. «Он (Тамерлан—А. Я.) дал своему новому царству государственное устройство и законы, представляющие большой контраст с теми зверствами и дикими разрушениями, которые по его приказам совершали татарские орды»¹.

И все же, — хотя и нельзя отрицать положительных сторон государственной деятельности Тимура в Средней Азии, — в мировую историю он навсегда войдет в качестве одного из самых жестоких завоевателей.

* К. Маркс, Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 184.

Могила Тимура находится в Самарканде, в мавзолее Гур-эмир. Она была вскрыта в 1941 г. специальной правительственной комиссией под руководством проф. Кары-Ниязова.

Вскрытием обнаружено: 1) тело Тимура похоронено в деревянном гробу, в общем хорошо сохранившемся; 2) судя по скелету, Тимур был высокого роста, широк в плечах; кость правого бедра срослась с коленной чашкой, вследствие чего Тимур не мог разгибать правой ноги; кости правого плеча и предплечья правой руки также срослись, отчего правой рукой Тимур не владел, что вполне соответствует показаниям письменных источников.

ГЛАВА II

МАВЕРАННАХР И ХОРАСАН В ЭПОХУ ТИМУРИДОВ (XV в.)

§ 1. ТИМУРИДСКОЕ ГОСУДАРСТВО ПРИ ШАХРУХЕ И УЛУГБЕКЕ

В течение почти пяти лет—с 1404 по 1409 г., т. е. до прихода к власти в Самарканде Улугбека,—в Мавераннахре шли смуты в связи с вопросом о «наследстве Тимура».

Обширное государство, созданное непрерывными войнами, даже после прекращения борьбы за наследство не сохранило своего единства. Хотя Шахрух (1409—1447 гг.) и считался номинально главой единой тимуровой державы, однако фактически она состояла из двух государств: одного—с центром в Герате, столице Хорасана, другого—с центром в Самарканде, столице государства Тимура. Когда Шахрух водворил своего сына Улугбека правителем Самарканда, он рассматривал его как своего наместника, а не как независимого государя. Однако Улугбек вскоре сделался независимым правителем и оставался им до самой своей смерти (1449 г.). Но и эти два государства, из которых одно (улугбековское) номинально считалось вассальным и зависящим от другого, в действительности представляли собой, каждое в отдельности, объединения мелких феодальных владений, во главе которых стояли тимуриды.

Собственно говоря, уже и при Тимуре отдельные области государства розданы были его сыновьям: Джехангиру, Омар-шейху, Мираншаху, Шахруху и их потомству—Мухаммеду Султану, Пир-Мухаммеду, Ибрагиму, Улугбеку и др. Однако при жизни Тимура отдельные члены его династии чувствовали себя в большей мере наместниками областей, чем вассальными владельцами, хотя попытки к некоторой непокорности с их стороны и тогда уже имели место.

После смерти Тимура картина резко изменилась. Феодализирующие процессы в Хорасане и Средней Азии зашли во время правления Шахруха так далеко, что установить твердый порядок в государстве ему никак не удавалось. По словам В. В. Бартольда, «государство при Шахрухе еще располагало достаточной силой, чтобы в критические моменты наносить сокрушительные удары своим врагам, но совершенно не было в состоянии установить в стране сколько-нибудь прочный порядок, которым исключались или предупреждались бы кризисы».

Царевичи, управлявшие уделами, смотрели на себя, как на владельцев государей, которые обязаны были подчинением главе династии, Шахруху, сидевшему в Герате, только в порядке вассальных отношений. Шахрух, с своей стороны, видя в «царевичах» ненадежных для себя правителей, старался переменить их состав, стремясь всюду заменить их своими сыновьями, в расчете на то, что последние будут лучше повиноваться ему, чем племянники или другие родственники.

Началась борьба Шахруха с потомством его братьев Джехангира, Омар-Шейха и Мираншаха; особым ожесточением отличалась его борьба с сыновьями Омар-Шейха. Своеобразным отражением этого соперничества между Шахрухом и его племянниками явился поход Улугбека в 1413 г. против Ахмеда, сына Омара-Шейха, владевшего Ферганой, центром которой был Андижан.

К началу 20-х годов XV в. почти все тимурово наследство было сосредоточено в руках Шахруха и его семьи. Как отмечает В. В. Бартольд, «Улугбек в 1409 г. правил в Самарканде, Иблагим-Султан с 1414 г.—в Ширазе, Суюргатмыш с 1418 г.—в Кабуле, Газне и Кандагаре». Что же касается Байсункара, то он был оставлен Шахрухом на посту везира в Герате. Однако Шахрух ошибся в своих расчетах. Сыновья и внуки оказались немногим надежнее племянников, в чем Шахрух имел возможность убедиться на примере поведения внука своего, Султан-Мухаммеда (сына Байсункара).

Под конец своей жизни, в 1442 г., как сообщает историк времени Шахруха Абд ар-Раззак Самарканди в своем интересном сочинении «Матла-ас-са'дайн», Шахрух выделил Султан-Мухаммеду огромное владение с городами Султанией, Реем и Казвином с примыкающими к ним областями. Другой источник тимуридской эпохи—Джа'фари, хорошо осведомленный о делах царевича Султан-Мухаммеда, к перечисленным городам добавляет еще и Хамадан. Прибыв к месту назначения, Султан-Мухаммед, однако, не захотел более рассматривать себя как шахрухова наместника или хотя бы даже как его покорного вассала, проявляя открытое стремление захватить западный Иран с городами Исфахан и Шираз, ибо получаемых им с его владений доходов ему не хватало даже на содержание двора, поглощавшего большие средства. Султан-Мухаммед стремился захватить эти города еще и потому, что в Иране тогда широко распространился слух о болезни Шахруха и возможной его смерти, почему многие считали шансы Султан-Мухаммеда на захват власти в государстве весьма значительными. Однако надежды энергичного царевича скоро рухнули, ибо уже в 1446 г. Шахрух во главе большого войска лично отправился против непокорного вассала для водворения порядка, и Султан-Мухаммеду так и не удалось присоединить к своим владениям западные области Ирана. Да и после смерти Шахруха (1447 г.) тимуриды не сумели удержать эти области в своих руках. В 1453 г. Джеханшах, глава туркменской династии Кара-Коюнлу, тогдашний владетель Азербайджана, силой присоединил западный Иран к Азербайджану, создав таким образом наряду с тимуридским новое огромное государство. Все это могло произойти лишь вследствие упадка государственной власти, наступившего в восточном Иране и Средней Азии после смерти Шахруха и убийства Улугбека (1449 г.).

Не создал политической устойчивости в своем государстве и Улугбек. У него хватило сил только на то, чтобы отстоять перед отцом фактическую независимость. Никаких походов, кроме оборонительных, как в районе нижней Сыр-дарьи, так и в Могулистане (Семиречье, Кашгар), он не вел. Хотя Улугбек и старался продолжать некоторые военные традиции своего деда Тимура, он, однако, как полководец ничего особенного собою не представлял, и победа его в 1425 г. в Семиречье над монгольским ханом Шир-Мухаммедом, раздутья его приближенными, военной славы ему не принесла.

В. В. Бартольд в своей книге «Улугбек и его время» собрал почти все, что можно найти в источниках о детстве, юности и зрелых годах

Улугбека, и оставил подробное описание событий внешней и внутренней жизни его государства за время его сорокалетнего царствования.

О детстве Улугбека известно очень мало. Родился он в 1394 г. в г. Султания и был старшим сыном Шахруха и его жены Гаухар-Шад. Тимур всегда проявлял большой интерес к своим внукам, назначал им опекунов, по большей части в лице какой-нибудь из своих жен. К Улугбеку Тимур питал особую нежность и опекуншей его назначил свою старшую жену Сарай-Мульк-ханым.

В младенчестве и в детские годы Улугбек вместе с матерью и опекуншей часто следовал за дедом в составе «угрука», т. е. государственного обоза. Вот почему он много путешествовал, находясь то где-нибудь в Хузаре, то на Аму-дарье, то в Кабуле, встречая или провожая Тимура в поход, а то и живя с ним на зимовках в Карабаге или приезжая к нему на короткий срок в Самарканд. Источники, к сожалению, не оставили нам сведений о воспитании и обучении Улугбека; мы не знаем, следовательно, какие познания он получил в детские и юношеские годы, не знаем даже имени ни одного из его воспитателей и учителей.

Когда Улугбеку исполнилось 10 лет, его женили на дочери Мухаммед-Султана, по имени Огэ-Бегум, происходившей по материнской линии от золотоордынского хана Узбека (1312—1342 гг.). Это дало Улугбеку право принять титул «гургана», т. е. ханского зятя, который носил и Тимур. В детстве Улугбеку приходилось видеть придворную жизнь Тимура и даже принимать в ней некоторое участие: Тимур любил иметь перед глазами внуков, в особенности во время даваемых им торжественных аудиенций.

Улугбек стал владельцем Самарканда в 1409 г., т. е. в возрасте 15 лет. Естественно, что самостоятельно править он еще не мог. Шахрух приставил к нему в качестве опекуна и фактического правителя своего верного сановника Шах-мелика. Опекунство это, однако, продолжалось только два года, и с 1411 г. Улугбек выступает уже в качестве самостоятельного правителя.

Выше уже было отмечено, что Улугбек совершенно не вел войн наступательного характера, ни с целью захвата новых территорий, ни с целью грабежа, и, таким образом, не продолжил в этом отношении линии своего деда. Все походы его носили или оборонительный характер, или направлены были на подчинение областей, номинально входивших в его удел, но фактически ему не подчинявшихся.

Границы государства Улугбека почти совпадают с современными границами Узбекистана; кроме того, в состав его входила часть бассейна Сыр-дарьи от Отрара почти до города Сыгнака, развалины которого лежат вблизи современной ж.-д. станции Тюмень-арык.

В начале XV в., в первые годы царствования Улугбека на границах его государства появились со стороны Дешти-кипчака кочевники-узбеки. Проникновение последних на территорию государства Улугбека шло по двум линиям—по Аму-дарье и Сыр-дарье. В первые годы царствования Улугбека узбеки-кочевники очень тревожили Хорезм, независимость которого под властью династии Суфи, как мы уже видели выше, была окончательно ликвидирована Тимуром в 1388 г. Однако вскоре после смерти Тимура, Элигей, могущественный эмир Золотой орды, в 1406 г. вновь захватил Хорезм, и только наместнику Улугбека Шах-мелику удалось выбить оттуда кочевников-узбеков.

Хотя Фергана и считалась целиком подвластной Улугбеку, однако ее правитель Ахмед, сын Омар-шейха и двоюродный брат Улугбека,

повел самостоятельную политику и явно отказывал ему в подчинении. Улугбек потребовал к себе Ахмеда для отчета. Ферганский правитель обещал приехать, но обещания своего не исполнил. В ответ на это Улугбек направился в Фергану с войском и подчинил себе всю область.

Как и Тимур в начале своего правления, Улугбек должен был зорко следить за событиями на нижней Сыр-дарье. В 1419 г. к Улугбеку явился один из узбекских царевичей—Бурак, внук Урус-хана, и обратился к нему за помощью против своих врагов. Как в свое время и Тимур, Улугбек считал выгодным иметь ханом в узбекской степи своего ставленника. Руководствуясь этими соображениями, он в сентябре отправился вместе с Бураком в поход на Сыр-дарью, однако противника не встретил, так как тот предпочел боя не принять и уйти в степь. Улугбек вернулся в Самарканд. Узбекский же царевич Бурак после некоторой борьбы стал ханом Большого улуса. Повидимому, на это ему понадобилось несколько лет, так как известие о его воцарении дошло до Улугбека лишь в 1425 г. Улугбек был очень рад этому известию, ибо надеялся, что теперь в степи у него будет дружественный хан, который станет там верным проводником его внешней политики.

Не меньшее внимание Улугбека привлекал к себе и Могулистан, где шли междоусобицы среди монгольских ханов. Улугбек прекрасно понимал, что сильная ханская власть в Могулистане опасна для Мавераннахра, и стремился путем вмешательства в их междоусобицы ослабить монголов. После долгих распрей между монгольскими ханами, победа, не без помощи со стороны Улугбека, склонилась на сторону хана Шир-Мухаммеда. Улугбеку казалось, что он добился больших успехов, что соседняя степь покорна его политике и что ханы Бурак и Шир-Мухаммед будут вести себя, как его ставленники. «Но эти ханы,—по словам В. В. Бартольда—столь же мало оправдали надежды Улугбека, как Тохтамыш—надежды Тимура».

Когда Улугбек убедился, что надежды его не оправдались, а Шир-Мухаммед и не думает в чем-либо слушаться его указаний, он решил предпринять большой поход в Могулистан. В ноябре 1424 г. Улугбек выступил с огромным войском, растянувшимся на очень большое расстояние. Центр его находился на Сыр-дарье у Шахрухии, правое крыло—в Фергане, левое—у Отрара. Шахрух не сочувствовал походу своего сына, но Улугбек не послушался отца и двинулся в глубь степи против монголов. Весной 1425 г. Улугбек с главными силами уже переправился через р. Чу. Битва с войском Шир-Мухаммеда, которая произошла в горах у Кетмень-тепе, была очень жаркой и кончилась победой Улугбека. Чтобы закрепить победу, Улугбек решил максимально ослабить монголов. С этой целью он перебил пленных, захватил их лучшие стада, огромное количество добра всякого рода, ограбил главную летнюю ставку монгольского хана—Карши и с огромной добычей направился обратно в Самарканд. Среди других ценностей Улугбек захватил и два куска нефрита. Они были настолько велики, что для перевозки их пришлось изготовить специальную повозку. Впоследствии из этого нефрита Улугбек сделал замечательное надгробие над могилой Тимура в мавзолее Гур-эмир.

27 июня 1425 г. Улугбек был уже в Самарканде. Осенью того же года он торжественно, как победитель, был принят Шахрухом в Герате. Отец, повидимому, не напомнил сыну о проявленном им непослушании. В Самарканде и Герате близкие к Улугбеку круги всячески раздували размеры одержанной им в Могулистане победы. В память о победоносном походе 1425 г. Улугбек приказал высечь надпись на скале в Джи-

лаутинском ущелье вблизи Джизака, сохранившуюся до нашего времени.

Вскоре после возвращения Улугбека из Могулистана у него испортились отношения с ханом Бураком, который стремился к полной самостоятельности, а главное, проявлял претензии на земли по Сыр-дарье вокруг Сыгнака, тогда богатого и культурного города: в первой половине XV в. земли по нижней Сыр-дарье орошались каналами, выведенными из этой реки, и кяризами. Свои претензии на город Сыгнак Бурак-хан обосновывал главным образом тем, что город этот принадлежал еще его деду Урус-хану, который много сделал для его восстановления и украшения.

В ответ на претензии хана Бурака Улугбек объявил поход на Сыр-дарью против кочевых узбеков. Шел он во главе большого войска, в состав которого входил также отряд его брата Джуки. Поход состоялся летом 1427 г. и закончился полным разгромом Улугбека, которому, вместе с его братом едва удалось спастись бегством. Поражение это было самым печальным днем в жизни Улугбека и едва не стоило ему престола Самарканда и власти над Мавераннахром. Когда он с позором возвращался в столицу, в городе усиленно действовали враги Улугбека, подстрекаемые реакционным духовенством, которое требовало, чтобы перед ним были закрыты ворота города. Поражение это так подействовало на Улугбека, что он в течение всего остального своего правления, во всяком случае до 1447 г., т. е. до смерти Шахруха, не предпринимал походов даже тогда, когда кочевники-узбеки или монголы делали со стороны Сыр-дарьи или Могулистана набеги на границы его государства.

Хотя поход Шахруха против Султан-Мухаммеда в 1446 г. закончился поражением последнего, тем не менее одряхлевший победитель не успел навести порядка в тимуридском государстве и вскоре умер (12/III 1447 г.). Шахрух не был даровитым и энергичным правителем, отчего среди окружающих его чиновников всегда находились люди, которые, пользуясь его именем, фактически управляли государством. Большую роль среди этих людей играла энергичная жена Шахруха Гаухар-Шад.

Тотчас же после смерти Шахруха в Хорасане и в Средней Азии начались смуты. Гаухар-Шад более всего желала видеть на тимуридском престоле своего внука, Ала-ад-Даула, сына Байсункара, однако не решалась открыто это объявить, ибо все законные права имел старший сын Шахруха, Улугбек, который к тому же не скрывал своих намерений захватить престол. Момент был весьма ответственный, и Гаухар-Шад, чтобы не вызвать спора и столкновений с Улугбеком, передала командование войском сыну Улугбека, Абд-ал-Латифу. Избежать столкновения все же не удалось, ибо Ала-ад-Даула и Абу-л-Касим Бабур (также сын Байсункара) начали каждый со своей стороны военные действия против Улугбека, причем первый захватил район Мешхеда, второй — Мазандерана.

Весной того же 1447 г. Ала-ад-Даула разбил войско Абд-ал-Латифа, взял его в плен и запер в крепости Ихтиар-ад-дин в Герате. Улугбек, не желая жертвовать своим сыном, предложил мир. Ала-ад-Даула принял мирные предложения, ибо его брат Абу-л-Касим Бабур проявлял намерение не подчиняться ни ему, ни Улугбеку, но самому захватить Герат или, по крайней мере, оставить за собой какую-нибудь значительную часть тимуридского государства. Обстановка складывалась так, что обоим соперникам — Ала-ад-Даула и Улугбеку — выгодно было временно пойти на примирение, что и было ими сделано. Со-

гласно заключенному ими соглашению, Абд-ал-Латиф был отпущен обратно к отцу в Самарканд, а Улугбек отказался от претензий на Герат и Хорасан.

В 1448 г. Улугбек вместе с Абд-ал-Латифом вновь начали военные действия, придравшись к каким-то нарушениям договора. В 14 фарсах от Герата, у Тарнаба, войско Ала-ад-Даула было разбито, и Улугбек с сыном вступили в Герат. Начавшееся завоевание Хорасана, однако, не было завершено, ибо Улугбек боялся слишком удалаться от своих главных баз, что с его стороны, повидимому, было ошибкой.

§ 2. КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ В САМАРКАНДЕ ПРИ УЛУГБЕКЕ

Улугбек, вступив на самаркандский престол в 1409 г., получил Самарканд в цветущем состоянии. Смуты, связанные с борьбой за тимурово наследство, мало отразились на самом городе, его кварталах, зданиях, садах. В наследство от Тимура Улугбеку достался не только прекрасный город, но и богатства, которые не были полностью расхищены во время этих смут. Осталось от Тимура не мало ученых, а также и весьма ценных специалистов: разнообразных ремесленников, художников, строителей и т. д.

Выше мы уже указывали, что Улугбек не отличался талантами государственного деятеля или полководца. Великая заслуга его перед человечеством заключалась в той огромной культурной и научной работе, вдохновителем и организатором которой он был, а также в его научных трудах.

При Тимуре город непрерывно бурлил кипучей жизнью. Бойко торговали базары, трудились ремесленники в своих маленьких мастерских-лавках, расположенных на покрытых крышами улицах города; приходили и уходили войска Тимура; почти непрерывно возводились постройки, наблюдения за которыми возлагались на того или иного эмира; время от времени по случаю какой-нибудь победы или семейного торжества устраивались праздники, к участию в которых привлекалось все городское население, и т. д. В обстановке, где труд играл большую роль, ценили и веселье, и Тимур не очень-то разрешал ортодоксальному мусульманству оказывать давление на нравы своей столицы в духе показного благочестия и требовать строгого затворничества женщин за стенами «женской половины» дома.

Сочинения историков того времени, особенно Хафизи Аbru (ум. в 1430 г.), описавшего события царствования Шахруха и Улугбека до 1427 г., Абд-ар-Раззака Самарканди (ум. в 1482 г.), переписавшего труд Хафизи Аbru и дополнившего его изложением событий, имевших место с 1427 по 1470 г., ас-Сафи, составившего хвалебную биографию дервишских шейхов, в том числе и Убайдуллы ходжи Ахрара, человека, который сделал все, чтобы вытравить воспоминание о культурной жизни Мавераннахра при Улугбеке, — все эти сочинения сохранили нам богатейший материал для изучения той духовной атмосферы, в которой жил Самарканд в царствование Улугбека.

Культурные традиции эпохи Тимура сохранились в Самарканде почти в неприкосновенном виде до Улугбека.

Основной тон жизни в Самарканде первой половины XV в., как, впрочем, и во всякой другой столице, задавал двор правителя. Свое время Улугбек, если только он не был в походе, делил между делами управления, соколиной охотой, которую страстно любил, научными занятиями, которым, судя по результатам его трудов, он отдавал много времени и сил, меджлисами — собраниями культурных людей, на кото-

рых он сам активно участвовал в беседах, и пирами, так как любил повеселиться, развлечься и выпить. Двору Улугбека подражала и окружавшая его феодальная знать, как таджикская, так и тюркская.

В Самарканде в то время представителями правящих кругов тратились на развлечения огромные средства. Если Улугбек по случаю рождения сына или окончания постройки того или иного здания устраивал пиры с музыкой, пением и танцами, то вельможи, близко стоявшие к Улугбеку, старались во всем подражать ему. При дворе Улугбека много времени и средств тратили на соколиную охоту—в среде придворной знати считалось хорошим тоном не только в ней участвовать, но и держать дорогих соколов и специально вышколенных для охоты коней.

В Самарканде, ввиду огромного спроса на них, было много музыкантов, певцов и танцовщиц, причем молва о высоких достоинствах их была так широко распространена, что из Самарканда их приглашали к себе вельможи, беки и просто богатые люди в разные области Мавераннахра. Так, например, упомянутый выше ас-Сафи в своей книге «Рашахат-и-айн-и-л-хайят» рассказывает, что однажды, в 20-х годах XV в., один из богатых людей Ташкента выписал к себе на пир музыкантов из Самарканда. Пир с музыкой, танцами и пением устраивались не только при дворе, но даже и в среде высшего мусульманского духовенства.

При Улугбеке должность шейх-ал-ислама занимал некий Исам-аддин, потомок автора известнейшего в Средней Азии богословско-юридического сочинения «Хидая», человек весьма образованный, близко стоявший к Улугбеку и поддерживавший его культурные начинания. Исам-аддин, несмотря на занимаемый им высший в стране духовный пост, считал не только возможным самому участвовать в празднествах и пирах Улугбека, но и устраивать их у себя. В труде В.В. Бартольда «Улугбек и его время» приводится интересный рассказ. «Шейх ал-ислам, однажды празднуя окончание им постройки новых бань, устроил пир, на который явились женщины-певицы. Мухтасиб Саид Ашик, назначенный на эту должность Улугбеком, обратился к шейх ал-исламу с резким упреком: «Шейх ал-ислам, по какому мазхабу (толку) дозволяется мужчинам и женщинам сидеть вместе и петь?»

Свободная, веселая, непринужденная атмосфера, царившая при дворе и в нравах знати, встречала резкую оппозицию в кругах реакционного духовенства, как в самом Самарканде, так и, в особенности, в Бухаре, где большое влияние имел суфийский дервишский орден накшбендиев.

Суфизм, который в средние века был широко распространен на Востоке, в том числе в Хорасане и Мавераннахре, не являлся однородным философским учением, но состоял из течений, отличных друг от друга, а подчас и прямо противоположных друг другу во многих вопросах миропонимания. Среди суфиев были и такие, которые в противовес аскетам не отвергали любви к природе, к жизни человека в реальном мире и, таким образом, не убивали активности людей. Такой суфизм носил свободолобивый характер и был распространен среди городского населения, в первую очередь среди ремесленников. С ним соединялись часто передовые общественные идеи эпохи.

Этот тип суфизма связан был в XIV в. с ликвидацией монгольского господства в Хорасане и известным оживлением экономической и социальной жизни края. К тому же он, являясь выражением протек-

ста против господствовавшей феодально-улемовской реакции, официальной идеологии ислама, служил духовной почвой, питавшей всякую оппозицию к реакционной средневековой власти и мусульманской ортодоксии.

В Средней Азии в XV в. получил широкое распространение другой тип суфизма, суфизм реакционный, сущность которого ярко выражена в деятельности ордена суфиев накшбендиев, возглавлявшегося в числе других крупнейших феодалов ходжей Ахраром.

Господствующее мусульманское духовенство, буквально за единичными исключениями, действовало рука об руку с реакционным суфизмом, всемерно препятствовало культурному развитию общества, вело беспощадную борьбу против всякого свободомыслия, против научного познания мира. Игравшие доминирующую роль не только в духовной, но нередко и в политической жизни страны, реакционные представители духовенства, дервишские шейхи, особенно из приверженцев накшбендиев, под маской народолюбия и призыва к простоте жизни, проповедывали не только ненависть к культуре и светским знаниям (астрономии и математике, медицине, истории), но и пренебрежение даже к богословским наукам, поскольку последние связаны с книгой. В Бухаре почти с самого начала царствования Улугбека зрела реакционная оппозиция всем его культурным и научным начинаниям. И в самом Самарканде также находились определенные круги и отдельные лица, которые за долг свой считали выступать с протестами по поводу поведения государя-ученого. Наиболее крупными шейхами времени Улугбека были Мухаммед Парса в Бухаре, Хасан-Аттар¹ в Самарканде, Якуб Чархи в Бадахшане и Чаганиане. Последние два считались учителями наиболее реакционного из представителей дервишества — Убайдуллы ходжи Ахрара, сыгравшего такую печальную роль в культурной жизни Средней Азии и Самарканда после смерти Улугбека и в годы царствования Абу-Саида (1451—1469 гг.) и его сына Султан-Ахмеда (1469—1494 гг.). Почти сорок лет представители религиозного мракобесия мешали Улугбеку в его творческой работе, пока не достигли своего: Улугбек был убит, чем был нанесен сокрушительный удар культурной жизни Самарканда.

В распоряжении историка не имеется точных указаний, когда, при каких условиях и под чьим влиянием получил Улугбек интерес к математике и астрономии, а также необходимые элементарные познания в этих науках.

В годы изучения им астрономии Улугбек приказал построить два медресе: одно в Бухаре, другое в Самарканде. Для понимания личности и культурной деятельности Улугбека медресе эти играют немалую роль. Дело здесь не в самом факте их постройки; медресе строили почти все правители и до Улугбека, особенно, если они царствовали долго и в казне имелись достаточные средства. Дело в том, что назначение этих медресе было несколько необычным для того времени.

Бухарское медресе было построено Улугбеком в 1417 г. и сохранилось до нашего времени. Над его главным порталом вырезаны следующие слова: «Стремление к знанию является обязанностью каждого мусульманина и мусульманки». Под словом «знание» (стоит определенный член) имелись в виду не только науки светские, но, в первую оче-

¹ Хасан-Аттар предпочел уйти от Улугбека в Герат, к Шахруху, а потом в Шираз.

редь, вся совокупность богословского знания и прежде всего книжного. Ценность этого изречения заключается в том, что стремление к знанию провозглашалось обязанностью не только мужчин, но и женщин. Улугбек более всего хотел подчеркнуть последнее обстоятельство, и его взгляды на женщину отражали самые передовые воззрения тогдашнего общества. Но замечательнее всего было то, что слова эти он осмелился начертать в Бухаре, которая в то время все больше и больше определялась как центр и оплот всего реакционного в области мысли. Можно, конечно, дать и расширенное толкование этому изречению, понимая под «знанием» и светские науки, поскольку в Самарканде медресе служило местом преподавания и светских наук,—однако такое толкование является не более как предположением.

Самаркандское медресе было заложено в 820 (1417) г. и строилось несколько лет. Внутри арки главного портала (в нише), кроме указанной, имеется еще дата 823 (1420) г. Хотя некоторые авторы и считают эту дату годом окончания постройки, но, судя по словам ее последнего исследователя М. Е. Массона, медресе закончено позже, в 828. (1424/1425 г.). По словам Васыфи, одного из авторов XVI в., Улугбек принимал личное участие в постройке самаркандского медресе.

Медресе Улугбека сохранилось до наших дней, но от времени, а главным образом в результате равнодушия последующих поколений, оно сильно пострадало. До нас не сохранились второй этаж здания и многие его отдельные части. Но и в дошедшем до нас виде оно представляет собою одну из лучших построек средневекового Востока. Стоит это здание в центре Самарканда на площади Регистана, напротив другого большого медресе, выстроенного в XVII в. и известного под именем Ширдор. Одну особенность здания следует подчеркнуть. Тимпаны главного портала медресе покрыты изображением звездного неба. Это для Улугбека не случайный факт. Изображением звездного мира Улугбек хотел, видимо, как бы подчеркнуть значение астрономической науки и то, что в медресе, кроме богословских наук, изучаются и светские, в первую очередь астрономия.

Читал ли в этом медресе лекции по астрономии сам Улугбек? Источники XV—XVI вв. не сохранили нам об этом сведений. Однако легенда о чтении здесь лекций Улугбеком была широко распространена в обществе. В медресе читал астрономию «Платон своей эпохи» — Казы-задэ Руми; В. В. Бартольд отмечает, что, по словам Рашахату айн-и-л-хайят, молодой поэт Абдуррахман Джамии прослушал здесь несколько лекций этого астронома. В связи с постройкой медресе сложилась интересная легенда, записанная уже Васифи. Вот как передает ее В. В. Бартольд: «Когда постройка приближалась к концу, присутствующие при сооружении здания спросили Улугбека, кто будет назначен мударрисом. Улугбек ответил, что им будет приискан человек, сведущий во всех науках. Слова Улугбека услышал Мауляна Мухаммед Хорезми, сидевший тут же в грязной одежде «среди куч кирпича», и тотчас же заявил о своем праве на эту должность. Улугбек стал его расспрашивать, убедился в его познаниях, велел отвести его в баню и надеть на него хорошую одежду. В день открытия медресе Мауляна Мухаммед прочитал лекцию в качестве мударриса; присутствовало 90 ученых, но никто из них не мог понять лекции, кроме самого Улугбека и Казы-задэ Руми».

Было бы, однако, неверным думать, что в медресе преподавались главным образом светские науки. Самаркандское медресе и при Улугбеке было местом обучения и богословским наукам.

Почти одновременно с медресе возводилась в Самарканде по приказанию Улугбека и знаменитая обсерватория, законченная постройкой в 832 (1428/29) г. Несмотря на то, что в средние века умели при помощи примитивных инструментов производить более или менее точные наблюдения над движениями звезд, общие космографические воззрения находились еще на весьма низком уровне. По представлениям ученых того времени существовало девять небес и девять небесных сфер, разделяемых ими на градусы, минуты, секунды и десятые доли секунды. Земля, по их представлениям, делилась на семь «климатов»; под этим словом со времени классической «арабской» географии IX—X вв. подразумевались особые географические зоны, расположенные параллельно экватору. Каждый из «климатов» имел свои особенности, которые и отмечались в географических сочинениях.

Обсерваторию построили на скалистом холме, на берегу арыка Оби-Рахмат, в местности Накши-Джахан, на севере от городища Афрасиаб. По словам Бабура, она представляла собой трехэтажное здание. Али-Кушчи, один из астрономов, работавший в ней вместе с Улугбеком, переселившийся впоследствии в Стамбул, сравнивал высоту главной части обсерватории, секстанта Фахри, с высотой храма св. Софии¹.

Покойный самаркандский археолог В. Л. Вяткин, который в 1908 г. производил раскопки на месте обсерватории, вскрыл подземную часть главного инструмента обсерватории, секстанта Фахри. Верхняя часть секстанта находилась над землей и представляла собой половину инструмента. Самаркандский секстант считался самым большим из известных до него на Востоке.

Раскопки обсерватории закончены были только в 1948 г.; этими раскопками выяснено, что обсерватория представляла собой очень прочно и солидно построенное, высокое, круглое в плане здание радиусом 40 с лишним метров. Кроме упомянутого секстанта Фахри, который был включен в архитектурную композицию здания, в нем находилось несколько больших зал, коридоры, переходы и небольшие комнаты для обслуживающего персонала.

Снаружи здание обсерватории было покрыто прекрасными изразцами. По словам Абд ар-Раззака Самарканди, в самой обсерватории, повидимому, на ее стенах, имелись изображения тогдашних основных представлений космоса: девяти небес, девяти небесных сфер и т. п.

По словам Бабура, писавшего в начале XVI в., «обсерватория послужила Мирзе Улугбеку для составления «Гурганских астрономических таблиц», самых употребительных в настоящее время во всем мире». Над своим любимым детищем—астрономическими таблицами—Улугбек работал долго. Считается, что он закончил их в 1437 г., однако до последнего года своей жизни (т. е. до 1449 г.) Улугбек вносил в этот труд поправки и дополнения.

Образованные современники считали обсерваторию Улугбека лучшей обсерваторией своего времени. Астрономические таблицы Улугбека—результат огромной многолетней работы Самаркандской обсерватории. Эти таблицы, являясь лучшими среди подобных таблиц того времени, отличаются своей высокой степенью точности. Исследования по-

¹ Этот секстант был изобретен в X в. ходжентским астрономом Абу Махмудом и служил для изучения движений солнца, луны и планет.

следних лет установили большое влияние самаркандской астрономической школы Улугбека на развитие астрономии тогдашнего мусульманского Востока.

Занятия математикой и астрономией требовали, конечно, большого количества книг. Улугбеком была создана прекрасная библиотека, однако мы не располагаем данными для установления ее местонахождения и не знаем, помещалась ли она в самой обсерватории, где-нибудь вблизи обсерватории или в каком-либо другом месте.

Одним из важнейших вопросов научной жизни обсерватории был вопрос о специалистах, которые могли бы производить наблюдения, делать вычисления и т. д. Казы-задэ Руми, один из сотрудников обсерватории, которого высоко ценили современники, жил в Самарканде еще до начала постройки обсерватории; он умер до окончания Улугбеком астрономических таблиц, т. е. до 1437 г., но уже после смерти другого крупного астронома, Гияс ад-дина Джемшида, о чем в введении к своим таблицам говорит сам Улугбек.

Другим сотрудником обсерватории был упомянутый Гияс ад-дин Джемшид, который еще в 1427 г. составил астрономические таблицы для султана Искандера. Происходя из среды более демократической, чем остальные придворные ученые, он не получил утонченного воспитания и иногда поражал окружающих своей грубостью, однако за исключительные познания Гияс ад-дина Джемшида в математике и астрономии Улугбек легко прощал ему этот недостаток. Умер он в тридцатых годах XV в.

Большую роль в научной жизни Самарканда и даже в личной жизни Улугбека сыграл молодой ученый астроном Али ад-дин ибн-Мухаммед, прозванный Али Кушчи. Он был моложе Улугбека, занимал при нем ответственную в условиях феодального двора должность кушчи—сокольничего, ведавшего ханской охотой, был лично близок к правителю и свои астрономические познания получил непосредственно от него. Насколько Али Кушчи преуспел в астрономии, видно из того факта, что он получил прозвище «Птолемея своей эпохи». Али Кушчи пережил всех своих коллег-астрономов, в том числе и Улугбека.

Громадную роль в политической и культурной жизни тимуридского государства играли посольства, которыми обменивались правители Герата и Самарканда, с одной стороны, и китайский император—с другой. Смерть Тимура в феврале 1405 г. прервала, как известно, поход его на Китай. С тех пор мысль об этом была оставлена совсем. Во всяком случае тимуриды ни разу не ставили перед собой этой цели. Все это не могло не улучшить отношений между двумя великими феодальными государствами Азии. Тем не менее, в Китае с напряженным вниманием следили за ходом борьбы, разгоревшейся из-за тимурова наследства и продолжавшейся до 1409 г., когда в Самарканде на престоле правителя появился Улугбек.

Начиная с 1407 по 1421 г. почти не было года, чтобы из Китая в Мавераннахр или обратно не отправляли посольства. В Герате и Самарканде китайских послов принимали с большой торжественностью и всячески подчеркивали, что хотят жить в мире и дружбе с великим соседом. Хафиз Аbru отмечает, что с особой торжественностью было принято китайское посольство 1414 г., к приезду которого жители Герата должны были украсить свои дома шелковыми материями и коврами.

С точки зрения культурного общения между обоими народами, наибольшее значение имело тимуридское посольство в Китай, отправленное в 1420 г. и подробно описанное Хафизом Аbru, в распоряжении которого был дневник участника и одного из руководителей посольства

художника (наккаша) ходжи Гияс ад-дина. За время с 820 по 823 (1417 — 1420 г.) из Китая также пришло несколько посольств. В соответствии с феодальными порядками, в тимуридском государстве посольства эти посетили не только Герат и Самарканд, но, в виде отдельных делегаций, и дворы других тимуридов, а также их наместников. Так, например, они были в Ширазе—у Мирзы Ибрахим Султана, в Хорезме—у эмира Шах Мелика и в других местах. В ответ на эти посольства Шахрух снарядил в Китай посольский караван, в состав которого, в том же соответствии с феодальными порядками, вошли от Шахруха эмир Шади ходжа, от Мирзы Байсункара—наккаш (художник) ходжа Гияс ад-дин, от Мирзы Ибрахим Султана—эмир Хасан и Пехлеван Джемаль и т. д.

В списке этом обращает на себя внимание имя художника ходжи Гияс ад-дина. Его участие в посольстве не было случайным. Пославший его царевич и везир Байсункар поставил перед ним определенную задачу—познакомиться в Китае со всеми достижениями в области разных искусств, а также описать всю дорогу от Герата до Китая. Дневник путешествия Гияс ад-дина, в том виде, как он дошел до нас в обработке Хафиза Аbru, а потом в сокращенной передаче Абд ар-Раззак Самарканди, составлен весьма обстоятельно и интересно.

Ходжа Гияс ад-дин подробно описывает свои дорожные впечатления от Герата до Ханбалыка и, в особенности, организацию государственной почтовой службы. Но так как тимуридские послы большую часть времени проводили в дворцовой обстановке, впечатления их были ограничены. Из дневника видно, что послы присутствовали на многих приемах во дворце, слушали там музыку, видели произведения дворцовых художников, творения придворных архитекторов, смотрели различные представления. Ходжа Гияс ад-дин высоко расценивает достижения китайцев в деле обработки камня, изготовления изделий из глины, особенно кирпича, а также в изготовлении столярных изделий. В этой области китайцы, по его мнению, не имели себе равных.

Характерно также замечание Гияс ад-дина о том, что китайские императоры очень интересовались среднеазиатскими и хорасанскими конями. Невольно вспоминается интерес китайских императоров к ферганским коням еще во II в. до н. э. К сожалению, члены посольства не соприкасались с жизнью китайского народа, простых земледельцев и ремесленников.

При Шахрухе было отправлено в 845 (1441/1442) г. посольство и в Индию. Главой посольства был тимуридский историк Абд ар-Раззак Самарканди. Последний посетил двор государя Биджингара¹, который принял его весьма ласково, а затем отправил ответное посольство в Герат. Абд ар-Раззак оставил интересное описание своего путешествия в Индию через Керман, Ормуз и Персидский залив. Описание это Абд ар-Раззак включил в свое историческое сочинение «Матла' ас-садайн». Обмен такими посольствами имел огромное культурное значение, а чтение описаний подобных путешествий расширяло географические представления людей того времени и содействовало росту среди них уважения к другим народам и их культуре.

§ 3. НАЧАЛО НОВЫХ ФЕОДАЛЬНЫХ СМУТ В ТИМУРИДСКОМ ГОСУДАРСТВЕ. КОНЕЦ ЖИЗНИ И СМЕРТЬ УЛУГБЕКА

Битва при Тарнабе оказалась переломной точкой в жизни Улугбека. С момента объявления им обратного похода из Тарнаба в Самар-

¹ Виджинагара

канд, на Улугбека одна за другой посыпались неудачи. С внешней стороны положение Улугбека как будто было благоприятным, однако всюду назревали грозные события.

Прежде всего начались недоразумения между Улугбеком и его сыном Абд ал-Латифом. Последний оказался крайне честолюбивым и злопамятным и не хотел простить отцу двух вещей. Во-первых, он считал себя незаслуженно обойденным после битвы при Тарнабе, которая, по его мнению, была выиграна только благодаря его военному искусству, а во-вторых, считал, что отец «ограбил» его, отказавшись отдать ему сокровища гератской крепости Ихтиар ад-дин, которые якобы также должны были принадлежать ему.

Захватив Герат, Улугбек не намеревался оставлять его столицей государства, так как любил Самарканд и стремился вернуть этот город к тем счастливым дням, когда он был столицей Тимура, считая его более культурным и экономически более значительным центром, чем Герат. В качестве удельного князя в Герате Улугбек оставил Абд ал-Латифа, затаившего пока злобу на своего отца.

Выше уже упоминалось о том, что, начиная с 20-х годов XV в., узбеки-кочевники стали делать набеги на Хорезм, Мазандеран, с одной стороны, на Ташкент через Сыр-дарью и Самаркандскую область — с другой. Возвращаясь из Герата в Самарканд, Улугбек встретил появившихся для нового набега кочевников, имел с ними неудачное столкновение, закончившееся тем, что он потерял часть обоза, а некоторое число его воинов попало в плен. Кроме того, против него копил силы и Абу-л-Касим Бабур. Положение Улугбека осложнялось.

Абд ал-Латиф, повидимому, учитывал отцовские затруднения и выжидал только удобного момента, чтобы начать против отца настоящую кампанию. Придравшись к мнимым интригам отца против него, Абд ал-Латиф, по словам В. В. Бартольда, в 1449 г. отменил в своем уделе «тамгу», т. е. торговые сборы. Улугбек всегда придавал большое значение этим сборам, в особенности в Балхе, через который шел торговый путь в Индию. Чтобы спасти единство государства, Улугбеку не оставалось ничего другого, как отправиться в поход против мятежного и коварного сына. В Самарканде в качестве наместника он оставил своего второго сына, Абд ал-Азиза. Это также было ошибкой, ибо административными злоупотреблениями против семей эмиров, находившихся в войске Улугбека, Абд ал-Азиз вызвал в Самарканде большое недовольство.

Улугбек стоял уже военным лагерем на Аму-дарье против войск Абд ал-Латифа, когда до него дошли слухи о положении в Самарканде. Пришлось скорее сниматься и возвращаться, чтобы навести порядок в Самарканде. Абд ал-Латиф, воспользовавшись этим, перешел Аму-дарью, захватил Термез и двинулся на Самарканд, заняв по дороге город Шахрисабз. Битва его с Улугбеком произошла недалеко от Самарканда, вблизи селения Димишк. Сражение было выиграно Абд ал-Латифом. Покинутому многими, лишенному возможности попасть в Самарканд, где его же эмир запер перед ним ворота города, Улугбеку не оставалось ничего другого, как пойти к Абд ал-Латифу и целиком сдаться на его милость. Победитель инсценировал «суд» над отцом, «устранился» от участия в нем и в вынесенном им решении, — фактически же организовал убийство отца, которое и произошло 27 октября 1449 года.

О последних минутах Улугбека мы имеем подробный рассказ у Мирхонда, записанный со слов хаджи Мухаммеда Хосрау, с которым Улугбек, согласно разрешению Абд ал-Латифа, отправился в Мекку.

В сырой и холодный день, в конце октября 1449 г., Улугбек верхом выехал из Самарканда вместе с указанным хаджи, который был дан ему в спутники. Только несколько нукеров сопровождали недавно могущественного правителя. Не успели они утомить в первом перегоне своих лошадей,—пишет Мирхонд,—как их догнал какой-то чагатай и передал предписание—заехать в соседнее селение, где им надлежало получить нужное снаряжение, подходящее Улугбеку, дабы достойно отправиться в путь. Великому ученому не понравилось это предписание; он, повидимому, почуял что-то неладное, однако вынужден был подчиниться. Приехав в селение, Улугбек и его спутники расположились в одном из домов. Был холодный вечер. Нукеры по приказанию Улугбека развели огонь, пламя которого зловеще прорезывало темноту. На огонь поставили котелок и приготовились варить мясо. Настроение Улугбека, по словам хаджи, было подавленное... Вдруг открылась дверь, и в помещение вошел Аббас, негодяй, лично известный Улугбеку. Последний сразу понял, в чем дело, встал, бросился на Аббаса и ударил его кулаком в грудь. Однако соучастник Аббаса помешал Улугбеку вторично нанести удар, схватил правителя и содрал с его плеч «алтайскую шубу». Через несколько минут Улугбек был связан. Гнусное убийство совершил Аббас, одним ударом меча отрубивший голову великому ученому. Спутники Улугбека, в том числе упомянутый хаджи, настолько трусили, что не оказали никакого сопротивления, попрятались по углам и со страхом смотрели на совершаемое злодеяние».¹

Организовав спустя несколько дней убийство своего брата Абд ал-Азиза, Абд ал-Латиф завладел престолом тимуридов. Отцом он был воспитан в духе интереса к знаниям по астрономии и истории. Однако вся обстановка феодальной борьбы, сделавшая сына злодеем и отцеубийцей, привела его в лагерь мракобесов, главную роль среди которых играли представители реакционной части среднеазиатского дервишизма. Полностью соответствовал этому и политический курс, взятый Абд ал-Латифом.

Реакционный дервишизм в дни короткого правления Абд ал-Латифа получил широкое поле для своей общественно-вредной деятельности. Новое правительство нашло себе поддержку в среде этих дервишей, так же как и среди реакционной части официального мусульманского духовенства. В народе ненавидели государя-отцеубийцу; ненавидела его и знать, что раздражало болезненно властолюбивого Абд ал-Латифа, который прибегал к жестоким карам при малейшем неповиновении. В среде тюркской придворной знати против Абд ал-Латифа зрел заговор, который привел к перевороту 8 мая 1450 г. Абд ал-Латиф был убит недалеко от сада Баг-и-нау, у городского рва на окраине Самарканда. Рассказ Мирхонда об обстановке убийства Абд ал-Латифа прямо указывает на то, что убийцы действовали открыто, не боясь ответственности. Более того, не скрываясь, они принесли отрубленную голову Абд ал-Латифа в Самарканд и выставили ее на показ народу на portalной арке медресе Улугбека на Ригистане.

¹ Вскрытие погребения Улугбека, произведенное в 1941 г. вышеупомянутой правительственной комиссией, подтвердило данные письменных источников: череп Улугбека действительно отделен от туловища, и шейные позвонки несут следы тесного среза острым оружием. Прим. ред.

По инициативе лиц, произведших дворцовый переворот, власть была передана тимуриду Абдулле, сыну Ибрахима Султана. Абдулла с первых же дней своего царствования делал все от него зависящее, чтобы вернуть политическую и культурную жизнь Самарканда и Мавераннахра к дням правления Улугбека. Между прочим, Абдулла роздал большие денежные суммы войску в награду за оказанную при перевороте помощь. Тюркская знать энергично поддерживала Абдулла, не без основания считая его своим правителем.

Абдулла, однако, не долго продержался на тимуридском престоле в Самарканде. Реакционные силы, убившие Улугбека, не дремали и делали все, чтобы свалить Абдулла и взять власть в Мавераннахре в свои руки. Бухара вновь выдвинула своего претендента на место, которое занимал убитый Улугбек. На этот раз это был тимурид Абу-Саид, энергичный и неглупый, страстно искавший власти и рассчитывавший достигнуть ее с помощью реакционного мусульманского духовенства и кочевников-узбеков, охотно ходивших в грабительские походы против земледельческого населения, в особенности, против больших городов. Абу-Саид обратился за помощью к узбекскому хану Абу-л-Хайру, который пошел на соглашение с ним, так как рассчитывал на большую добычу в случае победы над войсками Абдуллы. Сначала Абу-л-Хайру удалось захватить город Ясы (Туркестан), пограничную крепость против кочевников в бассейне р. Сыр-дарья. Главная битва произошла летом 1451 г. неподалеку от Самарканда, около упомянутого выше селения Шираз. Победителями из этого сражения вышли кочевники-узбеки Абу-л-Хайра. Войско Абдуллы было рассеяно, а сам Абдулла убит. Так, при содействии реакционного мусульманского духовенства и при вооруженной поддержке кочевников-узбеков Абу-л-Хайра к власти над Самаркандом и Мавераннахом пришел Абу-Саид. Ему удалось преодолеть сепаратистские попытки мелких владетелей и феодально объединить страну. Хорасаном Абу-Саиду тогда овладеть не удалось, так как гератский престол был захвачен внуком Шахруха Абу-л-Касимом Бабуrom (сыном Байсункара), одним из претендентов на наследство Шахруха и участником борьбы за него. В 1452 г. Абу-л-Касим Бабуr вступил в Герат и до самой смерти, т. е. до 1457 г., владел Хорасаном. Отношения между двумя государями были враждебными, однако ни Абу-Саиду, ни Абу-л-Касиму не удалось изменить сложившихся границ их государств.

В середине XV в. феодальная раздробленность в Хорасане достигла своего наивысшего развития. Абд ар-Раззак Самарканди замечательно описывает картину этого феодального распада. «Самое удивительное, — пишет он, — что каждая из крепостей, которая находилась в этой стране, была во владении какого-нибудь главара: Маулана Ахмед Ясавул захватил крепость Ихтиар ад-дин, ни на кого не обращая внимания; крепость Нерету досталась в руки Парка-Монгола; крепость Серахса охранял эмир Абдуллах Пирзад; крепостью Са'лук обладал Худайдад и крепостью Тебес владел эмир Увейс (сын эмира Ховенд-шаха), и никто из них никому не подчинялся—подобные обстоятельства редко случаются». Энергичными действиями Абу-л-Касиму Бабуру если и не удалось полностью овладеть Хорасаном, то, во всяком случае, он ликвидировал независимость мелких феодалов. В его планы входил и захват Самарканда. Однако поход его в 1454 г. на Самарканд кончился неудачно. После смерти Абу-л-Касима Бабура в Мешхеде в 1457 г. положение резко изменилось. Ни в Хорасане, ни в Герате не нашлось человека, который смог бы захватить в свои руки власть,—

слишком уж много было претендентов, но ни один из них не имел большой военной силы; среди них Абу-Саид оказался наиболее могущественным и захватил гератский престол.

Таким образом, с 1457 г. тимуридское государство номинально может считаться вновь объединенным, однако объединение это не было крепким, феодализирующие силы продолжали действовать, и Абу-Саид не мог приостановить их ни жестокими мероприятиями в отношении отдельных лиц, ни военными походами против своих соперников.

§ 4. СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ МАВЕРАННАХРА И ХОРАСАНА ПРИ ТИМУРИДАХ В XV в.

До начала тимуридского времени, т. е. до XV в., общественные отношения в Хорасане и Мавераннахре никогда еще не отливались в четкие, можно сказать, классические феодальные формы. Даже в период наибольшего феодального объединения, имевшего место в некоторые годы царствования Шахруха (1409—1447), Улугбека (1409—1449), Абу-Саида (1451—1463) и Султан-Хусейна (1469—1506), тимуридское государство — или тимуридские государства — распадалось на отдельные уделы, которыми, в качестве правителей и вместе с тем владетелей, управляли отдельные члены дома тимуридов. В качестве примера такого удельного владения приведем Фергану при Омар-шейхе, отце Захир ад-дина Бабура, получившего ее в удел от своего отца Абу-Саида, при котором так же, как и при других тимуридах, продолжалась раздача уделов царевичам. Из таких типичных для XV в. феодальных удельных владений и слагалось феодальное государство. Одни владения по своим размерам были больше, другие меньше; в одних преобладало таджикское население, в других — тюркское; но по своему внутреннему построению все они были однотипными.

При тимуридах получил распространение новый тип феодального земельного пожалования, носящий в источниках название суюргала. Пожалования этого типа широко практиковал, как выше указывалось, уже и сам Тимур, раздававший суюргалы еще в 80-х гг. XIV в., о чем свидетельствует Низам ад-дин Шами в своем труде *Зафар-наме*.

Под суюргалом понимали тогда «лен». Представители центральной власти в лице таких государей, как Шахрух, Улугбек, Абу-Саид, Султан-Хусейн, или областной власти — в лице царевичей, стоявших во главе уделов, — раздавали в наследственное владение отдельные земли с сидевшим на них населением, вплоть до целых административных округов. Лицо, получившее в суюргал какую-нибудь область, имело право взимать в свою пользу налоги, подати и повинности, до этого поступавшие в казну центральной власти, или, в случае, если суюргал дан был удельным владетелем, — в пользу последнего. Приведем несколько примеров. Шахрух, как сообщает Абд ар-Раззак Самарканди, передал Хорезм в качестве суюргала Шах-Мелику в награду за то, что тот возвратил Хорезм в 1413 г. в состав государства тимуридов¹. Фергану он передал в суюргал Ахмеду, у которого, как мы видели выше, Улугбек отобрал эту область. Огромную область Хорасан, включающую Тус, Мешхед, Абиверд, Несу и другие районы, Шахрух передал своему сыну Байсункару. Области Кабул, Газна и Кандахар Шахрух передал в суюргал Мирзе Кайду Бохадуру, сыну Пир-Мухаммеда.

¹ Хорезм был захвачен золотоординским временщиком эмиром Эдигеем и вновь временно присоединен к Золотой орде. Наиболее подробный рассказ об этом событии имеется у Абд ар-Раззака Самарканди.

Впоследствии Шахрух отнял у него эти области и передал своему сыну Суюргатмышу. Лицо, получившее в суюргал область, имело право назначать в нее чиновников без согласования с центральной властью.

При пожаловании суюргала выдавались ярлыки, скрепленные печатями и подписями лиц, от имени которых они были выданы. В XV в. в тимуридском государстве ханы, эмиры, султаны широко раздавали суюргалы. В порядке суюргала Шахрух, Улугбек, Абу-Саид, Абу-л-Касим Бабур, Султан-Хусейн и другие тимуридские государи передавали отдельным членам династии во владение и управление целые административные округа. Владетели суюргалов были настоящими феодалами, связанными с центральной властью, в сущности говоря, только узамн вассалитета.

От суюргалов надо отличать тарханы, которые также широко были распространены при тимуридах. Под тарханом мы понимаем освобождение (обеление) земли, имущества или предприятия, находящегося в руках того или иного лица, от уплаты налогов, податей и повинностей, следуемых за них в государственную казну. Тарханная грамота не предполагает, собственно говоря, пожалования какого-нибудь имущества и в том числе земли; она выдается лицу, уже владеющему ими, а потому «тархан» и нельзя смешивать с суюргалом.

Тарханная грамота могла быть пожалована ханом, султаном или эмиром любому землевладельцу, даже мелкому, хотя фактически она выдавалась только «сильным мира сего». После выдачи тарханной грамоты крестьяне попрежнему продолжали нести все повинности и платить все налоги, но только вносили их уже не в казну государства, а в частную казну данного феодала, получившего тарханство. Кроме указанных привилегий, владелец тарханной грамоты, т. е. лицо, ставшее тарханом, получало давно уже установившееся право быть освобожденным от ответственности за совершенные им девять проступков. Только начиная с десятой вины тархан привлекался к ответственности.

Тимуриды широко раздавали тарханские грамоты. Получали их эмиры, беки, простые военачальники, гражданские чиновники, сейиды, представители высшего духовенства, различные придворные чины и другие лица из среды господствующего класса. До наших дней сохранилась тарханная грамота XV в., выданная ферганским правителем Омар-Шейхом маргинанскому вельможе Мир-Сайиду Ахмеду, которая может служить образцом такого рода грамот. Она была выдана 28 числа месяца шавваля (11/V 1469 г.). Омар-Шейх предписывает в ней должностным лицам не взимать, как и прежде, с принадлежащего Мир-Сайиду сада и двух кошлугов¹ земли никаких налогов, причем указывает и цель пожалования грамоты—она выдается для того, «чтобы получатель ее сам воспользовался своими доходами». Таким образом, грамота на имя Мир-Сайида не носит характера пожалования новых доходов, а лишь подтверждает привилегии, данные прежде.

В источниках XV в. мы часто встречаемся с понятием «тарханства», упоминаниями о «тарханских грамотах», «тарханах» или лицах, носящих титул «тархан». Упоминает о них и автор «Бабур-намэ» Захир ад-дин Бабур. Вот несколько примеров.

В числе лиц, близко стоявших к Султан-Хусейну, был вельможа —

¹ Кошлуг равен джуфтигау, т. е. количеству земли, обрабатываемому в сезон парой быков.

Дервиш Мухаммед тархан дядя, с материнской стороны Султан-Ахмеда (1469—1494 гг.). Дервиш Мухаммед тархан был покровителем Алишера Навои в годы его учения в Самарканде (1466—1469 гг.) Это был исключительно богатый и влиятельный человек. Самый титул его говорит о том, что, по крайней мере, одна часть его земельных владений была освобождена от налогов и повинностей, которые сидевшее на его землях крестьянство вносило после получения им титула не в казну, а в его пользу. Титул «тархана» носил и его ближайший родственник Абд ал-Али тархан. Ко времени Султан-Ахмеда он правил Бухарой и ее областью. В его руках были сосредоточены огромные земли в окрестностях Самарканда и Бухары. Захир ад-дин Бабур описывает великолепие его двора, блестящие празднества, которые он давал, богатые подарки, которые он делал,—а вместе с тем рассказывает и о творимых им насилиях, о его пороках и других отрицательных чертах. Его двор напоминал двор настоящего феодального правителя и состоял, включая сюда прежде всего военных слуг (нукеров), из 3 тысяч человек (цифра, для того времени достаточно внушительная).

К концу правления тимуридов в руках тарханов была сосредоточена значительная часть государственных доходов, собираемых с крестьян и горожан целых вилайетов, как например Бухары, Самарканда, Шах-рисябза и др. Тарханы пользовались в Мавераннахре исключительными политическими правами. Во время междоусобных войн поддержка со стороны тархана иногда играла решающую роль в определении судьбы того или другого удельного правителя.

В XV в. при тимуридах особо крупных размеров достигали земельные владения светских и духовных феодалов. При Абу-Саиде в руках упомянутого выше ходжи Ахрара стала сосредоточиваться крупная земельная собственность, достигшая огромных размеров при Султан-Ахмеде (1469—1494 гг.). Ходжа Ахрар достиг в 60—80-х гг. XV в. исключительного влияния не только среди духовенства и представителей власти, но и в некоторых слоях народных масс, главным образом среди сельского населения. Под маской народолюбия, ходатайствуя перед властью о мелких нуждах бедноты, раздавая из своей собственной богатой казны некоторые средства на разные благотворительные дела, ходжа Ахрар постепенно стянул в свои руки огромные земельные владения. Одна часть этих земель была ему подарена его почитателями, другие земли он скупал сам, третьи отбирал за долги,—в общем, тем или иным путем, он сделался одним из самых богатых людей в тимуридском государстве.

Ас-Сафи, автор книги Рашахат-и-айн-и-л-хайят, рассказывает со слов великого таджикского поэта Абдуррахмана Джами, современника Навои, что у ходжи Ахрара было до 1300 земельных владений, причем некоторые из них равнялись 3000 джуфтигау. Если принять во внимание, что джуфтигау есть то количество земли, которое земледelec может обработать в сезон парой быков, то получится достаточно внушительная цифра. Со своих обширных имений ходжа Ахрар выплачивал в казну Султан-Ахмеда одного только ушра (налог в размере одной десятой части урожая) 80 тысяч манов зерна по большой самаркандской мере¹.

Ходжа Ахрар пользовался в Мавераннахре исключительным политическим авторитетом. Даже сами правители Мавераннахра всеми путями добивались благорасположения к ним со стороны ходжи Ахрара,

¹ Ман этот был равен восьми пудам.

и последний часто вмешивался в ссоры между удельными правителями, в чем весьма преуспевал благодаря большому числу своих приверженцев, которые, в полном смысле этого слова, были его агентами.

В специальной, мало использованной еще книге о ходже Ахраре «Манакиби ходжа Ахрар» приведены интересные данные о хозяйстве ходжи, об отношении его к народу и т. д.

По данным этого источника, для управления владениями ходжи Ахрара был установлен следующий порядок: все земли делились на определенные участки и в каждый из них назначалось по одному доверенному лицу—управителю. Управители эти, занимавшиеся сбором налогов и податей с крестьян, сидевших на этих землях, обычно отличались большой жестокостью и обирали их всеми способами. По словам автора «Манакиба», современника ходжи Ахрара, «...управление землями, принадлежащими ходже Ахрару в Джизакском тумене, было поручено одному человеку, правдивому и честному, но лишенному способности наводить желательные ходже Ахрару порядки с помощью насилия. Ходжа Ахрар сместил этого человека и назначил на его место другого, по имени Худайдад Калмык. Когда—продолжает указанный автор—я спросил, почему правдивого и честного человека удалили, а на его место назначили вора?—то ходжа Ахрар ответил: «Лучше вор, приносящий большой доход, нежели правдивый и честный человек, не дающий этого, ибо вор получает и для себя и для меня».

По словам автора «Манакиба», у ходжи Ахрара собрались однажды с отчетом все управители его земельных владений, находившихся во всех концах страны. При этом выяснилось, что все почти собирали по 30—40 тысяч манов и меньше 10.000 манов дохода никто не собрал.

Ходжа Ахрар прибрал к своим рукам также почти всю внутреннюю и внешнюю торговлю. Подчиненные ему купцы, работавшие на него, поддерживали торговые сношения с Восточным Туркестаном, Хорасаном и странами Ближнего Востока.

Караваны ходжи Ахрара вывозили из Мавераннахра в Хорасан и в западные страны хлопок, кунжут, рис, бумагу (по сообщению упомянутого источника, ходжа Ахрар имел собственные мастерские, в которых изготовлялась бумага). Всего сказанного достаточно, чтобы представить себе, как велико было богатство ходжи Ахрара. Таким образом, значительная часть доходов Мавераннахра принадлежала лично ходже Ахрару; не приходится удивляться поэтому, что к его финансовой поддержке обращались иногда правители Мавераннахра, даже правители такого крупного масштаба, каким был Абу-Саид.

Крупнейшим земельным собственником был также великий поэт и мыслитель узбекского народа—Алишер Навои. Его поместья были разбросаны по всему государству Султан-Хусейна: принадлежавшие ему деревни находились в Астрабадском районе, в Герате, в Себзеваре и в других местах. В разных районах у него были амбары с зерном. Об этом в источниках имеется немало сведений, в особенности в «Макарим-ал-Ахлак» (Книга благородных качеств)—хвалебной биографии-некрологе Алишера Навои, составленной молодым тогда историком Хондемиром¹.

Захир ад-дин Бабур в своих «Записках» подчеркивает, что Алишер Навои был так богат, что не только не принимал больших подарков от Султан-Хусейна, но сам делал их ему. Хондемир также подробно рас-

¹ Книга эта переведена на русский язык М. А. Салье. К сожалению, только одна ее часть напечатана в сборнике «Родоначальник узбекской литературы».

сказывает, какие подарки Алишер Навои делал Султан-Хусейну и его родне. Так, например, однажды, когда Султан-Хусейн, возвращаясь из Балха, направлялся в Кандахар, Алишер Навои преподнес ему 25 туманов. Если принять во внимание, что туман исчислялся в десять тысяч серебряных динаров, а самый динар стоил в XV в. несколько более 50 коп.¹, то сумма в 25 туманов примерно равнялась 125 тысячам рублей. Кроме того, он подарил Султан-Хусейну еще 1000 манов шелковых тканей, 1000 харваров (ослиных нош) зерна; 100 тысяч динаров Алишер подарил сверх этого ближайшим родственникам государя. У нас нет никаких оснований не доверять приведенным выше фактам. Книга Хондемира была составлена еще при жизни Султан-Хусейна, последний хорошо знал ее, сам содействовал ее написанию; едва ли Хондемир отважился бы сообщать вымышленные сведения о подарках Алишера Навои Султан-Хусейну. Подарки такого рода Алишер Навои приурочивал главным образом к походам или к дорого стоившим переездам султана. Как мы увидим ниже, Алишер Навои тратил также огромные средства на покровительство работникам науки и искусства, на строительство (в том числе и общепользованных зданий), которое он вел в широком масштабе.

Богатство феодалов, казна царевичей, владевших целыми областями, казна самого султана, стоявшего во главе большого государства, созданного на основе феодального объединения отдельных владений,— все это создавалось путем эксплуатации крестьян, лишенных в большинстве своем права перехода на другие земли, и ремесленников. Сопоставляя скудные сведения повествовательных источников (исторические сочинения XV в.) со свидетельствами, заключающимися в документальных памятниках, можно составить себе представление об основных налогах и податях, выплачиваемых крестьянами в тимуридское время, а также о повинностях, которые они в то время несли². Крестьян, живших в Хорасане и Мавераннахре под властью тимуридов в XV в., можно разделить на следующие категории:

- 1) живущих на государственной земле;
- 2) сидящих на частновладельческих землях;
- 3) живущих на своей земле;
- 4) сидящих на закуфных землях.

Никто из феодалов, обладавших большими участками земли, не вел на них крупного хозяйства: они дробили землю на мелкие участки и раздавали их земледельцам на основе издольной аренды. В зависимости от того, что землевладелец давал издольщику, кроме самой земли (соха, семена, бык и др.), определялась и доля урожая земледельца-издольщика. Нечего и говорить, какое широкое поле для эксплуатации представляли собой эти издольные аренды.

Независимо от того, на какой земле сидел крестьянин, он платил налоги и нес повинности. Не всегда они поступали в казну, ибо, как уже говорилось выше, крупный феодал, получивший суюргал, мог

¹ При хулагидах в Иране в первой половине XIV в., как выяснил В. В. Бартольд в своей работе «Персидская надпись на анийской мечети Мануче», серебряный динар стоил в золотом исчислении 75 коп.

² Более всего материалов в этом отношении дает указ Султан-Хусейна на имя великого таджикского поэта Абдурахмана Джами, опубликованный с переводом и комментарием А. А. Молчанова в статье «К характеристике налоговой системы в Герате эпохи Алишера Навои», помещенной в сборнике «Родоначалник узбекской литературы».

частично или даже целиком присваивать их себе. В нашу задачу не входит перечисление всех налогов и повинностей, которые приходились на долю крестьян тимуридской эпохи,—это дело специальных работ; вот почему мы остановились только на главных из них.

Основным налогом, как и в предшествующее время, был харадж, иногда называвшийся термином мал. Это был поземельный налог, взимаемый в форме смешанной ренты (в натуре и деньгах) и повинному доходивший иногда до половины всего производимого налогоплательщиком продукта.

Наряду с поземельным налогом (харадж или мал) взималась еще подушная подать (сар-шумар), сведения о размерах которой до нас не дошли. Наконец, большую роль играли чрезвычайные налоги (аваризат). Тяжелы были и разные мелкие сборы в пользу отдельных правительственных чиновников, именовавшиеся по названиям должностей тех чиновников, в пользу которых они поступали. Так например в пользу мираба¹ взималась «мирабанэ», в пользу даруги²—«даруганэ» и т. п. В общей сложности источники перечисляют 10—11 видов налогов и поборов такого рода.

Наряду с хараджем (мал) весьма тяжелой повинностью являлась барщина, так называемый бегар. Султаны, эмиры, хакимы или просто светские и духовные феодалы в принудительном порядке посылали земледельческое население на работы по постройке городских стен и связанных с ними укреплений, крепостей, дворцов, мечетей, медресе, ханака и других зданий, имевших государственное значение, а также на проведение или починку арыков, дорог, сооружение мостов и т. д. Тяжесть бегара усугублялась тем, что население должно было приносить с собой весь нужный инструмент и пропитание для себя. Хорошо еще, когда производимые в принудительном порядке работы шли на пользу и тем, кто их выполнял, как например проведение новых каналов (арыков); если же приходилось тратить безвозмездно свой труд на сооружение ненужных населению ханских садов или дворцов, тогда оно особенно горько чувствовало свое подневольное положение.

В источниках часто встречаются указания, что многие крупные постройки или перестройки были произведены тем или иным правителем в порядке бегара. Так, при Фахр ад-дине Курте (1285—1317 гг.), по словам Хафиза Аbru (историка Шахруха), в порядке бегара была построена, точнее, в значительной мере перестроена, известная цитадель Ихтиар ад-дин в Герате.

Право на бегар имели не только феодальные государи, но и крупные земельные собственники. Так, ходжа Ахрар с имения в 3000 джуфтигау требовал посылки 3 тысяч человек на выполнение подсобных работ.

Кроме бегара, на земледельческом населении лежали еще и другие повинности. Здесь, прежде всего, необходимо отметить «улаг»—повинность, выражавшуюся в том, что крестьяне должны были представлять свои перевозочные средства и людей для транспортирования правительственного груза, а также лиц, ехавших «по казенной надобности».

В налоговой системе тимуридского времени в основном продолжалась практика, установленная монголами. Ничего принципиально нового, помимо некоторых мелких деталей, мы в ней не находим.

¹ Мираб—чиновник, ведающий арыками и распределением воды.

² Даруга—в то время чиновник, ведавший учетом и сбором доли урожая, подлежащей уплате в казну.

При тимуридах прибегали иногда к весьма тяжелой для крестьян практике взимания хараджа до уборки урожая. Повидимому, практика эта, если не введена была, то широко применялась монголами. Во всяком случае для Ирана конца XIII и самого начала XIV в. в этом смысле имеется точное свидетельство такого авторитетного лица, как историк Рашид ад-дин.

Частые войны, которые велись тимуридами, особенно во время смут, начавшихся после смерти Шахруха (1447 г.) и убийства Улугбека (1449 г.), истощали казну отдельных владетелей, в результате чего они вновь прибегали к уже испытанной прежде, но очень пагубной для населения практике взимания хараджа до сбора урожая.

Выше уже говорилось, что феодальное государство тимуридов — было ли то государство Султан-Хусейна (1469—1506 гг.) с центром в Герате, или Султан-Ахмеда (1469—1494 гг.) с центром в Самарканде, представляло, с точки зрения своей политической структуры, объединение под властью феодального монарха некоторого количества вассальных удельных владений, находившихся в руках «царевичей» — членов тимуридского дома. Поэтому понять государственный строй тимуридской феодальной монархии нельзя без представления о политическом устройстве «уделов», из совокупности которых и состояло такое государство.

Каждый из удельных владетелей имел свой двор, стремившийся во всем подражать дворам Герата и Самарканда. Царевичи, сидевшие в Батхе, Мерве, Астрабаде, Андижане и других городах, являвшихся столицами удельных владений, устраивали свои дворы, как настоящие государи.

Захир ад-дин Бабур (сын Омар-Шейха, внук Абу-Саида) провел юные годы при дворе своего отца, владевшего Ферганой. Фергану Омар-Шейх получил от своего отца, Абу-Саида, а от своего старшего брата, Султан-Ахмеда — Ташкент и Сайрам (ныне селение в 12 км от Чимкента). Кроме того, одно время он владел и Шахрухией. Однако в скором времени он лишился Ташкента, Сайрама и Шахрухии, и у него осталась только Фергана и соседняя с ней область Усрушана.

Захир ад-дин с большой любовью описывает Фергану и ее столицу Андижан, а также мастерски рисует портрет своего отца. В те годы (времена Абу-Саида и Султан-Ахмеда) Фергана представляла собой цветущую область, населенную тюркским и таджикским населением. Доходов области хватало только на то, чтобы содержать двор и постоянное войско всего в каких-нибудь 3—4 тысячи человек. Не раз Омар-Шейх, будучи всего лишь удельным царевичем, ходил войной против Самарканда, т. е. подымал руку на Султан-Ахмеда, своего старшего брата, бывшего государем всего Мавераннахра.

Хотя Омар-Шейх был литературно образованным человеком и, кроме своего родного, хорошо знал таджикский и персидский языки, читал Шах-намэ, Хамсу и Месневи Низами, он находился под влиянием реакционной проповеди Убайдуллы ходжи Ахрара. Омар-Шейх имел большой двор, составлявший центр политической жизни Андижана. На содержание двора Омар-Шейх не жалел средств. Одних эмиров у него было 13 человек. Это были люди из числа высшей тюркской знати, из поколения в поколение служившей тому или иному представителю тимуридов.

Из рассказа Бабура о жизни двора Омар-Шейха можно составить представление о целой группе придворных должностей и их роли в политической жизни феодального удельного владетеля. Во главе двора-

ца стояло определенное должностное лицо, аналогичное тому, которое при феодальных французских дворах носило титул *maitre du palais* (глава дворцового ведомства). Он начальствовал над другими придворными чинами, управлял всей дворцовой жизнью. В Андижане эту должность занимал сначала назначенный еще при жизни Абу-Сайда Худай Берды Тимур-Таш. Ему приходилось выступать не только в качестве администратора, но и военачальника. Так, например, ему пришлось воевать против владетеля Оша; он пал в бою, хотя и выиграл сражение. После его смерти должность главы дворцового управления перешла в руки Хафиза Мухаммеда бек-Дулдай, который, однако, не смог ужиться с другими беками и ушел в Самарканд на службу к Султан-Ахмеду. Впоследствии он вернулся в Андижан, где долгое время опять выполнял обязанность главы дворцового управления.

Большую роль при дворе Омар-Шейха играл воспитатель его детей — атабек. Захир ад-дин Бабур вспоминает своих воспитателей Шейх Мезид-бека, а также назначенного после его смерти Баба Кули-бека.

Во главе военной стражи и войска также стояло специальное лицо. При Омар-Шейхе эту должность одно время занимал Касим бек-Каучин, о способностях и внутренних качествах которого Бабур отзывается с большим уважением.

Как и при других дворах, при андижанском дворе во главе охоты владетеля поставлено было лицо, носившее титул кушчи; при Омар-Шейхе им был одно время Али Дост Тагай. О нем Бабур отзывается плохо, считая его человеком дурных качеств.

Важную роль в дворцовой жизни играл конюшій (мирахур) — лицо, заведывавшее конюшнями. Захир ад-дин Бабур вспоминает в той должности Камбар-али, которого окружающие его, в том числе и сам Бабур, считали «выскочкой», ибо в ряды служилой знати он вышел из среды мелких слуг, исполняя до того обязанности живодера.

Кроме перечисленных, были и другие придворные чины, однако они имели уже второстепенное значение. Структура двора Омар-Шейха повторяла организацию центрального самаркандского двора и была такой же, как и у других тимуридских «царевичей».

В заключение необходимо подчеркнуть одну важную деталь. Служба владетелю не была обязательной для лица из земельной аристократии, живущего на территории его владения. Местный феодал мог служить, а мог и не служить владетелю Ферганы Омар-Шейху; но так как служба эта, конечно, давала некоторые выгоды, то представители местной знати обычно служили своим владетелям. Однако, когда происходили какого-нибудь рода конфликты, недовольные могли «отъезжать» от владетеля и переходить на службу к другому лицу.

Мы уже знаем, что, когда начальник двора Омар-Шейха, Хафиз Мухаммед бек-Дулдай, поссорился с андижанскими беками, он оставил Омар-Шейха и ушел на службу к Султан-Ахмеду в Самарканд. А вот и другой пример. Начальник дворцовой гвардии Омар-Шейха, Касим бек-Каучин, поступивший потом на службу к Захир ад-дину Бабуру, оставил последнего и перешел служить к врагу Бабура — Хосроу-шаху. После же того, как тот был захвачен Бабуrom, Касим бек-Каучин вновь вернулся к своему первому господину, который попрежнему сохранял с ним хорошие отношения.

Как и вообще при феодальном строе, слуги из среды господствовавшего класса отличались большим своеволием, отсутствием верности своему слову и часто предавали своих господ, оставляя их в тяжелые минуты в полном одиночестве. Али Мезид Каучин, один из эмиров, находившихся на службе у Омар-Шейха, дважды поднимал мятеж против своего государя, один раз в Ахси, другой — в Ташкенте.

Вот в самых общих чертах картина общественного устройства тимуридского государства. Все в нем основано было на феодальных отношениях, все держалось на феодальной эксплуатации крестьянства, с одной стороны, и феодальных привилегиях господствующих кругов — с другой. Народные массы были постоянно недовольны своим положением, часто проявляли свое недовольство, иногда выливавшееся в серьезные восстания. К сожалению, источники весьма скупо освещают эту борьбу.

§ 5. ПРАВЛЕНИЕ АБУ-САИДА И УСИЛЕНИЕ РЕАКЦИИ В МАВЕРАННАХРЕ

Смерть Абу-л-Касима Бабура в 1457 г., как мы видели выше, укрепила положение Абу-Саида, поставив его во главе большей части земель, входивших в первой половине XV в. в тимуридское государство. Однако власть его в Хорасане не была прочной, так как он не в силах был преодолеть феодальную раздробленность и прежде всего сепаратистские стремления отдельных феодалов.

Больше всего хлопот доставил Абу-Саиду молодой тимурид, царевич Султан-Хусейн, правнук Омар-Шейха, сына Тимура, на долю которого выпало впоследствии на долгие годы стать государем Герата и восточной половины Ирана. Султан-Хусейн входил в состав военной знати, группировавшейся вокруг Абу-л-Касима Бабура. Молодой царевич был лично близок к последнему, служил ему верой и правдой и многое перенял из его военного опыта. После смерти Абу-л-Касима Бабура Султан-Хусейн был некоторое время на службе у мирзы Санджара в Мерве и даже вступил с ним в родственные отношения, женившись на его дочери. От этого брака родился его старший сын Бади аз-Заман.

Дружеские отношения с тестем скоро сменились враждой, когда Султан-Хусейн, после отъезда Санджара, завладел Мервом. Города этого он, однако, не смог удержать и ушел казаковать на запад Ирана, в сторону Астрабада. Так начались годы феодальных авантур Султан-Хусейна. Размах его набегов оказался настолько значительным, что Абу-Саид счел необходимым лично взяться за укрощение строптивого царевича. Абу-Саид употребил все средства — от увещаний до военного похода против него, — чтобы прибрать его к рукам. В 1459 г. в качестве посла для переговоров с Султан-Хусейном в Гюрген ездил известный тимуридский историк Абд ар-Раззак Самарканди. Враги помирились тогда на том, что Султан-Хусейн, в качестве правителя Астрабада, будет чеканить монету с именем Абу-Саида. Однако Султан-Хусейн не стал покорным вассалом Абу-Саида и произвел несколько грабительских набегов из Астрабада на Хорасан, дойдя вплоть до Себзеваара и Нишапура.

Борьба между Абу-Саидом и Султан-Хусейном выходила иногда далеко за пределы Хорасана. Так, в 1460 и 1461 гг. борьба перешла на территорию Хорезма, причем, по словам тимуридских историков, Султан-Хусейн оба раза переправлялся на лодках через Сарыкамышское русло

Аму-дарья¹. Одно время дела Султан-Хусейна пошли было совсем плохо. В 1461 г., когда ему пришлось второй раз уйти в Хорезм, Абу-Саид захватил Астрабад и передал его своему сыну, Султан-Махмуду. В 1464 г. военное счастье вновь улыбнулось Султан-Хусейну, и его действия в районах Абиверда, Несы, Мешхеда и других городов увенчались успехом.

Видя, что ему одному трудно бороться с таким сильным государем как Абу-Саид, Султан-Хусейн обратился за помощью к узбекскому хану Абу-л-Хайру, который в свое время помог Абу-Саиду вступить на тимуридский престол в Самарканде. Свидание произошло в 1468 г. в ставке Абу-л-Хайра, который тогда уже был разбит параличем и потому не мог лично участвовать в походах.

Абу-Саид в том же 1468 г. отправился на завоевание западного Ирана и из этого похода не вернулся. Смерть Абу-Саида решила борьбу между государем и непокорным Султан-Хусейном в пользу последнего. Сыновья Абу-Саида отказались от борьбы с Султан-Хусейном и ушли в Мавераннахр, и 24 марта 1469 г. Султан-Хусейн торжественно въехал в Герат в качестве его правителя.

Вернемся, однако, к внутренним делам Мавераннахра при Абу-Саиде. Последний в начале своего правления прочно связал себя с реакционными кругами, прежде всего с дервишизмом, во главе которого стоял Убайдулла ходжа Ахрар. Малокультурный человек, страстно ненавидевший не только светскую науку, но и всякую книжность, даже богословскую, ходжа Ахрар был вместе с тем духовно сильной личностью, умел подавить волю своего собеседника и руководить им.

Абу-Саид вынужден был считаться с ходжей Ахраром, так как последний обладал огромным авторитетом в кругах реакционного духовенства и был одним из богатейших людей Мавераннахра.

Гонение со стороны ходжи Ахрара на представителей светских наук дошло до крайнего предела, и равнодушное отношение Абу-Саида к судьбе обсерватории Улугбека в значительной мере надлежит приписать влиянию ходжи Ахрара. По словам автора Рашахат-и-айн-и-л-хайят, однажды, когда Али Кушчи, знаменитый астроном и ученик Улугбека, в сопровождении девяти своих учеников явился к ходже Ахрару, последний, издали заметив его, сказал присутствующим: «Вот идет ко мне собака с девятью щенками».

Али Кушчи, под влиянием явно недоброжелательного к нему отношения ходжи Ахрара, покинул Самарканд и уехал сначала в Азербайджан, а затем в Стамбул. Из Самарканда он увез с собой немало рукописных материалов в подлинниках и копиях, в том числе и «Предисловие» к астрономическим таблицам Улугбека. Обсерватория уже в первые годы царствования Абу-Саида совершенно прекратила свою работу, помещение ее было заброшено, а астрономические инструменты постепенно разворованы.

В противоположность Герату, Самарканд и при Улугбеке не был крупным центром литературной жизни. После же смерти Улугбека из Самарканда ушло даже то, что там еще оставалось ценного в этом отношении.

Было бы неправильным переносить представление о духовном упадке при Абу-Саиде на все стороны культурной жизни города. В иску-

¹ Мирхонд рассказывает, что Султан-Хусейн с отрядом в 500 человек переправился через Аму-дарью в районе Адака на лодках.

стве, особенно в архитектуре, если судить по дошедшим до нас фактам, жизнь продолжала идти вперед. Вспомним замечательное здание «Ишрат-хана» — мавзоль над могилой дочери Абу-Саида, возведенное в Самарканде во второй половине XV в. В конструкции и в декоративной обработке этого здания имеются такие черты, которые свидетельствуют о новом направлении в архитектуре и орнаментальном искусстве.

Не решился Абу-Саид активно проявить свое неприязненное отношение и к представителям книжного богословия, которые, в лице семьи шейх ал-ислама из дома автора «Хидаи», пользовались большим почетом при дворе Улугбека.

Бурхан ад-дин, сын Исам ад-дина, того самого, который поддерживал все культурные начинания Улугбека, не хотел в качестве шейх ал-ислама оставаться в Самарканде при Абу-Саиде и уехал в Герат, где с большим почетом был принят Абу-л-Касимом Бабуром. Однако в 1455 г. мы вновь видим его в Самарканде, куда его просил вернуться Абу-Саид.

Характерно, что, когда шейх ал-ислам Бурхан ад-дин по вызову Абу-Саида стал собираться в Самарканд, один из гератских поэтов — Ариф, по словам Абд ар-Раззака Самарканди, передал ему напутственное стихотворение, которое он советовал взять с собой, и в котором имелись следующие строчки — «такого рода сладости трудно найти в Самарканде и Бухаре», подразумевая под сладостями стихи.

§ 6. ХОРАСАН ПРИ СУЛТАН-ХУСЕЙНЕ (1469—1506 гг.).

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ В ГЕРАТЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.

Герат в XV в. был одним из наиболее населенных и укрепленных городов Передней и Средней Азии. Площадь его была от 3 до 4 кв. км. Город окружали высокие, прочные стены, в разных местах которых, по Исфизари, возвышались 149 больших и малых башен. Вокруг города шел глубокий и широкий ров, через который в пяти местах, у всех пяти ворот города, были перекиннуты подъемные мосты, ведущие к укрепленным воротам с железными дверями. Названия пяти ворот были: Мелик, Кипчак, Хуш, Фирузабад и Ирак.

Сейчас же за северной стеной города высилась знаменитая гератская цитадель Ихтиар-ад-дин, построенная на высоком искусственном холме. Стены цитадели Ихтиар-ад-дин были выложены из жженого кирпича и, с точки зрения фортификационного искусства того времени, представлялись очень прочными.

При Шахрухе в 813 (1410 — 1411) г. центральные части Герата подверглись значительной перестройке, о чем подробно рассказывает историк Хафизи Аbru. В центре города построен был высокий чорсу — крытый куполом рынок, с четырех сторон принимавший в себя перекрещивающиеся в нем главные улицы города. Улицы базара были расширены и перекрыты крышами, охранявшими снующую во все стороны толпу зимой — от дождя и снега, а летом — от палящих лучей солнца.

В Герате в это время было уже немало двухэтажных домов, в окна которых были вставлены стекла. Слабой стороной Герата оставалось водоснабжение. По сравнению с Самаркандом, проточной воды здесь было мало. Только в северной части города протекал канал Инджиль, на берегу которого и расположены были лучшие постройки города, в том числе и связанные с именем Алишера Навои. В остальных частях города воду брали главным образом из колодцев.

Центром дворцовых построек и диванов являлся Баг-и-шахр, городской сад, расположенный, повидимому, тоже в северной части города. Однако резиденция Султан-Хусейна находилась не здесь, а в двух загородных садах — Баг-и-заган и, особенно, Баг-и-джехан ара, где происходили дворцовые приемы и празднества.

Герат исстари славился своими ремесленниками, которые здесь, как и в других городах, занимали обособленные по специальностям махалла.

Герат при Шахрухе представлял собой культурный город, однако все направление культурной жизни здесь было иное, чем в Самарканде. Гератская интеллигенция мало интересовалась точными науками. В Герате почти не занимались астрономией, математикой и другими близкими к ним науками. Исключение составляла только медицина. Но зато, в противовес Самарканду, в Герате питали большой интерес к литературе, истории и поэзии. Сам Шахрух, не бывший, как известно, яркой личностью, время свое посвящал общению с представителями мусульманского богословия и проявлению показного благочестия, и слава Герата как литературного центра связана не с именем Шахруха, но в значительно большей мере с именем его талантливой сына Байсункара (ум. в 1433 г.).

При своем отце Байсункар занимал должность везира (главного министра) в Герате и, в силу своего положения, располагал огромными возможностями для оказания покровительства писателям, поэтам и художникам. Ему обязана своим существованием и развитием придворная китаб-хана (библиотека), в которой работали собранные отовсюду лучшие каллиграфы, миниатюристы, позолотчики, переплетчики и даже филологи.

В гератской китаб-хане под прямым руководством Байсункара производились не только переписка и украшение книг, но и подлинно научная текстологическая работа. Именно здесь в 20-х годах XV в. был составлен сводный текст знаменитой поэмы Фердоуси — Шахнамэ. Из гератской же Китаб-ханы вышли великолепные экземпляры этой поэмы, украшенные замечательными миниатюрами.

Герат был также крупным центром художественно-ремесленного производства. Здесь, в оживленных кварталах города, в специальных растах (торговых рядах), занятых палатками того или иного ремесленного цеха, можно было найти художественные ткани, бронзовую посуду, инкрустированную золотом, серебром, медью, ювелирные изделия, глазурированную орнаментированную керамику и т. д.

В это же время Герат украсился и прекрасными памятниками архитектуры, чему содействовало и меценатство Гаухард Шад, энергичной жены Шахруха. Сам Шахрух в 1428 г. приказал перестроить мавзолей над могилой Абдаллаха Ансари в местности Гузаргах, лежащей в 3 км на северо-восток от Герата. Среди архитектурных памятников исключительное место занимал комплекс построек, известный под названием Мусалля, находившийся на северо-восток от Герата. В этот комплекс входили медресе, мавзолей и большая мечеть. Здания эти возводились и украшались в течение 20 лет — с 1418 до 1437 г. под наблюдением мастера-архитектора Кавам ад-дина Ширази. Из всего комплекса Мусалля до наших дней сохранился лишь мавзолей, построенный около 1430 г. На этом архитектурном памятнике лежит печать некоторого сходства с мавзолеем Гур-эмир в Самарканде.

§ 7. СУЛТАН-ХУСЕЙН И ВЕЛИКИЙ УЗБЕКСКИЙ ПОЭТ АЛИШЕР НАВОИ

При внимательном изучении источников XV в., рисующих грды правления Султан-Хусейна, нельзя пройти мимо того исключительного по своему значению места, которое занял в политической, общественной и культурной жизни Хорасана, и в частности Герата, великий поэт Алишер Навои. Отношения между Султан-Хусейном и Алишером Навои были весьма сложны и, все время видоизменяясь, прошли через самые разнообразные фазы — от близкой дружбы до полного отчуждения. Все эти изменения теснейшим образом связаны с биографией самого Султан-Хусейна, с колебаниями его политического курса, с его поведением по отношению к народу, к своим приближенным, к членам своей семьи.

В 1469 г., когда Султан-Хусейн овладел Гератом и стал тимуридским государем, ему было уже почти 30 лет; Алишер Навои был моложе его на два года. Оба они, каждый в своей области, были людьми уже вполне зрелыми и сведущими, — один в военном деле, другой в литературе. Хондемир сообщает нам об обстоятельствах переезда Алишера в Герат ко двору Султан-Хусейна. До этого переезда Алишер проживал в Самарканде, в ханаке ходжи Джелал-ад-дина Фазл Аллаха Абу-л-Лейси, был его учеником и пользовался покровительством таких крупных и влиятельных людей, как Дервиш Мухаммед Тархан и эмир Ахмед Ходжа, который во время отсутствия Абу-Саида, надолго покидавшего Самарканд, был фактическим правителем Мавераннахра.

В Самарканде Алишер Навои был предоставлен самому себе, имел достаточно досуга, изучал науки и как поэт много работал над собой.

Получив от Султан-Хусейна приглашение, Алишер, с разрешения упомянутого выше Ахмеда Ходжи, вскоре переехал ко двору Султан-Хусейна в Герат. Чтобы понять все значение этого шага, необходимо ясно представить себе Султан-Хусейна, каким он был в эти годы, взвешать и понять отношение к нему населения Хорасана, а также самого Алишера Навои. С точки зрения тогдашних взглядов, — а мы не должны забывать о сугубо-феодалной обстановке того времени, — Султан-Хусейн был смелым, энергичным, талантливым военачальником и более, чем кто-либо другой, имел основание занять престол в Хорасане. Таким образом, вся обстановка благоприятствовала созданию дружественной атмосферы вокруг Султан-Хусейна.

Однако уже первый год царствования Султан-Хусейна оказался для него нелегким. У него появился соперник в лице царевича Ядгара Мухаммеда. Был в 1470 г. момент, когда казалось, что счастье совсем покинуло Султан-Хусейна; Ядгар овладел Астрабадом, который был в то время очень богатым, повидимому, первым после Герата, городом в тимуридском государстве.

В самом Герате чиновники, пользуясь отсутствием Султан-Хусейна, творили всяческие насилия над населением города и его окрестностей. Некий ходжа Абдаллах Ахтаб приказал схватить гератского мушрифa (ходжу Кутб ад-дина Таус Симнани), заковать его в кандалы и, заставив уплатить 300 тысяч кебекских динаров, сам занял его место. В компании с другим чиновником — ходжей Низам ад-дин Бахтиаром — он стал облагать гератцев непосильными налогами, от чего особенно страдали трудящиеся массы города; эти насилия породили в народе глубокое возмущение. Негодующий народ высыпал на улицы, разыскал ненавистного Абдаллаха Ахтаба, спрятавшегося в медресе Шахруха, и за-

бросал его камнями. Абдаллаху Ахтабу все же удалось скрыться и избежать смерти.

Пока в Герате происходили все эти события, Султан-Хусейн находился в селении Пуль-и-хатун. Узнав о насилиях Абдаллаха Ахтаба, он приказал его арестовать и привести в свою ставку. Не ограничившись этим, он, после совещания с Алишером Навои, немедленно отправил последнего в Герат, чтобы расследовать дело, успокоить народ и наказать виновных чиновников.

Хондемир рассказывает, что Навои, преисполненный одним только желанием успокоить население и устранить все несправедливости, творимые алчными чиновниками, приказал в ближайшую же пятницу прочесть с мимбара султанский указ о наказании виновных лиц, вызвавших своими насилиями народное недовольство. Низам ад-дин Бахтиар был закован в цепи, а смещенный и пострадавший мушриф Кутб ад-дин Таус Симнани восстановлен в прежней должности. В том же 1470 г., когда происходили эти события, Ядгару Мухаммеду Мирзе удалось овладеть Гератом, однако уже в августе месяце он был схвачен, причем в ликвидации этого мятежа деятельное участие принимал Алишер Навои.

Под влиянием Алишера Навои и, во всяком случае, в результате совещаний с ним, Султан-Хусейн опубликовал в Герате указ, согласно которому крестьяне, издольщики и ремесленники Герата и его района освобождались на два года от чрезвычайных налогов и от взносов на содержание войска.

События в Герате и поведение Алишера Навои и Султан-Хусейна по отношению к народу не могли не создать им популярности как в самом столичном городе, так и в его округе; в особенности возросла популярность Алишера Навои.

Периодом наибольшей близости между Алишером Навои и Султан-Хусейном являются первые годы его царствования. Алишер Навои становится ближайшим советником Султан-Хусейна и вдохновителем ряда его строительных мероприятий. Как держал себя Алишер Навои, будучи одним из первых сановников государства, видно из следующего рассказа Хондемира.

В начале царствования Султан-Хусейна Алишер Навои исполнял обязанности «хранителя печати». Вскоре он отказался от этой должности, передав ее Низам ад-дину Сухейли. В 1472 г. Султан-Хусейн назначил поэта на должность эмира дивана налогов. Алишер долго отказывался, причем отказ свой мотивировал следующим соображением. Пока он не имеет должности, он сидит ближе всех к государю. Лишь только он ее получит, ему придется уступить свое место эмирам из племени барлас или арлат, которые имеют на то законное право. Хусейн, услышав это, издал указ, по которому выше Алишера Навои мог сидеть только один человек — эмир Музаффар Барлас. Должность эмира дивана налогов Алишеру все же пришлось занять. Хондемир рассказывает, что когда Алишеру, как эмиру дивана, дали на подпись бумагу, он поставил свою печать так низко, что никто уже не мог поставить своей ниже печати Алишера. Хондемир приписывает этот поступок исключительной скромности поэта.

В том же 1472 г. Султан-Хусейн назначил на высшие государственные должности двух лиц, которые впоследствии сыграли значительную, по большей части печальную роль в жизни тимуридского государства и его двора. На должность везира им был назначен ходжа Низам ал-Мульк, а эмира и перване — Меджд ад-дин Мухаммед, который должен был ставить свою печать на всех бумагах, касающихся дел об-

имуществах и правлении. Хондемир считает, что период эмирства Алишера Навои и наибства Меджд ад-дина Мухаммеда был периодом расцвета и упорядочения всех дел в государстве Султан-Хусейна.

Через два года после этих назначений, в 1473/74 гг. на должность везира по финансовому ведомству был назначен Афзал ад-дин Мухаммед, видный чиновник времен Абу-Саида. Вскоре Афзал ад-дин, опираясь на поддержку Низам ал-Мулька, повел кампанию против Меджд ад-дина. При дворе и в центральных ведомствах начались интриги, подсиживания, доносы государю и т. д. Алишеру в такой обстановке было очень трудно работать. Вышние чиновники государства, опытные в делах финансового управления, отличались все без исключения алчностью, склонностью к интригам и мстительностью. Они и сами брали взятки, разрешали брать их своим чиновникам и сквозь пальцы глядели на насилия, чинимые над населением при сборе налогов. Зная прекрасно все тонкости ведения финансовых счетов, они умели ловко прятать концы своих административных злоупотреблений и были настоящими паразитами на теле народа, обогащавшимися главным образом за счет разных налоговых злоупотреблений.

Доносы и подсиживания приводили чаще всего, к смене эмиров финансового ведомства, причем каждый последующий старался доказать, что его предшественник творил несправедливости, был нечист на руку, богатство свое скопил за счет государственной казны, сам же он якобы быстро поправит финансы государства и государя так, что довольны останутся и народ, и государь. Великому поэту, мыслителю, человеку, исполненному самых высоких и передовых для своего времени идей, было очень трудно жить в такой атмосфере интриг и доносов. Однако в первые годы царствования Султан-Хусейна Алишер Навои, являвшийся для своего государя непререкаемым авторитетом и к тому же будучи человеком с сильным характером, умел обходить «подводные камни» и направлять Султан-Хусейна на путь мероприятий, наиболее разумных для государя эпохи расцвета феодализма. Но интриги, направленные против Меджд ад-дина, привели к тому, что его отстранили от должности, причем он должен был уплатить в казну 60 тысяч кебекских динаров. До 1487 г. Меджд ад-дин перестал оказывать какое-нибудь влияние на управление государством. У власти стояли в это время Афзал ад-дин и Низам ал-Мульк. В эти годы Алишер Навои, несомненно, имел большое влияние на дела государства, так как во все ответственные моменты жизни государства и династии, а также и в личной своей жизни, Султан-Хусейн искал совета прежде всего у Алишера Навои.

§ 8. КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ В ГЕРАТЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.

Высшего расцвета культурная жизнь в Герате достигла во второй половине XV в., в годы царствования Султан-Хусейна. Захир ад-дин Бабур писал в своих «Записках» о Герате: «Другого подобного города нет во всем населенном мире». По его словам, «во время правления Султан-Хусейна блеск и красота Герата увеличились в десять и даже двадцать раз». К этим словам можно добавить еще одно замечание из тех же «Записок»: «Хорасан, и особенно Герат, были наполнены людью».

ми выдающимися и несравненными; стремление и цель каждого, кто был занят каким-нибудь делом, были направлены к тому, чтобы довести это дело до совершенства». В этих словах нельзя не усмотреть значительного преувеличения, учитывая популярность в XV в. тимуридской столицы и явную склонность к ее идеализации; тем не менее, неоспоримым остается факт, что в ту эпоху Герат был не только культурнейшим, но и одним из самых красивых городов Передней и Средней Азии.

Благоустроенные базары с крытыми улицами, сады в самом городе и за его пределами, большие хаузы, полные проточной воды, прекрасные здания мечетей, медресе, дворцов, бань — все это производило сильное впечатление на приезжих из других городов и чужих стран.

Во времена Султан-Хусейна праздники часто принимали общегородской народный характер, при самом деятельном участии в них городских ремесленников и их производственных организаций (цехов). Праздники эти имели свои давние традиции; историческая и мемуарная литература XV в. (Клавихо, Низам ад-дин Шами, Шереф ад-дин Али Иезди, Хафизии Абру, Абд ар-Раззак Самарканди, Мирхонд, Хондемир и другие) оставила нам интереснейшие описания таких празднеств, устраиваемых по различным случаям по распоряжению правителей, начиная с Тимура, в городах Мавераннахра и Хорасана ремесленниками разных цехов. На улицах и площадях городов разбивались палатки и устанавливались киоски, в которых выставлялись напоказ лучшие произведения ремесла; отдельные цехи устраивали интересные процессии. Клавихо отмечает в своих записках, что участники этих процессов ходили с играми по улицам и забавляли народ.

У Абд ар-Раззака Самарканди имеется замечательное описание праздника, устроенного в Герате в 1469 г. по случаю рождения одного из царевичей. Среди прочих выставленных тогда диковин, Абд ар-Раззак останавливается на одном шедевре — сосуде для розовой воды, на котором мастер по ганчу ходжа Али Исфакхани изобразил 32 группы ремесленников, занятую каждая своим ремеслом. В изображениях некоторых из ремесленников — портного, чистильщика хлопка, столяра и кузнеца — ходже Али удалось с удивительной точностью воспроизвести профессиональные производственные движения.

Однако наряду с блеском прекрасной гератской архитектуры, оживленными базарами, полными произведений разнообразных ремесел и товаров, веселыми праздниками, велики были грязь и нищета кварталов, в которых ютилась городская беднота.

Украшение Герата неразрывно связано было с именем Алишера Навои. Будучи исключительно богатым человеком, занимая в течение ряда лет пост первого чиновника в государстве, он имел широкие возможности для интенсивной строительной деятельности. С памятью об Алишере Навои связана постройка не только прекрасных дворцов, мечетей, медресе, мавзолеев — изумительнейших памятников архитектуры, но и ряда общественно-полезных сооружений: бань, больниц, хаузов, мостов, рабатов на дорогах и т. д. Главные постройки Алишера Навои были осуществлены им еще до 1487 г., т. е. до разрыва между ним и государем. Больше всего данных об этой широко развернувшейся строительной деятельности великого поэта мы находим у двух авторов: Даулет-шаха в его «Тазкират аш-шуара» и Хондемира в его «Макарим ал-ахлак» («Книга благородных качеств»).

Наиболее интересным комплексом построек Алишера Навои в Герате является группа зданий, возведенных им на канале Инджиль в северной части города. Здесь Алишер Навои возвел медресе, ханаку

и другие здания. Вся эта группа носила название Халасийе или Ихласийе, по названиям входивших в нее отдельных построек: ханаки, называвшейся «Халасийе», и медресе, носившего название «Ихласийе». Оба здания отличались выдающимися архитектурными достоинствами. Хондемир в своей хвалебной биографии поэта («Макарим ал-ахлак») пишет, что за 20 лет, т. е. за время между окончанием постройки и смертью Алишера, в этих зданиях перебивало несколько тысяч человек, отдавших себя служению науке, литературе и искусству. В хамаке Халасийе, как писал Хондемир, ежегодно находили питание и приют свыше тысячи человек, и ежегодно там выдавалось неимущим «около двух тысяч шуб, рубаш, сорочек, штанов и башмаков». Недалеко от ханаки Халасийе находилась другая ханака—Шифайе, строительство которой также связано с именем Алишера. В этой ханаке занимались преподаванием медицины под руководством известного врача того времени Гияс ад-дин Мухаммеда.

С именем поэта в Герате связано также строительство около двадцати хаузов, снабжавших население тимуридской столицы водой, и пятнадцати мостов. Громадные средства тратил Алишер и на постройку хаммамов (бань), которые были любимым местом посещения гератцев. Таких бань им было выстроено девять. В конце его жизни им была перестроена знаменитая гератская соборная мечеть.

Во времена Султан-Хусейна и Алишера Навои в Герате достигли высшего расцвета архитектура, узбекская и таджикская литература, поэзия, историческая литература, живопись (миниатюра), каллиграфия, музыка. Во всей этой многосторонней культурной деятельности Алишер Навои принимал активное участие, если не как непосредственный творец, то как вдохновитель и руководитель многих выдающихся музыкантов, художников, каллиграфов, таланты которых развивались благодаря его широкому и просвещенному покровительству.

Алишер Навои был великим узбекским поэтом. Впитав в себя самые лучшие традиции таджикской, персидской и азербайджанской литературы, владея в совершенстве персидским и арабским языками, он вместе с тем бесконечно любил свой родной тюркский (староузбекский) язык, который довел в своих произведениях до большого совершенства. Им были созданы такие великие классические творения узбекской литературы, как «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь планет» и др., а также несколько гениальных лирических диванов. В поэзии он был непревзойденным мастером меткого слова, изящного выражения и яркого образа. Будучи человеком феодальной эпохи, что наложило свою печать на всю его жизнь и на все его творения, он вместе с тем был намного выше своих современников,—даже наиболее выдающихся из них, был проникнут прогрессивными идеями, во всем поведении своем и в своих произведениях, как мы уже видели выше, оставался глубоко человеческим.

При Алишере Навои в Герате исключительного совершенства и расцвета достигло искусство украшения книг—прежде всего каллиграфия и миниатюра. Гением живописи (миниатюры) был гератский мастер, художник Кемал ад-дин Бех-зад. По изяществу рисунка, колориту его миниатюры занимают в живописи Востока совершенно особое место, и неслучайно Бех-зада иногда называют Рафаэлем Востока. Творчество Бех-зада отличается большим разнообразием сюжетов. Он рисовал не только прекрасные портреты, из которых особой славой пользуются портреты Алишера Навои, Султан-Хусейна и Шейбани-хана, не только сцены приемов при дворах феодальных правителей, но

и сцены из жизни трудового народа, как, например миниатюра с изображением постройки соборной мечети Тимура в Самарканде, развалины которой известны в наше время под именем «Биби-ханым». Ценность этой миниатюры заключается не только в мастерстве рисунка, но и в том, что художник запечатлел производственные процессы среднеазиатского строительного искусства, причем ему хорошо удалось показать и правду подневольного труда.

Искусство каллиграфии в средние века ценилось очень высоко—не менее, чем другие виды изобразительного искусства. Крупнейшими мастерами каллиграфии в Герате были Султан Али Мешхеди и Мир Али Меджнун. О первом из них, как о своем знаменитом современнике, упоминает в своих «Записках» Захир ад-дин Бабур. Он сообщает, что Султан Али Мешхеди переписал много книг для Султан-Хусейна и Алишера Навои. Для первого он ежедневно переписывал свыше 30 бейтов и по 20 бейтов—для второго. Ученик Султана Али Мешхеди—Мир Али Меджнун, известный также под именем Рафики, достиг особенно больших успехов в почерке насталик, которым владел с таким же совершенством, как и его замечательный учитель.

Большого расцвета достигла в Герате в XV в. и музыка, как например, игра на смычковых инструментах—гиджаке и уде, а также флейте. Среди музыкантов особенно славился Кул-Мухаммед. Сам Алишер Навои также был превосходным музыкантом. Он не только играл на некоторых инструментах, но и прекрасно знал теорию композиции. До нас дошло несколько его произведений, которые исполняются и сейчас.

Герат в XV в. был крупнейшим центром исторической науки. В начале XV в. здесь жил талантливый историк Хафиз Аbru, написавший сочинение «Зубдет ат-таварих» («Сливки летописей»), в котором изложение доведено до 1427 г. Умер Хафиз Аbru в 1430 г. Самая ценная часть труда—вторая глава IV тома, где автором излагаются события царствования Шахруха.

В царствование Шахруха, Абу-Саида и Султан-Хусейна жил другой крупнейший историк XV в.—Абд ар-Раззак Самарканди, умерший в Герате в 1482 г. Абд ар-Раззак был продолжателем Хафиз Аbru. Сочинение его под заглавием «Матла ас-са'дайн ва маджма ал-бахрейн» («Место восхода двух счастливых созвездий и место слияния двух морей») вместе с трудом Хафиз Аbru представляет богатейший источник по истории тимуридского государства за первые 70 лет XV в. и доведено до 1470—1471 гг.

С именем Алишера Навои и Гератом связаны также имена широко популярных и поныне историков—Мирхонда, умершего в Герате в 1498 г., и Хондемира, писавшего в конце XV в. и в первой половине XVI в.

Свой большой труд «Раузат-ас-сафо» («Сад чистоты») Мирхонд составил по прямому предложению Алишера Навои. В предисловии к своему труду Мирхонд рассказывает, что, прежде чем приступить к работе, он представил проект великому поэту и своему меценату, который после тщательного рассмотрения одобрил его. Алишер Навои не только обеспечил Мирхонда помещением в уже упомянутой ханаке Халасийе, необходимым питанием и одеждой, но и предоставил в полное его распоряжение свою библиотеку. Много забот и внимания уделил Алишер Навои и внуку Мирхонда—историку Хондемиру, написавшему в 1524 г. сводное сочинение типа всеобщей истории под заглавием «Хабиб ас-Сейяр». Содержание VII тома сочинения Мирхонда

и 4-го «джуза» (раздела) III тома труда Хондемира,—оба посвящены царствованию Султан-Хусейна,—почти целиком совпадает. Повидимому, текст этот был составлен Хондемиром. Для изучения конца XV в. труд этот является одним из основных источников. Как то, так и другое сочинение написаны цветистым языком, типичным для исторической литературы того времени.

В Герате в конце XV в. (1491 г.) было написано ценное сочинение и по истории самого города. Автором его является Муин ад-дин Исфизари. Большое значение для изучения литературной жизни имеет и сочинение Даулет-шаха «Тазкират аш-шуара» («Жизнеописание поэтов»), посвященное автором Алишеру Навои.

В большинстве своем историки того времени были прежде всего компиляторами, большую часть своих томов они отводили пересказу, а то и простой переписке текстов своих предшественников и, таким образом, не были исследователями в нашем смысле слова. Наиболее ценными частями их работ являются главы, посвященные описанию современных им событий. Однако именно эти части более всего требуют критического к себе отношения. Нельзя забывать, что все эти авторы были прежде всего историками придворными, смотрели на все вопросы глазами своих государей-покровителей и только изредка позволяли себе написать что-нибудь противное вкусам и желаниям своих правителей. Поэтому этим историкам свойственна идеализация многих явлений и фактов; историк-марксист может использовать сообщаемые ими сведения не иначе, как подвергнув их самой строгой критике. При критическом к ним отношении, из этих сочинений можно извлечь огромное количество ценных фактов по истории политической и культурной жизни того времени, в которое жили авторы. Значительно меньше фактов они сообщают о жизни самого народа, поскольку их, как придворных историков, менее всего интересовала эта тема. По этим вопросам место повествовательных источников заступает документальный материал.

§ 9. НАЧАЛО УПАДКА В ГОСУДАРСТВЕ СУЛТАН-ХУСЕЙНА

Зиму 1487 г. Султан-Хусейн проводил в Мерве, что делал часто и ранее, ввиду исключительно хороших климатических условий этого района. При дворе в его ставке находился и Алишер. Здесь последний совершенно неожиданно получил назначение отправиться наместником в Астрабад. В жизни великого поэта это событие явилось переломным моментом.

Астрабад—крупнейший административный, экономический и культурный центр—был едва ли не первым после Герата городом в государстве Султан-Хусейна по числу жителей, богатству и торговому значению. Наместничество в Астрабаде считалось одним из наиболее почетных; его домогались не в меньшей, если не в большей мере, чем наместничества в Балхе,—и не только первые сановники государства, но, как мы увидим ниже, и наиболее влиятельные члены семьи Султан-Хусейна. Поэтому, как ни хотел Алишер Навои оставаться в Герате, он не мог не подчиниться приказанию своего государя, да и не имел к этому никаких формальных оснований.

В Астрабаде Алишера встретили с большой торжественностью. В свою очередь и новый наместник оказал знаки внимания и разные милости сейидам, ученым лицам из знати и другим влиятельным людям. Почувствовали благодетельную руку нового правителя (чье имя, как поэта, было очень популярно среди них и ранее) также и земледель-

ческие массы Астрабадской области. По словам Хондемира, крестьяне и издольщики в его наместничество начали вести спокойную жизнь, без боязни, что налоговые чиновники отберут у них последнее добро. Авторитет нового наместника стоял настолько высоко, что правители Мазандерана, Рустемдара и Гиляна прислали к нему посланцев с дарами и изъявлениями своего повиновения. Характерно, что даже правитель Западного Ирана Якуб (1479 — 1490 гг.) из династии Ак-Коюнлу приветствовал Алишера в его новой должности и также прислал ему свои дары.

И все же, как ни почетно было назначение Алишера наместником Астрабада, оно знаменовало собою перемену в отношениях между государем и поэтом. Было ясно, что Султан-Хусейн по каким-то соображениям не хотел более видеть при своем дворе Алишера Навои. Султан-Хусейну к тому времени было уже более 50 лет. Он сильно изменился, потерял прежнюю легкость движений, склонность к военному делу и способность к быстроте решений; все больше погружался в разлагающую атмосферу придворной жизни, где донос и интрига в сочетании с лестью и тонким подбострастием подрывали доверие хана к самым близким и уважаемым людям. Частые празднества, охоты, пиры отвлекали от труда, порождали склонность к чрезмерному употреблению вина, что особенно пагубно отразилось на Султан-Хусейне. Он чаще стал пить, привык к большим тратам на содержание двора и семьи. Ему нужны были большие средства. Всем этим воспользовались корыстные чиновники и придворные интриганы.

Алишер, как мы видели выше, вел большую строительную деятельность. Все это стоило громадных средств и, в первую очередь, денег. Если же мы вспомним об огромных расходах на содержание двора, то вряд ли нас удивит, что в 1487 г. государственная казна была почти пуста. Едва ли можно сомневаться, что это обстоятельство сыграло решающую роль в тех переменах, которые были произведены Султан-Хусейном в центральном аппарате в связи с отъездом Алишера Навои на пост наместника в Астрабаде.

Как только Алишер покинул Мерв, Султан-Хусейн отстранил от должности Низам ал-Мулька и Афзал ад-дина и назначил на пост эмира дивана налогов Меджд ад-дина.

Характерно, что даже Хондемир, который горячо любил Алишера Навои и преклонялся перед ним, как придворный историограф вынужден был написать в своем «Хабиб ас-Сейяр», что вскоре после прихода к власти в диване налогов Меджд ад-дина финансы государства и материальное положение народа улучшились. Хондемир определенно утверждает также, что крестьяне, издольщики, мастера и ремесленники были довольны переменой, так как с назначением Меджд ад-дина они якобы избавились от притеснений со стороны сборщиков налогов.

В. В. Бартольд переоценил это замечание Хондемира, когда писал, что Меджд ад-дин «привел область в цветущее состояние». Дело обстояло несколько иначе. Сам Хондемир признает, что Меджд ад-дин был грубым человеком, что он, как и большинство финансовых чиновников, отличался жадностью к деньгам и всяким материальным ценностям (так, по крайней мере, Хондемир говорит о нем в своей небольшой справке о ходже Кутб ад-дин Таусе Симнани). Нам хорошо известно, что, приходя к власти, крупные финансовые чиновники обычно накладывали арест на имущество своих предшественников, наказывали подчиненных им сборщиков податей и налогов, отнимали у них имущество, подчеркивая, что делают это за то, что те брали взятки; в

первый год пребывания у власти они давали народу временную передышку, — одним словом, на некоторое время создавали впечатление показного благополучия. Если вчитаться в рассказ Хондемира, то так же точно поступил и Меджд ад-дин. Все же последующие годы управления Меджд ад-дина финансами страны население, как это впрочем и всегда было в эпоху феодализма на Востоке, страдало от гнета сборщиков. Поэтому только в свете всех этих фактов может быть дана правильная оценка деятельности Меджд ад-дина.

Вернемся, однако, к Алишеру Навои. Узнав о происшедших переменах, Алишер не мог рассматривать свое назначение в Астрабад иначе, как почетную, даже весьма почетную, опалу. В душе поэта, так много сил отдавшего Султан-Хусейну, не могли не родиться обиды против государя и подозрительное к нему отношение. Султан-Хусейн со своей стороны также не мог не понимать, что он нанес непоправимый удар дружеским отношениям с поэтом. Выше мы уже отметили те перемены, которые произошли за последние годы с Султан-Хусейном. Культурный человек, любивший искусство, литературу, поэзию, музыку, сам даже неплохой поэт и, во всяком случае, компетентный ценитель произведений Алишера Навои, Султан-Хусейн, лишившись благородного влияния поэта, быстро скатывался по наклонной плоскости. Он все больше стал пить, все больше терял самостоятельность, поддавался дурным влияниям советников и жен. Тем не менее, хотя и имелись предположения о попытке отравления Алишера, будто бы сделанной подосланными Султаном-Хусейном в Астрабад лицами, однако Султан-Хусейн не повинен в таком преступлении и до такой низости в своем падении все же не дошел.

Пробыв в Астрабаде немногим больше года, Алишер по собственной инициативе вернулся в Герат. Султан-Хусейн хорошо принял поэта, оставил его при дворе, но согласился с желанием Алишера не назначать его ни на какие должности по управлению страной.

В последние 10 лет своей жизни при дворе Султан-Хусейна Алишер Навои много творил, тесно связан был со всеми сторонами культурной жизни Герата и Хорасана, много занимался благотворительностью, оказывая из своих личных средств помощь населению. Для Султан-Хусейна годы эти были весьма тяжелыми. К интригам двора присоединились и нелады в самой семье Хусейна. Уже в 1492 г. он начал обнаруживать недовольство Меджд ад-дином. Низам ал-Мульк, хорошо знавший слабые места своего врага и соперника — исключительную жадность его к деньгам, только и ждал того момента, когда тот совершит какое-либо явное, бросающееся в глаза злоупотребление. Этот момент, наконец, наступил. Меджд ад-дин был отстранен от должности и отдан под суд. При проверке его личного имущества следствие обнаружило огромные сокровища, сосредоточенные в его руках, слишком крупные для частного лица; производившие проверку имущества Меджд ад-дина лица были потрясены количеством найденного у него золота, серебра, драгоценных камней, шелковых ковров, разноцветных палаток, фарфора, коней, дорогих книг и т. д.

Отстраненного от должности Меджд ад-дина вновь сменил Низам ал-Мульк, человек, бывший в полном смысле слова злым гением семьи Султан-Хусейна. Он был особым мастером интриги, приносившим несчастье тому, кто попадался ему на пути.

Когда младший брат Алишера, Дервиш Али, поднял против Султан-Хусейна восстание в Балхе, которое, правда, было быстро ликвидировано, Низам ал-Мульк оказался среди тех недоброжелателей поэ-

та, которые наговаривали султану, что восстание это было поднято не без участия Алишера Навои. Подстрекал Низам ал-Мульк Султан-Хусейна и против его сына Бади аз-Замана. Ссора между отцом и сыном произошла из-за того, кому получить наместничество в Астрабаде. Бади аз-Заман хотел, чтобы астрабадское наместничество получил его сын Мухаммед Мумин. Сам же Султан-Хусейн под влиянием жены Хадиджа-бики и Низам ал-Мулька, который усилил в это время свои интриги, склонялся к тому, чтобы отправить наместником в Астрабад Музаффара Хусейна, своего сына от Хадиджа-бики.

Бади аз-Заман, находившийся в Балхе, вознегодовал на отца и объявил, что отказывается ему повиноваться. Алишер Навои употребил все свое влияние и на отца, и на сына, чтобы избежать военного столкновения между ними и тем самым смуты в государстве. Он уже достиг положительного результата, и Бади аз-Заман обещал примириться с назначением Музаффара Хусейна в Астрабад, но все дело испортил Низам ал-Мульк, который посоветовал Султан-Хусейну тайно отправить в Балх приказ эмиру Исламу Барласу, чтобы он, в случае, если Бади аз-Заман отправится на охоту, закрыл ворота города, когда тот будет возвращаться обратно. Случилось так, что Бади аз-Заман прочел этот приказ и был им глубоко возмущен, так как незадолго перед тем Алишер Навои, со слов Султан-Хусейна, обещал оставить ему Балх. В результате этого Бади аз-Заман восстал против отца и в начале 902 (1497) г. вышел против него с войском. Бади аз-Заман был разбит и бежал под прикрытие крепостных стен Балха.

Почти в тот же самый день, когда Бади аз-Заман потерпел поражение, Музаффар Хусейном был разбит по дороге к Астрабаду сын Бади аз-Замана, Мухаммед Мумин. Музаффар взял его в плен, обещав освободить, однако слова своего не сдержал. Заковав Мухаммеда Мумина в серебряные цепи, он направил его с эмиром Бурундуком в Герат, где и заключил в крепость Ихтиар ад-дин. Пока с Мухаммедом Мумином происходили все эти события, Султан-Хусейн находился на Мургабе. Мухаммед Мумин, согласно всем свидетельствам, был удивительно привлекательным юношей. Страстный, смелый, способный и благородный, он был любимцем всех, кто его знал. Поэтому, когда до гератцев дошел слух о том, что Мухаммед Мумин заключен в крепость Ихтиар ад-дин, они пришли в негодование. Однажды ночью, когда в ставке на Мургабе Султан-Хусейн был совершенно пьян (а это в последние годы с ним случалось часто), сговорившиеся между собой Хадиджа-бики и Низам ал-Мульк вырвали у него приказ о немедленной казни Мухаммеда Мумина. Тотчас же в Герат, не останавливаясь, поскакал срочный гонец с приказом Султан-Хусейна. Наутро, протрезвившись, Султан-Хусейн понял весь ужас своего поступка и послал второго срочного гонца с отменой приказа. Он, однако, опоздал, и прекрасный юноша был уже казнен. Есть свидетельства (Васыфи) о том, что народ в Герате плакал, узнав об этой трагической жертве опустившегося Султан-Хусейна и его преступных советников. Хондемир говорит, что Алишер Навои был потрясен казнью и кровавыми слезами оплакивал погибшего юношу.

Алишер Навои видел всю глубину падения Султан-Хусейна, понимал, что страна вступает на путь разорительных для народа феодальных смут. Дальнейшие события показали, что семейные раздоры захватывают все больший круг царевичей. Алишер все видел и все понимал, но сделать ничего не мог. Не по силам было одному человеку, при всем его величии и дальновидности, изменить ход развивающихся

событий. Султан-Хусейн, повидимому, все же испытывал какие-то угрызения совести. Во всяком случае он не мог больше выносить вида Низам ал-Мулька, которого в том же 1498 г. и отдал, по словам летописца, «на съедение новому эмиру и везиру»—Афзал ад-дину.

Алишеру стала невыносимо трудна жизнь при дворе, и он принял решение покинуть Хусейна и свой любимый Герат. В условиях тогдашнего общества для этого оставался один только путь—отправление в хадж, т. е. в паломничество в Мекку. На этот шаг и решился измученный поэт.

В конце 1498 г., через придворного врача Абд ал-Хая, он обратился к Султан-Хусейну с просьбой разрешить ему отправиться на богомолье в Мекку. Султан-Хусейн в связи с походом против своего сына, находился тогда в лагере под Мервом. Абд ал-Хай доложил Султан-Хусейну просьбу Алишера и получил отказ, мотивированный тем, что из-за смут в обоих Ираках дорога в Мекку небезопасна и что государь поэтому боится за жизнь и здоровье поэта. Для Алишера, который находился тогда в Мешхеде, отказ Султан-Хусейна был новым тяжелым ударом. Не желая лично ехать в ставку Хусейна, Алишер спросил у него разрешения отправиться в Герат и совершить зиарат к мазару Ансари в местности Гузаргах вблизи города.

Прибыв туда, он собрал сейидов, казиев, ученых и сообщил им, что хочет покинуть светскую жизнь. Для Алишера это означало покинуть двор и прежде всего Султан-Хусейна. Но и этого осуществить ему не удалось. Тяжелые переживания последних лет сильно подорвали здоровье Алишера Навои. Умер он 3 января 1501 г. в возрасте 60 лет.

Хондемир подробно описывает обстоятельства смерти Алишера. Когда в конце декабря 1500 г. стало известно, что Султан-Хусейн возвращается в Герат из похода против восставшего сына Мухаммеда Хусейна, Алишер с большим числом вельмож и ученых отправился ему навстречу. Встреча произошла 31 декабря в селении Ходжа Аббас, куда уже прибыли носилки Султан-Хусейна. Алишер, приехавший верхом, сошел с коня, чтобы приветствовать государя, но, не успев закончить приветствия, потерял сознание. Пульс его был настолько слаб, что его пришлось положить на носилки Султан-Хусейна и так отнести в Герат. Врачи пустили ему кровь, но это не помогло, и в воскресенье 3 января 1501 г. Алишера не стало.

Весть о смерти любимого поэта быстро облетела Герат, Хорасан и Мавераннахр и глубокой скорбью отозвалась в сердцах всех слоев населения, особенно в народных массах, которые потеряли в нем не только великого поэта, но и отзывчивого заступника в своих несчастьях. Хондемир подробно описывает похороны Алишера Навои. Если верить ему, большую скорбь пережил в связи со смертью поэта и Султан-Хусейн. Весьма возможно, что здесь, у гроба великого человека, он понял, как много тяжелых переживаний перенес из-за дружбы с ним тот, кого народ, да и он сам, считали «обладателем верного мнения».

Султан-Хусейн ненадолго пережил Алишера Навои. Начало XVI в. ознаменовалось энергичным наступлением на Мавераннахр и Хорасан кочевников-узбеков во главе с Шейбани-ханом.

Одрыхлевший Султан-Хусейн, забывший свои прежние военные доблести и подвиги, не в состоянии был оказать серьезного сопротивления Шейбани-хану. Только после того, как тот захватил Хорезм, Султан-Хусейн решился отправиться с войском против наступающего врага. В самом начале похода, в 1506 г., он умер. В Герате не нашли ничего

лучшего, как назначить Султан-Хусейну не одного, а двух преемников, его сыновей—Бади аз-Замана и Музаффара Хусейна. В обстановке все усиливающейся феодальной анархии наличие двух официально назначенных правителей могло только содействовать дальнейшему распаду государства тимуридов в Хорасане. Разногласия между ними ускорили падение Герата и переход его в руки Шейбани-хана в 1507 г.

Тот же процесс феодальной разрухи в конце XV в. переживал и Мавераннахр.

В Самарканде, Ташкенте, Андижане, Хисаре сидели самостоятельные, враждующие между собой правители. Каждый из них обращался за военной поддержкой то к монгольским, то к кочевым узбекским ханам и царевичам. В результате этих распрей, монгольские ханы окончательно утвердили свою власть в Ташкентской области и стремились овладеть Ферганой. Узбекские царевичи Шейбани-хан, Махди-султан, Хамза-султан со своими отрядами жили в Мавераннахре и служили тимуридским удельным правителям. Произвол утвердился во всех сторонах жизни страны. Ее политическая раздробленность и постоянные войны между мелкими владетелями привели к тому, что караванная торговля почти остановилась. Лишь один ходжа Ахрар, пользуясь своим духовным авторитетом, вел караванную торговлю, да и то стремясь путем личного письменного обращения к тому или другому правителю добиться охраны для своих караванов, при проходе их по подвластной им территории. Города тогда переходили из рук в руки, причем новые владетели каждый раз облагали жителей контрибуцией в свою пользу. Земледельческое население насильно угонялось в военные ополчения, которые созывались по несколько раз в течение одного года. Все это еще более расстраивало хозяйство земледельца, и без того уже страдавшего под тяжестью ничем не ограниченных податей и повинностей. Кроме того, каждая побеждавшая сторона, как правило, грабила население, сколько могла, облагая его вдобавок чрезвычайными податями.

Судя по мемуарам Захир ад-дина Бабура, в ту пору удельные правители, боясь, как бы тот или иной вассал не отказался от военной службы, которую он был обязан нести, не только не наказывали их за провинности, но, ради сохранения их на своей стороне, предоставляли им право творить насилия над населением своих владений.

В обстановке такой политической разрухи кочевникам-узбекам легко было взять в свои руки власть в Мавераннахре и в Хорасане и свергнуть ставшую ненавистной народу тимуридскую династию.

УКАЗАТЕЛИ

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

До нашей эры

- Конец IV—начало III тысячелетия. Кельтеминарская культура (Хорезм). Стоянка на Унгузе (Сев. Каракумы). Ранняя культура Анау (Туркменистан).
- III — I тысячелетие. Эпоха бронзы (Узбекистан).
- I тысячелетие (1-я половина). Переход от средней ступени варварства к высшей (распространение железа). Появление древнейшего, известного нам варианта Авесты.
- VIII в. Военная помощь саков и бактрийцев мидянам.
- VIII — VII вв. Создание в Хорезме древней ирригационной сети.
- VII в. (середина). Борьба народов Средней Азии против Мидии на стороне Ассирии. Участие их в завоевательных предприятиях скифов.
- VI — I вв. Переход народов Средней Азии от первобытно-общинного к рабовладельческому строю.
- VI в. (2-я половина). Союз Кира с саками против Мидии и дахов.
- Между 535 и 529 гг. — 331 г. Ахемениды в Средней Азии.
529. Гибель Кира в сражении с массагетами.
- 519 г. Первое письменное упоминание о хорезмийцах, согдийцах, саках и бактрийцах (Бисутунская надпись Дария I Гистаспа).
- 494 — 493 г. Борьба саков-тиграхауда против Дария.
- 334 г. Начало похода Александра Македонского в Азию.
- 331 г. Битва при Гавгамеле.
- 329 г. Появление Александра Македонского с войсками на территории Средней Азии (в Бактрии и Согде).
- 329 — 328 гг. Восстание Спитамена в Согде.
- 328 г. Съезд эпархов Бактрии в Зариаспе.
- 328 г. Предложение царем Хорезма Фарасманом военного союза Александру.
- 328 — 327 г. Взятие Александром Македонским «Скалы согдийской» и его женитьба на Роксане, дочери Оксиарта.
- 327 г. Поход Александра Македонского в Индию.
- 323 г. Смерть Александра Македонского.
- 323 г. Первое перераспределение среднеазиатских сатрапий при селевкидах.
- 321 г. Объединение Бактрии и Согдианы в одну сатрапию.
- 312 — 250 гг. Селевкиды в Средней Азии.
- 293 г. Передача Согды и Бактрии Селевком I своему сыну Антиоху I Сотеру.
- Около 250 — 140 (или 130) г. Греко-бактрийское царство.
- Около 250 г. Образование Парфянского государства с династией аршакидов.
- 208 — 206 гг. Война между Евтидемом I и селевкидом Антиохом III за среднеазиатские сатрапии.
- III в. (конец)—II в. Столкновения между гуннами (хунну) и юе-чжи. Движение саков на Бактрию под натиском юе-чжи.
- Ок. 175 или 170 г. Отпадение Согды от Бактрии и присоединение его к Кангхе.
- Ок. 175—140 г. Расцвет государства Кангха, включавшего Хорезм, Согд и Шаш.
- 162 г. Вторжение Евкратиды в Паропамисады и завоевание им Пенджаба.
- II — I вв. Формирование кушано-юечжийских владений в Хорасане и Средней Азии (так наз. «раннекушанский» период).
- II в. (2-я половина). Независимое существование государства Давань (Фергана).

- 138 г. Отправление китайским императором Ву-ди посла (Чжан-цзяня) к народу юе-чжи на землях Бактрии с предложением совместных военных действий против хунну.
- 128 — 126 гг. Посещение первым китайским послом Чжан-цзянем Давани, Дахя и Кангхи. Установление официального общения среднеазиатских народов с Китаем.
- II—I вв. Оживленные сношения народов Средней Азии с Восточным Туркестаном, Китаем и племенами усунь и хунну.
- 104 — 101 гг. Вторжение китайских войск в Давань (Фергану).
- 101 г. Осада китайцами гор. Эрши (Мархамат).
- I в. Хорезмийские монеты, известные под названием монет «безымянного царя».
- I в. Древнейшая известная нам согдийская надпись (Тали-Барзу).

Нашей эры

- I — IV вв. Кушанский период в истории Средней Азии.
- 15 — 45 (или 51) гг. Правление Куджулы Кадфиса (Кадфис I) кушана.
- 45 (или 51) — 78 гг. Правление Вимы Кадфиса (Кадфис I) кушана.
- 78 — 123 гг. Правление Каишши.
- 99 г. Прибытие в Рим кушанского посольства.
- 100 г. Буддийский церковный собор при участии кушанского «царя царей» Каишши.
- 105 г. Отпадение от Китая Хотана, Яркенда и Кашгара и присоединение их к государству кушанов.
- I в. Датировка «согдийских писем», найденных в Дунхуане (Восточный Туркестан).
- III в. Начало распада Кушанского государства. Образование двух политических центров — в Согде (Кушания) и Северной Индии (Гандхара-Пешавар).
- III в. Отделение Хорезма от Кушанского царства.
- III в. (середина). Мани. Появление в Средней Азии изгнанных из Ирана последователей манихейства.
- 305 г. Воцарение в Хорезме Африга и сооружение им замка в ал-Фире (Кят?).
- IV в. Выдвижение хионитов на руководящее место в массагетском союзе.
- 356 г. Участие хионитского князя Грумбата в осаде Амиды в качестве союзника Шапура II (сасанида).
- V в. (начало). Выделение из бывшего массагетского союза племени кидаритов и занятие ими Тохаристана.
- 424 г. Обучение эфталитами китайцев производству цветного стекла.
- 453 — 454 г. Разгром сасанидами сасанида Иездегерда II.
- 456 г. Разгром сасанидами кидаритов.
- V — VI вв. Государство эфталитов.
- 457 г. Установление Вахшунваром власти эфталитов в Чаганиане, Тохаристане и Бадахшане.
- 481 г. Гибель сасанида Пероза во время третьего похода против эфталитов. Занятие эфталитами Мерва.
- V в. (конец). Маздак. Движение маздакистов.
- 498 — 499 г. Разгром сасанидом Кавадом маздакитского движения в Иране.
- 502 — 506 гг. Участие эфталитов в борьбе с Византией на стороне сасанидов.
- 528 г. Вторичный разгром маздакитов Хосровом I Ануширваном. Бегство маздакитов в Среднюю Азию.
- 554 г. Захват Тохаристана у эфталитов сасанидом Хосровом I Ануширваном.
- 568 — 569 г. Тюркское посольство в Константинополь, возглавляемое согдийским купцом Маниахом. Ответное посольство Византии во главе с Земархом.
- 585 — 586 гг. Восстание Абура.
- 588 — 589 гг. Разгром Бахрам-Чубином войск ябгу западных тюрков Кара-Чурина; гибель последнего в бою.
- 80-е годы VI в. Распад тюркского каганата на восточный и западный.
- Начало VII в. — 630 г. Новый подъем в жизни западно-тюркского каганата.
- 627 — 647 гг. Оживленный обмен торговыми посольствами между городами Согда и Китаем.
- 630 г. Посещение Средней Азии Сюан Цяном.
- 630 — 659 гг. Вооруженная борьба западно-тюркского каганата против политического закабаления его Китаем.
- 659 г. Признание западно-тюркским каганом верховенства Китая.
- VII в. Возрождение Термеза как центра владений термезшахов.

- Конец VII в. Последняя попытка восстановления тюркского каганата.
- 651 г. Взятие арабами Мерва.
- 674 г. Первый военный поход арабов за Аму-дарью.
- 676 г. Военный поход Саида ибн Османа в Бухару и в города Согда.
- 683 — 691 гг. Наместничество в Хорасане Абдаллаха ибн-Хазима.
- 689 — 704 гг. Правление в Мавераннахре Мусы ибн-Абдаллаха, ибн-Хазима после отделения его от халифата.
- 691 — 692 гг. Восстановление владычества халифата в Хорасане.
- 701 г. Назначение наместником в Хорасан Иезида ибн-Мухаллаба.
- 704 г. Конец западно-тюркского каганата.
- 704 г. Взятие Термеза хорасанским наместником Муфаддалем ибн ал-Мухаллабом и низложение Мусы ибн-Абдаллаха ибн-Хазима.
- 704 — 715 гг. Наместничество Кутейбы ибн-Муслима в Хорасане.
- 706 г. Первый поход Кутейбы ибн-Муслима в долину р. Зарафшан; взятие им Пайкенда.
- 707 г. Взятие Кутейбой Рамитана.
- 709 г. Взятие Кутейбой Бухары.
- 710 г. Поход Кутейбы в Шуман, Кеш и Несеф.
- 710 — 737 г. Правление в Самарканде ихшида Гурека, поставленного согдийцами вместо низложенного ими ихшида Тархуна.
- 712 г. Взятие Кутейбой Самарканда.
- 712 г. Завоевание Кутейбой ибн-Муслимом Хорезма.
- 713 г. Поход Кутейбы в Шаш и Фергану.
- 715 г. Убийство Кутейбы ибн-Муслима.
- 717 — 719 гг. Наместничество в Хорасане ал-Джарраха ибн-Абдаллаха.
- 721 — 722 гг. Возвращение согдийского посольства из Китая.
- 721—722—723 гг. Наместничество в Хорасане Саида ибн-Амра ал-Хараша.
- 721 — 722 гг. Карательная экспедиция арабов в Ходженд. Разгром ими в Ходженде согдийских эмигрантов.
- 721—722—723 гг. Восстание против арабов в Согде.
- 722 г. Восстание против арабов в Самарканде и Пенджикенте, возглавленное Диваштичем.
- 723 — 727 гг. Первое наместничество в Хорасане Асада ибн-Абдаллаха.
- 727 — 729 гг. Наместничество в Хорасане Ашраса ибн-Абдаллаха ас-Сулами.
- 728 — 729 гг. Восстание в Согде против власти арабов, поддержанное тюрками.
- 730—731—737 гг. Совместная борьба согдийцев и тюрков против арабов.
- 733—734 гг. Голод в Хорасане.
- 734 г. Восстание ал-Хариса ибн-Сурейджа.
- 735 — 738 гг. Второе наместничество в Хорасане Асада ибн-Абдаллаха.
- 736 г. Временное перенесение Асадом ибн-Абдаллахом резиденции из Мерва в Балх в связи с восстаниями в Хутталяне и Термезе.
- 737 г. Обострение антиарабской борьбы в Хутталяне при поддержке согдийцев.
- 738 — 748 гг. Наместничество в Хорасане Насра ибн-Сейяра.
- 746 — 747 гг. Пребывание Абу-Муслима в Хорасане в качестве главы аббасидской пропаганды.
- 748 г. Захват Абу-Муслимом Мерва.
- 748 г. Захват китайцами Суяба.
- Правление Абу-Муслима Хорасане.
- 750 — 751 гг. Восстание трудящихся Бухары, возглавленное Шариком ибн-Шейхом ал-Мехри. Пожар Бухары.
- 751 — 752 гг. Взятие войсками Абу-Муслима Кеша (Шахрисябза).
- 754 — 755 гг. Правление халифа Мансура.
- 755 г. Убийство Абу-Муслима в Багдаде.
- 755 г. Восстание Исхака в Мавераннахре.
- 755 г. Антиаббасидское восстание в Хорасане, возглавленное Сунбадом.
- 755 — 757 г. Наместничество в Хорасане Абу-Давуда Халида ибн-Ибрахима.
- 757—758 гг. Казань мятежного арабского правителя Бухары Муджаши ибн-Хурейса ал-Ансари.
- 759 г. Казнь восставшего против халифа наместника Хорасана Абд ал-Джаббара.
- 775 — 785 гг. Правление халифа ал-Махди.
- 776—783—784 гг. Движение Муканны.
- 780—782—783 гг. Наместничество в Хорасане Мусейяба ибн-Зухейра.
- 782—783 или 783—784 гг. Смерть Муканны (по сообщению Наршахи).
- 785 — 786 г. Смерть Муканны (по сообщению ал-Бируни).
- 786 — 809 г. Правление халифа Харун-ар-Рашида.
- 792 — 793 г. Наместничество в Хорасане Гитрифа ибн-Ата ал-Кинди.
- 794 — 795 г. Наместничество в Хорасане Фадла ибн-Яхья ал-Бармаки.
- 806—810 гг. Восстание Рафи ибн-Ляйса

- 805 (?) — 813 гг. Наместничество в Хорасане ал-Мамуна.
- 813 — 833 гг. Правление халифа ал-Мамуна.
- 816—817 гг. Голод в Хорасане.
- 819—820—841—842 Наместничество в Самарканде Нуха ибн-Асада Самани.
- 819—820—855—856 Наместничество в Шаше и Усрушане Яхьи ибн-Асада Самани.
- 819—820—864—865 Наместничество в Фергане Ахмеда ибн-Асада Самани.
- 821 — 822 гг. Наместничество в Хорасане Тахира ибн-Хусейна.
- 822 — 844 гг. Абу-л-Аббас ибн-Тахир — наместник в Хорасане.
- 822 — 828 гг. Наместничество в Хорасане Тальхи ибн-Тахира, правившего от имени своего брата Абу-л-Аббаса Абдаллаха ибн-Тахира.
- 828 — 830 гг. Наместничество в Хорасане Али ибн-Тахира от имени Абу-л-Аббаса тахирида.
- 830 — 844 гг. Фактическое наместничество в Хорасане Абу-л-Аббаса Абдаллаха ибн-Тахира.
- 839 г. Крестьянское восстание в Табаристане, подавленное при активном участии Абдаллаха ибн-Тахира.
- 840 г. Завоевание Исфиджаба Нухом ибн-Асадом.
- 842 — 864 гг. Правление в Мавераннахре Ахмеда ибн-Асада.
- 844 — 862 гг. Наместничество в Хорасане Тахира II ибн-Абдаллаха.
- 849—850 гг. Возведение новых городских стен вокруг Бухары.
- 862 — 873 гг. Наместничество в Хорасане Мухаммеда ибн-Тахира.
- 864 — 892 — 893 гг. Правление в Мавераннахре Насра ибн-Ахмеда ибн-Асада.
- 864 г. Крестьянское восстание против тахиридов в Табаристане.
- 867 — 871 гг. Завоевание Якубом ибн-Ляйсом Герата, Бушенга, Балха, Кабула и Газны.
- 871 г. Утверждение Якуба ибн-Ляйса наместником Балха и Тохаристана.
- 873 г. Присоединение Якубом ибн-Ляйсом к своим владениям Хорасана.
- 873 — 879 гг. Правление в Хорасане Якуба ибн-Ляйса, основателя династии саффаридов.
- 874 — 907 гг. Правление Исмаила Самани в Бухаре.
- 874 — 875 гг. Крестьянское восстание против Исмаила саманида в районе Рамитана-Варкада.
- 879 — 900 гг. Правление в Хорасане Амра ибн-Ляйса.
- 888 г. Вооруженное столкновение между братьями Исмаилом ибн-Ахмедом и Насром ибн-Ахмедом.
- 892 г. Утверждение Амра ибн-Ляйса наместником Хорасана.
- 892 — 907 гг. Правление Исмаила ибн-Ахмеда в Мавераннахре.
- 893 г. Поход Исмаила саманида в Семиречье.
- 900 г. Разгром Амра ибн-Ляйса Исмаилом саманидом и переход Хорасана под власть последнего.
- 900—908—909 гг. Правление в Хорасане Тахира ибн-Мухаммеда ибн-Амра.
- 907 — 914 гг. Правление саманида Ахмеда ибн-Исмаила.
- 914 г. Подавление восстания Исаака ибн-Ахмеда.
- 914 — 943 гг. Правление саманида Насра ибн-Ахмеда.
- 918 г. Восстание карматов, возглавленное Хусейном ибн-Али Мервези.
- 922 г. Путешествие ибн-Фадлана в Булгар.
- 934 г. Рождение Абуль-Касыма Фердоуси.
- 937 г. Пожар Бухары.
- 937 г. Первое упоминание о сооружении медресе в Бухаре (медресе Фарджек).
- 942 г. Взятие караханами Баласагуна.
- X в. (середина). Вторжение тюркского племени ягма в долину р. Чу.
- 943—954 г. Правление саманида Нуха I ибн-Насра.
- 944 г. Восстание в Хорезме.
- 945 г. Восстание в Хорасане наместника Абу-Али Чагани.
- 950 г. Смерть ал-Фараби.
- 954 — 961 гг. Правление саманида Абд-ал-Мелика I ибн-Нуха.
- 961 — 976 гг. Правление саманида Мансура I ибн-Нуха.
- 976—997 гг. Правление саманида Нуха II.
- 977 — 997 гг. Правление в Газне Себуктегина.
- 980 г. Рождение Абу-Али ибн-Сина (Авиценны).
- 985 г. Появление сельджукидов в окрестностях Бухары.
- 992 г. Поход караханида Богра-хана в Мавераннахр и взятие им Бухары.
- 992 г. Смерть Богра-хана.
- 992 г. Возвращение Нуха II с войском в Бухару.
- 995 г. Ликвидация династии хорезмшахов (афригидов).
- 995 — 997 гг. Правление в Хорезме Мамуна ибн-Мухаммеда.
- 996 г. Возобновление караханами наступления на Бухару.

- 996 г. Объединение эмиром Мамуном ибн-Мухаммедом Южного Хорезма (со столицей в г. Кят) и Северного Хорезма (столица—г. Ургенч) в единое государство.
- 996 г. Появление в Мавераннахре караханидов и Себуктегина.
- 997—999 гг. Правление в Бухаре саманида Мансура II.
- 997—999 гг. Правление в Хорезме Али-ибн-Мамуна.
- 998 — 1030 гг. Правление Махмуда Газневи.
- 999 г. Взятие Бухары илек-ханом Насром и установление в Мавераннахре власти караханидов.
- 999—1016—1017 гг. Правление в Хорезме Абу-л-Аббаса Мамуна ибн-Мамуна.
- XI в. Широкое распространение в Мавераннахре института условного землевладения—«икта».
- 1001 г. Установление границ между караханидским государством и владениями Махмуда Газневи.
- 1005 — 1034 гг. Правление илек-хана Али-Тегина в Мавераннахре.
- 1005 г. Ликвидация караханидами последнего сопротивления саманидов в Мавераннахре.
- 1006 г. Первый поход караханидов в Хорасан.
- 1007—1008 гг. Второй поход караханидов в Хорасан.
- 1010—1011 гг. Голод в Хорасане.
- 1017 г. Битва под Хазараспом.
- 1017 г. Военный мятеж против хорезмшаха Мамуна ибн-Мамуна; убийство Мамуна восставшими солдатами.
- 1017 г. Захват Хорезма Махмудом Газневи.
- 1025 г. Свидание Махмуда Газневи с Кадир-ханом близ Самарканда.
- 1025 г. Массовое поселение туркмен в районе Абиверда, Несы и Феравы.
- 1030 — 1041 гг. Правление Масуда, сына Махмуда Газневи.
- 1034 г. Появление сельджукидов в Хорезме.
- 1035 г. Договор между газневидским правительством и туркменами о предоставлении им земель для кочевков.
- 1038 — 1063 гг. Правление первого сельджукида Тогрул-бека.
- 1040 г. Битва у Данданакана; разгром газневидов сельджукидами.
- 1043 г. Завоевание сельджукидами Хорезма.
- 1046—1047—1068 гг. Правление в Мавераннахре тамгач-хана Ибрахима ибн-Насра, караханида.
- 1055 г. Вступление Тогрул-бека с войском в Багдад.
- 1063 — 1072 г. Правление сельджукидского султана Алп-Арслана (в Мерве).
- 1068—1079—1080 гг. Правление в Мавераннахре Шемс ал-Мулька Насра ибн-Ибрахима.
- 1072 — 1092 гг. Правление сельджукидского султана Мелик-шаха.
- 1073—1074 гг. Взятие Термеза Мелик-шахом; заключение им мира с Шемс ал-Мульком.
- 1089 г. Завоевание Мелик-шахом Мавераннахра.
- 1090 г. Восстание в Мавераннахре; поход туда Мелик-шаха.
- 1095 г. Убийство Ахмед-хана, караханида.
- XII в. (начало). Появление в Мавераннахре кара-китаев.
- 1102 — 1130 гг. Правление в Мавераннахре Арслан-хана, караханида.
- 1118 — 1157 гг. Правление султана Санджара, сельджукида.
- 1127 — 1128 — 1156 гг. Правление хорезмшаха Атсыза ибн-Мухаммеда.
- 1130 г. Взятие Самарканда войсками султана Санджара.
- 1138 г. Взятие султаном Санджаром Хорезма.
- 1137—1138 гг. Разгром под Ходжендом войск хана Махмуда, караханида, войсками каракитайского Гурхана.
- 1141 г. Вторичное вторжение кара-китаев в Мавераннахр.
- 1141 г. Разгром Санджара кара-китаем в Катванской степи; взятие кара-китаем Самарканда и Бухары.
- 1141 г. Поход кара-китаев в Хорезм.
- 1141 г. Захват Мерва хорезмшахом Атсызом.
- 1153 г. Разгром гузами войска султана Санджара; пленение ими последнего.
- 1156 — 1172 гг. Правление хорезмшаха Иль-Арслана ибн-Атсыза.
- 1158 г. Поход Иль-Арслана в Мавераннахр.
- 1169—1170—1171—1172 гг. Походы кара-китаев в Хорезм.
- 1172 — 1200 гг. Правление хорезмшаха Текеша ибн-Иль-Арслана.
- 1180 — 1225 гг. Правление халифа Насира.
- 1182 г. Поход хорезмшаха Текеша в Бухару.
- 1187 г. Захват хорезмшахом Текешем Нишапура.
- 1192 г. Взятие Текешем г. Рея.
- 1193 г. Захват Текешем Мерва.
- 1196 г. Разгром войск халифа Насира войсками хорезмшаха Текеша.
- 1200 г. Народное восстание против власти Хорезма в Ираке.

- 1200 — 1220 гг. Правление хорезмшаха Алад-дина Мухаммеда ибн-Текеша.
- 1200—1201—1212 гг. Правление в Самарканде Османа ибн-Ибрахима, караханида.
- 1206 г. Объединение Монголии под властью Чингиз-хана.
- 1206 — 1207 гг. Восстание ремесленников в Бухаре, возглавленное Меликом Синджаром.
- 1206 — 1227 гг. Правление Чингиз-хана.
- 1207 г. Захват хорезмшахом Мухаммедом Бухары.
- 1209 г. Набег Чингиз-хана на Тангут.
- 1210 г. Поражение каракитайского Гурхана в сражении с найманами Кучлука.
- 1210 г. Разгром Гурхана войсками хорезмшаха в битве при Таласе.
- 1211 — 1214 гг. Первый поход Чингиз-хана в Северный Китай.
- 1212 г. Восстание в Самарканде против власти хорезмшаха.
- 1212 г. Ликвидация династии караханидов.
- 1213—1214 гг. Завоевание Кучлуком Восточного Туркестана.
- 1215 г. Второй поход Чингиз-хана в Китай.
- 1215 — 1216 гг. Первое посольство хорезмшаха к Чингиз-хану.
- 1217 г. Второе посольство хорезмшаха к Чингиз-хану.
- 1218 г. Разгром в Отраре посольства Чингиз-хана к хорезмшаху.
- 1218 г. Завоевание монголами Восточного Туркестана.
- 1219 г. Завоевание монголами государства Кучлука.
- 1219 — 1225 гг. Завоевательные походы Чингиз-хана на Западе.
- 1219 г. Вторжение Чингиз-хана в Мавераннахр.
- 1219—1220 гг. (сентябрь — март). Осада и разгром монголами Отрара.
- 1220 г. (февраль). Осада и разгром монголами Бухары.
- 1220 г. (март). Взятие монголами Самарканды.
- 1220 г. (апрель). Героическая оборона (Тимур-Меликом) Ходженды.
- 1221 г. Возвращение в Ургенч Джелал-ад-дина и других сыновей хорезмшаха Мухаммеда.
- 1221 — 1231 гг. Правление (с перерывами) «последнего хорезмшаха» Джелал-ад-дина Мангуберти ибн-Мухаммеда.
- 1221 г. (зима-лето). Осада и разгром монголами Ургенча. Завоевание ими Хорезма, Хорасана и Афганистана.
- 1221 г. (весна). Завоевание монголами Балха, Мерва и Газны.
- 1223 г. Разрушение монголами Мерва.
- 1225—1238 гг. Наместничество в Мавераннахре откупщика Махмуда Ялавача.
- 1227 г. Смерть Чингиз-хана.
- 1229 — 1241 гг. Правление хана Угедэя.
- 1238 г. Восстание Махмуда Тараби в Бухаре.
- 1238 — 1289 гг. Наместничество в Чагатайском улусе Масудбека, сына Махмуда Ялавача.
- 1246 — 1248 гг. Правление Гуюк-хана.
- 1251 — 1259 гг. Правление Мангу-хана.
- 1256 г. Второй поход Хулагу-хана в Иран.
- 1265 — 1282 гг. Правление Абака-хана, хулагуида.
- 1266 г. Переселение в Мавераннахр джалаириров и барласов.
- 1269 г. Курултай монгольских царевичей и нойонов в долине Таласа.
- 1273 г. Захват Бухары хулагуидским отрядом; разгром и пожар города.
- 1285 — 1317 гг. Правление Фахр-ад-дина Курта.
- 1295 — 1304 гг. Правление Газан-хана.
- 1303 г. Закон Газан-хана о прикреплении крестьян к земле.
- 1312 — 1340 гг. Правление Узбек-хана.
- 1316 — 1335 гг. Правление Абу-Саида, хулагуида.
- 1318—1326 гг. Правление чагатайского хана Кебека.
- 1326 — 1334 гг. Правление чагатайского хана Тармарширина.
- 1333 г. Посещение Ибн-Батуты Средней Азии.
- 1333—1337—1381 гг. Государство сербадаров (с центром в Себзеваре).
- 1346 — 1358 гг. Правление эмира Қазагана.
- 1360—1361 гг. Походы Тоглук Тимура в Мавераннахр.
- 1361 г. Сближение Тимура с эмиром Хусейном.
- 1365 г. Поход Ильяс Ходжи в Мавераннахр. «Грязевая битва».
- 1365—1366 гг. Восстание сербадаров в Самарканде.
- 1366 г. Восстановление власти Тимура и Хусейна в Самарканде.
- 1370 г. Взятие Тимуром Балха.
- 1370—1388 гг. Правление в Мавераннахре «подставного хана» Суюргатмыша, чингизида.
- 1370 — 1405 гг. Правление Тимура.
- 1372 г. Первый поход Тимура в Хорезм.
- 1373 — 1374 г. Второй поход Тимура в Хорезм.
- 1376 г. Бегство Тохтамыша из Ак-Орды к Тимуру. Союз Тимура с Тохтамышем. Два похода Тохтамыша в Ак-Орду.

- 1375 г. Смерть Урус-хана.
1379—1380 гг. Захват Тохтамышем ханской власти в Ак-Орде и объединение им обеих частей Орды.
- 1381 г. Взятие Тимуром Герата. Ликвидация куртов как самостоятельных владетелей.
- 1383 г. Восстание в Герате и окончательное падение династии куртов.
- 1385 г. Захват Тебриза Тохтамышем.
1385 — 1386 г. Поход Тимура в Азербайджан и захват им Тебриза.
- 1386 — 1389 гг. Первый (трехлетний) поход Тимура в Иран.
- 1387 г. Восстание против Тимура в Исфагане; разгром города Тимуром.
- 1387—1388 гг. Вторжение Тохтамыша в Мавераннахр.
- 1388 г. Последний поход Тимура в Хорезм; десятидневный разгром Ургенча.
- 1388 — 1402 г. Правление в Мавераннахре второго «подставного хана», чингизида Султана Махмуд-хана.
- 1389 г. Первый поход Тимура против Тохтамыша.
- 1391 г. Второй поход Тимура против Тохтамыша. Битва при Кундузча.
- 1392 г. Покорение Тимуром Грузии и Армении.
- 1392 — 1397 гг. Второй (пятилетний) поход Тимура в Иран.
- 1394 г. Рождение Улугбека.
- 1394 — 1395 г. Третий поход Тимура против Тохтамыша. Разгром г. Сарая-Берке.
- 1397 г. Поход Тимура в Азербайджан.
- 1398 — 1399 г. Поход Тимура в Индию.
- 1399 г. Битва под Дели.
- 1399 — 1405 гг. Третий (семилетний) поход Тимура в Иран.
- 1400 — 1402 гг. Поход Тимура в Турцию.
- 1402 г. Битва при Анкаре; разгром турецкого султана Баязида I.
- 1405 г. Смерть Тимура.
- 1407—1421 гг. Оживление дипломатических сношений между Мавераннахром и Китаем.
- 1406 г. Захват Хорезма эмиром Золотой орды Эдигеем.
- 1409 — 1447 гг. Правление Шахруха как главы тимуридов.
- 1409 — 1449 гг. Правление Улугбека в Самарканде (Мавераннахре).
- 1413 г. Поход Улугбека против Ахмеда, сына Омар-Шейха.
- 1413 г. Возвращение тимуридами Хорезма.
- 1417 г. Окончание строительства медресе Улугбека в Бухаре.
- 1417 — 1425 гг. Строительство медресе Улугбека в Самарканде.
- 1420 г. Тимуридское посольство в Китай.
- 1425 г. Победа Улугбека над войском Шир-Мухаммеда в Семиречьи.
- 1427 г. Разгром кочевыми узбеками войск Улугбека.
- 1428 — 1429 г. Завершение Улугбеком сооружения Самаркандской обсерватории.
- 1441 — 1442 г. Посольство Шахруха в Индию.
- 1449 г. 27/X Трагическая гибель Улугбека.
- 1450 — 1451 г. Правление Абдуллы, сына Ибрагима Султана, в Самарканде.
- 1451 — 1468/69 гг. Правление в Мавераннахре тимурида Абу-Саида.
- 1452—1457 гг. Правление тимурида Абу-Касыма Бабур в Герате (Хорасане).
- 1457 — 1468/69 гг. Правление Абу-Саида в Мавераннахре и Герате; последнее объединение государства тимуридов.
- 1466 — 1469 гг. Годы учения Алишера Навои в Самарканде.
- 1469 — 1494 гг. Правление в Мавераннахре тимурида Султан-Ахмеда.
- 1469—1506 гг. Правление в Герате (Хорасане) тимурида Султан-Хусейна Байкара.
- 1472 Назначение Алишера Навои эмиром дивана чалогов.
- 1482 Смерть историка Абд-ар-Раззак в Герате.
- 1497 Восстание Бади-аз-Замана против Султана Хусейна.
- 1498 Смерть историка Мирхонда в Герате.
- 1501 г. 3 — I Смерть Алишера Навои.
- 1507 — Взятие Герата войсками Шейбани-хана; падение династии тимуридов.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ИСТОРИКО-ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абаргар 166, 167, 168, 224
 Абгар см. (Абаргар)
 Абдаллаха Ансари мазар (см. Герат)
 Абиверд 183, 284, 384, 393
 Абу Хафса холм (см. Бухара)
 Абхазия 61
 Адак 393
 Адрапса (см. Дарапса)
 Азак (см. также Азов) 356
 Азербайджан 165, 189, 190, 284, 335, 351, 356, 358, 370, 393
 Азия 33, 45, 46, 49, 63, 68, 69, 71, 72, 76, 78, 80, 309, 359, 362
 Азия Малая, малоазийский 51, 62, 68, 71, 92, 324, 358, 364
 Азия Западная 55
 Азия Передняя 12, 22, 38, 49, 54, 55, 85, 89, 90, 135, 141, 174, 223, 227, 230, 250, 270, 302, 309, 335, 359, 394, 399
 Азия Средняя, среднеазиатский 7—14, 17—20, 22, 23, 33, 35—38, 41, 45, 48, 49, 51—59, 61—65, 67—69, 80, 81, 85—92, 94, 97, 99, 100, 103—106, 108, 111, 113, 118—122, 124, 125, 127, 128, 132, 135, 136, 139 — 141, 143, 144, 146 — 153, 155, 156, 159, 161, 163—165, 169, 171, 172, 174 — 176, 189, 191, 193, 204 — 206, 209, 211—214, 218, 220, 223 — 227, 229—231, 235—238, 240, 244, 245, 249, 250, 252, 255 — 257, 261—264, 269, 272 — 274, 278, 280, 282, 286, 289, 290, 293, 294, 297 — 299, 301, 302, 306, 309, 313, 322 — 329, 334, 355—359, 367, 369, 370, 373, 375, 376, 394, 399
 Азия Центральная 9, 22, 61, 102, 139, 140, 147
 Азов 356, 359
 Айдан 359
 Айриана Ваэджа 63 (см. также Эран-ведж)
 Айртам, городище 13, 27, 123
 Айрьянем-ваджо (см. Айриана Ваэджа)
 Акес 41 (см. также Аму-Дарья)
 Ак-Орда (Белая или Синяя Орда) 353, 364
 Ак-пишин 299
 Ак-сарай, дворец (см. Самарканд)
 Ак-тау 54
 Ак-тепе 131, 134, 151
 Ала, ворота (см. Бухара)
 Ала, улица (см. Бухара)
 Алай, долина 88, 96, 121
 Александрия на Мургабе 88
 Александрия на Оксе 96
 Александрия, станция (см. также Александрия Эсхата) 87
 Александрия Эсхата — Крайняя, Дальняя, (см. также Ходженд) 74, 75, 87, 96
 Алин сел. 182
 Алмалык 54, 326
 Алтай 53, 54, 55, 95, 139, 140,
 Аман-кутан 20
 Америка 12
 Амида 127, 131
 Амир темир 20, 21, 31
 Аму-Дарья, р. 9, 11, 17, 29, 34, 37, 42, 43, 44, 46, 50, 51, 54, 64, 69 — 72, 75, 80, 88, 93, 97, 101, 102, 105, 111, 121, 127, 140, 143, 144, 146, 148, 156, 157, 159, 160, 163, 196, 215, 227, 228, 275, 276, 278 — 280, 286, 287, 293, 294, 312, 314, 320, 321, 325, 326, 333, 347, 349, 352, 366, 371, 381, 393.
 Аму-дарья, правобережная 29, 34, 44, 50, 111, 112, 122
 Амуье (см. также Амуй) 337
 Амуй (см. также Чарджоу) 145, 159, 227
 Анау, городище 18, 19, 30, 32, 35, 37
 Ангрена долина II
 Ангрен р. 54, 225, 336, 340
 Андераб (Кундуз) 96
 Андижан 370, 390, 391, 407
 Андхой 145, 147
 Андхуд 318
 Ани 339, 388
 Анкара 358, 359, 365
 Антиохия (селевкидские) 87.

- Абу-Ханифа ад-Динавери 179, 180, 181, 183
 Абу-Хашима ал - Кинани (дворец, см. Бухара)
 Абу Юсуф Якуб (731—798) 156, 175, 236,
 Абу-Шуджа 228
 А'вар 213
 Агриппа (I в. до н. э.) 87.
 Адиль Джуз 359
 Адриан 119
 Адуд ад-Даула буид, (949—983) 253
 Азам-Мелик 322
 Акбек 337, 338
 Ак-Коюнлу, династия (1378—1502) 403
 Ак-шах 320
 Ала-ад-Даула 373, 374
 Алгу-хан 336, 338
 Александр Македонский 43, 44, 48, 52, 54,
 56, 62, 68 — 81, 85 — 90, 92, 93,
 96, 100, 102, 304, 308, 315.
 Али, брат Махмуда Тараби 332.
 Али, четвертый халиф 185, 187, 366.
 Али, эмир 359
 Али-Акбар, шейх 351
 Али-бек туркмен 346
 Али Дост Тагай 391
 Алиды, потомки Алия (с 788 г. династия:
 алиды - идрисиды, 788 — 985)
 187, 194
 Али ибн-Джудей ал-Кермани 183
 Али ибн-Мамун, хорезмшах (997—999) 281
 Али Исфакхани, ходжа 399
 Али Кушчи (Али ад-дин ибн-Мухаммед)
 378, 379, 393
 Али Мезид Каучин 392
 Али Муайад, сербедарид 357
 Али-Тегин, илек-хан (1004—1034) 279, 280,
 284, 292
 Алишер Навои 386, 387, 388, 394, 396—406
 Алп-Арслан, сельджукид (1063—1072) 292,
 293, 294
 Алп-Тегин 232, 278
 Алтунташ 283
 Амброзио Кантарини 356
 ал-Амин ибн-Харун ар-Рашид, аббасид 217
 Амин ал-Мульк 322
 Амир Асад, кетхуда 256, 257
 Аммар ибн-Иезид (Хидаш) 179, 189
 Аммиан Марцеллин (330—400) 125, 127, 131
 Аморг, сакский царь 50, 51, 62
 Амр ибн-Имран 199
 Амр ибн-Ляйс (879—900) саффарид 221,
 222, 223, 268
 Амурат (см. Мурад)
 Анахит (Ардвисура-Анахита) 42, 43, 65, 66,
 89, 97, 98, 122, 134
 Ангримайньо (Ангримайньо) 64
 Андрагор, сатрап Парфии 92
 Антимах, евтидемид 93
 Антиох I Сотер, селевкид 86, 87, 88, 89
 Антиох II, селевкид 90, 92, 94
 Антиох III, селевкид 92
 Антиох Хиеракс, селевкид 90
 Антипарт 85
 Антихалиф (см. Абдаллах ибн аз-Зубейр)
 Антсний 91
 Антонин Пий 119
 Ануш-Тегин, хорезмшах 298, 299
 Аполлодор (II в. до н. э.) 85, 91
 Аполлон 89, 97, 98
 Аполлон Дидимейский 71, 87
 Аппиан (II в. н. э.) 87
 Аргун-ага 335
 Аристовул 68, 69
 Аристотель (364—322 до н. э.) 65, 253, 253,
 259
 Ариф 394
 Арриан Флавий (ок. 96—ок. 180 г.) 43, 45,
 46, 48, 68, 69, 70, 71, 72, 75, 76,
 77, 79, 80, 85, 92, 102, 103
 Арслан, хорезмшах (см. Иль-Арслан)
 Арслан-Тегин 286
 Арслан-хан, караханид (1102—1130) 295,
 296
 Артабаз 76
 Артаксеркс (см. Бесс)
 Артаксеркс I, ахеменид (465—424 до н. э.) 52
 Артаксеркс II, ахеменид (405—361 до н. э.) 65
 Артемида 93, 98
 Аршак, основат. династии аршакидов 91, 92
 Аршакиды, династия 91, 92, 129
 Асад- ибн-Абдаллах, нам. Хорасана (723—
 727) 171, 172, 175, 179, 253
 Асад ибн-Саман 218, 219
 Асим ибн-Абдаллах ал-Хилали, нам. Хора-
 сана (734—735) 171
 Ал-Асир (см. Ибн-ал-Асир)
 Ата (см. также Муканна) 193
 Атропат 86
 Атсиз, хорезмшах (1127—1156) 299, 300, 301,
 302, 310
 Аурватаспа 95
 Ауфи 246, 293
 Афзал ад-дин Мухаммед 398, 403, 406
 Афина 97, 98
 Афина Партенос 99
 Афинодор 86
 Афрасиаб (царь Турана) 62, 105, 206
 Африг, хорезмшах 120, 134
 Афригиды, династия, (305—997) 120, 129
 132, 134, 135, 145
 Афродита 89
 Ахемениды, династия (558 — 330 до н. э.)
 41, 44—47, 49, 50, 52—59, 61—
 70, 71, 73, 76, 81, 87, 96, 99, 105,
 109, 111, 135, 149, 152
 ал-Ахнаф ибн-Кейс 155, 156
 Ахмед (см. Хына, дехкан)
 Ахмед Балчич 308
 Ахмед джалаирид (1382—1410) 358
 Ахмед ибн-Асад, саманид 218, 219, 220, 221
 Ахмед ибн-Мухаммед ибн-Наср 289
 Ахмед ибн-Хызр, караханид 294, 295
 Ахмед, нуджар 244
 Ахмед, сын Омар-шейха, тимурид 370, 371,
 372, 384
 Ахмед ал-Фергани 257
 Ахмед Ходженди 308
 Ахмед Ходжи 396
 ал-Ахнаф ибн-Кейс 155, 156
 Ахриман 63, 64, 65
 Ахурамазда 63, 64, 65, 149
 Ахшунвар 118
 Ашвины 89
 Ашрас ибн-Абдаллах ас-Сулами, нам. Хо-
 расана (727—729) 169, 170, 171,
 177

- Ашурбанипал (668—626 до н. э.) 49
 Аяч 275
 Баба-Кули-бек 391
 Бабур (см. Захир ад-дин Мухаммед Бабур)
 Багратуни Смбат 128
 Багы, сарханг 198, 199, 200
 Бади аз-Заман, тимурид 392, 405, 407
 Бай-Биджан 57
 Байсункар, тимурид 370, 373, 380, 383, 384, 395
 эл-Бал'ами (Белами) 247, 254, 260
 Бану-Кечек 57
 Бань-Гу (I в. до н. э.) 91, 101, 104
 Бардия (Смердис) 50
 Бар-Еврей (см. Абу-ль-Фарадж)
 Барис-ас-Саклаби 230
 Бармакиды (VIII в.) 168, 217
 Бармуда 142
 Бартольд В. В. 14, 42, 62, 63, 88, 103—105, 117, 125, 126, 127, 131, 133, 139, 140, 146, 151, 161, 169, 171, 192, 204, 207, 208, 210, 211, 215, 218, 226, 239, 242, 243, 246, 282, 289, 300, 303, 307, 310, 339, 366, 369, 370, 372, 375, 377, 381, 388, 403
 Барчин 57
 Батый (1251 — 1293) 318, 327, 333, 334, 335
 Бахрам-Чубин 142
 Баязед, джалаир 341
 Баязед I, султан, осман (1389—1402) 358, 359, 365
 Баязед, хаким 359
 Баян Кули-хан 341
 Безымянный царь 106, 107, 108
 Бейрек 57
 Бейхаккий 277, 282, 285
 Ал-Белазури 156, 157, 158, 163, 164, 165, 215, 220, 260, 271
 Белами (см. Бал'ами)
 Бераз ибн-Махуйя 164
 Бердибек 352, 353
 Береке, шейх 351, 366
 Берке-хан, джучид 334, 335, 336
 Бесс, ахеменид 69, 70, 71, 72, 75, 76, 77, 92, 129
 Беха-ад-дин, уstad 339
 Беха-ад-дин Рази, посол 308
 Бехзад (см. Кемал-ед-дин-Бехзад)
 Бидун, бухар-худат 206
 Бируни (см. Абу-Рейхан Бируни)
 Бих Аферид 184
 Богра-хан (Харун ибн-Муса-ибн-Сатук) 274, 275, 276, 279
 Богра-хан, брат Арслан-Тегина 286
 Борах-хан, чагатаид 336
 Буиды (бувейхиды), династия (932 — 1012) 253, 257, 291
 Будда 98, 123
 Бука Тимур 334
 Букейр ибн-Махан 179, 182
 Булга-ага 334
 Буниат ибн-Тахшада, бухар-худат 177, 196, 197, 201, 202, 232
 Бурак 372, 373
 Бурундук, эмир 405
 Бурхан ад-дин 298
 Бурхан ад-дин ал-Маргинани 235, 375, 394
 Бурхан ад-дин, садр 331
 Бурхан ад-дин, сын Исам ад-дина 394
 Валентин 147
 Валид I, халиф, омейяд (705—715) 163
 Валид II, халиф, омейяд 213
 Варахран V, сасанид (418—438) 127, 128, 132
 Варрон (I в. до н. э.) 97
 Василь ибн-Амр 173
 Васишка (см. Васудева)
 Васудева, кушан 119
 Васыфи 377, 405
 Вахшунвар, царь эфталитов 126, 128, 129, 133
 Вахшун-варта (см. Оксирт)
 Венера Медичи (Медичейская) 122
 Веретрагна 89, 122
 Вима (см. Кадфис II кушан)
 Виштанса 95
 Ву-ди (140—87 до н. э.) 106
 Вэй-Цзе 212
 Гавомард 65
 Газан-хан (1295—1304) 329, 336, 338, 339, 361.
 Газневиды, династия (962—1186) 247, 248, 278, 280, 283, 284, 285, 293, 360
 Гао-Сянь-Чжи 187
 Гардизи (XI в.) 164, 171, 196, 229, 230, 231, 235, 271, 279, 280
 Гасан ибн-Абад 219
 Гатфер 126, 133
 Гаумата, «лже-Бардия» (523—521 до н. э.) 50, 51
 Гаухар-Шад 371, 373, 395
 Герай 107
 Геракл 89, 97, 98, 99, 123
 Гераклид, сын Аргея 88
 Геланик (V в. до н. э.) 47
 Гелиокл (евтидемид) 93, 97
 Гелисс 122
 Гермей 118
 Геродот (ок. 484—ок. 425 до н. э.) 32, 41, 42, 43, 44, 46, 47, 50, 51, 52, 53, 54, 56, 57, 58, 60, 62, 65, 66, 67, 102, 103, 105, 109, 12.
 Гефестион—76
 Гидра лернейская—99
 Гильгамеш—65
 Гирдак — 198, 199, 200
 Гистаспы (VI — VI вв. до н. э.) 63
 Гияс ад-дин Али—364
 Гияс ад-дин Джамшид— 379
 Гияс ад-дин Мухаммед, врач 400
 Гияс ад-дин Мухаммед султан, гурид 301
 Гияс ад-дин Пир-Али, курт 356, 357
 Гияс ад-дин ходжа наккаш 380
 Гог и Магор 324
 Гопатшах 65
 Горгона Медуза 99.
 Грумбат (IV в.) 127, 131
 Гуйшуан, династия (см. также кушан) 117
 Гулаим 62
 Гурек, ихшид (710—730) 161, 162, 163, 166, 169, 170, 172
 Гуриды, династия (1148—1215) 301, 302
 Гуштапс 62, 63
 Гуюк-хан (1246—1248) 327, 333
 Давуд бек, сельджукид 280
 Давуд, эмир 351

- Лаики 253, 255, 256, 257
Данишменд 314
Данишмендча, чагатаид (1346—1348) 341
Дарий I Гистасп, ахеменид (521—485 гг. до н. э.) 41, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 57, 58, 59, 61, 64, 65, 68, 74, 105, 109
Дарий III Кодоман, ахеменид (338—330 гг. до н. э.) 48, 52, 69, 70, 71, 75, 80
Датафарн 70
Дауд ибн-Карраз 182
Даулет-шах 399, 402
Дегинь 102
Де Гье 260
Деметрий, евтидемид 85, 92, 93, 94
Демодам, стратег 87
Дервиш Али 404
Дервиш Мухаммед Тархан 386, 396
Джалаириды, династия (1336 — 1441) 339, 356, 358
ал-Джаррах ибн-Абдаллах, нам. в Хорасане (717—719) 165, 166, 169
Джа'фари 370
Джахур ибн-Маррар ал-Иджли 191, 192
Джебе-нойон 307, 311, 313, 319, 320
Джебраил ибн-Яхья 199, 200, 201
Джейхани 247
Джелал ад-дин ибн-Мухаммед, хорезмшах 318—324
Джелал ад-дин Фазл Аллах Абу-л-Лейси, ходжа 396
Джехан, садр Бухары 337
Джехангир, тимурид 353, 360, 369, 370
Джеханшах, кара-коюнлу 370
Джувеини, 299, 303, 304, 305, 306, 313, 314, 315, 317, 318, 319, 329, 330, 331, 332, 361
ад-Дзузджани (XIII в.) 314, 327
Джудей ибн-Али ал-Кермани 179, 180, 183
Джуки, тимурид 373
ал-Джунейд 170
Джунейд ибн-Халид, эмир Бухары 202
Джучи 307, 313, 317, 320, 321, 326, 327, 334, 340, 353, 354, 355
Джучиды, династия (1224 — 1873) 334, 335, 336, 354
Диваштич 155, 166, 167
Дизавул (см. Истеми-Дизавул)
Дийа ал-Мульк 309
ад-Динавери 181
Диодор Сицилийский (I в. до н. э.) 45, 49, 69, 71, 73, 75, 77, 78, 79, 85
Диодот I (эпарх Бактрии) 90, 91, 92, 97
Диодот II 92
Дионис 100
Диоскуры 89
Дмитрий Донской 354, 356
Евдем Родосский (IV в. до н. э.) 65
Евкратид 93, 94, 97, 106, 107, 118
Евмен 85
Евсвий 128
Евтидем I, основ. династии 92, 93, 94, 97, 120, 128
Евтидем II 97
Евтидемиды, династия (208 — 162 до н. э.) 92, 105
Егише (V в.) 125, 127
Е-да 126
Заратустра (см. Заратустра)
Заратустра 63, 64, 67, 149, 184, 192
Зариандр 61, 62, 63
Зарина 57, 61, 62
Захир ад-дин Масуд ибн-ал-Мунаввар аш-Шаи, везир 310
Захир ад-дин Мухаммед Бабур 378, 384, 385, 386, 387, 390, 391, 398, 401, 407
Зевс 65, 89, 97, 98, 122
Земарх, киликиец 141, 152
Зеноб Глак (VII—VIII вв.), 125
Зенон, визант. импер. (V в.) 128
Зирек ибн-Лачин 337
Зияд ибн-Абу Суфьян 163
Зияд ибн-Салих 185, 186, 187, 239
Золотоордынские ханы (1224—1359) 325
Зопир 133
Зрван 65
Ибн-ал-Асир 219, 273, 286, 292, 314, 315, 316, 321, 322, 324
Ибн-Арабшах 339, 345, 346, 360, 365, 366
Ибн-Батута (Баттута) 325
Ибн-Кувая 231
Ибн-Кефредж Богра 309, 311
Ибн-Мискавейх 193, 260
Ибн-ал-Мукаффа 194, 263
Ибн-Русте 231
Ибн-Фадлан Ахмед 227, 228, 229, 230
Ибн-ал-Факих 213
Ибн-Халдун 365
Ибн-Халликан 193
Ибн-Хаукаль 164, 219, 224, 225, 226, 231, 236, 241, 243, 251, 262, 269
Ибн-Хордадбех 219, 229,
Ибрагим, внук Тимура (Ибрагим Султан) 369, 370, 380, 383,
Ибрахим, автор «Ахбар Муканна» 193, 195
Ибрахим Дербенди 358
Ибрахим ибн-Мухаммед, имам 181, 183, 187
Ибрахим тамгач-хан, караханид 293, 294
Идрис ибн-М'акила ал-Иджли 180
Иездегерд II, сасанид (438—457) 127
Иездегерд III сасанид, (633—651) 154
Иезид ибн-ал-Мухаллаб (VIII в.) 155, 156.
Иезид II, халиф, омейяд, (720—724) 166
Иесудер-огул, правитель Хорасана 337
Иешту Стилит (VI в.) 125, 127
Йиган-Тегин 280
Илек-ханы, династия (932-1165) 259, 279, 282, 286, 287
Иль-Арслан, хорезмшах (1156—1172) 301
Ильдиз-нойон 332
Илья Муромец 63
Ильяс ибн-Асад, саманид 218
Ильяс Ходжа 346, 347, 348, 349
Имад ал-Мульк, битикчи 334
И-ми Ку-да-бо (см. Кутейба ибн-Муслим)
Иналчик-хан 309, 313,
Инанч-хан Огул-хаджиб 314
Иоанн священник 300
Иоанн Эфесский 139
Иосафат Барбаро 356
Иса ибн-Идрис ибн-Иса 180
Исам ад-дин, шейх ал-ислам 375, 394
Искандер, султан 379
Ислам Барлас, эмир 405

- Исмаил ибн-Ахмед, саманид (874-907) 221, 222, 223, 232, 233, 235, 236, 244, 246, 249, 260, 261, 262; 273
- Исокрот, ритор (436—338 до н. э.) 68
- Исраил бек, сельджукид 280
- ал-Истахри 158, 164, 185, 214, 215, 219, 221, 223, 224, 226, 239, 241, 243
- Истеми (Дизавул) 140, 141, 142, 144, 147, 148, 152
- Исхак-тюрк 192
- Кавад, сасанид (488—531) 128, 129, 130, 180
- Кавам ад-дин Ширази 395
- Кадир, халиф, аббасид (991—1031) 278, 282
- Кадфис I, кушан 117, 118, 123
- Кадфис II, кушан 117, 118, 119
- Кадыр-хан, тамгач-хан 279, 280
- Кадыр-Юсуф, тамгач-хан 294
- Казаган бек, эмир (1346—1358) 341, 346, 352, 365
- Казан-хан, чагатанд 341, 365
- Казы-задэ Руми 377, 379
- Кайду, хан, чагатаид 337, 338, 341
- Капм, халиф, фатимид (934—946) 265
- Каллисфен (IV в. до н. э.) 79
- Камбис, ахеменид (529—523 до н. э.) 50, 58, 59
- Камбар-али 391
- Кан, династия (царство Кан, VI—VII вв.) 145, 147, 148, 212
- Канишка, кушан (78—123) 117, 119, 120, 122, 123
- Капан 338
- Каратжа 313
- Каран 75
- Караханиды, династия (999—1212) 9, 10, 11, 205, 243, 247, 259, 260, 269, 270, 272—280, 291—299, 301, 302, 304
- Кара-коюнлу, династия (1378—1469) 370
- Кара-Чурич 142
- Касим-бек, Каучин 391
- Катен 70, 72
- ал-Катиб ас-Самарканди (XII в.) 310
- Катульф 133, 141
- Кахтаба 183
- Квинт Курций Руф (I в. н. э.) 43, 48, 56, 62, 69, 70, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80, 85, 95
- Кебек хан, чагатаид (1318—1326) 338, 339, 340, 341, 350, 351, 352, 360
- Кейхосрау, владетель Хутталяна 341, 351, 352, 353
- Кемал ад-дин Бех-зад 400
- Камал ад-дин Максуд 361
- Керешасп 62
- ал-Кермани (см. Джудей-ибн-Али ал-Кермани)
- Кнаксар (Мидия, VII в. до н. э.) 49
- Кидар (V в.) 127
- Кильди-бек 353
- Кноцэюко (см. также Кадфис I) 117
- Кир, ахеменид (558—529 до н. э.) 50, 57, 58, 59, 62, 73, 105
- Клавихо, Рюи-Гонзалес де 345, 362, 365, 366, 399
- Клит 79
- Кода-кааны («великие ханы»), династия (1206—1259) 318
- Кода-казан, чингизид 318
- Красс 91
- Кратер 77
- Ксенофонт (ок. 434—ок. 355 до н. э.) 41, 50, 58, 59
- Ксеркс, ахеменид (485—465 до н. э.) 41, 51, 52, 56, 62, 64, 71
- Ктесий 49, 50, 52, 62, 67
- Куджула (см. Кадфис I)
- Куджула-Кадфис (см. Кадфис I)
- Кулартегин, сарханг 202
- Кул-Мухаммед 401
- Кунхас, кидарит 127
- Курты, династия (1245—1389) 341, 356, 357, 360
- Курций Руф (см. Квинт Курций Руф)
- Кутб ад-дин Таус Симнани холжа 396, 397, 403
- Кутейба ибн-Муслим 149, 157, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 172, 176, 177, 179, 212, 213, 237, 240
- Кутейба ибн-Тахшада 177, 185, 186
- Кучлук, найман 304, 307, 308, 311
- Кушанская эра (с 78 г. н. э.) 122
- Кушаны, династия 104, 105, 107, 117, 118, 119, 120, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 145, 206
- Кю-да-бо (см. также Кутейба) 162
- Лазарь Парбский (V—VI вв.) 125, 126, 127, 128
- Ленин В. И. 5
- Лейли 400
- Лернейская гидра (см. гидра лернейская)
- Лиссип греческий скульптор (IV в. до н. э.) 97
- Лу'эй-ибн-галиб 252
- Мааз ибн Муслим 201
- ал-Мадаини (ум. в 234/849 г.) 215, 260
- Мадж ад-дин Багдади шейх 311
- Маздак (V в.) 64, 129, 136, 134, 189, 190, 191, 192
- Мазьяр 218, 235
- ал-Макдиси Мутахар (X в.) 185, 190, 191, 224, 225, 226, 227, 232, 233, 239, 245, 251, 253, 270, 272, 273, 280, 281
- М'акила ибн-Идрис ибн-Иса 180
- Мамай 353, 354, 356
- ал-Мамун ибн-Харун ар-Рашид, халиф, аббасид (813—833) 217, 218, 219, 226, 246, 257
- Мамун ибн-Мамун (см. Абу-л-Абасс-Мамун)
- Мамун ибн-Мухаммед хорезмшах (995—997) 281
- Мангу-хия (1251—1259) (см. также Мункэ-каан) 328, 332
- Мани (III в., казнен в 276 г.) 64, 189
- Маниах 140, 141, 148
- ал-Мансур, халиф, аббасид (754—775) 176, 184, 188, 191, 192, 194, 195, 209, 238, 240, 245, 246
- Мансур ибн-Нух, саманид (961—976) 236, 254, 260
- Мансур II, саманид (997—999) 258, 277
- Мансур ибн-Омар, амил 180
- Мануче 339, 338
- Мардоний 52
- Марин, географ (нач. II в.) 120
- Маркс К. 10, 55, 214, 367

- Масиста, ахеменид 52
 Масуд ибн-Махмуд, газневид (1030—1041) 284, 285
 Масуд-хан ибн-Ахмед, караханид 295
 ал-Мас'уди 229, 231
 Масудбек 325, 333, 335, 336, 337, 338, 340
 Мать Тахшады (см. Тахшады мать)
 Маулана Ахмед Ясавул 383
 Маулана-задэ 348, 349, 350
 Мауляна Мухамед Хорезми 377
 Махди 192
 ал-Махди, халиф (775—785) 195, 198, 199, 201, 202, 203, 246
 Махди-султан, узбек 407
 Махмуд Газневи (998 — 1030) 256, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284
 Махмуд Дехлевийский, султан 358, 363, 364
 Махмуд, караханид 299, 300
 Махмуд кашгарский 270, 271, 272, 287
 Махмуд Тараби 329, 330, 331, 332, 333, 335
 Махмуд Ялавач 308, 309, 324, 326, 327, 330, 332, 333, 335, 336, 340
 Маэс 120
 Меджд ад-дин Мухаммед 397, 398, 403, 404
 Меджнун 400
 Мелик Синджар 303, 304, 330
 Мелик-шах, сельджукид 290, 292, 294, 295, 298
 Менандр, царь 91, 93
 Менандр Протектор (IV в.) 130, 139, 141, 144, 147, 148, 152
 Мерван II, халиф, омейяд (744—750) 183
 Мервези (XI в.) 293
 Мир Али Меджнун (Рафики) 401
 Мираншах, тимурид 357, 360, 369, 370
 Мирза Ибрахим Султан, тимурид 369, 370, 380, 383
 Мирза Кайду Бохадур, тимурид 384
 Мир-Сайид Ахмед 385
 Мирхонд (см. Мухаммед б. Ховенд-шах)
 Митра 65, 66, 97, 98, 108, 122, 134,
 Митридат I. 93
 Моисей Хоренский (V в.) 125
 Моцай 109
 Муавия, халиф, омейяд (661—680) 155, 156
 Муайид ад-дин, везир 302
 Мубарек-шах, чагатаид 336
 ал-Мубашир 170
 Муджаши ибн-Хурайс ал-Ансари 194
 Музаффар Барлас 397
 Музаффариды (1313—1393) 357
 Музаффар-Мелик 322
 Музаффар Хусейн, тимурид 405, 407
 Муин ад-дин Исфизари 394, 402
 Муин ад-дин Натанзи (см. Натанзи).
 Муканна (Хашим ибн-Хаким, ал-А'вар, Ата Мервези) 64, 188, 192 — 203, 218, 236
 ал-Муктадир, халиф, аббасид (908 — 932) 189, 228, 230
 Мункэ (Мангу), каан (1251—1259) 333, 334, 335, 336, 337, 340
 Мункэ-каана мать 337
 «Мунтасир» (см. Абу-Ибрахим Исмаил ибн-Нух)
 Мурад-хан (Амурат) джучид 353
 Муса Ябгу, сельджукид 284, 285
 Мус'аб (Мусайаб), дед Тахира 217
 ал-Мусейяб ибн-Башира ар-Рияхи (VIII в.) 167
 Мусайяб ибн-Зухейр, нам. Хорасана 202, 203
 ал-Мутасим, халиф, аббасид (833—842) 219
 Мухаммед, пророк (571—632) 155, 178, 181, 234
 Мухаммед б. Ховенд-шах (1432—1498) 382, 393, 399, 401
 Мухаммед, брат Махмуда Тар-иби 332
 Мухаммед ибн-Али, правнук Аббаса, имам 178, 179, 180, 181, 187
 Мухаммед ибн-Ахмед ибн-Абд ал-Азиз, садр 303
 Мухаммед ибн ал-Мунаввар 244
 Мухаммед ибн Тахир, тахирид 221
 Мухаммед Мумин 405
 Мухаммед Нахшеби 264
 Мухаммед Парса 376
 Мухаммед Султан, сын Джехангира, тимурид 360, 369, 371
 Мухаммед-ходжа, Аперди 341
 Мухаммед хорезмшах 302, 303, 304, 305, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 315, 316, 318, 319, 320
 Мухаммед Хосроу ходжа 382
 Мухаммед Хусейн мирза, тимурид 406
 Мухриз ибн-Ибрахим 182
 ал-Мухтар 159
 Муъзз-ад-Даула, буид (932—967) 291
 Мхер 63
 Мэн-хун 311
 Навои (см. Алишер Навои)
 Навуходоносор 324
 Наджм ад-дин Кубра, шейх 321
 ан-Надим (X в.) 189
 Наршахи (X в.) 105, 139, 142, 156, 157, 164, 173, 176, 177, 185, 186, 192, 193, 194, 195, 196, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 218, 222, 223, 224, 232, 236, 238, 239, 242, 244, 247, 289, 293, 294
 ан-Насафи ас-Самарканди 234
 Насир, халиф (1180—1225) 302, 303, 311
 Насир-и-Хусрау 241
 Наср, илек-хан (ок. 998 — ок. 1009) 259, 276—279
 Наср ибн-Арслан, караханид 295
 Наср ибн-Ахмед, саманид (864—892) 220, 221, 222, 242, 273
 Наср II, ибн-Ахмед, саманид (914—943) 242, 247, 254, 255, 263, 264, 265, 275
 Наср ибн-Сейяр (738—748) 168, 172, 173, 176, 179, 180, 182, 183, 197, 213
 Натанзи Муин ад-дин 363
 Неарх 69, 76
 ал-Несевн 308, 309, 310, 315, 322
 Низам ад-дин Бахтияр 396, 397
 Низам ад-дин Сухейли 397
 Низам ад-дин Шахи 341, 348, 349, 363, 364, 384, 399
 Низам ал-Мульк, везир сельджукида Мелик-шаха 189, 191—194, 232, 245, 246, 247, 248, 290, 292

- Низам ал-Мульк ходжа, везир тимурида
 Султан-Хусейна 397, 398, 403,
 404, 405, 406
 Низами 390
 ан-Низами ал-Арузи ас-Самарканди 189,
 250, 251, 256, 259, 294
 Нодар 138
 Нух ибн-Асад, саманид 218, 219, 220, 273
 Нух II ибн-Мансур, саманид (976—997)
 253, 255, 258, 259, 275, 276
 Нух ибн-Наср 263, 265
 Огэ-Бегум 371
 Олатида 62, 63
 Озлаг-шах 320, 321
 Оксарт 69, 70, 72, 79, 80, 86
 Омар I, «правоверный халиф» (634—644)
 156
 Омар II, халиф, омейяд (717—720) 155,
 165, 166
 Омар ибн-Абд ал-Азиз, садр 297
 Омар, сын Мираншаха 360
 Омар-шейх, сын Абу-Саида 384, 385, 390,
 391, 392
 Омар-шейх, сын Тимура 360, 369, 370, 371,
 392
 Омарг 47, 62
 Омейяды, династия (661—750) 155, 166,
 171, 178, 179, 180, 181, 182,
 184, 185, 187, 189, 191, 197,
 211, 366
 Онесикрит 88
 Ормузд 89, 122, 149
 Оропий 80
 Осман ибн-Хунейф 175
 Осман-хан, караханид 304, 305
 Османы, династия (1299—1922) 359
 Парк-Монгол 383
 Патрокл флотоводец 88
 Певколай 75
 Пейтингер 87
 Пердикка 85, 86
 Пероз сасанид (457—484) 128, 129, 132, 133
 Пехлеви Джемаль 380
 Пир-Мухаммед, сын Джехангира, тимурид
 360, 367, 369, 384
 Пир-Мухаммед, сын Омар-шейха, тимурид
 360
 Плано-Карпини 328, 329, 362
 Платон 377
 Плиний Старший (ум. в 79 г. н. э.) 33,
 45, 47, 54, 87, 88, 97, 102, 121
 Плутарх (I—II вв. до н. э.) 33, 69, 78, 85,
 91
 Полибий (II в. до н. э.) 41, 41, 91, 92
 Полиен (II в. н. э.) 51, 62, 67
 Поло, братья 338
 Поло, Марко 325
 Помпей Трог (см. Трог Помпей)
 Посейдон 97, 98
 Приск Панийский (V в.) 125
 Прокопий Кесарийский (VI в.) 125, 127,
 128, 129, 131
 Птолемей (II в. н. э.), 46, 57, 96, 102, 111,
 117, 120, 379
 Птолемей Лаг (IV в. до н. э.) 68, 69, 70,
 71, 86
 ар-Раби ибн-Зияд ал-Харис, нам. Хораса-
 на 163
 Рабия ибн-Омран 169
 Равенди 301
 Рафаэль 400
 Рафи ибн-Ляйс 218
 Рафики (см. Мир-Али-Меджнун)
 Рашид ад-дин 314, 315, 318, 327, 329, 334,
 336, 337, 338, 339, 361, 390.
 Роксана 79, 80, 85
 Рохшанак (см. Роксана)
 Рудеки 250, 253, 254, 255, 263, 264
 Рукн-ад-дин 319
 Рустам 63, 149, 252
 Рустем, тимурид 360
 Рюи Гонзалес де Клавихо (см. Клавихо)
 Сабадзий 66
 Садры бухарские (династия) 297, 298, 300,
 303, 327, 331
 Саид ибн-Абад ал-Азиз (Хузейна); нам. Хо-
 расана 164, 166, 213
 Саид ибн-Амр ал-Хараши, нам. Хорасана
 166, 167, 168, 212
 Саид Ашик 375
 Саид ибн-Осман (VIII в.) 156, 157
 ас-Саид Салих ибн-Тариф 169
 Саид Хузейна (см. Саид ибн-Абд ал-Азиз)
 Саид, эмир Герата (Саид ал-Хараши; см.
 также Саид ибн-Амр ал-Ха-
 раши) 201, 202
 Сайфас (Шуайс), караханид 293
 Салих ибн-Муслим (VIII в.) 161
 Саман 218
 ас-Самани 225, 248, 249, 254
 Саманиды, династия (819—999) 10, 205, 217,
 218, 219, 221—238, 240, 242,
 243, 244, 246—254, 256, 257,
 259—264, 269, 270, 273, 275 —
 279, 280, 281, 284, 286, 287,
 289, 290, 291, 292, 297
 Санджар мирза 392
 Санджар, сельджукид (см. Султан Санд-
 жар)
 Сарай Мульк-ханым 365, 371
 Сасаниды, династия (224—651) 23, 59, 119,
 127, 128, 129, 130, 132, 135,
 145, 151, 184, 242
 ас-Сафи 374, 375, 386
 Саффарины, династия (866 — 908 — 9); 221;
 222, 223
 ас-Саффах, халиф, аббасид (749—754) 184,
 187, 188
 Сахль ибн-Ахмед Дагуни 244
 Себеос (VII в.) 125, 128, 139
 Себук-Тегин 276, 278
 Сейф ад-дин Аграк 322
 Сейф ад-дин Бахарли 336
 Селевк I, селевкид 86, 87, 88, 89
 Селевк II (см. Антиох II)
 Селевкиды, династия (312—64 до н. э.) 85,
 86, 87, 88, 89, 90, 92, 94, 96,
 105, 111
 Селевкидская эра (с 1/X 312 до н. э.), 89,
 98
 Селена 122
 Сельджук, основат. династии 280
 Сельджукиды, династия (1037—1300) 205
 Сельджукиды великие, династия (1038 —
 1157) 205, 228, 243, 247, 260,
 263, 269, 280, 283, 284, 285,

- 286, 289—295, 297, 298, 300,
301, 302, 304, 360
Семирамида (см. Шамурамат)
Сербедариды (1337—1381) 356, 357
Сербедары 347, 348, 349, 350, 356, 357,
Сильсивул 129
Синбад (см. Сунбад)
Си ю-чи (VI в.) 135
Сиявуш 63, 66, 105, 108, 122, 134, 206, 207
Скунха, сак 51, 60
Скунха 127
Смбат Багратуни (см. Багратуни Смбат)
Смердис (см. Бардия)
Согдиан (С'ад Согдиан) 201
Сокольник 63
Сотер (см. Антиох I)
Сохраб 63
Спаретра 50, 57, 61, 62
Спитама (см. также Спитамен) 69
Спитамен 69—80, 92, 129
Спитамена жена 77, 79
Сталин И. В. 5, 29, 59
Стефан (VII в.) 96
Страбон 32, 41, 43, 45, 46, 47, 52, 53, 54, 56,
65, 67, 68, 71, 77, 79, 85, 88,
91, 92, 93, 96, 97, 98, 101,
102, 103, 117, 121, 150
Стриангий 62
Субэдей (Субедай), нойон 307, 313, 319, 320
Суйская династия (589—617) 142
Сулейман ибн-Абу-с-Сари (VIII в.) 155, 165,
166, 167, 168, 170
Сулейман ибн-Кесир 178, 179, 180, 181
Сулейман Суфи 364
Сулейман, халиф, омейяд (715—717) 163
Султан Али Мешхеда 401
Султан Али Тавачи 364
Султан-Ахмед, тимурид (1469—1494) 361,
376, 386, 390, 391
Султан-Махмуд, тимурид 393
Султан-Махмуд-хан, чингизид 365
Султан-Мухаммед, сын Байсункара, тиму-
рид 370, 373
Султан Санджар, сельджукид (1118—1157)
295, 296, 298, 299, 300, 301,
304, 308, 310
Султан-Хусейн Байкара, тимурид 384, 385,
387, 388, 390, 392—407
Сулу, хан (717—738) 158
Сунбад 187, 188, 191, 192
Сусан ар-Расси 230
Суфи, династия (1359—1388) 352, 354, 355,
371
Суюргатмыш, тимурид 370, 385
Суюргатмыш, чингизид, «подставной» хан
(1370—1388) 351, 365
Сы-ма Цянь (II—I вв. до н. э.) 91, 98, 101,
102, 104, 105, 109
Сюань Цянь (VII в.) 133, 143, 145, 148, 150,
205
Табари (см. ат-Табари)
ат-Табари (ум. 923) 125, 131, 139, 145, 148, 150,
155, 157, 160—164, 165, 166,
167, 169, 170, 171, 172, 175, 176,
179, 180, 181, 182, 185, 190, 191,
192, 193, 194, 195, 199, 202, 207,
212, 213, 215, 253, 254, 260
Табит 65
Тадж ад-дин Зирек 337
Такин ат-Тюрки 230
Тальха ибн-Тахир, нам. Хорасана (822 —
830) 218, 219
Тамерлан (см. Тимур)
Тамша 330
Тан, династия (618—907) 139, 142
Тарагай 345, 346
Тармаширин (1326—1334) 341
ат-Тартуси 188
Тархун (VII в.) 158, 161, 166
Тахир ибн-Абдаллах (844—862) 220
Тахир ибн-Хусейн (821—822) 217, 218, 219
Тахириды, династия (821—873) 217, 218, 219,
221, 222, 223, 227, 235, 239, 243,
252, 257, 262, 271
Тахмурас 211
Тахшада, бухар-худат 156, 173, 176, 177, 207
Тахшады мать (мать Тахшады) 156, 157, 207,
208
Таянгу, каракитай 304
Текеш, сельджукид 292
Текеш, хорезмшах 301, 302, 303
Темир-ходжа, джучид 353
Темучин (см. Чингиз-хан)
Тимур (Тамерлан, Тимурленг, Тимур-хромец)
339, 340, 345—369, 371, 372,
374, 379, 381, 384, 392, 399, 401
Тимуриды, династия (1370—1507) 355; 369;
379, 380, 382, 383, 384, 385, 386,
389, 390, 391, 392, 397, 400, 401,
407
Тимур-мелик 317, 318, 320, 321, 322
Тиридат 92
Тогрул-бек, сельджукид (1038—1063) 250,
283, 284, 285, 286, 293, 300
Тогрул II, сельджукид 302
Токлуг-Тимур 341, 342, 343, 346
Томирис 50, 57, 61, 62,
Торквемада (XVII в.) 24
Тохтамыш 339, 353, 354, 355, 358, 363, 364,
372
Траян 119
Трог Помпей (I в. до н. э.) 45, 85, 91, 98,
101, 102, 111
Тугай-хан 315, 316, 317
Туган-хан, караханид 286
Туй-Ходжа-оглан 353
Тули 307, 314, 326, 333, 334
Тули-хана вдова 333, 334
Тумынь 140
Тунуш 284
Туркан-хагун 300
Туркан-хатун, канглы 302, 311, 315, 320
Убайдулла ходжа Ахрар 374, 376, 386, 387,
389, 390, 393, 407
Убейдуллах ибн-Зияд (VII в.) 156
Увейс, эмир 383
Угедэй 307, 313, 316, 318, 321, 326, 327, 333,
334, 335, 336
Узбек-хан 321, 353, 354, 371
Улугбек 230, 369—385, 390, 393, 394
Ульджай-бука Сульдуз 341
Ульджай Туркан-ага 346
Умейр ибн Ахмар ал-Яшкура, наместник в
Мерве 164
Умейя ибн-Абдаллах (VII в.) 157.

- Унсур 250
 Урус-хан 353, 354, 372, 373
 Устад-и-Рашиди 254
 Утби 247
 Утби Манини 242
 Фавст Бузанд (IV в.) 125, 127
 ал-Фазл ибн-Сулейман ат-Туси 203
 Файк 232, 273, 276, 277
 ал-Фараби (см. Абу Наср ал-Фараби)
 Фарадж (Насир ад-дин Фарадж) мамлюк
 (1399—1405) 358
 Фарасман 76
 Фарнух 74, 75
 Фаррухи 256, 257
 Фархад 400
 Фатимиды, династия (909—1171) 264, 265
 Фахр-ад-дин Курт 389
 Фахр-ад-дин, уstad 339
 Фахр ал-Мульк 335
 Фахри 378
 Феофан Византийский (VI в.) 125, 126, 130,
 132, 139, 150
 Феофилакт Симокатта (VII в.) 139, 149, 150,
 152
 Феофраст (нач. III в. до н. э.) 95
 Фердоуси Абу-л-Касым (X в.) 62, 66, 67, 125,
 133, 250, 253, 256, 395
 Фидий 99
 Филипп 68
 Филипп, сатрап Согдианы и Бактрианы 86
 Филота 71
 Фрада 51
 ал-Хаджадж 159, 160, 163
 Хаджи-Барлас 341, 346
 Хаджиб Юсуф Баласагуни (см. Юсуф хас-
 хаджиб Баласагуни)
 Хадиджа-бикни 405
 Хаким ал-А'вар (см. также Муканна) 193
 Хаким ибн-Ахмед 198, 199, 200
 Хаким, сарханг, отец Муканны 194
 Халаф, эмир 256
 Халид ибн-Абдаллах ал-Кесри, нам. Хо-
 расана 189
 Халид ибн-Бармак 182, 183, 184
 Халифы «правоверные» (632—661) 155
 Хамдаллах Казвини 294, 300, 361
 Хамза Исфгани 193
 Хамза секкак Арджахи 244
 Хамза-Султан 407
 Хан-заде 353
 Хань, Ранние (Старшие), династия (202 до
 н. э.—25 н. э.) 32, 46, 91, 101
 Хань, Младшие, династия (III в. н. э.) 117
 126, 136
 Харес Митилениский (IV в. до н. э.) 62, 63
 ал-Харис ибн-Сурейдж 171, 172, 181, 183
 Харун, хорезмшах 284
 Харун ар-Рашид, халиф, аббасид (786—809)
 175, 217, 226, 246
 Хасан Аттар 376
 Хасан ибн-Ала Согди 209, 210
 Хасан, карлук 322
 Хасан-ходжа 317
 Хасан, эмир 380
 Хафиз Аbru 365, 374, 379, 380, 389, 394,
 399, 401
 Хафиз Мухаммед бек-Дулдай 391
 Хашари (Хишри) 198, 199, 200
 Хашим ибн-Хаким (см. также Муканна) 193
 Хаян ан-Набати, маула 155
 Хидаш (см. Аммар ибн-Иезид)
 Хилаль ас-Саби 277
 Хисам ад-дин Омар, садр 300
 Хишам, халиф, омейяд (724—743) 171, 189
 Ховенд-шах, эмир 383
 Ходженди (см. Абу-Махмуд Ходженди)
 Ходжа Яхья, сербадар 348
 Хондемир 387, 388, 396, 397, 398, 399, 400,
 401, 402, 403, 404, 405, 406
 ал-Хорезми (см. Абу Джафар ибн-Муса
 ал-Хорезми)
 Хориен 80
 Хосров I Ануширван, сасанид (531—579)
 129, 140, 141, 189
 Хосроу-шах 391
 Хронос (Кронос) 65
 Хувншка, кушан 119
 Худай Берды Тимур-Тали 391
 Худайдад 383
 Худайдад Калмык 387
 Хузейна (см. Саид ибн-Абд ал-Азиз)
 Хулагу-хан 335, 336, 360
 Хулагуиды, династия (1256—1356) 325,
 327, 338, 339, 356, 360, 361,
 388
 Хумар Тегин, эмир 321
 Хурдек-и-Бухари 348
 Хурзад 161
 Хуррема (жена Маздака) 189
 Хусейн, эмир 341, 346, 347, 348, 349, 350,
 351, 365
 Хусейн ибн-Али Мервези 264
 Хусейн ибн-Мааз, эмир Бухары 199
 Хусейн ибн-Тахир, тахирид 221
 Хусейн Суфи 352, 353
 Хызр, тамгач-хан, караханид 294, 295
 Хызр-хан, джучид 353
 Хына, дехкан 209, 214, 240
 Цинь III, династия (1115—1234) 307
 Чаган-хорезмшах 161
 Чагатай 307, 313, 316, 321, 326, 327, 333,
 334, 336, 338, 352
 Чагатаиды, династия (1227—1370) 325, 335,
 336, 337, 338, 341, 350, 351,
 365
 Чагры-бек Давуд, сельджукид 284, 285,
 293
 Чан-чунь 317, 325
 Чаньфын 110
 Чекал Курчи 332
 Чжан-Цянь 58, 91, 96, 105, 106, 109, 110,
 111, 112
 Чингизиды, династия (1206—1634) 328, 333,
 341, 351, 364, 365
 Чингизиды, династия (1206—1634) 328, 333,
 322—328, 334, 340, 341, 349, 361,
 362
 Чолай 338
 Чулуг 256
 Шади ходжа 380
 Шамурамат (Семирамида) (VIII в. до н. э.),
 49
 Шапур II, сасанид 127
 Шараф аз-Заман Тахир Марвази 269

- Шараф, сарханг 199
Шарафа жена, владетельница Наршаха 198—199, 200
Шарик ибн-Шейх ал-Махри 177, 184, 185, 186, 187, 188, 195, 239
Шахид Балхи 255
Шах-Мелик, правитель Дженда 284
Шах-Мелик эмир 371, 380, 384
аш-Шахристани 189, 190
Шахрух 369—374, 376, 380, 383—385, 389, 390, 394—396, 401
Шейбани-хан, основатель династии (1488—1510) 400, 406, 407
Шейх Мазид-бек 391
Шейх Хасан 347
Шемс ад-дин Кулаль, шейх 346
Шемс ад-дин Махбуби 330, 331, 332
Шемс ал-Мульк Наср, караханид, тамгач-хан (1068—1079/80) 293, 294
Шемс ад-дин Фахури 346
Шереф ад-Даула, владетель Баласагуна 286
Шереф ад-дин Али Иезди 349, 355, 357, 358, 363, 364, 399
Шива 118
Шики-Хутуху 323
Ширак, сак 51, 62, 63, 133
Ширамун 334
Ширин 400
Шир-Мухаммед, хан, чингизид 370, 372
Шихаб ад-дин Хиваки 319
Шуайс (см. Сайфас)
Шубат, царица (IV тысяч. до н. э.) 49
Эдигей, эмир 371, 384
Элиан (II в.), 57, 61
Энгельс Ф. 25, 43, 55, 72, 367
Энкиду 65
Эфталан (см. Вахшунвар)
Эргене-хатун 336
Юстин (II в. н. э.) 69, 77, 85, 90, 91, 93, 96, 101, 150
Юстин II (365—374) 130, 141, 144
Юсуф Суфи 353
Юсуф хас-хаджиб Баласагуни 287, 288
Юсуф ал-Хорезми 294
Ядгар Мухаммед Мирза 396, 397
Якуб, ак-коюнлу 403
ал-Якуби (IX в.) 155, 193, 194, 211, 212, 213, 245
Якуб ибн-Ахмед, саманид 220
Якуб ибн-Ляйс, саффарид 221, 222
Якуб Чархи 376
Якут 194
Ян-ди, династия Суй (605—617) 212
Яхья ибн-Асад, саманид 218, 219, 220

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ — ИСТОРИЧЕСКИХ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ

- Абака-хан, хулагуид 337
 Аббас 382
 Аббас, дядя Мухаммеда 178
 Аббас ибн-Джебраил 200
 Аббасиды, династия (750—1258), 165, 177, 178, 180 — 189, 191, 192, 195, 197, 199, 226, 227, 235, 239, 246 — 252, 255, 257, 302
 Абдавейхи ал-Джардамиз 182
 Абд ал-Азиз ибн-Омар ал-Маза, садр 298, 300
 Абд ал-Азиз, тимурид 381, 382
 Абд ал-Али тархан 386
 Абд ал-Джаббар ибн-Абд ар-Рахман ал-Азди 194, 195
 Абд ал-Джаббар ибн-Шуайс, эмир Бухары 185
 Абд ал-Латиф, тимурид 373, 374, 381, 382
 Абдаллах Ансари 395
 Абдаллах Ахтаб 396, 397
 Абдаллах ибн-аз-Зубейр антихалиф 159
 Абдаллах ибн-Тахир Абу-л-Аббас, тахирид (830—844), 218, 219, 220, 235, 271
 Абдаллах ибн-Хазим, нам. Хорасана (683—691), 156, 158, 159
 Абдаллах Пирзад 383
 Абд ал-Мелик, халиф, омейяд (685—705) 159
 Абд ал-Мелик, саманид (954—961) 260
 Абд ал-Мелик ибн-Хузейль 185
 Абд ал-Хай 406
 Абд ар-Раззак Самарканди (ум. 1482) 362, 370, 374, 378, 380, 383, 384, 392, 394, 399, 401
 Абдулла, тимурид 383
 Абдулла ибн-Амр 196
 Абд-ур-рахман Джами 377, 386, 388
 Абд-ур-рахман ибн-Муслим (VIII в.) 161
 Або (см. Абруй)
 Абруй (Або) 142, 143, 269
 Абу Абдаллах ан-Натали 258
 Абу Али ал-Алави 245
 Абу Али Симджури 232, 275, 276
 Абу Али ибн-Сина (Авиценна) 241, 253, 254, 257, 258, 259, 260, 281
 Абу Бекр Келеви 348, 349, 350
 Абу Бекр кеффал Мервези 244
 Абу Бекр куттани 244
 Абубекр, сын Мираншаха, тимурид 360
 Абу Давуд Халид ибн-Ибрахим 213
 Абу Джафар Даванаки (см. ал-Мансур, халиф)
 Абу Джафар ибн-Муса ал-Хорезми 190, 257
 Абу Ибрахим Исмаил ибн-Нух («Мунта-сир»), караханид (999—1005) 277
 Абу-Исхак, бухар-худат 232
 Абу-л-Аббас Абдаллах ибн-Тахир (830—844) 218, 219, 220, 235, 271
 Абу-л-Аббас кассаб 244
 Абу-л-Аббас Мамун ибн-Мамун, хорезм-шах (999—1016) 259, 260, 281, 282, 283
 Абу-л-Касим Бабур, тимурид 373, 381, 385, 385, 392, 394
 Абу-л-Касим заррад 244
 Абу-л-Касим Майменди 282
 Абу-л-Касим Самарканди, имам 203
 Абу-л-Маали, шейх 351
 Абу-л-Фазл Сури 285
 Абу-л-Фарадж (Бар-Езрей) 193, 195, 202, 203
 Абу-л-Хайр, хан 383, 393
 Абу-л-Хайр ал-Хаммар 259, 281
 Абу-л-Хасан Нишапури 206, 238
 Абу-л-Харис Мухаммед ибн-Али хорезм-шах 283
 Абу Мансур варракани 244
 Абу Махмуд Ходженди, астроном (ум. 391—1000 г.) 378
 Абу Музаффар эмир Чаганиана 256
 Абу Муслим 177, 180—189, 191, 192, 194, 195, 199, 213, 262
 Абу Насир саррадж 244
 Абу Наср Арран 259, 281
 Абу Наср ал-Фараби 253, 257, 258, 259
 Абу-Рейхан ал-Бируни 13, 66, 88, 120, 134, 145, 148, 149, 190, 193, 202, 203, 257, 259, 260, 281, 282
 Абу-Сайд, хулагуид (1316—1335), 339
 Абу-Сайд, тимурид (1451—1469) 361, 376, 383, 384, 385, 386, 387, 390—394, 396, 398, 401
 Абу Сайд ал-Джури 245
 Абу Сайд Мейхенейский 244, 245
 Абу Сайд ар-Рустеми 252
 Абу Сайд хаддад 244
 Абу Сайд хаттаб 244
 Абу Сахл Масхи 259, 281

- Антиохия в Маргиане (Мерв?) (см. Антиохия на Мургабе)
 Антиохия в Скифии (см. также Узген) 87, 96, 110
 Антиохия на Мургабе 88, 120
 Антиохия на Оронте (Сирия) 86, 294, 295
 Антиохия за Яксартом (Узген?) 87, 96
 Антиохово море (см. также Каспийское море) 88
 Аньси (см. также Парфия) 105, 112, 117
 Араван сел. 109, 110
 Аравийский полуостров 153
 Аравия 159
 Аракс (см. также Аму-дарья) 42, 43
 Аракс (кавказский) 42
 Аранха (см. также Аму-дарья) 42, 43
 Арахосия 93
 Арбинджан 162, 201, 205, 212, 225
 Аргос 96
 Ардахан 319
 Ардвисура-Анахита (см. также Аму-дарья) 42, 43
 Армаза скала 79
 Ария (см. также Гератская область) 64, 93
 Арк бухарский (см. Бухара)
 Армения 126, 165, 284, 324, 335, 358
 Арран 335
 Архипелаг (Ионийское море) 51
 Асбара (см. также Исфара) 226
 Аскатанка 102
 Ассирия 49, 65
 Астрабад г. 390, 392, 393, 402, 403, 404
 Астрабад область, район 387, 403
 Астрахань 356, 359
 Аттаран ворота (см. Бухара)
 Атрек р. 19
 Атропатена (в Мидии) 88
 Афганистан 12, 23, 31, 93, 225, 278, 318, 322, 364
 Афганистан Северный 36, 44
 Афины, полис 51
 Афрасиаб городище (см. Самарканд)
 Африга замок (см. Фир)
 Африка, африканский 22, 28, 55
 Афшана сел. 208, 232, 233, 258
 Ахан сел. 191
 Ахарун 159
 Ахваз 189
 Ахлат 359
 Ахси 392
 Ашхабад 309, 322
 Аяз-кала 110, 122
 Аяз-кала № 3 120
 Бага 77
 Багдад 182, 184, 195, 198, 217, 226, 227, 228, 229, 245, 252, 257, 232, 286, 360, 366
 Багдад сел. 366
 Баг-и-баланд, сад (см. Самарканд)
 Баг-и-Джахан ара, сад (см. Герат)
 Баг-и-Диль-Куша, сад (см. Самарканд)
 Баг-и-Заган, сад (см. Герат)
 Баг-и-Нау, сад. (см. Самарканд)
 Баг-и-чинар, дворец (см. Самарканд)
 Баг-и-шахр, сад (см. Герат)
 Бадахшан, бадахшанский 48, 49, 54, 106, 128, 131, 341, 360, 376
 Базара, ворота (см. Аттаран ворота)
 Базар-кала 122
 Байсун, район 24, 37
 Байсун-тау 18, 20, 21, 36
 Бактра (см. Бактры)
 Бактриана 87, 101
 Бактрия, бактрийский 8, 9, 12, 13, 33, 41, 44, 48—50, 52, 54, 55, 62—64, 67, 69, 72, 73, 76, 77, 81, 85 — 98, 100, 101, 103, 104, 106, 107, 111, 112, 118, 119, 132, 133, 173
 Бактрия правобережная 96, 99
 Бактрия, сатрапия 54, 69, 78, 86, 92
 Бактрия, епархия 90, 92
 Бактры 75, 86, 96, 120
 Баладж 270
 Баласагун 204, 227, 272, 274, 289, 299, 300
 Балх г. 53, 127, 129, 132, 156, 168, 171, 183, 215, 245, 253, 258, 276, 279, 283, 293, 294, 296, 300, 322, 350, 351, 360, 381, 388, 390, 402, 404, арк: Хиндуван 350; Наубехар 168
 Балх вилайет 253, 292, 341, 347,
 Балхам (Балхан) 131
 Балханский полуостров 127, 131
 Балханы, горн. хр. 19, 284
 Балхаш 46
 Бану-асад ворота (см. Бухара)
 Бану Ханзаль мечеть (см. Бухара)
 Баркет сел. 222, 236
 Барсаган 271
 Барчалыккент 317
 Басилейя 74
 Басра 163
 Бахань 151
 Бахар (см. также Бухара) 105
 Бахастан (см. Бисутун)
 Бахди (см. также Бактрия) 63
 Беговат (Фархадская ГЭС) 74
 Белая орда (см. также Ак-орда) 353
 Белеули 228
 Белорусская ССР 112
 Бемичкент (Нумучкент) сел. 198
 Банакет 225, 317
 Бенарес 118
 Беркут-кала 66, 131, 146, 150
 Берукет 270
 Бехистун (см. Бисутун)
 Биби-ханым, мечеть (см. Бухара)
 Биджнагар 380
 Бинкет (см. также Ташкент) 145, 146, 205, 206, 212, 227, 248
 Бистам 319
 Бисутун, бисутунский 47, 49, 50, 51, 52, 55, 60, 61
 Бия-найман 123, 151
 Ближний Восток (см. Восток Ближний)
 Боз-Су 134, 151
 Большой улус 372
 Большой Ферганский канал им. Сталина 19, 66
 Босфор Киммерийский 88
 Букан-тау 36, 54

- Булгар (Болгар) 227, 228, 231, 354
 Бунджикент (см. также Пянджикент) 167
 Бухара г. 9, 13, 44, 54, 74, 75, 105, 131, 132, 134, 135, 139, 142, 143, 145—147, 156, 157, 160, 162—164, 169—171, 173, 176, 177, 179, 184—187, 194, 196, 198—202, 204—215, 218, 221 — 228, 232, 233, 235 — 245, 249, 253—255, 258, 259, 261, 263—265, 275—279, 281, 289, 292—295, 297, 298, 300, 302, — 304, 308, 311, 313 — 315, 320, 321, 325, 327, 329—333, 336—338, 340, 375 — 377, 383, 386, 394, арк. 206, 207, 209, 210, 238, 239, 242, 243; арык: Руд-и-зер 239; базары: Писте-шикастан 214, Чуба-и-бакалан 214, Харкан 239; бейт-ат-тираз (каргах) 239; бут-хана 176, 207, 240; ворота: Ала 210, Аттарап 186, 214, 237, 238, Базара 214, 237, 238, Бану-асад 237, Бану-са'д 237, Гуриан 207, Мох 185, 186, 239, Нур 237, 240, Ригистан (Ворота продавцов сена) 207, 208, Самаркандские 199, Сиккат-мугон 239; дворцы (кахи): Абу Хашима ал-Кинани 239, Бидуна 207, бухар-худатов 209, 239, 242, Раби'а 331, Хына 209, эмира 242; кала 243; кварталы: Исфизар 243; Китаб-хана 253, кухендиз 176, 207, 208, 209, 210, 237, 239, 240; мавзолен: Исмаила Саманида 260, 262; медресе: Масудие 325, 337, 338, Фарджек 242; Ханийе 337, мечети: Бану-ханзаль 209, 240, Магоки-аттарап 238, Мох 238, 239, соборная 211; Ригистан 207, 239, 242, 247; рабады 185, 210, 238, 239, 242, 243, 244; улицы: Ала 210, Дехканов 239, 242, Каха (везира ибн-Айюба ибн-Хасана) 209, Мугов 239, 242, Риндан 209; местности: Абу Хафса, холм 330, Джуми Мулиан 242, 255, 276, Карак-и-Алавиан, 242, Кешк-и-Муган 239, 242, 289, таки: Саррафан 238, шахристан: 170, 185, 186, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 237, 238, 239, 240, 242.
 Бухара, вилайет 198, 220 221, Бухара оазис 44, 142, 220
 Бухара область (совр.) 105, 160, 224
 Бухара район 97, 140, 260
 ал-Бухейра (Джурджан) 155—156
 Бушендж (Бушенг) 179, 183, 217
 Вавилон 49, 50, 59, 61, 86, 257
 Вавилония 86, 89
 Барахша городище 13, 131, 135, 151, 208, 262, 263
 Вардана 160, 208
 Васит 180, 181
 Вахш р. 121, 340
 Вахша долина 96, 104
 Ведар 164, 225
 Виджинагар (см. Биджнагар)
 Везира ибн-Айюба улица (см. Бухара)
 Византия, Византийский 125, 127, 128, 129, 132, 136, 139, 140, 141, 147, 152, 153, 184
 Волга 141, 228, 231, 234
 Восток 10, 23, 43, 62, 69, 81, 89, 90, 98, 166, 230, 232, 245, 247, 248, 264, 366, 375, 377, 378, 379, 400, 404
 Восток Ближний 55, 363, 387
 Восток Дальний 91, 359
 Восток передний 263, 301
 Восток средний 301
 Восточная Европа (см. Европа Восточная)
 Восточный Туркестан (см. Туркестан Восточный)
 Гава 64, 65
 Гавхорэ (см. Таза-Баг-яб)
 Гавгамелы 48, 52
 Газа 73
 Газават, арык 44, 56
 Газна (Газни) 251, 276, 277, 278, 279, 283, 322, 323, 370, 384
 Гандхара (см. также Пешавар) 123, 127
 Ганзак 127
 Ганьсу 102
 Гарчистан 251
 Гардж аш-Шар (см. Гарчистан)
 Гау-Хитфар арык 44
 Гаухорэ (см. Гавхорэ)
 Гекатомпилы 120
 Геллеспонт (см. также Дарданеллы) 68
 Герат 179, 182, 201, 276, 285, 301, 302, 322, 341, 356, 357, 369, 370, 372, 373, 374, 376, 379 — 381, 383, 387 — 390, 392 — 407; арк (цитадель): Ихтияр ад-дин 357, 373, 381, 383, 389, 394, 405; арык: Инджиль 394, 399; ворота: Ирак 394, Кипчак 394, Мелик 394, Фирузабад 394, Хуш 394; книга-хана 395; мазары: Абдаллаха Ансари, 395, 406, Ишрат-хана 394; медресе Ихласийе 400, Шахруха 396, сады: Баг-и-джехан ара 395, Баг-и-заган 395; Баг-и-шахр 395; соборная мечеть 400; Мусалля 395; ханаки: Халасийе 400, 401; Шифайе 400; Чорсу 394
 Герат, область (см. также Ария) 93, 217, 341
 Германия 34
 Гибинь (см. также долина Кабула) 101, 117
 Гиждуван 198
 Гилян 403
 Гиндукуш 68, 69, 80, 93, 117, 127
 Гиренг (Джирендж) 182
 Гиркания 54
 Голодная степь 17
 Горго 123, 131.
 Граник 79

Греко-Бактрия, греко-бактрыйский 13, 62, 90, 93—104, 106, 108, 109, 118, 124, 135, 152
 Греция 12, 37, 49, 51, 67, 68, 81, 86, 96, 100
 Грузия 5, 324, 335, 358
 Гузаргах 395, 406
 Гузган, г. 276
 Гуйшуан (Кушан), царство 117
 Гуйшуй (см. также Аму-дарья) 101, 111, 112
 Гуль (Джуль) р. 364
 Гупта царство 127
 Гур, обл. 301
 Гурган г. (см. также Горго) 131
 Гургендж (см. также Ургенч) 281
 Гуриан ворота (см. Бухара).
 Гур-Эмир (см. Самарканд)
 Гучен 333
 Гушан (см. также Узген) 110
 Гюрген 392
 Гянджа, гянджийский 246
 Гяур-кала, городище (см. Мерв)
 Дабусия 170, 212, 225, 315
 Давань (см. также Фергана) 32, 87, 91, 95, 96, 98, 101, 102, 104, 106, 109, 110, 111, 112, 121.
 Дайтья (см. также Зарафшан) 43
 Далан кишл. 225
 Дальний Восток (см. Восток Дальний)
 Дамаск 155, 159, 172, 363, 366
 Дамган г. 135
 Данданакан 285
 Дарапса 96
 Дараут-курган 88
 Дарваз 10
 Дарданеллы 68, 96
 Дахя (см. также Бактрия и Тохаристан) 110, 111; 112; 121
 Даштак 233
 Дели (Дехли) 358, 363
 Деметриас г. 96
 Дехканов улица (см. Бухара)
 Дехли (см. Дели)
 Дех Нуджикас 272
 Дешт-и-Кипчак 371
 Джамбул (см. также Тараз) 158
 Джанбас-кала 30, 32, 66, 107, 108
 Джанбас-кала № 4, 29, 31
 Джанбас-кала № 5 31
 Джанбас-кала № 6 32
 ал-Джезира 183, 217
 Джейхун (см. также Аму-дарья) 112, 228, 255, 321
 Дженд 269, 284, 293, 299, 301, 317, 318
 Джизак 71, 145, 167, 225, 373
 Джизак тумен 387
 Джиляутинское ущелье 373
 Джирендж (см. Гиренг)
 Джузджан 171, 172, 251
 Джун Мулиан (см. Бухара)
 Джун, арык 135
 Джурджан 155, 171, 172, 229
 Джурджания (см. Гургендж)
 Джурджанское море (см. также Каспийское море) 229
 Джучи улус 326, 340, 353, 354, 355
 Дивари-Кыямаг 220

Дизак (см. Джизак)
 Димишк сел. 366, 381
 Дихистан (Мешхед-и-Мисриян) 155, 220, 284, 285, 301
 Днепр р. 35
 Дон р. 43, 72
 Дрангиана 93, 101
 Драпсака 96
 Друан (см. Дунхуан)
 Дунайская низменность 35
 Дунхуан 121, 136
 Евкратидея 96

* *

Европа 12, 17, 45, 78, 231, 257, 359
 Европа Восточная 36, 45, 119, 120, 124, 145, 226, 229, 230, 231, 309, 327, 333
 Европа Западная 12, 22, 258
 Европа Северная 17
 Европа Северовосточная 231
 Европа Юговосточная 19, 30, 33, 38, 227
 Евфрат р. 42, 120
 Египет, египетский 12, 42, 49, 50, 61, 67, 68, 86, 90, 153, 178, 264
 Египет Южный 52
 Закавказье 49, 178, 323, 324, 354, 356, 361
 Закаспийские степи 102
 Замджан 228
 Замм (Керки) 159
 Зандана сел. 208, 224
 Западная Азия (см. Азия Западная)
 Западная Европа (см. Европа Западная)
 Западный Иран (см. Иран Западный)
 Западная Сибирь (см. Сибирь Западная)
 Западно-тюркский каганат (см. Тюркский каганат, Западный)
 Западный Туркестан (см. Туркестан)
 Зараут-Камар 27, 28, 37
 Зараут-сай 27
 Зарафшан р. 17, 43, 48, 53, 75, 106, 118, 144, 145, 167, 168, 220, 315, 325
 Зарафшан верхний 10, 165, 168, 254
 Зарафшана долина 9, 11, 97, 158, 159, 160, 163, 171, 192, 196, 197, 202, 223, 224, 264, 269, 279, 284, 292, 299
 Зарафшан правобережный 277, 280, 314, 325.
 Зарафшанский хребет 24
 Заречье (см. Мавераннахр)
 Зариспа 73, 75, 76, 77, 92
 Зауралье 28
 Заутолош-сай 18
 Захмат-абад 168
 Зерман 201
 Зернук 313, 314
 Золотая орда 325, 327, 333, 336, 339, 352, 353, 354, 355, 356, 359, 371, 384
 Золотой путь 97
 Зохаки-Морон 123
 Ивачовская балка 26
 И-да царство 126
 Иерусалим 324
 Илак 145, 189, 192, 223, 225, 226, 232
 Или р. 140, 158, 326
 Инд р. 86, 93, 118, 143, 323

- Инджиль, канал (см. Герат)
 Индия 18, 50, 54, 68, 85, 86, 88, 93, 96,
 97, 99, 117, 118, 119, 120,
 121, 124, 125, 127, 132, 133,
 135, 136, 143, 149, 257, 258, 277,
 278, 279, 323, 381
 Индия Северная 49, 88, 96, 128, 135,
 140, 278
 Индия северо-западная 93, 94, 99, 117, 119,
 123
 Индостан 118, 119
 Иония, ионийский 59
 Ирак 159, 174, 175, 178, 179, 183, 184, 189,
 217, 228, 274, 284, 285, 286,
 291, 302, 335, 406
 Ирак Аджем 284, 285, 286, 406
 Ирак, ворота (см. Герат)
 Ирак Персидский (см. Ирак Аджем)
 Иран (см. также Персия) 12, 14, 18, 23,
 36—38, 41, 49, 54, 55, 59, 61,
 62, 64, 65, 68, 80, 93, 96, 99,
 119, 120, 127, 128, 129, 130,
 132—136, 140, 141—143, 145,
 149, 152—155, 174, 175, 178,
 181, 183, 184, 187—189, 190,
 193, 194, 222—224, 226—228,
 232, 235, 239, 240, 241, 253,
 256—257, 278, 280, 285, 291, 322,
 325, 327—329, 335, 336, 354—
 357, 361, 370, 388, 390, 392,
 393
 Иран Западный 291, 403,
 Иран Восточный 55, 93, 128, 187, 191, 223
 Иран Северный 190, 278
 Ир-курган городище (см. Яр Курган)
 Иртыш 8, 158, 326
 Искандергам 234
 Искандер-дарья 168
 Искандер-хана 31
 Иската (см. также Скифия) 64
 Искиджкет 224
 Исмаила Саманида мавзолее (см. Бухара)
 Иссык куль 53, 96, 97, 106, 121, 144,
 147, 227, 271
 Исфара 167, 226
 Исфаринские горы 54
 Исфиджаб 143, 220, 251, 245, 270, 272, 273,
 274, 286
 Исфизар 364
 Исфизар, кварт (см. Бухара)
 Итиль 228, 231
 Итиль-Хазаран 231
 Исфаган 180, 241, 294, 357, 358, 360, 361, 370
 Ихтияр ад-дин, цит. (см. Герат)
 Ишкузан (см. также Скифия) 64
 Ишрат-хана (см. Герат)
 Иштихан 143, 144, 147, 151, 167, 245
 Кабула долина 97, 121
 Кабул 113, 121, 370, 371, 384
 Кабул, область 117, 118
 Кабул р. 97, 101, 118, 121, 128
 Кавказ 53, 61, 108, 141, 227, 228, 320, 335,
 Кавказский хребет 141
 Кавказское ущелье 129
 Каза, сел. 193
 Казахстан 18, 28, 30, 32, 33, 35, 44, 47, 105,
 220, 355
 Казвин 319, 370
 Кала-и Давлат-абад 168
 Кала-и Мадм 168
 Кала-и Муг 168
 Кала-и Сарвадар 168
 Калалы-гыр 56
 Калка р. 320, 354
 Каменная башня 88, 120, 121
 «Каменная Могила» 28
 «Каменный город» (см. также Ташкент) 88
 Кампыр-дувал 220
 Кан, Канский союз 145
 Канаудж 278
 Канг, Кангдз 105
 Кангха 93, 102, 104, 105, 106, 107, 108,
 111, 112, 118, 119, 125
 Кангюй (см. также Кангха) 105, 106, 112,
 121, 124
 Кандахар 370, 384, 388
 Кандахар область (см. также Арохосия) 93
 Кандзюй (см. также Кангха) 105
 Кани-Мансур 225
 Кан-и Гиль 349, 350
 Канка 105
 Канское царство 145, 147, 148, 212
 Карабаг 371
 Кара-Калпакия 34, 35, 54, 105, 262, 325
 Кара-Калпакская АССР 19, 36
 Карак-и-Алавиан (см. Бухара)
 Каракул 359
 Кара-кумы 17, 18, 19, 29, 122
 Кара-кумы Северные 19, 28, 29, 31, 46
 Каракурм 329, 333, 334
 Кара-кыз, колодцы 36
 Кара-мазар, район 54, 225
 Каран 75
 Кара-тау 28, 53
 Кара-тегин 10, 96, 121
 Кара-тепе 146, 215
 Карашар 124, 128, 133, 135
 Карры 129
 Карсакпайский рудник 355
 Карши 96, 123, 145, 338, 349, 372
 Карши, оазис 145, 151
 Касан 123, 146, 205, 295
 Каспий (см. Каспийское море)
 Каспийское море 42, 45, 50, 62, 88, 102,
 131, 135, 140, 141, 147, 160,
 278, 319
 Катванская степь 299, 300
 Катта-курган 105, 118, 131, 151, 168
 Каунчи-тепе 108
 Кафа 356
 Кафирниган р. 159
 Кафирниган южный 104, 112
 Кафыр-кала 150, 151
 Каха улица (см. Бухара)
 Кашгар 9, 88, 96, 106, 119, 121, 128, 163,
 271—274, 276, 278, 279, 286,
 288, 307, 337, 370
 Кашка-дарья долина 9, 11, 70, 160, 163,
 168, 196, 197, 198, 199, 200,
 220, 221, 223, 299, 345
 Кашка-дарья р. 144, 320, 346
 Кашкадарьинский вилайет 346

- Кашмир 118, 278
 Келиф 37, 70, 318, 319.
 Келифский Узбой (см. Узбой Келифский)
 Кенджида г. 269
 Кенкольский могильник 132
 Керешасп 62
 Керки 159
 Керкичи 37
 Кериге-тау 54
 Керман 335, 380
 Кермине 145, 201, 331
 Керулен р. 334
 Кетмень-тепе 372
 Кеш (Шахрисабз) 144, 145, 147, 150, 156, 158, 160, 161, 163, 168, 170, 179, 183, 196, 199, 212, 213, 221, 270, 336, 337, 341, 351, 357
 Кеш, вилайет 196, 199, 202, 203, 221
 Кёшк-и-муган (см. Бухара)
 Кешские ворота (см. Самарканд)
 Кёшк Фузайль 198
 Киевская Русь (см. Русь Киевская)
 Кызыл-арват 220
 Кник-коба. пещера 22
 Кникладские острова 96
 Кинель р. 228
 Кинисрин 172
 Кипчак ворота (см. Герат)
 Киргизия 35, 47, 132, 148
 Киргизская ССР 280, 299
 Кирешат (Кирополь) 56, 67, 73
 Кирополь (см. Кирешат)
 Китаб 97, 123
 Китай, китайский 18, 33, 37, 95, 96, 97, 99, 103, 106, 110, 112, 118, 119, 120, 121, 122, 124, 125, 127, 130, 131, 132, 135, 136, 139, 142, 143, 145, 147, 149, 151, 152, 160, 162, 163, 166, 167, 187, 189, 212, 213, 214, 227, 229, 230, 270, 272, 280, 286, 288, 306, 307, 308, 335, 359, 367, 379, 380
 Китайская империя 158
 Китайская стена 133
 Киш гор. 135
 Кобадан 60, 104, 112
 Кой-крылган-кала 108
 Кок-Сарай 316
 Комедские горы 120
 Константинополь 141, 148, 359
 Копет-даг 37
 Корея 152
 Кош-тепе сел. 211
 Красноводск 127
 Красноводск бухта 131
 Крым 22, 28, 354, 356
 Ктесифон 184
 Кузбай-хум (см. также Кызыл-кум) 36
 Куйбышев г. 355
 Кулан (Луговая) 147, 227, 271
 Куликсво поле 354, 356
 Кульджа, Кульджинская область 326
 Кулябская область 104, 111
 Кум р. 168
 Кум, сел. 167
 Кумис г. 191
 Кундуз 96, 360
 Кундузча 355, 363, 366
 Куня-Ургенч 320
 Куня-фазл 151
 Кураминский хребет 36
 Кутарния 180
 Курдистан 286, 324
 Куфа 155, 159, 160, 163
 Куфийский Савад (см. Савад Куфийский)
 Кухи-сим 225
 Кухистан 232, 286
 Кух-и-танг 36
 Куча г. 124, 128, 133, 135, 141
 Кушания на Зарафшане 105, 107, 131, 135, 143, 144, 147, 148, 151, 262
 Кушанское царство, кушанский 117, 118, 119, 120, 122, 123, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 205
 Кушк-и-муган (см. Бухара)
 Куяс 271
 Кызыл-арват 271
 Кызыл-кумы 18, 19, 28, 29, 36, 53, 54, 111
 Кызылкумские горы 53, 54
 Кырк-кыз малый 108
 Кштут р. 254
 Кюзели-гыр 56
 Кят 134, 161, 228, 281, 283, 352, 353
 Лапши 112
 Ленинбад (Хоткенд) 71, 74, 87, 96
 Ленинград 5, 6, 117, 355, 361
 Лилия, лидийский 54, 58, 59
 Лоб-нор оз. 143
 Луговая (Кулан) 147, 271
 Лур 335
 Магоки-аттаран (см. Бухара)
 Магнесия 92
 Мавераннахр 8, 9, 157, 160, 163—166, 169, 171, 172, 174, 177, 179, 184, 188, 189, 192, 194, 195, 203, 204, 205, 209, 212, 214, 215, 221, 222, 224, 228, 231, 232, 235, 237, 241, 245, 246, 251, 252, 260, 262—264, 269, 274, 275, 277, 280, 282—284, 286, 287, 291, 292, 299, 300, 301, 306, 327, 333, 335, 339, 342—345, 346, 348—366, 369, 372—375, 379, 383, 384, 386, 387, 388, 390, 392, 393, 396, 399, 406, 407
 Маджан, канал (см. Мерв)
 Мазандеран 335, 373, 366, 381, 403
 Мазахин, канал (см. Самарканд)
 Маймург гор. 132, 144, 147
 Маймург (область) 131, 147
 Македония 68, 90
 Македонская империя 81
 Малага 248
 Малая Азия (см. Азия Малая)
 Малоазийское побережье 90
 Малый Кырк-кыз (см. Кырк-кыз Малый)
 Мангышлак 53, 88, 299, 301, 353
 Мануче, мечеть 339, 388
 Мараканда 56, 67, 70, 72, 74, 75, 76, 79, 96
 Марафон 51
 Марг (Мерв) 50, 95
 Марг (см. также Маргиана) 95
 Маргелан 11
 Маргиана 62, 78, 87, 88, 92, 93, 94, 95, 96, 119, 120
 Маргиана гор. 78

- Маргинан (см. также Маргелан) 385
 Мархамат городище 109, 110
 Марсманда 226
 Мары г. 88, 182, 346
 Масудие, медресе (см. Бухара)
 Матура 124
 Матча р. 168
 Махан 346
 ал-Махуван сел. 182
 Мачайская пещера 20, 21, 24
 Медина гор. 153, 157, 159, 164
 Междуречье (среднеазиатское; см. также Мавераннахр) 9, 10, 11
 Мекка 159, 164, 180, 181, 188, 303, 351, 382, 406
 Мексика 24
 Мелик, ворота (см. Герат)
 Мелитополь, район 28
 Мерв г. 53, 63, 64, 67, 88, 120, 127, 128, 132, 143, 154, 155, 157, 159, 160, 164, 171, 176, 179—183, 194, 195, 201, 205, 208, 211, 214, 215, 219, 227, 228, 238, 240 — 242, 245, 254, 284, 293, 295, 300 — 302, 322, 324, 325, 390, 392, 402, 403, 406, арыки: Маджан 215, Разик 154, 215, Харкан 181; базары 215; ворота Шахристана 215; городища: Гяур-кала (шахристан) 122, 208, 211, 215, 238, Султан-кала (рабад) 211, 238; кухен-диз 211
 Мерв оазис 63, 88, 128, 325
 Мерверуд 159, 171, 179, 182, 183
 Мерке г. 147, 227, 271, 273
 Месопотамия 12, 33, 36, 42, 49, 65, 120, 217
 Мешхед 373, 383, 384, 393, 406
 Мешхед-и-Мисриян (см. также Джи-стан) 220
 Мидия 49, 50, 62, 63, 67, 87, 88, 98, 120
 Микоянабадская область 104, 111
 Милет 62, 71, 81
 Минк г. 226
 Минусинский край 35
 Миср (Каир) 366
 Миср сел. 366
 Могулистан 328, 337, 342, 346, 328, 370, 372, 373
 Молотова им. канал 19, 27
 Монголия 112, 122, 148, 227, 280, 304, 306, 307, 308, 329
 Москва 5, 6, 361
 Моуру (Мерв) 64
 Мох, ворота (см. Бухара)
 Мох, мечеть (см. Бухара)
 Мохенджодаро 18
 Муг, гора 13, 149, 165
 Мугов улица (см. Бухара)
 Мугоджарские горы 229
 Мултан 278
 Мураб'а большая (см. Нишапур)
 Мураб'а малая (см. Нишапур)
 Мургаб р. 19, 37, 47, 78, 88, 182, 324, 405
 Мургаб оазис 50, 78, 90
 Муру (см. Мерв) 63
 Мусалля (см. Герат)
 Чакши-Джехан (см. Самарканд)
 Накш-и-Рустем, ущелье 47, 59
 Намазгах (см. Самарканд)
 Наршах, сел. 198, 199, 200, 201
 Наубехар (см. Балх)
 Науканд сел. 186
 Наукат, район 54
 Наутака 70, 79
 Нахшеб (Карши) 144, 145, 196, 221, 337
 Нахшеб (Каршинский вилайет) 203, 221
 Неса 13, 183, 233, 283, 284, 285, 308, 310, 322, 384, 393
 Несеф 156, 160, 161, 163, 168, 179, 183, 218, 322, 338
 Нерету 383
 Нижнее поволжье (см. Поволжье нижнее)
 Нил р., нильский 42, 52, 61
 Ниляб 324
 Ниса 13 (см. также Неса)
 Нишапур 157, 158, 183, 184, 188, 191, 217, 227, 240—242, 244, 245, 262, 279, 285, 300, 301, 302, 319, 322, 392; базары: Большая Мураб'а 241, Малая Мураб'а 241; Караван-сарай 241
 Ноин-ула 112
 Нумучкет (см. Бемичкет)
 Нур ворота (см. Бухара)
 Нур-ата 53, 277, 280, 284, 314
 Нур Бухарский (см. Нур-ата)
 Нуратинский хребет 36, 54
 Оби-Рахмат (см. Самарканд)
 Окс (Оксус) 70, 111
 Оксос (Аму-дарья) 43
 Окуз (Аму-дарья) 43
 Окшо (Аму-дарья) 43
 Онон р. 334
 Орлиная горка 99
 Ормуз 380
 Оронт р. 86
 Ортоспана 121
 Орхон, надписи (см. указ. терминов: письмо)
 Отгар 309, 311, 312, 313, 317, 340, 367, 371, 372
 Ох р. (Теджен) 54, 91, 92
 Охшо (Аму-дарья) 43
 Ош 391
 Пайкенд 105, 131, 135, 142, 146, 147, 156, 159, 160, 204, 205, 212, 213, 295
 Палестина 153, 172, 300
 Памир 17, 46, 47, 106, 109, 118, 121
 Паретака 80
 Паркан (см. также Фергана) 41, 47, 53, 63, 64, 87, 92, 95, 96, 104, 109, 110, 111, 112
 Паропамисады 93, 117, 118
 Парфенон 99
 Парфия 12, 13, 67, 89, 90, 91, 92, 93, 96, 98, 105, 106, 112, 118, 120, 121
 Парфия, сатрапия 90, 91, 92
 Пасруд 168
 Патиканта (см. также Пайкенд) 131
 Пат-ти-ян (Патиканта) 131
 Пекин 307, 308
 Пенджаб 93, 94, 98, 128, 278
 Пенджикент 13, 97, 145, 155, 201, 211
 Перван 323
 Передняя Азия (см. Азия Передняя)
 Персеполь (Фарс в Иране) 41, 47, 59, 60, 86
 Персидский залив 58, 380

- Персия (см. также Иран) 12, 44, 48, 50, 51, 67, 98, 151
 Петербург 91
 Пешавар (Гандхара) 119, 125, 127
 Писте-шикастан, базар (см. Бухара)
 Платей 52, 68
 Поволжье 107, 136, 231, 354, 355
 Поволжье нижнее 34, 356
 Политимет (Зарафшан) 43, 75
 Поло (Балхан) 131
 Поурута 64
 Правобережный Тохаристан (см. Тохари-
 стан правобережный)
 Правобережный Хорезм (см. Хорезм право-
 бережный)
 Предкавказье 107
 Приамударьинские стоянки 29
 Приамударьинские низменности 24
 Приаральские степи 32
 Прикамье 119, 136
 Присырдарьинские области 353, 355
 Притяньшанье 102
 Приуралье 28, 32
 Приуралье южное 107, 121
 Причерноморье 108
 Причерноморье северное 61, 105
 Пуду (Паропамисады) 117
 Пуль-и-Хатун 397
 Пяндж р. 340
 Пянджабское городище 37
 Пянджикент 166, 167, 205, 206, 209, 211, 212
 Пяндж-Рудек 254
 Пянджхир рудник 225
 Пянджшир 323
 Рабат-и-Машэ 284
 Рабат-и-Мелик 276
 Рабинджан 168
 Раби'а дворец (см. Бухара)
 Раг (см. также Рей) 87
 Разик, канал (см. Мерв)
 Рамитан 160, 208, 222, 236
 Рамтин (см. также Рамитан) 208
 Ранха (Аму-дарья) 42, 43
 Рас-ат-так (см. Самарканд)
 Раха (Аму-дарья) 42
 Рей гор. 87, 189, 191, 286, 302, 319, 370
 Решт (Рест) 251
 Ривдад гор. 131
 Ригистан, площадь (см. Бухара, Самарканд, Ургенч)
 Ригистан, Ворота продавцов сена (см. Бухара)
 Рим, римский 12, 43, 90, 92, 119, 120, 124, 125, 151, 260, 262
 Россия 12
 РСФСР 12
 Руд-и-зер (см. Бухара)
 Рустемдар 403
 Русь 355, 356
 Русь Киевская 12
 Рэтея г. 96
 Сабаскет 167
 Савад куфийский 180
 Сайрам 390
 Сакадим сел. 181
 Сакастан (Сеистан) 101
 Сали-Сарай 341
 Са'лук 383
 Самара р. 228
 Самарканд, вилайет 220, 386
 Самарканд г. 14, 19, 20, 24, 26, 32, 54, 108, 121, 123, 131, 143 — 147, 149, 150, 157—159, 161—165, 170—173, 176, 179, 186, 187, 189, 190, 201, 205, 208, 212—215, 218 — 222, 224—227, 230, 234, 236 — 238, 240, 241, 242, 243, 248, 249, 252, 262, 263, 264, 276, 277, 279, 284, 287, 292, 293, 295—297, 299, 300, 303, 305, 310—312, 315 — 318, 320, 321, 325, 336, 340, 347—351, 355, 357, 360, 362, 366 — 383, 386, 390; 391, 393—396, 401, 407; арк 351; арыки: Искандергам 234, Мазахин 234, Оби-Рахмат 378, Санг-расан 234; ворота: Кешские 212, 238, 243, Син 212; дворцы Ак-сарай 367, Баг-ичинар 367; кухендиз: Афрасиаб (городище) 59, 60, 66, 99, 123, 134, 146, 148, 204, 205, 206, 214, 243, 260, 261, 262, 263, 264, 316, 378; мавзолей: Гур-эмир 367, 372, 395, Шах-и-зинда 367; медреса: Улугбека 376, 377, 382, Ширдор 377; мечети: Биби-ханым 243, 367, 401; обсерватория Улугбека 378, 379; Рас-ат-так 243; Ригистан 238, 377, 382; сады: Баг-и баланд 367, Баг-и-бихишт 367, Баг-и-Дилькуша 367, Баг-и-Нау 382; Накш-и-Джахан 378, Намазгах 316; ханака: Джелал ад-дина Фазл Аллаха Абу-л-Лейси 396
 Самарканд, область (соврем.) 29
 Самарканд, район 99, 158
 Самарканд (стоянка) 26, 27
 Самаркандские ворота (см. Бухара)
 Санам, горы 196, 202
 Санг-расан, канал (см. Самарканд)
 Сарай Бату 334
 Сарай Берке 353, 355, 356
 Саратовская губ. (бывш.) 33
 Сарды 54, 58, 59
 Сарыкамыш (впадина) 17
 Сары-Камыш, озеро 42
 Сарыкамышское русло 392
 Сары-су, р. 17
 Сатрапии азиатские 86
 Сатрапии «верхние» 86, 87, 92
 Сатрапии среднеазиатские 70, 87, 92
 Сауран 293, 355
 Сафизандж сел. 181, 182
 Св. Софии храм (Стамбул) 378
 Себзефар 348, 356, 387, 392
 Северная Африка (см. Африка Северная)
 Северная Европа (см. Европа Северная)
 Северовосточная Европа (см. Европа Северовосточная)

- Северная Индия (см. Индия Северная)
 Северное Прикитанье (см. Прикитанье Северное)
 Северное Причерноморье (см. Причерноморье Северное)
 Северные Кара-кумы (см. Кара-кумы Северные)
 Северная дорога 121
 Северный Ташкентский канал 27
 Северный Хорезм (см. Хорезм Северный)
 Северо-западная Индия (см. Индия северо-западная)
 Севилья 248
 Седжестан (см. также Сеистан) 251
 Сеистан 101, 179, 285, 346, 357
 Селевкидское государство 86, 88, 89, 90, 92
 Селевкидово море (см. также Каспийское море) 83
 Селевкии (города селевкидов) 110
 Семьречье 9, 11, 51, 66, 102, 121, 139, 140, 142, 143, 147, 149, 158, 212, 269 — 275, 271, 272, 273, 274, 278, 287, 304, 307, 311, 312, 337, 341, 355, 370
 Серахс 183, 284, 285, 383
 Сербедаров государство 356, 357
 Сибирь 53, 97, 121
 Сибирь западная 17, 19, 30, 33, 34, 36
 Сибирь южная 32, 38
 Сивас 358, 364
 Сизимитра скала 79
 Сиккат мугон, ворота (см. Бухара)
 Сянд пров. 93, 179, 182
 Сии, ворота (см. Бухара)
 Сирия 68, 86, 90, 92, 96, 120, 127, 153, 154, 159, 274, 294, 300, 318, 324, 356, 358, 366
 Скала Аримаза (см. Аримаза скала)
 Скала Сизимитра (см. Сизимитра скала)
 Скала Согдийская (см. Согдийская скала)
 Скала Хорисена (см. Хорисена скала)
 Скифия 64, 96
 Скифия европейская 54
 Советский Союз 5, 12, 28
 Согд 8—14, 41, 42, 47, 48, 50, 53, 54, 56, 62—67, 69—81, 85—88, 91 — 101, 104, 105—108, 117 — 123, 125, 128, 129, 131, 132, 134, 135, 141, 143—149, 151, 155—158, 160, 161, 164 — 167, 168, 169, 172—175, 177, 178, 188, 189, 191, 192, 196, 197, 204—206, 211, 213, 214, 215, 219, 274
 Согдиана 33, 42, 49, 67, 75, 77, 79, 81, 86, 87, 88, 92, 95, 96, 98
 Согдийская скала 79
 Согд, епархия 99
 Сосновая маза 33
 Среднее царство (см. также Китай) 142
 СССР 5, 7, 22, 28, 32—34, 67
 Гтамбул 378, 393
 Субах, сел. 196, 197
 Су-е (Суяб) 143
 Сузы 18, 37, 54, 58, 59
 Сулик (Согд) 148
 Султания 370, 371
 Султания сел. 366
 Султан-кала, городище (см. Мерв)
 Сурхандарьинские пещеры 24, 26, 29,
 Сурхан-дарья, область 19, 24, 26, 29, 37, 99, 104, 105, 111, 112, 115
 Сурхан-дарья, долина 256
 Сурхан-дарья р. 11, 95, 146, 155, 159, 220
 Суяб (Су-е) 143, 147, 227
 Суэцкий перешеек 74
 Сыгнак 313, 317, 371, 373
 Сыр-дарья р. 9, 17, 42, 43, 46—48, 51, 56, 57, 62, 64, 69 — 74, 86, 87, 88, 96, 101, 102, 103, 111, 141, 145, 201, 220, 269, 270, 284, 294, 311, 312, 313, 317, 318, 320, 334, 352, 354, 355, 370, 371, 372, 373, 381, 383
 Табаристан, табаристанский 218, 224, 225, 235
 Тававис 205, 220
 Таза-Баг-яб (канал) 44, 284
 Таджикистан 7, 23, 31, 44, 60, 61, 97, 101, 111, 112, 149, 152, 159, 165, 225
 Таджикистан Южный (см. также Тохаристан) 10, 13, 45
 Таджикская ССР 10, 12, 13, 211
 Таксила 99, 124
 Талас, долина 143, 147, 158, 270, 271, 337, 304, 341
 Талас р. 140, 187, 270, 271
 Тали-барзу, городище 60, 65, 66, 99, 107, 108, 123, 134, 135
 Талкан 127, 128, 132, 155, 171, 179, 183
 Тан (см. Азов)
 Танаис р. (Дон) 43, 62, 72
 Танаис (Сыр-дарья) 43, 48, 62, 69, 71, 72, 74
 Тангут 307
 Тараб сел. 329, 330
 Тараз (Джамбул) 121, 147, 158, 204, 205, 222, 227, 271, 272, 273, 286, 289, 310
 Тарима долина 271
 Тарнаб 374, 380, 381
 Таро-мазта (Термез) 96
 Таш-аир 28
 Ташкент (см. также Бинкет, Чач и Шаш) 32, 88, 108, 120, 121, 123, 131, 134, 145, 151, 205, 206, 209, 222, 227, 247, 248, 264, 346, 355, 375, 381, 390, 392, 407, музей 100, 222
 Ташкент, область (соврем.) 8, 18, 19, 29, 34, 60, 407
 Ташкент, район (современный) 146, 158
 Таш-курган 88
 Тбилиси 324
 Тебес 383
 Тебриз 339, 354, 358
 Тегеран 87
 Теджен р. 37, 54, 92
 Текес р. 141
 Терек р. 355, 356
 Термез 13, 70, 96, 97, 99, 107, 117, 120, 121, 123, 132, 145, 146, 150, 243, 262, 263, 276, 293, 294, 300, 320, 351, 381, мазар:
 Хакима Термези 263

- Термез старый (городяще) 13, 31, 37, 59, 94, 95, 97, 107, 117, 120, 123, 204, 205, 212, 215, 227, 237, 242, 244, 263, 340
 Тешик-кала 107—108, 150
 Тешик-таш (пещера) 18, 19, 20, 21, 22, 23
 Тибет 122
 Тигр р. 42
 Тихий океан 142
 Токмак 270, 299
 Топрак-кала 13, 108, 120, 134, 149, 150, 151, 262
 Тохаристан 9, 10, 103, 104, 109, 111, 112, 117, 120, 122, 123, 127, 128, 129, 143, 145, 146, 150, 155, 156, 158, 182, 183, 232
 Тохарское царство 106
 Трипарадис 86
 Триполье 18
 Тункет 232
 Туп-хана, урочище 13, 97
 Туран, туранский 75, 105, 355
 Туркестан 117, 246, 327, 335, 336
 Туркестан Восточный 46, 61, 93, 101, 102, 103, 106, 111, 112, 113, 119, 120, 121, 124, 125, 128, 129, 132, 133, 135, 136, 140, 141, 143, 147, 227, 271, 273, 278, 311, 333, 387
 Туркестан г. 221, 367, 383; ходжа Ахмеда Ясеви мечеть 376
 Туркестанский хребет 24
 Туркменистан 45, 47, 50, 88
 Туркмения 18, 28, 44, 45, 271, 320
 Туркменская ССР 19, 37, 182
 Турфан, турфанский 147
 Тус 183, 279, 285, 292, 384
 Тюмень-арык 371
 Тюркский каганат 9, 139, 140, 141, 142, 143, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152
 Тюркский каганат, восточный 140, 143
 Тюркский каганат, западный 140, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 152
 Тянь-шань 17, 46, 145
 Узбекистан 5—8, 10, 13, 17—20, 22 — 26, 28, 31—38, 44, 45, 47, 49, 53, 54, 66, 67, 97, 104, 105, 111, 112, 149, 152, 159, 220, 224, 236, 256, 371
 Узбекистан южный 19, 20, 24, 26, 31, 36, 44, 104
 Узбекская ССР 5, 6, 12, 13
 Узбой 42
 Узбой Келифский 17
 Узбой Устьуртский 17
 Узген гор. 87, 110, 286, 287, 289, 304, 313, 317
 Украина 5, 18, 34
 Украинская ССР 12
 Улу-таг 355
 Унаг 151
 Унгуз р. 17, 29
 Унгуз, стоянки 29, 31
 Урал 107, 141
 Урал (Яик) 228
 Урва (Ургенч) 105
 Ургенч 105, 204, 228, 229, 252, 259, 260, 281, 282, 283, 304, 309, 312, 313, 314, 317, 318, 320, 321, 322, 324, 325, 352, 353, 355, 356, 359, 363; ворота: ал-Хаджаджа 281; мазары: Наджм-ад-дина Кубра 321; Ригистан 281
 Урмитан 168
 Усрушана (Усрушна) 53, 71, 72, 76, 145, 147, 218, 219, 220, 226, 390
 Устьуртский Узбой (см. Узбой Устьуртский)
 Ушмунейн, ушмунский 224, 225
 Фан-дарья 168
 Фараб 269
 Фарава (Ферава) 220, 271, 283, 284, 285
 Фарджек медресе (см. Бухара)
 Фарс (Персеполь) 41, 59
 Фарс пров. 189, 224, 335, 357, 360
 Фархадская ГЭС (Беговат) 74
 Фархадстрой 123
 Фарьяб 155, 171
 Федченко, ледник 17
 Фера 96
 Фергана, ферганский 8, 9, 11, 19, 28, 32, 35, 37, 41, 46, 47, 53, 55, 56, 58, 95, 96, 97, 101, 102, 104, 105, 106, 107, 110, 111, 119, 120, 121, 123, 145, 146, 151, 158, 161, 162, 163, 166, 167, 168, 171, 205, 212, 219, 223, 225, 226, 257, 269, 274, 278, 286, 287, 294, 295, 307, 335, 336, 339, 352, 360, 370, 371, 372, 384, 385, 390
 Ферганская долина 37, 123, 287
 Фергана, обл. 29, 34, 105
 Фермопилы 52
 Фил (см. также Фир) 161
 Финикийское побережье 90
 Финикия 68
 Фир (Кят) 134
 Фирузабат, ворота (см. Герат)
 Фузайл, кёшк 198
 Ал-Хаджадж, вор. (см. Ургенч)
 Хаджи Тархан (см. также Астрахань) 356
 Хазар г. 262
 Хазаран 231
 Хазарасп 283
 Хазарское царство 228, 231
 Хайрабад 168
 Хакима Термези Мазар (см. Термез)
 Халасие (Ихласийе) (см. Герат)
 Халеб (Алеппо) 202, 358, 366
 Халифат аббасидский (750—1258) 176, 188, 192, 193, 196, 197, 217, 218, 219, 221, 224, 226, 234, 235, 239, 240, 246, 247, 248, 249, 251, 252, 257, 291, 302
 Халифат омейядский (661—750) 154, 155, 156, 158, 159, 163, 164, 166, 171, 172, 173, 174, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 211, 237
 Хамадан (см. также Экбатана) 53, 191, 227, 319, 370
 Хамун оз. 93
 Ханбалык (см. также Пекин) 380

- Ханийе, медресе (см. Бухара)
 Хардженг 276
 Харева (Ария) 64
 Харкан, базар (см. Бухара)
 Харкан, канал (см. Мерв)
 Харкана 147
 Харран (Карры) 129
 Хатын-рабат 99
 Хвайризем (Хорезм) 44, 64, 65
 Хе (Кушания) 151
 Хеласийе (см. Халасийе)
 Херамкан, арык 338
 Херат (см. также Герат) 183
 Хива г. 97, 352
 Хильменд р. 101
 Химс 172
 Хиндуван (см. Балх)
 Хингоу р. 23
 Хиндустан 224 (см. также Индия)
 Хисар 13, 97, 360, 407
 Хисарский хребет 50, 79, 111, 118, 120, 196
 Ходжа Аббас, селение 406
 Ходжа Ахмеда Ясави мечеть (см. Туркестан)
 Ходжа Ильгар, сел. 345
 Ходженд 54, 74, 96, 145, 167, 212, 299, 313, 317, 318, 327, 330, 331, 340, 341, 360
 Ходженд район 54, 96
 Хорасан, хорасанский 14, 155, 156, 157, 158, 159, 163, 165, 166, 169, 171, 172, 175, 176, 178—181, 183, 184, 189, 190, 191, 194—196, 213, 217 — 219, 222, 225, 226, 232, 235, 237, 240, 241, 252, 253, 264, 276, 278, 279, 281, 282, 284, 285, 292, 294, 302, 303, 318, 321, 322, 335, 339, 347 — 348, 357, 366, 369, 373—375, 383, 384, 387, 388, 392, 396, 398, 399, 404, 406, 407
 Хорезм, хорезмский 8, 9, 11—13, 18, 30, 32, 35, 41, 44—46, 50, 53—56, 60, 62—67, 87, 95—97, 102, 104—108, 117—123, 125, 126, 129 — 132, 134—136, 141, 143 — 146, 149—151, 157, 161 — 163, 166, 174, 185, 202, 204, 205, 218, 223, 224, 226—229, 231, 245, 249, 251, 257, 261, 280—283, 293, 297, 298, 299, 301, 302, 304, 306, 308, 309, 312, 313, 318, 320, 322, 325, 335, 352—356, 366, 371, 377, 380, 381, 384, 392, 393, 406
 Хорезм, государство 105, 301, 309, 311, 312, 320, 355
 Хорезм правобережный 38, 107, 138
 Хорезм северный 105, 281, 352
 Хорезм южный 228, 281, 352, 353
 Хориена скала 79, 80
 Хотан 88, 119, 128, 135, 307,
 Хузар 371
 Хузистан 299
 Хунбун 173
 Хурмузфар, сел. 181
 Хутталян 104, 112, 171, 172, 179, 183, 245, 251, 253, 276, 293, 300, 340, 340, 340, 340, 340, 340,
 Хуш, вор. (см. Герат)
 Царская дорога 96
 Центральная Азия (см. Азия Центральная)
 Цитрахан (см. Астрахань)
 Чаганиан 128, 155, 159, 172, 179, 183, 251, 256, 262, 276, 293, 376
 Чаганруд (см. также Сурхан-дарья) 220
 Чагатайский улус 325, 326, 327, 333, 334, 335, 336, 337, 340, 352
 Чарджуй (Чарджоу) 143, 159, 227
 Чаткальский хребет 36
 Чач (см. также Шаш и Ташкент) 41, 46, 47, 51, 87, 92, 96, 97, 104, 106, 108, 121, 131, 134, 135, 143, 145, 146, 147, 158, 161, 220
 Черемшан 228
 Чермен-яб (см. Газават, арык)
 Черное море 88, 142
 Чигиль г. 271
 Чимбайлык сел. 33
 Чимкент 121, 147, 269, 270, 272, 390
 Чиназ 346
 Чингиз-тепе 146, 215
 Чирчика долина 11
 Чирчик р. 33, 108, 225
 Чистополь 355
 Чол г. 127
 Чу, долина 270, 274
 Чу р. 17, 46, 140, 143, 147, 148, 158, 270, 372
 Чугучак 299
 Чупан-ата 26
 Чуст 32
 Шабурган 341
 Шавваль сел. 182
 Шавгар г. 221, 273
 Шамасийя 257
 Шапур г. 135
 Шах-и-зинда (см. Самарканд)
 Шахристан-и-Иездегерд 127
 Шахристан-и-Руин (см. также Пайкенд) 213
 Шахрисябз (Кеш) 97, 145, 196, 213, 336, 341, 345, 346, 351, 357, 362, 367, 381, 386
 Шахрисябз вилайет 386
 Шахрисябз, район (соврем.) 70, 97, 105, 145
 Шахрзур 189
 Шахрухия 372, 390
 Шаша рудник 226
 Шаш, шашский (см. также Чач и Ташкент), 8, 9, 161, 162, 163, 171, 172, 183, 192, 205, 218, 219, 220, 223, 225, 226, 227, 269, 270, 273, 274, 278, 299, 340, 352
 Шелковый путь 96, 110, 121, 132, 230
 Ширабад г. 31
 Ширабад, район 24, 27, 37
 Шираз 253, 360, 366, 370, 376, 380
 Шираз (селение) 366, 383
 Ширван 358
 Ширдор, медресе (см. Самарканд)
 Шинфайе (см. Герат)
 Шугнан 10

- Шуман 159, 161
Шураб кишлак 37
Шурахан 284
Эгейское море 58, 96
Экбатана (Хамадан) 47, 49, 53, 71, 96, 105, 120
Элам 37, 58
Элефантина, остр. 52, 61
Эллада
Эмба р. 228, 270
Эран-ведж 63, 105
Эрши 56, 109, 110
Эфес 58
Эфталитское государство 125, 126, 127, 129, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 140, 143, 145, 152
Юго-западный Казахстан (см. Казахстан)
Юго-восточная Европа (см. Европа юго-восточная)
Южная дорога 121
Южное Приуралье (см. Приуралье южное)
Южное Семиречье (см. Семиречье южное)
Южнорусские степи 320
Южный Египет (см. Египет южный)
Южный Казахстан (см. Казахстан южный)
Южный Кафирниган (см. Кафирниган южный)
Южный Таджикистан (см. Таджикистан южный)
Южный Ташкентский канал 66, 108
Юрт Чингиз-хана 334
Ю-чен (Узген) 87, 110
Яганда, р. 229
Ягноб-дарья 168
Яик (Урал) 228
Яксарт (см. также Сыр-дарья) 43, 47, 96, 101, 102, 111
Янги-юль 34, 108
Янгикент 320
Янцай 121
Янь 121
Яньшао 18
Яр-курган (городище) 123
Япония 122
Яркенд 119, 121, 307
Ясы (см. также гор. Туркестан) 383

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ НАРОДОВ И ПЛЕМЕН

- Абд-ал-кайс 154
 Абдел 126
 Абии (см. скифы-абии)
 Азд, аздиты 154, 170, 172, 179, 180, 183
 Аланы 46, 108, 120, 121, 124
 Амазонки 62, 76
 Амюргии (скифы, саки амюргийские) 47, 50
 Аорсы 46, 107
 Аорсы-аланы 107
 Апа-сака (приречные, водные саки, скифы-абии) 71, 92, 93, 102
 Апаснака (апасака) 92
 Арабы, арабский 8, 57, 58, 65, 125, 133, 143, 144, 147, 150, 152—187, 189, 193, 194, 197—209, 217—219, 223—225, 227, 228, 230, 231, 237—239, 243, 248—250, 252, 253, 256, 260—262, 269, 286, 361
 Арамеи 58
 Арахосцы 93
 Аргу 270, 271, 272, 273
 Арии 58, 93
 Арийцы (раса) 22, 34
 Арлат 337
 Армяне, армянский 62, 63, 65, 125, 126, 127, 128, 139, 324
 Асианы (асии) 101, 102
 Асии (см. асианы)
 Ассирийцы 49, 52, 58
 Атасии 53
 Аугалы (см. эглы)
 Афганцы 12, 13, 322
 Бакр 154
 Бакр ибн-ваиль 156, 164
 Бактрийцы 9, 10, 11, 12, 36, 41, 48—52, 57—61, 70, 72—74, 76, 77, 78, 81, 88, 89, 91, 93, 102, 112, 119, 173, 193
 Бану-асад 237
 Бану са'д 237
 Бану-ханзаль 240
 Барлас, барласский 11, 337, 345, 346, 352, 397
 Бахила, бахилиты 154, 160, 162
 Башкиры 229
 Бедуины 153
 Белорусский народ 12
 Белуджи 12
 Белые хунны (см. хунны белые)
 Болгары 227
 Большие юе-чжи (см. великие юе-чжи)
 Бранхиды 62, 71, 98
 Булгары (болгары) 227, 228, 229, 230, 231
 Вавилоняне 58
 Великая сакская орда (см. также массагеты) 128
 Великие юе-джи, да-юе-джи (см. также массагеты) 102, 108, 112, 126
 Венецианцы 356
 Византийцы 125, 127, 128, 129, 131, 132, 139, 140, 141
 Водные саки (см. апасака)
 Геты великие (см. массагеты) 46
 Греки, греческий 42, 43, 45, 50, 51, 52, 55, 57, 60, 61, 74, 76, 78, 81, 86, 87, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 98, 99, 100, 101, 103, 111, 118, 122, 149, 208, 258
 Греки понтийские 58
 Грузины 324
 Гузы 10, 11, 246, 269, 280, 281, 300, 301
 Гузы балхские 301
 Гунны (см. также хунну) 46, 129
 Даваньцы 32, 109, 110, 112
 Дай (дахи) 45, 58
 Даха-дахар-тохар 61, 103
 Дахи (даха) 45, 46, 50, 52, 54, 60, 61, 62, 69, 75, 76, 77, 90, 91, 103
 Да-ши (арабы) 162
 Да юе-чжи (великие юе-чжи-массагеты) 46, 101, 102, 108, 126
 Дербики 50
 Джалаир 11, 337, 340, 341, 352, 360
 «Джете» 337
 Дрангианцы 93
 Дулу 140
 Думи 117
 Евреи 58, 134
 Египтяне 45, 58
 Е-да 126
 Желтые тюргеши (см. также тюргеши) 158
 Жужаны 140
 Заббат 169
 «Заречные варвары» (см. сака-тиай-гара-дарайя).
 И-да (см. е-да)
 Имениты (кельбиты) 154, 172, 183
 Индейцы (североамериканские) 24
 Индийцы, индийский 46, 52, 105, 121, 122, 133, 262, 358
 Индусы 93, 94
 Иранцы, иранский 9, 13, 86, 179, 180, 250, 365
 Исседоны (усунь-асианы) 102

- Казахский народ 7
 Кайс, кайситы (см. также ма'адиты) 154
 Кайситы хорасанские 159
 Канглы 302, 310, 311, 315
 Кангюйский союз 106
 Кангюйцы 108, 109
 Канки (см. также хорезмийцы) 105
 Каракалпаки, каракалпакский 62
 Кара-китай 298, 299, 300, 301, 302, 304, 307
 Кара-тюргеши (см. также тюргеши) 158
 «Караунасы» 337
 Карлуки 9, 10, 11, 158, 172, 201, 269—271, 273, 274, 284, 300, 304
 Каспии 58
 Кахтаниты 183
 Каш-кушаны (см. также тохары) 177, 185, 186, 210, 211, 238, 242
 Кельб 154
 Кельбиты 154
 Керенты 306
 Кидариты 119, 126, 127
 Киликийцы 141
 Киммерийцы 61
 Кинана 179
 Кипчаки 11, 299, 301, 302, 305, 310, 311, 312, 317, 320, 321
 Киргизский народ 7
 Китайцы, китайский 32, 33, 43, 46, 57, 91, 93, 95, 97, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 109, 110, 111, 112, 117, 118, 121, 123, 125, 126, 127, 130, 131, 132, 135, 136, 139, 142, 146, 149, 158, 162, 187, 205, 212, 213, 229, 269, 307, 316, 317, 379, 380,
 Колхи 76
 Копты, коптский 178
 Кунграт 352
 Курды 12
 Курейш (курейшиты) 164, 240
 Кушан 107, 118
 Кынык 284
 Ма'адиты (низариты, см. также кайситы) 154
 Македоняне 43, 67, 68, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 80, 81, 86, 89, 90, 101, 120
 Мамакены 56, 73
 Маргуш 50, 51
 Мардаиты 159
 Массagetы 32, 35, 43, 45, 46, 47, 50, 52, 53, 54, 55, 57, 60, 61, 62, 65, 66, 77, 102, 105, 108, 111, 112, 126, 128, 129, 130, 132, 135
 Массagetы приаральские 32, 126
 Массagetский союз 46, 60, 65, 102, 103, 107, 112, 126, 127
 Меркит 306
 Мидяне 49, 50, 52, 53, 62, 63, 67
 Милетяне 71, 81
 Монголы 11, 162, 236, 274, 289, 292, 300, 304—306, 307—309, 311—317, 319—321, 327—336, 346—349, 351, 352, 354, 361, 364, 370, 372, 374, 375, 389, 390, 407
 Мудар, мудариты 154, 172, 181, 183, 179, 237
 Найман 304, 306, 307
 Низариты (см. также кайситы) 154
 Нушеби 140
 Огузы 269, 270, 271, 277, 317
 Ортокорибанти (см. также саки-тиграхауда) 47, 109
 Парикании 47, 109
 Парканцы 112
 Парна 91, 92
 Партава 50
 Парфяне 11, 33, 58, 60, 89, 92, 93, 113, 121
 Пасианы 101, 102
 Персидский народ 12, 13
 Персы, персидский 12, 13, 44, 45, 49, 50, 51, 52, 58, 59, 62, 65, 67, 68, 70, 72, 76, 89, 111, 129, 131, 133, 178, 184, 228, 231, 246, 252, 262, 279, 285, 301
 Печенеги 229, 269
 Половцы 226, 320
 Приаральские массагеты (см. массагеты приаральские)
 Раби'а (рабиты) 154, 170, 172, 183, 237
 Римляне, римский 43, 60, 262
 Ромеи (византийцы) 129
 Русские 63, 226, 306, 320
 Русский народ 12
 Руссы 229, 231
 Сакаравака (сака-хаумаварка) 101, 102, 106, 126
 Сакараулы (сакаравака) 101
 Сака-тиай-тара-дарайя 47—48, 59, 60, 67, 71, 72, 74, 76
 Сака-тиграхауда 47, 48, 51, 59, 60, 71, 72, 74, 109
 Сака-хаумаварка 47, 59, 60, 102, 109
 Саки заречные (см. сака-тиай-тара-дарайя)
 Сак, саки 10, 35, 41—43, 45—54, 56—63, 65, 66, 74, 91, 92, 101, 102, 105, 127, 133
 Сакзи (сакастанец) 257
 Саравака (см. сакаравака)
 Сарматы 105
 Сатагуш 50
 Серы (китайцы) 93, 120
 Сирийцы, сирийский 125, 128, 132, 136, 178, 366
 Скифы 42, 45, 49, 52, 54, 60, 61, 62, 71, 74, 75, 77, 91, 101
 Скифы-абии (см. также апасака и пасианы) 71, 102
 Скифы азиатские (см. также сака-тиграхауда) 45, 48, 61, 71, 72, 73, 74
 Скифы амюргийские 47
 Скифы европейские 43, 45, 47, 48, 61, 72, 76
 Скифы заморские (см. скифы европейские)
 Скифы заречные (см. скифы азиатские и сака-тиграхауда)
 Славяне 62, 227, 229, 230, 231
 Согдийцы, согдийский 9—12, 36, 41, 47—52, 57—62, 69, 72, 73, 75—81, 86, 88, 93, 102, 121, 132, 141, 143, 144, 146—149, 155—158, 160, 163, 165, 167—173, 175, 178, 184, 185, 193, 198, 201, 202, 211, 212, 252, 270
 Сульдуз 341, 352
 Сарацины 328

- Таджики 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 48, 218, 228, 252, 253, 254, 255, 256, 277, 286, 291, 301, 302, 303, 314, 315, 316, 318, 361, 362, 375, 384, 386, 388, 390
- Таджикский народ 7, 8, 10, 11, 12, 13
- Тадзики (см. также таджики) 361
- Тардуши 140
- Тасманийцы 21
- Татары 306, 319, 321, 324, 367
- Темим, темимиты 154, 155, 169, 170, 172
- Тетал 126
- Тибетцы 143
- Толеси 140
- Тохары 9, 10, 12, 61, 101, 102, 103, 105, 111, 112, 113, 117
- Тохаро-бактрийцы 9
- Токкузгуз (см. также уйгуры) 230
- Турки (османы) 11, 12, 359
- Туркменский народ 7
- Туркмены 7, 46, 246, 269, 270, 277, 280, 284, 285, 299, 300, 301, 310, 314, 336
- Туркмены-огузы 270, 277
- Тюргеши 140, 158, 270, 271
- Тюргеши желтые 158
- Тунгузы 299
- Тухси 270, 271
- Тюрки, тюркский 7, 8, 9, 10, 11, 48, 130, 133, 141, 142, 143, 144, 147, 158, 162, 168, 170, 171, 172, 189, 198, 201, 202, 219, 220, 222, 223, 225, 228, 231, 232, 236, 246—248, 251, 257, 262, 265, 269, —279, 281, 283, 284, 286, 287, 288, 291, 294, 295, 297, 298, 299, 302, 303, 312, 314, 315, 316, 318, 325, 360, 361, 362, 365, 366, 375, 382, 383, 384, 390
- Тюрки-караханиды 270, 288
- Тюрки-огузы 220
- Уафа 155, 165
- Узбеки 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 48, 57
- Узбеки-кочевники 8, 11, 353, 371, 372, 373, 381, 393, 400, 407
- Узбекский народ 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 48, 67, 269, 387
- Уйгуры 9, 230
- Украинский народ 12
- Усунь (усуни, асианы) 102, 106, 140
- Фауны (гунны) 93
- Хазары 142, 227, 228, 229, 231
- Хайтал 126
- Хафт 126
- Хептал (heptal) 128, 126
- Хапт 126
- Хеттал 126
- Хиониты, хионитский 119, 125, 126, 127, 128, 131
- Хисе 117
- Хоны (хиониты) 125, 127
- Хоразми (см. также хорезмийцы) 44, 53
- Хорезмийцы, хорезмийский 9, 11, 13, 36, 41, 43, 46, 48, 53, 58, 61, 65, 76, 87, 92, 93, 106, 107, 108, 118, 132, 134, 161, 173, 184, 193, 228, 230, 231, 233, 235, 252, 260, 281, 283, 305, 308
- Хунно-тюрки 126, 127
- Хунны (гунны, хунну) 101, 103, 106, 112, 118, 126, 127, 132
- Хунны белые 119, 126, 127
- Хюми 117
- Ци-до-ло (кидариты) 127
- Чагатаи 337, 341, 350, 351, 382
- Черные тюргеши (см. кара-тюргеши)
- Чигили 9, 10, 11, 271, 273, 274, 284, 295
- Шуанми 117
- Эглы 57
- Эллины, эллинский 66, 81, 89, 99, 100, 101, 108, 113
- Эскимосы (североамериканские) 21, 25
- Эфиопы 52
- Эфталиты 9, 119, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 140, 141, 143
- Эфталиты (племя) 119, 126
- Юе-чжи 101, 102, 103, 104, 105, 106, 111, 112, 117, 126, 145
- Юе-чжийский (см. также массагетский) племенной союз 117
- Ягма 9, 10, 271, 273, 274, 284,
- Янь 121
- Яньчай (см. также аорсы-аланы) 107, 108, 121
- Языки: арабский 126, 139, 191, 193, 194, 236, 247, 249, 252, 253, 256, 257, 258, 260, 270, 274, 281, 290, 378
арамейский 59, 61, 121
армянский 126
ассирийский 64
бактрийский 61
вавилонский 61
греческий 43, 45, 47, 61, 62, 69, 87, 93, 97, 98, 118, 121, 122, 125, 126, 193
дари 253
иранской системы (ираноязычные) 9, 10, 11, 12, 61, 98, 103, 121, 126, 196, 179, 217, 252; северо-иранский 61, 103; старо-иранский 249
киммерийский 61
китайский 46, 106, 107, 108, 110, 121, 126, 127, 165, 335
латинский 91, 260
монгольский 11
монгольско-тюркский 352
осетинский 61
парканский 111
персидский 46, 61, 87, 139, 193, 236, 247, 249, 250, 252, 290, 293, 310, 400
средне-персидский (см. также пехлеви) 133, 139
древнеперсидский 61, 105
сакский 43, 46, 47, 61, 127
санскритский 61, 91, 105, 149
сирийский 125
скифские 61, 98, 121
славянские 61
согдийский 61, 62, 98, 107, 117, 121, 133, 149, 165, 253, 270
таджикский 11, 61, 139, 168, 234, 249, 250, 252, 253, 254, 255, 256, 297, 310, 325, 335, 338, 345,

- 365, 390, 400
 таджикско-персидский (ново-персидский, см. также дари) 252
 тангутский 335
 тибетский 335
 тохарский 61, 103
 турецкий 260
 тюркские (тюркоязычные) 8, 9, 10, 11, 12, 126, 133, 148, 270, 274, 327, 345, 365, 400
 узбекский 310, 400
 староузбекский 400
 уйгурский 335
 хорезмийский 61, 121, 122, 133, 134
 хуннский 126
 эфталитский 129, 132, 133, 148, ягнобский 61
 Янь 121
 Яньцай (см. также аорсы-аланы) 107, 108, 121.

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И НЕПЕРЕВЕДЕННЫХ СЛОВ

- Абу-муслимийя 189
 А'вар 193
 Абаризат 361, 389
 Авкар 226
 Адар-хурра 63
 Адас 224
 Айар 198
 «Ай, ад-даула ва зайн ал-милла» 282
 Аканф 123
 Акинак 60
 Аккар (см. также шерик) 236
 Алгоритм (алгорифм) 257
 Алоу-хана 23
 Амал 219
 Амилъ 180
 Амирабадская культура 66
 Анау, культура 18, 19, 30, 32, 34, 35, 36, 37
 Андроновская культура 32, 34
 Антихалиф 159
 Ар 91
 Арандж 227
 Арба 28
 Арбакеш 28
 Ардвисура—Анахита 43
 Ариз 248
 Арифь 162
 Арк 206, 207, 209, 213, 239, 243, 293
 Аркауи 144
 Арча 80
 Арык 95, 134, 135, 173, 186, 220, 234, 243, 321, 389
 Асиль-заде 292
 Асль 363
 Астодан 123, 150, 151
 Асп 95
 Атабек 391
 Афанасьевская культура 30, 35
 Афрасиабская культура 37
 Афшин 145
 Ахл-ал-калам 249
 Ахл-ал-китаб (см. Зиммин)
 Ахшайна 54
 Базар 164, 209, 213, 214, 215, 237, 238, 239, 240, 244, 245, 394, 399
 Базилевс 208
 Балад 204
 Балбалы 152
 Балиши (золотые) 327
 «Балхи» 262
 Барзигар 235, 236, 292, 293
 Баскак, баскаки 327, 330, 331, 332, 333, 335, 340
 Бахадур 306
 Бег (см. бек)
 Бегар 310, 361, 389
 Бейт 401
 Бейт-ат-тираз (см. Бухара)
 Бедизчи 288
 Бек, беки 142, 144, 341, 345, 346, 350, 375, 385, 391
 Битикчи 334
 Богра-хан 274
 Бодисатва 123
 Брангар 363, 340
 Брахманы 262
 Буддизм, буддийский 98, 122, 123, 134, 135, 149, 150, 168, 184, 207, 215, 273
 Буддизм северный 122
 Буддисты, буддистский 134, 143, 149, 190
 Будун (кара-будун) 144
 Буйут-ан-найран 163
 Бустан 210
 Бутхана 176, 207, 213, 240
 Бухар-худаты 132, 145, 173, 176, 185, 186, 196, 197, 201, 206, 207, 209, 210, 232, 239, 242
 Вазифа (вазиф) 164
 Вакф 232, 233, 234, 242, 249, 275, 297, 298
 Вакфные земли 233, 234, 388
 Вардан-худат 160
 Варракани 244
 Безир 195, 225, 231, 247, 249, 290, 292, 294, 309, 310, 351, 370, 380, 395, 397, 398, 406
 Везират 231
 Векиль 247, 309, 312, 319
 Вилайет, вилайеты 224, 250, 326, 327, 328, 329, 340, 341, 346, 362, 386
 Вис 55
 Виса-бага 64
 Висак-баши 246
 Газават 278
 Гази, газин 237
 Ганч 261, 399
 Гвета 126
 Гебры (см. также зороастрийцы) 191, 364
 Гиджак 401
 Гиппархин 87
 Гурган 365, 371, 378
 Гурхан 299, 300, 303, 304
 Гулям 207, 208, 211, 223, 232, 246, 247, 251, 256, 275, 276, 277, 278, 280
 Гяз 200
 Да'и 191, 195
 Дабир (депир) 149, 250, 251
 Дар 251
 Дари 59
 Дари (см. языки)
 Дарик 59

- Дарайя** 47
Даруга 326, 327, 340, 389
Даруганэ 389
Дахью 55
 Дервиши, дервишизм 66, 366, 374, 375, 382, 393
Дергах 246, 247, 248
Дех (карья) 208
Дехкан, дехканство 133, 144, 146, 147, 155, 157, 164, 165, 166, 169, 171, 173, 174, 176, 177, 178, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 225, 232, 233, 240, 242, 249, 250, 251, 256, 265, 275, 279, 289, 292, 319
Джаачи 288
Джамэ-хана 299
Джабгу (чжаову) 145
Джете 337
Джеты-асарская культура 103
Джизья 164, 165, 167, 169, 175, 177, 180, 197, 348, 349, 361
Джубба 257
Джуз 402
Джуйбар каваририйн 241
Джувангар 363
Джумада 1, 201
Джуфтигау 234, 386, 389
Диодохи 85, 86, 87
Диван 400
Диван 182, 233, 244, 246, 247, 248, 249, 250, 351, 395, 403
Диван берид 248
Диван вакфов 249
Диван везира (диван ходжа-и бузург) 247, 351
Диван ад-дия 249
Диван-и-арз 248
Диван инша (диван, амид ал-музыка или диван ар-расанл) 247
Диван казия 249
Диван мустауфи (хазинедара) 247
Диван мухтасиба 244, 248
Диван мушрифов 248
Диван ар-расанл (см. также диван инша) 247
Диван ал-харадж 240, 247,
Диван шурат 248
Диз (см. также кухендиз) 209
Динар 210, 225, 226, 265, 297, 300, 310, 314, 335, 339, 388
Динар кебекский 358, 396, 398
Дирхем, драхма 163, 164, 171, 177, 180, 182, 213, 219, 222, 226, 229, 231, 233, 244, 248, 256, 259, 278, 339,
Дирхемы гитрифи 221
Дирхемы мусайябские 219
Дирхемы мухаммедийские 219
Дирхем пухийский 256
«Доскифские» культуры 66
Драхма (аттическая) 97
Драхма (см. также дирхем) 163, 213
Дувал 167
Дукан 245, 336
Енисейские писанины (см. письмо)
Занту 55
Заррад 244
Зан 65
Зиарат 406
Зиккурат месопотамский 99,
Зимини 171
Зиндан 195
Зиндики (маздакиты) 190
Зороастризм, зороастрийский 63, 64, 65, 105, 107, 122, 134, 168, 177, 184, 186, 207, 212, 218
Зороастрийцы 47, 63, 123, 134, 180, 190, 191, 206, 238, 239, 252
Зрванизм 65
«Иемин ад-даула ва амин ал-милла» 278
Изар 331
Изафе 363
Иклим (климат) 251, 378
Икта 289, 290, 291, 309, 310,
Иктадар 290, 291, 310, 318
Илек-хан 259, 279, 282, 284, 286, 287, 291, 292
Ильчи 328
Имам, имамы 179, 180, 234, 281, 283, 293, 287, 316, 357
Ислам 149, 153, 154, 164, 165, 169, 170, 173, 176, 177, 207, 209, 218, 252, 257, 258, 262, 263, 264, 269, 273, 302, 307, 330, 336, 348, 376
Исмаилиты 258
Ихшид 161, 165, 172, 207
Ишан 23
Каан 334
Кабулшах 245
Кави 55
Каган (см. также хахан) 129, 140, 141, 144, 145, 147, 148, 152
Каганат 135, 136, 139, 140, 147
Кадий (казий) 199, 225, 242, 245, 249, 300, 316
Каир 53
Кала 204, 243
«Калан» (см. также Харадж) 328
Калансув 241
Канбул 363, 364
Кара-будун (см. будун)
Караван 227—231, 309, 359, 380, 407
Карагансарай 165, 228, 229, 241, 298
Караул 363
Каргах (бейт-ат-тираз) 239
Карматы, карматство 249, 264, 265, 278
Кархана 362
Карши 338
Карья 208
Касаба 249
Касака каупатака 54
Кассаб 244
Касса-хон 365
Касыда 254, 255, 256, 257
Катакомбная культура 34
Каум 208
Кафир, кафиры 170, 176
Ках 206, 208, 209, 210, 212, 240
Кахраман 180
Качарчи 363
Кашкашан 209
Кедиверы 142, 144, 174, 176, 197, 207
Кедхуда 144, 249, 256, 257
Кельтеминарская культура 31, 32
Кеффал 244
Кешик 307

- Кёшк 146, 150, 151, 177, 186, 198, 210, 211, 212, 239, 240, 242, 243
 Китаб-хана 253, 395
 Кок-тенгри 150
 Копты 178
 Копчур 335
 Коран 155, 171, 176, 250, 258, 281, 297, 314
 Кошлуг 385
 Кошун 363, 364
 Ал-кудакийя 189
 Кул 364
 Курултай 144, 334, 337, 341, 351
 Курур 180
 Кусур ва басатин 243
 Куттани 244
 Кухендиз (см. также арк, кала) 176, 204—211, 213, 237, 240, 241
 Кушантах 119,
 Кушчи 379, 391
 Кяриз 44, 95, 373
 Лакаб 193, 277
 Ли 146, 205
 Мавали 154, 155, 165, 237
 Маджан фуруш 303
 Мазар 23, 263
 Маздакиты 179, 189, 190, 191, 195
 Мазхаб 375
 Мал 361, 389
 Мамараджиль 225
 Мамлаке-и-султани (мильки султани) 233, 234
 Ман 256, 339, 362, 387, 388
 Манглай 363
 Манджаники 162
 Манихей 149, 177, 189, 190, 252, 273
 Манихейство, манихейский 122, 134, 149, 189, 273
 Маништа 51
 Мардаиты 159
 Марзбаны 161
 Мас 46
 Массagetские культуры 66
 Масья, масьо 46
 Маула (см. также мавали) 154, 155, 169, 170
 Махалла 238, 240, 245, 367, 395
 Ал-маханийя 189
 Махи (перс.) 46
 Маш 224
 Меджлис 260, 381, 374
 Медина 163, 204, 208, 209, 214, 215, 241, 243
 Медресе 233, 242, 261, 278, 297, 298, 325, 348, 366, 376, 377, 378, 382, 389, 395, 399, 400
 Мелик 160, 340
 Меликзадеган 208
 Мерген 306
 Мечеть 163, 176, 196, 209, 211, 214, 222, 231, 232, 233, 235, 238, 240, 242, 243, 248, 249, 261, 262, 273, 277, 278, 297, 298, 310, 315, 317, 325, 366, 367, 389, 395, 399, 400
 Мильк, мельки 232, 233
 Мильки харадж 234
 Мильки султани (мамлаке-и-султани, мельки дивани) 233, 234
 Мильки дивани 233
 Минарет 350
 Минбар, мимбар 163, 397
 Мираб 389
 Мирабанэ 389
 Мирахур 391
 Мир-хазар 362
 Мискаль 160, 163, 213, 339, 358
 Михраджан 156
 Михтар 196
 Муги 206, 210, 242
 Мударрис 377
 Мукасама 175
 Мукта 290, 292, 318
 Мульк 224
 Мульхам 227
 Мурджал 363
 Муриды 314
 Мустагалл 232
 Мустауфи (хазинедар) 247, 287, 309
 Мусульмане, мусульманский 155, 156, 165, 170, 171, 177, 179, 180, 196, 197, 198, 199, 200, 202, 231, 287, 346, 347, 351, 352, 358, 366, 374, 375, 376, 377, 383, 395
 Мусульманское право 164, 169, 176, 253, 348, 361
 Мусульманство, мусульманский 176, 231, 232, 233, 234, 242, 249, 253, 287, 307
 Мутазилииты 249
 Мутеттавини 155
 Муфтий 242
 Мухтасиб 248, 249, 287, 375
 Мухаммира (хурремиты) 188, 189, 190
 Мушриф 248, 396, 397
 Муэдзин 196, 198
 Наиб 398
 Наккаш 380
 Накшбендия 375, 376.
 Намаз—177
 Нами-Намнк, Немахья 43
 Насталик 401
 Науруз 107, 123, 134, 206
 Наус 212
 Неомаздакиты (хурремиты) 179, 188, 191,
 Несториане 134, 150
 Нигошаки (манихей) 190
 Нмана 55
 Нойон, нойоны 306, 337, 341
 Нуджар 244
 Нукер 337, 345, 350, 382, 386
 Нухуд 224
 Овринги 168
 Омач 236
 Орда 367
 Орхон, надписи (см. письмо)
 Оссуарий (см. также астадан) 123, 150, 154, 212
 Падишах, падишахство—195, 319
 Пайца 328, 335
 Паниранизм 12
 Пантюркизм 8, 12
 Парна 91, 92,
 Пахса 261
 Перване 397
 Петра 79
 Письмо: арабское 253, 256, 260 арамейское 61, 67, 98, 121, 122, 133, 148

- греческое 93, 97, 98, 108, 118, 121, 122, енисейские писаницы 28, 148, индийское: деванагари 122, пракритское 97, карошти 93, 97, 98, 117, 121, 122, 133, 149, кушанское (см. также карошти) 43, 122, кушано-эфталтское 132, орхонские надписи 139, 140, персидское, (см. также пехлеви) 59, 61, пехлеви 43, 105, 109, 125, 129, 132, 133, 193, 194, 253 руническое 139, 148 сирийское: манихейское 149, эстрангело 149, скифское 148, согдийское 61, 98, 107, 117, 121, 122, 133, 148, 149, 165, 253, тюркское (руническое) 148 финикийское 61 хорезмийское 61, 121, 122, 133 древнехорезмийское 134
- Рабат 185, 204, 206, 210, 211, 216, 236, 238—245
- Рабат, рабаты 169, 220, 399
- Рад, радандоз 362, 363.
- Раджаб 199, 201
- Раис, раисы 245, 249, 265, 287, 297, 298
- Райя, райят 310, 337, 361, 362
- Рас-ат-так 243
- Раста 240, 241, 244, 395
- Рафизиты 191
- Рафугар 245
- Руд, рудек 254
- Рустак 164, 210, 224, 331, 339
- Руны (см. письмо)
- Сагарии 60
- Сай 168
- Садр 287, 298, 327, 331, 337, 340
- Садр-и-джехан—303
- Садр-и-джехоннам 303
- Сака 46, 61, 91
- Салар 164
- Салики 251
- Сан—362
- Саошиант 64
- Саррадж 244
- Сарраф—228, 241, 243, 258, 295, 298
- Сарханг 194, 195, 198, 202
- Сар-шумар—389
- Сатрап (Хшатрапа) 48, 58, 59, 76, 78, 86, 87, 92
- Сатрапия (хшатра) 57, 58, 61, 86, 87, 92
- Ас-сафиджамаги 189, 196—203
- Ас-сафиджамакийя 189
- Сахиб—336
- Сахиб-берид 155, 201, 248, 287
- Сахиб хараджа 265
- Сахиб-харас (эмир-и-харас) 247
- Сахиб-шурат 248
- Сахрау 210
- Северный буддизм (см. буддизм северный)
- Сейид сейиды 234, 287, 385, 402, 406
- Секкак 244
- Сербадары 347—350, 357
- Сечен 306
- Сикл (см. шекел)
- Симгин 225
- Синизи 225
- Синкабуш 54
- Скиф 45
- Срубно-хвалынская культура 34
- Стадий 58, 70, 88
- Статер 97
- Статмос 87
- Стиль, стили 122
- Стратег 87
- Ступа 98, 122, 149
- Сузы № 1, культура 37
- Сул-кул 340, 353
- Султан, султанский 233, 234, 283, 286, 290, 294, 295, 296, 298 —302, 304, 310, 358, 359, 362, 385, 388, 389, 397, 405
- Сунна 171
- Сунниты 366
- Сура 155, 176
- Сурат ал-ганимат 155, 176
- Сурхалем 189, 190
- Суфа 135
- Суфизм, суфии 244, 318, 375, 376
- Сухра, сухра гирифтан (см. также бегар) 310
- Сучи 288
- Суюргал 359, 360, 363, 384, 385, 388
- Суярганская культура 32
- Таб 65
- Табгач-хан (см. также тамгач-хан) 286
- Тавачии 362
- Тазабагябская культура 32
- Такыр 29
- Талант (эвбейский) 57, 58
- Тамга 107, 118, 120, 132
- Тамга 381
- Тамгач-хан 280, 286, 288, 293
- Тархан 158, 385, 386
- Тарыкчилар 288
- Ташдар 299
- Темирчи 288
- Тепс 108
- Термезнахи 205
- Тигра 47
- Тиграхауда 47
- Трипольская культура 35
- Тукучи 288
- Туман 388
- Тумен (адм.) 339, 340, 346, 351, 360, 362
- Тумен, тумены 306, 319, 337, 339, 353, 362, 363, 364
- Туры 363, 364
- Тут 145
- Тюбетейка 60
- Тюрк 9, 140
- Тюркюн 140
- Угрук 371
- Уд 40!
- Укчи 288
- Улаг 361, 389
- Улема, улемы 314, 316, 357, 376
- Улус 326, 327, 333, 334, 335, 336, 337, 340, 352, 353, 354, 355, 372
- Унг-кул 340, 353
- Устад 245, 339
- Устад 249
- Утукчи 288
- Уши 110
- Ушр 386
- Факих 277, 283, 303
- Фаланга 74

- Фалары 52, 60, 99
 Фанадик 241
 Фарсах 167, 170, 181, 225, 231, 281, 338, 329, 374
 Фельс 219
 Фикх 252, 281, 297
 Фратрии экзогамные 107
 Хабаргири 363
 Хайль-баши 247
 Хаддад 244
 Хадж 188, 303, 406
 Хаджи 382
 Хаджиб 247
 Хаджиб-и-бузург 247, 248, 283
 Хаджиб-ал-худжаб 247
 Хазинедар 247
 Хакан (см. также Каган) 144, 162, 171, 172, 231
 Хаким 248, 249, 273, 287, 310, 359, 369
 Халиф, халифский 188, 197, 219
 Халифат 187, 237, 239
 Хаммам 400
 Хан, ханы 158, 222, 273, 274, 276, 279, 286, 287, 288, 293, 296, 297, 300, 302, 304, 333, 310, 326, 327, 328, 334, 336, 337, 338, 341, 346, 351, 353, 364, 365, 371, 372, 385, 407
 Хана 165
 Ханак 232, 242, 297, 298, 389, 396, 399, 400, 401
 Хан-и-ханан 286
 Ханши 328
 Ханифиты 235, 249, 263, 264, 275
 Харадж 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 173, 175, 177, 178, 179, 180, 184, 197, 213, 228, 234, 247, 251, 273, 275, 290, 292, 310, 312, 328, 348, 361, 389, 390
 Харвар 388
 Харас 172, 182,
 Харрас 167
 Хас-Хаджиб 287, 288
 Хатиб 249
 Хаттаб 244
 Хауда 47
 Хауз 399, 400
 Хаумаварка 47
 Хашар 315, 318, 325 362
 Хвар 65, 91
 Хильят-ал-аснам 163
 Химаят нашавад 362
 Хома 47
 Хорезмшахи 161, 167, 259, 262, 281—284, 299, 300—305, 306, 307—313, 315, 316, 318, 319—323
 Худжра 229, 253
 Хузейна 166
 Хум 65, 110
 Хурремиты 179, 188, 189, 190, 191
 Хурремдины 190
 Хутба 217, 249, 278, 282, 283, 286
 Хшатра (см. также сатрапия) 57
 Хшатрапа (см. также сатрап) 57
 Худованд-задэ 340, 351
 Чаган-худат 172
 Чакиры 147, 167, 172, 186, 207, 210, 211
 Чанг 256
 Чаову (Шаову, см. также ябгу) 106
 Чапар 363, 364
 Чек 228
 Чжао-ву (джабгу) 145
 Чорсу 243, 394
 Чубдар 247
 Чэн-та 110
 Шавваль 385
 Шагирд 245
 Шака (сак) 61, 91
 Шакир (см. Чакир)
 Шаманизм 65, 150
 Шао-ву (см. чаову)
 Шарнат 250
 Шарик, шерик (см. также аккар) 236, 362,
 Шах 255, 262, 308
 Шаханшах 140, 154, 286
 Шахр 210, 211
 Шахристан 144, 176, 185, 204, 205, 206, 208, 209—216, 237, 238, 241—243
 Шегел 59
 Шейх, шейхи 23, 234, 245 287, 293, 311, 314, 316, 321, 336, 345, 346, 347, 348, 351, 374, 376
 Шейх ал-ислам (см. также устад) 249, 316, 375, 394
 Шерик (см. Шарик)
 Шихие 319
 Шия, шииты 178, 179, 180, 181, 185, 186, 187, 189, 191, 192, 366
 Шурта 172, 182
 Шу'убия, шуубиты 194, 252
 Эгорчи 288
 Эмир, эмиры 172, 173, 194, 195, 199, 202, 209, 236, 239, 242, 245, 246, 247, 251, 253, 254, 256, 257, 260, 283, 340, 341, 346, 347, 349, 350, 352, 353, 358, 359, 361, 362, 365, 367, 380, 381, 385, 389, 392, 397, 403, 406
 Эль 126
 Эпарх, эпархи 72, 79, 80, 90, 93
 Эпархия, эпархин 87, 92, 93
 Эпископ 76
 Эпископос (см. епископ)
 Эпос: армянский 63, индийский 105, кара-калпакский 62, русский 63, сакский 51, 57, 62, 63, 66, 133, узбекский 67, эфталитский 133
 Авеста 14, 41, 42, 43, 45, 46, 54, 55, 56, 62, 63, 64, 67, 95, 96, 98, 104, 105, 125, вендилад 62, 63, гаты 56, 63, яшты 62, 63, Алпамыш 57, Гулайм 62, Давыд Сасунский 63, Кырк-кыз 62, Махабхарата 46, 61, 105, Милинда паньха 91, 93, 94, 95, 98, Огуз-намэ 57, Ра-маяна 61, Ригведа 98, Шах-намэ 14, 62, 63, 66, 67, 105, 125, 133, 149, 253, 255, 256, 395
 Юрт—334, 362
 Юрта 151
 Ябгу, джабгу 142, 172,
 Ям 328
 Яргу 353
 Ярлык 328, 332, 335, 340, 361, 385
 Яса 361

УКАЗАТЕЛЬ ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИИ

АМЭ	Архив Маркса и Энгельса
АН СССР	Академия Наук СССР
ВДИ	Вестник древней истории
ГАИМК	Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ	Государственный исторический музей
ГУЗ	Главное управление землеустройства
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ЖС	Журнал „Живая старина“
ЗВО	Записки Восточного Отделения Русского Археологического общества
ЗКВ	Записки Коллегии востоковедов
ЗИВ	Записки Института востоковедения
ИАН	Известия Академии Наук СССР
ИАК	Известия археологической комиссии
ИВ АН СССР	Институт востоковедения АН СССР
ИВ АН УзССР	Институт востоковедения АН УзССР
ИГАИМК	Известия ГАИМК
ИЗ	Исторические записки (изд. Ин-та истории АН СССР)
ИИМК	Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР
ИРАИМК	Известия Российской Академии истории материальной культуры
ИРКОМ	Известия Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении
ИТОРГО	Известия Туркестанского отдела Русского географического общества
ИЯЛИ УзФАН	Институт языка, литературы и истории Узбекского филиала АН СССР
КС ИИМК	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК
ЛГУ	Ленинградский государственный университет
МАИ	Материалы по истории народов СССР
МАР	Материалы по археологии России
МИТТ	Материалы по истории туркмен и Туркмении, изд. Ин-та востоковедения АН СССР
ОИФ АН СССР	Отдел истории и философии АН СССР
ООН АН СССР	Отдел общественных наук АН СССР
САРГРУ	Ср. аз. районное геолого-разведочное управление
СА	Советская археология
САГУ	Среднеазиатский государственный университет
СВ	Советское востоковедение
СОНАТ	Социалистическая наука и техника (журнал, Ташкент)
Средазкомстарис	Среднеазиатский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы
СЭ	Советская этнография
ТАКЭ	Термезская археологическая комплексная экспедиция
ТВОРАО	Труды Восточного отделения Русского археологического общества
ТКЛА	Туркестанский кружок любителей археологии
ТОВЭ	Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа
Узкомстарис	Узбекистанский комитет по охране и изучению памятников материальной культуры
УзАН	Академия Наук УзССР

- УзФАН СССР Узбекский филиал АН СССР
 ЮТАКЭ Южно-туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
 BGA Bibliotheca Geographorum Arabicorum, ed. de Goeje
 BI Bibliotheca Indica
 EI Encyclopaedia of Islam
 GMS Gibb Memorial Series
 GMS NS Gibb Memorial Series, New series
 ESA Eurasia Septentrionalis Antiqua
 OTF Oriental translation found

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ТРУДЫ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- Маркс К. Немецкая идеология, в кн. Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения, т. IV, стр. 1—541, М., 1933.
 Маркс К. Британское владычество в Индии (1853 г.), в кн. Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения, т. IX, М., 1933, стр. 346—352.
 Маркс К. Будущие результаты британского господства в Индии (1853), в кн. Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения, т. IX, М., 1933, стр. 362—368.
 Маркс К. Объявление войны. Мусульмане и христиане, в кн. Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения, т. X, М., 1933, стр. 5—13.
 Маркс К. Капитал, тт. 1—3, в кн. Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения, тт. XVII, XVIII и XIX, ч. 1 и 2, М., 1937, 1934, 1939 и 1947.
 Маркс К. Письмо к Энгельсу от 2-VI 1853, в кн. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч.: т. XXI, М., 1929, стр. 487—491.
 Маркс К. Хронологические выписки, в кн. Архив Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 169—208, М., 1939.
 Маркс—Энгельс—Ленин—Сталин об ирригации, филиал ИМЭЛ при ЦК КП(б) Уз., Ташкент, 1940.
 Маркс—Энгельс—Ленин—Сталин о первобытном обществе, М.—Л., 1934.
 Маркс—Энгельс—Ленин—Сталин о проблемах языка и мышления. ИГАИМК, вып. 75, Л., 1933.
 Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии, в кн. Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения, т. VIII, М.—Л., 1931, стр. 7—153.
 Энгельс Ф. Кавалерия, в кн. Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения, т. XI, ч. 2, М., 1933, стр. 436—466.
 Энгельс Ф. Анти-Дюринг, в кн. Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения, т. XIV, стр. 1—332, М.—Л., 1931.
 Энгельс Ф. Диалектика природы, в кн. Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения, т. XIV, стр. 389—631, М., 1931.
 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, в книге Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения, т. XVI, ч. 1, М., 1937, стр. 7—153.
 Энгельс Ф. Введение к английскому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке», 1892, в кн. Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения, т. XVI, ч. 2, стр. 286—308.
 Энгельс Ф. Письмо к К. Марксу от 6 июня 1853 г., в кн. Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения, т. XXI, М., 1929, стр. 491—496.
 Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции, 1905—1907 гг., Сочинения, т. XI, изд. 3, М.—Л., 1935, стр. 334—498.
 Ленин В. И. О государстве, Сочинения, т. XXIV, М., 1936.
 Ленин В. И. Письмо к А. М. Горькому в декабре 1913 г., Сочинения, т. XVII, М., 1932, стр. 84—86.
 Ленин В. И. Развитие капитализма в России, Сочинения, т. III, стр. 1—335, М.—Л., 1946.
 Ленин В. И. Философские тетради, М., 1936.
 Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов, Сочинения, т. I, М.—Л., 1928, стр. 51—222.
 Ленин и Сталин. Статьи и речи о Средней Азии и Узбекистане, Ин-т истории компартии при ЦК КП(б) Уз. (фил. ИМЭЛ), Ташкент, Партиздат ЦК КП(б) Уз., 1940.
 Сталин И. В. Анархизм или социализм?, Сочинения, т. I, М., 1946, стр. 294—372.
 Сталин И. В. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, Партиздат, М., 1933.
 Сталин И. В. Доклад об очередных задачах партии в национальном вопросе от 10-III—1921 на X съезде РКП(б), в кн. И. Сталин, Сочинения, т. 5, М., 1947, стр. 33—44.
 Сталин И. В. Заключительное слово по докладу об очередных задачах партии в национальном вопросе на X съезде РКП(б), в кн. И. Сталин, Сочинения, т. 5, М., 1947, стр. 45—49.

- Сталин И. К некоторым вопросам языкознания. Ответ тов. Е. Крашенинниковой, «Правда», 4-VII—1950.
- Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос, в кн. И. Сталин, Сочинения, т. 2, М., 1946, стр. 290—367.
- Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос, Партиздат, М., 1937.
- Сталин И. В. Национальный вопрос, в кн. Вопросы ленинизма, изд. 11, ОГИЗ, М., 1939, стр. 45—52.
- Сталин И. В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе. Тезисы к X съезду РКП(б), утвержденные ЦК партии, в кн. И. Сталин, Сочинения, т. 5, М., 1947, стр. 15—29.
- Сталин И. В. О диалектическом и историческом материализме, в кн. Вопросы ленинизма, изд. 11, ОГИЗ, М., 1939, стр. 535—563.
- Сталин И. Ответ товарищам, «Правда», 2-VIII 1950; «Культура и Жизнь», № 22, 11-VIII 1950; «Большевик», № 14, 1950.
- Сталин И. Относительно марксизма в языкознании, «Правда», 20-VII; Фрунзе, Киргизгосиздат, 1950.
- Замечания по поводу конспекта учебников по «Истории СССР». «Правда» № 26 от 27-I 1936 г.; «Пролетарская революция», № 7, 1936.
- История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, М., изд. 2, 1945.

ОСНОВНЫЕ ПЕРВОИСТОЧНИКИ

- Абд-ар-Раззак ас—Самарканди.** Матла ас-са'дейн ва маджема'ал-бахрейш.
Рукопись ИВ АН СССР № С 442, С 443, С 449.
Извлеч. в русск. п.р. МИТТ 1.
Quatremère. Notices et Extraits, t. XIV, Paris, 1843.
- Абу-Джаффар Мухаммад ибн-Муса ал-Хорезми.** Китаб Сурат ал-ард.
Das Kitab surat al ard, herausg. von Hans v. Mzik. Bibl. arab. Historiker und Geographen, Band III.
- Абул-гази Бехадур хан. Шаджрай тюрк.**
Abulghasi Behadür Chani Historia mongolorum et tatarorum nunc primum tatarice edita auctoritate et munificentia Nicolai de Romanzoff, Casani, 1825.
Abul-ghazi Behadour Khan. Histoire des Mongols et des Tartares ... Publiée, traduit et ann. par le baron Demaison, t. 1—2, St-Pb., 1871—1874.
Абул Гази. Родословное древо тюрков, Соч. Абул-Гази, хивинского хана, пер. и предисл. Г. С. Саблук-ва, Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXI, в. 5—6, 1908, т. XXII в. 6, 1906.
- Абу-Ханифа ад-Динавери.** Китаб аль-ахбар аль-тиваль.
(Abou Hanifa ad-Dinaveri) Kitab al-ahbar at-tiwal. Publ. par V. Guirgass, Leide, 1888.
- Абу-Юсуф-Якуб.** Китаб ал-харадж, изд. Булак, 1302 г. х.
(Abou) Yousof Ya'Koub. Le livre de l'impôt foncier (Kitab al kharadj), trad. et ann. par E. Fagnan, Paris, 1921.
- Авеста.** (Le) Zend-Avesta Traduct. nouv. avec comment. histor. et philol. par James Darmesteter, vols. 1—3. Paris, 1892—1893. (Annales du Musée Guimet t. 21, 22, 24).
- Аноним Искандера,** (см. Натанзи Муин ад-дин).
- Арриан.** Анабасис Александра или история походов и завоеваний Александра Великого, в 7 книгах, пер. с греч. Коренькова, Б. м. 6. г.
- Бабур Закир ад-Дин.** Бабур-намэ, записки султана Бабера, изд. в подлинн. тексте Н. И. Ильминского, Казань. 1857.
Бабур Захириддин Мухаммед. Бабур-намэ (1483—1535. Ист. записки 1), русск. пер. М. Салье. «Звезда Востока», Ташкент, 1946 г. № 3, 4—5, 7—8 10—11; то же, Госиздат УзССР, Ташкент, 1948.

Захириддин Мухаммад Бабур. Бобурнома, нашрга таярлавчи С. Муталибов, Тошкан, 1948 (на узб. яз.).

Baber Zehir-ed-Din Muhammed. Memoirs of Zehir-ed-Din Muhammed Baber, Emperor of Hindustan, written by himself, in the jaghatai turki and translated partly by John Leyden, partly by William Erskine, London, 1826; То же 2-изд. Annoied and revised by sir Lucas King., London, 1921.

Baber Zehir-ed-Din Muhammed. Memoires de Baber, fondateur de la dynastie mongole dans l'Hindoustan. Traduit pour la première fois sur le texte djaghatai par A. Pavet de Courteille, vol 1—2, Paris, 1871.

Бар-Еврей.

Bar-hebreus (Abul-Farag) Tarih-ad-Doûval, publ. par A. Salham. Beyrout 1899.

Бейхаки Абул-Фазл Мухаммед ибн ал-Хуссейн. Тарихи Бейхаки, тегеранское изд. 1307/1890.

The Terikh-i-Baihaki, containing the life of Masoud, son of Sultan Mahmud of Ghaznin, ed. by W. N. Morley, Calcutta, 1861—1862. (B. I).

Извлеч. в русск. пер., МИТТ, 1.

Бейхаки Абул-л Хасан Али ибн-Зейд. Изв. под именем ибн-Фандак? (ибн-Фундук). Тарихи Бейхак, тегеранское изд., 1317. г. х.

Ал-Белазури. Китаб футух ал-Булдан.

Liber Expugnationis Regionum, auctore imamo Ahmed ibn-Jahja ibn Djabir al-Beladsori, Lugduni Batavorum, 1863—1866.

The origin of the Islamic State. Being a translation from the arabic... of the Kitab Futuh al-buldan of al Imam Abu-l'Abbas Ahmad ibn Jâbir al-Balâd. huri, part 1, transl. by Kh. Hitti, New-York, 1916; part 2, transl. by F. C. Murgotten, New-York, 1924.

Извлеч. в русск. пер., МИТТ, 1.

Bergeron Pierre. Voyages faits principalement en Asie dans le XII, XIII, XIV et XV siècles par Benâmin de Tudele, Jean du Plan-Carpin, N. Ascelin, Guillaume de Rubruquis, Marc Paul Venitien, Haiton, Jean de Mandeville et Ambroise Contarini par Pierre Bergeron, tomes 1—2 à La Haye, 1775.

Ал-Беруни Абу-Рейхар. Китаб ал-асар ал-Бакия ан ал-курун ал-хакия.

Alberuni. Chronologie Orientalischer Völker, von Alberuni, Herausg. von dr E. Sachau, Leipzig. 1878. Neudruck in helioplanverfahren, Leipzig, 1923.

The Chronology of Ancient Nations, an English version of the arabic Text of the Athar ul-Bakiya of Alberuni... Transl. by dr C. E. Sachau, London 1879.

Извл. в русск. пер. МИТТ, 1.

Вассаф. Тарихи Вассаф (Китаб-и Вассаф), бомбейское изд., 1269 г. х.

Васифи. Зайн ад-дин. Бадаи'аль-Вакаи', рукопись ИВ АН УзССР № 3392.

Гардизи. Китаб Зайн ал-ахбар.

Kitab Zainu'l Akhbbar, composed by Abu Said... Gardizi... ed. by Muhammad Nazim, London, 1928.

Извлеч. в русск. пер. МИТТ, 1.

Геродот. История в 9 книгах, пер. с греч. Ф. Г. Мищенко, в двух томах, М., 1886—1888.

Гияс-ад-дин Али. Дневник похода Тимура в Индию, изд. Л. А. Зиминова под ред. В. В. Бартольда, СПб., 1915.

Даулетшах. Тезкирету' ш-Шу'ара.

The Tadhkiratu'sh-Shu'ara... of Dawlatschah... ed. by E. G. Browne. London, 1901.

Джувейни. Тарих-и-джехан-гуша.

The Ta'rikh-i-Jahân gushâ of Ala ud-din Ata Malik-i-Juwaini. Edit. with an introduction, notes and indices... by Mirza Muhammed ibn Abdu'l-Wahhâb i-Qazwini. (GMS, XVI, I, II, III) Leyden-London, 1912, 1916, 1937.

Извлеч. в русск. пер., МИТТ, 1.

Джузджани. Табака-и-Насири.

Tabaqat-i-Nasiri of Aboo Omar Minhaj al-Din Othman ibn Siraj a'-din al Jawzjani ed. by W. Nassau Lees and Mawlawis Khadim Hosain and Abd al-Hai. Calcutta, 1863—1864 (B. I.)

Tabaqat-i Nasiri transl... by H. G. Raverty, London, 1881. 2 vols (B.I.).

Извлеч. в русск. пер., МИТТ, 1.

Бзди, Шериф-ад-дин Али. Зафар-намэ.

The Zafar nâmah by Maulana Sharafuddin Ali of Yazd. Ed. by maulawi Muhammad Iahdad, vol 1—2, Calcutta, 1887—1888. (B. I.).

Cheref eddin Ali natif d'Yezd. Histoire de Timour bec, connu sous le nom du grand Tamerlan, empereur des mogoles et Tatares, tomes 1—4, Delft, 1723 (франц. пер. Petis de la Groix).

Накинф о. (Бичурин). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I—III, СПб., 1851.

Ибн-Арабшах. Аджаиб аль-Макдур фи ахбар Тимур, каирское изд., 1285 г. х.

Ahmed ibn Arabshah. Tamerlan or Timur the Great Amir. trad. J. N. Sanders, London, 1936.

Ибн ал-Асир (Ibn-al-Athiri). Chronicon quod perfectissimum inscribitur ed. C. J. Tornberg I—XIV, Upsala, 1851—1853 et Lugduni Batavorum, 1867—1876.

Извлеч. в русск. пер., МИТТ, 1.

Ибн-Баттута. Voyages d'Ibn Batoutah, texte et traduction par C. Défréméry et de dr Sanguinetti, Paris, 1855 (1877).

Ибн-Кутейба. Handbuch der Geschichte, Herausg. F. Wüstenfeld, Göttingen, 1850.

Ибн-Мискавейх. Рукопись ИВ АН УзССР № 411/2.

Ибн-Русте. Китаб ал-а'лак ан-нафиса VII.

Kitab al-ahlak an-Nafisa VII. Auctore Abu Ali Ahmed ibn-Omar ibn-Rusr teh. ed. M. J de Goeje. BGA VII, Lugd. Batavorum, 1892.

Извлеч. в русск. пер., МИТТ, 1.

Ибн-Фадлан. Путешествие ибн-Фадлана на Волгу, пер. и коммент. под ред. акад И. Ю. Крачковского, М.—Л., 1939.

Ибн ал-Факих. Китаб Ахбар ал-булдан, мешхедская рукопись.

Compendium libri Kitab al-boldan auctore ibn al-Fakih al Hamadani, ed. de Goeje, BGA V, Lugduni Batavorum, 1885.

Извлеч. в русск. пер., МИТТ, 1.

Ибн-Халликан.

Ibn Challikani vitae illustrium virorum. Ed. F. Wüstenfeld, Göttingen, 1835
Ibn Challikan. Biographical dictionary. Transl. by Mac-Guekin de Slaa: Paris, 1842—1871 (OTF).

Ибн-Хаукаль. Китаб ал-месалик ва-л-мемалик.

Viae et regna. Descriptio ditionis moslemicae. Auctore Abu'l Kâsim Ibn Haukal, BGA, II, Lugd. Batavorum, 1873.
Извлеч. в русск. пер., МИТТ, 1.

Ибн-Хордадбех. Китаб ал-месалик ва-л-мемалик.

Kitab al-Masâlik wa'l-Mamâlik. Auctore Kasim Obaidallah ibn-Abdallah ibn-Khordâdbeh, BGA VI, Lugd. Batavorum, 1889.
Ibn-Khordadbeh. Le livre des routes et des provinces, trad. par Barbier de Meynard, Paris, 1865.
Извлеч. в русск. пер., МИТТ, 1.

Ал-Идриси. Нузхат ал-муштак фи хтирак ал-афак.

Geographie d'Edrisi traduite de l'arabe en français par Amédée Jaubert I—II, Paris, 1836—1840.

Искандер Мунши. Тарих' и алам-ара-и-Аббаси, тегеранское издание, 1345 г. х.

Ал-Истахри. Китаб месалик ал-мемалик.

Kitab mesalik wa memalik auctore Abou Ishak al-Farisi al-Istahri, Ed M. J. de Goeje BGA I, Lugd. Batavorum, 1870, Ed. 2, 1927.
Извлеч. в русск. пер., МИТТ, 1.

Жизнь Курций Руф. Александр Македонский, знаменитый завоеватель, М., 1897.

Китаб ал-фихрист.

Kitab al-Fihrist. Herausg. von G. Flügel und dr J. Roediger, Leipzig, 1871.

Клавихо Рюи-Гонзалес де. Жизнь и деяния великого Тамерлана, сочинение Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403—1406 г. подлинн. текст с переводом и примеч., составл. под ред. И. И. Срезневского, сборн. Отд. русск. яз. и слов., АН, т. XXVIII, СПб., 1881.

Ксенофонт. Греческая история, пер. и вступление С. Лурье, Седьмиза, М., 1935.

Кудам а Абул Фарадж ибн Джа'фар. Китаб ал-харадж.

Accedunt excerpta e Kitav al Kharadj auctore Kodama ibn Dja'far, BGA V London, 1889.
Извлеч. в русск. пер., МИТТ, 1.

Кудатку Билик. Юсуф хас хаджиб Баласагуни.

Chass-Hadschib. Das Kudatku-Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bäläsagun, vol. 1—2, St-Petersburg, 1891—1910.

Ал-Макдиси. Ахсан ат-такасим фи ма'рифат ал-акаим.

Descriptio Imperii moslemici. Auctore al-Mokaddasi, Ed. de-Goeje, BGA III, Lugduni Batavorum, 1877; 2-d ed., 1906.
Извлеч. в русск. пер., МИТТ, 1.

Ал-Мас'уди. Китаб мурудж аз-захаб; Китаб ат-танбих ва'ль ишраф.

Les Prairies d'or. Texte arabe et traduction par C. Barbier de Meynard et A. Pavet de Courteille, I—IX, Paris, 1861—1877.
Kitab at tanbih wa'l ishraf. Auctore al Mas'udi ed. de Goeje, EGA VIII Lugduni Batavorum, 1894.
Le livre de l'avertissement et de révision, traduit par B. Carra de Vaux, Paris, 1896 (1897).

Материалы по истории туркмен и Туркмении (МИТТ) т. I, Труды ИВ АН СССР, источники по истории народов СССР, М.—Л., 1939

Материалы по истории туркмен и Туркмении (МИТТ) т. II, источники по истории народов СССР, изд. АН СССР, М.—Л., 1938.

Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I (Торговые сношения Московского государства с народами Средней Азии в XVI—XVII вв.), Труды Историко-археологического института и ИВ АН СССР, вып. 3, Л., 1932.

Махмуд ибн ал-Хусейн ал-Кашгари. Диван лугат ат-тюрк, изд. Стамбул, 1333—1335 г.х
Извлеч. в русск. пер., МИТТ, 1.

Марвази Шараф аз-заман Тахир.

Sharaf al-zaman Tahir Marvazi, Arabic texte and English translation and commentary by V. Minorsky. London, 1942.

Минаев И. П. Путешествие Марко Поло, пер. с франц. под ред. В. В. Бартольда, Зап. ИРГО по отд. этнографии, т. XXVI, СПб., 1903.

Мирхонд. (Мухаммед ибн Хавенд-шах ибн-Махмуд). Раузат ас-сафа.

Тегеранское изд. 1270 г. х., индийское изд. 1883.
Mirkhond. Histoire des Samanides. Par Mirkhond, texte persan trad. et accomp. de notes critiques, histor. et geograph. par M. Défréméry, Paris, 1845.
Histoire des Sultans du Khorezm, par Mirkhond, texte persan publié par M. Défréméry, Paris, 1842.
Vie de Djenghiz Khan par Mirkhond... publ. par A. Jaubert, Paris, 1841

Мусеви. Т а р и х и - х а й р а т, (см. Натанзи Муин ад-дин).

Наршахи Абу-бакр Мухаммед. Тарихи Бухара (История Бухары), русск. пер. Н. Лыкошина, Ташкент, 1897.

Nerchakhy Mohammed. Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Nershakhy, suivi de textes relatifs à la Transoxiane, texte persan publié par Charles Schefer. Paris, 1892.

Насир-и Хусрау... Сафар-намэ, книга путешествия, рус. пер. и вст. ст. Е. Э. Бертольса, Academia, Л., 1933.

Nasiri Khosrau. Sefer nameh. Relation du voyage de Nasiri Khosrau en Syrie, en Palestine, en Egypte, en Arabie et en Perse pendant les années de l'hégire 437—444 (1035—1042), publié, traduit et annoté par Charles Schefer Paris, 1881.

Ал-Насафи ас-Самарканди. Кандия Малая, русск. пер. В. А. Вяткина, Справочная книжка Самаркандской области, вып. V, Самарканд. 1905.

Натанзи Муин-ад-дин. Сочинение по всеобщей истории, рукопись ИВ АН СССР № С 381. Брит. музея № Or. 1566.

Ал-Несевин Мухаммед. Сират ас-Султан Джалал-ад-дин Менкуберти.

Muhammad an-Nesewi. Vie de Djelal-ed-Din Mankobirti, texte arabe et trad. française, Ed. par O. Houdas, vol. 1—2. Paris, 1891—1895.

Низам ал-мульк. Сиасет-намэ.

Низам ал-Мульк. Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам-ал-мулька, русский перевод, предисловие и примечания проф. Б. Н. Заходера М.—Л., 1949.

Nizam-oul-Moulk. Siasset-naméh. Traité de gouvernement, texte persan, ed. par Ch. Schefer, Paris, 1891.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания, пер. с греч. В. Алексеева, тт. I—IV, СПб. 1892—1898.

Histoire générales des voyages par l'abbé Antoine François, Prevost d'Exiles, tome IX, Ed. à La Haye, 1747.

ар-Равенди. Рахат ас-судур.

The Râhat-us-Sudûr wa A'yat-us-Surur by Muhammed ibn Ali al-Rawaadi ed. by Muhammed Iqba, London, 1921 (GMS, NS, II).
Извлеч. в русск. пер., МИТТ, 1.

Рашахату айин-л хайят. Ташкентская литография, 1329 г. х.

Рашид ад-дин. Джами ат-таварих.

Березин И. Н. Сборник летописей, История монголов, сочинение Рашид-Эдина, ТВОРАО, т. VII, 1861; т. XV СПб., 1888.

Bloch et Ed. Djamiat-tevarikh. GMS XVIII, London, 1911.
Quatremère. Histoire des Mongols de la Perse, I, Paris, 1836.
Quatremère. Extraits de l'histoire de Mongols, Paris, 1844.
Bloch et Ed. Rashid ed-Din Fadl Allah. Tarikh-i Moubarek-i ghazani, Leyden-London, 1911.

ас-Са'либи.

Al-Tha'âlibi. Histoire des rois de Perse par Abou Mansour Abd al-Malik ibn Mohammad ibn-Isma'il, texte arabe publié et traduit par H. Zotenberg, Paris, 1900.

ас-Сам'ани Абу Са'д. Китаб ал-ансаб.

The Kitab al-Ansâb of Abd al-Karim ibn Muhammad al-Sam'ani, with introduction by D. Margoliouth, (GMS XX) Leyden-London, 1912.
Извл. в русск. пер., МИТТ, 1.

Самария, соч. Абу Тахира ходжи, Справочная книжка Самаркандской обл. на 1898 г., Самарканд, 1899.

Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV, XV столетиях, изд. Д. Языкова, СПб., 1825.

Страбон. География Страбона в XVII книгах, пер. с греч. Ф. Г. Миценко, М., 1879.

ат-Табари Абу Джафар Мухаммед. б. Джабир.

Annales quos scripsit Abu Djafar Muhammed at-Tabari, cum aliis ed. M. J de Goeje, Lugduni Batavorum, 1879—1890.
Chronique de Tabari, traduite sur la version persane d'Abou Ali Mohammad Bel'ami par M. N. Zotenberg I—IV, Paris, 1867—1874.
Извлеч. в русск. пер., МИТТ, 1.

The Tarikhi-Rashidi of Muhammad Haider Dughlat. A History of the Moghuls of Central Asia. An English version ed. with commentary, notes and map by N. Elias, the translation by E. Denisson-Ross, London, 1895.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I и II, М.—Л., 1884—1941.

Угон Абу Наср. Китаб ал йамини, индийские издания: Дели—1847, Лахор—1883.

The Kitab al-Yamini by the rev. J. Reynolds (OTF). London, 1858.
Извлеч. в русск. пер., МИТТ, 1.

Хаджи-Хальфа.

Hadji Khalfae Lexicon bibliographicum et encyclopaedicum arabice et latine Ed. G. Flügel, Lipsiae, 1835—1838.

Хамдаллах Казвини. Тарих-и-Гузидэ.

Browne Edouard. Hamdu'llah Mustawfi-i-Qazwini, The Ta'rikh-i-Guzida or „Select history“, vol. 1—2, Leyden—London, 1910—1913.

The Geographical part of the Nuzhat al-Qulûb, composed by Hamd'Allah Mustawfi of Qazwin in 740 (1340), Ed. by G. Le Strange, London—Leyden 1915 (GMS XXIII). Transl. by G. Le Strange (GMS. XXIII, 2) 1919.
Извлеч. в русск. пер., МИТТ, 1.

Хафиз Абру. Зубдат-ат-таварих.

Chronique des rois mongols en Iran. Texte persan ed. et trad. par K. Bajani, II, trad. et notes, Paris, 1936.

A persian Embassy to China; an extract from Zubdatu'l-Tawarikh of Hafiz Abru, Lahore, 1934.

Извлеч. в русск. пер., МИТТ 1.

Хафиз Таныш. Абдулла-намэ, рукопись ИВ АН УзССР № 5363.

Хондемир Хабиб-ус-сияр. Литограф. изд. в Бомбее 1273 г. х., в Тегеране 1271 г. х.

Хондемир. История монголов от древнейших времен до Тамерлана, русск. перев. В. В. Григорьева, СПб., 1884.

Макарим-ал-Ахлак. (Книга благородных качеств) Хондемира, русск. пер. М. Саабе, в кн. „Родонач. узб. литературы“, Ташкент, 1940.

Dorn Bernhard. Die Geschichte Tabaristans und der Serbedare nach Chon-demir, Persisch und deutsch, St-Petersburg, 1850.

Хондемир. Макарим ал-ахлак. Ташкент, 1941. (на узб. яз.).

Худуд ал-алем. С введением и указателями, изд. В. В. Бартольда (Рукопись Туманского), Л., 1930.

Minorsky V. Hudud al-Alam. „The regions of the world“, a persian geography 372 a. H.-982 a. D., by V. Minorsky, with the preface by W. W. Barthold, translated from the russian, London, 1937 (GMS, N.S. XI).

Чан-чуй. Си-ю-дзи или описание путешествия на Запад, Труды членов русск. духовн. миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1866, стр. 260—434.

Шамх. Низам ад-дин. Зафар-намэ.

Histoire des conquêtes de Tamerlan intitulée Zafar-nama par Nizamaddin Sami, ed. par F. Tauer, Praha, 1937.

Извлеч. в русск. пер., МИТТ, 1.

Аш-Шахрастани.

Al Shahrastani. Muhammad Ed. Cureton, vol. 1—2, London, 1842—1846.

Al-Shahrastani. Немецкий перевод Theodor Haarbrücker, vol. 1—2, Halle, 1850—1851.

Якут. Китаб му'дjam ал-булдан.

Jacut's Geographisches Wörterbuch, herausg. von Ferd. Wüstenfeld, I—VI
Leipzig, 1866—1870.

ал-Я'куби. Китаб ал-булдан.

Kitab al Buldan. Auctore Ahmed ibn abi Jakub ibn Wadhah al-Katib
al-Jakubi. Ed. M. J. de Goe'e BGA, VII, Lugd. Batavorum. 1892.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ЯЗЫКАХ НАРОДОВ СССР

Айни С. Исьёни Муқаннои, Сталинабад, 1944.

Айни С. Темурмалик, Сталинабад, 1943.

Ал-Искандерия. Сборн. Восточного института, Ташкент, 1923.

«Алишер Навои». Юбилейный сборн., изд. АН СССР, М., 1946.

Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, ЖС, вып. III—IV, 1896, стр. 277—456.

Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях... ЖС, вып. III—IV, 1894, стр. 391—500.

Баженов Л. В. Средняя Азия в древний период, Ташкент, 1937.

Баженов Л. В. (Под ред.). Хрестоматия «Древние авторы о Средней Азии», Ташкент, 1940.

Бартольд В. В. Археологические работы в Самарканде летом 1924 г., ИГАИМК, т. IV, Л., 1925.

Бартольд В. В. Будущее Туркестана и следы его прошлого, Средазкомстарис, вып. I, Ташкент, 1926.

Бартольд В. В. Вяткин В. А. «Городище Афрасиаб», Иран, т. II, Л., 1928 (рецензия).

Бартольд В. В. Восточно-иранский вопрос, ИГАИМК, т. II, 1922.

Бартольд В. В. Греко-бактрийское государство и его распространение на северо-восток, II, 1916.

Бартольд В. В. Дорожник XIV в. от Бистама до Куны-Ургенча, ЗВО, т. XV, за 1902—1903 гг., стр. VI—VII, СПб., 1903.

Бартольд В. В. Ислам, Пг., 1918.

Бартольд В. В. К истории Мерва, ЗВО, т. XIX, вып. 4, стр. 115—138, СПб., 1910.

Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана, СПб., 1903.

Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России, СПб., 1911, 2-е изд., Л., 1925.

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана, Л., 1927.

Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов. Конспект лекций, читанных студентам Казахского высшего педагогического института в 1926—27 уч. году, Ташкент, 1928.

Бартольд В. В. История Туркестана, Труды Гос. университета, вып. 2, Ташкент, 1922.

Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана, журн. «Сельское хозяйство и лесоводство», 1913; Отд. оттиск ГУЗ и земельных улучшений, СПб., 1914.

Бартольд В. В. Киргизы, Фрунзе, 1927; изд. 2, 1943.

Бартольд В. В. Культура мусульманства, Пг., 1918.

Бартольд В. В. К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане, Ташкент, 1894.

Бартольд В. В. К вопросу о границах греко-бактрийского царства, ЗВО, т. XXIV, Пг., 1917.

Бартольд В. В. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов, ЗВО, т. XXV, Пг., 1921.

Бартольд В. В. К вопросу о языках согдийском и тохарском, Иран, т. I, Л., 1926.

Бартольд В. В. Мерверруд, ЗВО, т. XIV, СПб., 1902.

Бартольд В. В. Места домусульманского культа в Бухаре и ее окрестностях, Восточные записки, т. I, Л., 1927.

Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, Баку, 1925.

Бартольд В. В. Мир-Али-Шир и политическая жизнь, Мир-Али-Шир, сборн. Л., 1928.

Бартольд В. В. Мусульманский мир, Наука и школа, Пг., 1922.

Бартольд В. В. Народное движение в Самарканде в 1365 г., Приложение: перс. текст Абд. ар-Резак Самарканди, ЗВО, XVII, СПб., 1906, стр. 01—09; им. отд. оттиск.

Бартольд В. В. Новый источник по истории тимуридов, ЗИВ АН СССР, X.

- Бартольд В. В. О погребении Тимура, ЗВО, т. XXIII, вып. 1—2, Пг., 1915.
- Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период, ЗВО, т. VIII, 1893.
- Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан, август—декабрь 1920 г., Л., 1921.
- Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан в 1904 г., ЗВО, XV, стр. 173—280.
- Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан, ИРАИМК, т. 2, Пг., 1922, им. отд. оттиск.
- Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан, оттиск из ИРАИМК, т. 2, Пг., 1922.
- Бартольд В. В. Отчет о поездке в Самарканд летом 1904 г. командированного Русским комитетом проф. Бартольда, ИРКОМ, № 3, СПб., 1905.
- Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг., Записки ОИФ АН СССР, т. 1, № 4, СПб., 1897.
- Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья, памятная книжка Семиреч. области, Стат. Ком., 11, Верный, 1898, изд. 2, Фрунзе, 1943.
- Бартольд В. В. Очерки истории туркменского народа, сборн. «Туркмения», т. 1, изд. АН СССР, Л., 1929.
- Бартольд В. В. Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче, Анийская серия, № 5, СПб., 1911.
- Бартольд В. В. Персидское арк—«крепость, цитадель», ИРАИМК, 1, № 5, Пг., 1920, 1893.
- Бартольд В. В. Рецензия на книгу Владимирцова Б. Я. «Чингисхан», журн. «Восток», № 5, 1925, стр. 251.
- Бартольд В. В. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-дарьи с древнейших времен до XVII в., ИТОРГО, IV, Научные результаты Аральской экспедиции, вып. 2, Ташкент, 1902.
- Бартольд В. В. Султан Синджар и гузы, ЗВО, т. XX, СПб., 1912, стр. 046—049.
- Бартольд В. В. Таджики, исторический очерк; сборн. «Таджикистан», Ташкент, 1925.
- Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I (тексты), СПб., 1898.
- Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II (исследование), СПб., 1900.
- Бартольд В. В. Улугбек и его время, Зап. Росс. Акад. Наук, VIII, серия, т. XIII, № 5, Пг., 1918.
- Бартольд В. В. Халиф и султан, Мир ислама, т. 1, № 2 и 5, СПб., 1912, стр. 203—226 и 345—400.
- Бартольд В. В. Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских, «Хлопковое дело», № 11—12, 1924.
- Бартольд В. В. E. Blochet, Introduction à l'histoire des Mogols de Fadol Allah Rashid ed-Din, Leyden—London 1910. Рецензия, «Мир ислама», т. 1, № 1, СПб., 1912, стр. 56—101.
- Бачинский Н. М. Архитектурные памятники Туркмении, вып. 1, М.—Ашхабад, 1939.
- Бачинский Н. М. Резное дерево в архитектуре Средней Азии, М., 1947.
- Беленицкий А. М. Из истории участия ремесленников в городских празднествах в Средней Азии в XIV—XV вв., ТОВЭ, т. 2, Л., 1940.
- Беленицкий А. М. Историческая топография Герата в XV в., сборн. «Алишер Навои», М.—Л., 1946.
- Беленицкий А. М. «Картина мира» по Бируни, Уч. зап. ЛГУ, сер. востоковедч. наук, вып. 11, Л., 1949.
- Беленицкий А. М. К истории земельных отношений в Средней Азии в тимуридскую эпоху, «Историк-марксист», № 4, 1940.
- Беленицкий А. М. Организация ремесла в Самарканде XV—XVI вв., КС ИИМК, VI, М.—Л., 1940.
- Березин И. Н. Очерки внутреннего устройства улуса Джучиева, ТВОРАО, ч. 8, СПб., 1864.
- Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии, Материалы и исслед. по истории киргиз и Киргизстана, вып. IV, Фрунзе, 1941.
- Бернштам А. Н. Археологические работы в Казахстане и Киргизии, ВДИ, № 4(9), 1939.
- Бернштам А. Н. Археологические работы в Казахстане и Киргизии в 1938—1939 гг. «Наука и жизнь», № 3, 1940.
- Бернштам А. Н. Гуннский могильник Ноин-ула и его историко-археологическое значение, Изв. ООИ АН СССР, № 4, 1937.
- Бернштам А. Н. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии, Сборн. СЭ, VI—VII, М.—Л., 1947.
- Бернштам А. Н., Древняя Фергана, Тезисы доклада, КС ИИМК, XXI, М.—Л., 1947.
- Бернштам А. Н., Древняя Фергана, ВДИ, 1, 1949.
- Бернштам А. Н. Из истории гуннов, «Советское востоковедение», т. 1, М.—Л., 1940, стр. 51—57.

- Бернштам А. Н. Из итогов изучения древней истории Киргизстана, Изв. КирФАН, СССР, VII, Фрунзе, 1947.
- Бернштам А. Н. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала, Фрунзе, 1943.
- Бернштам А. Н. Историческое прошлое киргизского народа, Фрунзе, 1942.
- Бернштам А. Н. К исторической топографии Чуйской долины, ВДИ, № 2, (11), 1940.
- Бернштам А. Н. Кенкольский могильник, Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа, вып. 2, Л., 1940.
- Бернштам А. Н. К истории фергано-тяньшанских культурных отношений (из итогов арх. работ 1945 г.), Изв. КирФАН СССР, № 4—5, Фрунзе, 1947.
- Бернштам А. Н. Культура древнего Киргизстана, Фрунзе, 1942.
- Бернштам А. Н. Некоторые итоги археологических работ в Семиречье, КС ИИМК, XIII, 1946, стр. 110—118.
- Бернштам А. Н. Новые работы по Тохарской проблеме (рецензия), ВДИ, № 2, (20), М.—Л., 1947, стр. 134—138.
- Бернштам А. Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-шаня, СА, т. 9, М.—Л., 1949.
- Бернштам А. Н. Памятники старины Таласской долины под ред. и с предисл. А. Ю. Якубовского, Алма-ата, 1941.
- Бернштам А. Н. Проблемы истории Восточного Туркестана, ВДИ, № 2 (20), М.—Л., 1947, стр. 52—71.
- Бернштам А. Н. Проблема распада родовых отношений у кочевников Средней Азии. СЭ, № 6, 1934, стр. 86—115.
- Бернштам А. Н. Семиреченская археологическая экспедиция «Чуйская долина», под руководством А. Н. Бернштама, мат. и исследов. по археологии СССР, № 14, М.—Л., 1950.
- Бернштам А. Н. Согдийская колонизация Семиречья, КС ИИМК, VI, М.—Л., 1940.
- Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв. Восточно-тюркский Каганат и Кыргызы, М.—Л., 1946.
- Бернштам А. Н. Среднеазиатская древность и ее изучение за 30 лет, ВДИ, № 3 (21), М.—Л., 1947.
- Бернштам А. Н. Тюркешские монеты, ТОВЭ, т. 2, Л., 1940.
- Бернштам А. Н. Уйгурские юридические документы, Проблемы источниковедения, Труды Ин-та истории АН СССР, сер. III, М.—Л., 1940.
- Бертельс Е. Э. К вопросу о происхождении языка дари. Рабочая хроника ИВ АН СССР, 2, Ташкент, 1944.
- Бертельс Е. Э. Лейли и Меджнун, сборн. «Родоначальник узбекской литературы», Ташкент, 1940.
- Бертельс Е. Э. Навои. Опыт творческой биографии, АН СССР, М.—Л., 1948.
- Бертельс Е. Э. Персидская поэзия в Бухаре X века, М.—Л., 1935.
- Блаватский Б. В. Чепелев, «Об античной стадии в истории искусства народов СССР», 1941 (рецензия), ВДИ, № 1, 1946.
- Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа, М., 1908.
- Бобринский А. А. Секта Исмаиля в русских и в бухарских пределах Средней Азии, М., 1902, Этнограф. обозрение, 1902, № 2.
- Бокшанин А. Восточно-эллинистическое государство III—II вв. до н. э. (греко-бактрийское царство), «Исторический журнал», № 6, 1941, стр. 89—98.
- Болдырев А. Н. Алишер Навои в рассказах современников, сборн. «Алишер Навои», М.—Л., 1946.
- Болдырев А. Н. Мемуары Зайн-ад-дина Восифи как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хоросана на рубеже XV—XVI вв., ТОВЭ, т. II, Л., 1940.
- Болдырев А. Н. Очерки из жизни гератского общества, ТОВЭ, т. IV, М., 1947.
- Борисов А. Я. Авиценна как врач и философ, ИАН ООИ, вып. 1—2, Л., 1938.
- Борисов А. Я. К истолкованию изображений на Биянайманских оссуариях, ТОВЭ, т. II, 1940.
- Борисов А. Я. О значении слова «наус», ТОВЭ, т. III, Л., 1940.
- Боровков А. Н. Изучение жизни и творчества Алишера Навои (1441—1491), сборн. «Родоначальник узбекской литературы», Ташкент, 1940.
- Бороздин И. Н. К изучению древней истории Туркмении, ВДИ, № 4 (18), М.—Л., 1946.
- Букинич Д. Д. История первобытного орошаемого земледелия в Туркменской области в связи с вопросами о происхождении земледелия и скотоводства, «Хлопковое дело», кн. 3—4, 1924.
- Букинич Д. Д. Старые русла Окса и Амударьинская проблема, Библ.-ка «Хлопковое дело», кн. 4, 1926, стр. 117—161, им. отд. оттиск.
- Букинич Д. Д. Каналы древнего Термеза, ТАКЭ, т. II, Ташкент, 1945.
- Букинич Д. Д. Краткие предварительные соображения о водоснабжении и ирригации

- Старого Термеза и его района; в кн. ТАКЭ, Труды УзФАН АН СССР, сер. 1, вып. 2, Ташкент, 1940.
- Букин Д. Д. Некоторые новые данные об Анау и Намазга-тепе, «Туркменоведение», № 5, 1929.
- Валитова А. А. К вопросу о классовой природе Караханидского государства, Труды Киргизского филиала АН СССР, 1, вып. 1, Фрунзе, 1943.
- Васильев А. И. Согдийский замок на горе Муг, Согдийский сборн., Л., 1934.
- Веймарн Б. В. Изобразительное искусство Таджикистана, «Советское искусство», 13 апреля, 1941.
- Веймарн Б. В. Искусство Средней Азии, М.—Л., 1940.
- Большой узбекский поэт, сборн. АН УзССР, Ташкент, 1948.
- Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царевичах, ТВОРАО, ч. X, СПб., 1864.
- Вельяминов-Зернов В. В. Монеты бухарские и хивинские, ТВОРАО, ч. IV, СПб., 1860.
- Веселовский Н. И. Гератский бронзовый котелок 559 г. гиджры (1163 г. по РХ), МАР, № 33, СПб., 1910.
- Веселовский Н. И. Греческие изображения на туркестанских оссуариях, ИАК, в. LXIII, 1917.
- Веселовский Н. И. Заметки о стекольном производстве в Средней Азии, ЗВО, т. VIII, СПб., 1893.
- Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего, СПб., 1877.
- Веселовский Н. И. Экспедиция в г. Туркестан для снятия планов и зарисовки в красках местной мечети, ИРКОМ № 6, СПб., 1906.
- Весновский В. А. Камни-писанцы в Приуралье и Зауралье, Материалы по изучению Камского Приуралья, вып. II, Пермь, 1930.
- Виппер Р. Ю. Подвиги и катастрофы в жизни народов Средней Азии, «Исторический журнал», № 3—4, 1942.
- Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм, Л., 1934.
- Владимирцов Б. Я. Чингисхан, изд. Гржебина, Берлин — М. — П. 1922 г.
- Воеводский М. Э. и Грязнов М. П. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР, ВДИ, № 4, 1938.
- Волин С. Л. К истории древнего Хорезма, ВДИ, № 1, 1941.
- Волин С. Л. К истории среднеазиатских арабов, Труды 2-й сессии арабистов, Труды ИВ АН СССР, вып. XXXVI, М.—Л., 1941.
- Волин С. Л. Новый источник для изучения хорезмийского языка, ЗИВ АН СССР, VII, М.—Л., 1939.
- Волин С. Л. Рецензия на J. Junge, Saka-Studien, Der Ferne Nordosten im Weltbild der Antike, ВД., №1, 1941, стр. 132-135.
- Воронец М. Э. Археологические исследования Узкомстариса в 1939 г., ВДИ, № 1, 1940.
- Воронина В. Л. Элементы архитектуры замка Ак-тепе близ Ташкента по данным археологических раскопок, Изв. УзФАН, № 3, 1941.
- Вязьмитина М. И. Керамика Айртама времени кушанов, ТАКЭ, т. II, Ташкент, 1945.
- Вязьмитина М. И. Раскопки на городище Айртам, ТАКЭ, т. II, Ташкент, 1945.
- Вяткин В. Л. Афрасиаб—городище бывшего Самарканда, археологический очерк, Ташкент, 1926.
- Вяткин В. Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета, Справочная книжка Самаркандской области, вып. VII, Самарканд, 1902.
- Вяткин В. Матрица и штамп из Самарканда, Известия Средазкомстарис, вып. 1, Ташкент, 1926.
- Вяткин В. Л. Отчет о раскопках на Афрасиабе в 1905 г. ИРКОМ, № 8, СПб., 1908.
- Вяткин В. Л. Отчет о раскопках, произведенных в октябре 1904 г. в местности Намазгох, близ г. Самарканда, ИРКОМ, № 7, СПб., 1907.
- Вяткин В. Л. Отчет о раскопках обсерватории Мирза Улугбека в 1908 и 1909 гг., ИРКОМ, сер. II, № 2, 1912.
- Вяткин В. Л. Памятники древностей Самарканда, Самарканд, 1927.
- Гайдукевич В. Ф., К истории древнего земледелия в Средней Азии, ВДИ, 3, 1948.
- Гайдукевич В. Ф. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг., КС ИИМК, вып. XIV, 1947.
- Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении, т. 1, М., 1949.
- Гафуров Б. Таарихи мухтасари халк и тозик, 1, Сталинабад, 1947.
- Гафуров Б. и Прохоров Н. Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей родины. Очерки из истории таджиков и Таджикистана, Сталинабад, 1944.
- Герасимов М. М. Портрет Тамерлана (опыт скульптурного воспроизведения на краеологической основе), КС ИИМК, XVII, М.—Л., 1947.

- Городицов В. А. Археология, т. 1, Каменный век, М.—Л., 1923.
- Городицов В. А. Скальные рисунки Тургайской области, Труды ГИМ, вып. 1, М., 1926.
- Греков Б. Д. и Якубовский А. Я. Золотая орда и ее падение, М.—Л., 1950.
- Григорьев В. В. Греко-бактрийское царство, ЖМНП, ч. 13, ноябрь, 1867.
- Григорьев В. В. О скифском народе саках, СПб., 1871.
- Григорьев В. В. Поход Александра Великого в Западный Туркестан, ЖМНП, СПб., 1881.
- Григорьев Г. В. Городище Тали-барзу, ТОВЭ, т. II, Л., 1940.
- Григорьев Г. В. Зороастрийское костехранилище в кишлаке Фринкент, ВДИ, № 2, 1939.
- Григорьев Г. В. К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда, КС ИИМК, вып. XII, 1946.
- Григорьев Г. В. Каунчи-тепа (раскопки 1935 г.), Ташкент, 1940.
- Григорьев Г. В. Краткий отчет о работах Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г., Ташкент, 1940.
- Григорьев Г. В. Находка мустьерского остроконечника в Самарканде, КС ИИМК, VIII, М.—Л., 1940.
- Григорьев Г. В. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе Узбекской ССР в 1934 г., Ташкент, 1935.
- Григорьев Г. В. Поселения древнего Согда, КС ИИМК, V, М.—Л., 1940.
- Григорьев Г. В. Тали-барзу, СОНАТ, № 2—3, 1938.
- Григорьев Г. В. Тали-барзу как памятник домусульманского Согда, КС ИИМК, XIII, М.—Л., 1946.
- Грязнов М. П. Казахстанский очаг бронзовой культуры, сборн. «Казахи», вып. 19, Л., 1930.
- Гулямов Я. Г. К возникновению ирригации в Хорезме в свете данных археологии, сборн. «Науч. сессия АН УзССР», Ташкент, 1947.
- Гулямов Я. Г. К изучению эпохи Навои, сборн. «Великий узбекский поэт», изд. АН УзССР, Ташкент, 1948.
- Гулямов Я. Г. К вопросу о традиции архитектурных ансамблей в городах Средней Азии XV века, сборн. «Великий узбекский поэт», изд. АН УзССР, Ташкент, 1948.
- Гулямов Я. Г. Памятники города Хивы, Ташкент, УзФАН, 1941. Труды ИЯЛИ УзФАН, серия I. История, археология, вып. 3; рецензия Веймарн Б., Архитектура СССР, № 2, 1948.
- Гулямов Я. Г. Чупан-ата. Материалы по археологии Узбекистана, т. 1, изд. АН УзССР, Ташкент, 1948.
- Гюзальян Л. Т. и Дьяконов М. М. Рукописи Шах-намэ в ленинградских собраниях, изд. АН СССР, Л., 1934.
- Дебец Г. Ф. О черепе из Тешик-ташской пещеры, КС ИИМК, № 2, 1939.
- Дебец Г. Ф. О положении палеолитического ребенка из пещеры Тешик-таш в системе ископаемых форм человека, М., 1947.
- Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии, М.—Л., 1939.
- Денике Б. П. Изображение фантастических зверей в термезской резной декорации, сборн. «Искусство Средней Азии», 1930.
- Денике Б. П. Искусство Средней Азии, М., 1927.
- Денике Б. П. (под ред.). Искусство Средней Азии, Тр. секции истории искусств, РАНИОН, М., 1930.
- Денике Б. П. Резная декорировка здания, раскопанного в Термезе, в кн. «Третий международный конгресс по иранскому искусству и археологии», М.—Л., 1939.
- Денике Б. П. Резная штукатурная декорация в Термезе, Труды секции искусств РАНИОН, III, М., 1928.
- Дудин С. М. К вопросу о технике изразцовых мозаик Средней Азии, ИРАИМК, т. IV, Л., 1925.
- Дьяконов М. М. Бронзовая гиря с именем Исмаила Самани, ТОВЭ, т. II, Л., 1940.
- Дьяконов М. М. Б. Гафуров, История таджикского народа в кратком изложении, на тадж. яз., т. 1, Сталинабад, 1947 (рецензия), Вопросы истории, 1948, № 7, стр. 107—110.
- Дьяконов М. М., С. П. Толстов. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования, М., 1948. С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948 (рецензия), Вопросы истории, 1949, стр. 128—133.
- Ершов С. А. Археологические памятники левого берега Аму-дарьи, Краткие итоги археологического обследования, 1939, ВДИ, № 1 (14), М., 1941.
- Ершов С. А. Данденакан (археологическая разведка у Ташрабата в 1942 г.), КС ИИМК, XV, М.—Л., 1947.
- Ефименко П. П. Первобытное общество, СОЦЭКГИЗ, 1938.

- Житов К. Краткий очерк истории УзССР, Ташкент, 1947 (на узбекском языке).
- Жуков В. Д. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала (предварительное сообщение), Изв. УзФАН, № 10, 1940.
- Жуков В. Д. Развалины ансамбля дворцовых зданий в пригороде средневекового Термеза, в кн. ТАКЭ, Труды УзФАН, сер. 1, вып. 2, Ташкент, 1940.
- Жуковский В. А. Древности Закаспийского края, Развалины Старого Мерва, СПб., 1894.
- Зарубин И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков долины Бартаг, сборн. музея антропологии и этнографии, V, вып. I, 1917.
- Засыпкин Б. Н. Архитектура Средней Азии, М., 1948.
- Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры Термезского района, Культура Востока, Л. — М., 1928.
- Засыпкин Б. Н. Памятники монументального искусства советского Востока, сборн. «Художественная культура советского Востока», М.—Л., 1931.
- Захидов В. Ю. Ал. Бируни как мыслитель, ИАН СССР, сер. ист. и филос., т. VI, № 2, М., 1949.
- Захидов В. Ю. Бируни как поборник науки, Изв. АН УзССР, № 5, Ташкент 1945.
- Захидов В. Ю. Великий узбекский поэт и мыслитель Алишер Навои (доклад, прочит. 8 мая 1949 г. в Колонном зале Дома Союзов на торжеств. вечере, посвящен. 500-летию со дня рождения Навои), Ташкент, АН УзССР, 1948.
- Захидов В. Ю. Некоторые социально-политические взгляды Навои, в кн. Великий узбекский поэт, Ташкент, 1948.
- Заходер Б. Н. Денданекан, Исторический журнал, № 3—4, 1934.
- Заходер Б. Н. Мухаммед Нехшеби. К истории карматского движения в Средней Азии в X в., Ученые записки МГУ, вып. 41, М., 1940.
- Зимин Л. А. Отчет о двух поездках по Бухаре с археологической целью, Отдельный оттиск из протокола ТКЛА, т. XX, Ташкент, 1916.
- Зимин Л. А. Развалины старого Пейкенда, Ташкент, Протоколы ТКЛА, 1913.
- Зюграф А. Н. Монеты Герая, Ташкент, 1937.
- Иванов В. А. Исмаилитские рукописи Азиатского музея, Известия АН, 1917.
- Иванов П. П. Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии, Известия АН СССР по отд. общ. наук, № 8, 1935.
- Иванов П. П. Казахи и Кокандское ханство, К истории их взаимоотношений в начале XIX в., ЗИВ, вып. VII, М.—Л., 1939.
- Иванов П. П. К вопросу об исторической топографии Сайрама, Икд-ал-Джуман, сборн. «В. В. Бартольду—туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927.
- Иванов П. П. К вопросу о древностях в верховьях р. Таласа, сборн. Академии Наук в честь С. Ф. Ольденбурга, 1934.
- Иванов П. П. К истории развития горного промысла в Средней Азии, Гос. научно-техн. геол.-развед. изд-во, 1932.
- Иванов П. П. Очерк истории каракалпаков. Мат. по ист. каракалпаков, Труды ИВ АН СССР, т. VII, М.—Л., 1935.
- Иванов П. П. Сайрам, сборн. «Ал-Искандерия», Ташкент, 1923.
- Икд-ал-Джуман «В. В. Бартольду—туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927.
- Иностранцев К. А. Древнейшие арабские известия о праздновании Науруза в сасанидской Персии, ЗВОРАО, XVI, 1906.
- Иностранцев К. А. К истории домусульманской культуры Средней Азии, ЗВОРАО, т. XXIV, Пг., 1917; им. отд. оттиск.
- Иностранцев К. А. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках, ЖМНИ. Новая серия, XX, № 3, 1909.
- Иностранцев К. А. О домусульманской культуре Хивинского оазиса, ЖМНП, февраль 1911.
- Иностранцев К. А. Сасанидские этюды, СПб., 1909.
- Исследование палеотической пещеры Тешик-таш, Труды УзФАН, СССР, сер. 1, вып. 1, Ташкент, 1940.
- История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней под общ. ред. И. О. Омарова и А. М. Панкратовой, 2-е изд. исправл. и доп., т. I, Алма-Ата, 1949.
- История народов Узбекистана, т. 2, изд. АН УзССР, Ташкент, 1947.
- Каллаш В. В. Положение неспособных к труду стариков в первобытном обществе, Этнографическое обозрение, кн. I—III, М., 1889.
- Калмыков А. Д. Амударьинский клад и греко-бактрийское искусство, Протоколы ТКЛА, год 13, Ташкент, 1909.
- Кастальский Б. Н. Бия-найманские оссуарии, Самарканд, 1908.
- Кастальский Б. Н. Историко-географический обзор Сурхандарьинской и Ширабадской долин, «Вестник ирригации», № 2, 3, 4, Ташкент, 1930.

- Кастальский Б. Н.** Неизданная греко-бактрийская тетрадрахма-медаль Антимаха I, битая в честь Евтидема, ВДИ, № 3—4, 1940.
- Кесати Р.** Гератский бронзовый котелок 1163 г., Памятники эпохи Руставели, Л., 1938.
- Киселев С. В.** Археологические экспедиции ИИМК АН СССР в 1945 г., ВДИ, № 2, 1946, стр. 156—159.
- Киселев С. В.** Древняя история Южной Сибири, М.—Л., 1949.
- Киселев С. В.** Работы в области археологии Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, АН СССР, ВДИ, № 2, 1946.
- Киселев С. В.** Рецензия на статью С. П. Толстова «Древняя культура Узбекистана», ВДИ, № 1, 1946.
- Кисляков Н. А.** Охота таджиков долины р. Хингоу—в быту и фольклоре, СЭ, № 4, 1937, стр. 104—118.
- Кисляков Н. А.** Бурх — горный козел, СЭ, № 1—2, 1934, стр. 181 — 189.
- Кисляков Н. А.** Очерки по истории Каратегина. К истории Таджикистана, Сталинабад—Ленинград, 1941.
- Кисляков Н. А.** Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло, Труды Ин-та антропологии, этнографии и археологии АН СССР, т. X, Этнографическая сер., 2, М.—Л., 1936.
- Ковалев С. И.** Александр Македонский, Л., 1937.
- Корнилов П.** Узгент и его памятник (Из поездки 1928), Казань, 1931.
- Крачковская В. А. и акад. Крачковский И. Ю.** Древнейший арабский документ с горы Муг в Таджикистане, Согдийский сборн., Изд. АН СССР, Л., 1934.
- Крачковский И. Ю.** Арабские географы и путешественники, «Известия Гос. географического о-ва», М.—Л., № 5, 1937.
- Крачковский И. Ю.** О подготовке свода арабских источников для истории Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии, ЗИВ АН СССР, 1, 1932.
- Лев Д. Н.** Новые пещерные стоянки эпохи палеолита в Узбекистане, СЭ, № 1, 1949.
- Лерх П.** Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г., СПб., 1870.
- Лерх П. И.** Монеты Бухар-худатов, Труды Восточного отделения Русского археологического общества, т. 18, СПб., 1909.
- Лерх П. И.** Соображения о сходстве и различиях древнесогдийского и хорезмского языков, «Известия Русского археологического о-ва», т. VII, СПб., 1872.
- Лунин Б.** К истории города Термеза, «Исторический журнал», № 4, 1944.
- Лунин Б.** Сурхандарьинский областной музей в Термезе, УзССР, «Исторический журнал», № 1, 1944.
- Лэн-Пуль Стэнли.** Мусульманские династии, хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями, перевел с английского с примечаниями и дополнениями В. Бартольд, СПб., 1899.
- Макшеев Д. И.** Географические сведения книги Большого чертежа о киргизских степях и Туркестанском крае, Зап. РГО, т. VI, 1880.
- Малов С. Е.** Таласские эпиграфические памятники, Материалы Узкомстариса, вып. 6-7, изд. АН СССР, М.—Л., 1936.
- Масальский В. И.** Туркестанский край, Россия, под редакцией Семенова-Тяньшанского, т. XIX, СПб., 1913.
- Массон М. Е.** Археологические исследования в Узбекистане (1924—1939), сборн. «Наука в Узбекистане за 15 лет», Ташкент, 1939.
- Массон М. Е.** Археологические материалы к истории горного дела в Средней Азии, Горные инструменты, САГРУ, Бюлл. № 2, Ташкент, 1930.
- Массон М. Е.** Археологические работы в Узбекистане за последние годы (1933—1935), СОНАТ, № 11, 1936.
- Массон М. Е.** Археологические исследования в Узбекистане, сборн. «Наука в Узбекистане за 15 лет» (1924—1939), Ташкент, 1939.
- Массон М. Е.** В Южно-Туркестанской археологической комплексной экспедиции, ИАН СССР, сер. ист. и филос., т. VII, № 2, М., 1950.
- Массон М. Е.** Городища Старого Термеза и их изучение, сборн. ТАКЭ, Ташкент, 1940.
- Массон М. Е.** Загадочное городище Канка. Из результатов работ 29 отряда Таджикско-Памирской экспедиции, СОНАТ, № 10—11, 1934.
- Массон М. Е.** Из истории горной промышленности Таджикистана. Былая разработка полезных ископаемых, АН СССР, Материалы Таджикско-Памирской экспедиции, вып. XX, М.—Л., 1934.
- Массон М. Е.** Из далекого прошлого газовой войны в Средней Азии, СОНАТ, № 7, 1935.
- Массон М. Е.** Из истории добычи меди в Средней Азии в связи с прошлым Алмалыка, АН СССР, Труды ТАКЭ, вып. XXXVII, М.—Л., 1936.
- Массон М. Е.** К истории горной промышленности Кара-мазара, Труды Таджикской базы АН СССР, т. IV, М.—Л., 1935.
- Массон М. Е.** К истории добычи ртути в Средней Азии, «Народное хозяйство Средней Азии», Ташкент, № 5, 1930.

- Массон М. Е. К исторической топографии Герата, XV в., в кн. «Великий узбекский поэт», Ташкент, 1948.
- Массон М. Е. Клад утвари мастерской фальшивомонетчика XIV в. под Ташкентом, Материалы Узкомстариса, вып. 4, Ташкент, 1933.
- Массон М. Е. К периодизации истории Туркменистана, в кн. Тезисы докладов на юбилейной сессии Туркменистанского филиала АН СССР, посвященной 25-летию Туркменской ССР, Ашхабад, 1950.
- Массон М. Е. Мавзолей Гур-эмир, усыпальница тимуридов, Культурно-исторические экскурсии по Самарканду, вып. 11, Средазкомстарис, Ташкент, 1926, изд. 2, Узкомстариса, Самарканд, 1929.
- Массон М. Е. Монетные находки в Средней Азии за время с 1917 по 1927 гг. «Изв. Средазкомстариса», вып. III, Ташкент 1928.
- Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за 1928—1929 гг., «Научная мысль», т. 1, Самарканд—Ташкент, 1930.
- Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за 1930 и 1931 гг., Материалы Узкомстариса, вып. 5, Ташкент, 1933.
- Массон М. Е. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э., Материалы Узкомстариса, вып. 1, Ташкент, 1933.
- Массон М. Е. Несколько археологических данных к исторической топографии Самарканда в связи с проведением узкоколейной городской железной дороги в 1923 г., «Изв. Средазкомстариса», вып. 1, Ташкент, 1926.
- Массон М. Е. Обсерватория Улугбека, Ташкент, 1941.
- Массон М. Е. О постройке мавзолея Ходжа Ахмеда в городе Туркестане, Изв. Среднеазиатского географического о-ва, т. XIX, Ташкент, 1929.
- Массон М. Е. Проблемы изучения цистерн-сардоба, Материалы Узкомстариса, вып. 8, Ташкент, 1935.
- Массон М. Е. Работы ТАКЭ 1937—1938 гг. в кн. Термезская археологическая комплексная экспедиция, т. 2, Труды АН УзССР, сер. 1, вып. 2, Ташкент, 1945.
- Массон М. Е. Результаты поездки в долину Таласа для выяснения истории горной промышленности. САГРУ, Бюлл. № 2, Ташкент, 1930.
- Массон М. Е. Разрыв берегов Аму-дарьи и археологические памятники правобережного Хорезма, СОНАТ, Ташкент, 5, 1936.
- Массон М. Е. Регистан и его медресе, Культурно-исторические экскурсии по Самарканду, вып. III, Средазкомстарис, Ташкент, 1926, то же, изд. 2, Самарканд, 1929.
- Массон М. Е. Соборная мечеть Тимура, известная под именем мечети Биби-ханым, Культурно-исторические экскурсии по Самарканду, вып. 1, Средазкомстарис, Ташкент, 1926, изд. 2, Узкомстариса, Самарканд, 1929.
- Массон М. Е. Схематическая карта Средней Азии второй половины XV в., Комитет Навои, Ташкент, 1941.
- Массон М. Е. Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ), Труды УзФАН, Ташкент, 1940.
- Массон М. Е. Шахрисабз при Тимуре и Улугбеке, в кн. «Сборн. авторефератов неопубликованных работ САГУ за 1939—1944», Бюлл. САГУ, вып. 23, Ташкент, 1945.
- Массон М. Е. Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина, КС ИИМК, IV, 1940.
- Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана, вып. 1, б. м (М.—Т.), 1950.
- Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), вып. 1, под ред. М. Е. Массона, Ашхабад, 1949.
- Мацулевич Л. А. Аланская проблема и этногенез Средней Азии, СЭ, т. VI—VII, 1917.
- Мелиоранский П. М. Документ уйгурского письма султана Омар Шейха, ЗВО, т. XIV, стр. 01—012.
- Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-тегина, ЗВО, т. XII, СПб, 1899, стр. 1—44.
- Мечети Самарканда, вып. 1, Гур-эмир, 1905.
- Минаев И. П. Сведения о странах по верховьям Аму-дарьи, СПб., 1879.
- Мир-Али-Шир. Сборн. к пятидесятилетию со дня рождения, АН СССР, Л., 1928.
- Ал-Музаффари. Сборн. статей учеников В. Р. Розена, СПб., 1897.
- Мушкетов Д. И. Геологический очерк Туркестана, Л., 1928.
- Мушкетов И. В. Туркестан, т. 1, СПб., 1886, изд. 2, знач. доп. Пг., 1915.
- Набиев Р. Н., Археологические наблюдения на стройке второй очереди Ташкентского канала, Известия УзФАН СССР, № 1, Ташкент, 1940.
- Набиев Р. Н. Из истории политико-экономической жизни Мавераннахра в XV в., Сборн. «Великий узбекск. поэт», Ташкент, 1948.
- Набиев Р. Н. XIV асрда Урта Азияда Сарбардарлар Кузолони, Ташкент, 1942.
- Набиев Р. Н. VIII асрда Урта Азияда дехконлар Кузолони, Ташкент, 1942.

- Набиев Р. Н. Узбекистан Халқларининг чет эл босқинчиларига қарши Курашилари, Ташкент, 1942.
- Оболдуева Т. Г. Археологические наблюдения на Северном Ферганском канале, Изв. УзФАН, № 10, 1940.
- Окладников А. П. Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии, СА, VI, М.—Л., 1940.
- Окладников А. П. Следы каменного века в районе Термеза, Труды АН УзССР, сер. 1, ТАКЭ, т. II, Ташкент, 1945.
- Окладников А. П. Амир-Темир, новый памятник каменного века в горах Байсуи-тау, (Узбекистан), КС ИИМК, VI, М.—Л., 1940.
- Окладников А. П. Находка неандертальца в Узбекистане, ВДИ, № 1, 1939.
- Орбели И. А. Мусульманские изразцы, Гос. Эрмитаж, Пг., 1923.
- Орбели И. А. Мусульманское искусство, статья в Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, т. XXVII.
- Орбели И. А. Проблема сельджукидского искусства, в кн. Третий международный конгресс по иранскому искусству и археологии, М.—Л., 1939.
- Орбели И. А. и Тревер К. В. Сасанидский металл, М.—Л., 1935.
- Орбели И. А. (под ред.), Синхронистические таблицы для перевода исторических дат по хиджре на европейское летоисчисление, Л., 1940.
- Остроумов Н. Уложение Тимура, Казань, 1894.
- Ошанин Л. В. Материалы по антропологии Средней Азии, Бюлл. САГУ, Ташкент, 1927.
- Памирская экспедиция 1928 г. Труды экспедиции АН СССР, вып. I—IV, Л., 1929 — 1930.
- Первышев И. Вакуфный документ XV в., СОНАТ, 12, Ташкент 1934.
- Петрушевский И. П. Из истории Бухары в XIII в., Учсн. зап. ЛГУ, сер. востоковедческих наук, вып. 1, Л., 1949.
- Петрушевский И. П., К вопросу о прикреплении крестьян к земле в Иране в эпоху монгольского владычества, Вопросы истории, 1947, № 4.
- Петрушевский И. П. К истории внутреннего строя города в Средней Азии и Иране в эпоху монгольского владычества (XIII—XIV вв.), Бюлл. АН УзССР, 1945, № 11—12.
- Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв., изд. ЛГУ, Л., 1949.
- Петрушевский И. П. Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории восточного Закавказья, Изв. ООИ АН СССР, № 4, 1937.
- Петрушевский И. П. К истории института сойургала, СВ, т. VI, М.—Л., 1949.
- Пигулевская Н. В. Анонимная сирийская хроника о времени сасанидов, ЗИВ, т. 7, М.—Л., 1939.
- Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв., Византийский временник, т. 7 (XXVI).
- Пигулевская Н. В. Месопотамия на рубеже V—VI вв., Труды Института востоковедения, т. XXXI, М.—Л., 1940.
- Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР, М.—Л., 1941.
- Писарчик А. К. Памятники Кермине, (Бухарская обл., Итоги архитектурной разведки 1940 г.), Сообщения Института истории и теории архитектуры, вып. 4, 1944.
- Поляков А. С. Китайские рукописи, найденные в 1933 г. в Таджикистане, Согдийский сборн., Л., 1934.
- Пономарев А. И. Поправки к чтению «Надписи Тимура» СВ, III, М.—Л., 1945.
- Пославский И. Т. Сообщение о местности Саймалы-таш, Прот. ТКЛА, год 8, Ташкент, 1903.
- Потапов Л. А. Рельефы древней Согдианы как исторический источник, ВДИ, № 2, 1938, По Таджикистану, сборн., Ташкент, 1927.
- Птицын Г. В. К вопросу о географии Шах-намэ, ТОВЭ, т. IV, Л., 1947.
- Пугаченкова Е. А. Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана, ТАКЭ, т. II, Ташкент, 1945.
- Радлов В. В. Предварительный отчет о результатах снаряжения Академией Наук экспедиции для археол. исследования бассейна реки Орхона, СПб., 1892.
- Ранович А. Эллинизм и его социально-экономические основы, «Вопросы истории», № 2, 1945.
- Родоначальник узбекской литературы, сборн., Ташкент, 1940.
- Резников И. Александр Македонский, Москва, 1940.
- Розенберг Ф. А. О согдийцах, ЗКВ, т. 1, 1925.
- Розенберг Ф. А. Согдийские «старые письма». К ранней истории согдийских колоний Центральной Азии, Изв. ООИ АН СССР, сер. VII, № 5, 1932.
- Савенков И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее, Труды XIV археологического съезда в Чернигове, т. 1, М., 1910.

- Савицкий Г. И. Известия античных писателей о Средней Азии, II. Древняя Бактрия, Труды Самаркандского государственного ун-та, т. II, вып. 4, Самарканд, 1941.
- Салье М. А. Великий хорезмийский ученый Абу-Р-Рейхан-аль-Бируни (973—1048). Звезда Востока, № 6, 1950.
- Семенов А. А. Ал-Бируни, величайший ученый средневекового Востока и Запада, Литература и искусство Узбекистана, 1938, кн. 1, стр. 106—116.
- Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывшего бухарского ханства, Труды САГУ, сер. II, вып. 1, Ташкент, 1929.
- Семенов А. А. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре, СВ, т. V, М.—Л., 1948.
- Семенов А. А. Гератская художественная рукопись эпохи Навои и ее творец, в кн. «Алишер Навои», сборн., М.—Л., 1946.
- Семенов А. А. Два новых исторических документа эпохи Дария Гистаспа, Бюлл. САГУ, № XVII, Ташкент, 1938.
- Семенов А. А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана, Ин-т востоковедения, Рабочая хроника, II, Ташкент, 1944.
- Семенов А. А. Материалы к библиографическому указателю печатных произведений Алишера Навои и литературы о нем, Ташкент, 1940.
- Семенов А. А. Мечеть Ходжи-Ахмеда Есевийского в Туркестане, Известия Средазкомстариса, т. I, Ташкент, 1926.
- Семенов А. А. Надпись на надгробии псевдо Сейид Омара в Гур-и эмире в Самарканде, Эпиграфика Востока, М.—Л., 1947.
- Семенов А. А. Некоторые особенности материальной культуры прошлых эпох Средней Азии, Изв. Средазкомстариса, вып. 3, Ташкент, 1928.
- Семенов А. А. Описание персидских, арабских и турецких рукописей фундаментальной библиотеки Среднеазиатского государственного университета, Труды САГУ, серия II, «Литература» вып. 4, Ташкент, 1935.
- Семенов А. А. Описание рукописей произведений Навои, хранящихся в Гос. публичной библиотеке УзССР, Ташкент, 1940.
- Семенов А. А. Персидская новелла о Мир-Али-Шире «Навои», Бюлл. САГУ, № 13, Ташкент, 1926.
- Семенов А. А. По закаспийским развалинам, Изв. Средазкомстариса, т. III, Ташкент, 1928.
- Семенов А. А. Портреты эпохи Навои, Ташкент, 1940.
- Семенов А. А. Рукопись «Бустан» шейха Са'ди, работы гератского мастера начала XVI в., Султан Мохаммед Хамдана, Приложение к протоколам VII засед. ОИФ РАН от 15/IV 1925.
- Семенов А. А. Указатель персидской литературы по истории узбеков в Средней Азии, Труды библиограф. комиссии, бывш. при СНК ТССР, Ташкент, 1926.
- Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза, М., 1903.
- Сессия по этногенезису Средней Азии, СЭ, № VI—VII, 1947, стр. 301—325.
- Смирнов Е. Т. Древности в окрестностях Ташкента, Протоколы ТКЛА, год 1-й, Ташкент, 1895—96.
- Смирнова О. И. Новые данные по истории Согда, VIII в., ВДИ, № 4(9), 1939.
- Смирнова О. И. О трех согдийских монетах, ВДИ, № 1(6), М., 1939.
- Смирнова О. И. К хронологии Согда VII—VIII вв. н. э., Бюлл. АН УзССР, № 6, 1945.
- Смирнова О. И. Согдийские монеты как новый источник для истории Средней Азии, СВ, VI, М.—Л., 1949.
- Снесгирев А. Е. Восточная Бухара, СПб., 1906.
- Согдийский сборник, сборн. статей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР, изд. АН СССР, Л., 1934.
- Соседко А. Ф. Находка неолита в центральных Кара-кумах в Средней Азии, Природа, № 11, 1931.
- Страмцова Г. С. Формы и детали феодальной архитектуры Узбекистана, в сборн. «Элементы архитектуры Узбекистана», Труды Ср.-аз. индустриального института, строит. фак., вып. 4, Ташкент, 1939.
- Стрелков А. С. Большой семиреченский алтарь, сборн. в честь акад. С. Ф. Ольденбурга, Л., 1934.
- Строева Л. В. Сербедары Самарканда, Уч. зап. ЛГУ, сер. востоковедч. наук вып. 1, Л., 1947.
- Струве В. В. Аренда податей в государстве Ахеменидов, Труды III международного конгресса по иранскому искусству и археологии, М.—Л., 1939.
- Струве В. В. Восстание в Маргиане при Дарии I, в кн. Материалы ЮТАКЭ, вып. I, Ашхабад, 1949.
- Струве В. В. История древнего Востока, М.—Л., 1941.

- Струве В. В. Надпись Ксеркса о «дэвах» и религии персов, ИАН, серия ист. и философ., № 3, т. I, М., 1944.
- Струве В. В. Поход Дария I на саков-массагетов, ИАН, серия ист. и философ., т. III, № 3, 1946.
- Струве В. В. Родина зороастризма, СВ, т. V, М. — Л., 1948.
- Струве В. В. С. П. Толстов, Древний Хорезм, Опыт историко-археологического исследования, (рецензия), ВДИ, 4, 1949.
- Сухарев И. А. Два блюда XV в. из Самарканда, Материалы по археологии Узбекистана, т. 1, изд. АН УзССР, Ташкент, 1948.
- Сухарев И. А. Дворец-сад Тимура Давлят-Абад, Труды УзГУ, новая серия, II, история, вып. 2, 1940.
- Сухарев И. А. Комната XII века на площади в приамударьинской части Термеза, в кн. Термезская археологическая комплексная экспедиция, Труды УзФАН, сер. I, вып. 2, Ташкент, 1940.
- Сухарев И. А. Мусульманское захоронение первых веков хиджры в Бухаре (IX—X в.), Изв. УзФАН СССР, № 12, Ташкент, 1940.
- Сухарев И. А. Ранняя поливная керамика Самарканда, Труды УзГУ, новая серия, II, вып. 2, Самарканд, 1940.
- Тереножкин А. И. Археологическая разведка на городище Афрасиаб в 1945 г., КС ИИМК, XVII, М. — Л., 1947.
- Тереножкин А. И. Археологическая рекогносцировка в западной части Узбекистана, ВДИ, № 2 (20), М. — Л., 1947.
- Тереножкин А. И. Археологические разведки в Хорезме, СА, т. VI, М. — Л., 1940.
- Тереножкин А. И. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда, ВДИ, № 4 (22), М. — Л., 1947.
- Тереножкин А. И. О древнем гончарстве в Хорезме, Изв. УзФАН СССР, № 6, Ташкент, 1940.
- Тереножкин А. И. Жилые постройки XI—XII вв. н. э. в Кара-Калпакской АССР, Изв. УзФАН, № 7, 1940.
- Тереножкин А. И. К истории искусства Хорезма, Рельеф «сасанидского» блюда и архитектурные памятники Хорезма, «Искусство», № 9, 1939.
- Тереножкин А. И. К историко-археологическому изучению Казахстана и Киргизии, ВДИ, № 4, М. — Л., 1938.
- Тереножкин А. И. Литература по археологии в Узбекистане, ВДИ, № 1, 1939.
- Тереножкин А. И. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале (предварительные данные), Изв. УзФАН, № 9, 1940.
- Тереножкин А. И. Раскопки холма Ак-тепе близ Ташкента в 1940 г., Изв. УзФАН, № 3, 1941.
- Тереножкин А. И. Рецензия на «Усуньские могильники» Воеводского и Грязнова, Изв. УзФАН, № 2, 1941.
- Тереножкин А. И. Холм Ак-тепе близ Ташкента, раскопки 1940 г. Материалы по археологии Узбекистана, т. I, изд. АН УзССР, Ташкент, 1948.
- Тереножкин А. И. Рецензия на «Отчет о работах Янгиюльской экспедиции 1937 г.» (Г. В. Григорьев), Изв. УзФАН, № 8, 1940.
- Термезская Археологическая комплексная экспедиция 1936 г., т. 1 и 2, Труды, АН УзССР, история, археология, Ташкент, 1941—1945.
- Ташик-Таш, Палеолитический человек, изд. МГУ, М., 1949.
- Тизенгаузен В. Г. Монеты восточного халифата, СПб., 1873.
- Толстов С. П. и Шишкин В. А. Археология, в кн. «25 лет советской науки в Узбекистане», Ташкент, 1942.
- Толстов С. П. Аральский узел этногонического процесса (тезисы доклада), сб. СА, VI—VII, М. — Л., 1947.
- Толстов С. П. Бируни и его время, Вестник АН СССР, № 4, 1949.
- Толстов С. П. Города гузов, СЭ, № 3, 1947.
- Толстов С. П. Древний Хорезм, КС ИИМК, XIII, М. — Л., 1946.
- Толстов С. П. Древний Хорезм, Опыт историко-археологического исследования, М., 1948.
- Толстов С. П. Древняя культура Узбекистана, ИЯЛИ УзФАН, Биб-чка бойца, Ташкент, 1943.
- Толстов С. П. Завоевания Александра Македонского в Средней Азии, История СССР, т. 1, ч. 2, гл. 3, М., 1939.
- Толстов С. П. К вопросу о датировке культуры Каунчи, ВДИ, № 1, 1946.
- Толстов С. П. К вопросу о монетах Герая, ВДИ, № 2, 1939.
- Толстов С. П. К истории древнетюркской социальной терминологии, ВДИ, № 1, 1938.
- Толстов С. П. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит, ВДИ, № 4 (5), 1938.

- Толстов С. П. Новогодний праздник «Каландас» у хорезмийских христиан нач. XI в. (в связи с историей хорезмийско-хазарских отношений, из историко-этнографических комментариев к ал-Бируни), СЭ, № 2, 1946.
- Толстов С. П. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма, ВДИ, № 1 (15), Л.—М., 1946.
- Толстов С. П. Основные вопросы древней истории Средней Азии, ВДИ, № 1, М.—Л., 1938.
- Толстов С. П. Основные итоги и очередные задачи изучения истории и археологии Кара-Калпакии и каракалпаков, Бюлл. АН УзССР, № 9—10, 1946.
- Толстов С. П. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии (тезисы доклада) СЭ, VI—VIII, М.—Л., 1947.
- Толстов С. П. Подъем и крушение империи эллинистического Дальнего Востока, ВДИ, № 3—4, 1940.
- Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации, изд. АН СССР, М.—Л., 1948.
- Толстов С. П. Тирания Аброя, Исторические записки, № 3, 1938.
- Толстов С. П. Топрак-кала (к истории позднеантичного города), ИАН, сер. ист. и филос., № 4, 1944.
- Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция, ИАН, сер. ист. и филос., № 2, М., 1947.
- Толстов С. П. Хорезмийская генеалогия Самуила Абы (еще раз к вопросу о хазарах и хорезмийцах), СЭ, № 1, 1947.
- Толстов С. П. Хорезмская экспедиция, КС ИИМК, XXI, М.—Л., 1947.
- Тревер К. В. Александр Македонский в Согде, «Вопросы истории», № 5, 1947.
- Тревер К. В. Гопатшах—пастух-дарь, ТОВЭ, т. II, 1940.
- Тревер К. В. Древнеиранский термин „Рагна“ (К вопросу о социально-возрастных группах), ИАН, сер. ист. и филос., т. IV, № 1, 1947.
- Тревер К. В. Находки из раскопок в Монголии 1924—1925 гг., Сообщения ГАИМК, № 9/10, 1931.
- Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940.
- Тревер К. В. Проблема греко-бактрийского искусства, в кн. «Третий международный конгресс по иранскому искусству и археологии», М.—Л., 1939.
- Тревер К. В. Сасанидский Иран в Шах-намэ, сборн. «Фердовси», М.—Л., 1934.
- Тревер К. В. Сэнмурв и Паскудж, Собака-птица. Юбил. сборн. в честь Марра, ГАИМК, М.—Л., 1933.
- Тревер К. В. Этнический состав населения Средней Азии в VI—V вв. до н. э., К вопросу о расселении народов Средней Азии в VI—V вв. до н. э., (тезисы доклада), т. VI—VII, 1947.
- Третий международный конгресс по иранскому искусству и археологии, 1935 г., М.—Л., 1939.
- Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), т. I, Ашхабад, 1949.
- Тураев Б. А. История древнего Востока, т. II, М.—Л., 1934.
- Умняков И. И. Бартольд В. В. По поводу 30-летия профессорской деятельности. Ташкент, 1926.
- Умняков И. И. К вопросу об исторической топографии средневековой Бухары, Сборн. Ал-Искандерия, Ташкент, 1923.
- Умняков И. И. Тохарская проблема, ВДИ, № 3—4, 1940.
- Умняков И. И. Тохары и тохарский вопрос, Труды УзГУ, сер. ист. и философ. вып. 1, Самарканд, 1946.
- Федченко А. П. Топографический очерк Зерафшанской долины и заметки о соседних бекствах и памятниках Самарканда, М., 1870.
- Фердовси (934—1934). Сборн. Ин-та востоковедения АН СССР и Гос. Эрмитажа, Л., 1934.
- Фрейман А. А. Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане, Согдийский сборн., Л., 1936.
- Фрейман А. А. Древнейшая согдийская надпись, ВДИ, № 3, М., 1939.
- Фрейман А. А. К имени согдийского ихшида Гурека, ВДИ, № 3, М.—Л., 1938.
- Фрейман А. А. Новая работа по согдийскому календарю (рецензия на работу W. B. Henning Zum Soghdischen Kalender (Orientalia vol. VIII, Nova series Roma, 1939, ВДИ, № 4 (9), 1939.
- Фрейман А. А. Согдийский рукописный документ астрологического содержания (календарь), ВДИ, № 2/3, М., 1938.
- Фрейман А. А. Согдийский рукописный документ на коже из собрания документов с горы Муг, ВДИ, № 1 (10), М., 1940.
- Фрейман А. А. Хорезмийский язык. ЗИВ, т. VII, М.—Л., 1939.
- Художественная культура Советского Востока, сборн. статей, „Academia“ М.—Л., 1931.

- Чепелев В. Об античной стадии в истории искусства народов СССР, М., 1941.
- Шелковников Б. А. Средневековая художественная керамика Ближнего и Дальнего Востока, Изв. Арм. фил. АН СССР, № 6, Ереван, 1942.
- Шепелев А. Очерк военных и дипломатических сношений России с Средней Азией до начала XIX столетия. В кн. «Средняя Азия», альманах, Ташкент, 1895.
- Шишкин В. А. Археологические наблюдения на строительстве Каттакурганского водохранилища, Изв. УзФАН, № 10, 1940.
- Шишкин В. А. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса, Ташкент, 1940.
- Шишкин В. А. Архитектурная декорация дворца в Варахше, ТОВЭ, т. IV, Л., 1947.
- Шишкин В. А. Архитектурные памятники Бухары, Ташкент, 1936.
- Шишкин В. А. Города Узбекистана (Самарканд, Бухара, Ташкент), Ташкент, 1943, Рецензия: Лунин Б, Истор. журн., кн. 9, 1944.
- Шишкин В. А. Гур-эмир, Бюлл. АН УзССР, № 2, 1946.
- Шишкин В. А. Из археологических работ на Афрасиабе, раскопки Вяткина в 1925 г., Изв. УзФАН, № 12, 1940.
- Шишкин В. А. Из наблюдений на новостройках Бухары, Изв. УзФАН СССР, № 7, 1940.
- Шишкин В. А. Изучение истории материальной культуры народов Узбекистана, Бюлл. АН УзССР, № 11—12, 1945.
- Шишкин В. А. Исследование городища Варахша и его окрестностей, КС ИИМК, АН СССР, № 10, М.—Л., 1941, им. отд. отт.
- Шишкин В. А. К исторической топографии Старого Термеза, в кн. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г., Труды УзФАН, сер. 1, вып. 2, Ташкент, 1940.
- Шишкин В. А. «Курган» и мечеть Чор-сутун в развалинах Старого Термеза, в кн. Термезская археологическая экспедиция, т. II, Труды АН УзССР, Ташкент, 1945.
- Шишкин В. А. Медресе Улугбека в Гиждуване, Материалы Узкомстариса, вып. 2—3, Ташкент, 1933.
- Шишкин В. А. Мечеть Магоки Аттари в Бухаре, Материалы по археологии Узбекистана, т. I, изд. АН УзССР, Ташкент, 1948.
- Шишкин В. А. Новые данные по искусству Согдианы, Резная стукковая декорация из развалин Варахша, «Искусство», № 5, 1938.
- Шишкин В. А. Предварительное сообщение об археологической рекогносцировке в Бухарскую область, Бюлл. АН УзССР, № 7, 1945.
- Юсупов Усман. Отчетный доклад о работе ЦК КП(б)Уз на X съезде КП(б)Уз 1—III 1949 г. «Правда Востока» № 042(7685) от 2—III, 1949.
- Юсупов Усман. Работу АН на уровень новых задач, в кн. «Научная сессия АН УзССР 3—4 мая 1947 г.», Ташкент, 1947, стр. 9—32.
- Явич М. М. Замечания о неисследованном среднеазиатском алфавите, Труды Отд. Востока Эрмитажа, т. IV, 1947.
- Якубовский А. Ю. Археологическая экспедиция в Зерафшанскую долину в 1934 г. Труды Отд. Востока Эрмитажа, т. II 1940.
- Якубовский А. Ю., Б. Г. Гафуров., История таджикского народа в кратком изложении, т. I. М., 1949 (рецензия), Вопросы истории, 7, 1950.
- Якубовский А. Ю. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.) КС ИИМК, М.—Л., 1949.
- Якубовский А. Ю. Восстание Муканны (движение людей в белых одеждах), СВ, V, 1948.
- Якубовский А. Ю. Восстание Тараби в 1438 г. Труды ИВ АН СССР, т. XVII, 1936.
- Якубовский А. Ю. Время Авиценны, Изв. ОИФ АН СССР, № 3, 1938.
- Якубовский А. Ю. ГАИМК—ИИМК и археологическое изучение Средней Азии за 20 лет, КС ИИМК, т. VI, М.—Л., 1940.
- Якубовский А. Ю. Городище Миздахкан, Записки Коллегии востоковедов, т. V, Л., 1930.
- Якубовский А. Ю. Зерафшанская экспедиция 1934 г. (из дневника начальника экспедиции), ТОВЭ, II, 1940.
- Якубовский А. Ю. Из истории падения Золотой орды, Вопросы истории, № 3, 1947.
- Якубовский А. Ю., И. П. Петрушевский., Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—нач. XIX в., Л., 1949 (рецензия), Вопросы истории, 4, 1950.
- Якубовский А. Ю. Ирак на грани VIII—IX в. (черты общественного строя аббасидского халифата), Труды первой сессии арабистов, изд. АН СССР, 1937.
- Якубовский А. Ю. Из истории археологического изучения Самарканда, ТОВЭ, т. II, 1940.
- Якубовский А. Ю. История Средней Азии в VII—X вв. (в I томе Истории СССР), макет, изд. ИИМК, Л., 1939.
- Якубовский А. Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая, Берке, ИГАИМК, т. VIII, вып. 2—3, Л., 1931.

- Якубовский А. Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа, Ташкент, 1941.
- Якубовский А. Ю. Краткий полевой отчет о работах Зерафшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г., ТОВЭ, т. II, 1940.
- Якубовский А. Ю. Культура и искусство Востока в памятниках Эрмитажа, изд. Гос-эрмитажа, Л., 1937.
- Якубовский А. Ю. Мастера Ирана в Средней Азии при Тимуре, Труды III международного конгресса по иранскому искусству и археологии 1935 г., М.—Л., 1939.
- Якубовский А. Ю. Махмуд Газневи, К вопросу о происхождении и характере газневидского государства, сборн. «Фердовси» АН СССР и Госуд. эрмитаж, 1934.
- Якубовский А. Ю. Новый труд по истории Средней Азии, Культура и жизнь, 30-XI 1948.
- Якубовский А. Ю. Об исполных арендах в Ираке в VIII в., СВ., IV, М.—Л., 1947.
- Якубовский А. Ю. Об одном раннесаманидском фельсе, Из ранней истории саманидского дома, КС ИИМК, № 12, М.—Л., 1946.
- Якубовский А. Ю. Образы старого Самарканда (время Тимура), журн. «Восток», вып. 5, 1925.
- Якубовский А. Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях, Изв. ОИФ АН СССР, № 5, 1946.
- Якубовский А. Ю. Павел Петрович Иванов как историк Средней Азии, СВ, V., М.—Л., 1948.
- Якубовский А. Ю. Проблема социальной истории Востока в трудах академика В. В. Бартольда, Вестник ЛГУ, № 12, 1947.
- Якубовский А. Ю. Развалины Сыгнака (Сугнака), Сообщение ГАИМК, т. II, 1929.
- Якубовский А. Ю. Развалины Ургенча ИГАИМК, т. VI, вып. 2, Л., 1930.
- Якубовский А. Ю. Самарканд при Тимуре и тимуридах в XIV—XV вв., Л., 1933.
- Якубовский А. Ю. Сельджукское движение и туркмены, Изв. ОИФ АН СССР.
- Якубовский А. Ю. Согдийская экспедиция, КС ИИМК, вып. XXI, 1947.
- Якубовский А. Ю. Среднеазиатские собрания Эрмитажа и их значение для изучения истории культуры и искусства Средней Азии до XVI в., Труды Отд. Востока Эрмитажа, т. II, 1940.
- Якубовский А. Ю. Тимур, Опыт краткой политической характеристики, Вопросы истории, № 8—9, 1946.
- Якубовский А. Ю. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой, Труды МАИ, Материалы по истории народов СССР, вып. 3, 1932.
- Якубовский А. Ю. Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои, сборн. «Алишер Навои», М.—Л., 1946.
- Этногенез народов Средней Азии, Тезисы докладов, прочитанных на сессии, посвященной вопросу об этногенезе народов Средней Азии (Ташкент, 1943 г.), Советская этнография, т. VI—VII, 1947.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

- Barthold W. Turkestan down to the Mongol Invasion. Translated from the original Russian and revised by the author with the assistance of H. A. R. Gibb, M. A. (GUS, № 3) 2 d. ed., London, 1928.
- Barthold W. 12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens. Nach Welt des Islams, 1932, 1933, 1934, deutsche Bearbeitung von Th. Menzel.
- Beal Thomas William. An oriental Biographical dictionary by. A new edition revised and enlarged by Henry George Keene, London, 1894.
- Browne E. G. A Literary History of Persia. I. From the earliest Times until Firdawsī II, From Firdawsī to Sa'dī, London, 191—920.
- Browne E. G. A History of Persian Literature under Tatar Dominion (A. D. 165—502 Cambridge. 1920.
- Chavannes E. Documents sur les Fou Kiue (Turcs) Occidentaux, Сборн. „Труды Орхонской экспедиции“, VI. СПб., 1903.
- Darmesteter J. Les origines de la poesie persane, Paris, 1837 (BOE LIII).
- Deguignes M. Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres tartares occidentaux, tomes 1—4, Paris, 756—1758 (vols 5).
- Dietz E. Die Kunst der islamischen Völker, Berlin, 1910.

- Encyclopaedie** des Islams. Bd. I—IV, Leiden-Leipzgt, 1913--1930.
- The Encyclopaedia** of Islam, vv. I—IV Leiden-London, 1915—1938.
- Field H. and Probst E.** Archeological Investigations in Central Asia 1917—1937, *Ars Islamica*, v. V, pt. 1, 1938.
- Geiger.** Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882.
- Gibb.** The Arab Conquests in Central Asia, London, 1923.
- Herzfeld E.** Iran in the Ancient East, London - New-York, 1941.
- Hrdlicka A.** Important paleolithic find in Central Asia, „Science“, 1939, vol. 90, 2335.
- Justi F.** Iranisches Namenbuch, Marburg, 1895.
- Justi F.** Geschichte der orientalischen Völker im Alterthum, Berlin, 1884.
- Lerch P.** Khiva oder Khorezm, Seine historischen und geographischen Verhältnisse. St.-n., 1873.
- Marquart J.** Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, Leipzig, 1903.
- Marquart J.** Eranische nach der Geographie des Pseudo Moses Xorenac'i. Mit historisch-kritischen Kommentar und historischen und topographischen Excursen, Abhandlungen der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, philologisch-historische Klasse, Neue Folge, Bd. III, No. 2, Berlin 1901.
- Martin E. R.** The Miniature Painting and Painters of Persia, India and Turkey. London 1912.
- Morley W. H.** A Descriptive Catalogue of the Historical Manuscripts in the Arabic and Persian Languages, preserved in the Library of the R. A. Soc. of Great Britain and Ireland. London, 1854.
- Noeldeke, Th.** Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden, Aus der Arabischen Chronik des Tabari übersetzt, von Th. Noeldeke, Leiden, 1879.
- D'Osson, le baron C.** Histoire des Mongols depuis Tchingulz Khan jusqu'à Timour bey ou Tamerlan 1—IV, La Haye et Amsterdam, 1934—1935.
- Pumpelly R.** Explorations in Turkistan, Expedition of 1904, Prehistoric civilisations of Anau, 2 vols, Washington, 1908.
- Pumpelly R.** Explorations in Turkestan with an Account of the basin of Eastern Persia and Sistan, Expedition of 1903, Washington, 1905.
- Reichelt Hans.** Die sogdischen Handschriftenreste des Britischen Museums, Die nichtbuddhistischen Texte, Heidelberg, 1931.
- Sykes, sir Persy.** History of Persia, London, 1921.
- Spiegel** Eranische Altertumskunde B. I—III, Leipzig, 1878.
- Tallgren A. M.** La pontide préscythique après l'introduction des métaux, ESA II, Helsinki, 1926.
- Tomaschek W.** Centralasiatische Studien, I Sogdiana (Sitzungsber. der phil.—hist. Classe der Kais.-Kön. Akad. der Wissensch. LXXXVIII), Wien, 1877.
- Treuer C.** Terracottes from Afrasiab, by Camilla Treuer, Leningrad, 1933.
- Vambery H.** Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnogeographischen Beziehungen, Leipzig, 1835.
- Voyevodsky M. A.** A Summary Report of a Khwarizm Expedition, Bull. American Instit. for Iranian Art and Archeology, V, No. 3, 1938.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От Института истории и археологии АН УзССР	5
Предисловие	7
Часть I. Первобытно-общинный строй	15
Глава I. Первобытно-общинный строй	17
Часть II. Переход от первобытно-общинного строя к рабовладельческому (VI—IV вв. до н. э.)	39
Глава I. Согд, Хорезм, Бактрия, Чач и Паркан (Фергана) в архаический период (VI—IV вв. до н. э.)	41
Глава II. Борьба Согда за свою независимость. Походы Александра Македонского (329—327 гг. до н. э.)	63
Часть III. Ранне-рабовладельческое общество (III—I вв. до н. э.)	83
Глава I. Согд и Бактрия при селевкидах	85
Глава II. Греко-бактрийское царство	90
Глава III. Низвержение греко-македонского владычества	101
Глава IV. Кангха, Паркан и Тохаристан (II—I вв. до н. э.)	104
Часть IV. Развитое рабовладельческое общество (I—IV вв.)	115
Глава I. Кушанское царство (I—IV вв.)	117
Глава II. Эфталитское государство (V—VI вв.)	125
Часть V. Переход от рабовладельческого к феодальному строю (IV—X вв.)	137
Глава I. Народы Средней Азии при Тюркском каганате (VI—VII вв.)	139
Глава II. Завоевание арабами Средней Азии	153
Глава III. Мавераннахр в борьбе против власти арабов в III—IX вв.	174
Глава IV. Дофеодальный город в Мавераннахре в VII—VIII вв.	204
Глава V. Мавераннахр при тахиридах и саманидах в IX—X вв.	217
Часть VI. Ранне-феодальное общество в Мавераннахре XI—XII вв.	267
Глава I. Мавераннахр при караханидах в XI—XII вв.	269
Глава II. Феодальный распад и возвышение Хорезма в XII и начале XIII вв.	297
Глава III. Мавераннахр и Хорезм под монгольским игом в XIII в.	303
Глава IV. Мавераннахр во второй половине XIII в. и в первой половине XIV в.	323
Часть VII. Рост и развитие феодализма в Мавераннахре (в XIV—XV вв.)	343
Глава I. Тимур и его время	345
Глава II. Мавераннахр и Хорасан в эпоху тимуридов (XV в.)	69
Указатели	409

Редактор Издательства Е. И. Новикова
Переплет, титул и заставки художник А. К. Ошейко
Технический редактор П. П. Суханов.

* *

*

РФ 90. Подписано к печати 15 XII-49 г.
Уч. издат. л. 46,2. Бумага $70 \times 108 \frac{1}{8}$ мм = 14,8 сум.
41 печат. л. Издательский № 759/48
Цена в переплете 35 руб.

* *

*

Ташкент, 1950 г. Типография Издательства АН УзССР
Заказ 461.

* *

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
8	11 снизу	на языке	на языках
19	2 "	древнейшей исторической периодизации	периодизации древнейшей истории
67	14—15 сверху	патриархально-рабовладельческого строя	раннерабовладельческого строя.
91	6 сверху	(II в. н. э.)	(II в. до н. э.)
112	25—26 снизу	патриархально-рабовладельческого строя.	рабовладельческого строя.
113	5—6 сверху	патриархально-рабовладельческого общества	рабовладельческого строя
130	8 сверху	патриархально-рабовладельческий строй	рабовладельческий строй
134	25 "	500 350 м.	500×350 м.
253	25 "	не имел бы представления	не имел бы правильного представления
280	8 "	Шахтер	Шатер
301	19—20 "	государственно-феодалное объединение	феодално-государственное объединение
308	1 снизу	очевидно	очевидец
327	23 сверху	монгольских завоеваний	монгольского завоевания
351	1—2 снизу	—	сноску ¹ перенести на стр. 352
412	21 сверху	(Кадфис I)	(Кадфис II)
413	7 сверху	734 г.	734—737 гг.
.	20 сверху	746—747 гг. Пребывание	746/747 г. Появление
.	26 сверху	Правление Абу-Муслима	748—755 гг. Правление Абу-Муслима
.	34 сверху	754—755 гг.	754—775 гг.
.	22 снизу	757—758 гг. Казань	757/758 г. Казнь
414	6 сверху	819—820—841—842	819/820—841/842 гг.
415	8 "	819—820—855—856	819/820—855/856 гг.
414	11 "	819—820—864—865	819/820—864/865 гг.
415	15 снизу	1169—1170—1171—1172 гг.	1169/1170—1171/1172 гг.
424	17 "	Плутарх (I—II вв. до н. э.)	Плутарх (I—II вв. н. э.)
426	10 снизу	Чингизиды, династия (1206—1634) 328, 333,	Чингиз-хан (Темучин) 304—309, 311—320,
427	14 снизу	Юстин II (365—374)	Юстин II (565—574)
451	15 сверху	Сталин И. Относительно марксизма в языкознании „Правда“, 20 -VII;	Сталин И. Относительно марксизма в языкознании, „Правда“, 20—VII 1950 г.;

ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
83	2 сверху	Формирование рабовладель- ческого общества	Раннерабовладельческое общество
87, 89, 91, 93, 95, 97, 99, 103, 105, 107, 109, 111, 113	1 сверху	Формирование рабовладель- ческого общества	Раннерабовладельческое общество

История народов Узбекистана, т. I